

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани
Национальный центр археологических исследований им. А.Х.Халикова

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

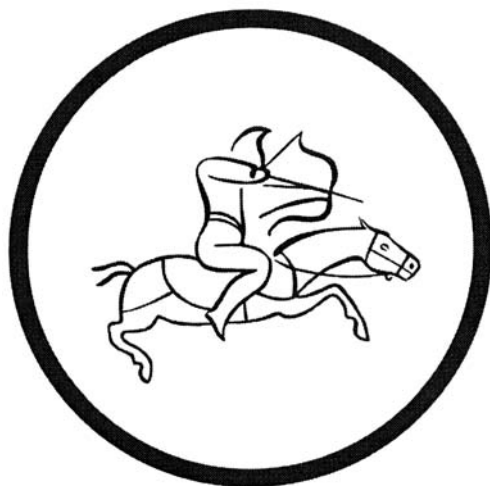
Выпуск 12

БОЛГАРСКИЙ ФОРУМ I

МАТЕРИАЛЫ

Международного Болгарского Форума

19–21 июня 2010 г., Болгар

Казань – 2011

ББК 63.4
Б 79

Серия «Археология евразийских степей»
Выпуск 12

Ответственный редактор:

Редколлегия:

*Р.С. Хакимов, А.Г. Ситдииков, И.М. Миргалеев, Г.Ф. Габдрахманова,
В.Н. Бахматова, Ф.Ш. Хузин (отв. ред.)*

Редакционный совет серии:

Ситдииков Айрат Габитович (Казань) – сопредседатель, *Хузин Фаяз Шарипович* (Казань) – сопредседатель, *Артемьева Надежда Григорьевна* (Владивосток), *Афанасьев Геннадий Евгеньевич* (Москва), *Байпаков Карл Молдахметович* (Алматы, Казахстан), *Белорыбкин Геннадий Николаевич* (Пенза), *Боталов Сергей Геннадьевич* (Челябинск), *Волков Игорь Викторович* (Москва), *Гмыря Людмила Борисовна* (Махачкала), *Евглевский Александр Викторович* (Донецк, Украина), *Кляшторный Сергей Григорьевич* (С.-Петербург), *Кызласов Игорь Леонидович* (Москва), *Мухамадиев Азгар Гатауллович* (Казань), *Мыц Виктор Леонидович* (Симферополь, Украина), *Нарожный Евгений Иванович* (Армавир), *Овсянников Владимир Владиславович* (Уфа), *Руденко Константин Александрович* (Казань), *Савинов Дмитрий Глебович* (С.-Петербург), *Табалдиев Кубатбек Шакиевич* (Бишкек, Киргизия), *Татауров Сергей Филиппович* (Омск), *Тихонов Сергей Семенович* (Омск), *Тишкин Алексей Алексеевич* (Барнаул), *Фодор Иштван* (Будапешт, Венгрия), *Худяков Юлий Сергеевич* (Новосибирск).

Болгарский Форум I. Материалы Международного Болгарского Форума (19–21 июня 2010 г., Болгар). Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 12. – Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. – 240 с. + 24 с. цв. вкл.

В сборник вошли материалы Международного Болгарского Форума (19–21 июня 2010 г., г. Болгар).

ISBN 978-5-905576-16-4

© Институт истории АН РТ, 2011
© ООО «Фолиант», 2011

ГЕОАРХЕОЛОГИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ: СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ МЕТОДЫ

И.А. Аржанцева

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

Исследование поселенческих памятников хазарского времени имеет принципиальное значение для изучения культуры каганата в целом. Такие памятники, как Правобережное Цимлянское, Семикаракорское, Камышино и, возможно, Самосдельское городища – являются основными центрами Хазарского каганата (VIII–X вв. н.э.) на Нижнем Дону и в дельте Волги, а крепость Горное Эхо – одним из наиболее ярких памятников периода Хазарского каганата на Северном Кавказе.

Несмотря на то, что многие из этих памятников имеют длительную историю археологического изучения, остаются нерешенными многие проблемы. Часть из этих проблем и задач (например, процессы разрушения) возникли сравнительно недавно, другие же проблемы, связанные с исследованием скрытых структур и особенностей строительных материалов, могут быть решены только в ходе междисциплинарных исследований при помощи современных методов геоархеологии, включающей в себя естественнонаучные вспомогательные методы исследований (геофизика, геоморфология, почвоведение). Одной из задач Хазарского проекта¹ является исследование раннесредневекового природного контекста поселенческих памятников периода Хазарского каганата, который, наряду с этнокультурными традициями, определяет экономику поселений в целом и конкретные типы хозяйствования. В задачи также входят реконструкция поселенческого и окружающего ландшафта, характеристика ресурсно-сырьевой базы территории, вопросы абсолютного и относительного датирования, определение основных факторов разрушения, как «прижизненных», так и после того, как жизнь на памятнике была прекращена по тем или иным причинам.

При раскопках памятника одним из важнейших принципов является принцип максимальной сохранности. Этот принцип подразумевает не столько сохранность самого памятника (который больше всего разрушается именно в ходе раскопок), сколько получение и сохранение максимально полного объема материала и точную фиксацию процесса раскопок (Клейн, 1992, с. 19–21). Сейчас уже вряд ли кто станет оспаривать тот факт, что даже при самых тщательных раскопках мы извлекаем не более 50% информации о памятнике и его окружающей среде. Наиболее распространенный стратиграфический метод археологического исследования, даже при самой тщательной фиксации слоев, целиком зависит от таких субъективных факторов как опытность и добросовестность исследователя. Тем актуальнее становится необходимость применения, как существенное дополнение к традиционным археологическим, естественнонаучных методов, дающих в распоряжение археологов объективные, поддающиеся независимой от исторической интерпретации или существующей гипотезы проверке, а также информацию, которую невозможно получить только археологическими методами исследования.

Среди точных и естественных наук, методы которых получили широкое распространение среди полевых археологов, уверенно лидируют науки о Земле (геология, география, почвоведение). Один из самых основных методов в археологии, – исследование культурного слоя методом *стратиграфии* – также заимствован из геологической науки, и начал применяться уже с конца XIX века. Методы, имеющие отношение к наукам о Земле, которыми сейчас пользуются в археологии, можно условно разделить на 3 группы по степени информативности и разрушительности для памятника:

¹ «Хазарский проект» – Инициирован в 2000 г. Еврейским университетом в Москве («Высшая гуманитарная школа им. С. Дубнова») при финансовой поддержке Российского Еврейского конгресса, координаторы проекта – профессор Петрухин В.Я., к.и.н. Аржанцева И.А. Основные направления деятельности – исследование памятников истории и археологии Хазарского каганата (VI–X вв.).

1) Методы дистанционного зондирования – самые безопасные для памятников, дающие информацию и пространственной организации культурного ландшафта. Эти данные всегда нуждаются в проверке на земле;

2) Геофизические методы исследования – неразрушающие памятник методы, позволяющие сэкономить, кроме того, время и финансы. При помощи геофизических методов можно определить структуру самого памятника, скрытые постройки, предметы, объекты, и т.д. Данные, полученные подобными методами, нуждаются в контрольных проверках на самом памятнике;

3) Геоморфологические методы – частично разрушающие (шурфы, разрезы, отбор образцов), предоставляющие широкий спектр данных для палеоландшафтных реконструкций.

И, как уже отмечалось выше, в этой своеобразной «классификации» самыми разрушительными, но, тем не менее, самыми информативными с точки зрения археологии, являются собственно археологические раскопки, которые не может заменить ни один из перечисленных методов. Наиболее эффективным на сегодняшний момент является комплексное применение этих методов.

Тем не менее, идея комплексного подхода к исследованию археологических памятников, с применением целого ряда характерных для естественных наук методов и лабораторных исследований, сформировалась едва ли ранее 40-х годов XX века (в основном это были спорадические применения почвоведческих исследований на самих памятниках и крайне редко в окрестностях). Одним из наиболее удачных и результативных примеров исследований на стыке археологии и палеогеографии для этого времени следует признать работы Хорезмской комплексной экспедиции в дельтовых областях Сырдарьи, связанных с реконструкцией ирригационных систем древности (Андрианов, 1969), выполненная при помощи новаторского для того времени метода – сплошной аэрофотосъемки, последующей ее дешифровки и картографирования. В это же время начали применяться впервые и геофизические методы (работы Аткинсона 1946 года) (Weymouth 1986, p. 311–395), а в конце 60-х начале 70-х гг. прошлого века эти методы применялись на памятниках уже довольно широко, главным образом для того, чтобы выявить скрытые в культурном слое структуры и объекты (Франтов, Пинкевич, 1966; Al-Chalabi, 1967, p. 135–199).

Четкая дефиниция того, что в последние годы принято называть «геоархеологией» до сих пор отсутствует. Принятые ведущими в этой области учеными определения в основном сходятся в том, что **геоархеология** – это не столько отдельная дисциплина, сколько междисциплинарный подход, где методы, технологии и концепции, используемые в географии, геологии и других науках о Земле, применяются для решения археологических проблем для получения дополнительной, вспомогательной информации об археологическом памятнике (Bell and Walker, 2005, p.2; Fouache, & Rasse, 2007, pp. 115–118.; Fouache, Pavlopoulos, Stiros, 2010; Rapp & Hill, 1998).

В данной статье мне хотелось бы показать на примере исследования поселенческих памятников (крепостей и городищ) Юга России эпохи раннего средневековья (эпохи Хазарского каганата – VII–X вв. н.э.), как оформлялась и претворялась в жизнь идея комплексного подхода к исследованию этих сложных археологических объектов. Археологически памятники эпохи Хазарского каганата исследуются более 60-ти лет. В последние годы возник ряд проблем, которые нельзя решить, используя только археологические методы. Только начиная с 1995 у нашей группы, работавшей на этих памятниках, появилась возможность работать в рамках специального научного проекта², одной из задач которого являлось исследование культурного слоя памятников и их окрестностей не только при помощи классических археологических методов, но и привлекая широкий спектр естественнонаучных методик.

Эти памятники: аланская крепость Горное Эхо, расположенная в Кисловодской котловине (район Кавказских Минеральных Вод), датируемое VII–IX вв. (возможно, начало X в.); го-

² Проект поддерживался грантами Фонда Сороса (Институт Открытое Общество), Российским гуманитарным научным фондом, Российским Фондом Фундаментальных исследований, Российским Еврейским конгрессом и грантами Президиума Российской Академии наук.

родище Самосделка, расположенное в Астраханской области в 40 км от Астрахани в дельте Волги, с предварительной датировкой IX–XIV вв., и Правобережное Цимлянское городище – остатки крупнейшей белокаменной крепости Хазарского каганата в бассейне Дона, предварительная дата сооружения – VIII – начало IX вв. Как видим, все памятники расположены в разных ландшафтных зонах, имеют разную степень изученности и, соответственно, разный круг исследовательских задач, связанных в том числе и с датировкой, интерпретацией и факторами разрушения. Для каждого из этих памятников существовал и существует определенный набор гипотез, одни из которых подтверждены, а другие опровергнуты, или же вопрос остается открытым до сих пор.

Аланская крепость Горное Эхо исследуется нашей группой, состоящей из археологов, почвоведов, геологов, геофизиков и реставраторов, с 1995 года. Перед нашей группой, стояла задача создания реконструкции исторических и палеоландшафтных условий возникновения и эволюции аланских поселений. Многолетние почвенные и ландшафтные исследования окрестностей городища Горное Эхо позволили нам сформулировать ряд новых нетривиальных гипотез, касающихся эволюции ландшафтов и приспособления к ним древнего человека (Arzhantseva, Turova, Bronnikova, Zazovskaya, 2001, pp. 115–124; Аржанцева, 2006). С археологической точки зрения нас интересовал вопрос собственно структуры таких раннесредневековых крепостей, насчитывающих несколько десятков в Кисловодской котловине (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004), вопрос длительности их бытования и причина явного оттока населения из этого региона в конце VIII – начале IX вв. (Ковалевская, 1984, с. 172–174), и некоторые особенности строительных технологий.

Одним из наиболее интересных результатов применения геофизических методов на крепости Горное Эхо явилось определение вертикальной структуры всего памятника и культурных отложений на нем. Это определение было сделано методом бесконтактных электрических зондирований, в частности методом вертикальных электрических зондирований (ВЭЗ)³.

Интерпретация данных ВЭЗ проводилась с помощью программного обеспечения, разработанного в лаборатории малоглубинной электроразведки кафедры геофизики Геологического факультета МГУ. По результатам обработки и интерпретации данных можно сделать следующие выводы: геоэлектрический разрез имеет четырехслойное строение (рис. 1);

а. нижний, четвертый слой – известковистые песчаники, имеющие сопротивление от 120 до 600 Ом·м. (материковые породы).

б. средний, третий слой – плотные известняки, имеющие минимальное сопротивление около 700, а максимальное около 3000 Ом·м. Мощность этого слоя от 2.5 до 1 м.

в. средний, второй слой – нижний культурный слой заполняет соответствующие впадины в рельефе поверхности кровли известняков и имеет мощность от 0 до 1.5–2 м. Его сопротивление меняется от 150 до 500 Ом·м. **г.** верхний, первый слой – верхний культурный слой равномерно в виде шлейфа присутствует вдоль всего профиля наблюдений и имеет мощность от 0.5 м до 1 м и сопротивление от 50 до 200 Ом·м в зависимости от содержания каменного материала. Чем выше заполнение камнем верхнего слоя, тем выше и его удельное сопротивление. Таким образом, в результате расшифровки геоэлектрического разреза, выяснилось, что культурный слой памятника делится на несколько слоев (3 как минимум), средний из которых, заполняющий большие впадины, отличается по своим физическим свойствам от самого верхнего и от самого нижнего, лежащего на скальном материке. Что может это означать с точки зрения археологии?

На вскрытой раскопками части крепости в стратиграфии практически повсюду зафиксирован слой «разрушения» с явными признаками пожара: слой содержит обильную примесь углей, золы, обожженной глины (турлука), прокаленных докрасна плиток песчаника, а также целые сгоревшие деревянные плахи. Мощность слоя «разрушения» – от 30 до 80 см и повсеместно, где он обнаружен, он отделяет ранний строительный период от позднего (см. вклей-

³ В методе ВЭЗ использовался стандартный аналого-цифровой электроразведочный измеритель ЭРА (ЗАО «ЭРА», г. Санкт-Петербург). В качестве генератора использовался цифровой прибор, разработанный Институтом Космических Исследований (ИКИ, г. Москва).

ку: рис. 1). Очевидно, что этот слой «разрушения» и соответствует среднему слою геоэлектрического разреза, отличающемуся по своим свойствам от верхнего и нижнего строительного периода. Благодаря геофизическим работам (электромагнитная разведка), проведенным на памятнике, слой разрушения удалось зафиксировать на большей части памятника, включая те участки, где слой не вскрывался. Это говорит в пользу того, что пожар и разрушения на крепости были не локальными, а очевидно, затронули весь памятник. Возможно, причиной этого явилась катастрофа, природного или антропогенного характера. Вторичное строительство и заселение происходило поверх этого слоя «разрушения» и после его нивелировки. Согласно археологическим данным (керамика, индикации монет, характерные детали ременной гарнитуры), нижний и основной строительный период, датируется VI–VIII вв., и период повторного заселения (возможно, потомками этого же населения) – IX–X вв. н. (Аржанцева, 2007, С. 83, 84). Была опровергнута бытовавшая довольно широко гипотеза об однослойности подобных памятников, как и тот факт, что они оказываются заброшенными, после оттока населения из этого региона в конце VIII – начале IX вв. (Ковалевская, 1984. С. 172–174; Афанасьев, 1993, С. 151; Малашев, 2001, С. 39).

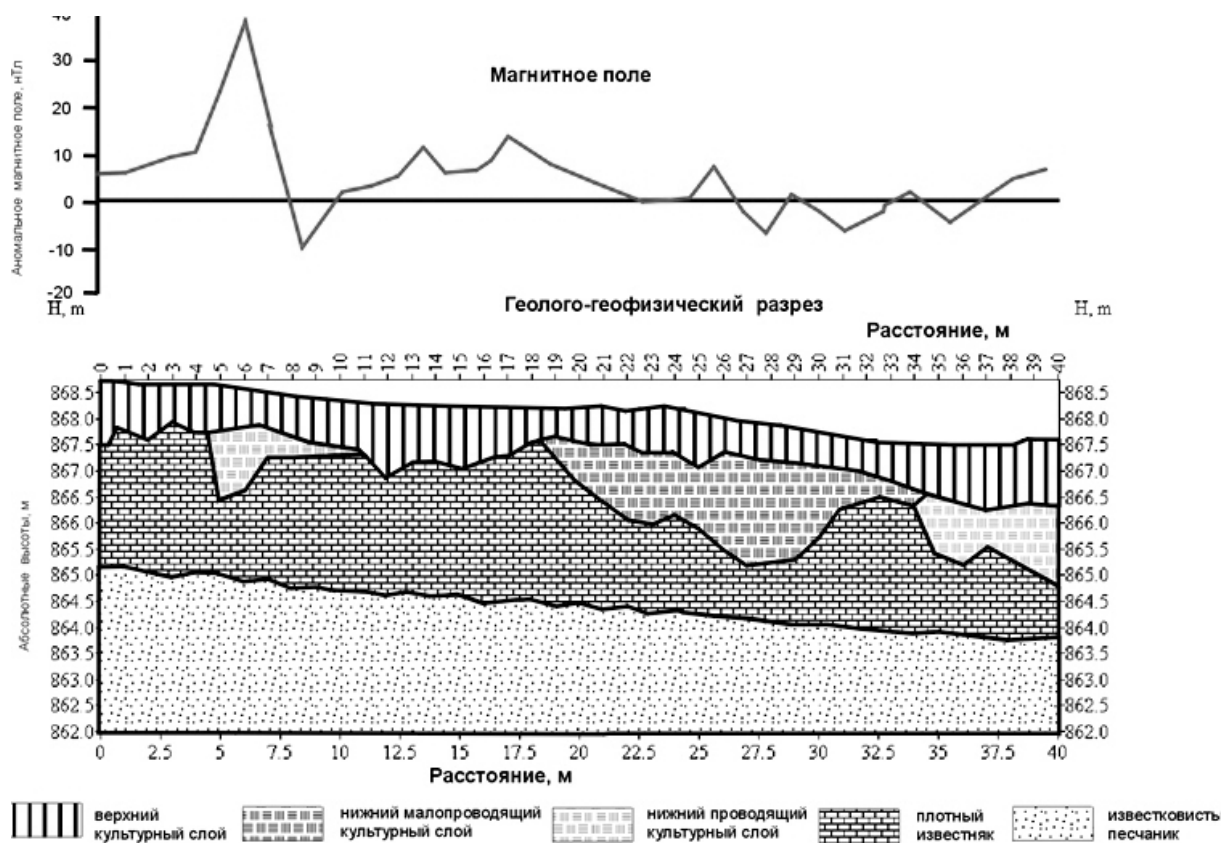

Рис. 1. Горное Эхо. Геоэлектрический разрез. Интерпретация.

Анализ толщ склоновых отложений обнаружил их ритмичное строение: горизонты хорошо развитых погребенных почв чередуются с грубыми каменистыми склоновыми наносами, не затронутые почвообразованием. Это свидетельствует о том, что в период позднего голоцена на исследуемой территории периоды стабилизации склоновых поверхностей и развития почвообразования сменялись периодами резкой активизации склоновых процессов, что было обусловлено природными (вулканическая деятельность, землетрясение) факторами. Это должно было оказать большое влияние на жизнь аланских племен этого региона и в частности могло явиться причиной прекращения функционирования некоторых поселений и оттока населения в более спокойные районы.

Строительные технологии и строительные материалы стали отдельными предметами нашего исследования. Именно в области древних строительных технологий Северного Кавказа распространен ряд гипотез, носящих общепринятый характер, но не базирующихся на серьезных исследованиях. Так, например, общепризнанным считается тот факт, что каменные кладки большинства построек складывались всухую, без какого-либо раствора. Идентификация строительных растворов на памятнике Горное Эхо (также как и на других аналогичных памятниках этого региона) представляет собой непростую задачу. Сложность заключается в том, что для сооружения каменных конструкций здесь преимущественно использовался местный материал, представляющий собой плотный карбонатный окремненный песчаник. Эта порода и продукты ее разрушения служат также основным природным «строительным материалом» на данной территории: из них состоит и поверхность, где сооружалась крепость, и все окрестные территории. Действительно, визуально наличие раствора очень часто не определяется. Мы поставили себе задачу доказать или опровергнуть этот факт научным путем. Из кладки некоторых объектов на памятнике были взяты специальные пробы на анализ состава и свойств строительных материалов. Специальные анализы показали наличие глинистых и цементных растворов в кладке⁴. Суть методики, позволяющей определять наличие остатков слабых глинистых растворов в кладках, заключалась в следующем: сопоставлялся выветренный строительный цемент, по существу представляющий из себя рыхлую песчано-глинистую массу, выветренную и гумусированную (обычно ее принимают за культурный слой), с материалом склоновых наносов и суглинистой погребенной почвой в днище долины ручья Луначарского. Было найдено полное сходство. Это означает, что брали песчано-глинистый материал со дна долины и готовили из него раствор, на который укладывали каменные плитки. Материал для строительства на памятнике это, в основном, доломитизированный известняк, и при выветривании этот материал сам по себе не может дать такую песчано-глинистую смесь, которая обнаружена в швах кладок. То есть она была принесена, и мы определили источник. Помимо этих слабоглинистых растворов, при строительстве крупных объектов (башен) применялись и более прочные строительные растворы (Аржанцева, 2006, с. 131, рис. 11–13).

2. Другим важным памятником, исследования которого проводятся в рамках Хазарского проекта, является городище Самосделка, расположенное в Астраханской области в 40 км от Астрахани. Памятник находится в уникальных ландшафтных условиях – дельте Волги, где возникновение и функционирование археологических памятников во многом зависело от трансгрессий Каспийского моря. Самосдельское городище известно в археологии еще с XIX века, работы на нем sporadически велись с конца 80-х гг. XX в., но планомерные раскопки начались с 2000 года⁵. Памятник, бесспорно, является одним из самых интересных и сложных для этого региона и для данного периода. Предварительная датировка Самосдельского городища была определена как IX–XIV вв. (Гречкина, Васильев, 2000, с. 24, 25; Гречкина, Васильев 2001, с. 156, 157). Интерес к этому памятнику, прежде всего, вызван тем, что в последнее время его пытаются отождествить с хазарской столицей Итиль (Зиливинская, Васильев, 2008, с. 224–226). Действительно, задача подтверждения или опровержения этой гипотезы стояла перед нами, когда начиналось исследование этого памятника. Но это была не единственная задача. Предстояло исследовать уникальный многослойный памятник, существовавший длительное время в дельте Волги вплоть до XIV века. Проблема датировки нижних слоев до сих пор остается открытой, так как археологических материалов, подтверждающих дату существования городища хотя бы в VIII века, до сих пор не найдено. Основная масса археологических находок может быть датирована не ранее конца IX века и позже. Существенным представлялось определить изначальную площадь памятника и последующие этапы его развития, перестройки, увеличения и сокращения площади. Основным отличием Волжской

⁴ Рентгендифрактометрический анализ илистой фракции был выполнен доцентом кафедры географии почв факультета почвоведения МГУ д.г.н. С.Н. Седовым в Географическом институте Кильского университета (Германия) в рамках совместного проекта, затем основная масса анализов выполнялась М.А. Бронниковой и И.В. Туровой в лаборатории ИГРАН

⁵ Историю исследования и подробную библиографию см. в статье Васильева Д.В., Гречкиной Т.Ю. и Зиливинской Э.Д. (Васильев, Гречкина, Зиливинская, 2003, с. 83–121).

дельты от других крупных дельтовых систем является положение на границе с замкнутым бассейном Каспийского моря, колебания уровня которого не зависят от Мирового океана. Периодически повторяющиеся трансгрессии и регрессии моря оказывают значительное влияние, как на прибрежные территории, так и на положение самой дельты, вследствие чего ее ландшафты отличаются большой пространственной и временной изменчивостью. Возможно ли вообще было существование в этой части дельты Волги крупного многослойного поселения (города) в IX–XIV вв., учитывая периодические трансгрессии Каспийского моря? Данные археологических исследований, как правило, не дают прямой информации об условиях палеосреды, соответствующих времени существования памятника. Такая информация может быть получена только в результате комплексных, междисциплинарных исследований. Поэтому наряду с археологическими работами группой почвоведов ИГРАН на памятнике были проведены палеопочвенные исследования, послужившие основной для палеоландшафтных реконструкций (Turova, Bronnikova, Zazovskaya, 2001, p.112). Данные о вековых изменениях уровня Каспия довольно противоречивы. Исследователями выделяются разные временные интервалы спада и подъема уровня моря. Ниже приводятся наиболее доказательные на наш взгляд реконструкции уровня Каспия.

– Анализ картографического и историко-архивного материала, проведенный Л.С.Бергом (Берг, 1934), показал, что в историческое время уровень Каспия не поднимался выше +4 м над уровнем 1925 года (–26,2) или –22,2 м абс. высоты. Берг считает, что в X веке уровень Каспия, если он был выше современного, не мог стоять много выше.

– По Рычагову (Рычагов, 1996, с. 2–3; 19–22) 2000 лет назад, во время дербентской регрессии, уровень понижался до –34 м. абс. В начале XIV в. уровень стоял довольно низко (от –27 до –32 м абс.); затем началось его резкое и быстрое повышение.

– По данным Варущенко с соавторами (Варущенко и др., 1984, с. 61–70) в VIII–X вв. уровень стоял на отметках –35–36 м; в XI–XIII вв. – 31–34 м.; в XIV в. – не выше –25–26 м.

Обобщенные данные (Геоэкологические изменения при колебаниях, 1997) свидетельствуют о том, что в исторический период средневековое положение уровня составляет около –27 м абс. Вековая его тенденция могла изменяться от –0,4 м в столетие (с V до н.э. до VII в. н.э.) до +0,3 м (с VIII в. н.э. до нашего времени). В историческое время наибольшая частота стояния уровня (около 40%) лежит в пределах отметок –25 до –27 м абс. (см. вклейку: рис. 2).

Анализ историко-архивного, картографического материала и данные спорово-пыльцевого анализа позволили Т.А.Абрамовой и В.И.Турманиной (Абрамова, Турманина, 1982, с. 208–214) выделить следующие этапы развития природной среды Прикаспия в интересующем нас временном интервале.

– **VIII–XII вв.** Этот этап характеризовался развитием ксерофитного растительного покрова. Климат был сухим и жарким, море находилось в стадии дербентской регрессии. Уровень моря за этот период находился на 4–8,5 м ниже современного (Варущенко и др., 1980). Регрессия прерывалась некоторым подъемом уровня Каспия во второй половине X – XI в.

– **XIII по XVI вв.** Этот этап характеризовался более благоприятными условиями. Вековые изменения растительности проявились в этот период достаточно резко. Трансгрессия Каспия в XIV в., вызвала резкий подъем уровня моря на 4,5–5 м по сравнению с современным. Степи продвинулись на юг и восток, заняв ряд местообитаний полупустынных и пустынных формаций. Анализ современного картографического материала и сопоставление его результатов с библиографическими данными по абсолютным отметкам уровня Каспия в X–XIII вв. позволяют утверждать, что территория исследуемого памятника функционировала в период существования городища в режиме поймы и находилась вне зоны опасности неперидических нагонных явлений.

В общих чертах выявлена хронология этого памятника. Поселение возникает здесь вероятно в IX в. и непрерывно существует до 30–40-х гг. XIV в., после чего территория его затопливается. Культурные отложения перекрыты мощным слоем окатанных водой обломков керамики, костей и кирпича, смешанных с большим количеством речной ракушки, что свидетельствует о долговременном периоде затопления городища. Это обстоятельство послужило причиной того, что границы памятника определить довольно сложно. Скорее всего, городище

тянулось вдоль по берегу Старой Волги узкой полосой на расстояние около 1 км. Общая площадь памятника, известная на данный момент, составляет около 2 кв. км и он разделен на три части протоками Волги.

Памятник имеет сложную структуру. Основная часть городища находится на острове, вытянутом вдоль старого пересохшего русла Волги, который со всех сторон окружен высокими протоками. Для памятников, расположенных в речных долинах и дельтах, необходимым элементом исследования является реконструкция положения речного русла и других элементов палеоландшафта на период их функционирования.

Палеопочвенные исследования показали, что в IX–XII вв. эти протоки были заполнены водой. Предполагаемой восточной границей городища является современное русло Волги, северной и северо-западной – старое пересохшее русло Волги – Воложка. На «мысу» между старым и новым руслами находится холмистая равнина, образованная напластованиями культурного слоя городища. Центральная часть городища, где культурный слой залегает с поверхности, а мощность его составляет более 2 метров, занимает доминирующие высоты между современным руслом Волги и крупным ериком, который предположительно являлся функционирующей протокой в период существования поселения. На пониженных участках культурный слой перекрыт аллювиальными отложениями мощностью до 80 см. Фрагментарно выходы маломощного культурного слоя встречаются в бортах Волги, где они перекрыты аллювиальным наносом мощностью более 1 метра. Таким образом, можно утверждать, что окраина городища в период его функционирования располагалась заметно ниже по рельефу, чем его центральная часть (Бронникова, Зазовская, Аржанцева, 2001, с 43–47). Чтобы выяснить, какова одновременно была площадь городища в тот или иной период своего существования, наиболее перспективным представляется создание реконструкции рисунка речных русел в период раннего средневековья с применением методов палеоруслового анализа (Панин, 2004, с. 74–107; Чалов и др., 2004). В дальнейшем по аэро- и космическим снимкам можно выделить разновозрастные генерации палеорусел с определением их абсолютного возраста⁶. Только выяснив, какую именно площадь и часть городища занимал памятник в IX–X вв., можно говорить о наличии крупного города в дельте Волги в Хазарское время.

На фотоснимке, сделанном с вертолета, и на топографическом плане городища в прибрежной части равнины отчетливо видна возвышенность треугольной формы, окруженная «валами». Размеры возвышенности (предполагаемой цитадели) 360x300x220 м. Именно на этой возвышенности наблюдается значительная концентрация битого кирпича, керамики, других находок. **Геофизические** исследования, проведенные на городище в 2003–2004 гг. (НПЦ «Геотехнология» под руководством М.Я. Каца), также дали чрезвычайно интересный материал (в том числе, показали в местах предполагаемого «вала» значительные магнитные аномалии). После интерпретации данных магнитной разведки была составлена карта остаточных аномалий, которая характеризует распределение на поверхности кирпичных обломков. Плотность распределения керамики на поверхности подчиняется законам статистики и поэтому может использоваться при определении границ городища. Вероятно, этим же законам может подчиняться и плотность распределения кирпичных обломков и тогда, изучив распределение этой плотности в пределах городища, мы получим возможность определить наиболее вероятное положение кирпичных стен. В результате предварительных геофизических исследований, проведенных разными методами и разной аппаратурой, получены следующие предварительные результаты:

1. Установлены границы городища к югу, юго-западу и западу от уже существующего раскопа.

2. В общей толще культурного слоя выделены три слоя, насыщенные керамикой, отличающиеся друг от друга по своим физическим характеристикам (разная проводимость). Нижний из слоев может быть связан с ранними этапами существования памятника (рис. 2).

⁶ Для определения возраста каждого из палеорусел необходимо будет провести бурение с отбором образцов органического вещества на радиоуглеродный анализ.

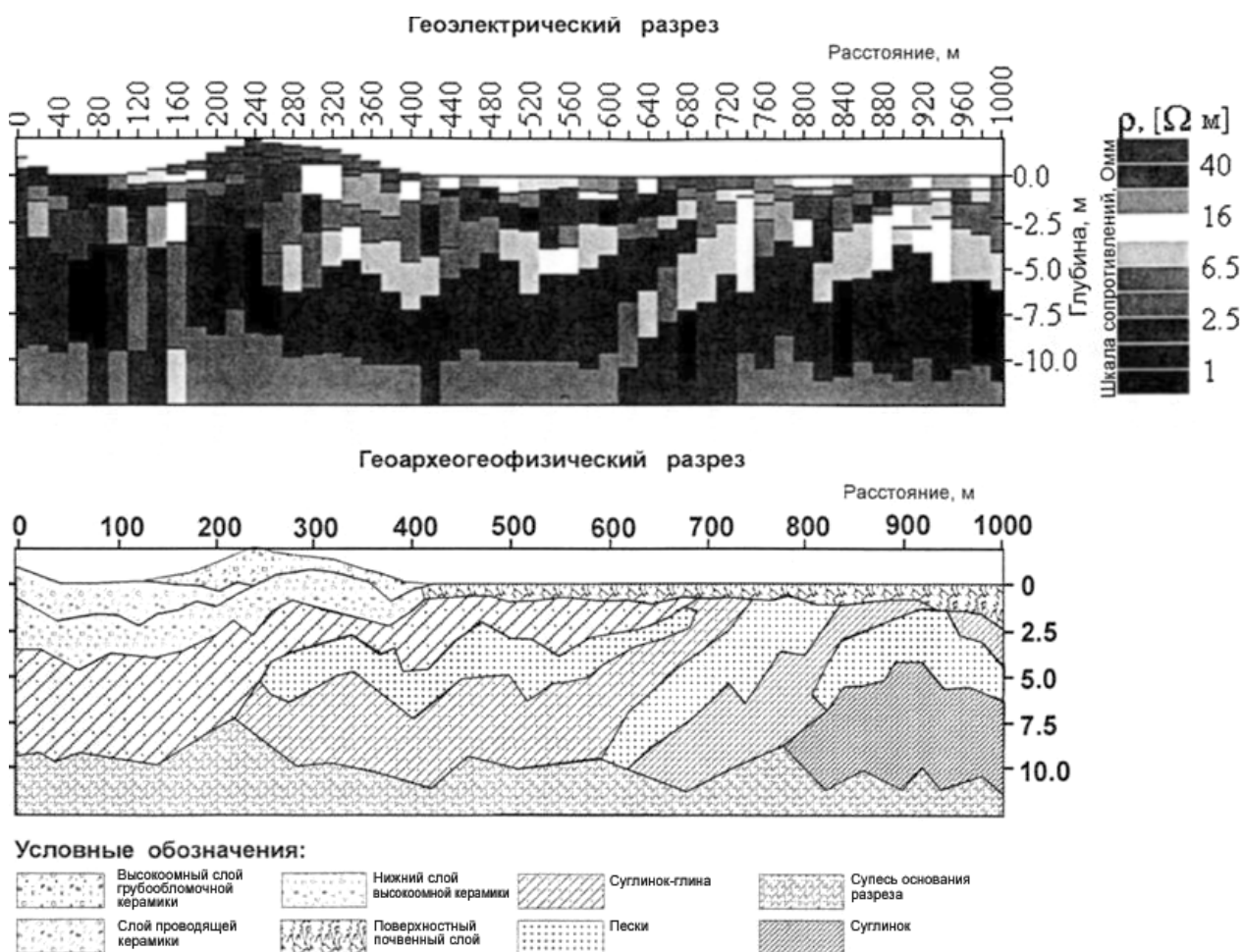

Рис. 2. Самосдельское городище. Электромагнитный разрез.

3. В пределах городища, на участке размерами 100x100м выделены наиболее вероятные участки, где в слое могут быть обнаружены остатки стен из обожженного кирпича.

Основная проблема Самосдельского городища на настоящий момент заключается в том, что памятник раскапывается по штыкам, которые исследователями никак не соотносятся с многочисленными слоями. Материалы, включая многочисленную керамику, также даются по штыкам (Зиливинская и др., 2006, с. 26–28). До сих пор широко применяемый «квадратно-штыковой» или кессонный метод раскопок поселенческих памятников (очень часто вне зависимости от особенностей памятника), появился в XIX в.⁷ Выдающийся английский археолог XX века Мортимер Уиллер, основные труды которого посвящены именно методике раскопок, уже в первой половине XX в дал разгромную критику этого метода, назвав его не только устарелым, но и в принципе абсурдным (Wheeler, 1954, pp. 51–54). Сам Уиллер, а вслед за ним и большинство английских археологов, практиковали «послойно-квадратный» метод, т.е. стратиграфическое исследование и фиксация шла по естественным слоям (Wheeler, 1943). Метод же раскопок по «штыкам», т.е. по искусственно выделенным слоям с фиксированной толщиной (обычно 20 см) уже давно не соответствует современным требованиям, предъявляемым к исследованию археологических памятников, и не раз подвергался справедливой критике исследователей (Клейн, 2001, с. 73, 74; Сазанов, 2008, с. 76–93). Предлагаемая исследователями Самосделки на настоящий момент стратиграфия, таким образом, является искусственной, созданной без учета сложнейшего рельефа памятника, а так же без учета полученных геоморфологических и геофизических данных.

⁷ Одним из первых его применил в 1865 году В. Пенгелли при раскопках Кентской Пещеры в Торки (графство Девоншир, Великобритания).

3. Для памятников домена Хазарского каганата в рамках этого проекта проводилась реконструкция природных условий, в которых они были созданы, функционировали, были заброшены или погибли, выявлены их скрытые структуры. Несмотря на то, что многие из этих памятников имеют длительную историю археологического изучения, остаются нерешенными многие проблемы. Многие археологические памятники этого региона находятся под угрозой в связи с разрушением берегов водохранилищ (Аржанцева и др., 2009, с. 3–6). Известно, что темпы разрушения берегов Цимлянского водохранилища значительно превышают прогнозные (Назаров, 2006, с. 12–19). Разрушение берегов этого водохранилища ставит под угрозу существование целого ряда ценнейших памятников, таких как Правобережное Цимлянское и Камышинское городища. Разработка стратегии их защиты требует количественной оценки скоростей отступления берегов, типизации и картографирования берегов в зонах памятников.

Первые значительные раскопки Правобережного Цимлянского городища (ПЦГ) осуществил в 1939 г. И.И. Ляпушкин. В 1958–1959 гг. работы на памятнике продолжила С.А. Плетнева. Результатом стало открытие новой серии юртообразных жилищ, элементов конструкции главных ворот, одной из угловых башен (Плетнёва, 1964, 1994). В 1987–1988, 1990 гг. Советско-болгарская экспедиция под руководством В.С. Флерова провела большие раскопки южного угла крепости (Флеров, 1991, 1994). Впервые на городище были открыт большой, хорошо сохранившийся фрагмент основания крепостной стены и основания двух башен, привратной белокаменной постройки из двух помещений. Крепость, стоявшая на месте городища, возведена в самом конце VIII – начале IX вв. из хорошо обработанных блоков белого известняка. В соответствии с рельефом местности она имела треугольные очертания, 110 x 130 x 135 м. Толщина стен достигала 4,25 м, высота могла достигать 8 м. Вдоль стен располагались восемь прямоугольных башен. Главные ворота имели сложную конструкцию с дополнительной внутренней стеною, препятствовавшей сквозному проезду. Еще в XVIII в. стены и башни крепости сохранялись на высоту до 2–3 м, но тогда же они были разобраны для строительных нужд в столице Войска Донского Черкасске. Несмотря на эти разрушения, Правобережное городище как археологический памятник, сохранилось прекрасно (лучше, чем Саркел, от стен которого оставались только отпечатки). В Правобережной крепости просматривается влияние фортификации Византии. Возможно участие в ее сооружении византийских мастеров. По сложности фортификации Правобережная крепость не имеет аналогов среди белокаменных крепостей в Хазарском каганате. В связи с возросшей угрозой разрушения крепости в 2003 году в рамках «Хазарского проекта» начат новый этап изучения городища, проводимого экспедицией Института археологии Российской академии наук. «Хазарский проект» обратился к Правобережному городищу не только в силу его исключительной научной значимости, но едва ли не в первую очередь в связи с ситуацией, сложившейся на Цимлянском водохранилище, которую нельзя назвать иначе как археологическим бедствием (Флеров, Петрухин, 2004; Флеров, Ермаков, 2005). Водоохранилище с момента заполнения в 1951 г. со все возрастающей скоростью разрушает берега. Проводимые экспедицией с 2003 г. замеры показали, что продвижение кромки берегового обрыва перед городищем составляет в среднем 54 см в год, на отдельных участках – до 90 см. Гибнет последний висящий над обрывом участок восточной крепостной стены, открытый в 2006 г. Продвижение берега (высота над зеркалом водохранилища 43 м), с учетом небольших размеров памятника, приведет в ближайшие десятилетия к полному его исчезновению. В такой ситуации особенно важным представляется опыт применения неразрушающих методов, позволяющих получить разностороннюю информацию об объектах исследования, применяя широкий спектр геоархеологических методов. Это, прежде всего, необходимо для прогноза процесса разрушения памятника Цимлянским водохранилищем и составления на его основе программы превентивных раскопок и охранных мероприятий. Для разработки стратегии археологических раскопок, оптимизации их проведения обязательным элементом являются геофизические исследования, которые позволяют в короткие сроки и без механического воздействия произвести общую реконструкцию памятника и зафиксировать реальную ситуацию до момента археологических раскопок, локализовать скрытые археологические объекты по данным геофизических съемок. В ходе последних работ на Правобережном Цимлянском было вскрыто около 30 м восточной

стены крепости, давшей много новой информации по технике строительства и планировки крепости в целом. Поскольку стена проходит по восточному, наиболее интенсивно разрушаемому, краю городища, необходимо было разработать дальнейшую стратегию раскопок с тем, чтобы заложить раскоп точно там, где продолжается стена. Для этого до начала очередных работ необходимо было определить направление стены, местоположение скрытых структур и строительных остатков крепости в восточной части памятника. Определить реальную планировку ПЦГ, в связи с тем, что М.И. Артамонов и С.А. Плетнева выражали сомнения в достоверности плана И. Сацыперова (1743) (рис. 3).

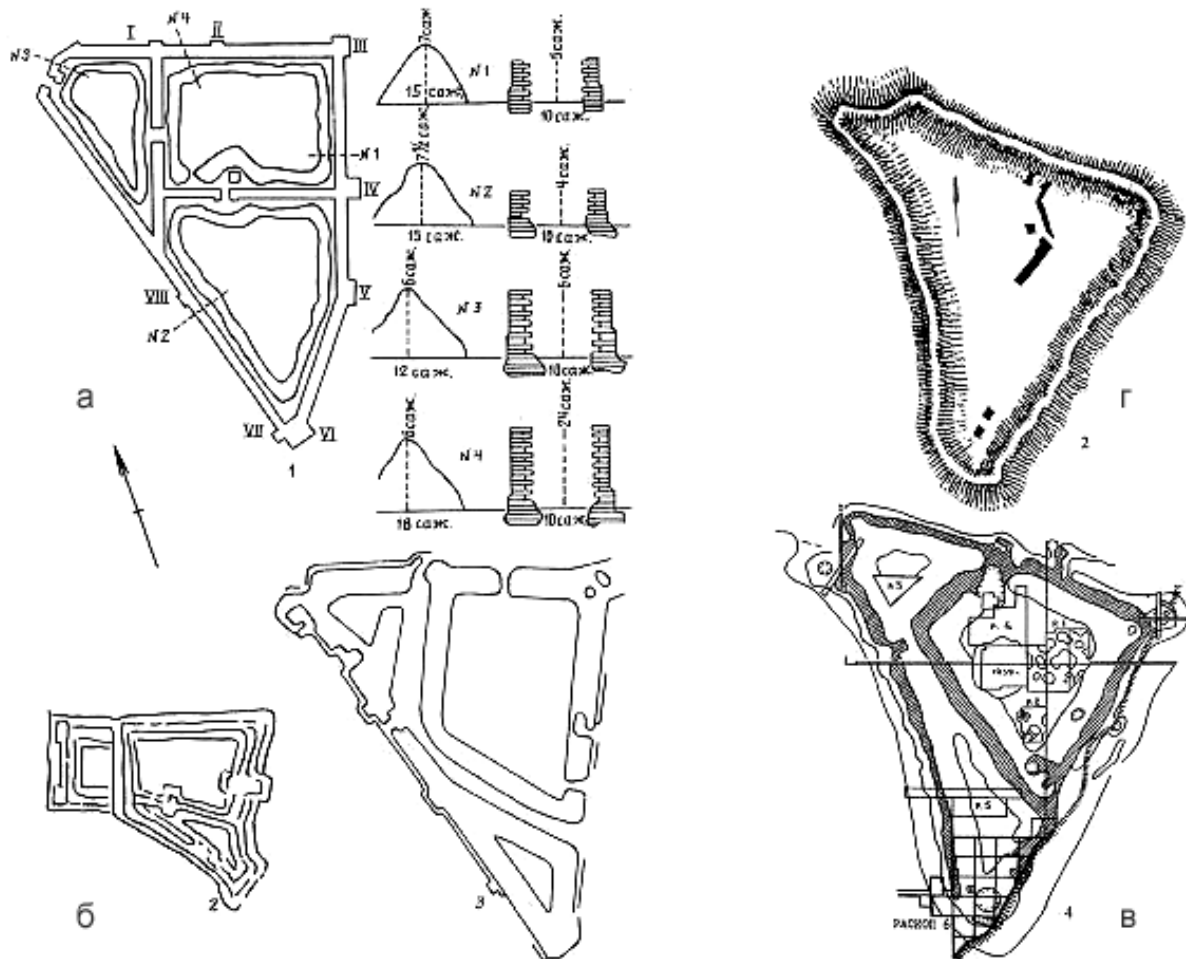

Рис. 3. Планы правобережного Цимлянского городища, выполненные в разное время:
а) план Сацыперова; б) план Сулина; в) план Артамонова; г) план Плетневой.

Для этого надо было выявить внешний контур и внутреннюю структуру крепости. Так была сформулирована краткосрочная задача для геофизиков (группа студентов и аспирантов Геологического факультета МГУ под руководством д.и.н. И.Н. Модина)⁸. С целью планового картирования остатков оснований стен, рвов и других остатков архитектурных и фортификационных сооружений ПЦГ была выполнена детальная геофизическая съемка методом срединного градиента с длиной питающих линий АВ равной 60 м (глубина исследования составляла не менее 5 м). А для выявления скрытых структур памятника проводилась магниторазведка с использованием магнитометра-градиентометра POS-2 и электроразведка методом СГ (срединного градиента). Было выполнено вертикальное электрическое зондирование (ВЭЗ). В результате этих исследований получены данные по скрытой планировке восточной части

⁸ Дипломная работа по комплексным геофизическим методам исследования на ПЦГ была выполнена выпускником кафедры геофизических методов исследований земной коры А.А. Пелевиным.

крепости (см. вклейку: рис. 3) и получен вертикальный разрез, показавший трехслойное строение, где на определенной глубине были зафиксированы объекты, которые могут быть интерпретированы, как основания стен (см. вклейку: рис. 4). Таким образом, раскоп был заложен в заведомо определенном месте.

Из долгосрочных задач перед нами стояла проблема разработки методов защиты береговых склонов. Восточная сторона Правобережного городища находится в катастрофическом состоянии. Памятник расположен на кромке берегового обрыва Цимлянского водохранилища (с 1952 г. продвижение берегового уреза по данным «Управления водными ресурсами Цимлянского водохранилища составило более 100 м). Эрозия берега уже уничтожила более половины восточной стены крепости с несколькими башнями. В ближайшие годы (5–10 лет) стена погибнет полностью, начнется разрушение внутреннего пространства с плотной застройкой. Количественная оценка темпов разрушения берегов водохранилищ проводилась средствами ГИС-технологий (пакеты Mapinfo, ERDAS, ArcGIS) путем наложения разновременных аэро- и космических снимков высокого разрешения. В полевых условиях проводилась геолого-геоморфологическая съемка с определением параметров разрушаемых берегов – высоты, крутизны, литологического строения. На этой основе в зоне памятника предполагается составить прогнозную карту риска разрушения с последующей разработкой рекомендаций по технологии укрепления откосов. В тесном сотрудничестве археологов с геофизиками и геоморфологами в ближайшее время предполагается проводить мониторинг разрушения не только ПЦГ, но и соседних памятников, располагающихся в береговой зоне водохранилища.

Литература

Абрамова Т.А., Турманина В.И. Реконструкция климатических изменений последнего тысячелетия в Прикаспии // Известия Всесоюзного географического общества. Т.114, вып. 3, 1982. С. 208–214.

Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.

Аржанцева И.А. Исследование аланских поселений: проблемы и методы // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика. Материалы конференции. М., 2006. С. 122–140.

Аржанцева И.А. Каменные крепости алан // РА, № 2, 2007. С. 75–88.

Аржанцева И.А., Петрухин В.Я., Флёров В.С. К итогам и перспективам работы «Хазарского проекта» (2000–2008) // «Евразийский еврейский ежегодник» 5769 (2008/2009). Тверь. С. 1–13.

Афанасьев Г. Е. Донские аланы. М., 1993.

Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. М., 2004.

Берг Л.С. Уровень Каспийского моря за историческое время // Проблемы физ. географии, №1, 1934.

Бронникова М.А., Зазовская Э.П., Аржанцева И.А. Городище «Самосделка»: предварительные результаты и перспективы комплексных почвенно-ландшафтных исследований // Материалы научно-практической конференции «Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий». Астрахань, 2001. С. 43–47.

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю. Предварительные итоги изучения памятников домонгольского времени в дельте Волги // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Тезисы докладов III Международной археологической конференции. Самара, 2000. С. 22–25.

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3 Половецко-золотоордынское время. Сборник научных работ. Донецк, 2003.

Варущенко А.Н., Варущенко С.И., Клизге Р.К. Изменение уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене-голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.: Наука, 1980.

Варущенко С.И., Варущенко А.Н. Уровень Каспийского моря и колебания увлажненности в средние века. // Изв. АН СССР. Сер. географ. №4, 1984. С. 61–70.

Геоэкологические изменения при колебаниях уровня Каспийского моря. МГУ, вып. 1. 1997.

Гречкина Т.Ю., Васильев Д.В. Предварительная хронология существования Самосдельского городища // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции. Оренбург, 2001

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю. Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // РА, № 4. М., 2006.

Клейн Л. С. Теоретическая археология и раскопки // Северная Азия от Древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П.Грязнова. СПб., 1992.

Клейн Л.С. Принципы археологии. СПб., 2001.

Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984.

Малашев В. Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М., 2001.

Назаров Н.Н. Переработка берегов равнинных водохранилищ России на современной стадии развития (конец XX в. – начало XXI в.) // География и природные ресурсы, № 4, 2006. С. 12–19.

Панин А.В. Флювиальные процессы и формы рельефа // География, общество и окружающая среда. Том 1. Структура, динамика и эволюция природных геосистем (под ред. В.Н.Конищева и Г.А.Сафьянова). М.: Издательский дом «Городец», 2004. С. 74–107.

Плетнёва С.А. О построении кочевнического лагеря-вежи // СА. № 31, 1964.

Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1994.

Рычагов Г.И. Экологические аспекты нестабильности уровня Каспийского моря // Аридные экосистемы. Т.2, 1996.

Сазанов А.В. К методике исследования средневекового Херсона // Археология, № 4. Киев, 2008. С. 76–93.

Чалов Р.С., Завадский А.С., Панин А.В. Речные излуины. М.: Географический факультет МГУ, 2004. 370 с.

Флеров В.С. Правобережное Цимлянское (Деснобрежно Цимлянско) городище по раскопкам 1987–1988, 1990 гг. // Проблемы на прбългарската история и култура. Вып. 2. София, 1991.

Флеров В.С., Петрухин В.Я. Экспедиция «Хазарский проект» и проблемы сохранения городищ каганата на Нижнем Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Выпуск 20. Азов, 2004.

Флеров В.С., Ермаков С.Н. Цимлянское водохранилище – зона археологического бедствия (по итогам работы экспедиции «Хазарский проект» в 2004 г.) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Выпуск 21. Азов, 2005.

Флеров В.С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987–1988, 1990 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1994.

Франтов Г.С., Пинкевич А.А. Геофизика в археологии. Л., 1966.

Al-Chalabi M. Application of Geo-Electrical Methods in Archaeology // Sumer, 21, no. 1–2. 1967.

Arzhantseva I.A., Turova I.V., Bronnikova M.A., Zazovskaya E.P. Alan Settlements of the First Millennium in the Kislovodsk Basin, Russia // BAR International Series, 2001. 987; p. 115–124.

Bell M., Walker M.J.C. Late Quaternary Environmental Change. Pearson, Prentice Hall, 2005. P 2.

Fouache E., Pavlopoulos K., Stiros S. Landscape Evolution and Geoarchaeology: Quaternary International (forthcoming). Elsevier Editorial System(tm). 2010.

Fouache É. & Rasse M. Geoarchéologie. Avant-propos, Bulletin de l'Association des Géographes Français, (1), 2007. P. 115–118.

French C.A.I., Geoarchaeology in Action: Studies in Soil Micromorphology and Landscape. Routledge, London, 2003. 320 p.

Rapp Jr.G.R. & Hill C.L. Geoarchaeology: The Earth-science approach to archaeological interpretation, Yale University Press, New Haven, 1998.

Turova I.V., Bronnikova M.A., Zazovskaya E.P. A settlement in the delta of Volga river: preliminary results of environmental study // 7th Annual Meeting European Association of Archaeologists. Final Program and Abstracts. 19–23 September 2001, Esslingen am Neckar, Germany. P. 112. Printed: Druckerei Wilhelm Röck, Weisberg, 2001.

Weymouth J.W. Geophysical methods in archaeological sites surveying // Advances in Archaeological Methods and Theory (ed. Schiffer M.B.), Orlando etc., 1986.

Wheeler M. Maiden Castle, Dorset. Society of Antiquaries. London, 1943.

Wheeler M. Archaeology from the earth. Oxford: At the Clarendon Press, 1954.

**ОНГЛОС: ПЕРВАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ БОЛГАРСКИХ КАНОВ
НА НИЖНЕМ ДУНАЕ И БОЛГАРСКОЕ ПРИСУТВИЕ
СЕВЕРНЕЕ ДУНАЯ В VII–X вв.**

Г.Г. Атанасов, Н.Д. Руссев

*Региональный Исторический Музей, г. Силистра (Болгария)
Университет Высшая Антропологическая Школа, г. Кишинев (Молдова)*

*Светлой памяти нашего незабвенного учителя,
друга и коллеги **Раио РАШЕВА***

Решающим фактором создания Дунайской Болгарии считается поражение болгар в войне с хазарами, вспыхнувшей примерно в одно время со смертью кана Кубрата, когда Старая Великая Болгария распалась и на огромной территории от Днепра и Волги до Кавказа и Черного моря стали властвовать каганы Хазарии (Артамонов 1962: 160 и сл.; Петров 1981: 123 и сл.; Димитров 1987: 101 и сл.). Об этом написано много, но без ответа остается принципиальный вопрос: как всемогущие в евразийской степи каганы допустили, чтобы их самый отъявленный противник – кан Аспарух – прочно закрепился у западных границ хазарской державы. На первый взгляд, это вполне удовлетворительно объясняется тем, что Аспарух вывел подвластную ему группу болгар (оногундуrow) из Великой Кубратовой Болгарии и соответственно за новые хазарские пределы, тем самым *de jure* отказавшись от борьбы за отцовское наследство. Надо напомнить, что часть болгар во главе с Батбаяном остались в Хазарии на дедовских территориях и, признав верховенство кагана, сохранила известную автономию вплоть до VIII–IX вв. В отличие от Батбаяна, те сыновья Кубрата, которые не смирились с верховенством хазар – Аспарух, Алцек и Кубер, оставили прежние места обитания. Очевидно, чувство державности, которое прививал сыновьям Кубрат, было очень сильным, поскольку двое из братьев попытались создать новые государства. Впрочем, эту миссию в полной мере выполнил только Аспарух (Бешевлиев 1984а: 46 и сл.; 1984б: 29–35; Тъпкова-Заимова 1980: 47–56; Поповић 1986: 106; Петров 1981: 132 и сл.).

В письменных источниках нет сведений, которые бы прямо отразили ожидаемые регулярные военные конфликты на болгарско-хазарской границе. Здесь уместно задаться вопросом: были ли каганы удовлетворены вытеснением рода Дуло из удобных для кочевий территорий, на которых столетиями подряд последовательно разворачивались евразийские империи? Положительный ответ объясняет, почему они не вступили в ожесточенную борьбу с новообразованным в устье Дуная – далеко от их степей – болгарским государством. Однако, действительно ли в конце VII – начале VIII вв. хазарские каганы удовлетворились фактом отдаленности Дунайской Болгарии от поглощенной ими державы Кубрата, а Аспарух отказался от претензий на отцовские владения еще предстоит выяснить. Чтобы разрешить эти проблемы, необходимо знать точно при каких обстоятельствах Аспарух оставил земли Старой Великой Болгарии: без боев или в постоянных арьергардных стычках с преследовавшей его хазарской конницей? Важно определить сложилась ли с каганатом контактная граница, или болгарские земли отстояли на значительном расстоянии от хазарских владений?

Если строго следовать письменным источникам, болгары Аспаруха отступали постепенно, пребывая в непрестанных сражениях с хазарами. Феофан Исповедник – автор основного источника об этих событиях – пишет, что старший сын Кубрата Батбаян первым испытал удар хазар. О третьем из сыновей сказано: *«Аспарух, переправившись через Днепр и Днестр и дойдя до Огла – реки севернее Дуная, поселился между первыми и последним, рассудив, что место это отовсюду укрепленное и неприступное: спереди болотистое, с других же сторон окруженное, как венцом, реками, оно позволяло, ослабленному разделом, отдохнуть от нападений врагов»* (Theophanes, 357 = Чичуров 1980: 61; ср. ГИБИ, III, 262). Патриарх Никифор уточнил, что Аспарух *«поселился у Истра, достигнув места, удобного для поселения, сурового и неприступного для противника, называемого на их языке Оглом. Спереди оно было укреп-*

плено непроходимыми болотами, сзади – ограждено неприступными кручами» (Nicephorus, 33 = Чичуров 1980: 162; ср. ГИБИ, III, 295). Почти дословно текст об Огле (Онглосе) повтoren и у Анастасия Библиотекаря (Anastasius Bibliothecarius 1885: 266 = ЛИБИ, II, 248).

Письмо, направленное в 951–952 гг. хазарским правителем Йосифом IV испанскому раввину Хасдаю ибн Шафруту, объясняет, что некогда болгары «оставили свою страну и бежали (...) до реки по имени Дуна» и добавляет: «До сегодняшнего дня они расположены на реке Дуна и поблизости от Кустадины» (Коковцов 1932: 92). Попытки идентифицировать гидроним «Руна» из краткой версии письма с Днестром, Днепром или Доном напрасны (Димитров 1989: 53; см. Коковцов 1932: 75), по оба списка источника недвусмысленно локализуют реку недалеко от Константинополя.

На фоне столь однозначных сообщений письменных источников совершенно очевидно, что Аспарух поселился в землях, примыкающих к устьям Дуная, – Онглосе византийских авторов. Существуют некоторые расхождения по вопросу о географическом положении данной исторической области, но все исследователи без исключения (даже те, кто проводят болгарско-хазарскую границу по Днепру или Днестру) локализуют ее вблизи дельты и никто не распространяет эту территорию за Южный бессарабский «Траянов» вал, линия которого проходит примерно в 40 км севернее реки. В этой связи логично думать, что Галицкий вал между Прутом и Серетом, скорее всего, является его продолжением в западном направлении, а не самостоятельным сооружением (рис. 1). Особого внимания заслуживает то, что между Южным бессарабским валом и Дунаем находится болотистая местность с рядом крупных озер и мелких речек, труднопроходимая для хазарской конницы (рис. 1). Едва ли на пространстве от Дона до Дуная есть более удобное место, где бы болгары Аспаруха могли укрыться и организовать успешное сопротивление численно превосходящему противнику (Георгиев 2003: 25–32). Маневренная и эффективная в степи хазарская конница становилась весьма уязвимой территорией между побережьем Черного моря и Прутом на западе и между Дунаем и Южным бессарабским валом на севере (рис. 2б), которая до сих пор покрыта водными препятствиями.

Болгары кана Аспаруха были вовсе не малочисленны, но даже по самым смелым вычислениям они составляли всего около 100 тыс. человек (Димитров 1987: 185–191; Божилов, Димитров 1995: 36). Такого количества людей совершенно не достаточно, чтобы освоить земли между Днепром, Дунаем, Прутом и Черным морем – более 50 тыс. кв. км, составляющих половину площади современной Болгарии. Большинство болгарских ученых считают северной границей владений Аспаруха Днепр, но не понятно, как после поражения на Кубани и Дону спасающиеся бегством болгары вдруг остановили на великой реке врага, а хазары согласились установить кордоны с ними посреди степи (Коледаров 1979: 26; Петров 1981: 146; Божилов 1979: 88–91; Димитров 1987: 238).

Нельзя не припомнить свидетельства Феофана и Никифора о том, что при отступлении Аспарух перешел как Днепр, так и Днестр, но они даже не намекают хотя бы на кратковременной остановке болгар на правом берегу одной из этих рек. Некоторые историки пришли к убеждению, что Аспарух почувствовал себя в относительной безопасности только после того, как ушел за Днестр, вдоль которого в конце VII в. или еще около 660 г. была проведена болгарско-хазарская граница (Димитров 1989: 53). Волей-неволей упускается из виду, что византийские авторы, а ними и хазарский каган Йосиф единодушно определили конечным рубежом миграции не Днепр и не Днестр, а Дунай. Это не случайно, ведь в VII в. хазары достигли вершин могущества и, не испытывая внешних угроз, вроде арабской, могли мобилизовать весь свой военный потенциал против болгар. Наконец, после победы в Онглосе в 681 г., а то и ранее (Рашев 1982: 20–32), Аспарух приложил огромные усилия южнее Дуная и быстро достиг Хемуса, что естественно потребовало переброски большинства его поданных в Добруджу.

Приходится признать отсутствие твердых аргументов исторического и логического характера, которые бы подтвердили гипотезу о том, что кан Аспарух остановил хазарское наступление на Днепре (или Днестре), после чего в последней трети VII в. там пролегла болгарско-хазарская граница.

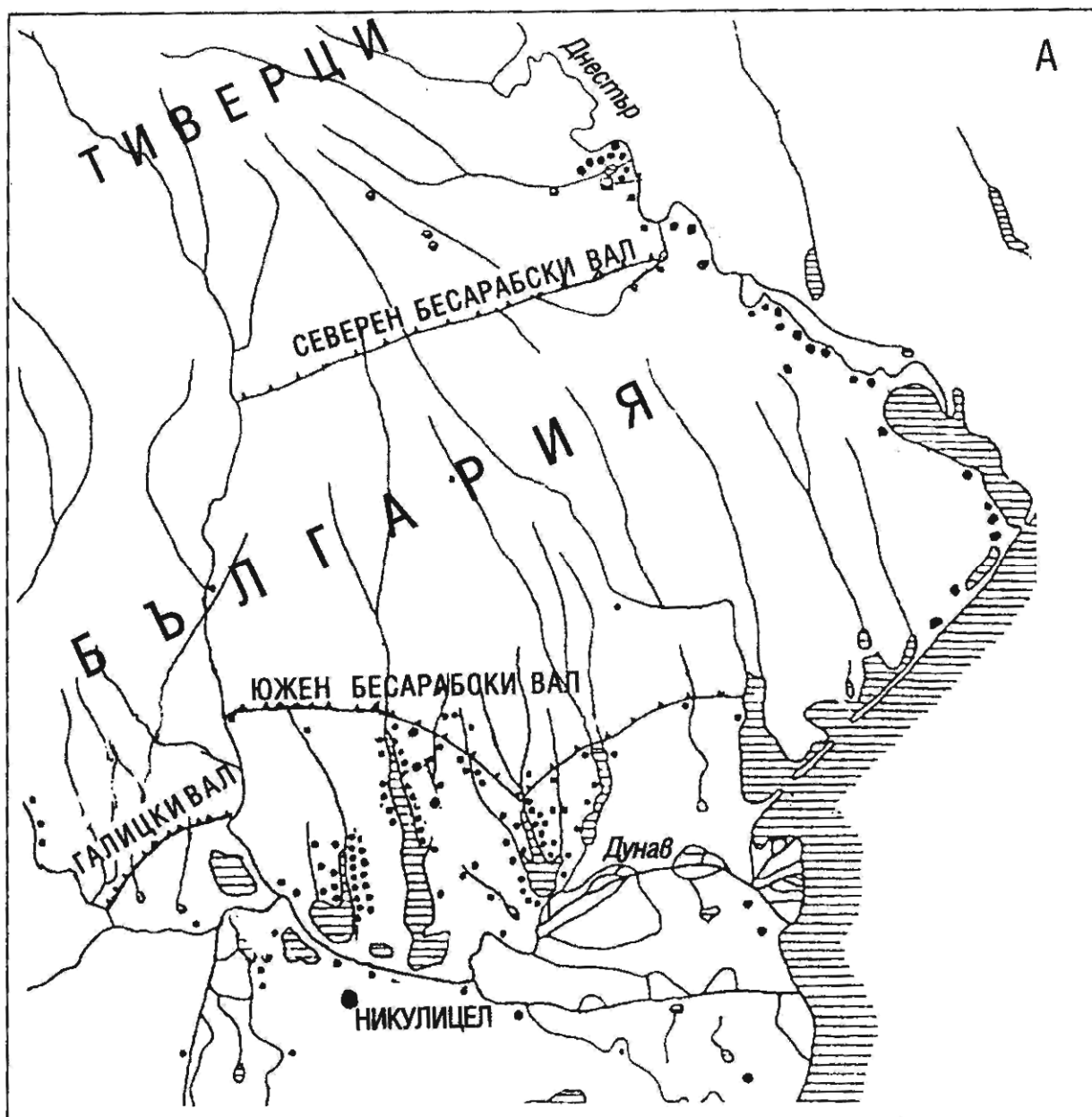

Рис. 1. Староболгарская оборонительная система и сеть поселений между Дунаем и Днестром VIII–X вв. (по Г.Ф. Чеботаренко, Р.Рашеву и В.И. Козлову).

Еще более спорными представляются попытки обосновать эту границу аргументами археологического происхождения. Утверждения, что Северный бессарабский вал и десятки селищ на правом берегу Днестра можно связать с болгарским присутствием конца VII – первой половины VIII вв. голословны (Божилов 1981: 90–97; Димитров 1989: 54) и уже давно подвергнуты основательной критике (Рашев 1995: 89–95). Разрезы Северного вала не дают никаких ориентиров для датировки (Чеботаренко 1997–1999: 67), а на изученных у Днестра памятниках нет материалов, указывающих на существование хотя бы некоторых из них во второй половине VII в. Опубликованные керамические комплексы и индивидуальные находки относятся не ранее, чем к концу VIII – началу IX вв. (Козлов 1992: 108–115; Рашев 1995: 89–95). Кроме того, между Днепром и Днестром до сих пор не отмечено ни одно староболгарское (и вообще раннесредневековое) стационарное поселение (рис. 1), что также ставит под вопрос возможность болгарского присутствия в этой зоне во второй половине VII в.

В контексте приведенных фактов можно без особого риска полагать, что в конце VII в. болгарско-хазарская граница проходила не по Днепру и не по Днестру, поскольку, только уй-

для далеко на запад, Аспарух закрепился в защищенном природой устье Дуная, вскоре огражденной от степи Южным бессарабским валом (Рашев 1982: 74, 77; 2001: 5–6). Это сооружение ориентировано на север, поскольку с этой стороны выкопан ров, который и теперь местами достигает глубины 2–3 м при ширине у дна – 4,5 м, а у поверхности – 7,5–10 м. Высота вала в ряде мест составляет до 3 м¹ (рис. 1, 2). Показательно, что все староболгарские селища района, известные среди специалистов бывшего СССР под названием «памятники балкано-дунайской культуры», находятся южнее от вала, а значит под его защитой. Более того, Южный «Траянов» вал стал условной границей между болгарами и хазарами. В современном смысле это понятие вообще отсутствовало, но болгары, укрывшиеся среди придунайских плавней, временно отказались оспаривать удобные для кочевания просторы на северо-востоке. В свою очередь характер хозяйства хазар предполагал наличие групп обиталищ (в конце VII – первой половине VIII в. они сместились из Дагестана к Дону) и раскинувшихся вокруг обширных территорий, которые составляли естественную основу их полукочевой экономики. Эти земли охватывали всю степь от Урала до Дуная и от Кавказа и Приазовья до лесной зоны на севере (Артамонов 1962: 8 и сл.; Плетнева 1967; Степи Евразии 1981: 5–6, 237 и сл.). По этой причине до сих пор не найдены и не могут быть найдены мысленно сконструированные дальние аванпосты хазар конца VII – начала VIII вв. на Днестре или Днепре. Только после 834 г. такую роль стала играть крепость Саркел на Дону. Но к тому времени реалии изменились и гарнизон Саркела, судя по всему, составляли не хазары, а печенеги и/или узы со статусом вроде федератов (Артамонов 1958: 7–9, 77).

Рис. 2. Южный Бессарабский (Траянов) вал со рвом с северной стороны (фотография Г.Атанасова 2009 г.).

Вне всякого сомнения, при Аспарухе болгарско-хазарские отношения были подчеркнуты враждебными. После заключения мирного договора между Болгарией и Византией в 681 г. основная опасность угрожала болгарам из Хазарии. Если сообщение Болгарской апокрифной летописи о гибели Аспаруха в сражении с «исмаильтянами» верно, то можно предполагать, что периодические столкновения болгар с хазарами действительно имели место (Дуйчев

¹ Это установила экспедиция «Онглос», работы которой в июне 2009 г. были финансированы доктором М. Врабевским. Участие в исследованиях, кроме авторов настоящего исследования и приняли директор Варненского археологического музея доктор истории В. Йотов, Й. Йотов из музея в Добриче, сотрудники и студенты Тараклийского государственного университета им. Григория Цамблака. В ходе археологической разведки был обследован район вдоль всего вала, растянувшегося на 126 км от реки Прут до причерноморского Сасыкского лимана.

1972: 130–132)². Впрочем, данный источник возник только в XI в. или даже в XIII в. (Diaconu 1993: 301–303), а византийских и латинских хронистов редко интересовали взаимоотношения в варварском мире, начинавшемся за северной границей ойкумены – Дунаем.

Болгарско-хазарское противостояние продолжалось и при преемнике Аспаруха, кане Тервеле (701–721). Об этом свидетельствует «сага» византийского императора Юстиниана II, которого в 695 г. лишили престола и заточили в Херсонесе. Проявив исключительную изобретательность, он сбежал из Крыма к хазарскому кагану и заключил брак с его сестрой. Юстиниан II начал закулисные интриги, чтобы вернуть себе престол, но они стали известны новому василевсу Тиберию II (698–705), который потребовал выдачи экс-императора. По-видимому, каган ценил добрые отношения с Византией, поэтому согласился пожертвовать изгнанником. Узнав об этом, в конце 704 г. хазарский зять поспешил уйти на корабле в Болгарию (Острогорски 1998: 205–209). Главной причиной в пользу такого решения была болгарско-хазарская борьба (Атанасов 2004: 9–14). Теперь Юстиниан II мог рассчитывать только на правителя, чья внешняя политика была направлена одновременно против Хазарии и Византии – сверхдержав Восточной Европы. Его принял кан Тервел, показав миру, что болгары достаточно окрепли в новых владениях и уже не трепещут перед хазарами, как это было во второй половине VII в.

Менее чем за полвека произошло нечто, что позволило Тервелу открыто выступить одновременно как против ромеев, так и против хазар. Можно допустить, что победа Аспаруха над Византией в 681 г. способствовала быстрому формированию у болгар новой самооценки. За последние 20 лет правления кана – 681–701 гг. – положение в Болгарском государстве стабилизировалось. Соглашение со славянами привело к резкому росту человеческого и хозяйственного потенциала. При этом освоение огромной территории от Дуная до Балканских хребтов и от Черного моря до реки Искар делало болгар гораздо менее уязвимыми в случае войны с хазарами. Предпринимались целенаправленные действия, чтобы обезопасить границы на юге, западе и севере от нападений ромеев, авар или хазар. Византийские хронисты пишут о переселении северов в Восточные Балканы для охраны на горных перевалах. Возможно тогда же возведено мощное земляное сооружение – Южный бессарабский вал (Рашев 1982: 28; Чеботаренко 1997–1999: 67–70). Создается впечатление, что его линия отделяла степь от насыщенной водными препятствиями зоны, отстоящей примерно на 40–60 км от Дуная. Основательными выглядят соображения, что это и есть северная граница Онглоса (рис. 1). Возможно, Южный бессарабский вал фиксировал пределы хазарской экспансии и в течение какого-то времени служил границей вновь созданного Болгарского государства.

Исследования вала у села Червоноармейское (Кубей) в Болградском районе Украины как будто бы впервые подкрепили аргументацию данной трактовки археологическими находками (Чеботаренко 1997–1999: 67–70). Под насыпью вала обнаружались славянские землянки с пражской и пеньковской керамикой VI–VII вв., которая, по некоторым представлениям, отметила дату начала возведения вала (рис. 3). Если принять предположение о принадлежности землянок строителям, это будет означать, что Аспарух использовал для работ на грандиозном объекте (длина вала составляет около 126 км) славян подвластных ему территорий. Однако картографирование раннеславянских поселений междуречья Дуная и Днестра показывает, что землянки из-под Южного бессарабского вала территориально изолированы от других славянских памятников. Сообразуясь с историческими реальностями, появление здесь населения, занятого строительством земляного оборонительного сооружения, следует датировать временем после победы Аспаруха 681 г. Только тогда могли произойти перемещения славянских племен на юг для охраны горных перевалов и на север для возведения оборонительной линии против хазар. Если же думать, что болгарско-хазарская граница проходила тогда по Днепру или Днестру, то не ясно, отчего первые болгарские правители не строили подобные сооружения на более удобных для защиты высоких правых берегах больших рек.

Между тем, болгарская практика сооружать длинные насыпи вдоль государственных границ подтверждается строительством т.н. Еркесии и валов в Северо-Западной Болгарии

² Показательно, что Анонимная летопись место смерти Аспаруха (соответственно и битва с хазарами) связывает с Дунаем, а не с Днепром или Днестром.

(Рашев 1982: 121–125). Хотя почти все исследователи связывают их с болгарами VIII в., возникают сомнения о создании Южного «Траянова» вала правителями Болгарии. Результаты исследований у Кубее не всегда учитываются, равно как и то обстоятельство, что практически все староболгарские (балкано-дунайские) селища расположены к югу от вала³. Более того, изучение памятников Богатое I, Сафьяны, Етулия VI и Суворово I, которые находятся вблизи и к югу от Траянова вала, открыло керамический комплекс (рис. 4), известный по староболгарским языческим некрополям VIII в. (см. Рашев, 2008, с. 177–187, табл. СІХ, а-d, СХІІІ–СХV). Это ведерковидные сосуды, тарелки, горшки с пролощенным сетковидным орнаментом, котлы с внутренними ушками, сосуды сплошь покрытые поясами из врезанных параллельных и волнообразных линий (Козлов 1992: 108–115; 1997–1999: 98–130). Особенно важным индикатором является пастырская сережка с поселения Орловка IV (рис. 5), сравнительно точно датируемая VIII в. (Козлов 1992: 113, 121. Рис. 2; Григоров 2002: 145–146). Несомненно, к раннему времени относятся и ведерковидные сосуды из Богатого, Сафьян и др. (Козлов 1992: 108–115; 1997–1999: 114. Рис. 16), которые находят прямые аналогии в закрытых комплексах VIII в. в Топола, Букове и староболгарских языческих некрополях (Сомџа 1978: 85, fig. 81–7; Дончева-Петкова, Ангелова, Йотов 1989: 144, 195. Рис. 11; Зирра 1963: 383–388. Рис. 24–7; Въжарова 1976: 160–161. Рис. 10; Бобчева 1976: 128. Табл. ХІІІ).

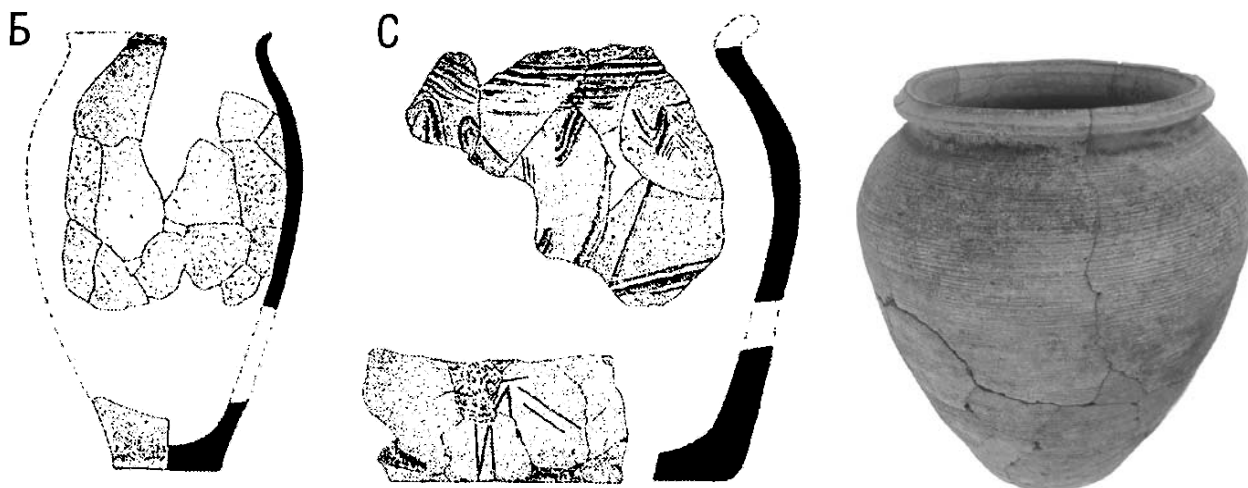

Рис 3. Славянская керамика VII в. из землянок под Траяновым валом в Червоноармейском (Кубее) Болградского района Украины (по Г.Ф. Чеботаренко).

В то же время продолжают развиваться идеи о том, что вал мог быть создан в поздней античности, в частности римлянами или готами (Napoli 1997: 373–374, fig. 266; Георгиев 2003: 27–29; Щукин 2005: 166. Рис. 154). С точки зрения планировки и конструкции вал и расположенный с севера от него ров отличаются от римских сооружений данного типа, с тыльной части которых, как правило, размещалась система лагерей, где дислоцировались войска (PWRE 1927: 633; Napoli 1997: 100–102, 343–344). Однако, оставленные готами поселения черняховской культуры находятся по сравнению со староболгарскими не по одну, а по обе стороны от вала (Щукин 2005: 166. Рис. 154). Словом, если вести речь о защите готского населения, оборонительную линию не имело бы смысла проводить через середину черняховского массива памятников (рис. 1, 6).

³ Из более 100 балкано-дунайских поселений, обозначенных на картах Г.Ф. Чеботаренко и В.И. Козлова, только некоторые локализованы севернее «Траянова» вала. Экспедиция «Онглос» пока не подтвердила наличие здесь ни одного раннесредневекового поселения. Напротив, все памятники оседлого населения VIII–X вв. расположены южнее.

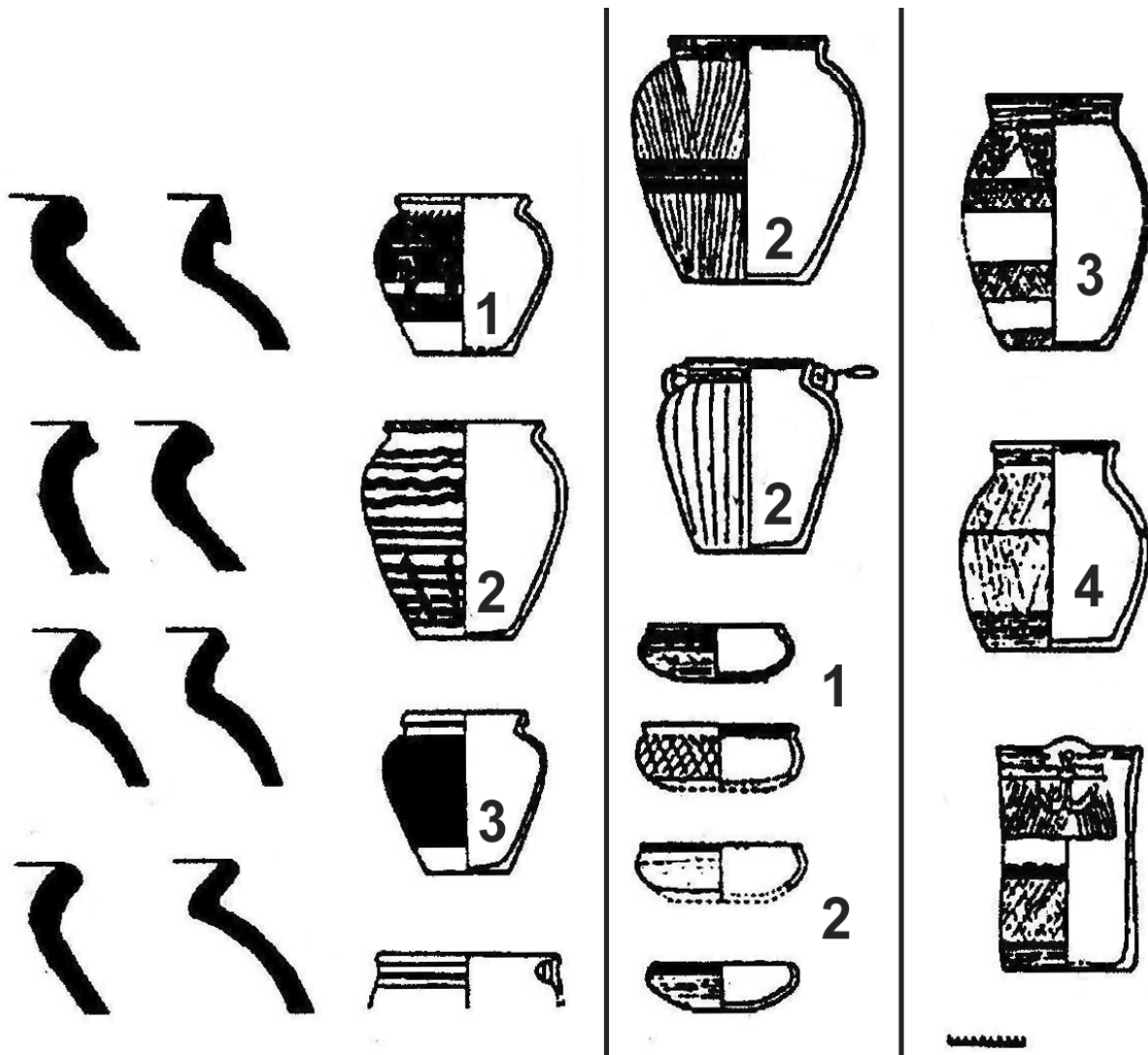

Рис. 4. Основные типы керамики VIII–IX вв. со староболгарских селищ между Дунаем и Днестром (по В.И. Козлову).

Рис. 5. Пастырская сережка VIII в. со староболгарского селища у с. Орловка на Дунае (по В.И. Козлову).

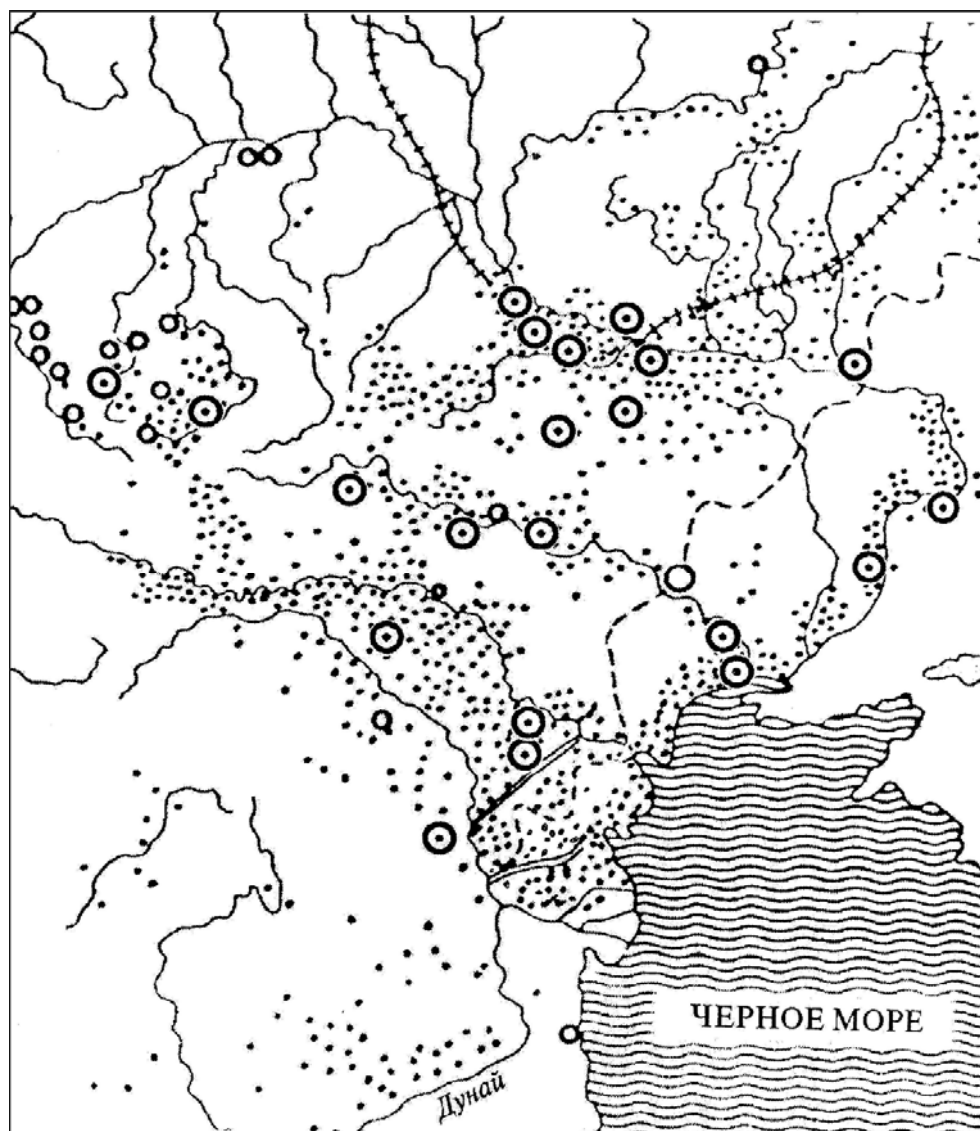

Рис. 6. Позднеантичные памятники IV в. (в основном черняховские поселения) между Дунаем и Днестром (по М.Б. Щукину).

Вместе с тем, во время изучения «Траянова» вала в 2009 г. авторы данной работы рассмотрели и эту возможность, которую не стоит недооценивать. Действительно, существуют косвенные свидетельства, что вал мог быть сооружен носителями черняховской культуры на финальной стадии готского присутствия, быть может, в ходе войны визиготов против хлынувших с востока гуннов около 376 г. (Wolfram 1990: 79–80, 95, not. 96; Vulpe 1950; 1957: 25–28; Щукин 2005: 166, 234, рис. 154). Аммиан Марцелин, на основе рассказов свидетеля событий, утверждает, что перед атакой гуннов готский король Антанарих приказал возвести укрепление (castrum). Это было сделано вблизи границы у «долины (valle) Гревтунгов» или «вала (valum) Гревтунгов» (Amm. Marc, XXXI, 3, 4–7). Однако гунны сумели обойти его и вынудили визиготов убраться, которые укрылись на юге между реками Дунай и Герасис в местности с высокими холмами и построили вал. Следуя этому описанию некоторые авторы полагают, что Аммиан Марцелин имеет в виду Северный бессарабский (Траянов) вал и Галацкий вал между Дунаем, Прутом и Серетом, который является продолжением интересующего нас Южного Траянова вала (Wolfram 1990: 79–80, 95, not. 95; Щукин 2005: 166, 234, рис. 154). Геофизические исследования дают противоречивые даты строительства этого вала – III в. (Дзиговский, Лисецкий 1997: 229–238) и даже гораздо позже. Так, материал, взятый для радиоуглеродного анализа из заполнения придонной части рва на западном берегу озера Катлабух во время раскопок 1995 г. и исследованный специалистами Дании (руководитель проф.

Клавс Рандсборг), хронологически с наибольшей степенью вероятности укладывается в X в. На эпоху Первого Болгарского царства указывает и фрагмент балкано-дунайской керамики славянского облика, найденный в глубине заполнения рва примерно в 1 км от места взятия пробы на С-14 (Фокеев, Руссев 2002: 406–412).

Наряду с прочим это может означать, что вал возведен в античную эпоху (очевидно, не самими римлянами, а многочисленным здесь черняховским населением, связанным с готами), но периодически перестраивался, в частности и в раннем средновековье. Действительно, такое грандиозное сооружение, впечатляющее своими размерами и сегодня, не могло не использоваться более поздними обитателями региона, чему имеется ряд прямых свидетельств⁴. Поэтому важно понимать, что если даже вал и не был возведен праболгарами в конце VII в., он может иметь прямое отношение к началу истории Болгарии Аспаруха и болгарской истории конца X в. С появлением в районе дельты болгары, по всей видимости, обновили старое укрепление (с чем вполне логично связываются славянские землянки у Червоноармейского) и превратили его пограничный рубеж, за которым расположили свои поселения. Показательно, что ни одна землянка поселения Суворово I, подходящего вплотную к валу с юга, не вкопана в насыпь или в ров. Если бы это сооружение рассматривалось не как защитная или пограничная линия, а только как ландшафтная данность, то для местного населения было бы весьма практично строить землянки с южной подветренной стороны вала у рва. Однако это не сделано, как в укреплениях к югу от Дуная – Кладенци, Попина и Нова Черна (см. Рашев 1982: 124), которые в X в. Потеряли свое оборонительное значение. Кстати, высказано предположение, что большой добруджанский земляной вал с военными лагерями с юга создан римлянами, но VII–IX вв., несомненно, вторично использовался болгарами (Георгиев 2003: 27–29; 2010)⁵. Очевидно, на своей новой родине они проявили высокую степень адаптивности к античному наследству. И все же только будущие более масштабные исследования могут дать точный ответ на вопрос, кто здесь создал вал – многочисленное черняховское население IV в. или осевшие в края на VII в. болгары Аспаруха.

Получив крепкое наследие от Аспаруха, Тервел смог противопоставить себя хазарам, предоставив убежище преследуемому как хазарами, так и ромеями Юстиниану. Твердость его позиций доказывают события лета 705 г., когда болгарский кан повел всю свою армию на юг, дабы восстановить на троне Юстиниана, после чего он оставался под Константинополем несколько месяцев. Страхась хазарской мощи и опасаясь за безопасность тыла, кан не решился бы отойти от Дуная так надолго и на такое большое расстояние (около 1000 км).

Есть основание считать, что в конце VII – начале VIII вв. одна из резиденций болгарских канов находилась у Дуная. Эти соображения (Гюзелев 1993, 3–4; Атанасов 2004, 13–18) теперь можно развить, подкрепив новыми фактами. Как уже говорилось, в конце 704 г., отправившись в Болгарию, Юстиниан II избежал ловушки, которую ему приготовили византийский император и хазарский каган. Согласно Феофану Исповеднику, тайно отплыв из Фанагории, Юстиниан II и его спутники сумели добраться до дельты Дуная (Theophanes, 373 = ГИБИ, III, 266–267). Бросив где-то здесь якорь, они отправили к болгарскому кану своего посланника, некоего Стефана.

На первый взгляд маршрут этого плавания ясен (рис. 7). Согласно Феофану Исповеднику, в пути корабль попал в страшный шторм и едва нашел пристанище в Томи. Если речь идет о современной Констанце, то затем Юстиниан II со своими людьми повернул на север и только тогда вошел в Дунай (Theophanes, 373 = ГИБИ, III, 266–267; Чичуров 1980: 39–40/63, прим. 318). Патриарх Никифор уточняет: при кратковременной стоянке в Томи беглецы побывали в приморском поселении (Nicephorus, 42 = ГИБИ, III, 297–298; Чичуров 1980: 155/163, прим. 102, 103). На месте когда-то большого античного центра скитальцы встретились с заурядным селением. По археологическим материалам Томи был разрушен еще в

⁴ Примечательно, что Траянов вал использовал фельдмаршал П. Румянцев для прикрытия маневрирующих русских войск перед битвой у Кагула в 1770 г. Траянов вал и теперь служит в качестве коммуникационной линии, поскольку по большей части его длины проходит дорога.

⁵ П. Георгиев полагает, что не имеющий лагерей малый земляной вал в Добрудже также сооружен визиготами в конце IV в. и подобно Траянову валу вторично использован болгарами Аспаруха.

VII в., а на его руинах в IX–X вв. ютились два небольших села (Cirgan 1970: 373–393; Mănucu-Adameştesnu 1991: 317–327).

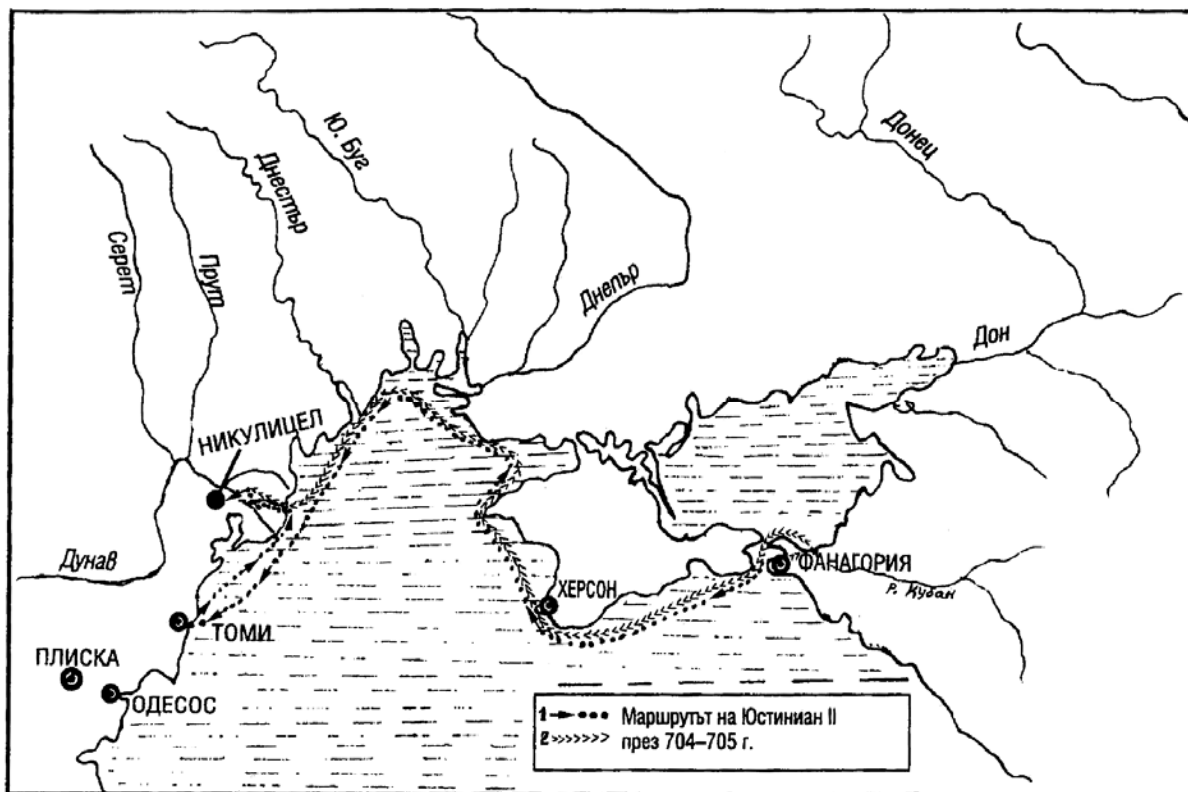

Рис. 7. Маршрут экс-императора Юстиниана II в конце 704 г. из Фанагории к резиденции кана Тервела у Никулицела (по Г. Атанасову).

Этот эпизод рассматривается подробно, поскольку имеет прямое отношение к локализации резиденции Тервела и Аспаруха и косвенно связан с болгарско-хазарскими контактами. Если постоянной и единственной резиденцией болгарских правителей после 680/681 г. стала Плиска или район Девненского поля – примерно в 25 км западу от Варны у античного Марцианополя⁶, совершенно не понятно, почему Юстиниан II со свитой отправился на север, а не завершил свое плавание в Томи. Куда более логичным было бы продолжить движение на юг, чтобы бросить якорь в безопасном и удобном Варненском заливе, в порту античного Одессоса. И Феофан, и Никифор перед описанием плавания Юстиниана II сообщают, что Аспарух взял Варну еще в 681 г. (Theophanes, 360 = ГИБИ, III, 263; Nicephorus, 35 = ГИБИ, III, 296). Наконец, Плиска, которую обычно считают столицей Аспаруха и Тервела, находилась только в 70 км от Одессоса, в 170 км от Томи, но в 300 км от дельты Дуная (рис. 7). Девненское поле, где в последние годы предлагается располагать лагерь канов конца VII – начала VIII вв., опять же находится под Варной. Однако Юстиниан II искал встречи с Тервелом в противоположной стороне.

Существует мнение, что Феофан и Никифор имели в виду не город Томи (Констанцу), который в конце VII – IX вв. уже не существовал, а поселение *Τόμην* или *Τόμιν*, располагавшееся в непосредственной близости от Фанагории (Чичуров 1980: 126, прим. 318; Mănucu-Adameştesnu 1991: 317–327; Чхаидзе 2008: 270–271). Действительно, если строго следовать текстам, то логично искать *Τόμην* недалеко от Фанагории, а не на противоположном берегу Черного моря. Некоторые исследователи отождествляют *Τόμην* – *Τόμιν* с поселением Гермонассы, располагавшимся всего в 20 км от Фанагории, где открыты следы обитания эпохи

⁶ На локализации резиденции кана Аспаруха и его первых наследников в районе античного Марцианополя – Девненском поле примерно в 25 км восточнее Варны (древнего Одессоса) – в последние годы настаивает П. Георгиев (Георгиев 2002: 208–227; 2003: 24–38).

раннего средневековья (Атавин 1988: 23; Коровина 2002: 10–13; Гадло 2004: 37; Чхаидзе 2008: 270–271). Более того, имя *Τόμην* (*Томен*) выводится от термина «тумен» – названия тюркской (болгарской, хазарской) воинской части (Гадло 2004: 37). Согласно другому взгляду в первоисточнике было написано слово *στόμιν* – *stomen* (= устье реки), а Теофан и Никифор опустили первую букву и топоним приобрел вид *Τόμην* (Сорочан 2005: 405). В самом деле, совсем близко к Фанагории находится устье реки Кубань, где экс-императора ждала лодка, прибывшая из Херсонеса. Наконец, Феофан в своем сочинении несколько раз упоминает собственно античный Томи (Констанцу) на западном черноморском берегу, но передает его наименование как *Τόμεια* – *Τόμειαν* и никогда как *Τόμην* – *Τόμιν* (Theophanes, 257, 278 = ГИБИ, III, 243, 252). В этой связи более правдоподобным представляется плавание Юстиниана II к резиденции Тервел из близкого к Фанагории порта *Τόμην* – *Τόμιν*, не имевшего отношения к лежащему в руинах античному городу *Τόμεια* (*Томи*). Вместе с тем, даже локализирующие *Τόμην* – *Τόμιν* у Фанагории авторы отмечают, что письменные источники, которые бы подтвердили существование поселения с таким наименованием, отсутствуют (Чхаидзе 2008: 270–271)⁷.

Как бы то ни было, оба византийских хрониста называют целью заранее спланированного маршрута устье Дуная. Именно здесь у села Никулицел (современная Румыния) известен огромный укрепленный лагерь с тремя цитаделями (рис. 8), предполагаемое место расположения резиденции Аспаруха накануне (Шкорпил 1918: 224–234; Рашев 1982: 27–32, табл. I) или после (Георгиев 2003: 36–38) битвы с ромеями в 680/681 г.⁸ В историографии давно утвердилась идея, что после победы кан перенес столицу в Плиску. Однако, судя по маршруту Юстиниана, представляется, что Никулицелский лагерь с главной цитаделью (т.н. «Большое кале») продолжал исполнять роль основной канской резиденции и в 704–705 гг. Поскольку корабль экс-императора целенаправленно вошел в дельту, понятно, что ставка Тервела размещалась где-то рядом. В самом деле, лагерь у Никулицела отдален от правого берега Дуная всего на 10 км (рис. 8А). Очевидно, туда и отправился посланник Стефан.

Гипотеза о том, что главной резиденцией двух первых канов Дунайской Болгарии являлся Никулицелский лагерь, не противоречит возможности одновременного основания второй резиденции в Плиске или в Марцианополе. Об этом свидетельствуют Анонимная болгарская летопись, называющая Аспаруха создателем града Плисков (Дуйчев 1972: 130), а также археологические исследования (Рашев 1993: 252–262; 1995: 10–22). Кстати, обычай болгарских правителей иметь две резиденции сохранился и позднее. Построенный Омуртагом (814–831) дворец в Дристре оставался второй резиденцией вплоть до падения Северо-Восточной Болгарии под власть Византии (Бешевлиев 1981: 145–146; 1992: № 56; Ангелова 2003: 183–196; Атанасов, 2010).

Существенным является вопрос: почему после 681 г. Аспарух, а затем и Тервел продолжали использовать Никулицел в качестве главной резиденции? По всей видимости, это и был единственный центр, легитимный в глазах иностранных правителей. Иначе откуда бы Юстиниан II знал, что Тервел пребывает в устье Дуная, а не в Плиске. Причина нахождения ставки канов у северных границ их владений видится и в непрекращавшейся болгарско-хазарской вражде. Похоже, заключение мирного договора с Византией в 681 г., произошедшие после 691 г. византийско-арабские столкновения и защищенные славянами Балканы свели к минимуму опасность с юга. Обессиленные авары обитали слишком далеко от болгарских границ, чтобы представлять реальную угрозу с запада. Однако, напряженность на северо-востоке

⁷ Напротив, хотя в Констанце археологи до сих пор не открыли поселения VII–IX вв., епископия Томи регулярно фигурировала в отчетах Константинопольской патриархии того времени (Dargouzes 1981: 241–260).

⁸ О первоначальной резиденции Аспаруха и локализации Онглоса дискуссия продолжается уже более века. На наш взгляд, заслуживает внимания точка П. Георгиева зрения о том, что со времени прихода Аспаруха на Дунай после 665 г. и до сражения с византийским императором Константином IV в 680 г. *Онглос* охватывал территорию от Южного бессарабского вала до Дуная, а резиденцией кана служил т.н. Галацкий лагерь между Дунаем, Прутом и Серетом (Георгиев 2003: 35–37). Впрочем, Галацкий вал является своеобразным продолжением на Траянова вала. После победы над Византией в 680 г. Аспарух расширил границы Дунайской Болгарии (= Онглоса) на юг в Добруджу и создал новую резиденцию в районе Никулицела. В отличие от Р. Рашева, П. Георгиев считает, что до 680 г. имели место лишь периодические нашествия болгар в Добруджу.

сохранялась, поскольку достигший пика военной мощи каганат еще не был вовлечен в другие войны. Если Аспарух, действительно, погиб в сражении с хазарами, то острое противостояние продолжалось десятилетиями со времени поселения болгар на Нижнем Дунае, а Никулицел представлял оптимальный вариант канской резиденции. С одной стороны, он был не очень далеко от театра военных действий. С другой стороны, окруженный двойным поясом укреплений лагерь был достаточно надежным убежищем при вероятном хазарском прорыве, так как находился под прикрытием Дуная – одной из наиболее трудно форсируемых водных преград Европы.

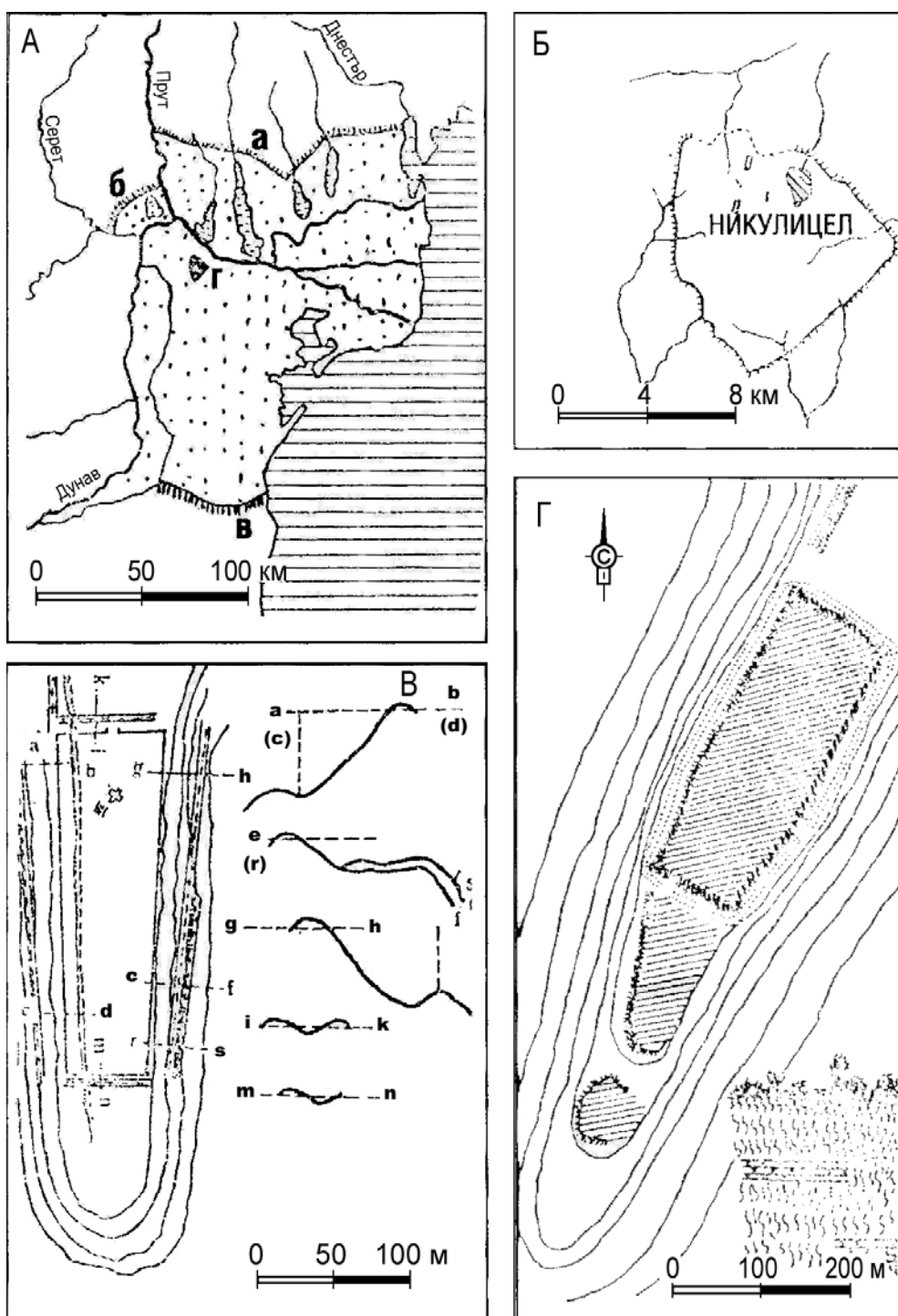

Рис. 8. Резиденция первых канов Дунайской Болгарии в конце VII – начале VIII вв. в Никулицелском укрепленном лагере (по Р. Рашеву).

Сложно сказать, когда болгарские правители оставили Никулицел и превратили Плиску из «резервной» столицы в главную. Вероятно, это произошло с устранением хазарской опасности и отдалением болгарско-хазарской границы в северо-восточном направлении. Кан получил исключительно высокое признание, когда с восстановлением на престоле Юстиниана II был удостоен титула «кесарь» с соответствующими инсигниями и получил в жены византийскую принцессу (Атанасов 1999: 35–46). С этого времени Тервел стал первым иноземным правителем-кесарем у ромеев. Теперь ему довелось следить за событиями в Константинополе с более близкого расстояния⁹.

С новым восшествием на престол Юстиниана II византийско-хазарские отношения улучшились, поэтому на фоне болгарско-византийского сотрудничества, угасание полувекового болгарско-хазарского противостояния выглядит естественным. Императрица являлась сестрой кагана Ивузира, а супругой Тервела, вероятно, стала дочь Юстиниана II от первого брака. Если же верно сообщение Анонимной хроники VIII в. о приеме, устроенном императором болгарскому и хазарскому правителям в константинопольской базилике с золоченной крышей, то потепление отношений вовсе не исключено.

Тем не менее, данный эпизод не стал решающим в сглаживании болгарско-хазарских противоречий. Вскоре каган изменил свою политику и косвенно содействовал повторному смещению Юстиниана II с трона в 711 г. Причину долгосрочного устранения хазарской опасности от болгарских границ надо искать в других событиях, прежде всего, в продолжительной арабско-хазарской войне, вспыхнувшей в 706 г., когда Маслама, захватив территории современного Азербайджана, атаковал хазар у Дербента. Особенно ожесточенным стало арабское наступление 708–709 гг., которое сделало конфликт необратимым. Оно привело Хазарию к огромным потерям и тяжелым поражениям (Артамонов 1962: 202 и сл.). Именно в этой войне, потребовавшей долгого напряжения сил каганата, следует видеть главную причину исчезновения хазарской опасности с северо-восточных рубежей Болгарии.

После 705–707 гг. Тервел уже мог спокойно оставить резиденцию в Никулицеле и окончательно перебраться к подножью Балкан, в Плиску или Марцианополь. Теперь правитель находился ближе к границе с Византией и Константинополю, где вершилась большая политика. Кроме того, изматывавшие хазар сражения на Кавказе дали возможность для своеобразной реконквисты болгарских канов в направлении старых территорий. Возможно, она началась еще при Тервеле, который довольно легко «отодвинул» северо-восточные окраины государства на безопасное расстояние от Дуная, подальше от Южного бессарабского вала. Несомненно, только после этого Днестр более чем на столетие стал пограничьем Болгарии, хотя все еще не ясно, когда возникли староболгарские поселения на его правом берегу. Не исключено, что аванпосты у реки появились еще при Тервеле, но вся система из примерно 40 посе-

⁹ Однако и после Тервела, по меньшей мере, до конца VIII – начала IX вв., Никулицел видимо сохранял за собой роль важного государственного центра, в связи с болгарско-хазарской напряженностью и большой концентрацией болгарского населения на Нижнем Дунае до дельты до Южного «Траянова» вала. Об этом косвенно свидетельствуют действия византийского императора Константина V Копронима против Българии в начале второй половины VIII в. (Златарски 1970: 282–286; Божилов, Гюзелев 1999: 115–118). По Феофану и Никифору в его самых больших походах 760, 763 (Theophanes, 431, 433 = ГИБИ, III, 270, 271; Nicephorus, 66, 69 = ГИБИ, III, 301, 303) и, наверное, 766 г. (Theophanes, 437 = ГИБИ, III, 273; Nicephorus, 73 = ГИБИ, III, 305; Божилов, Гюзелев 1999: 118; если судить по текстам в последнем морском походе 2600 кораблей не были направлены к дельте) наблюдается одна и та же тактика. Основная армия императора через Анхиало и ущелья Восточных Балкан атаковала главную резиденцию болгарских ханов в Плиске (или Марцианополе?), в то время как корабли (в первый раз 500, а во второй 800) высаживали в дельте Дуная конницу, опустошавшую прилегающий регион. Регулярное доставка столь значительных сил на север, в сторону от направления главного удара, означает, что там находился обладавший большими ресурсами крупный болгарский центр, которым может быть первая резиденция у Никулицела. Замечательно, что после Константина V, т.е. в конце VIII в. византийские походы на Болгарию имели целью столицы, но уже оставляли без внимания дельту Дуная. Как упоминалось выше, по археологическим данным, включая лапидарные надписи, в качестве дунайской резиденции болгарских канов после начала IX в. выдвинулась Дристра (Силистра). По всей вероятности, к ней перешли функции Никулицелского лагеря – второго государственного центра страны. Одна из причин тому – исчезновение хазарской опасности на северо-восточной границе Дунайской Болгарии.

лений и укрепления Калфа (рис. 1) сформировалась лишь к концу VIII – началу IX вв. (Козлов 1992: 109–122).

В начале VIII в. Болгария не располагала возможностями для плотного заселения огромного пространства между Черным морем, Искарком и Южным бессарабским валом, а тем более для колонизации междуречья Серета и Днестра. Не стала качественно иной ситуация вплоть до конца VIII – начала IX вв., когда согласно археологическим данным почти одновременно возникло множество поселений на правом берегу Днестра. Для болгарских канов, владевших огромными территориями на Балканском полуострове, освоение столь дальней окраины едва ли было самым необходимым делом. Поэтому, видимо, ближе к истине те историки, которые считают новые поселения по Днестру не следствием колонизации из Придунавья, а результатом гражданской войны в Хазарском каганате начала IX в. (Артамонов 1962: 324 и сл.). Тогда каган подверг жестоким преследованиям всех подданных, отказавшихся принять иудейство. По наблюдениям археологов хазары разрушили множество болгарских поселений и крепостей, что привело к бегству уцелевшего населения в направлении Волжской и Дунайской Болгарий (Артамонов 1962: 324–330; Димитров 1987: 272). С этими событиями связывается упомянутая в одном эпитафическом памятнике времени Омуртага смерть на Днепре болгарского военачальника Корсиса (Бешевлиев 1992: №56; Vozilov 1973: 72–76). Не исключено, что полководец прикрывал уход соплеменников из каганата в Дунайскую Болгарию. Предположительно население, покинувшее каганат в гражданскую войну начала IX в., заняло правый берег Днестра (Смиленко, Козловский 1987: 74–75). В итоге северо-восточная граница была надежно защищена, а между Днестром и Днепром возникла своеобразная «демилитаризованная» зона – ничейная земля, где до сих пор не известен ни один памятник оседлого населения VII–XI вв., будь то болгарского, хазарского или древнерусского происхождения (Рашев 1995: 95; 2001: 6; Атанасов 2001: 88–190).

Попытки датировать земляное укрепление в Калфе концом IX – X вв. (Чеботаренко 1973: 13–28) представляются неубедительными, потому что в это время в Болгарии подобные сооружения массово забрасывали и на их месте возводили каменные крепости. Однако земляные укрепления характерны для языческого периода VIII – начала IX вв., когда болгары только закреплялись на правобережье Днестра (Рашев 1982: 121–125).

Исследователи, ставящие задачу изучить болгарско-хазарские отношения после Омуртага, испытывают большое затруднение. Тяжелые поражения, которые нанесли каганату арабское вторжение первой половины VIII в. и последовавшее в конце столетия восстание христиан в Крыму, не дали возможности хазарам проводить активную политику на западе (Артамонов 1962: 253 и сл.). Кроме того, до прихода к власти кана Кардама Болгария пережила острый политический кризис, связанный с чехардой на троне и продолжительными войнами с Византией. Это стало причиной приостановки серьезных столкновений с хазарами на северо-востоке. Болгары, вероятно, еще держали какие-то наблюдательные пункты по Днестру, но в целом на огромной территории от Южного бессарабского вала до Северского Донца, стационарные памятники в VIII в. не отмечены. Густая сеть сельских поселений и укреплений в междуречье Дона и Донца сформировалась позднее.

Вражда вновь воспламенилась в связи с хазарским наступлением на обитавших в качестве подданных кагана у Донца и в Приазовье болгар, с которыми ассоциируются степные поселения салтово-маяцкой культуры (Плетнева 1982: 111; Димитров 1987: 130–132). Однако, на наш взгляд, после ухода их обитателей в пределы Дунайской Болгарии, главным образом на правобережье Днестра, столкновения постепенно сошли на нет. Основная причина в том, что именно тогда степи между Доном и Днестром стали осваивать венгры и печенеги (Артамонов 1962: 343–347; Vozilov 1973: 72–76; Димитров 1998: 21–28), ликвидируя и без того размытую болгарско-хазарскую контактную зону.

Десятки болгарских (балкано-дунайских) поселений у Днестра и Днестровского лимана оставлены в конце IX – начале X вв., что подтверждается отсутствием на них характерных для X – начала XI вв. керамики и индивидуальных находок (украшений, предметов христианского культа, монет).

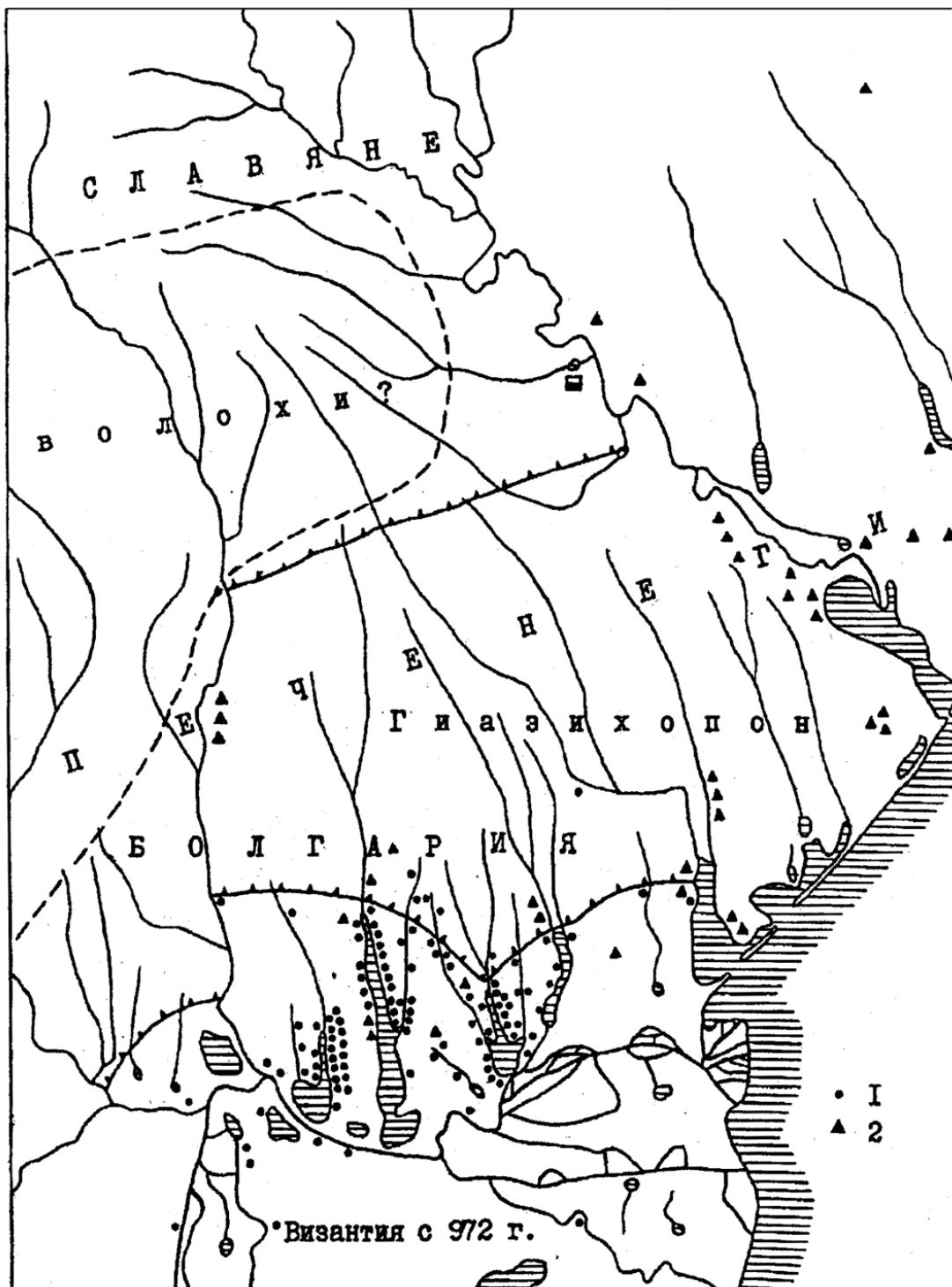

Рис. 9. Этнополитическая ситуация между Дунаем и Днестром во второй половине X – начале XI в. (по А.О. Добролюбскому и В.И. Козлову):
1 – поселения дунайских болгар, 2 – погребения кочевников X–XI вв.

Это хронологически совпадает с прекращением жизни крымских староболгарских селищ типа Героевка, Кордон, Обба, Тепсень и др. погибших в результате печенежского нашествия в конце IX – начале X вв. (Якобсон 1958: 483, 500; 1970: 51, 81, 181; Баранов 1990: 129–139; Димитров 1987: 177, 265, 274; КСВП 2003: 55–59)¹⁰. Интересно, что в то же время прекратилась

¹⁰ Д. Димитров допускает, что эмигрировавшие из Крыма болгары поселились на юге черноморского побережья Добруджи. С этим перемещением болгар-христиан связывается появление в начале X в. крымских эле-

жизнь в Фанагории и окрестных поселений Таманского полуострова (КСВП 2003: 155–168; 181–183; Чхаидзе 2008: 272–273), также связанных с болгарской культурой и т.н. *черными болгарами*¹¹. Опираясь на эти данные и сообщения некоторых письменных источников можно предположить: часть населения Поднепровья, Приазовья и Северного Черноморья с санкции болгарского царя было переселено в северную часть Онглоса, то есть в земли между Южным «Траяновым» валом и Дунаем, а также в Добруджу (Атанасов 2001: 188–190).

Опираясь на эти данные и сообщения некоторых письменных источников, можно предположить: население Поднепровья и Северного Черноморья с санкции болгарского царя было переселено в северную часть Онглоса, то есть в земли между Южным «Траяновым» валом и Дунаем, а также в Добруджу (Атанасов 2001: 188–190). Сходные процессы отмечаются и на Валахской равнине. Здесь сотни болгарских селищ IX в., известные в румынской литературе как памятники типа Дриду (Zaharia 1967: 135–165), прекратили свое существование в первой половине X в. При этом в обоих случаях следы насильственного уничтожения поселений не зафиксированы. Поэтому можно допустить, что переселения происходили организованно и являлись частью политики Симеона Великого (893–927). Для реализации имперских замыслов (сокрушения Византии и взятия Константинополя) он должен был наряду с прочим сконцентрировать большое количество людей на коренной территории царства, в основном в Добрудже и Северо-Восточной Болгарии, где еще в VIII–IX вв. сеть поселений была не особенно густой. Зато с началом X в. здесь отмечен резкий рост населения – количество известных памятников, в том числе укрепленных, уже достигло 300. Ad fundamentum было возведено около 20 каменных крепостей в Добрудже и каменная стена Констанца – Чернавода, чей terminus post quem по археологическим материалам (Скала, Руйно, Цар Асен, Окорш, Преселенци, Василево, Одарци и др.) убедительно отнесен к началу X в. (Димитров 1994; Йотов, Атанасов 1998; Атанасов 2001: 189–191; 2001a: 76–79; Атанасов, Засыпкина, Йотов, Руссев 2004: 97–107 Атанасов, Йотов, Руссев 2004).

Вместе с тем, при изучении памятников в районе села Етулия на юге Республики Молдова удалось установить, что жизнь на них продолжалась в IX–X и даже начале XI в., поскольку сделанные здесь наиболее поздние керамические находки, включая амфоры, датированы концом X – началом XI вв.¹² Судя по всему, в конце IX – первых десятилетиях X вв. болгарское население окраин царства организованно переселилось в земли к югу от Дуная, уплотнив обитателей Добруджи и Северо-Восточной Болгарии. Болгарская граница по Днестру вновь переместилась на Южный «Траянов» вал, который оставался единственным форпостом царства севернее Дуная. И здесь – между рекой и валом – количество населения резко возросло – на площади примерно в 5000 км²¹³ открыто более 100 балкано-дунайских поселений IX–X вв. Обезлюдившие степи севернее Дуная и «Траянова» вала достались кочевникам-печенегам.

ментов в церковном строительстве, в частности, однефных церквей без притвора с одной обширной апсидой в крепостях Скала, Цар Асен, Преселенци, Свещари и Каварна, а также в скальных монастырях в Мурфатларе и у реки Канагел-Дристра между Силистрой и Плиской (Атанасов 1994: 53–74; 2007, 181, 201). Кроме того, в построенных в начале X в. крепостях Руйно I, Руйно II, Цар Асен, Окорш, Преселенци и др. в ходе раскопок последних лет открыты некоторые типы глиняной посуды с врезанным орнаментом и пролощенными краями, сходные с керамикой крымских селищ VIII–IX вв. (Подробнее о различных интерпретациях староболгарских поселений Крыма, Приазовья и Северного Черноморья и их хронологии см. Майко 2007: 151–165).

¹¹ О т.н. «черных болгарях», потомках орды Батбаяна – сына Кубрата, который остался в старых местах обитания Приазовья и Северного Черноморья, и их автономном статусе в Хазарском хаганате см. Constantinus Porphyrogenitus 1967: 64; Константин Багрянородный 1989: 53, 335; ГИБИ, V, 214; Божилев 1979: 163–167.

¹² Результаты получены в ходе археологических шурфовок по программе «Онглос» в 2004, 2005 и 2010 гг. под руководством Н. Руссева, Г. Атанасова и Р. Рашева при участии студентов молдавских университетов – Высшей Антропологической Школы в Кишиневе и Тараклийского государственного университета им. Григория Цамблака.

¹³ Константин Багрянородный пишет, что печенеги могут представлять потенциальную опасность и победить болгар. Однако письменные источники не отметили ни одного печенежского нашествия, направленного против Болгарского царства. В ходе археологических исследований в десятках крепостей и селищ Добруджи и Северо-Восточной Болгарии X в. также не выявлены следы пожаров и разрушений, начиная с конца IX в. вплоть до 971 г., когда в регион вторглись войска киевского князя Святослава и византийского императора Иоанна Цимисхия.

Очевидно, заблокированный венграми в Дристре Симеон заключил в 893 г. договор с печенегами, которые пришли с большим войском и помогли ему разбить, а затем и прогнать врага далеко на запад (Златарски 1971: 304–307; Божилов 1971: 30–34; Diaconu 1979: 10–12).

Впрочем, печенежская помощь едва ли была безвозмездной. Похоже, договор был взаимовыгодным. По всей видимости, переговоры были продолжительными, о чем косвенно свидетельствует современник этих событий византийский патриарх Николай Мистик, утверждавший, что к печенегам *«отправляли посланников из Болгария не раз и не два, а многократно предлагали им войти в союз с ними»* (Nicolas I Patriarch of Constantinople 1973: 112). Содержание договора в точности неизвестно, но последовавшие события дают возможность реконструировать основу его смысла. Судя по всему, он состоял в том, что болгары уступали свои территории за Дунаем и к северу от «Траянова» вала кочующим печенегам (их способ хозяйствования был невозможен без больших равнинных территорий) в обмен на обязательства охранять северную и северо-восточную границу царства, а также участвовать в военных кампаниях болгар. Словом, речь шла о получении печенегами нового статуса, сходного с федератским. Такая перемена требовала освобождения этих территорий от староболгарского оседлого населения, представленного памятниками типа Дриду и Калфа. Их обитатели, очевидно, переселились на юг. Об этом свидетельствуют археологические реальности – выше уже комментировалось насильственное пресечение жизни на староболгарских селищах Валашской равнины и в землях между Южным «Траяновым» валом и Днестром вскоре после начала X в. Так следует понимать и сообщение Константина Багрянородного, отлично информированного о реальностях первой половины X в., который при описании территорий к северо-востоку от Дуная, служивших обиталищами венгров накануне их нашествия на Болгарию в 893–895 гг., отмечает: *«Там теперь живут печенеги»*. Это подтверждается еще одним пассажем из его сочинения: *«От областей нижнего течения р. Дунай напротив Дристры простирается Печенегия»*, которая, по мнению византийского императора, достигала хазарской крепости Саркел (Constantinus Porphyrogenitus 1967: 177; Константин Багрянородный 1989: 165, 171; ГИБИ V, 214).

Как было сказано, археологические исследования не выявили стационарных поселений X – начала XI вв. севернее Южного «Траянова» вала. Удалось установить, что на городище Калфа и на 40 староболгарских поселениях IX в. Материалы более позднего времени отсутствуют. При этом в этих местах известны погребения кочевников X–XI вв. (Добролюбский 1986; Козлов 1992: 108–115; 1997–1999: 98–130), что полностью совпадает с утверждениями Константина Багрянородного (рис. 9). Вместе с тем, трудно сказать являлся ли уход болгарского населения на юг и поселение печенегов однократным актом конца IX – начала X вв. или это был более продолжительный процесс, растянувшийся почти до середины X в. Как бы то ни было, еще до середины X в. этот процесс завершился, что и зафиксировал Константин Багрянородный. Косвенным свидетельством федератского статуса задунайских печенегов является их участие в качестве союзников в победном сражении армии царя Симеона с византийцами при Ахелое 20 августа 917 г. (Дуйчев 1960: 190–191; Божилов 1973: 55).

Эти контакты, судя по всему, становились все более тесными и получали дальнейшее развитие в чисто человеческих отношениях представителей двух этносов, у которых уже в начале X в. была общая граница и обширная контактная зона. О смешанных болгаро-печенежских браках прямо писал византийский патриарх Николай I. Процесс породнения согласно патриарху, являвшемуся участником этих событий, начался еще при царе Симеоне в конце IX – начале X вв. Николай Мистик сообщал, что болгарско-печенежский союз *«представлял большую заботу для болгар, так, что они старались связать своих детей браками и таким образом заключить союз с печенегами»* (Nicolas I Patriarch of Constantinople 1973: 112 = ГИБИ IV. 210). После смерти Симеона, при его сыне царе Петре I, такие отношения стали традицией. Писавший в середине X в. Константин Багрянородный косвенно касался близких контактов двух народов. Замечательно и поведение печенегов, которые к середине XI в. практически ликвидировали византийскую власть в Добрудже и Северо-Восточной Болгарии, и частично оседали в городских центрах: Дристре, Плиске, Преславе, Варне, Вичине (Нуфэру?), Исаке, Диногении и др. (Diaconu 1979: 44 etc.; Ştefan, Varnea, Comşa, Comşa 1967: 178–186, 280; Дончева-Петкова 2003; Йотов 2001; 2004: 312–342). Более того, они смешивались с местным болгарским населе-

нием, что впечатляло византийских хронистов, которые называли их миксоварварами (Михаил Аталиат 1965: 183; Тъпкова-Заимова 1976). Наконец, миксоварвары, в основном болгары и печенеги, создавали нечто вроде общих государственных объединений, воюя вместе против ромеев и нападавших с севера других кочевников – узов, куманов и даже других печенежских кланов (Тъпкова-Заимова 1976: 89–97, 117; Атанасов 1992: 25–26). Корни этого феномена можно искать в болгарско-печенежских взаимоотношениях и смешанных браках X в. В результате выросли два-три поколения, которые с одной стороны обновили болгарский генетический код, а с другой создали живой и действенный мост между двумя этносами. Кстати, такая открытая политика по отношению к другим этносам характерна для империй – Византии, Арабского халифата, Хазарского каганата – и правителей с имперским мышлением, каким без сомнения был царь Симеон Великий. Симптоматична в принципе и враждебная политика печенегов к киевскому князю Святославу, который фактически разорил Болгарское царство в 970–971 гг. (Сахаров 1991: 195–199; Паронь 2005–2009: 494–499). Обоснованным выглядит вывод о том, что остатки его дружины Святослава вместе с князем были истреблены печенегами не с подачи византийской дипломатии, а по их собственной инициативе (Паронь 2005–2009: 498–499). Возникает вопрос: не являются ли вековое болгарско-печенежское сотрудничество и поколения от смешанных браков причиной этой саморасправы со Святославом Игоревичем?! Показательно и то, что в 1017 г. на закате истории Первого Болгарского царства, царь Иван Владислав, при помощи своего верного полководца Кракру привлек печенегов в качестве союзников против Византии, как это бывало при преславских царях (Ioannes Scylitzes – Georgius Cedrenus 2, 1839: 465–466). Наконец, прочная память об этих тесных связях до сих пор осталась в болгарском термине родства «*баджанаци*» со значением «мужчины, женатые на родных сестрах». Его сближают с этнонимом «пачанаки» – «печенеги» (Spinei 1982; Тельнов, Степанов, Русев, Рабинович 2002: 103), напоминающем о смешанных браках и ненасильственном породнении, которые не могли происходить при отсутствии длительных дружеских отношений между болгарскими и печенегами. Показательно, что с конца IX в. и до гибели болгарской государственности в 1018 г. они, как правило, не нападали на северо-восточные болгарские земли, вопреки их кочевому образу жизни с присущей ему агрессивности к соседям-земледельцам (Божилов 1973: 37–62). Напротив, после того, как на болгарском северо-востоке установилась и укрепилась византийская власть, этот район стал объектом постоянных печенежских нашествий с 1025 г. до конца XI в. (Diasconi 1979: 29 etc; Тъпкова-Заимова 1976). Тогда прекратила свое существование и сеть староболгарских поселений в Онглосе между Дунаем и Южным Бессарабским (Траяновым) валом.

Литература

- Ангелова Ст. Отново за локализацията на «преславния дом» на Омуртаг на Дунав // *Studia protobulgarica et mediaevalia europensia* в чест на проф. Веселин Бешевлиев. София, 2003. С. 183–196.
- Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // МИА, № 62, 1958, 7–9, 77.
- Артамонов М. И. История хазар. Ленинград, 1962.
- Михаил Аталиат. История // ГИБИ, VI. София, 1965.
- Атанасов Г. Поглед към Добруджанския дунавски бряг от XI до XV в. // ИПр, 8–9, 1992.
- Атанасов Г. Кримски реалии на еднокорабните едноапсидни църкви без притвор в Добруджа // *Българите в Северното Причерноморие*. Т. 3. 1994.
- Атанасов Г. Инсигниите на средновековните български владетели. София, 1999.
- Атанасов Г. Нов поглед към демографските и етнокултурните промени в Добруджа през средновековието // *Изследвания в чест на 70-годишнината на чл.-кор. проф. Страшимир Димитров*. София, 2001.
- Атанасов Г., Засыпкина Г., Йотов В., Русев Н. Исследования городища Руйно-Картал кале (предварительное сообщение) // *Stratum plus*, 5, 2000. С. 97–107.
- Атанасов Г. Рецензия. Л. Дончева-Петкова, Л. Нинов, В. Парушев. Одръци. Селище от Първото българско царство, 1. София, 1999, 180 с. // *Археология*, 3–4, 2001а.
- Атанасов Г., Йотов В., Русев Н. Ранносредновековната крепост до с. Руйно, община Дулово, Област Силистра. // АОР през 2003. София, 2004.
- Атанасов Г. Тервел, хан на България и кесар на Византия. Силистра, 2004.

Атанасов Г. Християнският Дуросторум-Дръстър. Доростолската епархия през Късната античност и Средновековието. История, археология, култура, изкуство. Варна; Велико Търново, 2007.

Баранов И. Таврика в епоху раннего Средновековья. Киев, 1990.

Бешевлиев В. Първобългарите. Бит и култура. София, 1981.

Бешевлиев В. Първобългари. София, 1984а.

Бешевлиев В. По въпроса за Алциок-Алцеко // ИНМВ. 20. 1984б.

Бешевлиев В. Първобългарски надписи. Второ преработено и допълнено издание. София, 1992. Бобчева Л. Две грънчарски пещи в ранносредновековното селища при Топола, Толбухински окръг. // ИНМВ, 28, 1977.

Божилов Ив. Към хронологията на българо-маджарската война при цар Симеон (894–896) // ВИС, 6, 1971.

Божилов Ив. България и печенегите (863–1018) // ИПр, 2, 1973.

Божилов Ив. Анонимът на Хазе. България и Византия на Долния Дунав в края на X в. София, 1979.

Божилов Ив., Димитров Хр. Protobulgarica (Заметки по истории протоболгар до середины IX в.) // Byzantinobulgarica. IX. София, 1995.

Въжарова Ж. Славяни и прабългари по данни от некрополите от V–XI век на територията на България. София, 1976.

Георгиев П. За столицата на Аспарухова България // ИПр, 5–6, 2002. С. 208–227.

Георгиев П. Аспарухов Онгос // ВНР, 3–4, 2003. С. 24–38.

Григоров В. «Пастирски» тип обеци от Силистренско. // Добруджа, 20, 2002. С. 145–146.

Гюзелев В. Отново за столиците на средновековна България // Studia Protobulgarica et mediaevalia europensia. В чест на проф. Веселин Бешевлиев. Велико Търново, 1993.

Димитров Д. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. Варна, 1987.

Димитров Хр. Болгария и хазары в VII–VIII веках // ВНР. 1989. 2.

Димитров Хр. Българо-унгарски отношения през средновековието. София, 1998.

Дзиговский А.Н., Лисецкий Ф.Н. Палеохронологические аспекты датировки Нижнего Траянова вала // Археология и этнология Восточной Европы. Материалы и исследования. Одесса, 1997.

Добролюбский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев, 1986.

Дончева-Петкова Л. Плиска и печенезите // Плиска-Преслав, 9, 2003.

Дончева-Петкова Л., Ангелова Ст., Йотов В. Ранносредновековният некропол при Топола, толбухински окръг // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1989.

Дуйчев Ив. Разказ за «Чудото» на великомъченик Георги със сина на Лъв Пафлагонски – пленник у българите // Изследвания в памет на К. Шкорпил. София, 1960.

Дуйчев Ив. Едно легендарно сведение за Аспарух // Българско средновековие. София, 1972.

Зирра Вл. Двубрядный могильник раннефеодальной эпохи в Капул Вийлор – Истрия // Dacia, 5, 1963.

Златарски В. История на българската държава през средните векове, Т. 1–2. София, 1971.

Йотов В., Атанасов Г. Скала. Крепост от X–XI век до с. Кладенци, Тервелско. София, 1998.

Йотов В. Археологически приноси към историята на Варна през Средновековието (1) // AMV, II, 2001.

Козлов В.И. Към въпроса за хронологията на паметниците от североизточната провинция на Първото българско царство // Българите в Северното Причерноморие. Т. 5. 1992.

Козлов В.И. Богатое I – поселение Первого Болгарского царства на левобережье дельты Дуная // Добруджа, 14–16, 1997–1999. С. 98–130.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

Коледаров П. Политическа география на средновековната българска държава. Т. I. София, 1979.

Константин Багрянородный. Об управлении империи. Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989.

КСВП 2003 – Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука, 2003.

Острогорски Г. История на Византийската държава. София, 1998.

- Паронь А. Участие византийской дипломатии в убийстве князя Святослава Игоревича // *Stratum plus*. 2005–2009.
- Петров П. Образуване на българската държава. София, 1981.
- Плетнева С. А. От кочевий к городам // *МИА*. 1967. № 142.
- Попович Вл. Куврат, Кувер и Аспарух // *Старинар*, XXXVII, 1986.
- Рашев Р. Старобългарски укрепления на Долния Дунав (VII–XI в.). Варна, 1982.
- Рашев Р. Най-ранният строителен период в центъра на Плиска // *ИНМШ*. 8, 1993.
- Рашев Р. Плисковският аул // *Плиска-Преслав*, 7, 1995.
- Рашев Р. Североизточната археологическа граница на Първото българско царство // *Българи-те в Северното Черноморие*. Т. 4. 1995.
- Рашев Р. Българската езическа култура през VII–X век. Автореферат на дисертация за при-съждане научната степен «Доктор на историческите науки». София, 2001.
- Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., 1991.
- Смиленко А.Т., Козловский А.А. Средневековые поселения в приморской части Днестро-Дунайского междуречья // *Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н.э.* Киев, 1987.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Тельнов Н., Степанов В., Руссев Н., Рабинович Р. «И разошлись славяне по земле». Из исто-рии Карпато-Днестровских земель VI–XIII вв. Кишинев, 2002.
- Тъпкова-Заимова В. Долни Дунав – гранична зона на византийския запад. Към историята на северните и североизточните български земи в края на X–XII в. София, 1976.
- Тъпкова-Заимова В. България на Аспарух и България на Кубер // *ВИС*. 5. 1980.
- Фокеев М.М., Руссев Н.Д. Новые данные о Трояновом вале // *Древнейшие общности земле-дельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.)*. Тирасполь, 2002. С. 406–412.
- Чеботаренко Г.Ф. Калфа – городище VIII–IX вв. на Днестре. Кишинев, 1973.
- Чеботаренко Г.Ф. Траяновы валы // *Добруджа*. 14–16. 1997–1999.
- Чучуров И. Византийские исторические сочинения. М., 1980.
- Щукин М. Готский путь. Готы, Рим и Черняховская культура. СПб., 2005.
- Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Югозападной Таврики. // *МИА*, 168, 1970.
- Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. // *МИА*, 85, 1958.
- Anastasio Bibliothecarius. *Chronographia*. Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1885 (= ЛИБИ, II, с. 248).
- Bozilov Iv. One of Omurtag's Memorial Inscriptions // *BHR*. 1. 1973.
- Constantinus Porphyrogenitus. *De administrando imperio* (ed. G. Moravcsik, R. Jenkins). London, 1967 (ГИБИ, V, София, 1964).
- Cirgan C. *Ceramica de epoca feudala timpurie descoperita teritoriul orasul Constanta* // *Pontica*, II, 1970.
- Comşa M. *Cultura materială vece Românească. Așezările din secolele VIII–X de la Bucov-Ploiești*. București, 1978, 85, fig. 81–7.
- Darrouzes J. *Notitiae eppiscopatum ecclesiae Constantinopolitanae*. Paris, 1981.
- Diaconu P. *Les petchénegues au Bas Danube*. Bucarest, 1979.
- Diaconu P. *Carbona, Cavarna, la contrée de Carvouna* // *Dacia*, XXXVII, 1993.
- Ioannes Scylitzes – Georgius Cedrenus. *Histiria*, 2. Ed. I. Becer. Bonn, 1839 (= ГИБИ, VII, София, 1968).
- Mănucu-Adameștesnu, G. *Tomis-Constantina-Constanța* // *Pontica*, XXIV, 1991, 317–327.
- Napoli J. *Récherches sur les fortifications linéaires Romaines (Collection de l'Ecole française de Rome, 229)*. Roma, 1997.
- Nicephorus. *Opuscula historica*. Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880 (= ГИБИ, III, София, 1960).
- Nicolas I Patriarch of Constantinople. *Letters*. Grek text and English translation by R.J.H. Jenkins and L.- G. Vesternik. Waschingon, 1973 (= ГИБИ, IV, София, 1964).
- PWRE. *Paulys-Wissowa Real-Enzyelopädie*, XIII. Stuttgart, 1927.
- Spinei V. *Moldova în secolele XI–XIV*. București, 1982.
- Theophanes. *Chronographia*. Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883 (= ГИБИ, III, София, 1960).
- Ștefan G., Barnea I., Comşa M., Comşa E. *Dinogeția*. I. București, 1967.
- Zaharia E. *Săpăturile de la Dridu*. București, 1967.

КЕРАМИКА ДУНАЙСКОЙ БОЛГАРИИ (VIII–X вв.)

Б.Д. Борисов

*Великотырновский университет «Св. Св. Кирил и Мефодий»,
г. Велико Тырново (Болгария)*

Изучение раннесредневековой керамики в Болгарии имеет сравнительно долгую и довольно богатую историю. Начало ему было положено еще при первых археологических раскопках в Плиске в 1899 г., организованных и проводившихся под руководством Русского археологического института в Константинополе. В публикации результатов раскопок К. Шкорпил посвящает несколько страниц керамике и тем самым кладет основу изучению раннесредневековой керамики Дунайской Болгарии (Шкорпил, 301–307). Позже, в первой половине прошлого века, интересы болгарских археологов направлены прежде всего на изучение монументальных построек в первых болгарских столицах Плиске и Преславе и культовом центре Ханства – Мадаре, из-за чего исследования керамики в этот период почти отсутствуют. Все же необходимо упомянуть заметки Р. Попова и Г. Фехера о раскопках в Мадара и с. Калугерица, в которых авторы впервые связывают найденную керамику с праболгарами (Попов, 46; Фехер, 146). В 1948 г. выходит труд акад. Кр. Миятева «Славянската керамика в България и нейното значение за славянската археология на Балкана». К огромному сожалению, это первое обобщающее исследование по средневековой керамике очень скоро потеряло свое значение из-за сильного влияния на автора сталинского уклона, охватившего в то время все науки. В нем Кр. Миятев полностью отрицает наличие праболгарской керамики в Плиске и Преславе, так как, по его мнению, праболгары как кочевники не занимались гончарством (Миятев 1948). По этой причине сегодня этот труд имеет лишь библиографическую ценность.

Только год спустя выходит из печати третий том «Разкопки и проучвания» (1949 г.), в котором опубликованы три статьи Ст. Станчева, посвященные домашней керамике из Преслава, из Большого кургана и гончарным знакам на керамике из Плиски, Мадары и Преслава (Станчев, 129–149; он же, 227–234, он же, 234–247).

Углубленное исследование праболгарской керамики начинается при изучении одного из важнейших памятников праболгарской культуры – некрополя возле Нови Пазар. Оно связано опять же с именем Ст. Ваклинова. На некрополе раскопаны и исследованы 42 могилы, в которых открыты 19 глиняных сосудов, 11 от которых кувшины, а остальные 8 – горшки. Автор делит керамику на две группы – сосуды из глины с примесью песка, черепично-красного цвета после обжига, с врезанным орнаментом, и сосуды из хорошо очищенной глины, изготовленные на ручном гончарном круге, серого цвета после обжига, с лощеной поверхностью и орнаментом. На основе анализа могильных сооружений, способа погребения, могильного инвентаря и их параллелей – эталонных для салтово-маяцкой культуры памятников восточноевропейских степей и Северного Кавказа автор доказывает праболгарскую принадлежность некрополя и датирует его VIII веком (Станчев, Иванов 46–94).

В последней четверти прошлого века было проведено археологическое изучение большого числа селищ и некрополей, главным образом на территории нынешней Северной Болгарии. В результате этого в фондах музеев накопилось огромное количество археологических материалов, среди которых основное место занимала керамика. Это стало предпосылкой для публикации целого ряда «капитальных» трудов, посвященных различным разделам материальной культуры. Среди них в первую очередь следует указать на монографию Ж. Выжаровой «Славяни и прабългари по данни от некрополите от VI–XI в. на територията на България», где она обращает особое внимание на многочисленный керамический материал. Ж. Выжарова делит керамику на 6 классификационных групп, при этом некоторым из них указывает и хронологические рамки. К первой группе автор относит славянскую керамику, которую обособляет в два раздела – раннеславянская керамика конца VI–VIII вв. и славянская керамика, к которой относит горшки, изготовленные на гончарном круге и датируемые VIII – концом X вв. Вторая группа включает салтовскую, т.е. праболгарскую керамику, которая

датирована VIII–X вв. Третья группа является смешанной, с сохранившимися славянскими и салтовскими традициями и без указания хронологии. К четвертой группе отнесены сосуды, изготовленные на гончарном круге из хорошо очищенной глины, служившие для переноски жидкостей – амфоровидные кувшины, узкогорлые кувшины и амфоры. Пятая группа включает изготовленную на гончарном круге керамику, которую нельзя отнести ни к одной из вышеупомянутых групп и опять же без указания хронологии. К последней – шестой группе автор относит античную посуду – амфоровидные кувшины, узкогорлые кувшины и др. (Въжарова, 380). По праву высоко оценивая вклад Ж. Въжаровой, все же позволю себе отметить, что предложенная ею классификация не отвечает требованиям по соблюдению принципа единства при определении отдельных классификационных рядов.

В 1977 г. Ст. Ваклинов опубликовал монографию, посвященную формированию староболгарской культуры. В ней автор анализирует полученные до этого момента данные археологических исследований на территории Болгарии. Особое внимание уделено славянской и праболгарской керамике. Выделены две основные группы – кухонная и столовая керамика. По мнению автора, кухонная керамика изготовлена ручной лепкой или на легком гончарном круге, в то время как столовая – только на круге. Ст. Ваклинов указывает на сильное влияние, которое праболгарская столовая керамика, и в частности формы кувшинов, испытывает со стороны византийской керамики и считает это еще одной античной реминисценцией в праболгарской культуре (Ваклинов, 69–72).

В том же 1977 г. выходит из печати монография Л. Дончевой-Петковой «Българската битова керамика през ранното средновековие». Она является и первой монографией, посвященной целиком раннесредневековой керамике. В ней проанализированы все известные до этого времени хорошо сохранившиеся 378 сосудов, которые происходят как из селищ, так и из некрополей. Автор останавливается подробно на технологии, классификации, хронологии, декоре и знаках на керамике. В отношении классификации она делит раннесредневековую керамику на три группы: кухонную, столовую и керамику для переноски и хранения продуктов (тару). К первой группе отнесены категории «горшки», «крышки», «противни» и «котлы с внутренними ушками», к столовой керамике – «кувшины», «чайники», «амфоровидные кувшины», «узкогорлые кувшины», «чаши» и «миски», а к таре – «амфоры» и «большие сосуды для хранения еды и жидкостей («делвы»)). Л. Дончева уделяет внимание всем отдельным категориям сосудов, дает подробную типологию, определяя для каждого из типов хронологические границы и распространение (Дончева-Петкова, 33–34). Несмотря на то, что монография Л. Дончевой вышла из печати более 30 лет назад, она и до настоящего времени не потеряла свою актуальность.

Существенный вклад в изучение праболгарской керамики внес и Д. Димитров. В 1987 г. вышла из печати его монография «Прабългарите по Северното и Западното Черноморие», которая является венцом многолетнего исследования автором праболгарской культуры. Керамике посвящена отдельная глава. Анализируя многочисленный керамический материал, полученный во время раскопок ряда селищ и могильников в волго-донских степях и на берегах Азовского моря, а также на территории Дунайской Болгарии, автор отбрасывает тезис Ст. Ваклинова о ранней датировке могильника возле Нови Пазар концом VII и началом VIII в. и доказывает, что гончарный круг начинает использоваться в керамическом производстве праболгар не ранее середины VIII в. (Димитров, 237–249).

Существенный вклад в исследование раннесредневековой керамики внес и У. Фидлер. В своей монографии, посвященной некрополям Нижнего Дуная VI–IX вв., он анализирует все известные до того времени 1200 сосудов из могильников по обеим сторонам Дуная и предлагает исключительно точную классификацию и типологию. Автор делит керамику на две большие группы – керамику из красной после обжига глины, с врезанным орнаментом, и керамику из серой глины, с лощеным орнаментом. Керамика из красной глины представлена небольшими и крупными горшками, среди которых У. Фидлер выделяет две группы – А и В. В группе А выявляет 10 типов, причем в некоторых из типов выделяются и подтипы. Группа В представлена 11 типами, с соответствующими подтипами (Fiedler, 124–137). Группа серой керамики отличается большим разнообразием форм. К ней относятся маленькие горшки без ручки – группа С, большие горшки без ручки и миски – группа D, горшки с ручками – группа

Е, кувшины – группа F и амфоровидные сосуды – группа G, причем в последнюю включены сосуды как из красной, так и из серой после обжига глины. В каждой из групп обособлены типы и подтипы, при этом самое большое разнообразие наблюдается среди кувшинов – 15 типов, 10 – среди амфоровидных кувшинов. Сюда же включены и кувшины с одной ручкой (типы GX/1 и GX/2). 9 типов различаются среди горшков и мисок в группе D, 8 – в группе C, а менее всего разнообразия среди горшков с двумя ручками – 6 типов (Fiedler, 137–147). На базе комплексного анализа всех памятников из могильных комплексов автор составляет исключительно точную хронологию отдельных типов и подтипов сосудов (Fiedler, 270–272, Beil. 1).

Интересную классификацию в последнее время предложил и Р.Рашев. Он делит керамику на 5 групп (А–Е), на основе структуры и цвета глины после обжига. К группе А автор относит сосуды из песчанистой глины, которые делит в свою очередь на 4 подгруппы. К группе В относит сосуды из серой очищенной глины. К группе С – сосуды из очищенной желтой и красной глины. К группе D – сосуды из белой очищенной глины. К группе Е – привозные сосуды (Рашев, 175–187). Позже эта классификация была воспринята и Я. Димитровым (Димитров, 61–94).

В самых общих чертах таково состояние исследований раннесредневековой керамики в Дунайской Болгарии. Конечно, сюда необходимо прибавить еще целый ряд исследований по керамическому материалу из множества селищ и некрополей на территории Северной Болгарии, которые проводились во время и после публикации указанных монографических исследований. К ним относятся средневековая крепость Скала (Йотов, Атанасов, 64–65), средневековое селище и его могильники Большой остров возле Дуранкулака (Годорова, 23–27; Меламед, 111–124; Меламед, 159–179), селище возле с. Одырци (Дончева-Петкова, 64–74), могильники возле сел Топола (Ангелова, Дончева-Петкова, 206; Ангелова и др., 187–197), Хитово (Йотов, 101–109; Йотов, 155–172), Балчик (Димитров, 87–100) и Черна – все в Добричской области (Василчин, 198–213), Надарево, область Тырговиште (Рашев, Станилов, 214–220), Николово, Красен, Тръстеник и Батин, область Русе (Станчев, 241–254), Дибиц, область Шумен (Рашев, Станилов, 121), средневековое селище на месте античной крепости Ятрус (Wendel, 279–299) и ряд других.

Значительно меньше число исследованных раннесредневековых селищ и могильников на территории Южной Болгарии. Здесь в первую очередь следует упомянуть исследованный средневековый Перник (Чангова, 62–77), Констанцию (Аладжов, 187–188, Табл. 18–27), Хисарлык в Сливене (Радева, 67–78), средневековое селище на месте античного Диоклецианополя (Джамбов, 47–50), Кабиле (Танчева-Василева, 91–92), Туховиште, (Angelova, Marvakov, 13–27), Изворово, область Хасково (Борисов, 255–265), Капитан Андреево (Грозданова, 54–71) и другие.

Обзор исследованной до настоящего времени керамики с территории Дунайской Болгарии ясно показывает, что большая часть материала происходит из селищ и могильники, которые находятся в основном на территории Северной Болгарии, в то время как материал из Южной Болгарии весьма малочислен. Причиной тому является то обстоятельство, что территория нынешней Южной Болгарии была заселена болгарским населением лишь после заключения т.н. «Глубокого мира» в 864 г., при управлении князя Бориса-Михаила, т.е. после принятия христианства во второй половине IX в. Именно поэтому до настоящего времени в Южной Болгарии не открыт ни один могильник с трупосождением или с погребением по языческому ритуалу. Исключение составляют только могильники возле села Абланицы, Туховиште, Копривлена и Мишевско, в Западных Родопах, где в некоторых могилах открыты глиняные сосуды. Все исследователи однако единодушны в том, что по характеру погребального обряда и могильному инвентарю, они ближе к памятникам культурной группы «Комыни-Круя», чем к остальным некрополям на территории Южной Болгарии (Шейлева, 195–202; Кацарска, Хаджиангелов, 230–231). Поэтому весь керамический материал с этой территории происходит из селищ, а не из могильников. Все остальные некрополи в Южной Болгарии являются христианскими и датируются самое раннее второй половиной IX в., и в могилах глиняные сосуды не обнаружены.

Таково состояние исследований по раннесредневековой керамике в Дунайской Болгарии. Налицо сравнительно большое число статей, трудов и монографий, которые в общих чертах освещают картину по керамике и керамическому производству в раннем средневековье. Кроме того, существуют две вполне актуальные на сегодняшний день типологические системы – Л. Дончевой-Петковой и У. Фидлера. При этом положении здесь не предлагаю новую типологию керамики, а ограничусь лишь общей характеристикой отдельных классификационных групп и различных категорий керамики, бытовавшей в Дунайской Болгарии во время Первого Болгарского царства¹.

* * *

По своему функциональному предназначению бытовая керамика из Дунайской Болгарии делится на три большие группы: керамика для приготовления пищи (кухонная), керамика для еды и питья (столовая) и керамика для переноски и хранения продуктов (тара). В зависимости от цвета глины после обжига керамика делится на красно- и белоглиняную.

Кухонная керамика представлена тремя категориями – горшки, противни и котлы с внутренними ушками.

Горшки являются наиболее широко распространенной категорией. В зависимости от структуры, цвета глины после обжига и украшения они делятся на две подгруппы – посуда из глины с обильной примесью песка, красного или черепично-красного после обжига цвета, с врезанным орнаментом, и керамика из очень хорошо очищенной серой после обжига глины и с вылощенным орнаментом.

Преобладающая часть горшков – сосуды из глины с примесью песка, изготовленные на гончарном круге, хотя в ранних горизонтах некоторых селищ встречается и посуда, вылепленная руками (см. вклейку: табл. 1 а). Форма корпуса чаще всего яйцевидная (см. вклейку: табл. 1 а-д, и-к, 2 а, в-д), шаровидная (см. вклейку: табл. 1 е-ж, 2 к) или биконическая (см. вклейку: табл. 2 ж-з). Горловины очень низкие и с отогнутым наружу венчиком – прямым, округлым или в виде запятой. Хотя и значительно реже, но встречаются и сосуды с косо срезанным венчиком (см. вклейку: табл. 2 ж). Днища – средне широкие, плоские и только в единичных случаях очень широкие, в этом случае их максимальный диаметр превосходит диаметр горловины (см. вклейку: табл. 2 к). Часто на них встречаются рельефные знаки. Сосуды не имеют ручек, но в некоторых селищах на территории Южной Болгарии, вероятно, под византийским влиянием появляются плоские или эллипсоидные в сечении ручки, которые начинаются с венчика горловины и стыкуются с корпусом в самой выпуклой его части (см. вклейку: табл. 2 и). В редких случаях посуда не имеет орнаментов (см. вклейку: табл. 1 а). Большинство горшков из этой группы украшены врезанным орнаментом в виде густо расположенных горизонтальных врезанных линий, которые зачастую охватывают всю стенку сосуда от верхней части плечика – до днища. Встречаются и поясные или одиночные волнообразные врезанные линии (см. вклейку: табл. 1 и-к, 2 б). На более поздних экземплярах орнамент разрежен и состоит из единичных врезанных линий с разными интервалами (см. вклейку: табл. 2 в-г). Часто встречается и декор из косо врезанных снопов, которые расположены поверх горизонтальных врезанных линий (см. вклейку: табл. 2 а, д, к). Значительно реже встречается орнамент в виде горизонтальных рядов круглых ямок (см. вклейку: табл. 1 д) или в виде косо расположенных по плечу линий из точек, нанесенных зубчатым колесиком. На некоторых горшках такой же орнамент наблюдается и на внутренней стороне горловины (см. вклейку: табл. 2 ж). Горшки из песчанистой глины с врезанным орнаментом исключительно широко распространены в VIII–X вв. и встречаются на всей территории Болгарии. Они относятся к типу I, вариантам А₂, А₃, Б, Г, Д, и типу II, вариантам А₁, А₃, по типологии Л. Дончевой-Петковой (Дончева-Петкова, 35–51), и к группам А и В, по классификации У. Фидлера (Fiedler, 127–137).

¹ Выражаю искреннюю благодарность всем коллегам, которые были так любезны предоставить мне снимки и материалы по керамике из фондов музеев: с.н.с. д-р В. Йотову (Варна), с.н.с. д.и.н. Г. Атанасову (Силистра), Б. Иванову (Добрич), А. Конаклиеву (Тырговиште), Г. Радославу (Разград), Г. Майсторскому (Шумен), Х. Стоянову (Плиска), Б. Борисову (Мадара), Н. Русеву (Попово), Д. Драгоеву (Русе), н.с. Цв. Комитовой (Благоевград), В. Пауновой и Н. Сивкову (Перник), н.с. д-р М. Маджарову (Хисаря), П. Кияшкиной и Т. Марвакову (Несебыр), Я. Русеву (Ямбол), К. Стовой (Преслав).

Вторая группа горшков изготовлена на ручном круге из очень хорошо очищенной серой после обжига глины. Для них характерны овальный или сферический корпус, очень низкая горловина слабо выраженной конусовидной формы и с прямым или слегка утолщенным наружу венчиком с округлым у устья торцом (см. вклейку: табл. 3, 4 а). Реже встречаются экземпляры с яйцевидным корпусом и сильно отогнутым наружу венчиком, а еще реже – с биконическим корпусом, с плечиком, резко переходящим в сильно отогнутое наружу округлое ребро венчика. Большинство сосудов не имеют ручек, но встречаются, хотя и реже, и сосуды с двумя небольшими ручками-ушками, симметрично расположенными на самой выпуклой части корпуса (см. вклейку: табл. 4 в). В селищах и на некрополях довольно часто встречаются и горшки со сферическим корпусом, с низкой почти цилиндрической шейкой и с утолщенным наружу округлым торцом венчика, под которым расположены небольшие ручки-ушки (см. вклейку: табл. 4 г-е). Днища всех горшков плоские, а иногда и с рельефными знаками. Внешняя поверхность сосудов целиком выложена (см. вклейку: табл. 3 а-ж), или же орнаментирована вертикально расположенными лощеными полосками (см. вклейку: табл. 3 к). Встречаются и сосуды, украшенные сеточным орнаментом, состоящим из лощеных полосок (см. вклейку: табл. 4 ж). На некоторых горшках наблюдается сочетание лощеного орнамента с врезным (см. вклейку: табл. 4 г, ж). Заслуживают внимания и два сосуда из могильники Девня-3 и Калараш, которые имеют четырехлистную горловину и, очевидно, были предназначены для разливания жидкостей (см. вклейку: табл. 4 ж-з).

Посуда этой группы распространена на территории Северной Болгарии, где встречается как в селищах, так и на могильниках второй половины VIII – конца X вв. В Южной Болгарии до настоящего времени известен только один целый сосуд, который происходит из жилища № 1 Хасковской крепости, датируемого анонимной монетой класса А₂ началом XI в. (см. вклейку: табл. 4 е), (Борисов, 43–44). Горшки из серой глины с лощеным орнаментом относятся к типам III, VII и IX, вариантам А, Б, В и Г, по типологии Л. Дончевой (Дончева-Петкова, 51–59), и к группе D, типам II–VIII, и группе E, типам I–VI, по типологии У. Фидлера (Fiedler, 138–142).

Следующую категорию в группе кухонной керамики представляют *противни*. Они типичны и характерны для славянской керамики, по этой причине не встречаются на дву-обрядных некрополях с труположением языческим способом, характерным для праболгар. Противень – посуда, которая изготавливается исключительно ручной лепкой и представляет собой глиняный диск, к которому вдоль периферии лепится глиняная лента. Согласно Л. Дончевой-Петковой, два типа противней бытуют до VII в. и позднее выходят из употребления (Дончева-Петкова, 64–65, Табл. 15 а-л). Но на территории Южной Болгарии подобные посудины встречаются и в культурных пластах середины IX–X вв.

Последняя категория кухонной керамики – это *котлы с внутренними ушками*. Согласно Л. Дончевой и Д. Димитрову, котлы подразделяются на два основных типа. Оба изготавливаются на ручном гончарном круге из красной после обжига глины, содержащей примесь песка. Первый тип котлов имеет форму низкого горшка со слабо выраженным венчиком, отогнутым наружу, с округлым ребром устья. К внутренней стороне стенки котла прилеплены два симметрично расположенных ушка с вертикальными отверстиями для подвешивания (см. вклейку: табл. 5 а).

Второй тип котлов отличается корпусом в виде усеченной пирамиды, в нижней части которой стенка плавно переходит в широкое плоское днище. Венчик устья отогнут наружу (см. вклейку: табл. 5 б). Оба типа орнаментированы горизонтальными или волнообразными врезными линиями, которые обычно начинаются у горловины и доходят до днища. Котлы являются редко встречающейся категорией керамики, которая дошла до нас в основном в фрагментарном виде. В настоящее время целые посудины известны из Девни и селища возле села Топола, область Добрич (Димитров, 37–41). На территории Южной Болгарии подобные котлы с ушками на их внутренней стороне не известны. Они появляются во второй половине IX в. и исчезают из употребления в конце X в. (Дончева-Петкова, 66–68; Димитров, 243).

Столовая керамика отличается большим разнообразием категорий и типов.

К этой группе относятся миски, кувшины, узкогорлые кувшины, амфоровидные кувшины, чаши и фляги.

Миски являются довольно широко распространенной категорией. Л. Дончева выделяет четыре типа, а У. Фидлер по данным из некрополей – два. Необходимо отметить, что часть мисок изготовлена из глины с примесью песка и имеет коническую форму с низким плотным поддоном (см. вклейку: табл. 5 в-г). Иногда стенка орнаментирована горизонтальными врезанными линиями. Этот тип сосудов широко распространен и встречается на всей территории страны в период X–XI вв., в то время как сосуды из хорошо очищенной серой глины с лощеной поверхностью встречаются только в Северной Болгарии. Последние имеют корпус полу-сферической формы, с прямым или слегка профилированным наружу округлым венчиком (см. вклейку: табл. 5 д-ж). Встречаются и глубокие миски с полым поддоном (см. вклейку: табл. 5 з). Исключительно редко встречаются также сосуды с биконическим корпусом и со слабо профилированным, округлым венчиком (см. вклейку: табл. 5 и). Все сосуды этой группы имеют серо-черный цвет после обжига и лощеную поверхность и датируются периодом VIII–IX вв.

Кувшины – очень широко распространенная категория. Встречаются как в селищах, так и на могильниках на территории Северовосточной Болгарии. В северозападной части страны открыты единичные экземпляры, а в Южной Болгарии они вовсе отсутствуют. Все сосуды изготовлены на гончарном круге из очень хорошо очищенной глины, получившей после обжига серый, темносерый, серо-черный, а в редких случаях охрово-желтый или охрово-красный цвет. Среди сосудов наблюдается довольно большое типологическое разнообразие. Встречаются сосуды со сферическим (см. вклейку: табл. 6 л-м) или яйцевидным корпусом, средне высокие, средне широкие или с высокой узкой шейкой и трехлиственным устьем. У некоторых экземпляров с некрополей возле Нови Пазар и Бдинци от устья горловины выходит продолговатый улей (см. вклейку: табл. 7 а-б). Обычно ручки начинаются под венчиком устья и стыкуются с корпусом на середине плечиков. Днища плоские. В отношении декора также наблюдается большое разнообразие. Встречаются кувшины с вылощенной до металлического блеска поверхностью (см. вклейку: табл. 6 а-б). Другие украшены густо расположенными вертикальными вылощенными полосками (см. вклейку: табл. 6 г, ж), елочным (см. вклейку: табл. 6 в) или сеточным орнаментом (см. вклейку: табл. 6 д). Хотя и реже, на корпусе украшенных вылощенными полосками кувшинов встречается и врезаная орнаментация в виде горизонтальных линий (см. вклейку: табл. 6 и) или канелюры (см. вклейку: табл. 6 з). На одном из сосудов с некрополя возле села Плачидол, в основу шейки нанесен пояс из горизонтальных канелюр, в основу плечиков – пояс из горизонтальных врезанных линий, а в пространстве между ними начертаны врезанные арковидные орнаменты (см. вклейку: табл. 6 к). Подобный арковидный рельефный орнамент нанесен и на один из сосудов с некрополя возле села Бдинци, область Добрич (см. вклейку: табл. 7 в). На этом же кувшине находим и нарисованный красной ангобой орнамент в виде сеточного орнамента. На некоторых сосудах имеются маленькие вертикальные ручки-ушки, расположенные на самой выпуклой части корпуса (см. вклейку: табл. 7 б-г), что наводит на мысль, что эти сосуды подвешивались на веревке. На одном кувшине из Силистры врезана свастика (см. вклейку: табл. 6 е). Л. Дончева-Петкова и У. Фидлер датируют кувшины второй половиной VIII–IX вв. (Дончева-Петкова, 164–165; Fiedler, 141–145).

Узкогорлые кувшины – сравнительно реже встречающаяся категория керамики. Подобно кувшинам, они также происходят в основном с территории Северной Болгарии. Изготовлены из глины с примесью с мелкого песка и слюды ручной лепкой, а некоторые и на ножном гончарном круге. Некоторые сосуды имеют грушевидный корпус (см. вклейку: табл. 7 д, з), другие – сферический (см. вклейку: табл. 7 е-ж), а третьи – яйцевидный (см. вклейку: табл. 7 и). В X в. появляются и получают широкое распространение узкогорлые кувшины с корпусом продолговатой бутылевидной формы и со средне высокой воронкообразной шейкой с прямым венчиком горловины (см. вклейку: табл. 7 л-н). Узкая шейка заканчивается прямым или слабо профилированным наружу венчиком, который оформляет воронкообразное устье. Днище плоское. Все сосуды имеют одну ручку, чаще всего круглого сечения, которая начинается с середины или основы шейки горловины и стыкуется с нижней частью плечиков или с самой выпуклой частью корпуса. Некоторые сосуды имеют гладкий корпус и целиком

вылощеную поверхность, другие орнаментированы поясами из горизонтальных линий (см. вклейку: табл. 7 и), а у третьих подобными линиями орнаментированы плечики (см. вклейку: табл. 7 д). Особый интерес представляет украшение одного сосуда из средневекового селища на месте античного Абритуса, на котором в основе и по середине плечиков орнаментированы пояса из двух врезанных линий, а пространство между ними покрыто густо расположенными «дужками». Поверхность сосуда покрыта плотной красной ангобой (см. вклейку: табл. 7 з). Нередко встречаются и сосуды, покрытые желто-зеленой глазурью (см. вклейку: табл. 7 и-н). По мнению Л. Дончевой, узкогорлые кувшины появляются довольно поздно – в X в. (Дончева-Петкова, 86–92). Доказательством тому является и их отсутствие в ранних могильных комплексах по обеим сторонам Дуная (Fiedler, 146).

Амфоровидные кувшины – широко распространенная категория. Л. Дончева выделяет 8 типов, а У. Фидлер – 10. Сосуды эти изготовлены на ручном гончарном круге, из очень хорошо очищенной глины от темно-серого, серо-черного до охрово-желтого, охрово-красного или темнокрасного цвета после обжига. Хотя и реже, встречаются и белоглиняные сосуды (см. вклейку: табл. 8 з). Корпус чаще всего имеет продолговато-яйцевидную (см. вклейку: табл. 8 а-и), овальную (см. вклейку: табл. 8 л-м), реже сферическую (см. вклейку: табл. 8 н-о) и совсем редко удлиненную грушевидную форму (см. вклейку: табл. 8 п). Горловина по высоте бывает то ниже, то выше, а устье обычно воронкообразное. Днища плоские и иногда с рельефными знаками. Под устьем горловины начинаются две симметрично расположенные ручки, чаще круглого сечения, которые стыкуются с корпусом на середине или в нижней части плечиков. У большинства экземпляров ручки заканчиваются в нижней части рельефным отростком, который обеспечивает им надежное закрепление.

В отношении декора наблюдается большое разнообразие. Некоторые сосуды имеют хорошо вылощенный гладкий корпус (см. вклейку: табл. 8 а-в, к-л, п-р), другие – единичные горизонтальные врезанные линии (см. вклейку: табл. 8 и, м-н) или канелюры (см. вклейку: табл. 8 ж), а у третьих появляется и желто-зеленая глазурь (см. вклейку: табл. 8 , з). По корпусу одного амфоровидного кувшина из крепости Хисаря в Хасково красной ангобой нанесен сеточный орнамент (см. вклейку: табл. 8 д). Очень часто на шейке или на корпусе амфоровидных кувшинов врезаны граффити – ипсилон, фланкированный двумя вертикальными линиями, свастика или другие знаки.

Амфоровидные кувшины появляются во второй половине и конце VIII в., но наиболее широкое распространение получают в первой половине IX в. В литературе бытует мнение, что этот вид сосудов является под сильного византийского влияния, которое испытывает керамическое производство дунайских болгар (Христова, 240–241). С определенными изменениями в форме амфоровидные кувшины встречаются и в X в. (Дончева-Петкова, 78). Позже, в XI–XII вв., амфоровидные кувшины уступают место амфоровидным сосудам, для которых характерна значительно более широкая горловина (Борисов, 124–130, Табл. 100–104).

К столовой керамике относятся и *фляги*. Они однако встречаются исключительно редко. Имеют асимметричный корпус: с одной стороны плоский, а с другой – полусферический. Сосуды изготовлены на быстром круге из очень хорошо очищенной глины. Горловина почти цилиндрическая, а устье – воронкообразное. С середины горловины начинаются две симметрично расположенные массивные ручки, которые стыкуются с корпусом в верхней или средней части плечиков. По полированной лицевой части фляги из села Топола нанесены три концентрических врезанных круга (см. вклейку: табл. 9 а), на сосуде из Силистры – поясы из чередующихся концентрических прямых и волнообразных линий (см. вклейку: табл. 9 б).

Чаши – последняя категория столовой керамики. Подобно узкогорлым кувшинам они также появляются довольно поздно – в X в. Изготовлены из хорошо очищенной глины серого или красного цвета после обжига. В отношении формы выделяются чаши со сферическим корпусом и с очень высокой воронкообразной горловиной (см. вклейку: табл. 9 в-е). Большинство сосудов не имеют орнамента и ручек, но встречаются и такие, у которых на плечики прилеплена вертикальная ручка сложного профиля и с отверстием (см. вклейку: табл. 9 в). Встречаются чаши как горшковидной формы и без ручек (см. вклейку: табл. 9), так и чаши в форме опрокинутого конуса с небольшой вертикальной ручкой и орнаментом в виде

волнообразных врезанных линий (см. вклейку: табл. 9 ж). Исключительно редко встречаются чаши цилиндрической формы – бокалы, орнаментированные волнообразными врезанными линиями (см. вклейку: табл. 9 з).

К столовой керамике некоторые исследователи относят и т.н. «ведра», которые имеют форму усеченного конуса с горизонтально срезанным верхним краем и широким плоским дном (см. вклейку: табл. 9 и). Сосуды этого вида изготовлены из очень хорошо очищенной глины, серого цвета после обжига, и имеют лощеную поверхность. Обычно их корпус орнаментирован поясами горизонтальных волнообразных линий. Под венчиком горловины пробиты небольшие отверстия для подвешивания сосуда на веревке, продетой через них в виде ручки, что функционально сближает эти сосуды с керамикой для переноски и хранения продуктов. У. Фидлер относит их к кухонной керамике – группы D, типа IX, и датирует концом VIII – первой половиной IX в. (Fiedler, 141).

Керамика для переноски и хранения продуктов представлена двумя категориями: амфоры и большие сосуды для хранения пищи и жидкостей.

Амфоры редко встречаются в культурных пластах селищ и то в основном в фрагментарном виде, а на некрополях вообще отсутствуют. Кроме того они являются привозными и в Болгарию попали торговыми путями. Л. Дончева выделяет четыре типа амфор, которые датирует второй половиной X–XI вв. (Дончева-Петкова, 98–103).

Большие сосуды для хранения пищи и жидкостей в раннем средневековии встречаются исключительно редко. По форме они целиком напоминают горшки, от которых отличаются лишь своими большими размерами, достигая в высоту 50 см. Изготовлены эти сосуды из хорошо очищенной глины серого цвета после обжига. Некоторые из них орнаментированы лощеными полосками, а другие – врезанными линиями, подобно горшкам. Согласно Л. Дончевой, эти сосуды появляются самое раннее в IX в. и бытуют и в X в. (Дончева Петкова, 104).

* * *

Все рассмотренные категории сосудов имеют самые точные параллели среди керамического комплекса памятников салтово-маяцкой культуры.

Анализ известного в настоящее время керамического материала и открытых на территории Дунайской Болгарии производственных сооружений ясно показывает, что керамическое производство развивается по восходящей линии (табл. 10). Наряду с производством сосудов из обыкновенной керамики из песчанистой и хорошо очищенной серой глины с использованием ручного гончарного круга производятся и белоглиняные глазированные сосуды на ножном гончарном круге. Формируются производственные центры, которые со временем постепенно утверждают свои локальные особенности. Здесь на первом месте следует указать продукцию из селища возле села Топола, Добричской области, где производилась посуда из серой хорошо просеянной глины и была достигнута стандартизация форм. Горшки почти все одинакового размера, имеют сферический корпус и низкую цилиндрическую шейку с округлым венчиком. Характерной особенностью всех сосудов является черная поверхность, вылощенная до металлического блеска. Стандартизация наблюдается и в кухонной керамике из Перника. Там горшки отличаются низким корпусом, исключительно открытой горловиной, размер которой приближается до максимального диаметра корпуса. То же самое относится и к горшкам из красной песчанистой глины из селища возле села Изворово, Хасковской области. Для них характерна исключительно грубая глина, с примесью мелкого щебня, широкое устье и совершенно одинаковая орнаментация в виде врезанных линий и косо расположенных на плечиках и на внутренней стороне устья ямок, нанесенных зубчатым колесиком. Здесь необходимо указать и глазированные узкогорлые кувшины продолговатой бутылевидной формы из Преслава. Примеров в этом отношении можно привести еще много. Все они свидетельствуют о высокоразвитом керамическом производстве дунайских болгар, которое достигло своей кульминации в X в., при управлении царя Симеона, когда Болгария переживала «Золотой век» своего многовекового культурного развития.

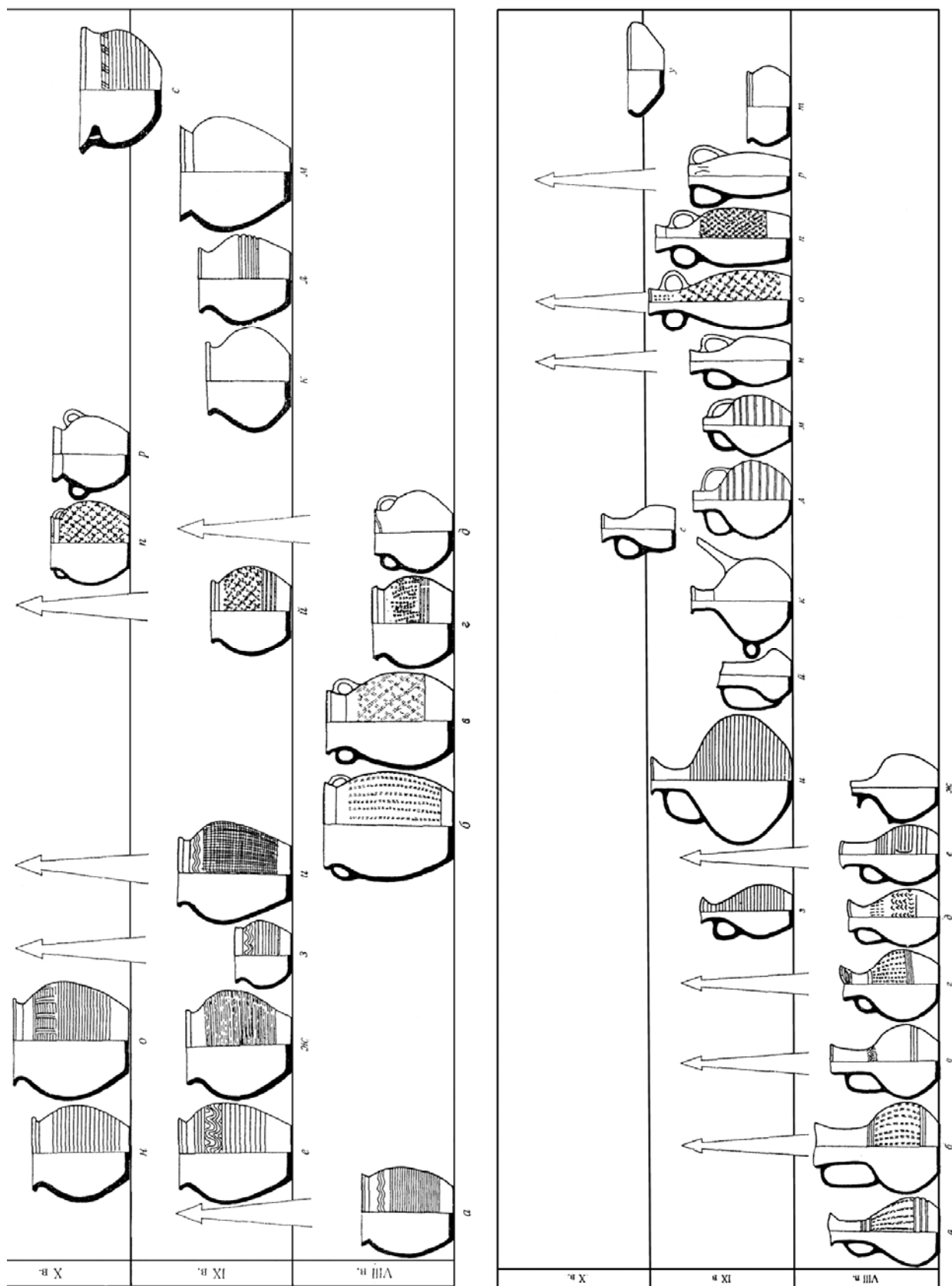

Табл. 10. Хронология кухонной и столовой керамики (по Л. Дончева-Петкова).

Литература

- Аладжов Д. Резултати от археологическите разкопки на Констанция // Марица-изток. Археологически проучвания. 3, Раднево, 1995.
- Ангелова С., Дончева-Петкова Л. Ранносредновековен некропол при с. Топола Варненска област // Археологически открития и разкопки през 1987 г. Благоевград, 1988.
- Ангелова и др. Ангелова С., Дончева-Петкова Л., Йотов В. Ранносредновековен некропол при с. Топола, Толбухински окръг // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1989.
- Борисов Б. Керамика и керамично производство през XI–XII век от територията на днешна Югоизточна България. Раднево. 2002. (Марица-изток». Археологически проучвания. 6).
- Борисов Б.Д. Керамиката от ранносредновековното селище върху Кастра Рубра (предварително съобщение) // Eureka. In honorem Ludmilae Donchevae-Petkovaе, София, 2009.
- Ваклинов С. Формиране на старобългарската култура. София, 1977.
- Василчин И. Двубряден езически раннобългарски некропол при с. Черна, Толбухински окръг // Проблеми на прабългарската история и култура, София, 1989.
- Въжарова Ж. Славяни и прабългари по данни от некрополите от VI–XI в. на територията на България. София, 1976.
- Грозданова Г. Керамика от ранносредновековното селище при с. Капитан Димитриево, община Свиленград. // Приноси към българската археология, V, София, 2009.
- Джамбов И. Средновековното селище над античния град при Хисар, Асеновград, 2002.
- Димитров Д. Номадска керамика в Североизточна България. // ИНМВ, XI (XXVI), 1975.
- Димитров Д. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. Варна, 1987.
- Димитров М. Старобългарски некропол в Град Балчик // Проблеми на прабългарската история и култура, 2, София, 1989.
- Димитров Я. към характеристиката на светлоглинената и червеноглинена керамика на бързо колело от VIII–IX в. в. Плиска // Проблеми на прабългарската история и култура. София. 2007.
- Дончева-Петкова Л. Българска битова керамика през ранното средновековие. – София, 1977.
- Дончева-Петкова Л. Одръци. 1, Селище от Първото българско царство, София, 1999.
- Дончева-Петкова Л. Прабългарската керамика от територията на днешните български земи // Плиска-Преслав, 2, София, 1981.
- Йотов В. Ранносредновековен некропол Хитово-3 // Проблеми на прабългарската история и култура, 2, Шумен-София, 1991.
- Йотов В. Ранносредновековните некрополи в с. Хитово № 2 и № 3 // Проблеми на прабългарската история и култура, 3, Шумен-София, 1997.
- Йотов В., Г. Атанасов. Скала. Крепост от X–XI век до с. Кладенци, Тервелско. София, 1998.
- Кацарова В., В. Хаджиангелов. Късноантичен и средновековен некропол // Копривлен, 1, София, 2002.
- Меламед К. Средновековните некрополи // Дуранкулак, 1, София, 1989.
- Меламед К. Керамика от средновековното селище край Дуранкулак // Дуранкулак, 1, София, 1989.
- Миятев К. Славянската керамика в България и нейното значение за славянската археология на Балкана, София, 1948.
- Попов Р. Материали от разкопките през 1934–1935 г. // Мадара, II, 1936.
- Станчев Д. Прабългарски компоненти в погребалния обряд и инвентара на ранносредновековните некрополи в Русенско // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1989.
- Станчев С. Домашната керамика от Преслав // РП, III, 1949.
- Станчев С. Керамиката от голямата могила в Плиска // РП, 1949.
- Станчев С. Грънчарски знаци от Плиска, Мадара и Преслав // РП, III, 1949.
- Станчев С., Ст. Иванов. Некрополът до Нови Пазар. София, 1958.
- Радева М. Средновековна керамика от Сливен // ИМЮИБ, IX.
- Рашев Р. Българската езическа култура VI–IX в. София, 2008.
- Рашев Р., Станилов С. Раннесредновековна могила у с. Ножарево, Силистренски окръг (предварително съобщение) // Проблеми на прабългарската история и култура, София, 1989.

Рашев Р., Станилов С. Старобългарски некропол при с. Дебич, община Шумен // Археологически открития и разкопки през 1992–1993, В. Търново, 1994.

Танчева-Василева Н. Средновековно селище и некропол върху развалините на античния град Кабиле // Кабиле, 2, София, 1991.

Тодорова Х. Многослойният археологически обект и методика на проучване // Дуранкулак, 1, София, 1989.

Христова М. Амфоровидните съдове като хронологичен показател (по данни от биритуалните некрополи) // Eurika. In honorem Ludmilae Donchevae-Petkovaе, София, 2009.

Фехер Г. Разкопки в м. «Кирика» над с. Калугерица // Мадара, II, 1936.

Чангова Й. Перник, III, София, 1992.

Шейлева Г. Заселване на славяните в Родопската област (по археологически данни) // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии, 1. М., 2002.

Шкорпил К.В. Домашний видъ и промисел // ИРАИК, X, 1905.

Angelova S., Marvakov T. Úzvaei Nekropolen aus Südwestbulgarien // Velká Morava mezi Východem Západem. Spisy Arch. Ústavu AV ČR, 17, Brno, 2001.

Fiedler U. Studien zu Gräbenfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Dunau. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, band 11, Bonn, 1992.

Wendel M. Die Gemarkung Kaleto des Dorfes Rupkite bei Čirpan (Bulgarien) im Mittelalter // Zeitschrift für Archäologie, 26, 1992.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КЕРАМИКИ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ*

С.Г. Бочаров, В.Ю. Коваль

*Крымский филиал Института археологии НАНУ, г. Симферополь
Институт археологии РАН, г. Москва*

Керамика хазарского времени в Крыму на первый взгляд достаточно хорошо описана и опубликована. Достоверно установлены многочисленные центры производства амфорной тары и фляг VIII–X вв. (Паршина, Тесленко, Зеленко, 2001), в десятках публикаций приведены практически все известные формы кухонной и столовой посуды. Однако все курсирующие в этих публикациях сведения о керамике ограничиваются самой общей ее характеристикой, из которой нельзя почерпнуть конкретной информации о соотношении (в долях или процентах) различных групп керамики, различающихся составом формовочной массы, качеством обжига и другими характеристиками технологии производства, морфологии целого сосуда и его отдельных частей, декора. Это свидетельствует о том, что статистическая обработка массового керамического материала из раскопок не проводится. Даже амфорный материал изучен недостаточно полно и лишь для отдельных производственных центров хорошо описаны и опубликованы характеристики выпускавшейся продукции (состав формовочной массы, цвет глины, особенности формовки и отделки поверхности). В результате авторы не в состоянии дать развернутую характеристику керамики и ограничиваются повторением наблюдений, сделанных более полувека назад С.А. Плетневой по результатам раскопок на Тамани (Плетнева, 1963).

На территории пгт. Коктебель, на холме Тепсень находится одно из крупных ранне-средневековых поселений в Юго-Восточном Крыму, исследовавшееся на протяжении ряда лет несколькими экспедициями, которое не является исключением из этого правила. Последнее монографическое исследование этого памятника, изданное В.В. Майко (2004), содержит достаточное количество иллюстраций и группировку посуды, в целом опирающуюся на разработки С.А. Плетневой и наблюдения И.А. Баранова (1990). Из книги можно узнать, что в культурном слое поселения на холме Тепсень в Коктебеле встречены пифосы, причерноморские амфоры, высокогорлые кувшины с плоскими ручками, фляги, ойнохоевидные и обычные кувшины, разнообразные лощеные сосуды, светильники и массовая кухонная лепная и круговая керамика (горшки). Однако никаких данных о соотношении этих групп (и подгрупп) керамики в культурном слое памятника в книге найти нельзя. Тем более нет данных о соотношении этих групп в разные хронологические периоды, например в различающихся по хронологии комплексах. Хотя для отдельных сосудов или серий изделий указаны некоторые признаки их формовочной массы, в целом для групп керамики не представлено никаких характеристик, позволяющих понять, какие рецепты формовочных масс применялись при их изготовлении. Другие работы (статьи и тезисы докладов) на данную тему еще менее информативны.

Таким образом, судя по нынешней литературе, можно сделать вывод о том, что керамика памятников хазарского времени в Крыму фактически не исследуется. Она рассматривается археологами суммарно, по памятнику в целом (пример тому поселение на холме Тепсень). Никаких попыток хронологического расчленения материала не проводится, отсутствует и технологический анализ материала, что не позволяет продвигаться вперед в его систематизации. Вместо этого, по меткому определению Ю.Б. Цетлина, используется, «эмоционально-описательный» подход к изучению керамики, потерявший свою актуальность еще в середине XX в. Без дробной группировки керамического материала на базе технико-технологических признаков трудно продвинуться и в исследовании его хронологии. Дело в том, что морфология керамики хазарского времени в Крыму не имеет существенных различий и попытки использовать ее для достижения хронологических выводов пока не привели к заметным успехам.

* Работа выполнена в рамках выполнения программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект В.Ю. Коваля «Новые данные о культурных связях Руси со странами и народами Востока в эпоху средневековья»).

Новые материалы из раскопок на Тепсене, проводившихся Восточно-Крымской экспедицией Крымского филиала Института археологии НАНУ в 2003–2008 гг. (нач. экспедиции С.Г. Бочаров), позволили вновь обратиться к исследованию керамики хазарской эпохи и проверить, действительно ли ее изучение зашло в тупик. За 6 лет работ на Тепсене пройдено 18 раскопок, исследована площадь около 2000 кв.м, собрана обширная керамическая коллекция общим объемом более 10000 образцов (Бочаров, 2008. С. 34).

Прежде всего, была поставлена задача разработки подходов к изучению массового керамического материала. В качестве эксперимента было решено использовать для этого методику статистической фиксации керамического материала, разработанную для керамики Москвы и Подмоскovie (Коваль, 1999, 2004) и успешно использовавшуюся на средневековых памятниках Подмоскovie (Коваль, 2009). За основу были взяты принципы систематизации материала, базирующиеся на учете признаков¹ способа формовки (вытягивание или использование ленточного налепа), состава формовочных масс (набора примесей к глине), наличия или отсутствия дополнительной обработки поверхности (лощения). Кроме того, были привлечены данные морфологии (профилировка венчиков горшков), технологии (следы на днищах сосудов), орнаментации и функции сосудов. Результатом стала статистическая таблица, разработанная для учета и фиксации всех названных признаков (табл. 1).

В основу разработанной таблицы положен ранжированный алгоритм деления массива керамики на всё более мелкие группы. Алгоритм статистической обработки керамики включает следующие операции.

1. Разделение массива керамики на *поливную и неполивную*.

2. *Поливная* керамика делится на белоглиняную и красноглиняную, дальнейшее дробление не предусматривается в связи с малочисленностью находок. Разделение *неполивной* керамики предполагается на 2 *технологические группы* по способу формовки:

– изготовленная ленточным налепом (фиксируется по стенкам неровной толщины, следам от спайки лент, диагональному течению глиняной массы на изломах, следам вертикального заглаживания, днищам на подсыпках и т.п.);

– изготовленная вытягиванием из куска глины (фиксируется по стенкам однородной толщины, волнообразному «рифлению вытягивания» на поверхностях, днищах со следами среза и т.п.) (см. вклейку: рис. 1, 1).

3. Керамика каждой из технологических групп подразделяется на *подгруппы* по признакам способа обжига. Вся группа «тянутой» (изготовленной вытягиванием) керамики принадлежала подгруппе полного окислительного обжига (восстановительный обжиг при производстве такой керамики на в Юго-Восточном Крыму не применялся). Группа «ленточной» (изготовленной ленточным налепом) керамика разделяется на 2 подгруппы – полного окислительного и восстановительного обжига (вторая подгруппа включает также изделия окислительно-восстановительного обжига). Восстановительный обжиг фиксируется по серому или черному цвету поверхности и излома стенок сосудов, окислительно-восстановительный (неполный окислительный) – по трехслойному излому стенок (см. вклейку: рис. 1, 2). Внутри подгруппы восстановительного обжига выделяются отделы лощеной и нелощеной посуды (в подгруппе полного окислительного обжига такие образцы пока не зафиксированы, но надо иметь в виду, что они были распространены в других регионах Причерноморья).

4. Подгруппы (в т.ч. оба отдела керамики восстановительного обжига) разделяются на *типы* по составу примесей в формовочную массу. Набор типов довольно широк, поэтому в разработанную таблицу были включены только те типы, которые наиболее часто встречались в составе подгрупп (или отделов). Предложенный набор не следует рассматривать в качестве окончательно установленного. В ходе дальнейших исследований он может быть расширен или перегруппирован в зависимости от конкретной ситуации в комплексах. Надо только отметить, что фиксация типов, представленных единичными обломками или малочисленными сериями, не представляется нам продуктивной в статистической таблице, поскольку их доля в комплексе исчезающе мала (фиксация таких образцов целесообразна в индивидуальном порядке, с обяза-

¹ Перечисленные признаки определяются в соответствии с разработками А.А. Бобринского (1978).

тельным их оставлением в коллекциях). Бывают случаи, когда черепок приобретает черный или серый цвет поверхности и излома по причинам, далеким от его производства (пережог в пожаре, бытовое морение, т.е. загрязнение поверхности и даже толщи черепка продуктами обугливания готовившейся в сосудах пищи), которые желательно определять в ходе работы и исключать такие видоизмененные образцы из статистических подсчетов. Типы:

А) керамика без видимых примесей (случайные примеси, составляющие плотность не более одного отдельного неглинистого включения на 5 кв. см площади черепка, не учитываются);

Б) керамика из формовочных масс с примесью визуально фиксируемого песка (независимо от его размерности). Под песком нами понимаются любые окатанные включения кристаллических пород). В группе «тянутой» керамики этот тип оказалось целесообразным разделить на 2 вида – керамика из ожелезненных глин (красного цвета) и нежелезненных или слабожелезненных глин (белого или кремового цвета). Внутри первого вида фиксировались 3 варианта формовочных масс:

- без иных включений (кроме песка);
- с включениями слюды;
- с включениями белого цвета (карбонатами).

В) Керамика с включениями белого цвета (карбонатами) (см. вклейку: рис. 1, 3, 4). Происхождение этих карбонатов могло быть различным. Как показали первые опыты технологического анализа (см. ниже), в их составе преобладали обломки раковин моллюсков, но встречался и обломочный известняк.

Г) Керамика с примесью шамота (дробленой керамики) (см. вклейку: рис. 1, 5). Практически все встреченные образцы содержали шамот красного цвета (более яркого и темного, нежели цвет глины, из которой была изготовлена керамика). Размерность шамота и наличие иных примесей в формовочную массу нам представляется целесообразным учитывать только в подгруппе восстановительного обжига «ленточной» керамики, внутри отдела нелощеной посуды, где именно такие разнообразные рецепты масс встречаются наиболее часто (здесь выделены варианты масс с мелким, крупным шамотом, а также с шамотом и карбонатами).

В результате применения предложенного алгоритма были получены 25 условных типов керамики (УТК). Типы названы «условными», поскольку их нумерация соответствует нумерации колонок в статистической таблице (табл. 1), которая не претендует на исчерпывающую полноту (поэтому набор типов может меняться в ходе работы). Для каждого из УТК по отдельным типологиям предлагается проводить учет функциональных форм сосудов, а также, независимо от функции сосуда, – днищ, венчиков и орнаментированных обломков.

Типы *днищ* определяются по способу крепления горшка к гончарному кругу, фиксируемому по соответствующим следам:

- 1) днища со следами среза дна с круга (при помощи ножа, нитки, проволоки) (см. вклейку: рис. 2, 1);
- 2) без следов подсыпки под дно и следов среза с круга;
- 3) с песчаной подсыпкой (см. вклейку: рис. 2, 2);
- 4) с зольной подсыпкой (см. вклейку: рис. 2, 3).

Группировка разновидностей *венчиков* горшков проведена на базе учета их конструктивных схем и способа формовки края. Из всего многообразия типов венчиков были избраны только 7 наиболее часто встречающихся (в раскопках 2002–2008 гг. на Тепсене) конструктивных схем (рис. 1), каждая из которых названа «условным типом венчиков» (УТВ), причем любой из этих «типов» включал, разумеется, целый набор вариантов.

УТВ-1. Изогнутые в наружную сторону венчики, край которых не имел утолщений, т.е. не подвергался деформациям, но иногда обрабатывался «огранкой» (мелкими срезами, следами незначительных усилий, прилагавшихся пальцами гончара). Чаще всего края таких венчиков закруглены, реже имеют следы среза, огранки или заострены.

УТВ-3. Венчики, профилировка которых близка УТВ-2, но край оформлен в виде ярко выраженного валика круглого сечения, с внутренней стороны которого неизбежно в процессе формовки образовывался уступ.

УТВ-4. Отогнутые наружу венчики, край которых имеет резкий срез, обычно перпендикулярный краю венчика, выполненный инструментом (ножом). Грани такого среза всегда угловатые, заостренные.

УТВ-5. Изогнутые наружу венчики, «черновой» край которых иногда завернут внутрь, а «чистовой» край вертикален. Своеобразная профилировка венчиков этого типа заметно отличается их от УТВ-2 и УТВ-3.

УТВ-6. Изогнутые в наружную сторону венчики, «черновой» край которых также завернут наружу, а «чистовой» край имеет обычно овальное сечение.

УТВ-7. Прямые отогнутые наружу венчики, черновой край которых загнут внутрь сосуда в виде овального или подтреугольного утолщения, «чистовой» край часто заострен.

Номера типов	Варианты профилировки
1	
2	
3	
4	
5	
6	
7	

Рис. 1. Типы и варианты венчиков круговых горшков.

Функциональные формы, узнаваемые по обломкам, включают кухонную посуду: горшки (определяются по венчикам УТВ 1–7) и горшки с ручками, столовую посуду (кувшины с рас-трубным и ойнохоевидным оформлением горловины), тарную керамику (пифосы, амфоры, фляги, высокогорлые кувшина). Амфоры могут быть разделены на несколько групп: «причерноморские» двух видов (первый – с широким крупным рифлением и второй – с мелким зональным рифлением, выполнявшимся гребнем) и импортные византийские амфоры. Кроме того, могут учитываться и совсем редкие разновидности керамики, например, светильники.

вым» называется край сосуда, законченного производством, т.е. именно тот край, который можно видеть на уже обожженном изделии. «Черновой» край хорошо фиксируется на изломах венчиков, а на их поверхностях – по утолщениям и желобкам (незаглаженным швам от заворота такого края и его притискивания к стенке венчика). У венчиков «простой» профилировки «черновой» край совпадает с «чистовым».

Таблица 2

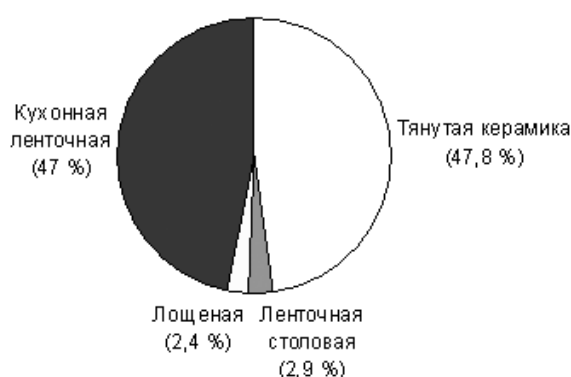
		Неполненная керамика													Полная керамика												
		Изготовленная в лепочном вальном																									
		Изготовленная выглаживанием (полного окислительного объекта)						Полного окислительного объекта			Восстановительного или окислительно-восстановительного объекта				Итого по типам												
		Формовочные массы с примесью меляного песка			Формовочные массы с примесью прищипываемой шамота			Лопочная			Без лопочной																
		Красного цвета на поверхности и в толще			Без цвета или вкрапленного			Без цветных примесей			с включениями песка			с включениями шамота													
		без включений	с включениями шамота	с включениями песка	без цветных примесей	с включениями шамота	с включениями песка	без цветных примесей	с включениями шамота	с включениями песка	без цветных примесей	с включениями шамота	с включениями песка	крупного	мелкого	с включениями шамота (разных)											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26
	Всего керамики (штуки)	235	0	85	21	42	3	194	23	6	21	0	9	24	1	5	16	280	11	127	45	8	51	55	0	0	1262
	в % к общему итогу	18,6	0,0	6,7	1,7	3,3	0,2	15,4	1,8	0,5	1,7	0,0	0,7	1,9	0,1	0,4	1,3	22,2	0,9	10,1	3,6	0,6	4,0	4,4	0,0	0,0	100,0
	Длина всего	12	0	6	0	4	0	3	0	0	2	0	1	1	0	1	0	24	2	9	6	0	1	1	0	0	73
	в том числе:	тип 1		5		3		2																			22
		тип 2				1		1																			3
		тип 3																									2
		тип 4																									3
	Всего всего:	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	1	1	1	0	0	17	1	13	12	0	1	6	0	0	64
	в том числе:	тип 1																									24
		тип 2																									11
		тип 3																									10
		тип 3а																									1
		тип 4																									1
		тип 5																									1
		тип 6																									3
		тип 7																									3
	Горшки с ручками																										1
	Амфоры - всего	10		9		5		1		13																	39
	в том числе:																										
	"тричерноморские" вида 1																										
	"тричерноморские" вида 2																										
	"трапезуидской" группы																										
	Кушаны			5		7		1		1			2	2	1												30
	Кушаны однокопидные			2		1																					5
	Кушаны высорорные																										0
	Фляги																										1
	Пифосы																										0
	Объемы с ориентацией всего:	6	0	1	0	10	0	0	0	2	8	0	4	2	0	0	13	158	7	110	30	0	47	23	0	0	421
	На стенках:																										
	линейная ориентация	6	0	1	0	10	0	0	0	2	8	0	2	2	0	0	13	155	7	94	29	0	38	16	0	0	383
	а) палочкой																										104
	б) гребенкой	5		1		10				2	2		2				64	4	15	2						9	
	волнистый орнамент	0		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	12	91	3	79	27					279	
	а) палочкой																										0
	б) гребенкой																										32
	отпечатки штампа (гребенкой)																										8
	наполь палочкой																										24
	На венчике:																										1
	а) вдавленная																										2
	б) штамп	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
	в) волна гребенкой																										3

Орнаментацию сосудов (прежде всего, горшков и амфор) предлагается учитывать по укрупненным разновидностям: линейная, волнистая (см. вклейку: рис. 2, 4), в виде отпечатков различного рода штампов (зубчатого, нанесенного колесиком, «вилочного» и т.д.), нарезов и ямок. Внутри линейного орнамента выделяются варианты с разреженным расположением линий (нанесенных палочкой, с интервалом 3–30 мм) и с плотным размещением линий, нане-

сенных гребнем (или той же палочкой, но вплотную друг к другу). Отдельно учитывается размещение декора на стенках сосудов и на венчиках (см. вклейку: рис. 2, 4).

По предлагаемой программе была проведена обработка нескольких комплексов, однако большинство из них было невелико по объему, а потому полученные результаты не могут рассматриваться как полностью достоверные. На этом фоне выгодно отличался комплекс из помещения 1 раскопа 13 (2007 г.), в котором собрано 1262 обломка керамики, размерность которых соответствовала принятым нормам (площадь обломка не менее 4 кв. см). В данном комплексе (табл. 2) керамика, изготовленная ленточным налепом, и «тянутая» присутствовали примерно в равном количестве – 52,3:47,8% (рис. 2). В составе последней доминировали 2 типа керамики – из формовочных масс без видимых примесей в красножгущую глину (39% всей «тянутой» керамики) и из масс с примесью шамота (36%). Керамика из светложгущихся глин (белого или кремового цвета) в этой серии практически отсутствовала – встречено только 3 обломка амфоры такого типа.

Соотношение керамики разных групп и отделов

Соотношение типов венчиков

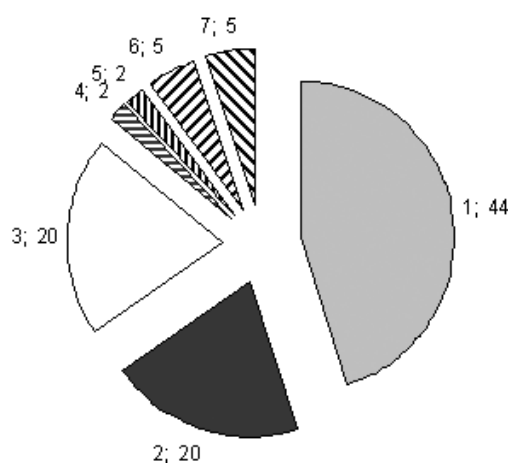

Рис. 2. Диаграммы соотношения керамики разных групп (по способу формовки) и распределения типов венчиков горшков (указаны номера типов и их доля в процентах от общего числа венчиков).

В составе «ленточной» керамики выделяются 3 важные серии. К первой относилась столовая керамика, обожженная в окислительном режиме (вероятно, в гончарных горнах), составлявшая ничтожную долю (5% керамики данной серии). Ко второй, обожженной в восстановительном режиме – столовая лощеная посуда (5%). В обоих случаях это были кувшины. К третьей серии принадлежала кухонная керамика окислительно-восстановительного обжига (90%). Первые 2 серии слишком малочисленны для статистической характеристики. В составе последней доминировали изделия, формовочные массы которых относились к 3 типам:

- с примесью мелкого песка (47% кухонной керамики);
- с примесями песка и карбонатов (дробленой ракушки) (21%),
- с примесью шамота (19%).

Кроме того, были встречены мелкие типы керамики, формовочные массы которых изготавливались с примесями остроугольных кристаллических пород, окатанных карбонатов или вовсе без примесей.

Даже эта краткая характеристика позволяет уверенно констатировать существенные различия между сериями керамики, изготавливавшимися вытягиванием и ленточным налепом. Кроме самого способа формовки, они производились из разных формовочных масс (рис. 3). Если в первой серии преобладали массы без видимых примесей (39%), то во второй они почти не применялись (6%). Массы с примесями шамота также были более распространены при производстве керамики первой серии (36%), чем второй (19%). Зато «тянутая» керамика очень редко изготавливалась из масс с карбонатами (11%), широко использовавшихся при производстве «ленточной» керамики (36%). Причем в первой серии карбонатная примесь бы-

ла представлена в основном известняковыми породами (естественная примесь к глине), а во второй – дробленой раковинной, т.е. искусственной примесью³. Интересно, что и примесь песка в формовочную массу гораздо реже применялась при производстве «тянутой» керамики (25%), нежели в керамике ленточного налепа (48%). Все это говорит о самых существенных субстратных различиях между группами гончаров, изготавливавших эти 2 серии керамики.

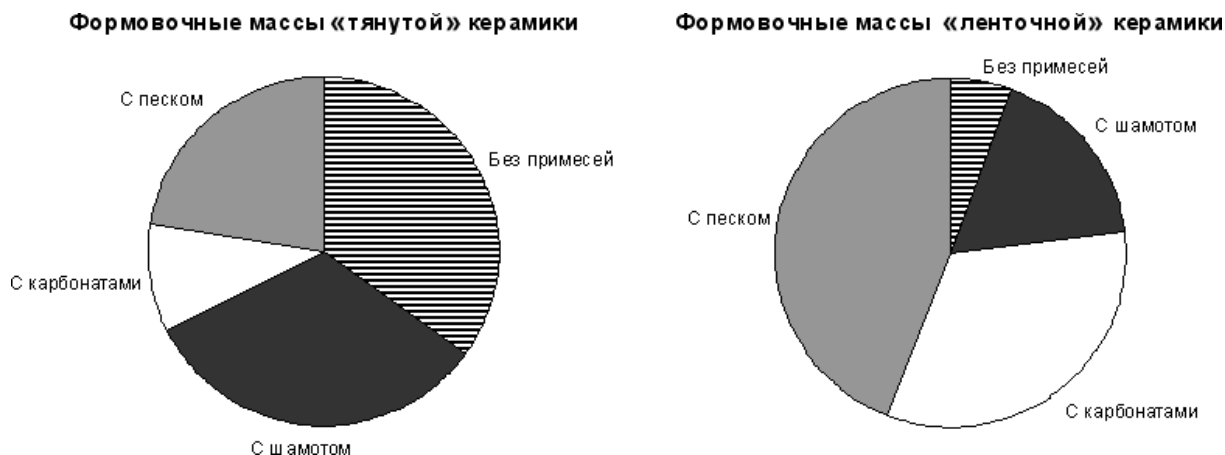

Рис. 3. Диаграммы соотношения формовочных масс в «тянутой» и «ленточной» керамике.

Различия прослеживаются и в иных сферах: днища «тянутой» керамики всегда несли на себе следы срезов nitкой, тогда как среди «ленточной» керамики они, естественно, не встречены ни разу (за исключением одного днища лощеного кувшина со следом среза или обстругивания ножом, проведенного уже после снятия сосуда с круга), но абсолютно преобладавшими были днища со следами зольных подсыпок (лишь в 2 случаях из 46 отмечены подсыпки мелкого песка).

Различия прослеживаются и в функциональном предназначении посуды, производившейся различными способами. Вытягиванием изготавливалась только тарная (амфоры) и столовая (кувшины) посуда, тогда как ленточным налепом – в основном кухонная (горшки) и небольшая часть столовой (в т.ч. вся лощеная).

Если рассмотреть венчики горшков, то станет очевидно, что наиболее распространены в комплексе венчики простой профилировки (тип 1) – без каких-либо заворотов «чернового» края. На втором/третьем месте по численности венчики типов 2 и 3. Остальные типы венчиков (4–7) представлены единичными обломками (рис. 2). Это свидетельствует о существовании практически одной хорошо сформировавшейся традиции оформления краев венчиков.

«Тянутая» керамика почти не декорировалась (орнамент встречен на 17 обломках такой керамики, составлявшей менее 3%), тогда как «ленточная» керамика орнаментировалась во всех случаях и по большей части площади стенок: здесь орнаментированы 65% фрагментов. Самым распространенным был линейный орнамент (91%), второе место принадлежало волнистому (8%). Венчики горшков были почти не орнаментированы: встречено лишь 3 венчика с пальцевыми и штамповыми вдавлениями по краю (см. вклейку: рис. 2, 4), составлявшими менее 1% орнаментированных образцов.

Здесь представлены только некоторые данные, полученные при проведении статистической фиксации данных конкретного керамического комплекса. Общий объем зафиксированной информации гораздо больше и включает данные о различных типах венчиков горшков, разных инструментах, применявшихся для нанесения орнамента, более тонких различиях в формовочных массах. Отсюда видно, какие широкие возможности открываются в случае применения такой же методики на памятниках иных вариантов салтово-маяцкой культуры,

³ Данные заключения являются сугубо предварительными, основанными на визуальных наблюдениях, однако программа исследований предусматривает проведение дополнительного анализа в рамках методик историко-культурного подхода

керамика которых ранее сравнивалась лишь на уровне экспертной оценки и не сопровождалась никакими конкретными количественными оценками.

Гораздо сложнее ответить на вопрос о датировке представленного комплекса, поскольку для ее определения необходимы сравнительные данные с иными комплексами памятника. Пока можно отметить только то, что в данном комплексе почти не заметны архаизирующие признаки кухонной керамики (орнамент на краях венчиков), полностью отсутствует лепная посуда, но зато отмечено присутствие амфор «трапезундской» группы (по И.В. Волкову), изготовлявшихся из глины с примесью слюды (3,5% всей «тянутой» керамики или около 13% всех амфор, обломки которых встречены в комплексе). Амфоры «трапезундской» группы появляются в Византии в IX–X вв. Следовательно, и данный комплекс может быть отнесен к тому же периоду. Однако в дальнейшем, при накоплении сравнительных данных, эта дата может быть существенно сужена.

Отдельной проблемой является вопрос о связи керамики Тепсенья с гончарством древних болгар, присутствие которых в Северном Причерноморье и, в частности, в Крыму, постулируется некоторыми исследователями. И.А. Баранов на основании изучения письменных источников и погребальных памятников Крыма VII–X вв. выдвинул гипотезу о 2 волнах иммиграции в Крым хазарской эпохи – болгар-оногуров во второй половине VII – первой половине VIII вв. и поволжских булгар (потомков кутригуров) совместно с финно-угорскими племенами Поволжья на протяжении VIII в. (Баранов, 1990. С. 140–145). Для лепной керамики были представлены аналогии из курганных погребений VII в., предположительно связывавшихся с оногурами, кутригурами и аварами, а для круговой керамики – в материалах балкано-дунайской культуры. Однако с VIII в. лепная керамика в Крыму выходит из употребления, а сама принадлежность круговой посуды именно болгарской гончарной традиции осталась недоказанной. В монографии И.А. Баранова такой вывод, собственно, и не прозвучал, но он вытекал из всего представленного материала. Этот вывод был сформулирован последователями И.А. Баранова, утверждающими, что вся круговая «ленточная» керамика VIII–X вв. на поселениях восточного Крыма принадлежала древнеболгарскому населению, являясь «вершиной эволюции лепной оногурской керамики» (Майко, 2004. С. 197). К сожалению, сама эта эволюция осталась не прослежена и не доказана на конкретных примерах. Более того, по нашему мнению, данный вопрос пока еще не может быть решен методами керамологии, поскольку основную трудность вызывает определение набора керамики, производившегося древнеболгарскими гончарами (в особенности, керамики круговой). Даже та керамика, которая предположительно связывается с древнеболгарской традицией, изучена весьма поверхностно – зафиксировано только наличие ее основных признаков, количественное соотношение которых не известно. В распоряжении исследователей остаются только отдельные рисунки горшков или их обломков, сопоставление которых на уровне исследования пропорций и технологических схем (с количественными оценками) не производилось, а субъективные экспертные оценки не могут быть подвергнуты процедуре проверки. Не проводилось и сравнение болгарской керамики, изготовлявшейся в Дунайской Болгарии, Волжской Булгарии, Великой Болгарии на Дону и Кубани. Но и такое сравнение возможно только в случае массивного применения статистических методов. В противном случае дискуссия на эту тему рискует остаться в тупике, поскольку сравнение «эмоционально-описательных» оценок керамических комплексов без опоры на конкретные (желательно, цифровые) показатели редко бывает возможным.

Надо заметить, что одно только сравнение керамических наборов из различных районов «болгарского мира» также еще не даст гарантии правильного ответа на поставленный вопрос, поскольку его надо дополнить сравнением с керамическими традициями других народов, соседствовавших с болгарским этносом в Причерноморье. В частности, в Дунайской Болгарии их соседями были славяне, авары и романизированные дако-фракийские племена, в Крыму – готы, аланы, греки, в Волжской Булгарии – финно-угорские племена и славяне. Гончарство всех этих соседей оказывало существенное воздействие на керамическое производство болгар, причем сегодня еще далеко не ясно, чьей конкретно традиции принадлежали те или иные изделия. Если говорить о Северном Причерноморье в целом, то традиция производства черной (а, вероятно, и красной) лощеной столовой посуды могла вести свое происхождение от

гончарства аланского населения, распространенного на пространствах Восточноевропейской степи и лесостепи. Определенные традиции могли быть восприняты от этнически неоднородного раннесредневекового населения городов Северного Причерноморья. Открываются широчайшие перспективы для сравнения всех этих керамических традиций, выявления в них общего и особенного. Только на базе такого сравнения возможно получение корректных выводов о происхождении той или иной традиции керамического производства, в том числе традиции (или нескольких традиций?), существовавших у населения Восточного Крыма в VIII–X вв.

Особое значение мы придаем использованию историко-культурного подхода к исследованиям керамики в рамках разработок школы А.А. Бобринского. В настоящее время такая работа с серией керамики из раскопок Тепсень (см. вклейку: рис. 2, 3, 4) и других районов Крыма начата О.А. Лопатиной (ИА РАН). Предварительные результаты этой работы⁴ указывают на то, что в подавляющем большинстве образцов керамики, изготовленной ленточным налепом (т.е. той, которая ассоциируется рядом исследователей с древнеболгарской) наряду с мелким (до 0,1 мм) песком присутствует значительная примесь окатанных обломков раковины моллюсков (размерами до 5 мм), в половине образцов отмечено также незначительная примесь мелких обломков известняка, и во всех образцах отмечено присутствие незначительного количества зерен бурого железняка. Раковины, бурый железняк, известняк в составе черепков свидетельствуют об использовании для изготовления керамики илистых глин. Где находились залежи таких глин, пока не известно. Интересно, что наряду с таким преобладающим типом керамики, встречены и отдельные обломки сосудов, изготовленных ленточным налепом, но не содержавшие искусственных примесей либо включавшие только примесь мелкого песка.

Итак, даже самые первые исследования керамики хазарского времени в Крыму показали, что эта керамика достаточно однородна, изготавливалась из стандартной по составу формовочной массы, имела ограниченный набор морфологических и технологических признаков, хотя наряду с ней встречаются и заметно отличающиеся образцы (импорт?). Разумеется, все эти наблюдения не приведут к существенному сдвигу, если не будет получено объемного материала, обработанного по той же программе, т.е. полностью сопоставимого. Только после получения этого материала и проведенного сопоставления разновременных и разнокультурных групп керамики можно ставить вопрос и делать обоснованные выводы об этнической принадлежности (или происхождении) тех или иных керамических серий, судить об эволюции керамики.

Литература

- Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
- Бочаров С.Г. Поселение Тепсень в Восточном Крыму по материалам раскопок 2007–2008 гг. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 2008.
- Коваль В.Ю. Статистическая обработка археологической керамики средневековой Москвы // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1999. Вып. 3.
- Коваль В.Ю. Керамический материал // Средневековое поселение Настасьино (Гр. Подмосковной экспедиции. Т. 2). М., 2004.
- Коваль В.Ю. Новая методика статистической обработки керамики и некоторые результаты ее применения (на примере селища Мякинино-1 в Подмосковье) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. 2008 г. Т. II. М., 2008.
- Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев, 2004.
- Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001.
- Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.

⁴ Благодарим О.А. Лопатину за предоставленный аналитический материал.

МИР ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ В ЯЗЫЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ И ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ (VIII–XI вв.)

Д.К. Валеева

Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ, г. Казань

Поволжско-Приуральский регион богат археологическими памятниками древних племен, прежде всего финно-угорскими и болгарскими. Среди предметов, найденных в этих памятниках, немало произведений искусства, которые имеют художественное значение и скрывают в себе тайны мировосприятия и мировоззрения этих народов.

Искусство – область духовной жизни человека, где наиболее ярко раскрывается его внутренний мир, художественная образность мышления.

Давно исчезнувшие древние племена и народы оставили нам загадки и тайны своего духовного мира, отраженного порой в диковинных, странных вещах быта и предметах искусства.

Таким волнующим явлением древнего искусства является т.н. «звериный стиль», распространенный по всей Евразии, начиная с древности и до середины II тысячелетия нашей эры.

Древний мир Евразии был отражением культа природы во всех ее проявлениях – в животных, растениях, сиянии солнца и звезд, смене времен года. Но очень важные для племен силы, с которыми теснейшим образом люди связывали свою жизнь, были связаны с культом животных.

В понятие «звериного стиля» входят изображения животных, птиц, земноводных, человека вместе с ними, а также объединенные в одной композиции образы разных зверей, выполненных в металле, кости, камне и т.д. В искусстве пермских и финно-угорских племен и волжских болгар звериный стиль явился одним из ярких их особенностей.

Раннее становление, существование и развитие этого стиля в Пермском крае приходится на VI–IX вв. н.э., а Волжской Булгарии – на VIII–IX вв. Как раз в данные столетия осуществлялись тесные связи между ними. Они вели оживленную торговлю, происходил взаимобмен различными товарами, в том числе изделиями культа, большинство из которых в настоящее время исследователями рассматриваются как произведения искусства.

Эти взаимодействия были более тесными, взаимопроникающими, чем просто торговый обмен. Очевидно, происходило взаимовлияние на духовном уровне. Возможно, это было связано с миграциями.

В VI–IX вв. финно-угорские племена обитали на Урале, на больших пространствах Верхней Камы, они занимались охотой, рыболовством, у них существовала языческая религия, в рамках уральского шаманизма. Самым известным и волнующим явлением в древнем пермском мире являются возникшие в нем изделия бронзового литья, представлявшие собой почти необъяснимые, причудливо сотворенные, сплетенные воедино образы разных зверей, птиц, человекокопеев, земноводных. Эти бляхи, в основном раз-

мерами примерно 10x5 см, являлись предметами культа, поклонения и воплощали космогонические представления населения о Вселенной (1. 1981, с.52–71 / 2001, с.3–13).

Удивительно, но затерянные в дремучих лесах Урала финно-угорские племена, занимаясь торговлей и обменом товаров, испытывали, видимо, эстетические воздействия со стороны скифов и сарматов, позднее индо-парфянского царства, а с IV века – наибольшее влияние на пермский звериный стиль оказывает сасанидское искусство! (2. 1937, с.113–150). Разными путями сасанидские серебряные блюда попадали на Урал, к Пермским племенам, и эти блюда, украшенные композициями, в которых часто изображались женщины-богини в окружении множества зверей или сцены охоты царей на разных животных, становились предметами культа (3. 1977, с.142, 167). Они были сакральными для финно-угорских племен и использовались в культовых действиях. На блюдах высокохудожественно было изображено много

событий, действий, наполненных движением, экспрессией, напряжением. Эти сцены не могли не воздействовать на фантазию шаманов, а через них и на представителей племен. Поэтому, когда заходит речь о том, как потом возникли пермские бронзовые пластины, бляхи, накладки, также изображающие разных животных, а иногда и целые композиции их них, только выраженных примитивно, то, конечно же, становится понятным, что древние ремесленники стремились что-то воспринять от изображений «волшебных» блюд. Экономическое, социальное, культурное их состояние не позволяло достигать, как на иранских блюдах, классического художественного мастерства. Им казалось, что эти изображения ниспосланы богами. Но, тем не менее, на своем уровне созданные ими предметы культа явились примером сотворения волнующих произведений искусства. И еще чудо: им дано было понять, почувствовать истинную классическую красоту иранских изделий!

Финно-угорские и пермские племена поклонялись многим богам, воплощавших силы природы. Но едва ли не главным их божеством была так называемая «Золотая баба», покровительница плодородия. В I веке н.э. в Прикамье и Приуралье были распространены бронзовые и серебряные пластины в виде женщины, стоящей на змее. Змея была символом подземного царства, а женщина олицетворяла светлый мир (см. вклейку: рис. 1).

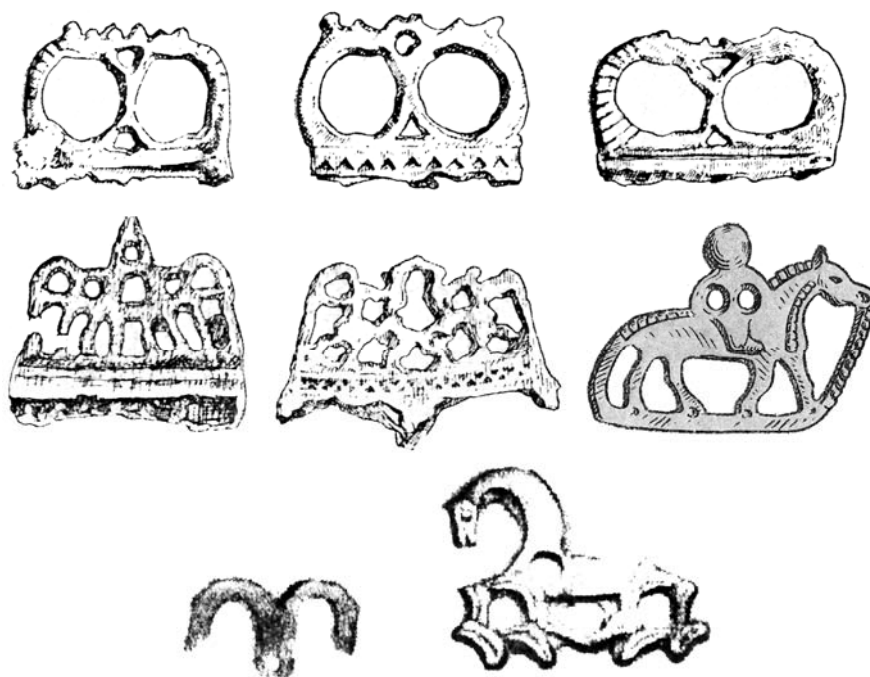
Шаманы в древнем мире у всех народов, у кого они были, в I и II вв. имели огромное влияние на членов своих племен, предсказывали будущее (доброе и несчастливое), впадая при этом в транс, ударяя в бубны. Считалось, что душа шамана, отделившись от тела, улетала в далекое путешествие. Эта блуждающая душа изображалась часто в виде птицы, на груди которой проступало человеческое лицо (см. вклейку: рис. 2). Душа, превратившаяся в птицу, летала по всему миру, всё познавала и возвращалась к своему владельцу – в этом случае человек только спал. Но иногда душа не возвращалась к нему. Тогда человек умирал. Изображения птиц-душ весьма популярны в Прикамье. Они сделаны из бронзы в виде птицы с распахнутыми крыльями и человеческим лицом на груди. Они также относятся к пермскому звериному стилю. (4. 1976, с.56–59). Но более всего в пермском зверином стиле поражают сложные образы, состоящие из переплетения частей тела человека и разных животных, птиц, рыб, пресмыкающихся. Среди них в основном дикие животные: лось, медведь, кабан, заяц, рысь, хищные птицы, змеи. Фрагменты фигур этих зверей причудливо сочетаются. Например, человеколось на ящере, а над ним длинная рыба; лосиные и птичьи головы на спине у ящера; двуглавый ящер, на нем 4 всадника в виде человеколось; всадник на лосе в окружении множества звериных голов. Впереди всадника летит птица, позади него – хищное животное. Также к пермскому звериному стилю относятся и коньковые шумящие подвески с привесками,

оканчивающимися или гусиными лапками или бубенчиками (5. 1988, с.143–145). Но в них нет ничего устрашающего (см. вклейку: рис. 3–8).

Все эти дивные фантастические образы пермского звериного стиля отражают мировоззрение людей, в древности отождествлявших себя с природой, со всем окружающим миром зверей и растений, чувствовавших себя частью живой природы. С развитием экономических, социальных, политических сторон жизни – становились глубже их познания об окружающем мире, накапливался опыт. Люди учились мыслить абстрактно, делать выводы из происшедших событий, явлений, росла их наблюдательность. Постепенно появились понятия о делении мира на три уровня – нижний, средний и верхний. У каждого, свои божества. изображения пермского звериного стиля представляют собой в разных изделиях эти божества: ящеров, змей рыб – как мира подземного, людей, медведей – мира среднего, земного; птиц, коней, лосей – небесных божеств. Соединение же частей тел разных животных и человека с ними в одном образе могло быть выражением единства мира, или сложности, многоликости жизни, постоянной изменчивости ее лика, повторяемости циклов явлений природы и, конечно же, борьбы светлых и темных сил, добра и зла, жизни и смерти, существующих параллельно.

Одновременно и рядом в одном регионе с такими соседями, с этими финно-угорскими племенами жили волжские болгары, пришедшие на Волгу в начале VIII века. В VIII–IX вв. Волжскую Булгарию населяли племена болгаро-салтовских и угорских групп, которые в понимании мироздания, окружающей действительности придерживались языческих представлений. Языческая культура болгар отличается ярким своеобразием, сочетающим черты кочевого и почти уже оседлого образа жизни. В изученных в 60–80-е гг. XX века казанскими археологами А.Х.Халиковым, Е.А.Халиковой, Е.П.Казаковым Большетарханском, Больше-Тиганском и Танкеевском могильниках на территории Татарстана найдены прекрасные образцы языческого искусства ранних болгар – украшения из серебра и бронзы с тонкими, изящными растительными орнаментами, серебряные блюда VIII–IX вв. (из Ирана), накладки, поясные сумочки, погребальные маски (6. 1989, с.15–24; 1972, с.145–160; 2007, с.74–96) (см. вклейку: рис. 9–13).

Кроме того, в искусстве болгар широко распространенным был образ коня. Его изображение в своей основе также восходит к древнейшим тотемическим представлениям многих племен – тюркских и финно-угорских. В языческих финно-угорских могильниках находят многочисленные предметы быта, искусства, в которых встречаются изображения коня.

В Танкеевском могильнике встречены бронзовые литые изделия в виде коня или всадника. Они выполнены в символическом стиле изготовления культовых поделок. Например, кресала в виде голов коней. Сильная стилизация их исполнения практически превратила рукояти в абстрактные ажурные изделия. В таком же стиле и технике выполнена подвеска, изображающая всадника, стоящего на поверженной змее (вспомним похожие композиции из пермского звериного стиля!). Эти образы символизируют победу коня и человека над Нижним миром. Подобная подвеска достаточно часто встречается как на Урале, так и в Поволжском регионе. Она воплощает один из мифов из пантеона угорской мифологии – Мир-Сусне-Хума, как считают некоторые ученые.

Интерес представляют бронзовые литые подвески, со спаренным погрудным изображением коней, обращенных головами в противоположные стороны. К нижним частям таких подвесок прикреплялись цепочки, оканчивавшиеся бубенчиками или птичьими лапками (см. вклейку: рис. 7, 8). Такие изделия находят аналоги среди шаманских изображений Урала и Западной Сибири. Как художественные произведения данные поделки, выполненные с большим вкусом, представляют собой сложные и емкие по содержанию композиции, ибо в них воплощаются представления древних мастеров о Вселенной, их богатая фантазия. Но и просто, сами по себе, эти шумящие подвески оригинальны и высокохудожественны.

В домонгольский период (X – нач. XIII вв.) взаимодействие волжских булгар с финно-угорскими племенами продолжают, и это более всего заметно по произведениям искусства, что хорошо проявляется при сравнении художественных изделий звериного стиля. Надо отметить, что звериный стиль, широко распространенный, как указывалось выше, в средневековом мире Евразии, являясь единой в общих чертах у всех племен, начиная с Сибири, Алтая, Урала, Поволжья – в изображении животных как символов космогонического мироздания, все же в каждом регионе имел свои особенности. Так, у булгар звериный стиль тоже был богат и разнообразен. Многочисленные виды домашних и диких животных и птиц находили в нем отражение. Но стиль этот отличался «миролюбивым» характером, в нем почти не было сцен жестокого терзания зверей, а изображения были спокойные, статичные, без экспрессий (7. 1983, с.32–52). В изображении животных, толковании их семантики у булгар много общего с образами животного мира других языческих культур. Но тот факт, что в болгарском зверином стиле, хотя и редко, встречаются синтетические образы и композиции такие, как чудовища, образованные соединением частей тел разных животных и птиц, дает основание думать, что образы эти пришли к булгарам из пермского звериного стиля, который, в свою очередь, как уже было сказано выше, перенял и видоизменил его из скифо-сибирского и иранского стилей. Возьмем самый яркий пример, отражающий это влияние – костяное защитное приспособление лучника и прекрасное, четкое изображение на нем крупной головы лося, а на нижней части «лица» лося еще и головку маленького лосёнка. Удивляет то, как древний мастер «слепил» голову лося из двух орлов, как бы сидящих друг против друга; лапы их, сцепившись, образуют круг, крылья сложены, являясь одновременно большими глазами лося, хвосты опущены, превратились в подбородок лося. Между клювами орлов протянуто нечто вроде ткани, и на ней лежат три яйца. (Не три ли состояния жизни – небесного, земного, подземного держат в клювах могучие птицы?). К.А.Руденко пишет, что «изображение трех яиц может быть истолковано в связи с мифом о происхождении человека из яйца» (8. 2003–2004, с.27–35). Орлы – символы силы, могущества, но между ними и выше их – сидит сова (филин), олицетворение мудрости, духовности. И не говорит ли это символическое изображение о торжестве мудрости над силой? Эти образы лосей, орлов, совы встречаются, и даже часто – в пермском зверином стиле. Он в данном случае явно повлиял на композицию изображения защитного приспособления лучника. Явно угорско-пермский мотив лося нашел такое творческое, яркое воплощение в болгарском изделии. Здесь и сомнения быть не может. Ибо – пермский звериный стиль был более ранним, чем болгарский, и самый популярный образ «пермского» лося также перешёл в болгарское изображение, творчески (художественно) переоплотившись. Также из пермско-угорского искусства перешли в болгарские композиции шумящих коньковых подвесок с гусиными лапками или бубенчиками на концах цепочек.

Есть в болгарском искусстве и другие примеры, свидетельствующие о влиянии на него пермского звериного стиля, но уже превратившийся в утонченное, почти классическое изображение. Имеется ввиду серебряная болгарская бляха из Биляра, правда, уже относящаяся к более позднему времени – XIII в.; найдена в Сибири. На бляхе – изображение всадника-охотника. На его руке сидит птица, по сторонам головы – луна и солнце, а под конём – разные звери (9. 1991, с. 8, 21, 29). Изготовление подобных высокохудожественных предметов характеризует 2-ю половину домонгольского периода; как раз в X–XIII вв. они распространяются в других регионах, в том числе среди самих угров, для которых эти серебряные предметы с насыщенной композицией являлись культовыми. Образуется интересный круг, удивительные взаимодействия. Сначала пермский звериный стиль влияет на болгарское искусство через искусство Ирана, а потом, когда болгары создают столь же высокохудожественные изделия – пермские племена используют их тоже как предметы своего культа (10. 1998, с.15–29). Звери на болгарской бляхе напоминают изображения зверей в пермском зверином стиле. Особенно хищная птица за спиной всадника и животное, находящееся под копытами коня. А на голове всадника явно – остроконечная тюркская шапка, в то время, как на иранских изображениях головные уборы охотников совершенно иные.

Здесь уже через пермское искусство наблюдается выход к искусству Ирана, от него – к культуре болгар и еще раз убеждаемся в том, насколько неостановимы пути прохождения сюжетов, образов искусств в пространстве и времени, как быстро и легко переходят композиции и образы, существующие в искусствах одних народов в искусство других, а потом и наоборот. Это животворное движение и взаимодействие образов, сюжетов, орнаментов мировой культуры продолжается вечно, как круговорот явлений в живой природе. И в этом – неумиряющая и волшебная сила искусства.

Литература

1. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. С. 52–71; Климов. К.М. Эволюция пермской пластики как диалог культур // Этнонациональные доминанты в культуре и искусстве народов Урала-Поволжья. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. С. 3–13.
2. Городцов В.А. Подчеремский клад // Советская археология, 1937, № 2.
3. Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. – М.: Искусство, 1977. С. 142, 167.
4. Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудесные древности Рифея. – Пермь, 1988. С. 56–59.
5. Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудесные древности Рифея. – Пермь, 1988. С. 143–145.
6. Халиков А.Х. Основные этапы истории и археологии ранних болгар в Среднем Поволжье и Приуралье // Ранние болгары в Восточной Европе. – Казань, 1989. С. 16–24; Халикова Е.А. Мусульманские могильники Волжской Булгарии X – нач. XIII вв. как исторический источник. – Казань, 1977. С. 145–160; Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв. – Казань: Институт истории АН РТ, 2007. С. 74–96.
7. Валеева Д.К. Искусство волжских болгар. – Казань: Татарское книжное издательство, 1982. С. 32–52.
8. Руденко К.А. Защитные пластины Предуралья и Зауралья // *Finno-Ugrica*. № 1(7–8) 2003–2004. – Казань: Институт истории АН РТ, 2005. С. 27–35.
9. Федорова Н.В. Художественный металл Волжской Булгарии // Восточный художественный металл из Среднего Приобья: Новые находки. – Л., 1991. С. 8, 21, 29.
10. Руденко К.А. К вопросу о взаимодействии болгар с поволжскими и прикамскими финнами в XII–XIV вв. // *Finno-Ugrica*. № 1(2). – Казань: Институт истории АН РТ, 1998. С. 15–29.

К ВОПРОСУ О СРЕДНЕВЕКОВОЙ ДОМОНГОЛЬСКОЙ КЕРАМИКЕ В МАТЕРИАЛАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Р.Р. Валиев, И.Ю. Мирсияпов, А.Г. Ситдииков

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань

Нижняя Волга со сложной географией дельты была привлекательным регионом для расселения людей с древности. Речной оазис обеспечивал обширными биологическими ресурсами значительные группы населения с различным хозяйственным укладом. Особенно ярко это проявляется в эпоху средневековья. Здесь пересекались культурные традиции кочевой степи и оседлых ремесленных городских центров.

Многие проблемы материальной культуры этого обширного региона, несмотря на длительное изучение, остаются слабо исследованными. Одной из тем, которая привлекает внимание исследователей, но недостаточно изученной, является вопрос о традициях керамического производства на поселениях дельты Волги в эпоху средневековья. Трудности ее изучения обусловлены незначительностью исследованностью памятников этого времени.

Изучение керамики средневековых памятников Нижнего Поволжья имеет обширную историографию. В исследованиях С.А.Плетневой (Плетнева, 2003), Т.А.Хлебниковой (Хлебникова, 1984), И.Н.Васильевой (Васильева, 1993), Н.А.Кокориной (Кокорина, 2002) и др. 1960–90-х годов представлена систематизация керамики с хазарского времени до включения региона в состав Золотой Орды. В их работах отражена степень исследованности археологических памятников региона на период 80–90-х годов. Керамические материалы из районов расположенных в дельте Волги из-за ограниченности археологического материала в этих исследованиях даются фрагментарно.

На территории Астраханской области благодаря обследованиям 1990–2000-ых годов были выявлено и исследовано около 100 средневековых объектов археологии, датируемые домонгольским временем, из которых около 10 могут быть увязаны с салтово-маяцким временем (Валеев, 2009. С. 196–206; Гумелев, 1964; Жирова, 2011. С. 38–44; Зиливинская, 2007. С. 157–164; Котеньков, 2012, С. 49–55; Котеньков, 2001. С. 153) (рис. 1). Керамический материал с этих объектов представлен разным по качеству и количеству находками. В ходе раскопок городища Самосделка (X–XIV вв.), Мошаик, некрополи Щучье, Посольский и др. памятников в дельте Волги был получен обширный материал домонгольского периода, в том числе и новые керамические комплексы, некоторые из которых были исследованы Нижневолжской экспедицией Института истории Академии наук Республики Татарстан в 2007–2011 гг. (Валеев, 2009. С. 196–206; Васильев, 2001. С. 79–81; Васильев, 2003. С. 83–122; Кутуков, 2002. С.8–13).

Городище Мошаик находится на восточной окраине Астрахани, на правом берегу р. Болда (Егоров, 1985; Васильев, 2001. С. 79–81; Попов, 2004. С. 206–226). Территория памятника составляет около 250 га. Центральная часть городища располагается на бэровском бугре высотой 5 м, длиной около 2 км и шириной около 500 м в центральной части. Поверхность бугра находится под застройкой поселка Мошаик. Восточная часть городища расположена в низине. С юго-востока к городищу на Татарском бугре располагается могильник «Мошаик» с захоронениями домонгольского и золотоордынского времени (Пантелеев, 2005. С. 219–226). На территории городища и прилегающего могильника с 1970-х годов с перерывами проводятся небольшие археологические исследования (Шнайдштейн, 1979. С. 203–204; Шнайдштейн, 1992. С. 33–37).

В 2008–2009 гг. Нижневолжской экспедицией Института истории Академии наук Республики Татарстан были проведены охранные работы в разрушающейся части памятника на местах срезки культурного слоя на территории дачных участков (Валеев, 2009. С. 171–172). Мощность культурных напластований, зафиксированная в разрезе, достигает 2 м. В основном преобладают слои золотоордынского времени мощностью до 180–190 см. С территории городища происходит в основном керамика золотоордынского времени, имеются отдельные находки предположительно домонгольского времени (XI–XII вв.) (Попов, 2004. С. 206–226). В сборах здесь преобладают фрагменты круговой красноглиняной тянутой керамики.

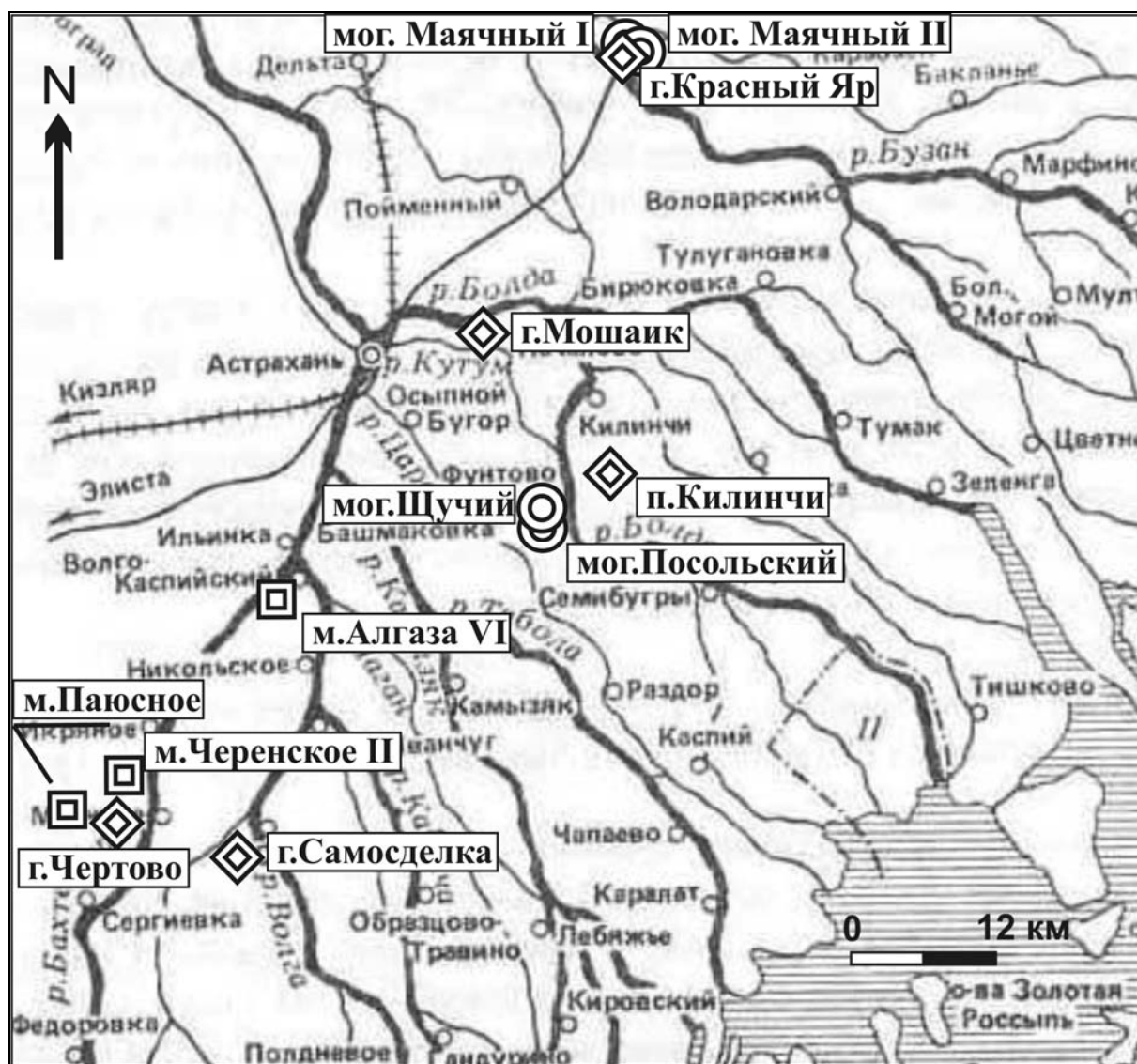

Рис. 1. План Дельты Волги с расположением памятников с керамикой салтово-маяцкого облика.

С домонгольским временем может быть связана лепная посуда кочевнического облика с резным орнаментом по тулову. В основном это горшковидная, баночная посуда, а также крышки от котлов или тандыров серого и коричневого цвета с включениями шамота в тесте. Венчики посуды и поверхность крышек имеет пальцевые вдавления, а также они украшены прочерченным и накольчатым орнаментом (рис. 4). Подобная посуда встречается в основном в нижних слоях городища или объектах имеющих относительно раннюю хронологию. Аналогичная ей керамика встречается в домонгольских памятниках Волжской Болгарии, Южнорусских степях и Приаралье (Хлебникова, 1984. С. 119–121, 162–164; Плетнева, 2003. Рис. 28; 37). В культурных напластованиях городища пока не найдена посуда салтово-маяцкого облика IX–X вв., выявленная в погребениях расположенного рядом могильника на Татарском бугре (Пантелеев, 2005).

Из верхних напластований периода Золотой Орды происходит красноглиняная круговая гончарная тянутая на круге посуда, а также поливная керамика сграффито, характерная для средневекового Ширвана (Попов, 2011).

Поселение Килинчи выявлено в ходе археологических исследований на бэровском бугре на левом берегу р. Балда в 2,4 км к востоку от реки, в 3 км к югу от села Килинчи. Бугор вытянут по линии запад-восток (500x450 м). Поверхность глинистая, покрыта полупустынной

растительностью, отмечены следы предшествующей активной землеустроительной деятельности. Подъемный материал распространен на всей площади бугра.

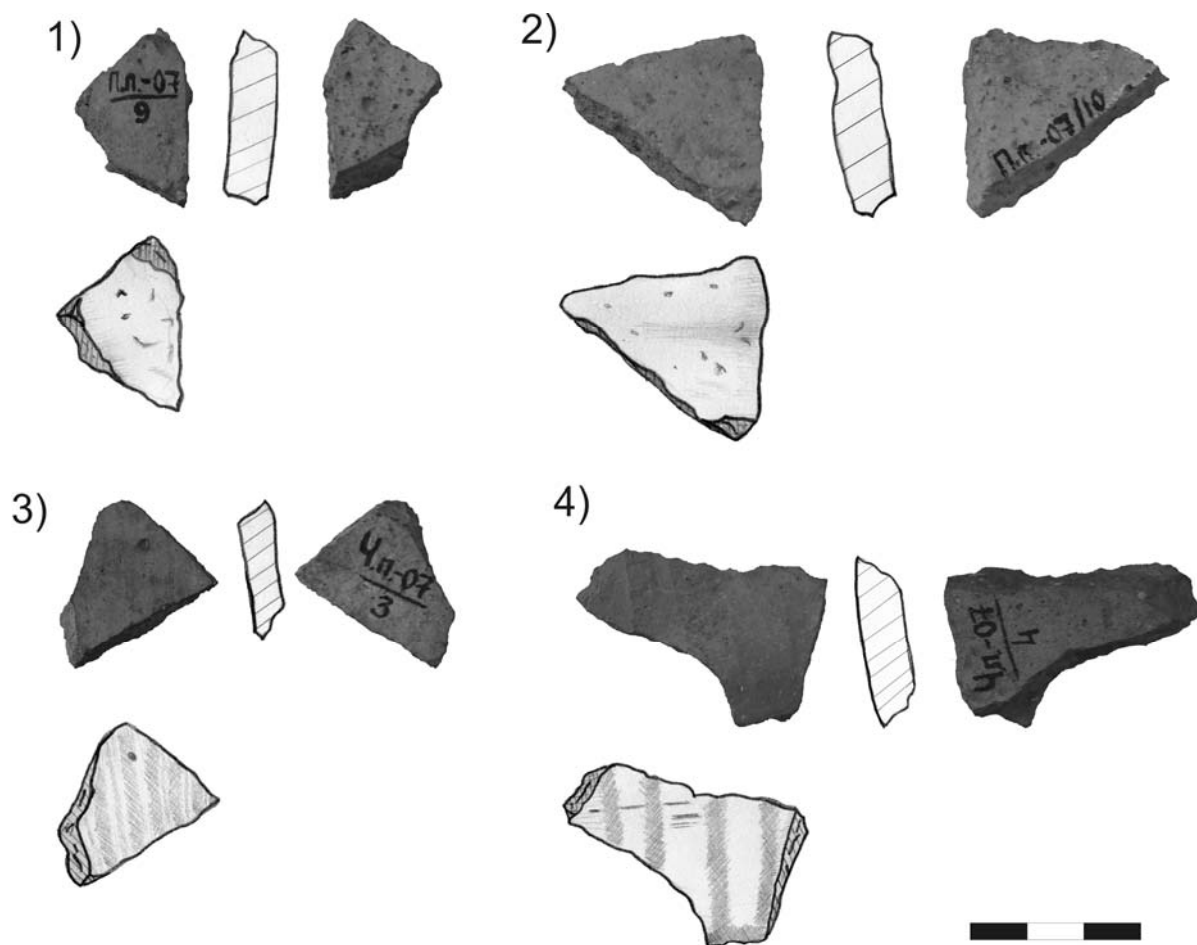

Рис. 2. Керамика с поселений Поюсное, Черенское.

В ходе обследования памятника получен керамический материал, датируемый салтово-маяцким и золотоордынским временем. Керамика с салтовского круга представлена обломками горшковидной правленной на круге сероглиняной посуды с включениями органики в тесте с рифленным горизонтальным многозонным орнаментом по тулову (рис. 6). Данная посуда по материалам салтово-маяцких памятников датируется VIII–X вв. (Хлебникова, 1984. С. 119–121, 162–164; Плетнева, 2003. Рис. 28; 37). Наличие обломков посуды салтовского круга может происходить и из могильника, разрушенного в ходе хозяйственной деятельности на бэровском бугре, который пока не удалось выявить. Наличие керамики золотоордынского времени, вероятно, связано с поселением, располагавшемся на бугре. Керамика этого времени представлена красноглиняной правленной на круге посудой близкой к материалам селитринского керамического производства XIV в.

Местонахождение (поселение) Паюсное расположено на бэровском бугре Паюсный на левом берегу р.Хурдун, в 5,6 км к северо-западу от с.Троицкий. Поверхность памятника относительно ровная, покрыта полупустынной растительностью. Подъемный материал представлен фрагментами сероглиняной лепной посуды характерной для салтово-маяцкого круга. Среди керамических находок имеются обломки красноглиняных амфор причерноморского типа VIII–X вв. (рис. 2, 1,2) (Мойко, 2000. Рис. 2, 1).

Черенское местонахождение расположено на западной оконечности бугра Черенский на правом берегу р.Бахтемир, в 3,6 км к северо-западу от села Маячное. Керамический материал

представлен несколькими сильно фрагментированными обломками сероглиняной лепной посуды характерной для салтово-маяцкого круга (рис. 2).

Местонахождение Алгаза IV расположен на бэровском бугре на левом берегу р. Бахтемир, в 3 км к югу от села Алгаза. Бугор ориентирован по линии восток – запад (1400 x 350 м). Культурный слой вымыт. Подъемный материал с памятника представлен 12 фрагментами круговой керамики, среди которых выделяются 5 фрагментов сероглиняной лепной керамики салтово-маяцкого круга, которые датируются домонгольским временем (рис. 3).

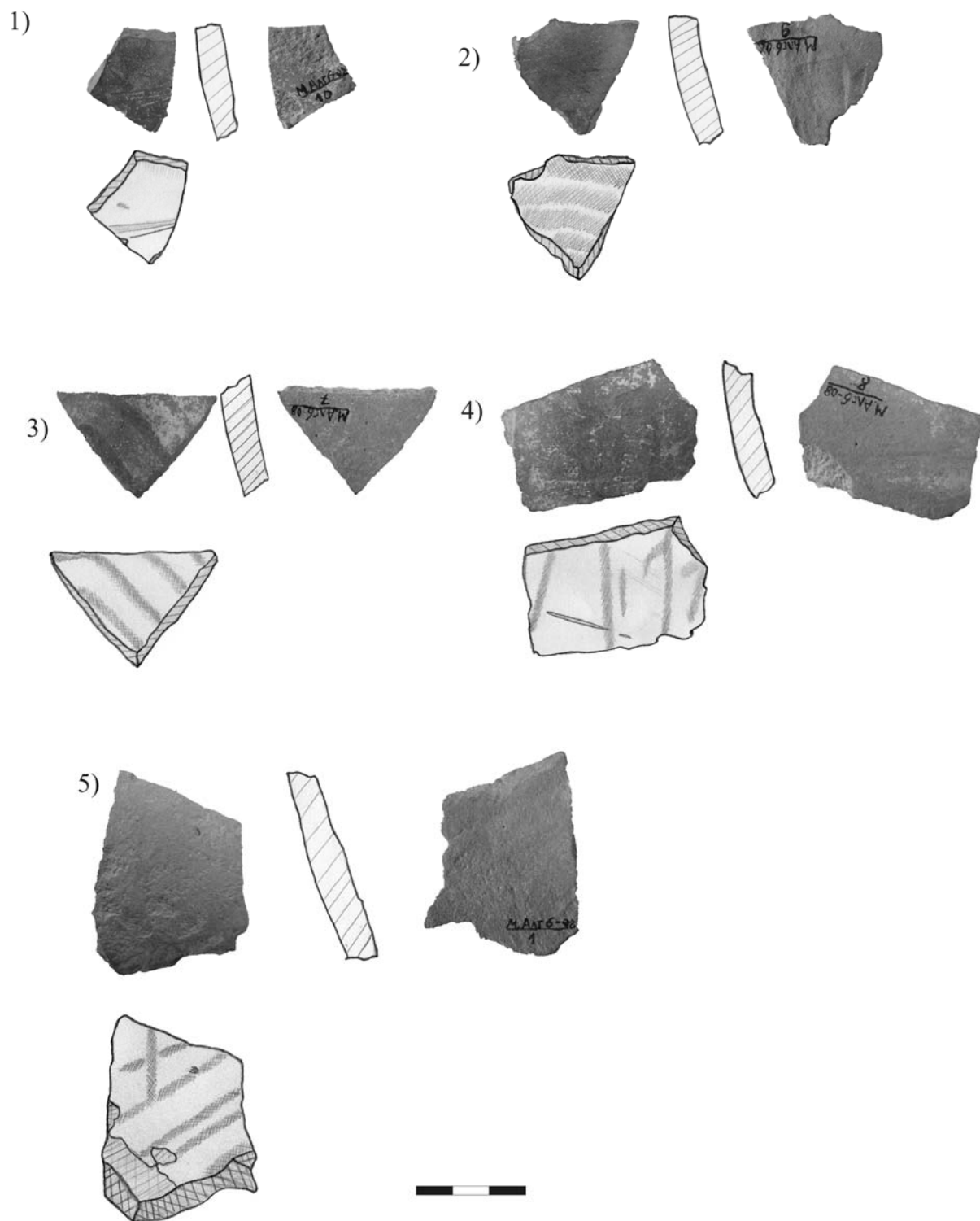

Рис. 3. Керамика с местонахождения Алгаза IV.

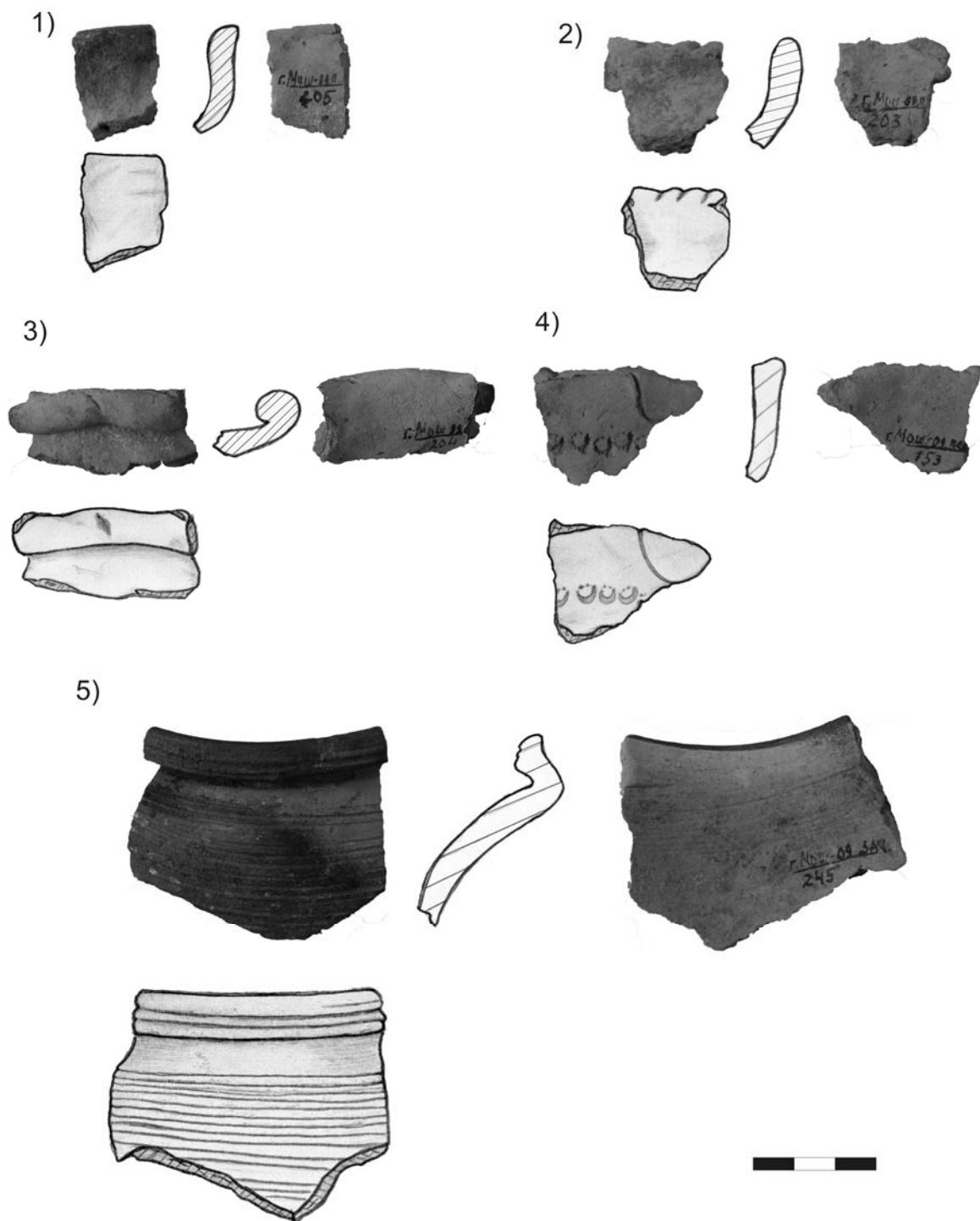

Рис. 4. Керамика с городища Мошаик.

Могильник Мошаик расположен на бэровском бугре «Татарский» в Приволжском районе на восточной окраине города Астрахани, в у восточной окраины поселка Мошаик на правом берегу реки Прямая Болда, западный край которого частично перекрывается культурными отложениями городища золотоордынского времени. На сегодня исследовано 25 погребений. Из них 7 увязывается с домонгольскими временами (Пантелеев, 2005). Из этих погребений происходит керамика салтово-маяцкого облика (рис. 4).

Могильник «бугор «Щучий» расположен в 3 км к юго-западу от с. Евпраксино, на правом берегу р. Болда. Бугор является возвышенностью естественного происхождения, вытянутой по линии запад – восток (110 x 300 м). К северу от бугра протекает ерик Щучий.

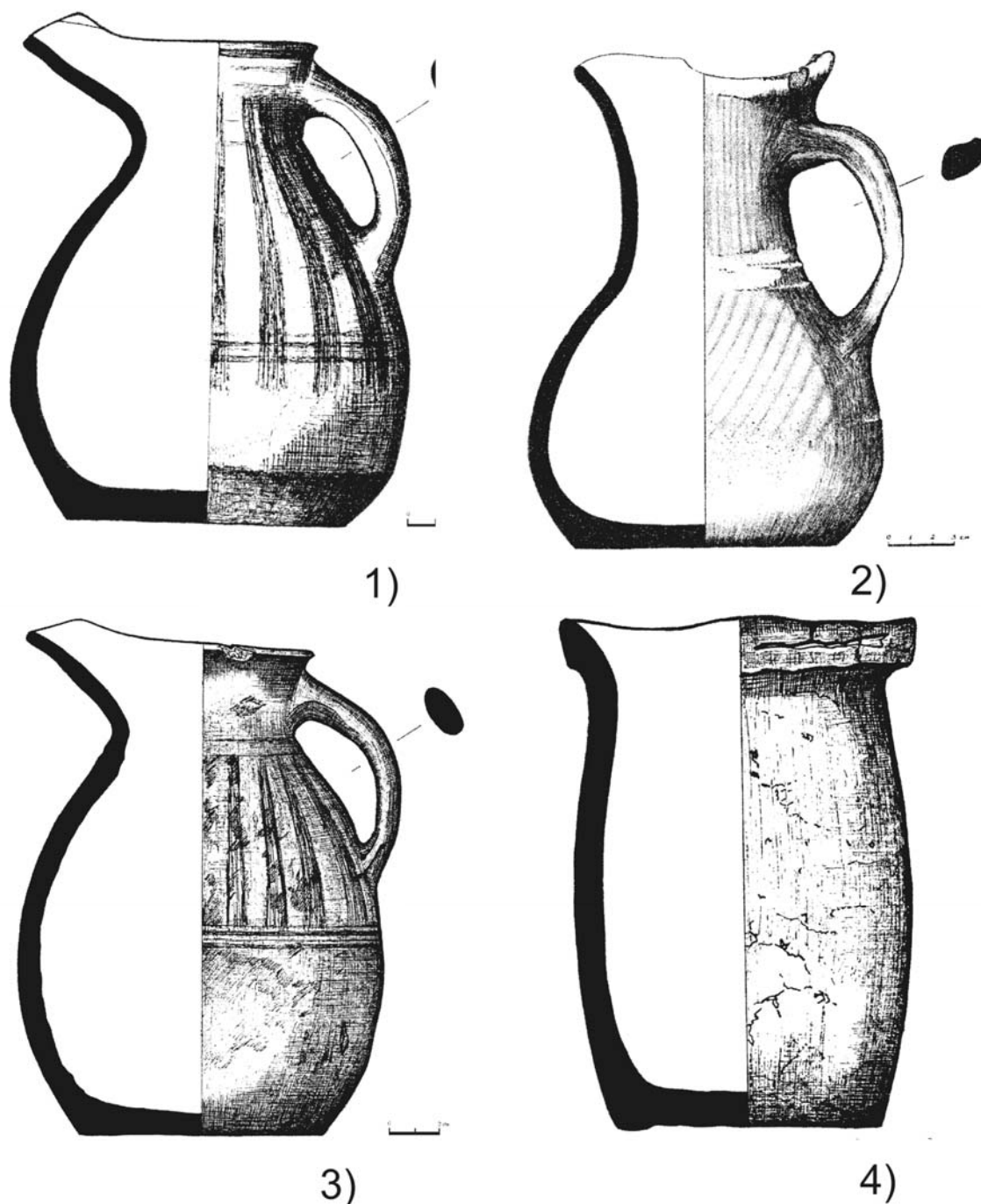

Рис. 5. Керамика с могильника Мошаик.

В ходе работ 2001 г. под руководством Кутукова Д.В. было исследовано два захоронения. Одно из погребений датируется салтово-маяцким временем (Кутуков, 2002, С.8–9). В погребении было обнаружено два лепных сосуда салтово-маяцкого облика. Второе погребение позднесарматское.

Могильник «бугор «Посольский»» расположен в 1,8 км к северо-западу от с. Веселая Грива, на правом берегу р. Болда. Бугор вытянут по линии запад – восток (1480 x 300 м). В 400 м к северу находится бугор «Щучий», соединенный с бугром «Посольский» дамбой. Восточный склон бугра обрзан карьером и представляет собой отвесный обрыв (Кутуков, 2002, С.9).

В ходе осмотра бугра в 2002 г. в западном склоне карьера было выявлено две могильные ямы. Одно из погребений датируется салтовским временем. В нем были обнаружены три обломка серебряных дирхемов и два лепных сосуда салтовского облика. Другое погребение эпохи бронзы.

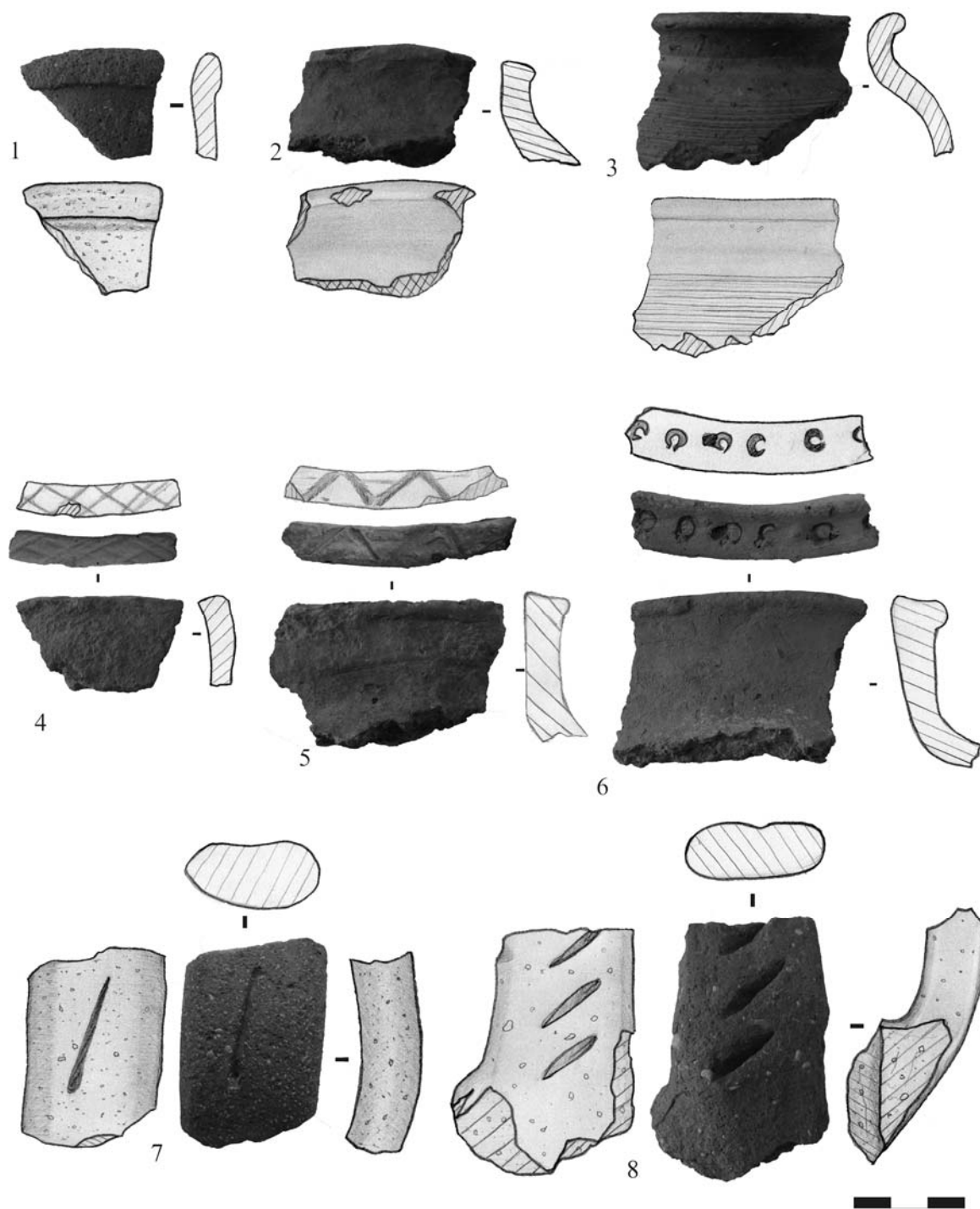

Рис. 6. Керамика с поселения Килинчи.

Обширные материалы за последние годы были получены из раскопок на территории Самосдельского городища (Васильев, 2003; Зиливинская, 2006). Данный памятник представлен в серии публикаций, в том числе и специальными работами по керамике (Попов, 2011). Обращает на себя внимание значительный комплекс домонгольского салтово-маяцкого круга керамических изделий и в том числе лепной кочевнической посуды этого времени. Размеры города и мощность культурных напластований свидетельствуют об активной городской жизни на его территории.

Возможно, к позднее домонгольским памятникам относится также и Красноярское, Чертово городища, поселения в окрестности Селитренного городища, но, сожалению, имеющиеся материалы фрагментарны и представлены в основном единичными монетами (Гумилев,

1964. С. 83–95; Котеньков, 2012; Казаков, 1998; Котеньков 2001; Пачкалов, 2002; Пигарев, 2006). Некоторые исследователи, опираясь на немногочисленные находки из этих памятников, считают возможным датировать их домонгольским временем.

Актуальной задачей является изучение генезиса традиций керамического производства салтово-маяцких традиций в предмонгольское время в Поволжье. Керамический комплекс салтово-маяцкого круга дельты Волги в целом сопоставим с аналогичным материалом других памятников этой культуры в степной и лесостепной зонах Европы (Международный, 2011). Сложной проблемой остается вопрос выработки общей хронологии круговой керамики постхазарского времени для памятников Нижней Волги. Ограниченная изученность памятников, к сожалению, не дает возможности на более широком материале раскрыть своеобразие и выработать хронологию средневековой керамической посуды домонгольского времени. Обращает на себя внимание незначительность поселенческого материала в регионе, обусловленного плохой изученностью имеющегося немногочисленного круга памятников этого времени, что затрудняет выработку общего представления о средневековой керамике домонгольского времени в дельте Волги.

Литература

1. *Валеев Р.Р., Мирсияпов И.Р., Ситдииков А.Г.* Средневековые поселения Нижнего Поволжья // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы. Казань, 2009. С. 169–206.
2. *Васильев Д.В.* Новые исследования на городище Мошаик // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань, 2001. С. 79–81.
3. *Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д.* Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в Низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2003. Т.3. С. 83–122.
4. *Васильева И.Н.* Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург, 1993. 246 с.
5. *Гумелев Л.Н.* Хазария и Каспий // Вестник Ленинградского университета. Л., 1964. № 6. Вып. I. С. 83–95.
6. *Егоров В.Л.* Историческая география. М., 1985.
7. *Жирова А.Г.* Птицевидные находки из кочевнических погребений II пол. X – I пол. XI вв. // Астраханские краеведческие чтения. Астрахань, 2011. Вып. III. С. 38–44
8. *Зиливинская Э.* Проблемы хронологии поселенческих памятников Нижнего Поволжья // Средневековая археология евразийских степей. Т. I. Казань, 2007. С. 157–164.
9. *Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю.* Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // Российская археология. 2006. № 4. С. 33–54.
10. *Котеньков И.С.* К вопросу о топографии и хронологии возникновения некоторых средневековых поселений в Астраханском крае // Астраханские краеведческие чтения. Астрахань, 2012. С. 49–55.
11. *Казаков П.В., Пигарев Е.М.* Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области (1989–1990 гг.) // Материалы по исследованию археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола: МарГУ, 1998. С. 72–83.
12. *Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. Казань, 2002. 383 с.
13. *Котеньков С.А.* Погребения конца IX–XI вв. у села Красный Яр в Астраханской области // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань, 2001. С. 73–75.
14. *Котеньков С.А.* Новые памятники древних болгар в Астраханском крае // Восток-Запад: Диалог культур Евразии. Казань: Изд-во ТГГИ, 2001. Вып. 2. С. 153.
15. *Кутуков Д.В.* Отчет об археологических разведках грунтовых могильников «Сасыколь-Тобе», «Щучий» и «Посольский» в Приволжском районе Астраханской области. Астрахань, 2002. С.75, Архив АГОИИМЗ.
16. *Майко В.* Керамический комплекс VIII–X вв. праболгарского городища Тепсень в юв Крыму // България в Северного Причерноморие. Исследования и материалы. Велико Търново, 2000. Том 7. Рис. 2, 1.

17. *Международный* научный семинар «Керамика Хазарского каганата (VII–X вв.) и проблемы идентификации болгарской керамики в странах Причерноморья и Поволжья»: Тезисы. Симферополь, 2011. 116 с.

18. *Пантелеев С.А.* Бугор Татарский – грунтовый могильник городища Мошаик. Исследования 2005 года. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7. Волгоград: ВолГУ, 2005. С. 219–226.

19. *Пачкалов А.В.* О местоположении Сарая (первой столицы Золотой Орды) // Археологія та етнологія східної Європи: Матеріали і дослідження. Том 3. Одеса. «Друк». 2002 р. С. 177.

20. *Пигарёв Е.М.* К вопросу об исследовании «Чертова городища» // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 7. Саратов, 2006. С. 43–47.

21. *Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века). Воронеж, 2003. 248 с.

22. *Попов П.В.* К вопросу о датировке городища Мошаик // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Тез. докладов I Международной Нижневолжской конференции. Волгоград, 2004. С. 206–226.

23. *Попов П.В.* Предварительные итоги изучения керамики Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Астрахань, 2011. С. 60–87

24. *Ситдииков А.Г., Мирсияпов И.Ю.* Керамика салтово-маяцкого истока в материалах Нижнего Поволжья X–XI вв. // Международный научный семинар «Керамика Хазарского Каганата (VII–X вв.) и проблема идентификации болгарской керамики в странах Причерноморья и Поволжья»: Тезисы. Симферополь, 2011. С. 92–98.

25. *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. М., 1984. 241 с.

26. *Шнайдитейн Е.В.* Исследования в Астраханской области // Археологические открытия 1978 г. М., 1979. С. 203–204.

27. *Шнайдитейн Е.В.* Средневековый Мошаик // Материалы четвертой краеведческой конференции (часть II). Астрахань, 1992. С. 33–37.

ТЕМА ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1878 – 90-е гг. XX в.)

Г.В. Владимиров

г. София (Болгария)

Волжская Булгария и ее исторический путь находится среди маргинализованных в болгарской медиевистике. Среди причин, как и абсолютно обыкновенные, связанные с отсутствием источников, ограниченным доступом к полевым исследованиям и научным разработкам, так и чисто субъективные, в большинстве своем подчиненные вненаучным факторам.

Настоящее изучение нацелено на выяснение процессов, тенденций и выступлений болгарских историков по теме Волжская Булгария. Будут рассмотрены и проанализированы сочинения, затрагивающие в целом и частично вторую средневековую Болгарию, ее население, порядки, быт, экономику, культуру. В заключении выведены базовые доводы относительно места данной темы в историографическом поле, достижения в ее исследовании и возможные перспективы в данном направлении.

В самом начале необходимо внести ясность относительно хронологического отрезка, в котором мы будем работать – период охватывает проявления современного болгарского историописания после освобождения от османской власти в 1878 г., а так же в качестве верхней границы условно выбраны 90-е года XX в., когда в болгарской науке наблюдаются процессы, анализ которых является объектом другого, более подробного исследования (Владимиров, 23–26).

* * *

На восходе современных болгарских историографических разработок после освобождения в 1878 г. тема Волжской Булгарии отсутствует по понятным причинам – настал черед дискуссий о ранней истории Дунайской Болгарии, происхождении болгар и их историческом пути. Период совпадает с процессами накопления источников и исследований русской историографии. Именно тогда в Казани основывается и активно функционирует *Общество по истории, археологии и этнографии* при Казанском университете. В 1907 г. на болгарский язык переведены и изданы выписки из путевых заметок Эдуарда Турнерели «*Russia on the Borders of Asia*» от 1954 г. Заглавием выписок было «*Развалины Болгара и древних болгар*» (Турнерели).

Года между двумя мировыми войнами характеризуются обостренной чувствительностью к историческому прошлому. К сожалению, период характеризуется утверждающейся тенденцией к «регионализму» в историографических поисках. Васил Златарски в своем фундаментальном исследовании «*История болгарского государства в средние века*», появившемся на свет после 1918 г., отделил скромное место Волжской Булгарии, ограничивая ее существование в период X–XIII в. и отмечая, что живущие там болгары были мусульманами (Златарски, с. 115). В 1928 г. на страницах «*Болгарской исторической библиотеки*» Стефан Младенов комментирует и сходства болгарского и чувашского языков, как и вероятность того, что чуваша являются прямыми потомками волжских болгар (Младенов, 60–64). В своем сочинении «*Праболгары – происхождение, история, быт и культура*» годом позднее, венгерский историк Геза Фехер бегло вспоминает, что «под натиском хазаров большая группа оногундуrow поселилась у Волги и основала мощное волжско-болгарское государство» (Фехер, с. 42).

Самое раннее собственное болгарское историческое исследование по теме «Волжская Булгария» появилось в 1938 г. под заглавием «*Булгария на Волге в средние века*», в авторстве Петра Миятева (Миятев). Текст представляет собой компилятив авторских рассуждений и переводов сочинения Ибн Русте, Ибн Фадлана и русских средневековых летописей.

После окончания Второй мировой войны в болгарской историографии сохраняется тенденция к маргинализации волжскоболгарской проблематики. «Появление» темы спорадично, в основном инспирирована вне событий. В 1946 году, на болгарском языке выходит исследование Бориса Грекова «*Волжские болгары в IX–X вв.*» (Греков). Это единственное в Болгарии переводное сочинение по теме «Волжская Булгария». В том же году на страницах журнала

«Язык и литература» появляется короткое этнографическое исследование крестовидной пазухи у капанцев и чувашей (Коев, 37–40). В *Известиях болгарского исторического дружества* в 1948 г. под заглавием *Новые исследования советских ученых Волжской Булгарии* вынесен подробный библиографический список сочинений по теме периода 30–40-х годов XX в. Однако принятая позиция «нейтралитета» по теме сохраняется. Показательным для позиций болгарской историописи является заключение автора Марии Чичиковой: «Изучение прошлого Волжской Булгарии является одной из важнейших задач советской исторической науки» (Чичикова, 486–490).

В начале 1960-х годов в журнале «*Стоматология*» публикуется короткое научное сообщение по вопросам зубно-челюстных заболеваний населения Волжской Булгарии (Боев и Маслинков, 32–35). В середине того же десятилетия в совместном исследовании Василя Гюзелева и Панайота Дражева «*Славяне и праболгары в нашей истории*», как приложение в конце появляется статья «*Болгария на реке Волге*» (Гюзелев и Дражев, 82–92). История Волжской Булгарии представлена в научно-популярном виде, а также отделены два события – монгольское нашествие и русская агрессия над городом Болгар в XV в. как фактор уничтожения государства и его населения. В своей монографии «*Образование болгарской народности*» того же года, Димитр Ангелов очень кратко вспоминает о Волжской Булгарии, как о государстве, которое существовало «до первой половины XIII в., когда попала под удар татарских завоевателей» (Ангелов, с. 117; 198; 282).

В 1973 г. официоз Археологического института и музея БАН журнал «*Археология*» публикует статью Альфреда Халикова «*Столица Волжской Булгарии домонгольского времени*» (Халиков, 30–42). В материале приведены аргументы в пользу неизменной столичности города Биляр в период X–XIII в. в середине 70-х годов появляется научно-популярное исследование «*Праболгары*» Ивана Богданова. На его страницах тема Волжской Булгарии занимает заметный для того времени объем, хотя с видимыми фактическими ошибками (Богданов).

1300-летний юбилей Дунайской Болгарии в начале 80-х годов является своеобразным «ренессансом» темы истории и культуры Волжской Болгарии. В конце юбилея (1979) опубликовано исследование Райко Сефтерского «*Культура праболгар в свете праболгарского языка*» (Сефтерски, 65–80). Представляет интерес изучение того же автора болгарских украшений и вышивок и их чувашских параллелей. К сожалению, целостное этнографическое исследование, развивающее и аргументирующее эти параллели, возможные отличия и их соответственные причины до сих пор отсутствует в болгарском научном поле.

В 1981 году в сборник, подготовленный на базе материалов международного симпозиума по проблемам древнеболгарского этноса /Шумен, 1975 г./ помещены статьи ведущих русских и казанских специалистов – Светланы Плетневой, Альфреда Халикова, Евгения Казакова, Елены Халиковой и др. (Сб. Плиска-Преслав). Это первое комплексное представление актуальных фактов и исследований относительно генезиса и первых шагов Волжской Булгарии в настоящей Болгарии.

В фундаментальном исследовании Веселина Бешевлиева «*Первоболгары – быт и культура*», появилась снова Волжская Болгария, и волжские болгары присутствуют в основном на базе сведений Ибн Фадлана, при этом в качестве вторичных доказательственного материала, подкрепляющего определенные авторские утверждения относительно дунайских болгар (Бешевлиев, с. 71; 100–101; с. 111).

В 1982 г. представления болгарской науки о достижениях их коллег по теме Волжская Булгария обогатились вынесенными на Первом международном конгрессе по болгаристике докладами Евгения Казакова «О типологии и периодизации древностей Волжской Булгарии VIII–X вв.» и Альфреда Халикова «Культурно-исторические связи между Дунайской и Волжской Болгарией /к изучению проблемы/» (Сб. Първи международен конгресс по българистика).

Двумя годами позднее на страницах журнала «*Болгарский фольклор*», опубликован материал Флорентины Бадалановой «*Об одном возможном контакте между создателями русского героического эпоса и волжско-камскими булгарами*» (Бадаланова, 30–44). В основе лексикального материала автор допускает известные интерполяции в русском языке из языка волжских болгар.

В том же году в «Сборнике в память проф. Станчо Ваклинова», Евгений Казаков представил обобщенную картину раннеболгарской истории и культуры и сложных процессов взаимодействия с местной этнокультурной действительностью, которые в конце концов порождают Волжскую Булгарию (Казаков, 125–128).

В 1986 году выходит исследование Петра Добрева «Хозяйственная культура праболгар» (Добрев). В нем отделено подобающее место рождению, факторам развития и конкретным проявлениям хозяйственной культуры Волжской Булгарии. Привлеченный широкий круг свидетельств и их критический анализ делают исследование одним из наиболее полных, до сих пор существовавших болгарских монографий по проблеме экономики и хозяйственной культуры поволжского региона.

Тема Волжской Булгарии затронута и в разработке варненского археолога Д. Димитрова «Праболгары Северного и Западного черноморья» (Димитров). В ней автор предлагает и доказывает гипотезу существования «западных болгар-кутригуров», создавших государство на Средней Волге. Представляют интерес рассуждения относительно распространения салтовско-маяцкой культуры и ее дунайских и волжских проявлений.

В конце 80-х годов на страницах специализированного исторического издания появляются новые исследования Халикова – о рунических надписях Волжской Булгарии и их дунайских параллелях и о контактах между болгарскими и венграми в районе Среднего Поволжья и Прикамья (Халиков, 47–53; Он же, 55–65).

В 90-х годах наблюдается возросший интерес к ранней болгарской истории, особенно к ее недавно идеологизированным или табуированным местам. Годы перехода превратились в испытание для ограниченной в рутинных разработках медиевистики. Позабытые проблемные сферы были мгновенно оккупированы новопоявившейся «альтернативной историописью», представленной в основном непрофессионалами и мифографами. Сегодня историческая наука ищет столь необходимую, хорошо аргументированную альтернативу опытам превратить средневековую болгарскую историю в привлекательный голливудский сценарий.

* * *

Общий обзор исторических исследований болгарской медиевистики, затрагивающий прямо или косвенно Волжскую Булгарию, приводит к нескольким существенным выводам.

На первом месте, вопреки приведенному большому числу исследований, тема о «второй средневековой Болгарии» смело может быть определена как второстепенная для болгарского историографического интереса. Насколько причины этой тенденции объективны или лежат на другой, вненаучной основе, нельзя утверждать положительно.

На втором месте, образ Волжской Булгарии в болгарской историографии имеет скорее статус экзотичной реальности, чем как объект проблематизации и исследований. Информационный тон и частое отсутствие библиографических ссылок в разработках по теме подтверждают подобное заключение.

На третьем месте, маленькое количество настоящих проблематизирующих исследований (в основном в сфере этнографии) имеют приносный характер, но являются недостаточными для формирования ясного, научно аргументированного представления о Волжской Булгарии и ее исторического пути в болгарской научной среде и среди широкой общественности. Это часто приводит к отсутствию критериев истинности по данной проблематике.

Сегодня тема Волжской Булгарии и волжских булгар все еще ищет своих ревностных исследователей в Болгарии. Для этого необходимо углубить сотрудничество между болгарскими и казанскими специалистами в этой области, обмен литературы, организацию совместных полевых исследований и т.д. Настоящий научный форум является, несомненно, полезным шагом в этом направлении.

Литература

Ангелов. Д. Образуване на българската народност. София, 1971.

Бадаланова Ф. За един възможен контакт между създателите на руския героичен епос и волжско-камските българи // Български фолклор, 1984, №1.

- Бешевлиев В. Първобългарите – бит и култура. С., 1981.
- Богданов Ив. Прабългари – произход, етническо своеобразие, исторически път. С., 1976.
- Боев П., Маслинков Д. Зъбно-челюстни заболявания у населението на Волжка България. – Стоматология, 1963, № 6.
- Владимиров Г. Темата за Волжка България в преподаването по средновековна българска история – проблеми и перспективи // Сб. Проблемы преподавания истории и культуры родного края. Чебоксары, 2009.
- Греков Б. Волжските българи през IX–X век. С., 1946.
- Гюзелев В., Дражев П. Славяни и прабългари в нашата история. С., 1966.
- Димитров Д. Прабългарите по Северното и Западното черноморие. Варна, 1987.
- Добрев П. Стопанската култура на прабългарите. С., 1986.
- Златарски В. История на българската държава през средните векове. Т. 1, Ч. 1, Епоха на хуно-българското надмощие (679–852). С., 1918.
- Казаков Е.П. О некоторых вопросах истории ранней Волжской Болгарии (VIII–X вв.) по новым археологическим данным // Сб. в памет на проф. Станчо Ваклинов. С., 1984.
- Коев И. Символичното значение на кръстовидната пазва у чувашите и капанците // Език и литература, 1946, № 1.
- Миятев П. България на Волга през средните векове. С., 1938.
- Младенов Ст. Положението на Аспаруховите българи в реда на тюркския клон от арио-алтайските народи // Българска историческа библиотека, 1928, №1.
- Сб. Плиска-Преслав. Т. 2. С., 1981.
- Сб. Първи международен конгрес по българистика. Симпозиум «Славяни и прабългари», Т. 2, Ч. 1. С., 1982.
- Сефтерски Р. Културата на прабългарите в светлината на прабългарския език // Проблеми на културата, 1979, № 6.
- Турнерели Е. Развалините на Болгар и древните българи. С., 1907.
- Фехер Г. Прабългари – произход, история, бит и култура. С., 1929.
- Халиков А. Столицата на Волжка България от домонголско време // Археология, 1973, №1.
- Халиков А. За руническите надписи от Волжка България и техните дунавски паралели // Археология, 1988, №3.
- Халиков А. Протоболгары и протовенгры в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье // Проблеми на прабългарската история и култура. С., 1989.
- Чичикова М. Нови изследвания на съветските учени върху Волжка България // Известия на Българското историческо дружество. Т. 22–24. С., 1948.

УННО-БОЛГАРЫ В КАРПАТСКОМ БАССЕЙНЕ V–IX вв. (ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ)

П.П. Георгиев

Национальный институт археологии – Филиал Шумен (Болгария)

Проблема о паннонских или карпатских болгар выявлена в науке давно, но остается и, наверное, останется среди дискуссионных. Основные различия у исследователей связаны с началом болгарского заселения, а также и с продолжительностью присутствия болгар в районе.

Об установлении болгар в Карпатском бассейне существуют два основных мнения. Согласно мнению некоторых венгерских и болгарских учёных, начало можно связать с установлением центра Гуннской федерации племен в Паннонии, т.е. еще с середины V века. (Simonyi, 194–200; Шимони, с. 70–83; Бешевлиев, с.9–22; Векон, 23–39; Божилов, Гюзелев, с. 21, 62–63). В последние десятилетия эта теза подвергается аргументированной критике, и болгарское присутствие в районе признается едва после установления кутригур в Аварском каганате (Pohl, S. 227–228; Bóna, 1971, S. 301–302; Bóna, 1981, S. 97).

В основе отрицания болгарского присутствия в доаварском периоде лежит отсутствие этнонима «болгары» в известиях от V–VI вв. Этот же факт был признан еще В. Златарским и В. Бешевлиевым, но они все же привели примеры о том, что во время Гуннского союза, а также и после него, грекоязычные и латиноязычные авторы упоминают болгар, как «гунны», так как не отличали их среди населения гуннской федерации племен, или потому, что болгары просто приняли на себя обобщающее для тюркоязычного населения имя «гунны» (Бешевлиев, с. 10 и сл.; Златарски, с. 55).

В этом смысле вопрос о форме и семантике болгарского этнонима в источниках имеет фундаментальное значение.

В латинских источниках он встречается как *Bulgares, Vulgares*. В греческих Βούλγαροι обычно сопровождается *Ο νοι* или *Ο νογοунδούροι* (*Όνογοунδούροι*). Близость произношения и записи *Ο νοι* с гуннским этнонимом является причиной серьезных конфузий как среди хронистов, так и среди исследователей, которые принимают а priori тождество между словами «Унны» и «Гунны». Кстати, надо сообразиться с тем, что на Кавказе, где источники фиксируют исторически достоверную зону формирования болгарского этноса, название *honi* встречается как особый этноним еще с IV в. до наших дней (Марр, 12–13 и сл.; Гадло, с. 11, 18–19; Волкова, 128–130).

Феофан Исповедник, Патриарх Никифор и Анастасий Библиотекар называют болгар VII века *Ουππογουνδουρο-Βουλγαροι* (ГИБИ III, с. 261, с. 294–295; ЛИБИ II, с. 247). Первое слово, как и сокращенная его форма *Ουππο-*, византийские авторы иногда употребляли самостоятельно, и оно, наверное, имело какое-то собственное значение.

Об этом прямо говорит Константин Багрянородный в X в. (ГИБИ V, с. 193). По поводу заселения болгар на территории Империи он записал: «Тогда стало известно и их имя, так как прежде называли их Оногундуры (*Όνογοунδούρους*)». Имея в виду эти слова, можно сделать вывод, что «Унногундуры», «как и «Унны», были настоящие названия (=самоназвания) болгар. Их древность доказывают близкие формы: *Vgh'ndur-Bulgar* Мовсеса Хоренаци и *Woghondor-Blkar* Анания Ширакаци. Они относятся к периоду формирования болгарского этноса на Кавказе до V в. (Златарски, с. 153 и сл.; Гадло, с. 40 и сл.). Аналогичное название, но в еврейском произношении – *В-н-нт-р* (*У-н-н-т-р*) указано в письме хазарского кагана Иосифа.

В основе названия *Unnogoundouroi* стоит, как я думаю, соционим, составленный из четырех слов. Среди них находится имя числительное *oun/on* (*vun*). В тюркских языках оно означает «десять» (в чувашском оно звучит: *vun/vunna/vuna*). Иногда употребляется еще как «сто» (Георгиев 2004, с. 697 и сл.). После числительного стоит, как известно, тюркское существительное: *-og-* «стрела» (=род, племя). Следующая составка *-on-* (*-oun-*), ее снова можно принять как указанное имя числительное, или вместо *-hon-* (см. *Woghondor-*). На последнем месте стоит *-dor* (*-dur*). Оно, наверное, не только суффикс, а отражает еще и популярное на

Кавказе слово «дзор», которое имеет армянское происхождение со значением («ущелье, долина» и под.), и присутствует в наименованиях исторических областных названий (гаваров) и других географических объектов (Мурзаев, с. 181, 189 и указанная там литература). Слово *-dur* (*-dur*) встречается еще в топонимике прежних поселений осетино-алан по ущельям в верхней Кубани. На Кавказе оно означает именно это (Мурзаев, с. 194) и фигурирует в исторической ономастике осетин как «Дурдзук», означающее «жители ущелий» (от «дурдзуг» ‘каменная яма, ущелье’) (Гадло, с. 24). В армянском языке, где находим ранние формы «Вогхондор-блкар» или «Вхндур-булгар», слово означает «горное ущелье, проход», как и «стража, охрана». Оно крепко вошло в легендарную и историческую этнонимистику в районе Закавказья, и в его основе стоят ущелья Кавказских гор (Гадло, с. 23 и сл.). Особенно важно то, что слово о них присутствует в именах гуннов от первой половины V века, которые именовались хайландурами (хайландур`к), о которых писал армянский писатель Егише. Интересно и важно отметить, что Дербентское ущелье он называл *hōn* («Хонске ворота», т.е. страна Чор (Джор) (Егише, с. 31 (цит. по Калинина 1984, с. 192, сн. 96). Предложенная интерпретация согласуется с указанием Мовсеса Хоренаци, что настоящая родина болгар являются «цепи (т.е. ущелья «дор», дзор», «джор» и др. варианты. – П.Г.) великой Кавказской горы».

Следовательно, имеем основания принять, что название *Vunogunduri/Ounnogunduri* наполнено приблизительно таким смыслом, как «десятистрельный (народ) (*oq budun*) из десяти(?) горных ущелий» или: «народ со ста укрепленными горными убежищами».

О состоятельности этой интерпретации говорят те источники, которые последовательно характеризуют территорию, на которой располагались унногундуру-болгары, как земля со «ста укреплениями», с «десятью», «ста» или тысячами водоисточниками» и т.д. (Георгиев 2004, с. 700 и сл.). Примеров можно найти еще в Закавказье, куда они переселились заранее, а также в названии *Onglos* о территории, занятой народом Аспаруха во второй половине VII в. на левом берегу Нижнего Дуная (Георгиев 2003, с. 29–31). Там именно, на р. Прут, засвидетельствован топоним «сто холмов (курганов)» (рум. о *sîta de Movile*). Он связан с традиционным названием земли праболгарского этноса, потому что Анонимная болгарская летопись XI в. сообщает, что земля, в которой остановился после 680 г. Аспарух (нын. Добруджа и сопредельная часть северо-восточной Болгарии) называлась «земля Карвунская», а предшественника Аспаруха – «стокуранный царь» Слав (Иванов 1970, с. 282). Византийские источники XI в. (Иоан Скилицы, Анна Комнина) записали это название из языка местного населения по-гречески как Ἐκατὸν βουβὸς (=«Стохолмие»), т.е. «земля со ста холмами» (вер. курганы-укрепления) (Георгиев 2006, с. 54 и сл.).

Аналогичный топоним знаком из источников и в Карпатском бассейне. В комитате Нади Кюкюльо в Трансильвании сохранился ойконим *Százhalom*, который имеет то же значение. Геза Фехер сравнивает его с упомянутым Венгерским Анонимом *centum montes*, как часть территории государства гуннского вождя Атиллы (Фехер, с. 75). Они находятся на правом берегу Дуная, напротив острова Чепеля, которого средневековые венгерские источники указывают как место резиденции Атиллы и мадьярского вождя Арпада (ЛИБИ V, 1, с. 51). Возможно, существующие там холмы защищали переправу через Дунай к острову. Топоним сохранен до сегодняшних дней как имя города *Szazhalombatt*. Другие мадьярские хронисты упоминают топоним как *Zazholm*, т.е. «сто холмов». Венгерский хронист XIII в. Шимон де Кезаи пишет, что после поражения сыновей Атиллы от геппидов часть гуннов (численностью в 3 000 мужчин) убежали из своих первоначальных поселений за Дунаем (вер. в т.н. *centem montes*) в т.н. *campo Chigle* и там они начали называть себя «закули» (*Zaculos*) (ЛИБИ V, 1, с. 69–70). Это название можно осмыслить на венгерском языке как **százkuli*, т.е. «сто башен» или **száz collines* (=«сто холмов») и истолковать как «народ с территории со «ста холмами-укреплениями». По мнению Я. Мелиха, слово «сто» здесь выражает популярное среди тюркских народов понятие о «многочисленности». В подтверждении этого вывода можно привести как свидетельство одну из древнетюркских надписей VIII в. (E 68/1), где встречается сочетание «*jüz kümül bodun*», т.е. «стокумуляный народ» (Кызласов, с. 72–73)¹.

¹ И.Л. Кызласов считает, что смысл этого сочетания неясный, так как слово *kümül* является непонятным. Для меня оно, возможно, связано со словом *kümäk* «охрана» (см. Древнетюркский, с. 326). Тогда

«Новопринятое» (до приезда мадьяров Арпада) название остатков «гуннов» на левом берегу Дуная отвечает по форме и содержанию специфическому для унно-болгар эпитету «стокуранный (народ)». Другими словами, здесь вероятно можно увидеть традиционный, по Константину Порфирогенету, этноним *Unnogoundouroi*. Что касается слова «поле» *Цигла* (*Чигла*), оно, по-видимому, соответствует названию укрепленной территории возле государственного центра дунайских болгар во второй половине VIII в. (возле Абоба-Плиски), который Феофан Исповедник записал как «*Чика*» (Τζίκας) (ГИБИ III, с. 272; Георгиев 2009, с. 339 и сл.). В Карпатском бассейне, наверное, был такой же центр остатков «гуннов» (=унно-болгар и других гуннских племен), который существовал между V и IX вв. Сначала он был в пределах гепидского королевства, а с середины VI в. в «гуннском» Аварском каганате. Его можно предположительно и ориентировочно локализовать между р. Тиссой и т.н. сарматскими валами у подошвы Западных Карпат (Георгиев 2011, в печати).

Понятия *Unnogoundouri*, *Karvuna*, *Onglos*, *Стохолмие*, *Зазхолм*, «сто холмов», *centem montes*, «стокуранный царь» или «стокуранный народ» имеют для основы сакральную символику числа «сто», которое выражает стремление к «целости» и «полноте» у тюрков, а также и у унно-болгар. С ними они хотели афишировать свой идеал быть сильными и в «большом множестве». В письме хазарского кагана Иосифа это сказано точно: «... В стране, в которой я живу, прежде жили в.н.нт.р`и. Наши предки, хазары, воевали с ними. **В.н.нт.р`и были многочисленными, так многочисленными, как песок в море, но не могли устоять перед хазарами...**» (Коковцов, с. 92, 114–116). Здесь налицо оппозиция «малочисленные – многочисленные», за которой стоят этнонимы болгар – в.н.т.р., т.е. «народ со ста укреплениями» и *hāzar*, чье название в среднеперсидских и закавказских языках имеет значение «тысячи» (Георгиев 2004, с. 703–704).

Действительно, в источниках о болгарях говорится очень часто как о многочисленном, следовательно, сильном, могущественном народе. В этом отношении они следуют традициям в названиях других степных народов, как например, тюрков и хазаров, чьи названия («турк» и «хазар») персидские авторы употребляли как синонимы (Гумилев, с. 159–160). Исследования А.Н. Кононова о семантике собирательного названия «турк» указали, что оно имело значение «сильный, крепкий» (Кононов, 40–47; Гумилев, с. 22).

Византийский писатель Иоан Маллалы сообщает в VI в. о нападении «двух предводителей гуннов (sic!) в Скифии и Мизии *μετὰ πλῆθους* (ГИБИ II, с. 214). То же событие Феофан передает так: «В этом году (6031 (=539) всколыхнулись болгары – два их царя с множеством и с дронгом: *μετὰ πλῆθους Βουλγάρων καὶ δρούγγου* ... (ГИБИ III, с. 237). Этот пассаж давно стал предметом разных интерпретаций (Beševliev, 339–345). Я думаю, что здесь византийские авторы имели в виду смысл этнонима: «Болгары-унногундуры» и на месте слова «унногундуры» использовали греческие слова о «множестве», как и слово: *drungos*. Последнее греческие, как и славяноязычные авторы употребляли как определение о войсковом отряде, включительно и о плотном боевом строю номадов (Славова, с. 51–52). Таким способом, Маллалы уточняет, что идет речь не только о «войсковом множестве», но и об «организованном боевом отряде».

В другом месте тот же хронист сравнивает неожиданно болгар с воинами древнегреческого героя Ахилла. Они «называли себя тогда мирмидонами, а сейчас (т.е. в VI в.) болгарами», записал автор (ГИБИ II, с. 206). Какая же тогда связь между названиями «мирмидоны» и «болгары»?

Исследователи предлагают разные объяснения этого абсурда (Moravcsik, S. 207). Ключевое значения, по-моему, здесь имеет греческое слово *μῦριάς, ἄδος*, т.е. войсковая часть из 10 000 человек, которая является синонимом войскового множества (*μυριάς*): *μυρική*, букв. «муравейник». Таким способом, хронист снова калкировал смысловое значение болгарского самоназвания *Unnogoundouroi* со словом, занятым из античной литературы. Идею об этом дало, как можно полагать, сочинение Ариана «Обход (объезд)», где Ахил Пелеев представлен как «скиф» из городка Мирмекион, которого считают (например, Лев Диакон в X в.), что

сочетание получает значение, которое можно принять аналогичным понятию «стокуранный народ», т.е. «хорошо укрепленный (защищенный) народ».

«находился на Меотидском озере» (ГИБИ V, с. 269). Причина ассоциации с болгарами ясна: они, как и Ахил, тоже выходцы из Меотиды. По той же причине, позднее, печенежских владетелей в Тмутаракани называли «мирмидонскими князьями». Важно и то, что Mirmidones Иоан Цец, например, связывал не только с болгарами, но и с $\text{O } \gamma\gamma\rho\omega\nu$, которые заняли их место в Паннонии и Дакии. Другой византийский автор XI в. Михаил Аталлиат связывает этот квазиэтноним с местной византийской властью в Подунавье, как и с «окрестными болгарами», сыгравшими роль в отражении «многочисленного» народа уззов (ГИБИ VI, с. 177–178). В XI в., вероятно, с «мирмидонами» продолжали обозначать «скифов» за Дунаем. Иоан Цец, например, продолжал считать войска Ахила Пелеева как $\text{O } \nu\nu\omega\nu$, $\text{Bou}\lambda\gamma\acute{\alpha}\rho\omega\nu$ $\sigma\tau\rho\acute{\alpha}\tau\epsilon\upsilon\sigma\alpha$ $\tau\acute{\omega}\nu$ $\text{M}\mu\rho\mu\delta\acute{\omicron}\nu\omega\nu$ $\acute{\alpha}\gamma\omega\nu$, т.е. войска из уннов и болгар, которые представляли собой «Мирмидонское сборище» (ГИБИ X, с. 104–105).

Очень важная для нас глосса находится в славянском переводе хроники Маллалы (Димитров, с. 123). Там сказано, что «тогдашние мирмидоны, а сейчас болгары» не другие, а *Болгарен оуння*. Очевидно, болгарские книжовники X в. имели хорошее представление о семантике этнонима «унно-болгары» как «многочисленные, воинственные болгары» и специально о том, что слово унно- означает «многочисленные».

Эти примеры убеждают, что источники указывают систематически на болгар как на народ «унно», т.е. «многочисленное войсковое множество», иногда организованное в сотни. Феофилакт Симмокаты, например, употребляет адекватно выражение: $\text{Ukato}\nu\tau\acute{\alpha}\sigma\iota$ $\delta\acute{\epsilon}\kappa\alpha$ о болгарском отряде из тысячи бойцов. Здесь автор употребил выражение, характерное для индоевропейской десятиричной системы исчислений, где «сто» указано как «десять десятков» (Гамкрелидзе Иванов, с. 846).

Свидетельство о том, что эти представления относятся и к болгарам в Карпатском бассейне, предоставляет Баварский географ IX века. Он записал, что «Болгария – это огромная область и большой народ (*populus multus*), который имеет (только) пять крепостей (*Burgwerde*). Так как их многочисленность большая, не надо употреблять усилия иметь (много) крепостей» (Гюзелев, с. 80). Ал-Масуди называет в X веке живущих возле Дуная тоже «много болгар, когда они приняли христианство» (Калинина 1978, с. 18).

Возможно, эти указания о «множестве болгар» являлись не директным переводом этнонима унно-болгар, а отражением титула болгарских государей первой половины IX в. Персиан (836–852), например, в своей надписи из Филиппи (совр. вост. Греции) определяет себя как государь «множеству болгар» ($\tau\acute{\omega}\nu$ $\rho\omicron\lambda\lambda\acute{\omega}\nu$ $\text{Bou}\lambda\gamma\acute{\alpha}\rho\omega\nu$) (Бешевлиев, № 14: с. 132 сл.). Это сочетание является грекоязычным переводом болгарского этнонима: *Ounnoboulgaroi* и с его помощью Персиан указывает на себя как на их «с Богом архонт». Таким способом представлен еще его дед: «кана сюбиги» Омуртаг (814–830), к которому в Чаталарской надписи с 821/2 г. отправлено пожелание владеть $\tau\omicron\upsilon\varsigma$ $\rho\omicron\lambda\omicron\upsilon\varsigma$ $\text{Bou}\lambda\gamma\acute{\alpha}\rho(\epsilon)\iota\varsigma$ (Бешевлиев, № 57, с. 200 и сл.). По-видимому, в первой половине IX века древнее самоназвание унно-гундуrow сохраняло свое значение.

Самые ранние свидетельства о болгарях в Карпатском бассейне исключительно латиноязычные. Для них название «унноболгары» было непонятным и, наверное, поэтому его не употребляли. Так например, в своем переводе хроники Феофана Анастасий Библиотекар говорит о Vulger и Droggo как о собственных именах «двух болгарских вождей» (*Vulgarum duo reges*) (ЛИБИ II, с. 227). Сочетание $\text{O } \nu\nu\nu\omicron\gamma\omicron\upsilon\nu\delta\omicron\upsilon\rho\omega\nu$ $\text{Bou}\lambda\gamma\acute{\alpha}\rho\omega\nu$ $\kappa\alpha\iota$ $\text{Kot}\rho\acute{\alpha}\gamma\omega\nu$ у Феофана Анастасий Библиотекар переводит как *Onogundurensium Vulgarum et Contragensium*, по-видимому, принимая значение этнонимов как имена прилагательные. Этим можно объяснить отсутствие разграничения имени болгар от гуннов и других народов.

Особенно важным является рассказ Иорданеса о распаде гуннского царства (Get., 259–261). Он вообще не упоминает имя болгар среди указанных своими именами народов бывшего государства Атиллы. Но это не означает, что их не было между ними. Их надо искать среди «других народов, которые им (гуннов. – П.Г.) помогли» (Get. 262) в битве при р. Недао (ЛИБИ I, с. 357). В свете известий венгерских средневековых хроник о каком-то остатке гуннского народа возле *centem montes* на правом берегу Дуная, который переселился в *campo Chiglae*, является возможность отождествить их с унно-болгарами.

Между народами гуннского круга Иорданес отмечает (*Get.*, 266) и *Sadagarii* (ЛИБИ I, с. 358). Они, наверное, были ираноязычными сарматами, знакомыми древним авторам между Кавказом и Нижним Дунаем еще в II в. пр. Хр. (Десятчиков, 131–144; Пуздров, с. 208–209). Исследователи выводят их имя из иранизма *sataga-i-gya* и считают, что оно означает: «народ со ста горами») (*Harmatta* 1942, 17 sqq.; *Dujcev*, p. 339). По своему смыслу оно подобно имени уннболгар, которые, кстати, тоже уроженцы Кавказа и северночерноморских степей (Георгиев 2006, с. 54 и сл.). Данных о связях между ираноязычными садагариями и тюркоязычными унно-болгарами мы не имеем, но Иорданес пишет, что садагарии вместе с алланами и скирами, «получили» от Империи «Малую Скифию и Нижнюю Мизию» и во главе со своим вождем по имени Кандак создали там свое объединение, которое является далеким предшественником государства Аспаруха. Поэтому, вероятно, Анонимная болгарская летопись с XI в. отмечает этого (?) предшественника как «стокуранный царь Слав». Возможно, эти садагарии были отпрысками тех ираноязычных племен, которые на Кавказе в IV–V вв. вошли в интеграцию с гуннами (хоннами) (Гадло, с. 32–36). Их царя армянский историк Фавст Бузанд называл «повелителем многочисленных (sic! – П.Г.) войск гуннов».

Но готский историк сообщает ниже (*Get.*, 272–273), что население, которое владело Нижней Паннонией, называлось *Sadagi* (ЛИБИ I, с. 361). Они были соседями или поданными гуннов Денгизиха, так как когда остготы решили напасть на них, он сразу отправился на сражение против них. Поэтому исследователи полагают, что племя садагов, как и садагариев, имели «гуннское» происхождение (ЛИБИ I, с. 361, сн. 2). Близость между этими этнонимами видна, а соответствие в значении их имени с названием Унпо-возможна².

Память о болгарях в Карпатском бассейне еще к концу V века сохранилась в одном из добавлений к среднеболгарскому переводу хроники Константина Манасия (Хрониката, с. 123, бел. 219). Анонимный писатель из Тырново отметил начало болгарского «завоевания родины» еще во время императора Анастасия (491–518): «При этом царе Анастасии болгары начали завоевывать эту землю, так как прошли (Дунай. – П.Г.) возле Бдина (сег. Видин). А еще до этого начали завоевывать нижнюю землю Охридскую и потом всю эту землю. С начала движения болгар до сих пор прошло 870 лет». События, о которых говорит автор середины XIV в., можно идентифицировать с действиями болгарских военных отрядов в диоцезе Илирик к самому концу V века и точнее к 499 г.³ Указание города Бдина (ант. Бонония) как место переправы через Дунай, дает право принять, что исходной пункт болгарских контингентов находился где-то в провинции Нижней Паннонии или в соседней её Дакии.

О существовании болгарского населения в пределах Аварского каганата не стоит говорить здесь. Необходимо только подчеркнуть, что оно жило и действовало совместно с аварами и другими народами в Каганате еще в конце VI-ого и первой половине VII-ого века. Не надо смешивать их только с кутригурами, которые упоминаются редко и со своим этнонимом. Примеры об этнической картине в Аварском каганате и месте болгар в его структуре предлагаются в Чудесах Св. Димитрия (ГИБИ, II, с. 135, 158–159). В одном из пассажей (II, 170) их автор указывает, что «славяне, болгары и другие бесчисленные народы» находились где-то «далеко и внутри» во владениях Кагана. Интересно поставить вопрос: не принял ли автор уннское имя болгар как каких-то «бесчисленных народов»? Если так, можно утверждать, че«унно-болгары» вместе со славянами обитали внутренние области Каганата,

² Срав. еще об ойкониме Сатархэ (Σατάρχη) (Ptol.) в Крыму: Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского» периода». Симферополь, 2007, с. 294, где предлагается его индо-арийское происхождение и значение «семь владений». Срав. еще с готским числительным именем *sada* 'сто'. Там же, с. 307; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, III. М., 1987, с. 762. Об ираноязычном происхождении готского слова «сто» на Крыму см. Топоров В.Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования 1982 г. М., 1983, с. 239.

³ В переводе хроники крещение болгар поставлено автором на дистанцию в 511 лет. Мы полагаем, что он имел ввиду первый этап христианизации во время совместного управления императора Михаила III с его матерью Феодорой, которое относится вероятнее всего к 858 г. См. Георгиев П. Мартириумът в Плиска и началото на християнството в България. С., 1993, с. 116–117; Тот же автор. Към семантиката на датировката «етх бехти» // Старобългаристика. Т. XXVIII. 2004. № 2.

может быть, Малую Венгерскую низменность и Трансильванию. Вместе с тем есть четкие указания, что центр компактной массы болгар в Каганате была Нижняя Паннония с городом Сирмиуме (ГИБИ II, с. 252; Бешевлиев 1984, с. 47 и сл., фиг. 2; Рашев, с. 156). Их непосредственным предшественником здесь, кроме остготов, было племя садагов. Возможно, к ним перешли около середины VII века болгары Кубера.

Заселение кутригур в Паннонии принимается как «вторая этническая группа из болгарского круга» (Рашев, с. 157). Действия их контингента в Далмации еще к 568 году указывают, что они находились где-то в южной части будущего Каганата авар. Это означает, что они были ближайшими соседями унно-болгар в Нижней Паннонии. Здесь была сконцентрирована и группа болгар и котрагов, которые ушли из Великой Болгарии под руководством четвертого сына Кубрата, которого обычно отождествляют с Кубером. По словам Патриарха Никифора, котраги являются «соплеменниками» и «содеятелями» (ὁμόφυλοι, τυγχάνοντες) унногундуру-болгарам, с которыми на Меотиде жили в общем племенном союзе, знакомом как «Великая Болгария» (ГИБИ III, с. 295). Феофан указывает на их общее прошлое и считает, что после смерти Кубрата владетель котрагов – Котраг, поселился западнее от Танаиса (Дон) (ГИБИ III, с. 261–262). Другая часть населения Великой Болгарии пришла «в аварскую Паннонию», где стала «подвластной (ὑποταχθεῖς) кагану аваров».

Так, в результате систематического и, наверное, целеустремленного заселения разных групп из унно-болгар и унно-кутригур Карпатский бассейн оказался к концу VII в. с большим и влиятельным анклавом болгар в Европе. До начала IX в. он был, по словам Феофана, «подвластным кагана авар» в Паннонии.

Но более важно другое. Патриарх Никифор говорит, что прибывшие около 670-х годах болгары и котраги стали *ὑπόσπονδος τῷ ἐγγχωρίῳ ἔθνει*. Возможно, здесь речь идет об аварах, но так как это было отмечено хронистом, возникает вопрос, не означают ли эти слова, что приезжавшие после середины VII века болгары оказались в Нижней (?) Паннонии под непосредственным контролем находившегося здесь населения, состоящего не только из авар и гептидов, но и из ранних болгар и других этносов, формировавшихся, по словам автора Чудес Св. Димитрия (V, 195), здесь именно, и несколько десятилетий тому назад превратившихся в этническую смесь, называемую «сермисианы» (ГИБИ III, с. 158–159; Бешевлиев с. 46). Большая часть из них ушли во Фесалоники, но трудно поверить, что некоторые из них не остались верными аварскому кагану. Магьярские средневековые хроники сообщают, например, что в послегуннском периоде в Паннонии остались жить совместно «и без царя» ряд народов, среди которых и «болгары и месиане» (Bulgaris Messianisque) (ЛИБИ V, 1, с. 70, 75, 82). Сходство названия «месианов» со «сермисианами» Кубера и упоминание их вместе с болгарскими и волохами указывает, что речь идет о населении, которое было близко к ним⁴.

О населении с болгарским происхождением в Карпатском бассейне со средних веков до новейшего времени свидетельствуют два специфических названия в старом и современном венгерском, а также и в румынском языке. Это названия *Nandori* и *Siculi, Seculi, Sekleri, Seci*. Их история давно возбуждает исследовательский интерес.

По отношению имени «Нандор» доказано, что оно происходит из специфического венгерского произношения (*nándor*) о болгарях (Kristó, p. 31–32; Petrovic, p. 275). Его распространение как топоним во всем Карпатском бассейне доказывает его жизненность и хетерогенность как топоним (Сьоке, с. 106). Понятие «нандоры», согласно Д. Дьорфи, ведет свое происхождение из **Onogounduri*, являясь его редуцированной формой **naunduri*. Однако, как на исходную форму для *Nándor* можно указать на консонантные записи унногундуру-болгарского этнонима в арабских, персидских и еврейских рукописях. У ал-Гардизи (XI в.) имя народа *N.n.d.r.* (= *V.n.nd.r.*) указано как западный сосед магьяров, когда

⁴ См. *Boba I. The 'Bjelo-Brdo Culture' and Ethnic Changes in the Danubian Basin in the Ninth Century // Rapports du III-e Congrès Int. d'archéologie slave, 1. Bratislava, 1979, p. 106.* Автор думает, что эти месиане являются «are the people who occupied the territory later become known as Bosna (the Illyricum of Constantine Porphyrogenitus)». См. ещё: ГИБИ V, 1, с. 70, отм. 10, где указано, что «месиане» в XII–XIII вв. называли болгарское население из бывшей римской провинции Мезия (сегодня Северная Болгария).

они обитали область Ателькузу (вер. между реками Днепр и Буг) (Божилов, с. 97–98). Это означает, что название «нандоры» у венгров зародилось как сокращенное произношение болгарского этнонима еще до их завоевания Прикарпатской низменности и Трансильвании. Позднее оно, наверное, перешло и к населению унногундур-болгар, которое застали мадьяры.

Названия «сикулы», «сиклеры», «секулы», «секи» тоже можно связать, как на это указывают и венгерские и другие документы, с унно-болгарским населением в Западной и Южной Трансильвании и Семигородской области. Вопрос, конечно, остается дискуссионным. Большая часть исследователей связывает их с остатками мадыро-унногундур-болгарской общности периода V–X в. (Коледаров, с. 17 и сл.; Димитров, с. 11; Юхас, с. 251 сл.). Некоторые из них, основываясь на свидетельстве Венгерского Анонима и других мадырских документов, считают, что *сикулы* (*закулы*) представляют собой остатки гуннов (*omnes Siculi qui primo erant populi Atthile regis*) на Среднем Дунае (ЛИБИ V, 1, с. 54). После распада гуннского союза они поселились в укрепленном поле Чигле, которое можно искать в подошве Западных Карпат. Венгерский Аноним отметил специально, что «*земля, которая находилась между Тиссой и Дунаем, была занята Кеаном Великим – государем Болгарии... и (он. – П.Г.) поселил там склав и болгар*» (ЛИБИ V, 1, с. 25), имея в виду политический контроль района со стороны Дунайской Болгарии в IX веке (со времени хана Омуртага (814–830) до князя Симеона (893–927)). Здесь именно *сикулы* (*закулы*) дождались приезда мадыра Арпада и были снова переброшены им, как союзники, главно в область Ердей, т.е. в Трансильванию, где стали называть себя *секейцами* (*шкеи*) (Г.Ласло, К.Хоредт и др). Другие ученые думают, что *секулы* являются результатом смешения аваров и болгар (Я.Тури, Г.Фехер). П.Мутафчиев допускает, что они омаджаренные болгары. Д. Дьорфи принимает *секулов* за потомки каваров, составленных из ховарезмов, аланов и тюрко-болгар от т.н. *barsil, eskil и sikil*), которые пришли в Трансильванию накануне обретения родины мадыров.

Е.А. Халикова думала, что *секели* из Карпат ведут свое происхождение из волжско-болгарского племени эсегель (а-с-к-л), которое мигрировало из Волжской Болгарии совместно с салтовским населением, сопровождая мадыров (Халикова, с. 78). В основе ее тезиса сведения Ибн Русте (X в.), которые относятся к событиям конца IX в. Арабский автор утверждает, что первый из мадырских краев находился «*между землей печенегов и землей болгарских эсегель*» (Халикова, с. 73). Исследовательница принимала, что сообщение Ибна Русте относится ко времени, когда мадыры были еще соседями волжских болгар. Об этом говорит то, что тот же автор указывает дополнительно на то, что «эсегель» является одним из трёх племенных названий волжских болгар (как и берсула и болгары) (другая интерпретация: Левицкий, с. 56).

Сообщение Ибн-Русте, однако, относят аргументированно ко времени, когда, как пишет ал-Гардизи, болгары были соседями мадыров с запада. В случае речь идет о тех болгарях, которые арабские и персидские авторы знают как *V. n. nd. r. (N. n. d. r.)*. В это время (конец IX в.) мадыры были уже на территории, называемой Константином Багрянородным Ателкузу (Божилов, с. 97–98). Как подтверждение этому говорит указание персидского автора, что западный сосед мадыров состоял из «*христиан*».

Решительный аргумент, что Ибн Русте имел в виду Прикарпатье как территория народа эсегель и болгар – нандоров, дает текст из анонимного персидского трактата «Худуд `ал-алам» (982 г.). В нем пишет, что мадыры кочуют между Днепром и Дунаем, и их соседями в то время были славяне, которых они продавали ромеям. Народ «Нандор» (*W.n.nd.r.*), т.е. унногундур-болгар, он располагает за Дунаем (Левицкий, с. 57–58; Петрухин, с. 644). В этом случае персидский географ имеет в виду карпатских, а не дунайских болгар. Об этом говорит то, что автор утверждает, что над их областью поднималась высокая гора, за которой жил народ м. рват. Речь идет, конечно, о моравлянах, а гору можно отождествить только с Карпатами.

Эту страну Ал-Хорезми (IX в.) отождествляет с «Европейской Сарматией» Птолемея (между Вислой и Доном) и называет ее страной ал-Бурджан, т.е. «*страна болгар*» (Калинина 1984, с. 195). Для нее центром является область, которая находится севернее от Дуная и недалеко от гор, аналогичных Птолемеевским Сарматским и Певкинским горам. Автор «Худад ал-алам» пишет изрично, что «*Bulghari – это название народа, живущего в горах Bulghari, в северозападном направлении от Рум. Они неверники (христиане. – П.Г.). Они тоже румийцы (=византийцы), но находятся в состоянии непрерывной войны с остальными*

румийцами. Эти болгары являются **горными жителями**, имеющими поля и большое количество скота» (Hudud al-Аlam, p. 157). О «Бурджан» в районе севернее от Дуная и возле Карпат, без сомнения Трансильвания и Семигородская область, говорит еще ал-Фергани (IX в.). Использование этого термина для дунайских, а иногда и для волжских болгар документировано исключительно в X в.

Свидетельства арабоязычных авторов о «прикарпатских» болгарях ставят их в центре **иммагинерной страны ал-Бурджан**, включающей как-то трех болгарских анклавов в Евразии. В еврейском «Сефер Иозефон» (с конца X в.) встречаем упоминание населения «*возле границ Болгарии*», которое автор называет «*карпатицы*» (Гюзелев, с. 126–127).

Примечательно еще то, что ал-Гардизи, не в пример Ибн-Русте, не упоминает эсегель-болгар, а только N.n.d.g. («Нандоров»). Для него, наверное, они были один народ.

В «Книге о предупреждении и пересмотре» ал-Мас`уди пишет о Северном Причерноморье следующее: «... Из *впадающих в него (Черное море. – П.Г.) большие реки известна большая река, называемая Танаис... Другие большие реки – как Дануба и Малава, это ее имя такое же и по-славянски... Напротив нее – земля немцев и моравян от славян, и жили возле нее **множество болгар**, когда они приняли христианство» (Калинина, с. 18). Слова «**множество болгар**», как и в Баварском географе, являются смысловой калкой этнонима «*унно-болгары*».*

В этом смысле, арабские и другие авторы с IX до XI в. утверждают, что «племя» эсегель действительно идентично с секелами/сикулами из Трансильвании. Но они связаны родственно прежде всего с Карпатскими болгарями в лице т.н. «Нандор», т.е. с исконно живущими в Карпатах и Паннонии унногундурами.

Связь народа эсегель с волжскими болгарями, может быть, действительно существовала, но не надо, как мне кажется, связывать это только с миграцией мадьяр. Вполне возможно, что она оказалась просто результатом смешения сведений арабских авторов о разных частях болгарской диаспоры.

О связи сикулов с унно-болгарами можно сослаться и на сходство в значении их названий.

Изучая археологические данные о сожительстве между sicules и мадьярами в средние века, К. Местерхази развил наблюдения Д. Дьорфи (Mesterházy, p. 260–262). Он сделал вывод, что сикульское общество еще в XI в. является носителем наследия, которое идентично с наследием венгров. Но сикулы принесли в Трансильванию свою особую социальную структуру, которая знакома им еще с X–XI в. Это т.н. система центурионата. Она сохранена, наверное, еще с времен переселений народов, как типичная военная организация. У сикулов она замещает систему кровно-родственных связей, характерных для венгров. Для сикулов в средние века характерны еще административные области, называемые *szék*, т. е. *sedes*, «стулов» (Юхас, с. 95). Современное венгерское название секелов – *székely* вероятно надо связывать с этим венгерским словом.

Но откуда происходит их раннесредневековое имя? Некоторые считают его тюркоязычным. К.Хоредт, например, считал, что *Sikil* означает человек «знатного происхождения» (Horedt, S.18–19). Это слово однако означает другое: связь между мужчиной и женщиной (Древнетюркский, с. 499). В древнетюркском языке слово *siqil* является страдательной формой глагола *siq* и означает «*быть сжимаемым*», «*быть притесняемым*», «*стесняемым*» (Древнетюркский, с. 504–505). Возможно, это значение этнонима появилось во время, когда сикулы, согласно записанному с венгерских хронистов преданию, имели «гуннское» происхождение и сделали сначала попытку собраться в укрепленное «поле Чигла», но были вынуждены перейти в Трансильванию, где именно подождали мадьяров (Юхас, с. 252–253).

Если доверимся этим полуполюгендарным свидетельствам, *сикулы* были сначала гуннское племя, которое потом стало называть себя *zaculi*. Древность этой этнической группы трудно может поставить под сомнение, хотя и ее гуннское происхождение принять не обязательно. Цитированные выше свидетельства арабских и персидских авторов как связанные с унно-болгарами, предоставляют нам возможность допустить, что *сикулы* имели собственно «*уннское*», а не гуннское происхождение. Таким способом, сможем объяснить и наличие у них системы центурионата, которая выявлена в самом названии унно-болгар и существовала в основе их военной организации.

В таком случае, можно сформулировать гипотезу, что сикюлы имели «уннское» (унно-болгарское) происхождение и объяснить, например, почему ал-Гардизи, не в пример Ибн-Русте, не писал ничего о эсегель-болгарах, а только о «нандорах».

Мы не знаем, были ли все сикюлы тюркоязычные, но их название считали тюркоязычным и поэтому произносили как эсегель, т.е. «древние» (из тюркского *eski* «старый») (Древнетюркский, с. 184). Действительно, они были старинное по происхождению население. Но можно поставить вопрос, не является ли форма эсегель тюркоязычной калкой их более древнего названия?

Поскольку имя эсегель-болгар является транскрипцией произношения имени секелов (сикюлов), это позволяет поставить себе вопрос о латиноязычном происхождении их названия «*Seculae*». В латинском языке *saeculum*, *saeculum* означает «поколение», «век», «столетие», *saeculis*, *saeculae* (мн. ч.) В этом смысле, семантика названия «секелов» бы был «вековые», «древние». Этот смысл, наверное, был калкирован на тюркское *eski*.

Возможное латиноязычное происхождение имени секелов утверждает мнение венгерских средневековых хронистов, что они являются остатком населения Гуннского государства. Вероятно, они были из самых древних отпрысков унно-болгар конца V и начала VI в.

В своем рассказе о событиях после смерти Атиллы Йорданес (*Get.*, 260). говорит об «отцеплении» (*secuta*) геппидов, как и «остальных народов», от владычества его сыновей и их освобождение и обособление (ЛИБИ I, с. 356–357). Его описания храбрости этих народов очень похожи на описания храбрости болгар Енодия и особенно Касиодора Сенатора, который считает *Hunnis*, как и *Bulgares*, храбрейшими народами (ЛИБИ I, с. 299–300, 307). Интересно, что Енодий (XII), например, называет болгар, которые сражались в 505 г. на р. Морава (нын. Сербия) *secum Bulgares suos*, потому что они были для Империи *defensores*, защитниками, которых использовали в военных столкновениях *castelli vice usa minitatur*, т.е. на передней укрепленной линии (охрана) (ЛИБИ I, с. 304). Эти слова означают, что болгары еще с начала VI в. служили как страж Империи – факт, который византийские и другие источники X–XI вв. охотно используют для них, а венгерские XII–XIII вв. – для сикюлов. Возможно, что имя болгар еще с V в. начали придружать эпитетом **Seci*, **Seculaes*, имея в виду и их «отцепление», а может быть, и их роль как вспомогательная военная сила Империи. В тюркских языках и специально для авар оно, наверное, получило смысл «угнетённые», «попранные» ими населения (из др. тюрк. *siqil*, срав. Древнетюркский, с. 504–505). В этом смысле можно принять и значение и понятие эсегель (эскель), которые встречаются не только в Волжской Болгарии и Карпатском бассейне, но также и в Хазарском хаганате как «изгиль» (Горелик 2002, с. 28).

Затронутые здесь вопросы, конечно, еще в значительной степени неясные, и дискуссия должна искать их более убедительные решения. Но о том, что древнее болгарское население в Трансильвании и Карпатском бассейне с V–VI вв. дожило до конца Аварского хаганата в начале IX в., говорит первая надпись рядом с Мадарским всадником (Георгиев 2011, в печати). Оказалось, что употреблённое там название местообитания одного из «дядей» болгарского государя Тервела (701–721): *Kisinas* относится к «угнетённым» аварами народ унно- и кутригуро-болгарам, с которыми он хотел провести свою акцию по восстановлению Юстиниана II на престол в 704–705 г. Но название «*Кисинас*» является синонимом стране сикелов, так как др.-тюрк. *kisil* имеет значение, как и *siqil*, «притесняемый», «угнетённый», но еще и «(горное) ущелье» (*ta y kisil*) (Древнетюркский, с. 447–448). Это именно последнее значение отвечает как особенностям Трансильвании, так и значению древнего этнонима болгар (см. выше). Наверное, этот же смысл надо искать и в упомянутом в Мадарской надписи с начала IX в. названии о стране карпатских болгар как *Kisinas*.

В конце настоящего экскурса источников можно сделать вывод, что в результате многократных заселений болгар в Карпатском бассейне, там установился один из самых живучих и активных центров протоболгар. Дальнейшее исследование истории и культуры этого района представляет собой особую задачу, которая должна иметь приоритетное значение в протоболгаристики. Ее следует выполнять с общими усилиями венгерских, румынских, болгарских, русских и других историков, археологов и лингвистов. Результаты, я уверен, дадут нам большие возможности разрешить проблемы взаимосвязей между частями болгарской диаспоры.

Литература

- Бешевлиев В. Първобългарски надписи. С., 1979.
- Бешевлиев В. Първобългарите. История. С., 1984.
- Божилов И. Анонимът на Хазе. България и Византия на Долни Дунав в края на X век. С., 1979.
- Божилов И., Гюзелев В. История на средновековна България VII–XIV век. С., 1999.
- Бурмов А. Избрани произведения, I. С., 1968.
- Векон Г. Прабългари в Карпатския басейн // Унгарска българистика. С., 1988.
- Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
- Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индо-европейский Язык и индоевропейцы, Т. II. Тбилиси, 1984.
- Георгиев П. Аспарухов Онгол // Bulgarian Historical Review. 2003. Nr. 3–4.
- Георгиев П. Българските племенни имена и соционимът Уногундури // Civitas Divinonumana. В чест на проф. Георги Бакалов. С., 2004.
- Георгиев П. Стохълмието и неговите центрове // Старобългаристика. XXX. 2006. № 4.
- Георгиев П. Хинтерландът на Абоба-Плиска: пътни комуникации, селищни и военни средища // Eurika. In honorem Ludmilae Donchevae-Petkovae. С., 2009.
- Георгиев П. Абодритите-преденеценти в междуречието на Тиса и Дунав през IX в. С., 2011, в печати.
- Георгиев П. Тервеловите «чичовци от Солунско и (от) Кисиниите» (към интерпретацията на Мадарския надпис I, с) // Приноси към българската археология, VII. София, 2011, в печати.
- ГИБИ II: Гръцки извори за българската история. Т. II. С., 1959.
- ГИБИ III: Гръцки извори за българската история. Т. III. С., 1960.
- ГИБИ V: Гръцки извори за българската история. Т. V. С., 1964.
- ГИБИ VI: Гръцки извори за българската история. Т. VI. С., 1965.
- ГИБИ X: Гръцки извори за българската история. Т. X. С., 1980.
- Горелик М.В. Три племена кавар и савирский всадник // Хазары. Второй международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002.
- Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993.
- Гюзелев В. Средновековна България в светлината на нови извори. С., 1981.
- Десятчиков Ю.А. Сатархи // ВДИ. 1973. № 1.
- Димитров П. Изборниците на цар Симеон // Преславска книжовна школа. Т. 1. С., 1995.
- Димитров Хр. Българо-унгарски връзки през Средновековието. С., 1998.
- Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Златарски В. История на българската държава през Средните векове. Т. I, 1. С., 1970.
- Иванов Й. Богомилски книги и легенди. С., 1970.
- Калинина Т.М. Ал-Мас`уди о расселении руссов // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
- Калинина Т.М. Сведения ал-Хорезми о Восточной Европе и Средней Азии // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1983 г. М., 1984.
- Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. М., 1934.
- Коледаров П. Политическа география на средновековната българска държава. Т. 1. С., 1979.
- Кононов А.Н. Опыт анализа термина турк // СЭ, 1949, № 1.
- Коростелин В.А. Федератство в позднем Риме как система: К проблеме варваров-федератов // МАИЭТ. Т. XIII, 2007.
- Курта Фл. Създаването на славяните. История и археология на Долнодунавския регион ок. 500–700 г. С., 2009.
- Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // РА, 1998, № 2.
- Левицкий Г. «Мадьяры» у средневековых арабских и персидских географов // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
- ЛИБИ I: Латински извори за българската история. Т. I. София, 1958.
- ЛИБИ II: Латински извори за българската история. Т. II. София, 1960.

ЛИБИ V, 1: Латински извори за българската история: Унгарски латиноезични извори. София, 2001.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.

Марр Н.Я. Кавказские племенные названия и местные параллели. Петроград, 1922.

Петрухин В.Я. Русь, венгры и Болгарии в IX в.: к характеристике геополитической ситуации // *Civitas Divino-Humana*. В чест на проф. Г. Бакалов. С., 2004.

Пуздров А.Е. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э.) // Херсонесский сборник. X., 1999.

Рашев Р. Прабългарите през V–VII век. Четвърто допълнено издание. В. Търново, 2007.

Славова Т. Владетел и администрация в ранносредновековна България. Филологически аспекти. С., 2010.

Сьокер Б.М. О северной границе Первого болгарского государства в IX веке // ППИК. Т.1. С., 1989.

Фехер Г. Паметници на прабългарската история и култура // ИБАИ, III. 1925.

Халикова Е.А. К вопросу о контактах древних венгров с болгаро-тюркскими племенами в Восточной Европе // Плиска-Преслав. Т. 2. С., 1981.

Шимони Д. Панонските българи и формирането на унгарската народност // Българо-унгарски културни взаимоотношения. С., 1980.

Юхас П. Тюрко-българи и маджари. С., 1985.

* * *

Beševliev V. Die Nachrichten des Malalas über die Bulgaren bei Theophanes // *Byzantina*, 10. 1980.

Beševliev V. Anfang, Entwicklung und Probleme bzw. Aufgaben der Untersuchungen über die Protobulgaren (Überblick) // ППИК, Т. I. С., 1989.

Bóna I. Ein Fierteljahrhundert Völkerwanderungszeitforschung in Ungarn (1945–1969) // ААН. 23. 1971.

Bóna, I. Das erste Auftreten der Bulgaren in Karpatenbecken. Probleme, Aufgaben und Möglichkeiten // *Studia Turko-Hungarica*. Т. V. Turkic-Bulgarian-Hungarian Relations (VI-th – XI-th Centuries). Budapest, 1981.

Bozilov I., Dimitrov Ch. Abauth the Historical Geography of the Northern Black Sea Coast // *Bulgarian Historical Review*. 1985. 4.

Czégledy K. On the Numerical Composition of the Ancient Turkish Tribal Confederations // *Acta Orientalia Acad. Sc. Hungaricae*. Т. XXV. 1972.

Dujcev Iv. Mondo slavo e la Persia nell'alto medioevo // *Idem. Medioevo Slavo-Bizantino*, vol. 2. Roma, 1968.

Harmatta J. Das Volk der Sadagarren // *Bibliotheca Orientalia Hungaricae*. Т. V (Analecta orientalia memoriae A.Csoma de Körös dicata). Budapest, 1942–1947.

Horedt K. Die Völker Südosteuropas im 6. bis 8. Jahrhundert, Probleme und Ergebnisse // *Die Völker Südosteuropas im 6. bis 8. Jahrhundert*. Hrsg. B. Hänsel. Berlin, 1988.

Hudud al-Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A.D. – 982 A.D. Tr. and expl. by V. Minorsky. London, 1937.

Kristó G. Az alföldi bolgár uralom kérdéséhez a IX. Században. // *Dissertationes Slavicae*. Szeged, 1983.

Mesterházy K. Székelyek és Magyarok a Székelyföld régészeti kutatások Tanulságai // АЕ. Т. 101, Nr. 2. 1974.

Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Т. II. Berlin, 1958.

Petrovic I. Bulgarians of Southern Transylvania in the Middle Ages // *Втори международен конгрес по българистика: Българските земи в древността и средновековието*. Доклади, 6. С., 1987.

Pohl W. Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567–822 n. Chr. München 2002.

Simonyi D. Pannóniai Bolgárok és a Kuturgur-Bolgárok // *Archeologiai Értesítő*. 91. 1964. Nr. 1.

РУССКО-БОЛГАРСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ КУРМЫШ–4)

Н.Н. Грибов

Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, г. Н.Новгород

Область, разделяющая русские земли и Волжскую Болгарию до сих пор остаётся слабо изученной как в историко-политическом, так и в культурном отношении. Буферная пограничная зона, определяющая стык двух крупнейших средневековых цивилизаций, по большей части рассматривается исследователями со стороны её восточных образующих – домонгольской Волжской Болгарии и Золотой Орды (Хузин, 2006. С. 132–136; Фахрутдинов, 1971. С. 201; Каховский, 1980. С. 35–50; Федулов, 2009. С. 104–114). Такое положение дел связано с тем, что археологическое обследование крайних восточных поволжских русских земель до недавнего времени не протекало сколько-нибудь активно. Поэтому при определении протяжённости буферной зоны в западном направлении, в направлении передового на Волге русского города Нижнего Новгорода, исследователи до сих пор традиционно оперируют несколькими довольно второстепенными памятниками с маловыразительными материалами, открытыми ещё в конце 50 – начале 60 гг. XX в., такими как селища Петровское, Отарские выселки или Михайловское (Макаров, 1997. С. 299; Федулов, 2009. С. 110–111). За последние двадцать лет ситуация изменилась. Теперь мы располагаем сведениями более чем о 170 памятниках, расположенных в районе устья Оки и к востоку от него на расстоянии до 150–180 км. Как в самом Нижнем Новгороде, так и на селищах его сельскохозяйственной округи за последние годы проведены достаточно масштабные раскопочные исследования, дающие отчётливые представления о специфике материальной культуры русского населения восточной поволжской периферии Северо-Восточной Руси в эпоху Золотой Орды (Грибов, 2007а. С. 112–121; 2007б. С. 58–67; 2008. С. 253–264).

Данное обстоятельство открывает новые возможности для характеристики культурно-исторических процессов в пограничной области равноудалённой от двух политических полюсов Средней Волги XIV – начала XV вв. – Болгара и Нижнего Новгорода.

Русское расселение на восточной поволжской периферии Низовской земли отражает составленная археологическая карта, на которой отмечены известные селища, городища и могильники XIII–XIV вв. (рис.1). Выявляемая по ней связанная с Нижним Новгородом заселённая область, представляет собой компактную территорию, прилегающую к долинам крупнейших рек региона. Известные здесь памятники с доминирующим русским средневековым материалом в культурном плане достаточно однородны. Так, присутствие в местных керамических комплексах лепной финской керамики, как и краснощёпой золотоордынской, как правило, – десятые доли процента, в отдельных редких случаях оно достигает 2–3%. При удалении на восток и юго-восток от Нижнего Новгорода данная ситуация сохраняется, по крайней мере, до бассейна р. Сундовик. А вот на берегах р. Суры она коренным образом изменяется.

Здесь, в Посурье, во второй половине XIV – начале XV вв. письменные источники указывают на четыре области – владения нижегородских князей. Некоторые из них могут быть локализованы весьма гипотетически с опорой только на современную топонимику, местоположение других достаточно определённо. Это Засурье (ПСРЛ, 2000. Т. 15. Стб. 106, 119), Кишь (ПСРЛ, 2000. Т. 15. Стб. 76, 109), Алгаш (ДДГ, 1950. С. 56) и Курмыш (ПСРЛ, 2000. Т. 15. Стб. 100, 201; АСЭИ, 1964. С. 321). В настоящее время археологически более других изучена территория, связанная с г. Курмышом, заложенным в 1372 г. городецко-нижегородским князем Борисом Константиновичем (ПСРЛ, 2000. Т. 15. Стб. 100).

Результаты работ комплексной экспедиции Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского и Института истории им. Ш.Марджани (2007–2009 гг.) показали, что невдалеке (в 2,7 км) от княжеской резиденции (по своим размерам вполне соответствующей габаритам древнерусских укрепленных усадеб – около 5000 кв.м (Очеретин, 1994. С.201) единовременно с ней существовало крупное неукрепленное поселение, обозначенное как Курмыш–4 (рис. 2).

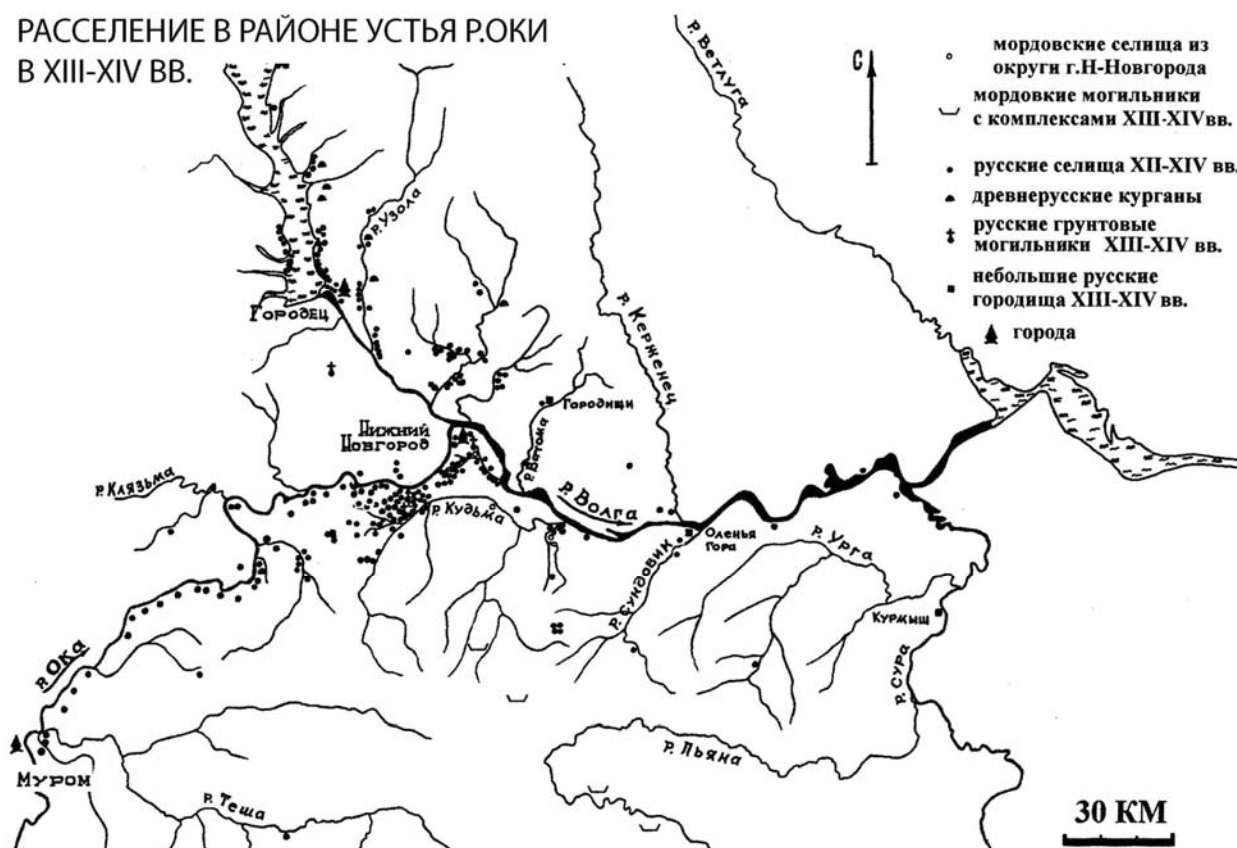

Рис. 1. Археологическая карта района устья р. Оки.

Уже при первом рекогносцировочном обследовании оно сразу привлекло особое внимание исследователей своими большими размерами (16,5 га) – весьма неординарными для известных средневековых селищ Нижегородского Поволжья. Отметим, что самые крупные русские селища из окрестностей Нижнего Новгорода имеют площади порядка 4–6 га, а максимальные размеры местных мордовских неукрепленных поселений достигают 10–11 га.

Площадка поселения вытянута вдоль кромки первой надпойменной террасы левого берега р. Суры на 1200 м. Вглубь террасы она простирается на 80–250 м. Её высота над уровнем заболоченной поймы реки колеблется от 5 до 7 м. Территория памятника узкой балкой рассечена на две части. В юго-восточной – был заложен небольшой малометражный шурф (2x2 м), который выявил двухслойный характер культурных напластований: под тёмным средневековым слоем на супесчаном материке лежал светлый горизонт с лепной керамикой финала бронзы. В северо-западной половине памятника в 2008 и 2009 гг. были изучены два небольших раскопа, общей площадью 107 кв.м. Здесь были вскрыты только средневековые напластования (мощностью до 40 см), которые почти повсеместно на всю глубину до материка были переотложены в результате распашки. Только на небольших локальных участках и только вблизи материковой поверхности культурный слой был структурирован.

Большой неожиданностью для исследователей стал уникальный для средневековых памятников Нижегородского Поволжья состав собранного керамического комплекса (Табл. 1).

Керамическая коллекция включает в себя 17813 осколков (без учёта подъёмного материала). По сочетанию значений основных технологических признаков (способу формовки, характеру обжига, рецептуре теста) в ней выделяется несколько групп, среди которых доминирует, так называемая, «славяноидная» керамика, изготовленная в полном соответствии с традициями русского средневекового гончарства за исключением характера примеси (Хлебникова, 1967. С. 89, 90). К «славяноидной» круговой керамике с примесью толчёной раковины относится в среднем каждый второй черепок, обнаруженный на памятнике (50,5%). Второй по численности является русская средневековая керамика с примесью песка или дресвы

(29,7%) (рис. 3). Набор венчиков этих керамических групп по соотношению разных типов характерен для второй хронологической группы выделенной по русским памятникам Нижегородского Поволжья, которая датируется промежутком середины XIV – начала XV вв. (Грибов, 2006. С.90, рис. 8).

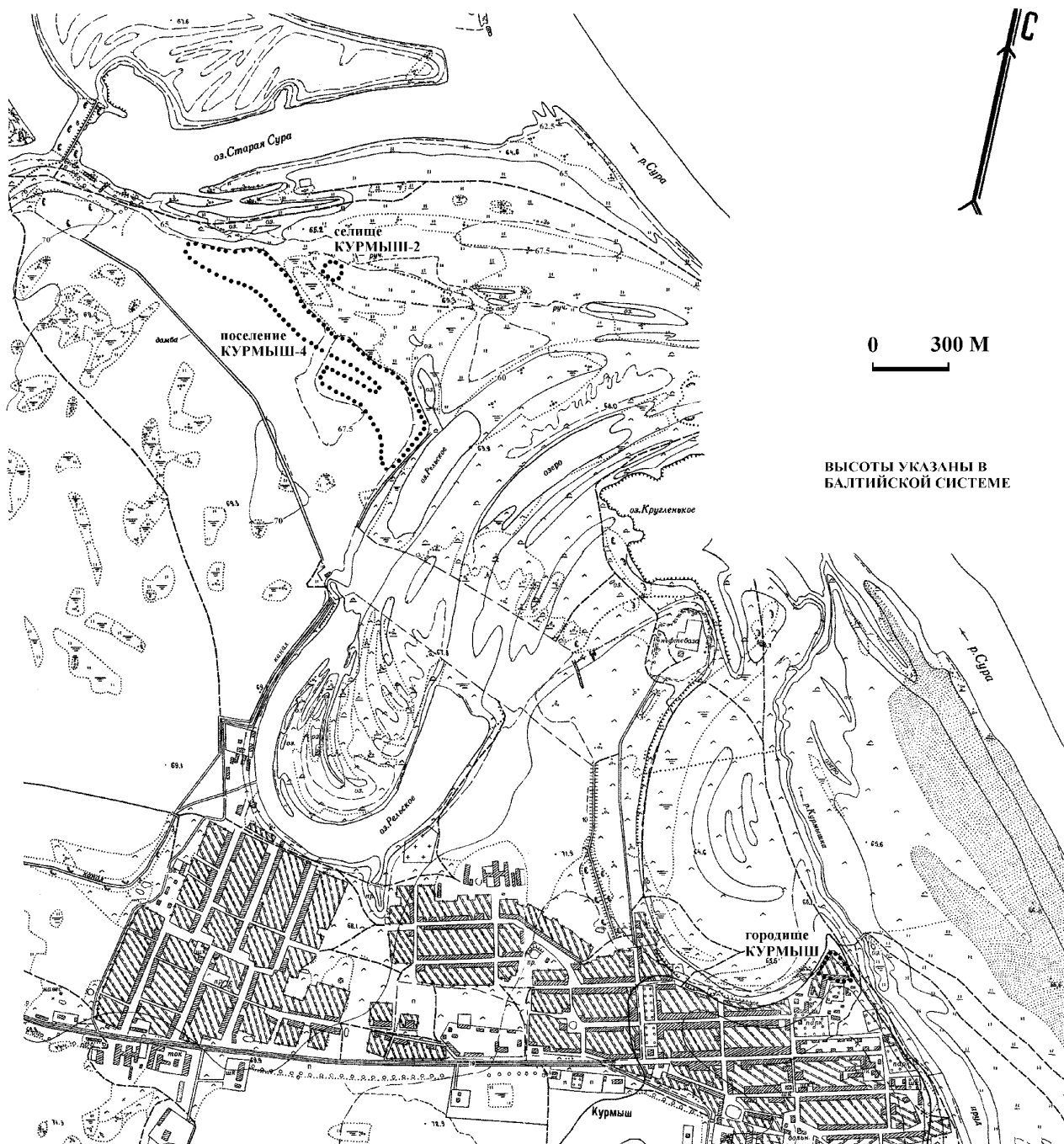

Рис. 2. Поселение Курмыш-4 и городище Курмыш. Ситуационный план.

Меньшее распространение имеют круговая керамика с примесью шамота по формам в большинстве случаев повторяющая известные русские образцы (9,2%), лепная керамика с преобладающей добавкой того же шамота, по венчикам и формам сосудов очень близкая мордовской посуде (7,7%), краснощёная керамика эпохи Золотой Орды (2,2%).

Количественные соотношения керамики основных выше названных групп в подъёмном материале и в разных слоях наиболее крупных вскрытых на раскопах материковых ям соответствуют друг другу, что свидетельствует об использовании местными населенниками посуды, изготовленной в различных этнокультурных традициях.

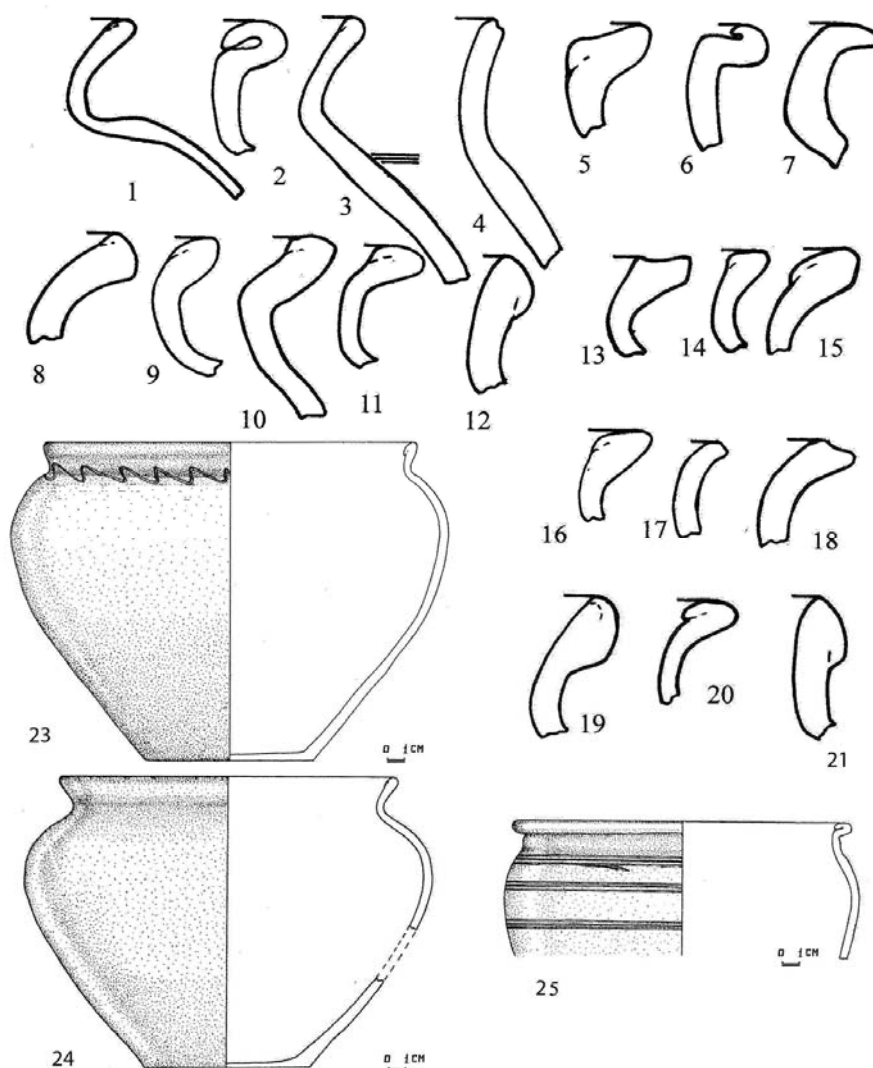

Рис. 3. Поселение Курмыш–4. Русская керамика XIV – начала XV вв. с примесью дресвы или песка. 1–21 – фрагменты венчиков; полностью (23, 24) и частично (25) реконструированные сосуды.

Культурное разнообразие обнаруживается и в составе вещевого материала. Коллекция индивидуальных находок, собранных как в раскопах, так и в качестве подъёмного материала, состоит из 530 единиц. Значительную часть из них (81 находка) составляют фрагменты чугунных котлов. Среди них встречено 19 венчиков и четыре фрагмента стенок со следами ремонта. К кругу поволжских золотоордынских древностей относятся бронзовая дужка от зооморфного болгарского замка, бронзовая нашивная накладка, три однотипных поясных штифтовых накладки из бронзы с гладкой поверхностью подквадратной формы с выступами по углам и по середине одной из сторон, многочисленные фрагменты медной посуды, фрагмент венчика стеклянного сосуда, три фрагмента поливной кашинной посуды (среди них имеется один фрагмент, так называемого, «тимуридского» кашина, расписанного кобальтом). К привозным изделиям восточного круга можно отнести бронзовую муфту (от футляра ножа?) полукруглой формы с декоративным щитком колоколовидных очертаний. Завершение послед-

него отмечено оттиском клейма в виде рельефной надписи, состоящей из двух арабских букв («ба» и «каф»), образующих слово «бек».

Нумизматические находки представлены девятью монетами чеканки поволжских центров Золотой Орды (Табл. 2). К типично финским элементам материальной культуры относятся бронзовая кольцевая застёжка, к предметам личного благочестия характерным для православного русского населения – четыре бронзовых креста-тельника, свинцово-оловянистая двухсторонняя иконка-привеска с ростовым изображением святого Николая Чудотворца, железное писало.

Таблица 1. Распределение керамической коллекции (раскопы 1 и 2) по технологическим группам

ГРУППЫ	ПОДГРУППЫ	РАСКОП 1		РАСКОП 2		ВСЕГО		
		фрагм.	%	фрагм.	%	фрагм.	%	
Лепная с шамотом		877	7,2%	488	8,7%	1365	7,7%	
Лепная с раковиной		15	0,1%	11	0,2%	26	0,1%	
Лепная с раковиной и шамотом				25	0,5%	25	0,1%	
Круговая с дресвой или с песком		3661	30,0%	1630	33,0%	5291	29,7%	
Круговая с раковиной	только с раковиной	6096	49,9%	2881	2898	58,7%	8994	50,5%
	с раковиной и шамотом			17				
Круговая с шамотом		1247	10,2%	398	8,1%	1645	9,2%	
Круговая с жел. шлаком	только с жел. шлаком			10	12	0,1%	12	<0,1%
	с жел. шлаком и шамотом			2				
Круговая с аргиллитом				4	<0,1%	4	<0,1%	
Краснолощёная		283	2,3%	116	2,1%	399	2,2%	
Чёрнолощёная		37	0,3%	4	<0,1%	41	0,2%	
Белоглиняная ранняя				8	0,1%	8	<0,1%	
Поливная (русская)		1	<0,01%			1	<0,1%	
Поливная кашинная				2	<0,1%	2	<0,1%	
ВСЕГО		12217		5596		17813	100%	

Обращают на себя внимание следы различных производств, прежде всего, связанных с получением и обработкой железа. Это многочисленные фрагменты криц и крицеобразных шлаков, которые встречаются почти на всей территории памятника. О существовании на поселении бронзолитейной мастерской свидетельствуют фрагменты керамических тиглей, два осколка от литейных форм (для отливки перстней), литники, слитки бронзы, бронзовая проволока. С резьбой по кости, очевидно, следует связать железное лучевое сверло.

По особенностям состава керамического комплекса (Табл. 3), этнокультурному разнообразию вещевого материала, находкам золоордынских монет поселение Курмыш–4 можно отнести к кругу средневековых поселений, изученных в Горномарийском районе республики

Марий Эл (Хлебникова, 1967; Никитина, Михеева, 2006. С. 142–163; Михеева, 2006. С. 311–323). Вместе с тем, у него есть и весьма своеобразные черты, выделяющие его из поселений, входящих в округу крупнейшего местного средневекового центра – городища Аламнэр. Прежде всего, это значительные размеры (превосходящие более чем в два раза общую суммарную площадь всех известных здесь поселений XIII–XV вв.), широкое распространение чугунных котлов, большая насыщенность находками.

Изучение других памятников Нижней Суры (таких как поселение Мурзинское, селища Красное селище-2, -3, -4, Устиновка, Порецкое, Антипинка и других) показало, что их керамические комплексы характеризуются значительным культурным разнообразием, среди которого доля русской гончарной керамики XIV – начала XV вв., как правило, не превышает 50%. Принимая во внимание результаты раскопок городища Оленья Гора на р. Сундовик, обнаруживающих идентичность с материалами Нижнего Новгорода и сельских памятников его округи, крайне незначительные вкрапления инокультурного материала (в пределах 1%), можно предположить, что в эпоху Нижегородско-Суздальского княжества восточная граница этнографически однородной территории, связанной с русским расселением на правобережье р. Волги проходила в междуречье рек Сундовик и Сура.

Таблица 2. Характеристики монет.

НОМИНАЛ	ЭМИТЕНТ	ДАТА		МЕСТО ЧЕКАНКИ	ВЕС (гр.)
		по хиждре	года нашей эры		
дирхем	Узбек хан	715 или 717	1315–1318	Сарай	1,36 обрезана
дирхем	Узбек хан	[73]4	1333–1334	?	1,35 обрезана
дирхем	Джанибек хан	743	1342–1343	Сарай-ал-Джедид	0,99 обрезана
дирхем	Джанибек хан	743	1342–1343	Сарай-ал-Джедид	0,71 обрезана
дирхем	Бердибек хан	760	1358–1359	Сарай-л-Джедид	1,30
пул	Хызр хан	[7]66 (вероятно ошибочно вместо 762)	(1360–1361)	Гюлистан	2,75
пул	анонимный (зверь влево)	764	1362–1363	Гюлистан	4,95
пул	Анонимный (зверь влево)	764	1362–1363	Гюлистан	4,45
дирхем	Мюрид хан	764	1362–1363	Гюлистан	1,50

В Посурских владениях нижегородских князей состав населения, в целом, имел сложный смешанный характер. В местной материальной культуре отчётливо обнаруживают себя русские традиции, творчески-активно проявившие себя в продукции местных гончарных мастерских. Широкое распространение здесь керамики с примесью раковины, никогда ранее не встречавшейся в районе устья р. Суры, свидетельствует о приходе сюда носителей данной гончарной традиции, скорее всего, из Закамья или из районов северной периферии Болгарского улуса, где керамика с такой рецептурой теста имеет глубокие исторические корни. Очевидно, с выходцами из золотоордынских земель связаны и многочисленные находки осколков чугунных котлов. Последние, будучи известными в русских городах и сёлах, не получили там признания и сколько-нибудь широкого распространения. Среди местных насельников, вероятно, преобладали выкупленные ордынские пленники и местное финноязычное, зависимое от

нижегородских князей, население. Поселение Курмыш–4, вероятно, играло роль крупного ремесленного и торгового центра основанного по княжеской инициативе на пересечении сухопутного и водного путей, ведущих в Орду. Оно было разграблено и окончательно заброшено во время нашествия Едигея на Русь зимой 1408–1409 гг.

Памятник обнаруживает ряд городских черт, к которым можно отнести большую площадь, полиэтничный характер населения, следы разнообразной производственной деятельности, торговли. Материалы, полученные при его первичном обследовании, позволяют по-новому взглянуть на специфику освоения поволжского русско-золотоордынского пограничья, которое стало «местом встречи» людей различных религиозных убеждений и традиций.

Таблица 3. Распределение керамики с поселения Курмыш–4 и с городища Аламнэр по основным технологическим группам (данные по городищу Аламнэр взяты из монографии: Никитина, Михеева, 2006. С. 111).

ГРУППЫ	ПОДГРУППЫ	КУРМЫШ–4 (по 17813 фр.)		АЛАМНЭР (по 1087 фр.)	
Лепная с шамотом		7,7%		5,8%	
Лепная с раковиной		0,1%		0,9%	
Лепная с раковиной и шамотом		0,1%		1,0%	
Лепная с дресвой				2,0%	
Лепная с песком				0,6%	
Лепная с шамотом и дресвой				4,4%	
ЛЕПНАЯ ВСЕГО		7,9%		14,7%	
Круговая и примитивно круговая с дресвой или с песком		29,7%		17,5%	
Круговая и примитивно круговая с раковиной	только с раковиной	50,2%	50,5%	22,3%	49,5%
	с раковиной и шамотом	0,3%		23,2%	
	с раковиной и дресвой			4,0%	
Круговая и примитивно круговая с шамотом		9,2%		0,3%	
Круговая и примитивно круговая с шамотом и дресвой				17,7%	
Круговая с жел. шлаком	только с жел. шлаком	0,06	<0,1%		
	с жел. шлаком и шамотом	0,01			
Круговая с аргиллитом		<0,1%			
Краснолощёная		2,2%		0,32%	
Чёрнолощёная		0,2%			
Белоглиняная ранняя		<0,1%			
Поливная (русская)		<0,1%			
Поливная кашинная		<0,1%			
КРУГОВАЯ ВСЕГО		92,1%		85,3%	

Литература

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т.3. М., 1964. С. 321.

Грибов Н.Н., 2006. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 10. Н-Новгород. С. 62–91.

Грибов Н.Н., 2007а. Нижегородская округа: итоги и перспективы изучения // КСИА. Вып. 221. М. С. 112–121.

Грибов Н.Н., 2007б. Предварительные итоги исследования русского селища второй половины XIII–XIV вв. на окраине Нижнего Новгорода // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 1. М. С. 58–67.

Грибов Н.Н., 2008. Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново-1) // Сельская Русь в IX–XVI веках. М. С. 253–264.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

Каховский В.Ф., 1980. О западных пределах Волжской Болгарии // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии. Чебоксары. С. 35–50.

Макаров Л.Д., 1997. Славяне между Волгой и Уралом в X–XV вв. (по археологическим материалам) // Проблемы славянской археологии. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Том 1. М. С. 296–306.

Михеева А.И., 2006. Керамика поселенческих памятников Марийского Поволжья XIII–XV веков // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения). Материалы научной конференции, посвящённой 50-летию Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола. С. 311–323.

Никитина Т.Б., Михеева А.И., 2006. Аламнэр: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). Йошкар-Ола.

Очеретин И.А., 1994. Средневековая крепость Курмыш (по итогам исследований 1991 года) // Уваровские чтения-II. Муром.

ПСРЛ. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000.

Хлебникова Т.А., 1967. Археологические памятники XIII–XIV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Хузин Ф.Ш., 2006. Территория // История татар с древнейших времён в семи томах. Том II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань. С. 132–136.

Фахрутдинов Р.Г., 1971. О степени заселённости булгарами территории современной Чувашской АССР // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.

Федулов М.И., 2009. Средневековые памятники Чувашского Присурья // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Чебоксары. С. 104–114.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА X–XIV вв.

А.М. Губайдуллин

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, г. Казань

Болгарское городище занимает край коренной волжской террасы высотой около 30 м. Площадь памятника – ок. 400 га, форма треугольная. С запада, юга и востока окружено валом (высота от 2 до 5 м) и рвом (глубина до 2 м). В южной части поселения имеется дополнительное укрепление – «Малый городок». С восточной стороны к нему также примыкал и так называемый «Окоп Савенкова», ныне визуально не прослеживаемый. Городище возникло в X в. и существовало до XV в.

Многолетние исследования самых ранних укреплений, относящихся к X в., позволили определить, что они состояли из двух рвов и деревянной стены в виде тына. Археологическими изучениями удалось проследить направление и конфигурацию рва. Выявленный в нескольких раскопах объект имеет треугольную форму с дренажной канавкой. Заложение эскарпа и контр-эскарпа примерно равно и составляет на разных участках от 1 до 2/3 глубины рва. По всей видимости, его вряд ли заполняли водой, т.к. сам тип рва (треугольный узкий, а не трапециевидный) и неплотный грунт (суглинисто-супесчаный), в котором он был выкопан, не подразумевают этого. Стратиграфическая картина позволяет примерно определить первоначальную ширину рва. Она составляла не менее 4 м, а глубина – не менее 2,5 м.

По некоторым следам можно констатировать и наличие вбитых в его склоны кольев диаметром ок. 15 см. Как они располагались – определить точно не удалось. По аналогиям с другими памятниками, возможно в шахматном порядке. Судя по выявленным столбовым ямкам, с внутренней стороны была установлена тыновая ограда из бревен диаметром 30–40 см.

Направление самого рва, отсекавшего мыс, не являлось прямолинейным (Хлебникова, 1987. С. 49). По-видимому, он представлял собой ломаную линию, в основном состоявшую из исходящих углов.

Нами были выявлены и остатки оборонительной насыпи, чьи следы удалось зафиксировать с внутренней (восточной) стороны рва. Она представляла собой массив желто-красного суглинка мощностью до 0,73 м и шириной (сохранившейся) свыше 5 м, покоящийся на слое аллювиального песка. Дата его строительства точно не устанавливается. Однако, одним из косвенных свидетельств, указывающих на время возведения насыпи, является факт отсутствия под его туловом погребенной почвы. Последняя была срезана перед насыпкой данного оборонительного сооружения. Обычно такой способ служил для выравнивания площадки и соответствовал начальному этапу возникновения поселения (Губайдуллин, 2004. С. 51–53; Краснов, 1987. С. 103–104). Поэтому можно (с долей вероятности) датировать вал временем основания памятника.

Наибольший интерес вызывают результаты изучения остатков мощной деревянной ограды, начало которым положили еще исследования 80-х годов прошлого столетия. Ее следы выявлены в виде светло-бурой полосы шириной 0,3–0,4 м и пятнами столбовых ямок в ней. Она проходила в полутора десятках метров от восточного рва с внутренней стороны и шла параллельно ему. Судя по стратиграфическим наблюдениям, эта стена существовала всю первую половину домонгольского периода (X–XI вв.) и подвергалась неоднократному ремонту.

Проведя аналогии с результатами предыдущих исследований, можно реконструировать данное фортификационное сооружение как стену, состоящую из вертикальных столбов, пространство между которыми забиралось горизонтальными бревнами (Кавеев, Полубояринова, Старостин, Хлебникова, Шарифуллин, 1988. С. 66–67; Кавеев, 1998).

Весь комплекс полученных данных, таким образом, позволяет реконструировать объект как деревянную крепостную стену, построенную в виде столбовых конструкций, которая к настоящему времени прослежена уже на протяжении более 50 м. В результате виден довольно интересный фортификационный комплекс, состоящий из двух рвов и вала с установленной

поверх него стеной, а также внутренней цитадели (рис. 1). Все это говорит о предпринятых серьезных оборонительных мероприятиях и довольно высоком уровне развития болгарского военного зодчества.

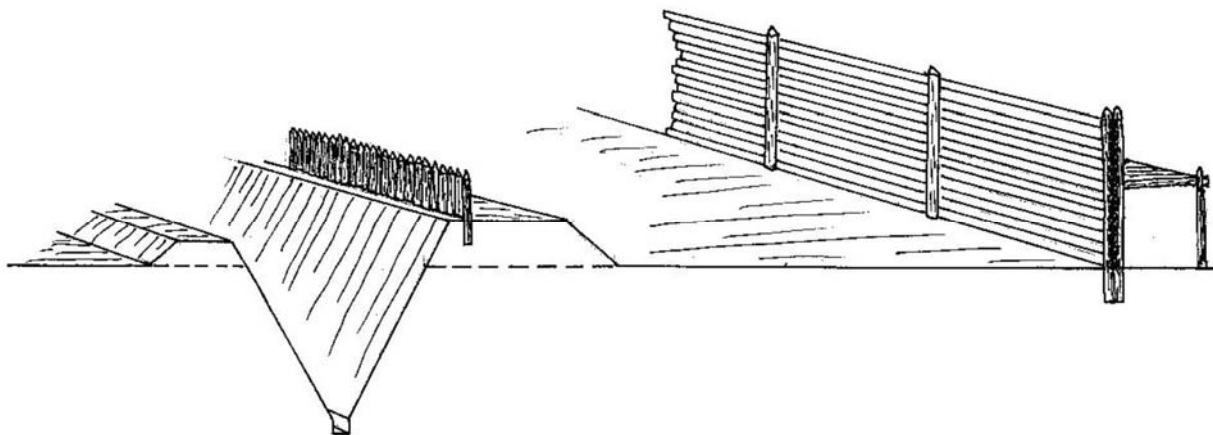

Рис. 1. Реконструкция оборонительных сооружений Болгарского городища X в.

По-видимому, здесь имела место ярусная и многорядная защита. В первом случае могли использоваться верхний и подошвенный бои (применительно к цитадели), во втором – система надолбов и палисадов вдоль бермы, два ряда рвов (вала) и основная стена.

Последние результаты исследований являются подтверждением того, что наиболее ранние укрепления Болгарского городища были возведены в X веке во время основания города. Не случайно такой важный торгово-административный центр, занимавший столь выгодное положение, в тот хронологический период имел и соответствующую его статусу фортификацию.

Следующая линия укреплений возникла гораздо позже, в конце XII – начале XIII вв. и ограждала уже много большую территорию (около 25 га). Она состояла из рва и вала, по верху которого, видимо, проходила деревянная стена (Хлебникова, 1987. С. 56).

Памятник и в этот период времени имел мысовое расположение. Из-за малой изученности предмонгольской оборонительной линии, пока трудно судить о каких-либо ее особенностях и первоначальном облике. Можно говорить лишь о профилировке рва в это время. Она была двух видов – треугольной и трапециевидной. Первая отмечена в южной части городища, вторая – в западной (Краснов, 1987. Рис. 11). Таким образом, налицо специальный выбор в устройстве рва в разных местах памятника.

Имеется план укреплений, снятый в первой половине XVIII в., когда их остатки еще были видны на поверхности земли (рис. 2). Фортификационные сооружения городища имели тогда 12 исходящих и 5 входящих углов. С востока и юго-востока линия обороны проходила вдоль оврага, дополняя его защитные свойства, а с запада прикрывала памятник с напольной стороны. Не исключено, что в местах, где изломы укреплений были направлены в сторону поля, могли располагаться крепостные башни, фланкировавшие подступы к стенам.

Заслуживает внимания и выступ в западной части оборонительной линии. Его присутствие здесь малопонятно. Возможно, он был устроен для лучшего обстрела равнинной местности с напольной стороны путем выдвижения укреплений, что, в такой случае, делает его прообразом будущих бастей. Не исключена и вероятность местоположения в этом выступе проезда (в отрезке его южной части). В пользу данного предположения может говорить и входящий угол, расположенный в непосредственной близости и позволявший защищать въезд перекрестной стрельбой, что создавало бы дополнительное преимущество при обороне. К тому же немаловажным фактом, в этом случае, является принуждение противника при падении на ворота поворачивать к крепостной стене правым незащищенным боком.

Наиболее полные сведения о фортификационных сооружениях Болгарского городища получены лишь при исследованиях оборонительной линии, возведенной в золотоордынское время, в первой половине XIV в.

Город значительно расширяет свою территорию и принимает подтреугольную форму. Его расположение на местности видоизменяется. Он становится неподчиненным рельефу, что в оборонительном плане накладывает на него свой отпечаток. Вся линия укреплений принимает ломаную форму и состоит из серии входящих и исходящих углов.

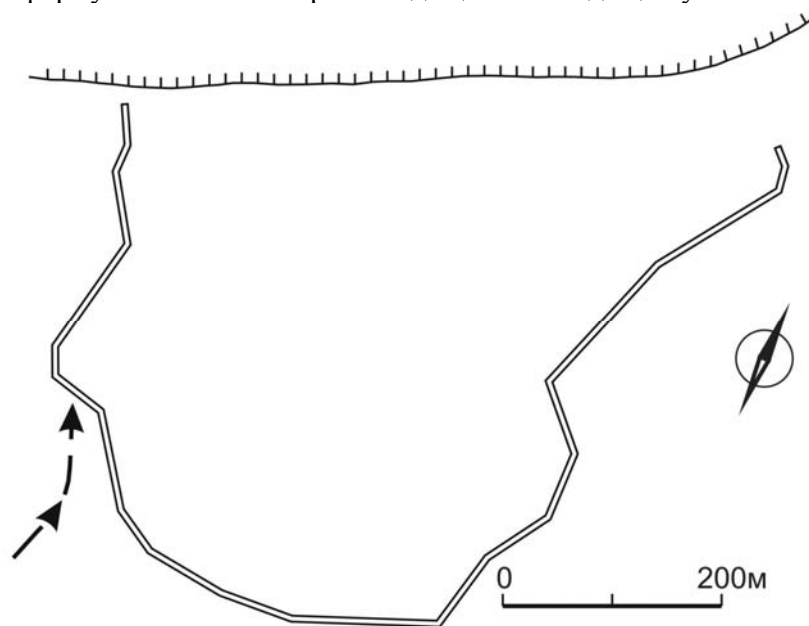

Рис. 2. Конфигурация оборонительной линии Болгарского городища конца XII – начала XIII вв. (по Т.А. Хлебниковой).

Изучение западной линии дерево-земляных сооружений выявило на гребне вала остатки дубовых столбов диаметром 0,1–0,5 м, заглубленных на 0,5 м. Не исключено, что они являлись следами крепостной стены, установленной на вершине оборонительной насыпи. Толщина ее достигала 1,6 м.

В свою очередь, при расчистке рва (глубина 2,2 м) были обнаружены следы от ямок, являвшихся остатками кольев, забитых в его дно. Подобные же столбы выявлены и на контрэскарпе (Хованская, 1958. С. 320). Возможно, они представляли собой надолбы, служившие дополнительным препятствием для противника.

В процессе исследований были выявлены и следы от крепостных башен 8 или 12-угольной формы, довольно редко встречающихся при археологических работах (Хованская, 1956. С. 132–133). Возможно, что облик башен может быть реконструирован по аналогии с поздними русскими крепостными постройками XV–XVIII вв. В этом случае нижняя часть башни обычно заполнялась землей и камнями. Оставлялись лишь узкие проходы к отверстиям нижнего боя, а на уровне прилегающих стен устраивался второй ярус обороны.

Предполагается, что крепостные стены Болгарского городища XIV в. представляли собой прототип тарас, заполненных землей и камнями. Возможно, что характерной для него являлась столбовая конструкция такой стены, которая была почти неизвестна в Древней Руси (Краснов, 1987. С. 116, 117) (рис. 3).

В целом, картина военно-оборонительных конструкций Болгарского городища очень интересна. Если наиболее ранние укрепления X в. показывают основные тенденции в развитии болгарской фортификации и аналогичны ранним укреплениям Билярского, Танкеевского I и Тигашевского городищ, то комплекс оборонительных сооружений XIV в. гораздо более сложен (Губайдуллин, 1998. С. 197–198). Он состоит из целой системы взаимодополняющих и заменяющих друг друга типов фортификационных построек: надолбы с напольной стороны и во рву, ломаная линия обороны, крепостные башни (установленные, по-видимому, с наиболее угрожающих сторон) и стены в виде тарас (наиболее передовой тип стен в то время), а также сложная система проездов (см. вклейку: рис. 1–2).

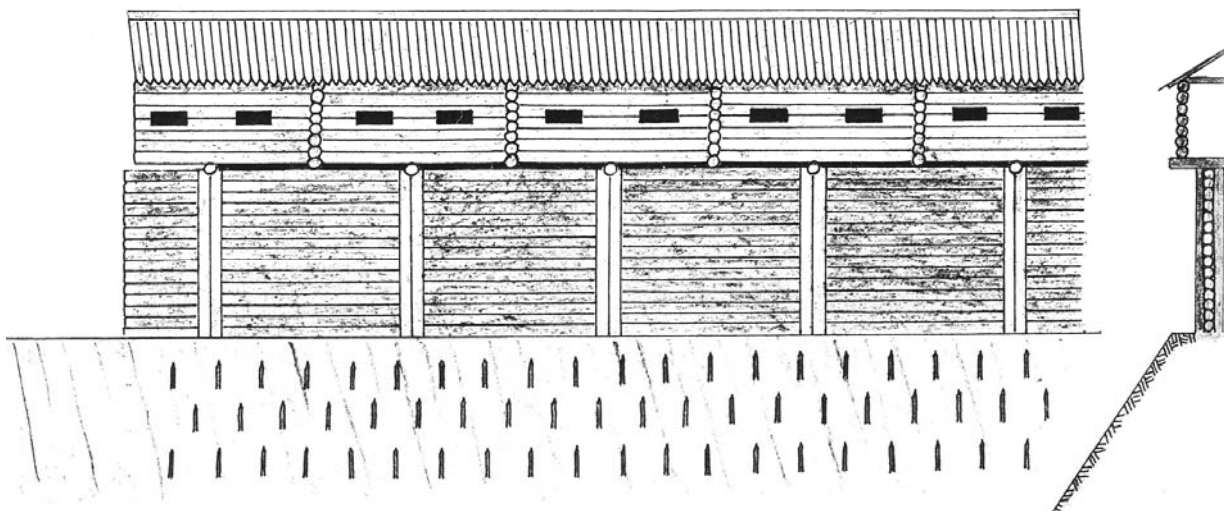

Рис. 3. Реконструкция оборонительных сооружений Болгарского городища XIV в.

Литература

Губайдуллин А.М. Некоторые заметки о фортификационных сооружениях Болгарского городища // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет археологического изучения. Итоги и перспективы. Тезисы научной конференции. – Болгар, 1998.

Губайдуллин А.М. Булгарские оборонительные сооружения X в. // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений. – Казань, 2004.

Кавеев М.М., Полубояринова М.Д., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Отражение монгольского нашествия в напластованиях Болгара // Волжская Булгария и монгольское нашествие. – Казань, 1988.

Кавеев М.М. Отчет об исследовании Болгарского городища на раскопе СХХVII. – Казань, 1998. Док. Фонд БГИАМЗ, инв. № 757–6/ 112.

Краснов Ю.А. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М.: Наука, 1987.

Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия, топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М.: Наука, 1987.

Хованская О.С. Новые данные о крепостных сооружениях г. Болгара // КСИА, 1956. Вып. 62.

Хованская О.С. Оборонительная система города Болгара // МИА, 1958. № 61.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В IX–XI вв.: ФАКТОР УРБАНИЗАЦИИ

И.Л. Измайлов

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, г. Казань

Булгары на Волге: начало государства. Долгие века северо-восточная часть Восточной Европы (в первую очередь Среднее Поволжье) участвовало в контактах с развитыми цивилизациями Востока и Средиземноморья довольно эпизодически. Но с середины I тыс. н. э. ситуация изменилась. Бурное развитие производительных сил на севере Европы под влиянием римской цивилизации привело к становлению классового общества и дало толчок движению населения, которое получило в истории название «эпоха викингов», суть которого было в становлении раннесредневекового общества и государства на обширных просторах Северной и Северо-Восточной Европы.

Роль Великого Волжского пути в этих процессах трудно переоценить. В отечественной и зарубежной историографии давно признано огромное влияние, которое оказал на экономическое развитие Восточной и Северной Европы Балтийско-Волжский путь, посредством которого сюда с Востока поступало в больших количествах арабское серебро, развивая местную торговлю и ремесленное производство. С начала VIII в. эта магистраль сомкнулась с Великим шелковым путем, став его северо-западным ответвлением (Кирпичников и др., 1980; Кирпичников и др., 1981; Дубов, 1989; Кирпичников, 1999). С этого времени эти два направления по Волге в Северную Европу и по степному коридору из Центральной Азии в Европу через Нижнее Поволжье в страны Средиземноморья, а через Среднее Поволжье в Балтийский регион, стали играть системообразующее значение для судеб народов Поволжья (Джаксон, Калинина, Коновалова, Подосинов, 2007). Однако возникновение и функционирование этого пути имело и другие, не менее значительные последствия, в первую очередь для социального и этнополитического развития этих регионов.

Долгое время влияние Балтийско-Волжской магистрали на историю рассматривались исключительно в торгово-хозяйственном плане или как поле этнокультурных контактов. Только сравнительно недавно, благодаря трудам В.Т. Пашуто, А.Н. Кирпичникова, Г.С. Лебедева, И.В. Дубова, Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина и других (Пашуто, 1970; Кирпичников, 1999; Кирпичников, 2001; Кирпичников, 2002; Кирпичников и др., 1980; Лебедев, 1985; Дубов, 1989; Мельникова, Петрухин, 1986; Мельникова, 1989; Мельникова, 1997; Мельникова, Петрухин, 1989) было обращено внимание на колоссальное значение, которое она имела для становления государств и формирования новых политических общностей. Разумеется, в коротком сообщении невозможно осветить все аспекты этой большой и сложной темы, поэтому остановимся на некоторых важнейших проблемах, остановив особое внимание на фактор урбанизации и его влиянии на этнополитическую структуру региона (см.: Измайлов, 2001, с.69–78).

Применительно к истории Волжской Булгарии, следует сказать, что историография до недавнего времени фактически обходила данную тему. Если отбросить некоторые детали и не вдаваться в характеристику конкретных деталей, а также разбор положений того или иного автора, то схема, по которой рассматривалась этнополитическая история булгар IX–X вв., представляется следующей: возникновение или консолидация булгарских племен в Подонье и Западном Предкавказье, переселение их в результате нашествия (в трудах разных авторов спусковым механизмом переселения служили или завоевания хазар, или нашествие арабов) в Среднее Поволжье, где они постепенно формируют государственность и консолидируются в феодальную народность (см.: Халиков, 1989; Казаков, 1992; Казаков, 1999; Хузин, 1997). Эта наиболее общая схема оставляла без внимания сам механизм этой консолидации, а также факторы, которые привели к такому бурному росту и, прямо скажем, прорыву этого региона к мировой цивилизации. Возникает и несколько других проблем, например, о характере общности булгар в Подонье и соответственно кто переселился в Среднее Поволжье и на каком субстрате на новой родине происходило формирование новой этнополитической общности.

Говоря о начальном этапе становления Булгарского государства необходимо иметь в виду два важных обстоятельства: болгары, пришедшие в Среднее Поволжье, спасаясь от вторжения хазар, имели длительные традиции государственности, восходящие еще к дотюркским временам и то, что этнокультурная и этнополитическая обстановка во второй половине I тыс. н.э. в Среднем Поволжье была довольно сложной и не совсем ясной. Эти обстоятельства, как можно предполагать, не только сыграли важную роль в возвышении болгар, но и стали ключевыми факторами в формировании нового государства на берегах Волги.

Есть основания полагать, что территория Среднего Поволжья была освоена тюрко-огурскими племенами еще в середине I тыс. н.э. По данным сочинений арабо-персидских авторов, кроме болгар среди них отмечаются группы *берсула* (*барсил*), *эсегел*, а также более мелких родовых групп – *сувар* (*савир*), *баранджар*, т.е. население будущей Волжской Булгарии кроме болгар включало алано-хазарский (баранджары), тюрко-огурский (савиры/сувары), центральноазиатский (эсегели/эсгили или чигили) компоненты (Golden, 1980, p.86–89). Представляется, что это были довольно дисперсно проживающие общины, не имевшие общей надродовой организации, в среду которых постоянно инфильтровались различные восточные и юго-восточные группы населения (Казаков, 2008, с.43–44).

Очевидно, в Среднем Поволжье мы имеем дело с довольно уникальной ситуацией. Основу населения формирующегося государства составляло не отдельное племя в традиционном смысле этого понятия, т.е. объединения, члены которого связаны общностью происхождения, внутренними кровнородственными связями и устойчивым этнонимом – одним из главных индикаторов этноплеменной самоидентификации, а дисперсные коллективы, отброшенные в результате военно-политических событий на периферию цивилизации. Здесь они вступили уже в новые взаимодействия и образовали новые объединения, включившие в свой состав группы весьма разнородного происхождения. Все это позволяет сделать вывод, что те группы населения, которые фиксируются позднее письменными источниками, были объединениями не кровных родственников, а территориально-политическими общностями. Только весьма условно их можно называть «племенами» или «союзами племен». Для обозначения их можно было бы использовать тюркский термин «эль», обозначающий государство, во главе которого стоит правящее племя или клан. Именно такими этнополитическими образованиями были общности, зафиксированные арабо-персидской традицией в X в.

Постепенно, к началу X в. болгары сумели одержать верх и подчинить или связать союзническими отношениями все население Среднего Поволжья. К сожалению, детали этого процесса скрыты от нас в глубинах веков, но этапность его очерчивается достаточно отчетливо. Приход группы болгар из Подонья во главе с кланом, верхушка, которого, имела, очевидно, родственные связи с правящим родом хана Кубрата Дуло, и, видимо, называла себя «серебряными болгарскими», дабы отличить от других групп болгар (или протоболгар) в Подонье, Северо-Западном Предкавказье и на Дунае, вызвал цепную реакцию социальных изменений. В силу своей знатности и родовитости, этот клан болгар сначала объединил ряд огуру-тюркских групп, а затем начал борьбу с двумя другими крупными объединениями племен (берсула и эсегел) за власть и гегемонию. Не исключено, что в этой борьбе болгарам оказали поддержку хазары, которым, очевидно, легче было опереться на родственников болгар, чтобы подчинить своей власти Поволжье. Как бы то ни было, но в начале X в., когда письменные источники начинают фиксировать обстановку в Среднем Поволжье, болгары уже являются центром объединения всего населения Среднего Поволжья. Нам не известно имя правителя, при котором произошло это объединение, но, очевидно, что уже при отце Алмышы Шилки (Силки) это было свершившимся фактом. Правитель этого нового Булгарского эля, объединявшего под властью болгар все другие народы Среднего Поволжья, носил титул «эльтебер» («эльтебер или «малик Булгар»), показывает его зависимость от хазарского кагана (Смирнова, 1981, с.248–251). О характере этого этнополитического объединения можно только догадываться, но ясно, что структурно и типологически оно было близко к тюркским государствам Восточной Европы. Иными словами, болгары, как родовая группа или клан стали господствующим племенем и формировали военно-служилую элиту общества. Представители других этноплеменных групп с момента вхождения в булгарский эль становились зависимым населением.

Даже прежняя племенная аристократия стояла рангом ниже болгарской знати и включиться в элиту могла, очевидно, только породнившись с булгарами. Видимо, именно с этого момента принадлежность к клану булгар стала означать более высокий социальный статус (см.: Измайлов, 2006, с. 124–131).

Население Среднего Поволжья: кочевники и земледельцы. Совсем недавно считалось, что тюркоязычные кочевники Восточной Европы – это, прежде всего скотоводы, совершающие постоянные меридиональные перекочевки. По мнению целого ряда отечественных исследователей, таковыми были аланы, болгары, хазары. Недаром в отечественной историографии до недавнего времени был весьма распространен тезис о Хазарии, как «небольшом полукочевом государстве». Однако изучение модели функционирования кочевого и полукочевого общества, так и анализ данных письменных источников и археологических данных, заставляет полагать, что хазарская экономика базировалась не только и не столько на кочевом скотоводстве. Скрупулезный анализ всех данных относительно хазарской экономики провел археолог Томас Нунен, который доказал, что основой экономики Хазарского каганата было развитое земледелие, включающее даже на периферии государства такие трудоемкие и специфические виды, как виноградарство, разнообразное ремесло, комплексное скотоводческое хозяйство и торговля, включая внутреннюю и международную (Noonan, 1994, p.331–345; Noonan, 1995–1997, p.253–318). Весьма выразительны сведения письменных источников, которые рисуют картину живописной земледельческой округи, простиравшейся между основными городами хазар в Прикаспии и Нижнем Поволжье. Об этом ясно и неоднократно писали арабские авторы, начиная с Ибн-Хорддбеха и ал-Балхи, а также сами хазары, так каган Иосиф в письме иудейскому единоверцу в Испанию писал, что летом большинство жителей Итиля проживает в своих загородных домах, занимаясь выращиванием урожая, а сами свои земли описывал, как «плодородные и богатые», состоящие из полей, виноградников, садов и парков.

Но не стоит думать, что земледелие процветало только в Предкавказье и Нижнем Поволжье. Существуют веские доказательства процветающего земледелия в Подонье, где на целом ряде археологических памятников (Саркел, Правобережноцимлянское и Маяцкое городища и др.) были обнаружены пахотные орудия, серпы и мотыги. На ряде памятников обнаружены остатки зерновых ям с семенами пшеницы, мякины и проса. О развитом и высокопродуктивном скотоводстве стойлового, а не кочевого типа свидетельствуют остатки костей на многих памятниках салтово-маяцкой культуры в Подонье. Это прежде всего кости крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и свиней, которые в процентном отношении ко всем находкам костей достигают 10%. Развитое ремесленное производство доказывают весьма унифицированные находки украшений, деталей костюма и поясная гарнитура, характерные для всего ареала этой государственной культуры Хазарского каганата. Не менее выразительна и отличительна также продукция других ремесел, особенно круговых гончарных сосудов и широкий ассортимент железных изделий, включая оружия, всадническое снаряжение и сельскохозяйственные орудия. Все эти данные, которые хорошо известны благодаря широкому археологическим исследованиям различных регионов Хазарского каганата, не оставляют никаких сомнений, что основу его экономики составляло не кочевое скотоводство, а комплексное хозяйство с упором на развитое земледелие и ремесленное производство.

Судя по этим данным, огуρο-болгарское население, оставшееся под властью хазар, также процветало. «Черная Болгария», включившая земли Приазовья и Подонья, была одним из самых экономически развитых регионов Хазарии. Многочисленные археологические памятники, часть из которых хорошо изучена, не оставляет сомнений, что основу его составляло земледельческое население, имевшее навыки ремесленного производства и участия в мировой торговле.

Однако процветанию Хазарского каганата внезапно пришел конец. Принятие иудаизма и последовавшие за этим междоусобные войны и мятежи, привели к дестабилизации обстановки на обширных территориях юга Восточной Европы. Все это привело к постепенному запустению степных районов Подонья и Предкавказья, откуда население начинает переселяться в более северные лесостепные районы. Так, например, такой большой город и бывшая столица Великой Болгарии – Фанагория, как и большинство других оседлых поселений в Приазовье,

погибает под ударами врагов в конце IX – начале X в. Это яркое яркий показатель кризиса и начала распада Хазарии. Самым страшным ударом, который фактически разрушил единство Хазарии стало наступление печенегов. В 988 г. покинули земли Ателькузу в Приднепровье венгры, уйдя в Паннонию, а вслед за ними в степи Восточной Европы хлынули отряды печенегов. В 915 г. они впервые оказались у границ Руси и заключили мир с князем Игорем (ПСРЛ. Т. II, стлб.32) и фактически стали господствовать в Северном Причерноморье. В течение короткого периода с конца IX по первые десятилетия X в., судя по данным археологии, прекращают существование все крупнейшие городища и основные поселения в Подонье – Салтовское, Маяцкое, Семикаракорское, Право- и Левобережноцимлянские городища, а также прекращают функционировать все могильники – Салтовский, Дмитриевский, Маяцкий и др. (подробнее см.: Плетнева, 1967; Плетнева, 2000; Афанасьев, 1993).

Очевидно, что часть этого оседлого населения погибла в огне набегов, часть вынуждена была в условиях политической нестабильности перейти к кочевому образу жизни, фактически сливаясь с печенегами, а затем и кыпчаками. Однако часть переселилась в более северные регионы – в первую очередь в Волжскую Булгарию. Если верны сведения археологов, изучавших салтово-маяцкие памятники, то следует предположить, что уже с конца IX в. на Среднюю Волгу устремляется поток беженцев, имевших навыки оседлого земледелия и ремесленного производства. Придя на новую родину, они продолжали развивать свои прежние традиции жизни, быта и производства. Не удивительно, что среди находок в болгарских могильниках (Большетарханский VIII–IX вв. и Танкеевский IX–X вв.) от трети до половины посуды составляют круговые горшки, выполненные в салтовских традициях. На ряде памятников VIII–X вв. (Новинковский, Большетарханский, Танкеевский могильники) обнаружены земледельческие орудия – наральники, серпы, косы, мотыжки и др., которые свидетельствуют о занятиях населения. Эти материалы заставляют считать, что предшествующее, жившее довольно дисперсно земледельческое население, оставившее памятники именьковской культуры, было довольно быстро растворено среди оседлых земледельческих переселенцев с юга, принесших новые более прогрессивные традиции земледелия и ремесленного производства, в частности, гончарного, вытеснившего примитивные горшки именьковской культуры.

Скорее всего, именно это население стало в конце IX – начале X в. основой оседлого населения формирующихся протогородов, возникающих в этот период в зоне Великого Волжского пути. Археологически эти памятники чрезвычайно сложно выявить, ввиду того, что ранние слои или еще не выявлены (поскольку занимали довольно небольшую площадь), либо уничтожены более поздними постройками. Однако в Болгаре близ Иерусалимского оврага обнаружены остатки раннего поселения, датированного монетами начала X в. Ранние слои, хотя и не такие выразительные обнаружены также при раскопках Билярского городища и ряда сельских поселений в Нижнем Прикамье (Старостин, 1993).

Неудивительно, что фиксируемые письменными источниками сведения об оседлом населении, указывают на их южное (предкавказское) происхождение, так Ибн-Фадлан отметил, что встретил в Булгарии группу «домочадцев» – баранджар, живших оседло и имеющих деревянную мечеть. Их наименование явное указание на место их родины – первую столицу Хазар город Беленджер (Баранджар). На занятия населения указывают и письменные источники, так Ибн-Фадлан писал: «Пища их – просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень /у них/ в большом количестве, и каждый кто что-либо посеял берет это для самого себя» (Ковалевский, 1956, с.136).

Волжский путь и становление Булгарского государства. Каким же образом становление Великого Волжского пути повлияло на изменение прежней этнокультурной картины? Включение в крупномасштабную международную торговлю служило мощным источником обогащения знати и создавало условия для ее дальнейшего отделения от племени. Потребность в местных товарах для их реализации в торговле усиливала роль даней: изъятие избыточного продукта требовалось теперь в количестве много большем, чем было необходимо для внутреннего потребления. Увеличение объема собираемых даней влекло за собой усложнение потестарных структур в регионе и соответственно усиление центральной власти.

Важным свидетельством формирования и территориального распространения зоны Балтийско-Волжского пути являются клады арабских серебряных монет IX в. Они концентрируются вдоль рек, образывавших Балтийско-Волжский путь, на участке от Ярославля до Финского залива, т.е. от земли мери до земли чуди, а также в важнейших центрах пути (в Ладого, Тимереве) или поблизости от них. Тем самым они обрисовывают тот же самый регион, что и письменные источники. Ниже Ярославля по Волге клады отсутствуют полностью, а их цепочка на юг по Волго-Окскому междуречью и их концентрация в Верхнем Подонье отмечают основное направление движения восточного серебра – по Дону. Единственное исключение составляет клад из 150 дирхемов, найденный у с. Старое Альметьево (Элмед) близ Билярска (Татарстан), в котором присутствует две монеты с граффити. Одно из них идентично скандинавской руне s (Добровольский и др., 1991).

Вместе с тем в топографии кладов IX в. выделяется еще одно, хотя и значительно меньшее по числу, но тем не менее достаточно представительное их скопление к востоку от Ярославского Поволжья. Оно состоит из четырех кладов, три из которых найдены на территории Вятской губернии и один – в Удмуртии на границе с Кировской областью. По младшей монете все клады датируются первой половиной – серединой IX в.: младшая монета из клада в Лелеки чеканена в 802/803 г., из Вятского клада – в 835 г., из клада из Ягошур (1500 дирхемов) – 842/843 г., и из Лесогурского клада (Удмуртия) – 841/842 г. Эта цепочка кладов пересекает течение Вятки и достигает верховьев Вятки и Камы. Три клада отмечены в этом регионе и для X в. Вряд ли их скопление, компактное по хронологии кладов, можно считать случайным. Очевидно, верховья Вятки и Камы представляли особый регион, который, хотя и находился в стороне от основных магистралей, но чем-то специально привлекал торговцев, в IX в. по преимуществу скандинавов, действовавших на Балтийско-Волжском пути (см. Фомин, 1982, Дубов, 1989).

Благодаря археологическим раскопкам А.И. Стоянова, П.А. Пономарева и П.Н. Лихачева в 1870, 1882 и 1893 гг., им удалось выявить и исследовать курганный могильник близ с. Балымеры с остатками кремации умерших, сопровождаемых набором вещей североевропейского и местного облика. Всего археологи в разные годы вскрыли 15 курганов, в том числе один с богатым набором оружия и украшений. Материалы данного могильника неоднократно анализировались и описывались (см.: Измайлов, 2000, с. 70–86).

Исследователями сделан вывод о несомненном скандинавском влиянии на характерные элементы погребального обряда этого могильника, а также о их принципиальной близости обряду похорон руса, описанного в «Записке» Ибн-Фадлана. Было указано также на ряд могильников Восточной Европы (Гнездово, Михайлово, Тимерово и др.) аналогичных по всему комплексу погребальных обрядов и инвентаря Балымерским курганам. Археологические и исторические аналогии и сопоставления позволили сделать вывод, что этот могильник, как и ряд других, оставлен русами – смешанным славяно-финно-скандинавским слоем воинов и торговцев (Измайлов, 2003, с. 50–69).

Долгое время контакты со скандинавами рассматривались сквозь призму изучения этого могильника, тогда как целый ряд проблем: отсутствие скандинавских вещей в могильниках болгар VIII–X вв., роль русов в становлении ранних городов и государства, формировании военно-дружинной культуры и т.д. оставался нераскрытым. В настоящее время удалось собрать значительный материал о болгарской военной культуре, сопоставить ее развитие с процессом становления городов и государства у болгар, а также выявить роль контактов болгар с Северной Европой как социально маркирующей эти процессы признак. Весь комплекс этих находок связан с военно-дружинным бытом. Среди этого набора выделяются каролингские мечи, как редкое и дорогое оружие использовалось, в основном, знатью и воинами-профессионалами. Новые виды вооружения, не известные у болгар в VIII–IX вв. демонстрируют распространение общеевропейских средств ведения вооруженной борьбы характерных для феодальных обществ. Кроме того выделяется ряд находок, связанных со скандинавским костюмом (равноплечие фибулы, кольцевидные фибулы с длинными иглами и др.). Часть этих предметов, несомненно, связана с присутствием в Среднем Поволжье женщин скандинавского происхождения.

Картографирование этих находок демонстрирует, что все они концентрируются близ раннегородских центров Булгарии: Болгар, Биляр, Балымер, городищ у ее. Старая Майна, Старые Нохраты и др. Показательно, что такая концентрация подобных социально престижных изделий характерна и для Руси, и для Венгрии в период становления государственности.

Таким образом, экономическим фоном становления Булгарского государства стало функционирование Великого Волжского пути и караванного пути в Хорезм, приведшего к резкому обогащению болгарской клановой аристократии, а также массовый приток родственного тюркского населения из районов Подонья, Приазовья и Северного Кавказа. В зоне пути возникают первые предгородские поселения, усиливаются процессы социальной дифференциации в среде местных разноэтничных племен, укрепляются старые и возникают новые потестарные институты. В условиях этого хозяйственного подъема происходило становление Булгарского государства, которое возникает во второй половине IX в., во главе которого становится Алмыш а до него отец Шилки, видимо, предводитель клана булгар.

Булгарское государство и города. Дружиной в современной историографии достаточно однозначно считается организация воинов-профессионалов, подчиненных военному вождю (король, князь), существовавшая у большинства народов в период перехода от первобытнообщинного строя к классовому. От военных отрядов, собиравшихся свободными членами племени на случай военных действий, дружину отличает ее постоянный характер и относительная независимость от потестарно-политических структур. В период складывания ранне-средневекового государства дружина постепенно становится формой организации служилой части господствующего класса, особым социальным слоем знати, отличающегося от родоплеменной верхушки. Военно-служилая знать, объединенная в княжеской дружине играет важнейшую роль в процессе становления феодального общества, являясь его военно-политической основой и обуславливая тем самым военно-служилый характер власти.

Говоря о дружине необходимо остановиться на вопросе о времени ее появления у волжских булгар. Судя по новейшим археологическим и историческим данным, нет сомнений в появлении дружины на последнем этапе первобытнообщинного строя в эпоху классовообразования. Характерными предпосылками возникновения подобных военно-иерархических структур являются высокий уровень производительных сил, способность общества производить достаточное количество прибавочного продукта, возникновение частной собственности на средства производства и продукты труда, обособление семьи, формирование общественных классов и связанные с ними эксплуатация непосредственных производителей с целью извлечения прибавочного продукта. Весь этот комплекс причин способствовал становлению надобщинных органов управления, в том числе дружины, которые пройдя длительный этап социальных изменений, совершили революционный скачок к появлению классового государства.

Новый этап в развитии дружины несомненно связан с коренными переменами в болгарском обществе, которые были вызваны устойчивым экономическим подъемом, возникновением городов и торгово-ремесленных поселений, включением Среднего Поволжья в мировую торговлю по Волжско-Балтийскому торговому пути и сложение болгарского государства. К сожалению, только на археологическом материале проследить процесс эволюции дружины очень сложно, т.к. параллельно со становлением государства в культуру булгар в том числе и погребальную обрядность, активно внедрялся ислам. Материалы из раскопок ряда могильников (Танкеевский, Тетюшский) позволили Е.А. Халиковой прийти к выводам о прекращении функционирования языческих погребальных обрядов в конце X – начале XI вв. Однако, городские могильники – в первую очередь билярские – с самого начала своего существования были мусульманскими, что позволяет, наряду с другими фактами, говорить о мусульманизации социальных верхов, в том числе и дружины уже с начала X в. (Халикова, 1976, с.113–168; Халикова, 1986, с.137–152). Продолжающие существовать языческие некрополи (Танкеевка, Тетюши), причем без резких изменений в обрядности, видимо, указывают на то, что племенные группировки, их оставившие, в течение X в находились вне магистрального развития болгарского общества.

Важные доказательства дают материалы раскопок поселений, в первую очередь ранних городов. Среди этих находок особую маркирующую роль играют находки каролингских ме-

чей. Все они довольно компактно располагаются в Западном и Центральном Закамье близ средневековых городов Болгара и Биляра (см.: Кирпичников, 1966; Измайлов, 1997, с.34–53; Кирпичников, Измайлов, 2000, с.190–206). Вместе с мечами и их фурнитурой на этих же поселениях встречены другие предметы дружинного вооружения западного облика: полушаровидные умбоны от круглых щитов, широкие удлинённо-треугольные копья, шпоры, – которое является свидетельством определенного западного импульса в болгарском войске (см.: Измайлов, 1997, с.131–138).носителем этих военных инноваций у болгар, были, несомненно, дружины русов. Очень интересно в этой связи Балымерское курганное погребение, обряд захоронения которого – трупосожжение на стороне и помещение остатков кремации вместе с погребальным инвентарем, находит аналогии с погребениями Гнездовского, Тимеровского и Михайловского могильников и датируется первой половиной X в. (Измайлов, 1999, с.94–100; Измайлов, 2000, с.70–86). Присутствие в это время русов в Среднем Поволжье зафиксировал в своих записках Ибн-Фадлан, который отметил их лагерь около ставки правителя болгар, а также описал похороны одного из их вождей. Несомненно, что часть дружин русов в качестве наемников входила в армию болгарских князей, подобно тому, как дружины славян и русов служили хазарскому кагану или византийскому императору (Измайлов, 2003, с.50–69).

Таким образом, предметы вооружения, особенно западных типов, являются наиболее ярким индикатором наличия военной организации нового типа – профессиональной феодальной дружины с синкретичной культурой, о чем говорят находки древнерусских, финно-угорских и скандинавских украшений. Одним из ярких свидетельств этого может служить также одно из Балымерских курганных погребений с явно гибридным инвентарем. Судя по всем этим данным, именно в ранних городах фиксируется в X – начале XI в. наличие феодальных дружин, которые представляли собой многоэтничный слой с преобладанием тюрко-болгарского субстрата, который по степенно вырабатывал свою классовую эклектичную культуру.

Археологические свидетельства о концентрации дружины около городских центров не случайны и характерны для многих государств Европы того времени. Этот процесс объективно связан с консолидацией дружинных элементов на базе ранних городов, которые в Болгарии X в. были, прежде всего, центрами политической власти – резиденциями князей и их дружин. Некоторые данные об этом дают арабо-персидские источники, которые, видимо, для первой половины X в. отмечают наличие двух городов: Болгара и Суvara. В этих городах «живут ... мусульмане, по 10 тысяч человек в каждом городе; они сражаются с неверными», в некоторых источниках речь идет о «конных воинах» (Бартольд, 1973, с.545; Заходер, 1967, с.36, 37). Есть основания полагать, что города Болгар и Сувар были центрами государственных образований со своей военной административной структурой, на что указывает факт чеканки собственной монеты с именем своего правителя. Судя по данным археологии, самые ранние города, возникшие в Болгарии – это целый ряд пунктов по берегам Волги и Камы от современных Чистополя до Старой Майны, а также бассейн р. Малый Черемшан и бассейна р. Свияги в средней его части. Здесь обнаружены самые ранние находки, позволяющие говорить о начальных этапах становления раннегородской структуры уже в начале X в. Вокруг этих городских пунктов – Биляра, Болгара, Суvara и других возникает и расширяется сельскохозяйственная округа.

Важной функцией городов, обусловленной наличием там двора правителя и его дружины, было также потребление, переработка и распределение прибавочного продукта (через ремесло и торговлю) для удовлетворения потребностей военно-феодальной знати. Изъятие этого прибавочного продукта и накопление богатств дружинной знатью происходило посредством захвата военной добычи и ренты-налога. Восточные источники неоднократно сообщают о войнах болгар с буртасами и другими соседями. Ибн-Фадлан прямо пишет о характере взаимоотношений между правителями и его войском: «если же он предложит отряду /совершить/ набег на одну из стран, и он награбит, то он /царь/ имеет долю вместе с ними» (Ковалевский, 1956, с.136). Несомненно, как это было в случае с буртасами, покоренные племена облагались данью. Другим способом получения части прибавочного продукта был налог. По данным разных источников правитель получал «с каждого дома шкуру соболя», подать со свадьбы и десятину от всех привозных товаров (Ковалевский, 1956, с.136). Правитель

имел право на регулярный сбор дани со всего населения, а также таможенные и другие сборы. Важно указать на то, что дани и подати Алмыш собирал в виде меха и пушнины, что указывает, что тем самым он становился крупнейшим собственником товаров, которые шли на экспорт и имели значение для международной торговли.

Важнейшим шагом на пути консолидации общества внутри государства принятие ислама болгарскими в качестве государственной религии. Можно прямо сказать, что процесс возвышения государства болгар шел практически одновременно с внедрением ислама. Уже в IX в. ислам проникает в среду населения Среднего Поволжья и в начале X в. его, очевидно, принимает Алмыш и болгарская знать. Верхушка болгар принимает ислам под влиянием государства Саманидов, хотя нельзя исключить участие в этом мусульманской гвардии Итиля. Уже в 920-е гг. ислам становится государственной религией, что подчеркиваю арабо-персидские авторы и начало чеканки монет по мусульманским образцам. Мусульманами является, судя по данным археологии, практически все городское население. Язычниками до определенной поры остаются некоторые подчиненные болгарам племена – эсегел, сувар (савар). Но они оттеснены на периферию общественной жизни и постепенно мусульманизируются.

По мере усиления экономической власти и военной мощи, а также на фоне ослабления власти Хазарского каганата, росло стремление эльтебера Алмыша добиться независимости от хазарских каганов, которым он вынужден был платить дань и давать в заложники своих детей (сына и дочь). В 912/3 г. болгары поддержали мусульман Итиля, подстрекаемых Саманидами, в разгроме похода русов на Каспий, хотя правители хазар пытались договориться с ними. Этот шаг показывает, что болгары пытались поставить под свой контроль стихию варяжских дружин, совершавших походы по Волге, а также их стремление заручиться поддержкой мусульман в противоборстве с Хазарией. Новым шагом на пути признания независимости стал обмен посольствами между Булгарией и Багдадским Халифатом в 921–922 гг., когда произошло дипломатическое признание нового мусульманского государства на севере ойкумены. Дальнейшие шаги Булгарского государства показывают, что его правители фактически добились независимости от хазарских каганов, но до определенного времени формально находились в орбите их власти.

Булгария после Алмышы: от двух эмиратов к единому государству. Дальнейшее становление Булгарского государства и его институтов слабо документировано письменными источниками, но может быть в основных чертах определено.

В реконструкции событий можно в определенной мере опираться на нумизматический материал. Монеты свидетельствуют, что в 930–40-е гг. после смерти сына и наследника Алмышы, Микаила ибн Джафара, Булгария распалась на два владения – Болгарский и Суварский (видимо, во главе с племенем сувар) эмираты. Восточные источники стабильно упоминают два города Болгар и Сувар, а монеты чеканятся в каждом из них отдельно. Например, ал-Истахри (930–933 гг.) писал: «Булгар – имя города, и они (булгары) мусульмане, в (городе) соборная мечеть; поблизости другой город, называемый Сувар, в нем также соборная мечеть; сообщил мне тот, кто совершал хутбу в них, что количество мужей в обоих городах приблизительно 10 тысяч мужей» (Заходер, 1967, с.37). Очевидно, без новых источников мы не сможем достаточно отчетливо понять являлись ли эти города центрами независимых владений, либо это центры крупных земель болгар, по типу того, как на Руси им были Киев и Новгород.

Однако нет никаких оснований видеть в этом распаде стремление сувар сохранить язычество, поскольку восточные источники особо подчеркивают, что в обоих городах есть мечети и живут там «воители за веру». По монетам выделяется династия Ахмедидов (Микаил, Талиб и Мумин) из Суvara (948–976 гг.). Очевидно, на этот период пришлось какие-то взаимоотношения с русами, атаковавшими прикаспийские провинции Халифата в 944/5 гг. и столкновения с Русью в 965–968 гг., зафиксированные у ал-Истахри и Ибн Хаукала. Возможно, и в том и другом случае болгары не смогли противостоять движению флота русов по Волге или эти походы шли в обход болгарских земель через бассейн Дона и Нижнюю Волгу.

Разгром Хазарского каганата войсками Святослава в 965–968 гг. привел к усилению правителя Булгарского эмирата Мумина ибн ал-Хасана (возможно, потомок Алмышы), который подчинил Сувар и стал чеканить монеты исключительно в Болгаре (976–980/1 гг.). Сувар, ве-

роятно, становится какой-то административно-территориальной единицей (вилайет) единого государства. Так, около 980 г. в Среднем Поволжье возникло единое Булгарское государство.

Этот новый этап в истории Булгарского эмирата можно охарактеризовать территориальным расширением, укреплением авторитета эмирской власти и утверждением исламской идеологии, окончательным преодолением племенного партикуляризма, созданием общегосударственных институтов власти и утверждением феодальных отношений, основанных на государственной собственности на землю.

Единое государство смогло создать эффективную военно-политическую систему, которая смогла противостоять укрепляющейся Киевской Руси. Булгарский эмират выдержал противоборство с Киевом и утвердил свой авторитет на международной арене подписанием договора о мире с киевским князем Владимиром I (985 г.). Примерно в конце X в. Булгария подчиняет земли буртас в Посурье и становится одной из ведущих средневековых государств Восточной Европы. К этому времени относится полное утверждение ислама на всей территории Булгарии, где прекращают функционировать все языческие могильники. Закончился процесс становления государства и его этнополитической, сословно-потестарной и административно-правовой системы. Булгария становится средневековым мусульманским государством.

Булгария и становление болгарской этнополитической общности. Каков же был механизм формирования болгарского этноса? Огромное значение в консолидации болгарской этнополитической общности сыграло официальное, на государственном уровне принятие ислама (900–920-е гг.), становление своего историописания, а также расширение политических, экономических и культурных связей с внешним миром (исламские страны Востока, Хазария, Русь). Судя по историческим и археологическим данным, уже с конца X в. Булгария стала страной «классического ислама», где жили и творили многие крупные ученые и богословы. Внутри страны во всех крупных общинах были школы и медресе, о чем с удивлением сообщали восточные авторы. Ислам давно, уже с конца IX в. проникал в духовную культуру общества, изменив ее тюркские традиции и оттеснив языческие культы в область суеверий. Утверждение на всей территории страны унифицированной культуры мусульманского типа способствовало формированию основных черт этнополитической болгарской общности.

В условиях развитого средневекового государства шло становление и развитие городов и целой сети сельских поселений. В отличие от более раннего добулгарского населения болгары имели другую экономическую базу, навыки агрикультуры и, что особенно важно, сама структура поселений у них была совершенно другой. Основой ее были города с набором политических, хозяйственных и религиозных функций, а сами города возникают нередко не только как городища мысового типа, а как равнинные городам с двухчастной внутренней структурой (например, Билярское, Богдашкинское и Суварское городища). Вопрос о возникновении, функциях и социальной топографии болгарских городов достаточно хорошо изучен. Для нас важно только подчеркнуть, что начальный этап возникновения городов относится к первой трети X в., а их становления на 20–50-е гг. X в. Для этого периода в нашем распоряжении есть не только надежные данные археологии, но и недвусмысленные указания письменных источников. Все это заставляет считать, что процессы становления мировой торговли, возникновения булгарского эмирата и формирования городов протекали синхронной и в основных чертах получили завершение во второй трети X в.

В городах формировалась культура городского типа, вырабатывалось наддиалектное городское койне (скорее всего, на основе тюркского языка кыпчако-огузского типа) и нормативный литературный язык. Проблема языка волжских болгар до сих пор остается дискуссионной. Наиболее аргументировано мнение о том, что в этот период на территории Булгарии функционировало два языка. Один – собственно «булгарский» – был огузского типа (тюркский язык с ротацизмом, ламбдаизмом и др. архаичными чертами), который использовался какой-то частью болгарской аристократии, возможно, в ритуальных (сакральных) целях (о чём свидетельствуют надгробные эпитафии XIII–XIV вв. с территории Булгарии с текстами, написанными на этом языке арабской графикой (Хакимзянов 1978; Зарубежная тюркология, с.18–23). Окончательное исчезновение этого языка произошло лишь в период Золотой Орды (вторая половина XIV в.), причем под воздействием как этнических процессов, так и экстра-

лингвистических факторов – эпидемия чумы. Другой – болгаро-кыпчакский (огузо-кыпчакского типа) был наиболее распространен среди населения страны и стал основой общегородского наддиалектного койне, на базе которого под влиянием среднеазиатских (караханидских) традиций сформировался болгарский литературный язык (о различных диалектах в среде болгарских племен см.: Хакимзянов 1987, с.5–12). Это способствовало становлению этнополитического самосознания болгар, характерными элементами которого были мусульманское сознание, подданство правителям Болгарии, историческая традиция и т.д. (традиция Иакуба ибн Нугмана «Таварих-и Булгар» («История Болгарии»)) (Измайлов, 2000а, с.99–105). В силу ряда обстоятельств цельные исторические хроники болгар до нас не дошли. Однако некоторые фрагменты именно об этом эпизоде «начала истории» сохранились в болгарской исторической традиции и в поздних устных и письменных исторических преданиях татар, что позволяет в определенной мере реконструировать представления самих болгар о происхождении своего государства, народа и правящей династии и своей исторической миссии.

Представления о принятии ислама и создания мусульманского государства являлись базовыми, основополагающими в системе болгарской исторической традиции. Войдя в исламскую ойкумену, болгары приняли ее богатый художественный язык, символические образы, но при этом в качестве важнейших артикулирующих приняли мифологемы «начала истории государства» и «бремени истории», трактуемых не только в прозелитическом, но и в мессианском духе, что нашло отражение и в фольклоре, и в исторической традиции. При этом следует отметить, что сам механизм возникновения и развития болгарского государства, как он вырисовывается из анализа всего комплекса источников, дает совершенно другую картину, нежели та, что сохранили болгарская историческая традиция и предания. Идеальное представление о начале своей истории как бы заслонило и в народной памяти, и в историографии реальные обстоятельства событий.

Время возникновения легенд о принятии ислама болгарями и закрепление их в историографической традиции определить трудно. Однако можно наметить время, когда этот процесс, видимо, активно протекал. В конце X в. на всей территории Болгарии исчезают языческие могильники, т.е. сложилась единая этнополитическая и этноконфессиональная общность, а в середине XII в. мы знаем о существовании «Истории Болгарии» – наиболее последовательного воплощения самосознания болгарского этноса. И само это сознание не было выражением, отстраненного от народа книжника, а результатом внутренних механизмов развития народа, в числе которых принятие ислама и осмысление этого факта в устном предании и письменной традиции сыграло ключевую роль.

Таким образом, можно сделать вывод, что рассмотренные выше аспекты сознания, несомненно, достаточно точно характеризуют данную общность через призму ее собственных взглядов и позволяют считать, что часть населения Среднего Поволжья X–XIII вв., в первую очередь этносоциальная верхушка общества, осознавая себя связанной определенными обязательствами с правящей династией (возможно, даже связанная между собой родственными, внутривосемьными связями) и подвластная ей, исповедующая ислам и следующая своей особой миссией в мусульманском мире, жившее в пределах одного государства и считавшее его землей для себя отчиной, – это население, определенно, называло себя «болгарами». Эти черты, характеризующие болгарское сознание, и были зафиксированы в официальной историографической традиции. Иными словами, культурно-политическое единство этноса базировалось не столько на наборе неких объективных факторов, сколько на осознании своей общности по принципу родства, актуализированного через определенные мифологемы, в которых важнейшую роль играли мусульманские мотивы и сознание своего пограничного положения на краю культурной ойкумены.

Таким образом, можно сделать несколько важнейших выводов. Во-первых, развитие цивилизации в Волго-Уральском регионе самым прямым образом связано с возникновением и расцветом международной торговли по трансевразийским торговым магистралям. В IX–X вв. – это, в первую очередь, Волго-Балтийский торговый путь. Во-вторых, становление городов и городской цивилизации идет вслед за установлением этим торговых путей и непосредственно связано с ними. В этой связи для данного региона особую важность приобретают мысли ве-

ликого русского историка В.О. Ключевского о «торговом» пути происхождения городов. Думается, что материалы нашего региона полностью подтверждают сделанные им более ста лет назад выводы. В-третьих, поволжские города в полной мере могут быть названы термином, который применил другой русский историк античности и археолог Михаил Иванович Ростовцев применительно к городам Ближнего Востока, назвав их «караванными городами». Соответственно расцвет, подъем и упадок их можно связывать не только с ослаблением государственной власти или природными причинами, а пульсацией торговой активности на разных направлениях. В-четвертых, возникновение городов ведет к укреплению политической власти, осуществляющей контроль над этими магистралями и усложнением социальной структуры общества, развитием культуры и установлением связей с базовыми центрами цивилизации. Происходит расширение границ ойкумены и затягивание в ее орбиту областей «третьего» и «четвертого» миров. Соответственно, страна, ставшая очагом новой социально-политической системы, становится системообразующим центром для тяготеющего к ней региона. В-пятых, развитие городской цивилизации и развитие социальной структуры общества ведет к формированию устойчивой этнополитической общности.

Литература

- Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 1993.
- Бартольд В.В. Введение к изданию «Хухуд ал-алам» // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VIII. М., 1973.
- Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007.
- Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991.
- Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
- Зарубежная тюркология. Вып. 1. М., 1986.
- Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967.
- Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии XXIII в. Казань, Магадан: Изд-во СВНЦ ДВО РАН, 1997.
- Измайлов И.Л. «Русы» в Среднем Поволжье (этапы болгаро-скандинавских этно-социальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы международного симпозиума. Казань, 1999.
- Измайлов И.Л. Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб., 2000.
- Измайлов И.Л. «Начала истории» Волжской Булгарии в предании и исторической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М.: Наука, 2000а.
- Измайлов И.Л. Балтийско-Волжский путь в системе торговых магистралей и его роль в раннесредневековой истории Восточной Европы // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого волжского пути». г. Казань, 5–14 августа 2002 г. Часть II. Казань, 2003.
- Измайлов И.Л. Балымерский курганный могильник и «руссы» на Волге: проблемы и дискуссии // Великий Волжский путь. Материалы II-го этапа научно-практической конференции «Великий Волжский путь». 28–29 августа 2000 г. Казань, 2001.
- Измайлов И.Л. Образование Булгарского государства // История татар с древнейших времен. В 7-ми тт. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006.
- Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии. М.: Наука, 1992.
- Казаков Е.П. К вопросу о хазарском и угорском компонентах в культуре ранней Волжской Булгарии // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999.
- Казаков Е.П. К проблемам этнокультурной ситуации VII в. н.э. в лесостепи Урало-Поволжья // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов IV МАК. Самара, 2008.
- Кирпичников А.И. Древнерусское оружие. Вып. I: Мечи и сабли IX–XIII вв. М., Л.: Наука, 1966.

Кирпичников А.Н. О начальном этапе международной торговли в Восточной Европе в период раннего средневековья (по монетным находкам в Старой Ладогe) // *Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков*. Казань, 1999.

Кирпичников А.Н., Измайлов И.Л. Каролингские мечи из Булгарии (из фондов Государственного объединенного музея Республики Татарстан) // *Средневековая Казань: возникновение, развитие*. Материалы международной научной конференции. 1–3 июня 1999 г. Казань. Казань, 2000.

Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // *Великий Волжский путь*. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого волжского пути». г. Казань, 28–29 августа 2000 г. Казань, 2001.

Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь // *Родина*. 2002. № 11–12.

Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // *Краткие сообщения Института археологии АН СССР*. 1980. № 160.

Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Дубов И.В. Северная Русь (некоторые итоги археологических исследований) // *Краткие сообщения Института археологии АН СССР*. 1981. № 164.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.

Мельникова Е.А. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // *Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков*. Казань, 1989.

Мельникова Е.А. Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках // *Шведы и Русский Север: историко-культурные связи*. (К 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга). Материалы Международного научного симпозиума. Киров, 1997.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия) // *История СССР*. 1986. № 5.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // *Вопросы истории*. 1989. № 8.

Пашуто В.Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // *Скандинавский сборник*. 1970. Вып. 15.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967.

Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М., Иерусалим, 2000.

ПСРЛ. Т. II. – Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Наука, 1962.

Смирнова О.И. К имени Алмыша, сына Шилки, царя Булгар // *Тюркологический сборник 1977*. М., 1981.

Старостин П.Н. Раннее поселение на правом берегу Малого Иерусалимского оврага в Болгарах // *Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения*. Казань, 1993.

Фомин А.В. Начало обращения куфических монет в районе Балтики // *Краткие сообщения Института археологии АН СССР*. 1982. № 171.

Хакимянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. М.: Наука, 1978.

Хакимянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М.: Наука, 1987.

Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989.

Халикова Е.А. Билярские некрополи // *Исследования Великого города*. М.: Наука, 1976.

Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: Изд-во КГУ, 1986.

Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII веков). Казань, 1997.

Golden P.V. Khazar studies. An historio-philological inquiry into the origins of the Khazars. Vol. 1–2. Budapest, 1980.

Noonan Th. What can Archaeology tell us about the Economy of Khazaria // *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies*. Ed. B. Genito. Napoli, 1994.

Noonan Th. The Khazar Economy // *АЕМА*. 1995–1997. № 9.

РАННЯЯ ИЛИ ПРАБОЛГАРСКАЯ КУЛЬТУРА. ЧТО НУЖНО ОТМЕНИТЬ, ЧТО МОЖНО ДОБАВИТЬ?

В. Йотов

Археологический музей, г. Варна (Болгария)

В истории, и в частности, в археологии средневековой Болгарии есть период из двух столетий (с конца VII по конец IX вв.), который ученые называли и продолжают называть по-разному – «праболгарский период»; «праболгарская культура»; «первоболгарская культура»; «староболгарская культура языческого периода». Самый выдающийся исследователь материальной культуры этого периода в последние десятилетия был Рашо Рашев. В самом начале 2008 г. вышла из печати его книга «Болгарская языческая культура VII–IX вв.» (Рашев, 2008). Хотя о терминах не спорят, а договариваются, отмечу, что оглавление книги коротко ответило на вопрос как нужно называть эту раннюю культуру (Рашев, 2008, с. 340). Одновременно отмечу, что как терминус техникус название «праболгары» наверно продолжить использоваться.

Книги и отдельные статьи Рашева по болгарской языческой культуре насчитывают больше ста и в этом письменном наследии (см. www.iianthropology.org) не только были выяснены многие проблемы, но и поставлено много вопросов и задач, которые будут рассматриваться и решаться в будущем (Рашев, 2008, с. 150, 230, 341).

В опубликованную в 2003 г. статью «Сомнительные и недостоверные памятники праболгарской культуры» (Рашев, 2003, с. 158–174) и в книге (Рашев, 2008, с. 212, след. и др.) Р. Рашев очень четко обратил внимание скажем на «патриотическое», но далеко не научное стремление часто определять многие из памятников Первого болгарского царства как праболгарские. Рашев перечислил таких «сомнительных» памятников больше 25: скульптуры; металлические предметы, в том числе, знаменитое сокровище из Наги сент Миклош (несмотря на то, что этническая принадлежность этого клада очень спорна, продолжается стремление перечислять его праболгарам); резьба по дереву; рисунки; рунические знаки и надписи. Рашев отметил, что можно оценить все это как «довольно жесткий пересмотр и попытку элиминировать значительную группу памятников связанных до сих пор с праболгарами» (Рашев, 2003, с. 158–159).

На свой вопрос, что в конечном итоге осталось бы от ранней болгарской культуры Рашев сделал вывод в 8 пунктов, имея в виду группы памятников или отдельные памятники.

Останавливаясь на этих 8 выводах должен тоже отметить, что каждый тезис заслуживает отдельного внимания, доклада, статьи, но **что нужно отменить, что можно добавить?**

1. Двухбрядные могильники и соответствующие поселения со всеми данными о погребальном обряде, инвентаре, жилища и другие сооружения и т.д.

Этот вывод Рашева не вызывает сомнения – «дана сравнительно точная и полная характеристика погребальных обрядов» (Рашев, 2008, с. 191). Я бы поставил вопросы в связи с тем, что, к сожалению, после исследования Ж. Въжарова (Въжарова, 1976) мало было сделано в сторону поиска и определения внутренней хронологии в погребальных комплексах раннего периода Болгарского царства. В конечном итоге подробный анализ сделал немецкий ученый Уве Фидлер (Fidler, 1992).

2. Земляное укрепительное строительство, которое было сделано в т.н. Онгл, а позднее и на юге р. Дуная.

Далеко не так без сомнений стоит вопрос о перечисленных земляных сооружениях в собственно раннюю историю болгар на Дунае. Спор, который шел в этом направлении имел свои корни в годы до Второй мировой войны, продолжился и в последнее десятилетие (Георгиев, 2005, с. 23–39 и лит.). Во всяком случае и по этому вопросу предстоит четко отделять земляные сооружения (валы), которые без сомнения принадлежат римо-византийской традиции от других, как например земляных укреплений, которые являются болгарским наследием.

3. Деревянное строительство – ранний период в столице Плиска.

Феномен «деревянного строительства» в Плиске, вклад, в изучение которого в основном принадлежит Рашеву (Рашев, 2007, с. 104–105, рис. 1–6), представляет памятники, пока неизвестные на просторах евразийской степи эпохи средневековья. Различие мнений (Георгиев, 1997, с. 296–312; 2002, с. 73–85) по этому вопросу не изменяют значения вклада этого строительства при выяснении перехода кочевнической аристократии к стационарному образу жизни.

4. Поминальные сооружения в Плиске и в окрестностях – т.н. девташлары, курганы, культовый комплекс «Золотая нива» и др.

Девташлары (Рашев, 1992, с. 5–34)

Первый, который не согласился (только в нескольких выражениях), что девташлары не связаны с праболгарами был U. Fiedler (Fidler, 1992, S. 324–326). Я ставлю вообще вопрос об обоснованности (Йотов, 2008, в печати) всех 6 по счету, «косвенных» аргументов Рашева в этой статье (Рашев, 1992, с. 22 и сл.). Один из этих «косвенных» аргументов относится к знакам, которые были вырезаны на некоторых камнях. Только 4 из всех 12 знаков имеют какую-то связь с ранней болгарской культурой. Во-первых, эти знаки вырезаны на повторно использованных античных колонах. Во-вторых, сам Рашев, как уже было сказано, сомневался в существовании «праболгарской рунической письменности» (Рашев, 2003, с. 157–158).

Все данные археологических исследований и анализ «косвенных доказательств» подводят к датировке после концом X в. Все это дает основания не отвергать возможности, что девташлары оставлены некоторыми из племен поздних номадов. Не исключено, эти интересные памятники могут быть датированы и более поздним временем. В своей книге о староболгарской материальной культуре Ст. Ваклинов отметил, что «некоторые этнографические особенности населения Северо-Восточной Болгарии, возможно дают ключ к выяснению проблем девташлары» (Ваклинов, 1977, с. 135).

Курганы

Пока можно перечислить только некоторые курганы, которые были сделаны специально как могилы аристократов (Тотев, Пелевина, 2011), а о погребениях ханах пока не доказано. С другой стороны, сам термин «аристократы», довольно сомнителен для раннего средневековья.

Культовый комплекс «Золотая нива» (Рашев, 2007, с. 106)

Если принять, что пока нет доказательств о связи девташлары с ранней болгарской культурой, то это относится и к этому комплексу. Это поминальное сооружение связано наверно с поздними кочевниками. Именно среди памятников связанных с тюрками на Восток находим подобные примеры как оформление. Недалеко от этого культового комплекса были найдены све время две каменные скульптуры – «бабы», без сомнения половецкие. Они остались быт слышком одинокими в степях на юге Дуная.

Как выглядели праболгарские святилища нам известно благодаря раскопаным в Плиски (рис. 1), в Преслав (рис. 2; Рашев, 2008, с. 112–113) и недавно в Дрыстр капищам (см. www.museumsilistra.net1.cc). Если не всегда, то, как правило, поверх этих прямоугольных сооружений, после принятия христианства были построены церкви.

Подобное сооружение удалось изучить и в провинциальной крепости Преселенци (Йотов, Атанасов, Йотов, 2009), в 150 км восточнее Плиски. Археологические раскопки 2006–2008 гг. показали, что на самом высоком месте в крепости, где-то в конце VIII – начале IX в. существовала площадка из мелких камней – скала (см. вклейку: рис. 1). Эта площадка была местом для ритуальных действий, святилищем. В самом конце IX в., после принятия христианства вся площадка была засыпана черноземом толщиной около 50 см – без керамических черепков, и др. В то время сверху была построена церковь (рис. 3), вокруг которой имелась и каменная ограда.

5–6. Рисунки граффити, показывающие всадников и их прототип – Мадарский наскальный рельеф и некоторые изображения шаманов. Рисунки на поверхности керамической плиты из Мадара.

Соглашаясь с этим утверждением, позволю добавить весьма интересный памятник – шило из рога, который был найден при раскопках на средневековом поселении Хырлец, Северо-Западной Болгарии. Неопубликованным, не считая того, что я включил в свою книгу по поводу

иллюстрации щита средневекового времени (Йотов, 2004, с. 117, обр. 67). Представлены две сцены (см. вклейку: рис. 3): инаугурация воина и корабль с воинами на борту. Аналогичных предметов и изображений много, но не останавливаясь больше, я добавлю, что одна из возможных интерпретаций это связать памятника с сведения письменных источников о походах болгар на ладьях на Средний Дунай в середине IX в. (Йотов, с. 487–495). В латинский источник «Annales Fuldensis» за 827 и 829 гг. сказано, что болгары послали войска на ладьях по реке Драва и погубили славяны, которые жили в то время в Панонию (Annales Fuldensis, с. 42–43).

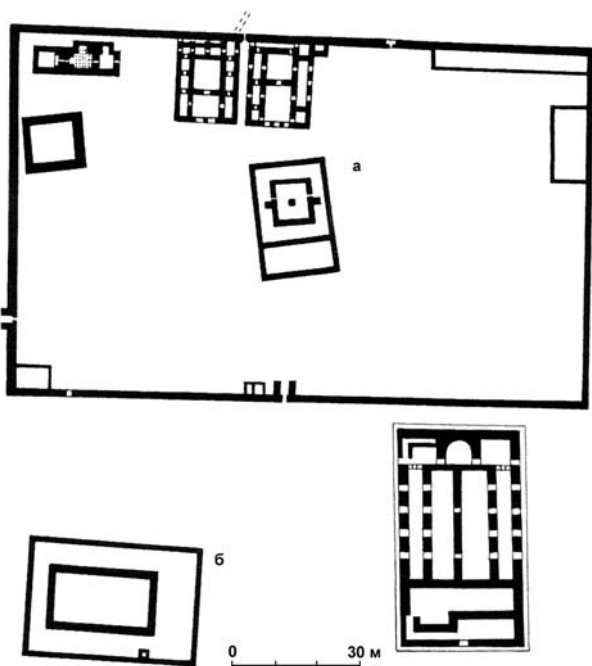

Рис. 1. Праболгарские святилища – «капища» в Плиске.

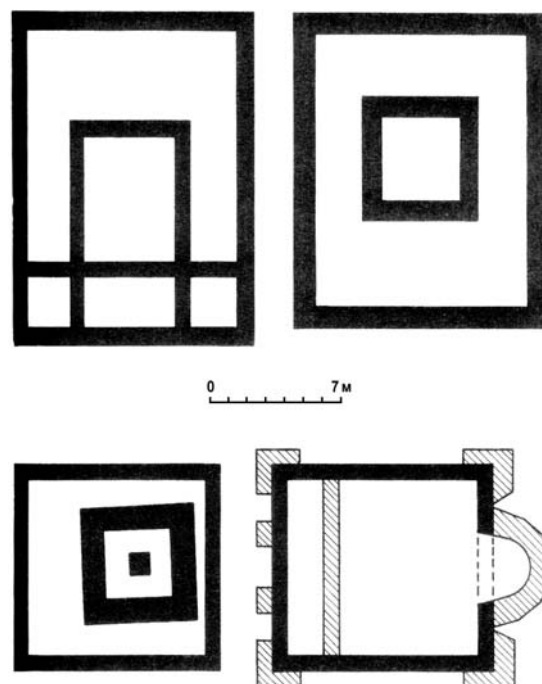

Рис. 2. Праболгарские святилища – «капища» в Преславе.

7. Каменная модель юрты из Девня

По поводу этого памятника (Рашев, 1976, с. 39–45) я бы только поставил вопрос, что его (рис. 4) можно причислить не к праболгарам как считал Рашев и другие, а к памятникам поздних кочевников, специально печенегов или узов (рис. 5). Известно, что памятник был найден в крепости, в которой жили печенеги во второй половине XI в. Многие письменные источники содержат сведения о быте поздних кочевников, которые пользовались юртой.

Вообще пренебрежительное отношение к материальной культуре поздних кочевников совершенно неоправданно. Нет сомнения, что история Нижнего Дуная во второй половине XI–XII вв. и до начала XIII в. связана и с поздними кочевниками – печенегами, узами/огузами, половцами. Первые связи печенегов и болгар были как союзников (разгром хазаров; помощь против венгров в районе Ателкуз в 896 г.). Во-вторых, нужно учитывать, что после переселения основных масс печенегов на юг Дуная, они там оставались длительное время и практически заняли место болгарского населения. Слой материальной культуры второй половины XI в. в Плиске, Дрыстр и многих других городов и крепостей является позднекочевнический, прежде всего печенежский.

После разгрома в нескольких битвах (Левунион 1091 г. и 1123 г. – т.н. печенежский праздник) печенеги не были уничтожены полностью, а остались жить на территории фемы Болгарии – достигая Белграда. Другие поздние кочевники были в составе византийской армии – например узы. Половцы (куманы в болгарской истории) активно участвовали в восстановлении Второго болгарского царства.

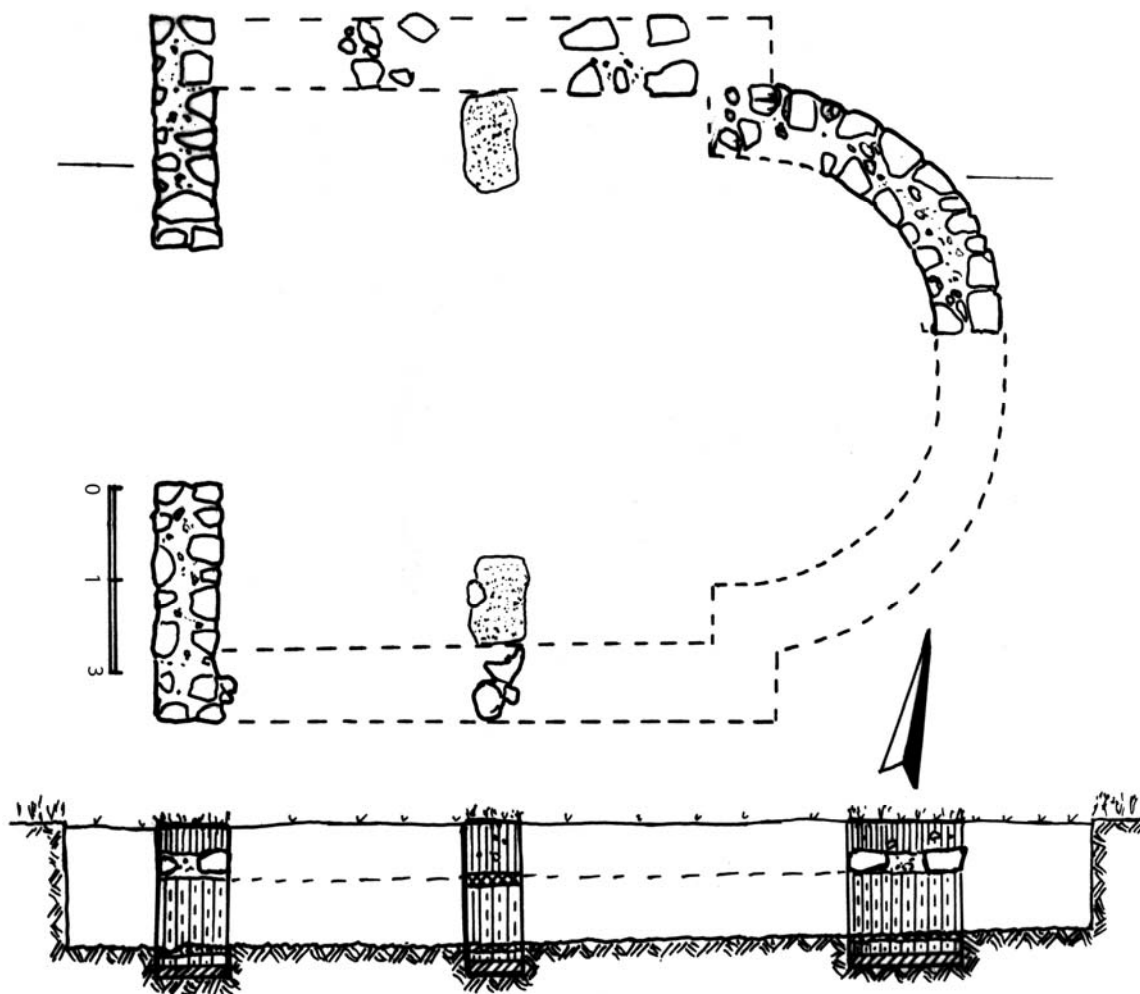

Рис. 3. Построенная на святилище церковь в провинциальной крепости Преселенци, в 150 км восточнее Плиски.

8. Все сведения об обычаях, обрядах и др. о которых упоминают письменные источники.

Можно перечислить т.н. «орендизъм», сакральное царубийство, священные числа, магические знаки, амулеты, верховы бог Тангра, вера в животных (собаки, кони, олени), священная клетва, шаманизм, одежда, прическа и т.д. (Бешевлиев, 1981, с. 67–124).

Еще что можно добавить?

В своей книге Рашев коротко обратил внимание на оружие и снаряжение (Рашев, 2008, с. 172–174). Считаю, что можно добавить и перечислить как раннеболгарские элементы в материальной культуре на Нижнем Дунае и некоторые найденные преимущественно там виды оружия и снаряжения.

Сабля

На вклад болгар в связи оружием и специально сабель обратили внимание несколько ученых. Так, например, Ч. Балинт писал, что «Большинство венгерских археологов придерживается мнения, что группа, которая в 670/680 гг. проникла в Карпатский бассейн под предводительством Кубера, должна была сыграть решающую роль при формировании среднеаварской группы» и еще – «Раннеаварские мечи сменяются саблями с прямой гардой, кроме того, в качестве оружия используются боевые топоры, секиры и боевые ножи длиной около 30 см» (Балинт, 1995, с. 44 и др.). Австрийский ученый Ф. Дайм признает что: «Значительными новшествами, во всяком случае, являются сабля, сменившая раннеаварский однолезвийный меч...», но заканчивает относительно периода – «Происхождение среднеаварского круга форм некоторые венгерские исследователи долгое время связывали с переселением болгар-

ской народности Кубера, в котором хотели видеть сына болгарского хана Кубрата. Эта интерпретация неприемлема» (Дайм, 2002, с. 306, 308). Вопрос – а откуда? И. Гавритухин писал, что «в комплексах фазы «b», наряду с ними, появляются сабли и стремена с прямой подножкой, часто в паре с круглыми стременами». «В Карпатской котловине этот феномен маркируется древностями горизонта «Игар – Озора-Тотипуста» – логично связывать с культурным импульсом, сопровождавшим переселения, имевшие место между 660–680 г. (Гавритухин, 2001, с. 149).

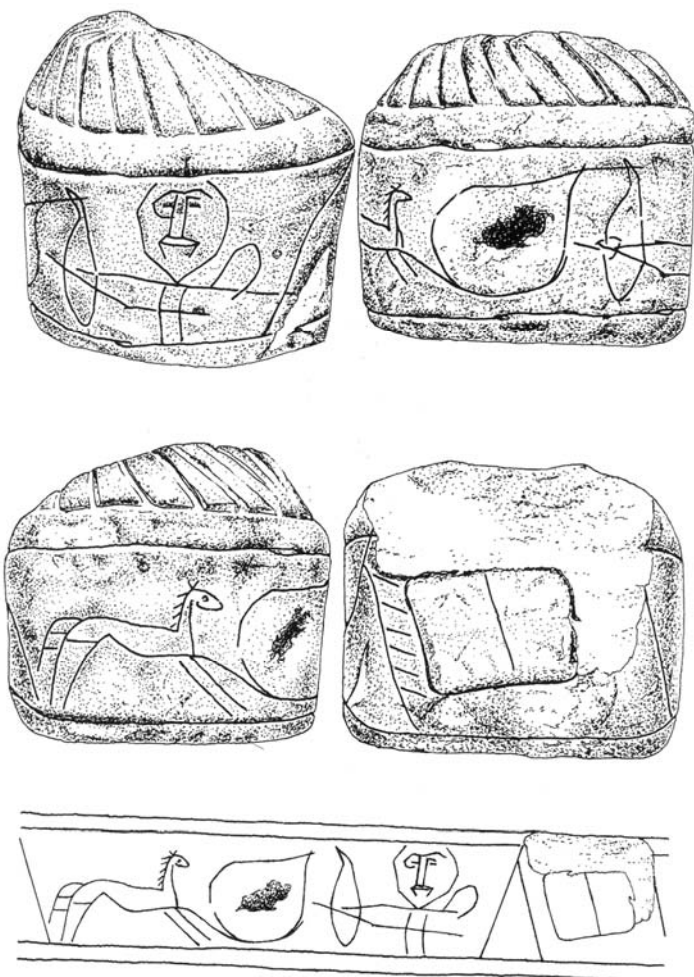

Рис. 4. Каменная модель юрты из Девни.

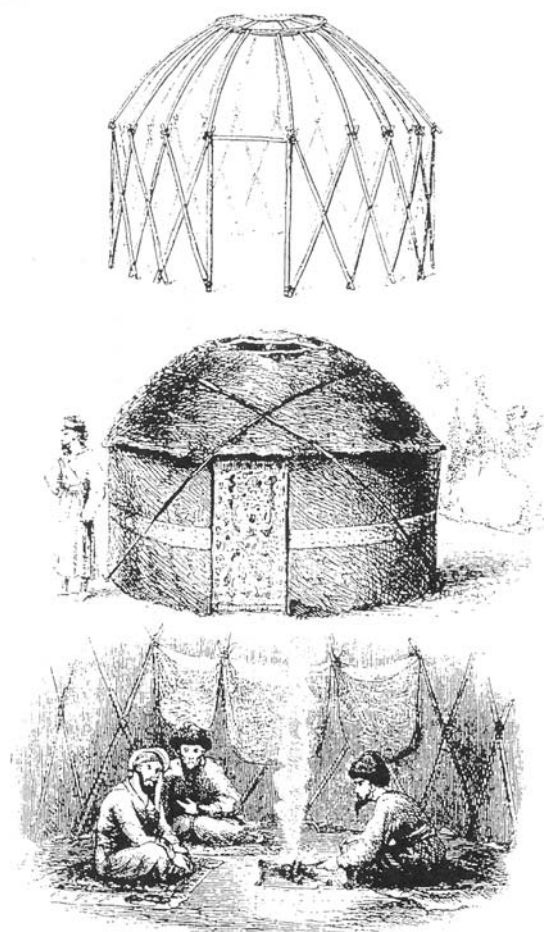

Рис. 5. Конструкция юрты печенегов / огузов (по Spinei, 2003, p. 145).

Просто непонятно почему, при весьма логичной и не один раз доказанной связи между письменными источниками о разгроме Великой Болгарии и последовавшими переселениями больших этнических массивов, все-таки не признается, что речь идет о болгарях.

В специальную статью (Йотов, 2011-b) я обособил один «болгарский» тип сабли (рис. 6). Его можно датировать IX – началом X в., но, имея в виду количество находок, то на Нижний Дунай сабли этого типа пришли с болгарями. Вполне возможно во время переселения, т.н. второй волны, после гражданской войны в Хазарском каганате в начале IX в. и особенно после печенежского нашествия в последней четверти IX в. Недавно я добавил к этому определению «болгарский или византийский» тип, но это в принципе не меняет вывод. Почему? Дело в том, что общее число целых сабель и детали этого типа, которые были найдены в основном в нынешней Северо-Восточной Болгарии, превышает число 100. Пока мне известна только одна такая сабля (рис. 7), найдена в Европе, в Оломоуц, Чехия в могильник венгров X в. (Galuška, 2004, s. 135).

Рис. 6. Сабли «болгарского» типа, распространенные в Северо-Восточной Болгарии.

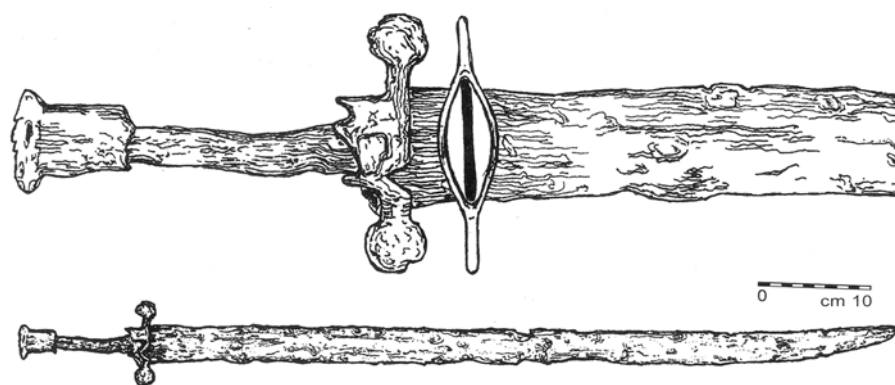

Рис. 7. Сабля «болгарского» типа из венгерского могильника Оломоуц, Чехия.

Стремена

В литературе принимается, что стремяна пришли в Европу благодаря аварам (Hampel, S. 272–273; 277–279; 360–366), но как сказали некоторые авторы, такие как D. Csallány, A. Айбабин – весьма значительной является и роль болгар (Csallány, 1943, S. 160–197; Айбабин, 1974, с. 32–34).

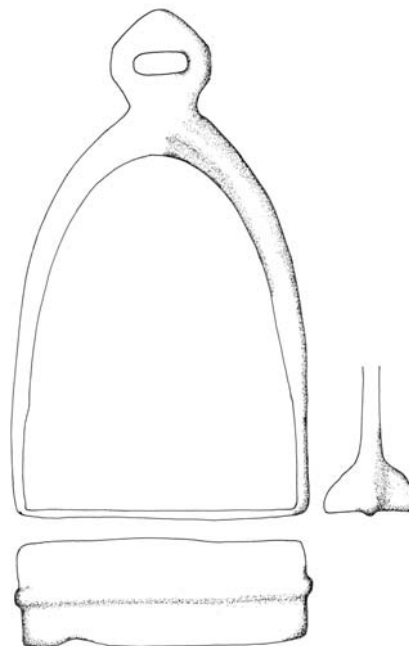

Рис. 8. Стремя «салтовского» типа (по А.В. Крыганову) из Северо-Восточной Болгарии.

Рис. 9. Стремена и оружие из могильника Красен, Русенской области.

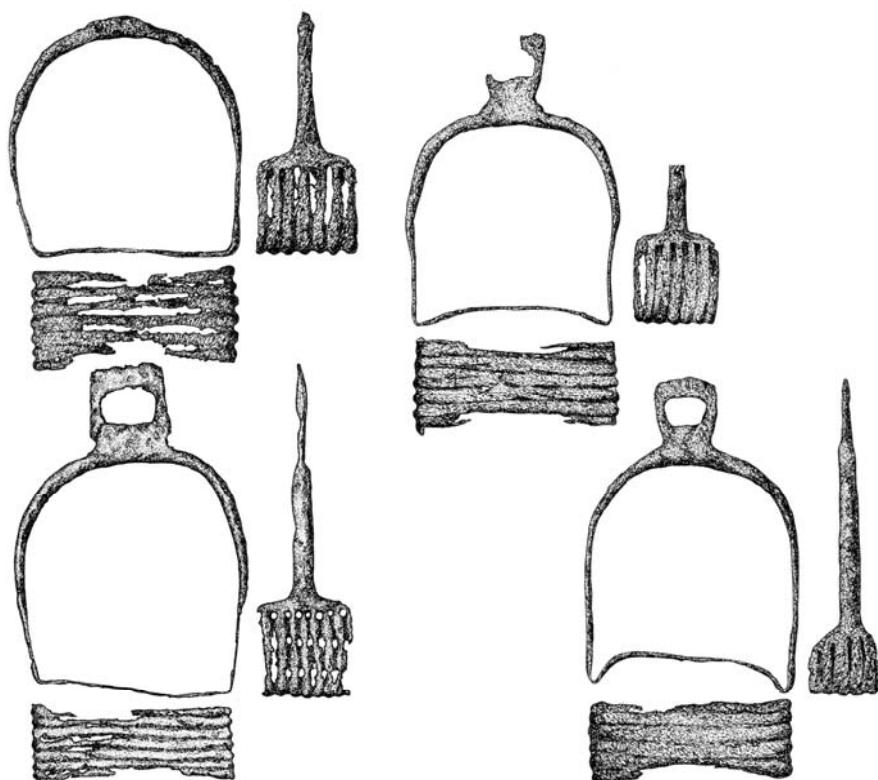

Рис. 10-а. Четыре стремени из состава клада.

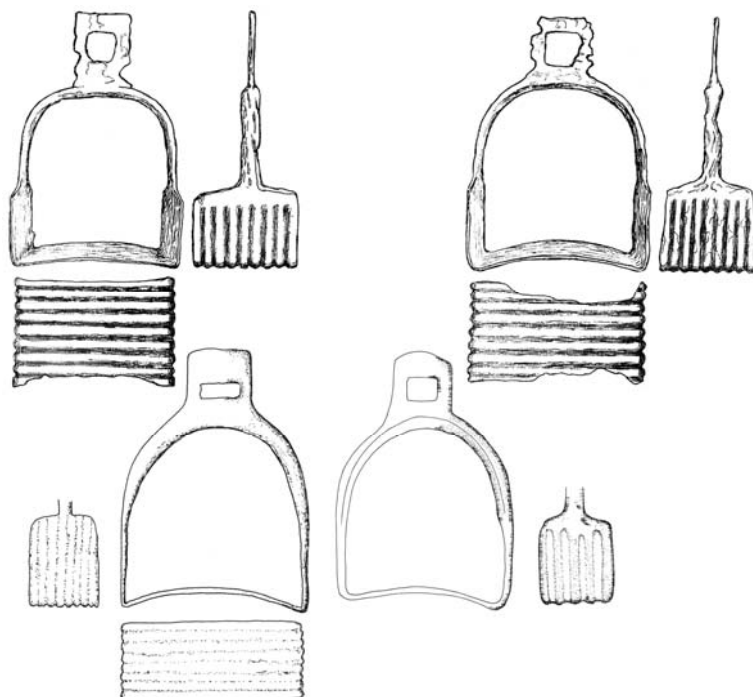

Рис. 10-б. Стремена из могильника Дибич, Шуменской области и из Северо-Восточной Болгарии.

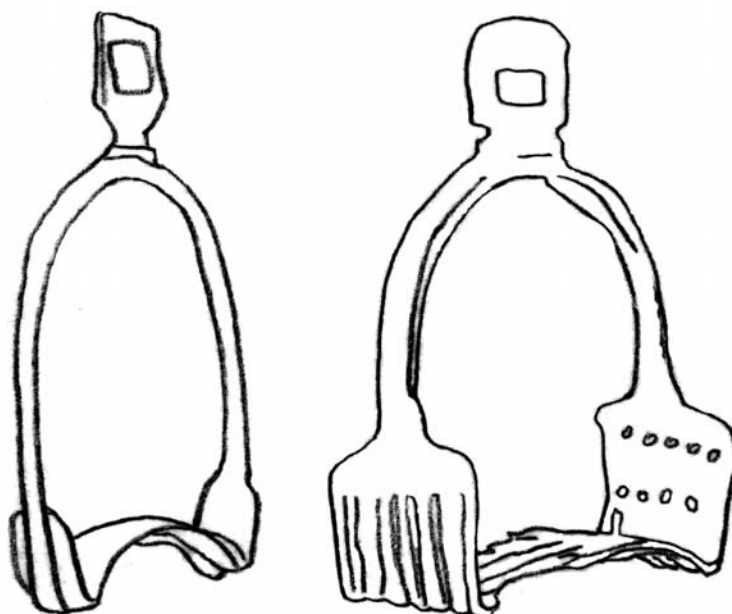

Рис. 11. Стремена из могилы, связанной с Аварским каганатом.

В типологические схемы европейских исследователей включены два типа стремена, которые широко представлены на территории Болгарии (см. в этой связи: Йотов, 2004, с. 139–160; Йотов, 2011-а). В большинстве они найдены в могильниках, которые датируются серединой IX в.

Один тип включает стремена (рис. 8): арковидной или треугольной формы корпуса. Подножка прямоугольная с одним выпуклым ребром в средней части.

Другой тип: арковидная форма корпуса и широкая прямоугольная подножка с 6 до 9 ребрами.

По поводу первого типа, в исследовании А. Крыганова (тип I-B) отмечено, что подобные стремена являются «характерными для второй половины VIII – начала X вв., так называемого салтовского типа» (Крыганов, 1989, с. 110, рис. 2–3).

Этим исчерпываются примеры включения стремен с подобной формой. Отдельные экземпляры открыты в единичных погребениях, связанных с Аварским каганатом (рис. 11; Ковачевич, 1977, с. 117).

Общий счет стремен, найденных в Болгарии таких стремен 14 (мне известны и несколько неопубликованных) – 6 в могилах, 4 в составе клада и 4 с неизвестным местонахождением является значительным, даже по сравнению с найденными в России и на Украине.

Болгария вне Болгарии

В своей книге Рашев отметил, что об языческой культуре Первого болгарского царства следовало говорить как о трех основных регионах: между Дунай и Старой планины, севернее Дуная и южнее Стары планиной.

Дело в том, что по письменным источникам нам известно, что в период расцвета Языческой Болгарии она расширилась и включила территории нынешней Румынии, Молдовы, Сербии и др. Одновременно с этим, с редким исключением нигде не были найдены памятники массовой (пра)болгарской культуры, как ее знаем из Северо-восточной Болгарии. Попытки включить, в том числе металлические бляшки и пряжки византийского типа, и определять их как болгарские совершенно несправедливо. Малый процент лощеной керамики в так называемой «культуре Дриду» тоже ставит вопрос о том, что это культура оставлена смешанным населением – славян и праболгар и этот факт тоже отмечен Рашевым (Рашев, 2008, с. 341).

Конечно, были важные регионы, где наверно располагались военные отряды, чтобы контролировать администрацию, границы или важное производство. Пока следы подобного присутствия имеем частично изученным на левом берегу Дунайской дельты (Йотов, 2007, с. 125–137 и лит.), в Трансильванию (Семь городов / Семиградья, см. Йотов, 2010: с. 487–495 и лит.). Населения не хватало и, наверно, поэтому центральная власть посылала только военачальников, чиновников или переселяли пленников – таков был случай с византийской фемы Македонии посланы севернее р. Дуная в 813 г.

Вопрос о том, что можно отменить и что можно добавить к болгарской языческой культуре VII–IX вв. остается открытым. Исследования в будущем дадут ответы на новые вопросы перед изучением болгарской языческой культуры.

Литература

- Annales Fuldensis: – Annales Fuldensis, ЛИБИ, П. София, 1960.
- Айбабин, 1974: – Айбабин А. Стремена Перещепинского типа // СГЭ, XXXIX, 1974, с. 32–34.
- Балинт, 1995: – Балинт Ч. Введение в археология авар. // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995, с. 44 и др.
- Бешевлиев, 1981: – Бешевлиев В. Първоболгарите – бит и култура. София, 1981.
- Ваклинов, 1977: – Ваклинов С. Формиране на старобългарската култура. София, 1977, с. 135.
- Въжарова, 1976: – Въжарова Ж. Славяни и прабългари по данни на некрополите от VI–XI в. на територията на България. София, 1976.
- Гавритухин, 2001: – Гавритухин И. Хронология «среднеаварского» периода // Степи Европы в эпоху средневековья, 2. Донецк, 2001, с. 149.
- Георгиев, 1997: – Георгиев П. Кръглата дървена постройка в Плиска (Принос за изучаване на българския дворец церемониал от началото на IX в.) // Проблеми на прабългарската история и култура, 3, 1997, с. 296–312;
- Дайм, 2002: – Дайм Ф. История и археология авар // МАИЭТ, IX, 2002, с. 306, 308.
- Георгиев, 2002: – Георгиев П. За хронологията и характера на дървеното строителство в Плиска // ИНМШ, 10, 2002, с. 73–85.
- Георгиев, 2005: – Георгиев П. Големият земен вал в Добруджа – исторически бележки // АМВ III-1 (Българските земи през средновековието (VII–XVIII в.)), 2005, с. 23–39.
- Йотов, 2007: – Йотов В. Нови данни за старобългарски некрополи (принос към археологическата карта на средновековна България) // Изследвания по българска средновековна археология (сборник в чест на проф. Рашо Рашев), Велико Търново, 2007, 125–137.

Йотов, 2008: – Йотов В. Прабългарски или... (1). Кой етнос оставя мегалитните паметници «девташлари» // ИНМВ, 43 (58), 2008 (в печати).

Йотов, Атанасов, Йотов, 2009: – Йотов В., Атанасов Г., Йотов Й. Ранносредновековно укрепление до с. Преселенци, община Ген. Тошево // АОР за 2008. София, 2009.

Йотов, 2010: – Йотов В. Българският контрол на «Пътя на солта» в Трансилвания през IX в. (археологически данни) // Великотърновският Университет «Св. Св. Кирил и Методий» и българската археология. Велико Търново, 2010, с. 487–495.

Йотов, 2011-а: – Йотов В. Стремената на прабългарите // Сб. Добруджа, 22, 2011 (в печати).

Йотов, 2011-б: – Йотов В. Ранние сабли (VIII–X вв.) на Нижнем Дунае // Культуры Евразийских степей, Самара, 2011 (в печати).

Ковачевич, 1977: – Ковачевић Ј. Аварски каганат. Београд, 1977.

Крыганов, 1989: – Крыганов А. Восточноевропейские кочевнические стремена второй половины VII–X вв. // Вестник Харьковского университета, 1989, № 343, история, вып. 23, с. 110–111.

Рашев, 1976: – Рашев, Р. Модел на юрта от Девня // Археология, 1, 1976, с. 39–45.

Рашев, 1992: – Рашев Р. Девташларите – мегалитни паметници на българската езическа култура // Плиска – Преслав, 5, 1992, с. 5–34.

Рашев, 2003: – Рашев Р. Съмнителни и недостоверни паметници на прабългарската култура // *Studia protobulgarica et mediaevalia europensia*. В чест на проф. В. Бешевлиев. София, 2003, с. 158–174.

Рашев, 2007: – Рашев Р. Праболгары на Юго-Западной окраине Евразийской степи // Средневековая археология евразийских степей, 1. Казань, 2007, с. 104–105, рис. 1–6.

Рашев, 2008: – Рашев Р. Българската езическа култура VII–IX в. София, 2008.

Тотев, Пелевина, 2011: –Тотев Б., Пелевина О. Сокровище из Врапа (Албания) и аристократическите погребения болгар Нижнего Дуная (см. в этом сборнике).

Шкорпил, 1905: – Шкорпил К. Мегалитические памятники // ИРАИК, X, 1905, с. 372–384.

Fidler, 1992: – Fidler U. Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau, 1, 2. – Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Band, 11. Bon, 1992.

Hampel, 1905: – Hampel J. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig, 1905, II; III.

Csallány, 1943: – Csallány D. A Deszk D. – számú temető avar sírjai // АЕ, 1943, 160–197.

Galuška, 2004: – Galuška L. Slované doteky předků. O životě na Moravě 6.–10. století. Brno, 2004.

Spinei, 2003: –Spinei V. The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century. București – Brăila, 2003.

www.iianthropology.org – <http://www.iianthropology.org/rashorashevrbbg.html>

www.museumsilistra.net1.cc – http://www.museumsilistra.net1.cc/index.php?option=com_content&view=article&id=73:2008-04-20-13-10-05&catid=1:latest-news&Itemid=55

К ТИПОЛОГИИ И ХРОНОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ IX–X вв.

Е.П. Казаков

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, г. Казань

Появление страны волжских болгар в Среднем Поволжье явилось следствием масштабных миграций в Восточной Европе. Основными компонентами в них являлись тюркские и угорские племена, которые неоднократно проникали в регион. Взаимодействие их разобрано в достаточно большом числе статей и в монографиях [1, 2]. В то же время исходные этнокультурные данные этих племен, чаще всего, рассматривались в достаточно общем плане.

В настоящее время появилась возможность на конкретном, в том числе и на новом, археологическом материале, структурировать и датировать тюркские компоненты, которые появились на Средней Волге в IX–X вв. Более четким становится представление о том, с какими объединениями племен и государственными образованиями они соотносимы.

Культуру ранней Волжской Болгарии, в первую очередь, связывают с приходом сюда, не ранее середины VIII – начала IX в. из районов салтовской культуры тюркоязычных болгар. В большинстве своем для них характерны захоронения в простых ямах, лишь немного превышающую длину костяков. Погребенные, ориентированные головой на запад, сопровождалась небогатым вещевым материалом, в состав которого входили лепные горшки, круговые кувшины, серьги с напускными бусами, поясные наборы, снаряжение коня, бытовые изделия (ножи, предметы огнива, напярсла и т.д.) Такие захоронения отмечены в Большетарханском, Танкеевском, Автозаводском и других некрополях, являющихся реперными для характеристики культуры ранних болгар (рис. 1). Классическими являются захоронения Большетарханского могильника. В них фиксируется, помимо погребального обряда, комплекс вещевого инвентаря четко увязываемый с болгаро-салтовскими древностями. В него входят круговые сосуды с бомбовидным туловом, украшенные полосами лощения, широкой горловиной со сливом, пологой ручкой; серьги с напускными бусами; накладки на ремень с орнаментом в виде трилистника. Специфические детали последних достаточно хорошо увязываются с культурой средневековых народов, так как при ханских ставках, даже кочевых племен, существовали своеобразные школы ювелирного производства, изготавливавшие поясные наборы, престижные для воина-всадника. Со второй группой тюркоязычного населения можно связывать захоронения в глубоких и длинных могилах, часто с подбоями и заплечиками, сопровождаемые шкурой животного (рис. 1, погр. 522; рис. 2, 2–4). Истоки такого обряда имеются в турбаслинско-именьковских памятниках Урало-Поволжья, соотносимых с поздними сарматами [3]. Во второй половине VII в. угорскими кочевниками манякского этапа они были оттеснены в районы Саратовского Поволжья, где в VIII – первой половине IX в. находились во взаимодействии с северо-восточными группами болгаро-салтовского населения, подвергаясь тюркизации. Свидетельством этого являются некрополи, которые оставили болгары продвигаясь на север вдоль правого берега р. Волги. В них встречены захоронения в глубоких и длинных ямах, сопровождаемые шкурой животных, чаще всего коня, от которых сохранялись череп и кости ног. Такие погребения выявлены в Усть-Курдюмском могильнике (рис. 2, 4) в окрестностях г. Саратова [4], в Автозаводском (рис. 2, 3) в г. Ульяновске [5], в вышеуказанном Большетарханском I и II могильниках, в Танкеевском и других некрополях. В них отмечено около 150 могил с такими комплексами.

Факты взаимодействия отмечаются и в вещевом материале. Так в погребениях с конем встречается круговая салтовская кувшинообразная посуда, которая хотя и привнесена в Подонье аланами Северного Кавказа, однако, на Средней Волге выступает в качестве специфической посуды нового народа – волжских болгар. Характерным для захоронений второй группы является сопровождение лепными кувшинами, имитирующим салтовские круговые образцы (в Танкеевке – 57 экз. – 10% всего керамического материала). Тесным взаимодействием с уграми, которые во второй половине IX в. в массе осели в Западном Закамье [6],

объясняется сопровождение погребений с конем серебряными масками. Поэтому они встречены только в этом районе (в Танкеевском могильнике более 40 погребений) в то время, как на правобережье р. Волги их нет. Таким образом, специфическими элементами культуры второй группы населения характерны ямы усложненной конструкции, шкуры лошади, лепные кувшины, погребальные маски. Кроме того, в погребениях воинов-всадников постоянно встречаются боевые топоры, что не характерно для болгаро-салтовского населения (рис. 3). Более богатыми, особенно в женских могилах, являются комплексы украшений. Явно другими мастерами изготовлялись и накладки на ремень. В целом вторую группу населения можно отнести к тюркизированному кругу сармат, испытавшим и угорское влияние.

По археологическим материалам выявляются и собственно хазарские древности на территории ранней Волжской Болгарии. В Ульяновском Заволжье самарскими археологами отмечаются захоронения, окруженные подквадратными ровиками, над которыми позднее сооружался курган (рис. 4, 1, 2). Такие памятники, справедливо относимые к хазарам [7], хорошо известны в южном междуречье Волго-Донского региона (рис. 4, 3–5), которые являлись центром владений хазарского каганата. Сооружение ровиков отражало принесенную с востока традицию тюркских племен окружать таким образом жертвенную площадку захоронений.

Вещевой материал таких комплексов как на Нижней, так и на Средней Волге близки к болгаро-салтовским. Так отмечаются лепные горшки, круговые одноручные кувшины. Однако в них встречается и своеобразная группа, подправленных на кругу одноручных кувшинов с шаровидным туловом, украшенным неровными волнистыми поясками (рис. 5, 1–6). На шейках и ручках их отмечаются шишкообразные налесты. Такие сосуды встречены в захоронениях Танкеевского могильника, рубежа IX–X вв. (рис. 5, 3–7). В сторону усиления ажурно-растительной орнаментации отличаются от собственно салтовских и накладки на ремень из хазарских памятников [8].

Кроме Танкеевки образцы одноручных кувшинов с ассиметричным волнистым орнаментом отмечены в относимых к характерам подкурганых погребениях могильника Кривая Лука [9] в Нижнем Поволжье (рис. 5, 1), Уреньском могильнике в Ульяновской Поволжье (рис. 5, 2). В то же время В.Е. Флерова полагает, что данная группа сосудов пришла на юг по р. Волге из ранней Волжской Болгарии [10]. В данной работе исследовательница соглашается с мнением Е.П. Казакова о том, что памятники новинковского типа на Самарской Луке не связаны с древностями волжских болгар [11].

В вышеотмеченной, а также в другой статье [12] В.Е. Флерова отмечает многочисленные и противоречивые точки зрения по вопросу о принадлежности средневековых памятников с подкурганскими ровиками в степной части Восточной Европы. По ее мнению в формировании культуры этой группы свое влияние оказали поздние сарматы. В определенной мере это могло быть, так как сарматский компонент отмечается и в ранней Волжской Болгарии (см. выше). Однако, многие материалы, в том числе локализация наиболее богатых и многочисленных памятников в своеобразном «домене» кагана (рис. 4А), хронология их и др. [13], позволяет относить их к хазарам. В той или иной мере с этим соглашается и большинство археологов.

Вышеописанные три группы раннеболгарского населения, судя по истокам, обряду, вещевому, в том числе культовому, инвентарю, скорее всего, принадлежали к ранним тюркам, или тюркам гунского круга, имевшие своеобразие в языке. К так называемому позднему тюркоязычному населению относятся последующие группы памятников. В числе их новый болгарский, печенежский и огузский комплексы. Два последних представлены лепкой керамикой в виде горшков, кувшинов с орнаментом, выполненным лощильной палочкой, котлами с внутренними ушками (рис. 6), имеющими аналогии в кочевнических древностях Подонья и Приазовья. На поздней части Танкеевского могильника расчищено погребение 623. В отличие от остальных захоронений памятника умерший находился в широкой яме головой в восточном направлении. Слева от него, головой в том же направлении была вытянута шкура («кукла») лошади с головой и ногами. На месте спины её сохранились остатки седла (рис. 7). С.А. Плетнева относала такие захоронения к печенегам и датировала X–XI вв. [14].

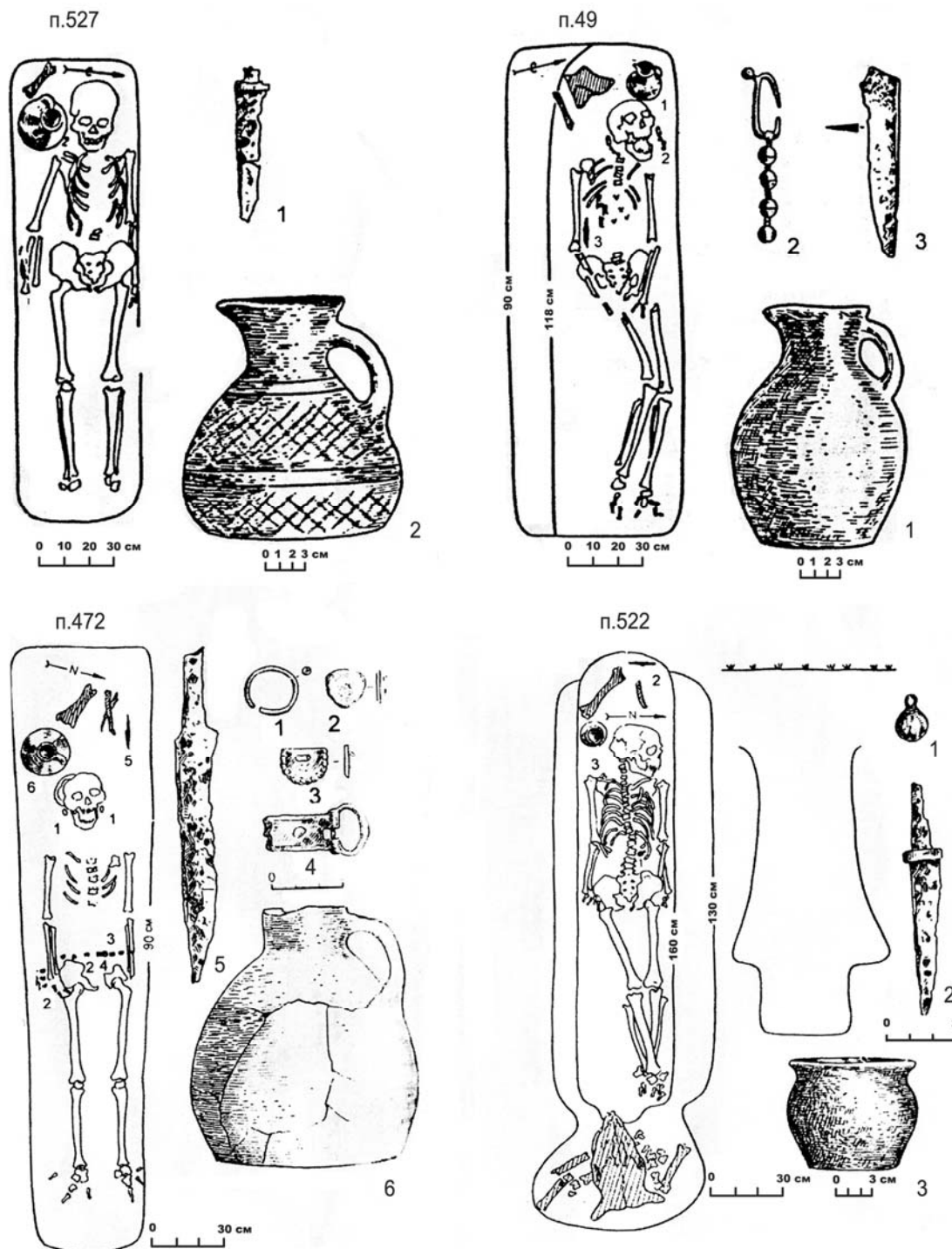

Рис. 1. Планы раннеболгарских погребений из Танкеевского могильника.

В настоящее время выявлен другой комплекс поздних тюркоязычных кочевников – огузов. Он представлен изделиями из цветного металла в виде крыловидных нашивок, копоушек с крупными ажурными рукоятками, рядом накладок на ремень (рис. 8, 1–5). Такие изделия отмечены на поселениях волжских болгар, которые появились в 60-е годы X в. Видимо, в результате походов Святослава из Приазовья в Среднее Поволжье переселяются новые группы болгар, еще на юге, принявшие мусульманство. Вместе с этой, второй волной болгар, приходят тюркоязычные кочевники и часть славян. Достаточно точно представлены комплексы кочевников. Они принесли характерную лепную посуду, предметы быта, одежды, а также руническую письменность [15].

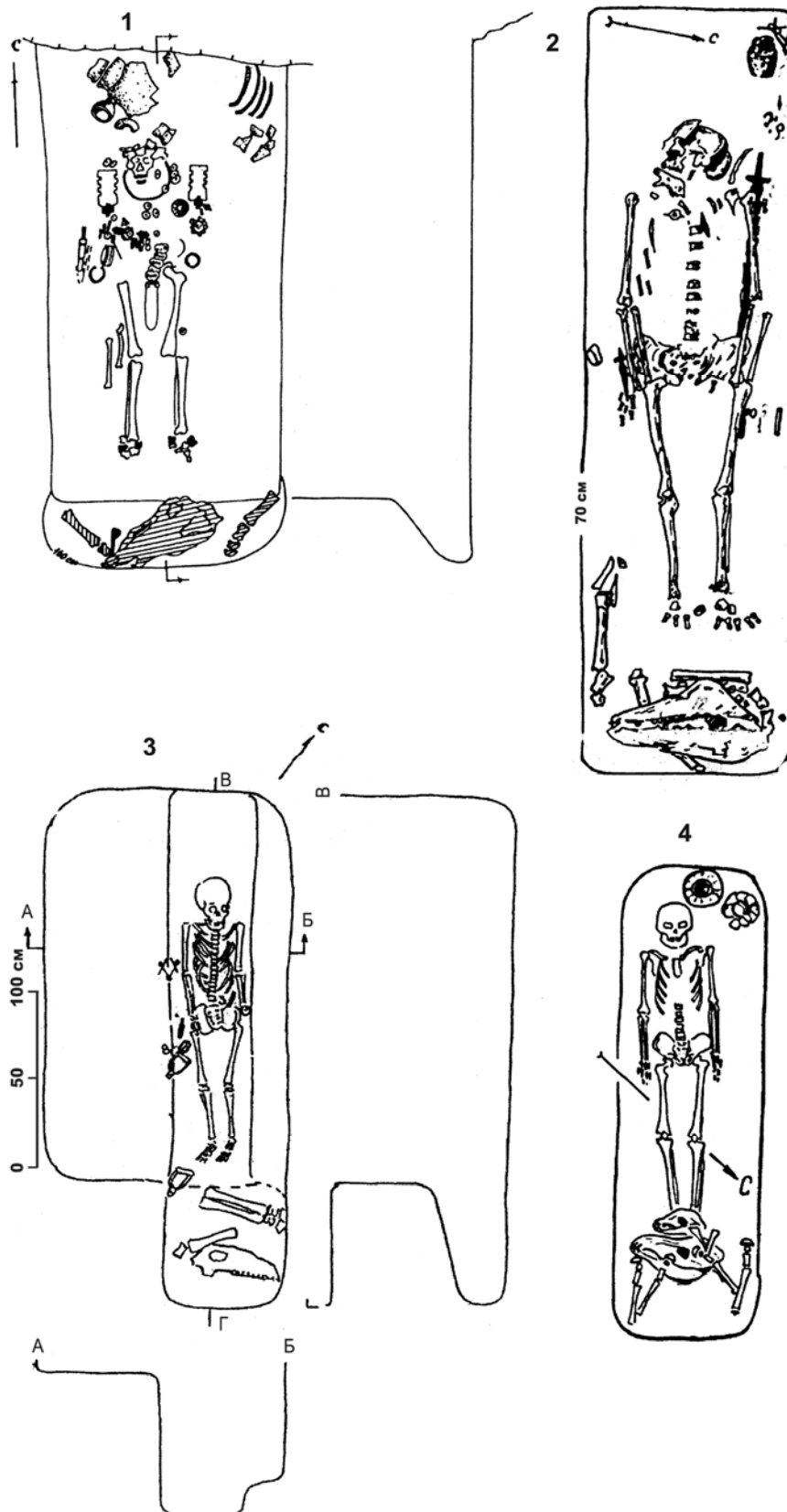

Рис. 2. Захоронения с комплексом коня.

- 1 – II Коминтерновский могильник турбаслинской культуры,
 2 – I Большетарханский могильник,
 3 – Автозаводской могильник, 4 – Усть-Курдюмский могильник.

п.770

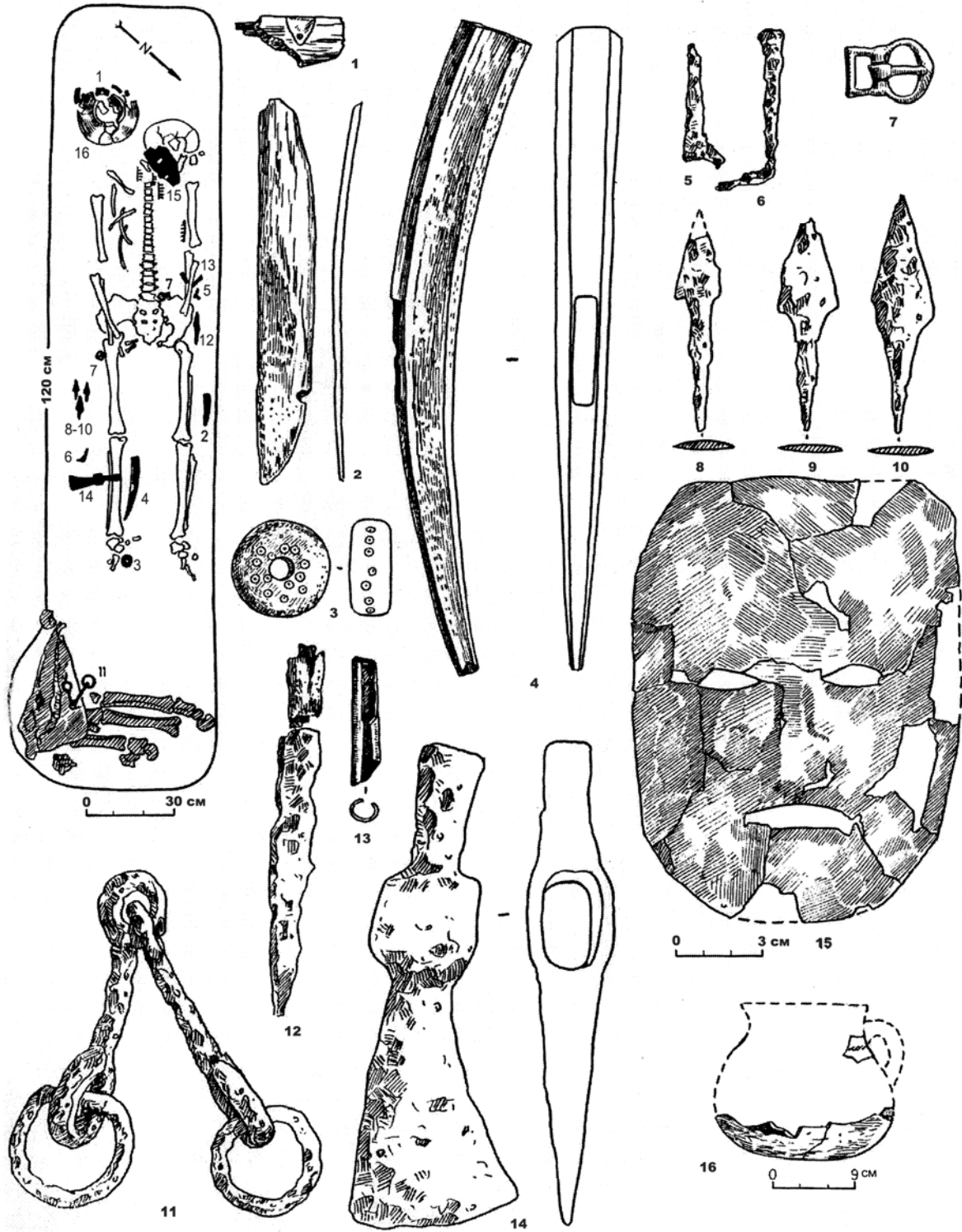

Рис. 3. План и вещевой комплекс погр. 770 Танкеевского могильника.

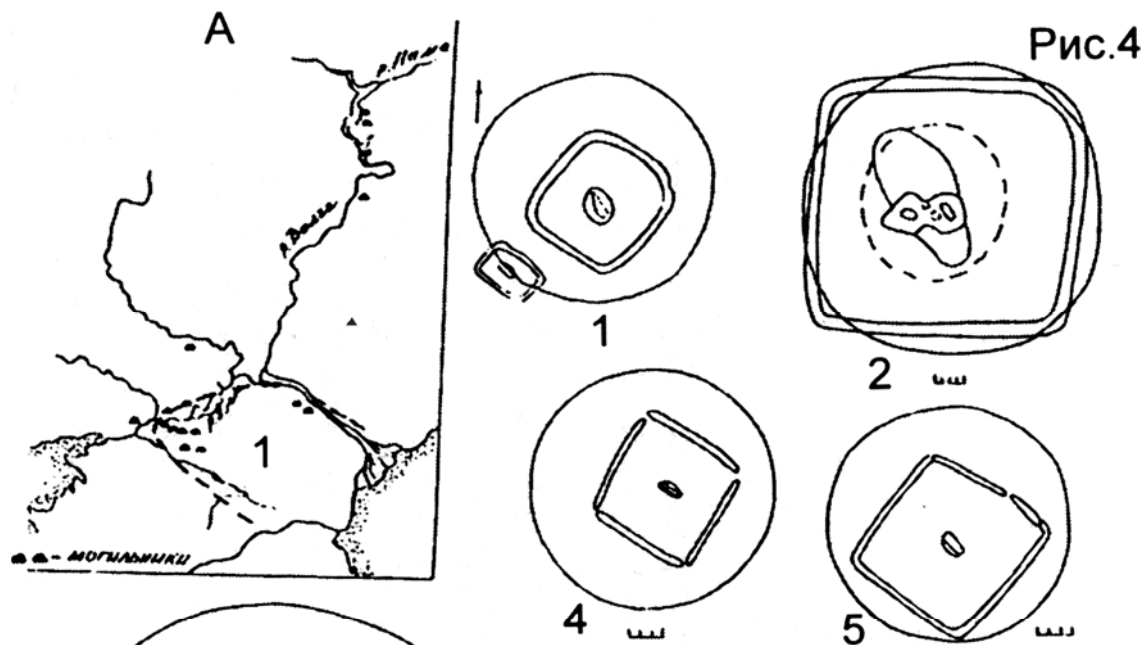

Рис.4

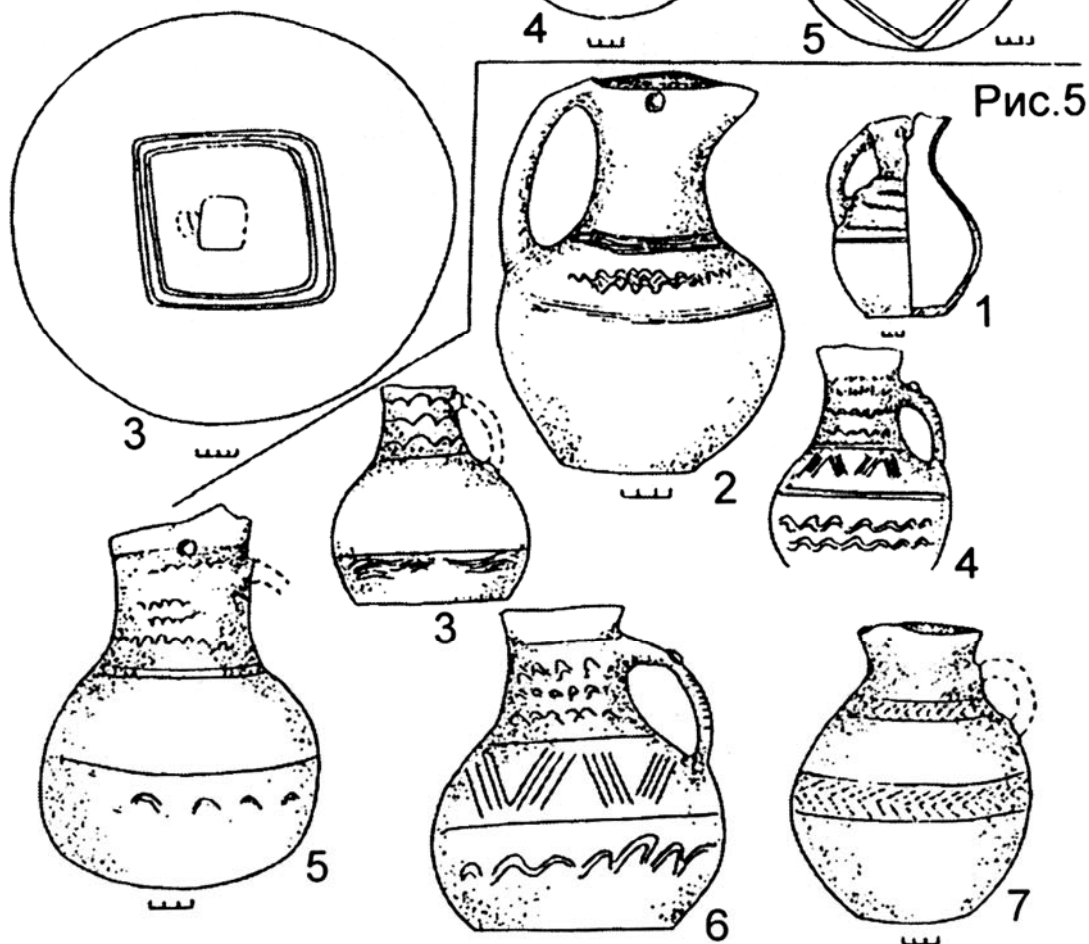

Рис.5

Рис. 4. Подкурганые могильники и погребения с ровиками. А – 1 – предполагаемая центральная часть владения каганата Хазарии. 1 – курган 1 Старомайнского могильника, 2 – курган 4 могильника Урень, 3 – курган 5 могильника Кривая Лука XXVII, 4 – курган 12 Новосадковского могильника, 5 – курган 22 Новосадковского могильника.

Рис. 5. Одноручные кувшины «хазарского» типа. 1 – курган 5 могильника Кривая Лука XXVII; 2 – погр. 1, курган 4 могильника Урень; 3-7 – керамика из Танкеевского могильника. 3 – погр. 894, 4 – погр. 645, 5 – погр. 870, 6 – погр. 552, 7 – погр. 1130.

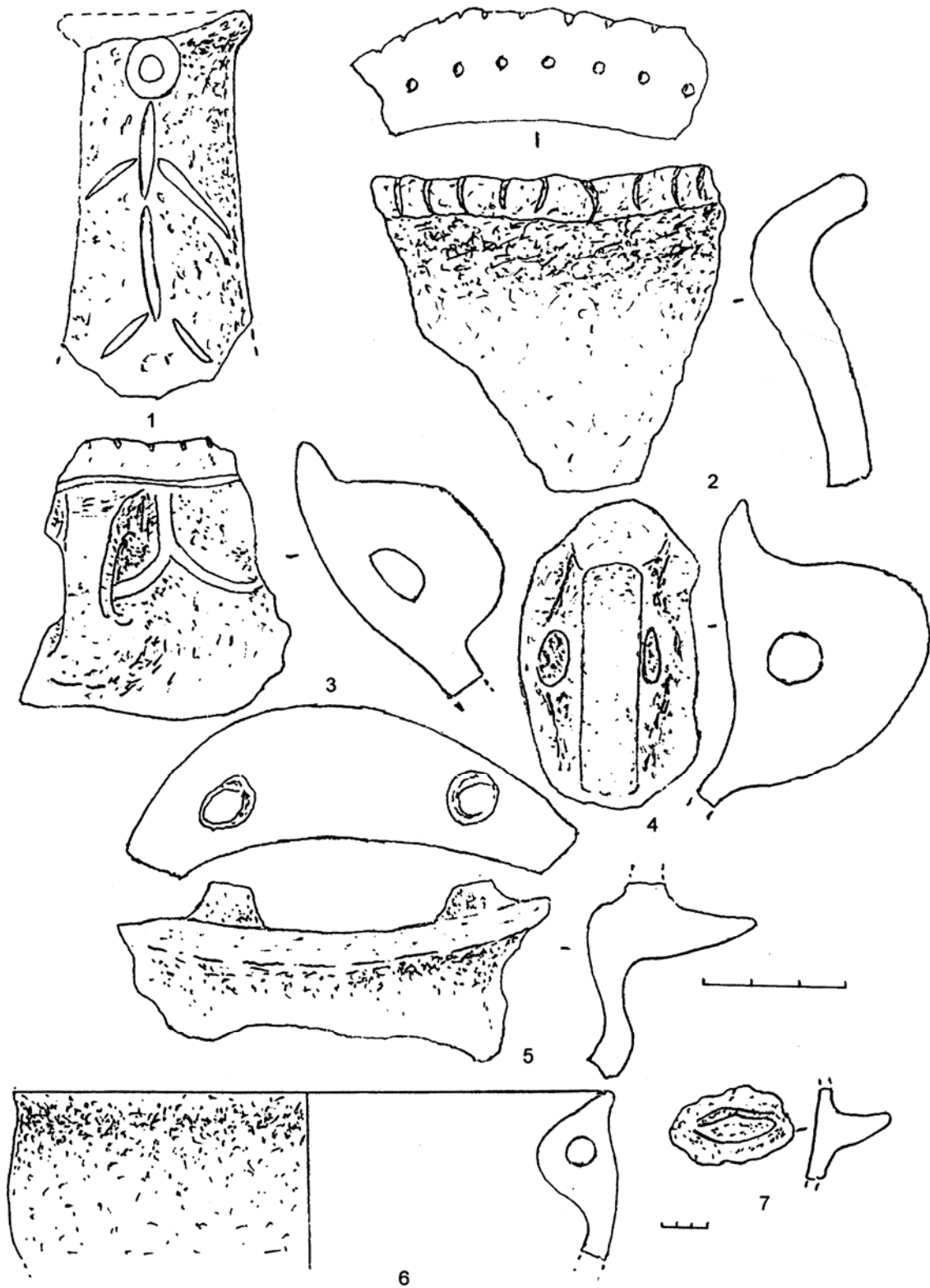

Рис. 6. Лепная керамика тюркских кочевников в X–XI вв. из Измерского селища.

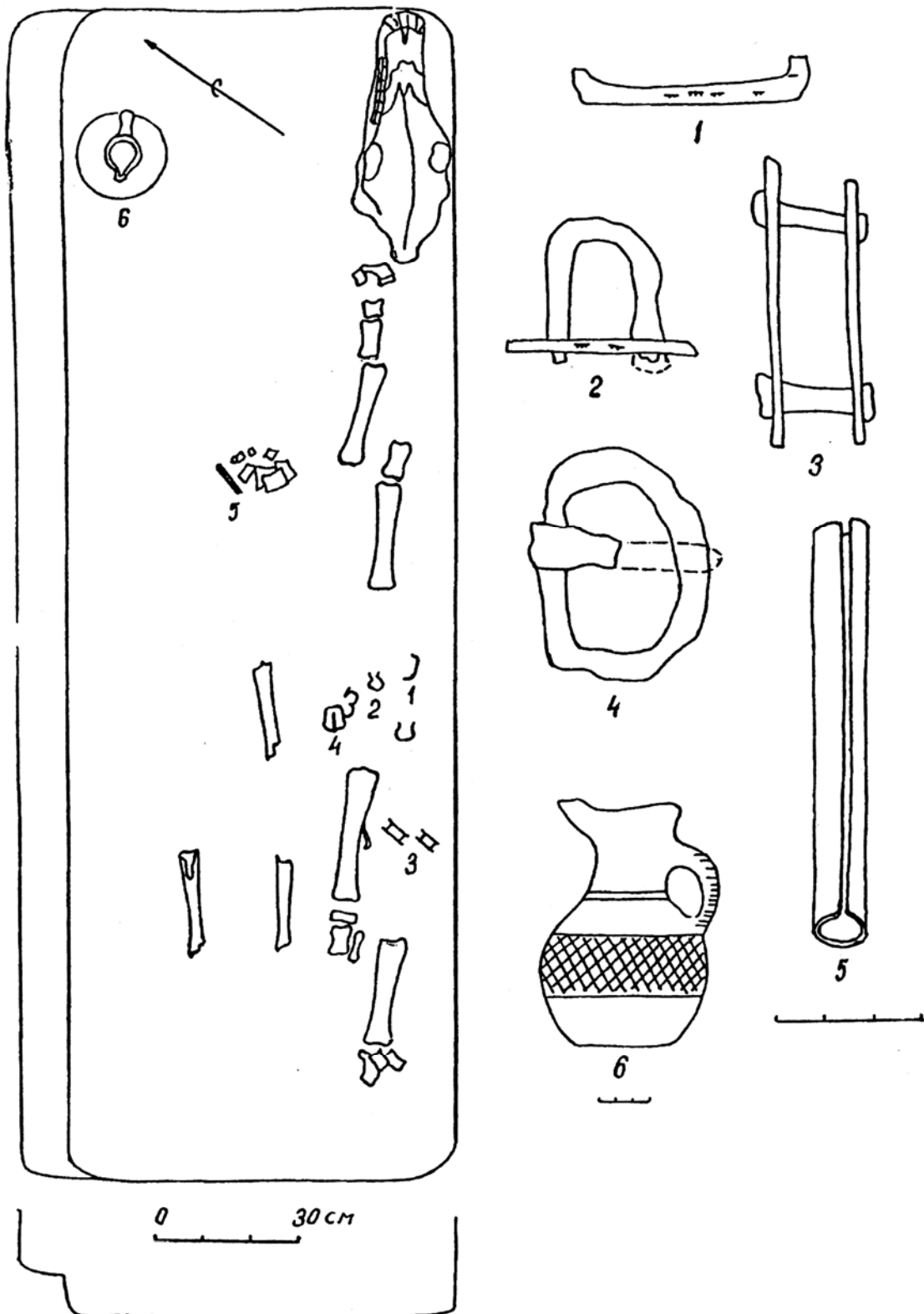

Рис. 7. Печенежское погр. 623 из Танкеевского могильника.

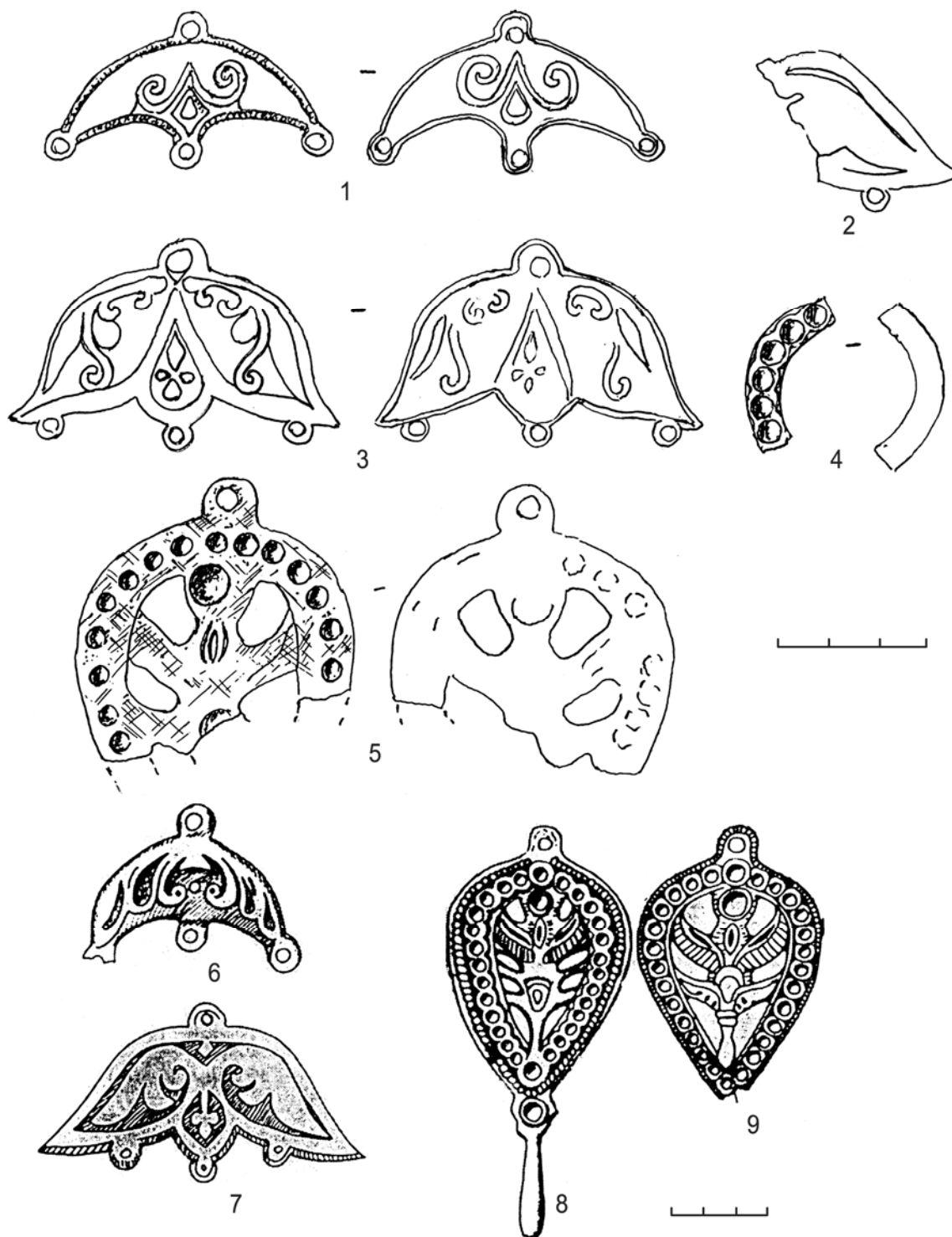

Рис. 8. Изделия огузов. 1, 3, 4, 10–13 – Измерское селище;
4 – Речное селище; 6–9 – аналогии из памятников огузов.

Представленные материалы позволяют отмечать, что в формировании культуры и этноса волжских болгар принимали участие несколько волн тюркоязычного населения, которое, в основном, происходило из областей юго-восточной Европы. Хронологически первые три этнокультурные группы относятся ко времени расцвета Хазарского каганата, от которого в определенной мере ранняя Волжская Болгария зависела. В культуре этих групп продолжались традиции ранних тюрок в Восточной Европе гунского круга. Вероятно, этнически к ним близки и болгары второй волны, однако, это оседлое мусульманизированное, земледельческое население

по культуре явно отличалось. В составе нового государства на Волге оно все больше подвергалось воздействию со стороны объединений поздних тюркоязычных кочевников [16].

Литература

1. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
2. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М., 1992.
3. Казаков Е.П. К проблеме выявления древностей средневековых сармат Урало-Поволжья // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений. Казань, 2006. С. 155–161.
4. Максимов Е.К. Находка раннеболгарских погребений близ Саратова // Из истории ранних болгар. Казань, 1981. С. 108–110.
5. Казаков Е.П., Семькин Ю.А., Вискалин А.В. Автозаводской раннеболгарский могильник на территории Ульяновска // Материалы первой научной конференции, посвященной С.Л. Сытину. Ульяновск. 2004. С. 207–219.
6. Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань, 2007. С.47.
7. Казаков Е.П. К вопросу о хазарском и угорском компонентах в культуре ранней Волжской Болгарии // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999. С. 64–73.
8. Копылов В.П., Иванов А.А. Погребение знатного воина хазарского времени из могильника Саловский // Средневековые древности Дона. М.; Иерусалим, 2007. С. 152, рис. 17.
9. Федоров-Давыдов Г.А. Погребения хазарского времени из урочища «Кривая Лука» в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1984. С. 990, рис. 8, 1.
10. Флерова В.Е. Подкурганые погребения восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Донецк, 2001. С.180.
11. Там же. С. 179–180.
12. Флерова В.Е. Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа // РА, № 2. 2001. С. 71–82.
13. Казаков Е.П. К вопросу о хазарском и угорском компонентах в культуре ранней Волжской Болгарии // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999. С. 64–73.
14. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА, № 52, 1958. С. 153–159.
15. Казаков Е.П. О контактах волжских болгар с огузами в X в. // Материалы Лихачевских чтений. Казань, 2007. С. 191.
16. Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков Низовий Камы. Приложение. Казань, 1991. С. 167–176.

ГОНЧАРНЫЕ МАСТЕРСКИЕ ИСКИ КАЗАНИ (ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ)

Н.А. Кокорина

Институт археологии РАН, г. Москва

Актуальность изучения комплексов гончарных мастерских Русско-Урматского селища, или Иски Казани, назрела в связи с вопросами хронологии памятников Волжской Булгарии, Булгарского улуса Золотой Орды и Казанского ханства. В этих комплексах, благодаря их сравнительно хорошей сохранности и изученности, имеется датирующий монетный и вещевой материал, отражающий, как правило, вполне определенный отрезок времени.

В связи с длительным существованием в Иски Казани гончарных мастерских можно проследить эволюцию болгарского и болгаро-татарского гончарства на протяжении длительного времени, а также выявить влияние на него различных традиций и в целом связать развитие ремесла с историко-политическими событиями той эпохи.

К настоящему времени раскопками изучены четыре комплекса гончарных мастерских (рис. 1): комплекс № 1 – раскоп 4 Н.Ф. Калинина 1956 г. в южной части селища [Калинин, 1956]; комплекс № 2 – раскоп I А.Г. Мухамадиева 1976 г. в северной части селища [Мухамадиев, Фахрутдинов, 1977]; комплекс № 3 – раскоп II Р.Г. Фахрутдинова 1976 г. [Фахрутдинов, Хазиев, 1978], занимающий на Русско-Урматском селище промежуточное положение между 1 и 2 комплексами; комплекс № 4 – раскоп VI Р.Г. Фахрутдинова и Н.А. Кокориной 1983 г. в северной части селища [Кокорина, Фахрутдинов, 1999].

Из четырех комплексов в настоящее время опубликованы материалы лишь последнего [Кокорина, Фахрутдинов, 1999; Кокорина, 1999; 2002]. Изучение этого комплекса, получившего название «дом гончара», дало датирующие керамические реперы для позднезолотоордынского периода и начала эпохи Казанского ханства (конец XIV – середина XV в.). Три первых комплекса гончарных мастерских подготовлены автором к изданию в «Татарской археологии» (вместе с Р.Г. Фахрутдиновым и А.Г. Мухамадиевым).

Задача данной работы – общая характеристика материалов из гончарных мастерских, реконструкция сооружений, осмысление их конструктивных особенностей по периодам, а также специфики вещевого и гончарного комплексов.

Изучение этих материалов (Кокорина, 1999; 2002; 2006; Кокорина, Фахрутдинов, 1999; Кокорина, Фахрутдинов, Мухамадиев, в печати) позволяет охарактеризовать их в хронологической последовательности.

Наиболее ранним среди них является комплекс из раскопа II, исследованного Р.Г. Фахрутдиновым в 1976 г. (рис. 1). В него входят сооружение 1 в виде остатков бытовой печи, сооружения 2 и 3 – ямные очаги (южнее сооружения 1), два гончарных горна к западу от сооружения 1 (рис. 2). Планиграфия сооружений раскопа и их стратиграфическая связь дают основания рассматривать эти объекты как единовременный комплекс.

Исходя из размещения остатков столбовых конструкций, ориентации горнов и бытовой печи (с учетом параметров строительных материалов для данной местности), комплекс реконструируется в виде наземного дома из двух срубов (6×6 м), примыкающих друг к другу по линии З–В (рис. 3). Восточный сруб – камера с бытовой печью – являлся жилым помещением, а западный – камера гончарной мастерской с производственными печами различного назначения.

Горн 1 с цилиндрической камерой (рис. 2, 2) предназначался для отжига поливных изделий и мелочи, подобно горну № 1 XX раскопа Биляра (Кокорина, 2006. Рис. 3, III). Горн 2 с чашевидной топкой (рис. 2, 3, 4) использовался для отжига неполивной посуды. Оба горна имели обкладку устья топки жерновами. Поскольку горны располагались не обычно (в ряд), а перпендикулярно друг к другу и топились из разных топочных ям, можно предполагать, что конструктивно процесс обжига изделий производился во взаимосвязи. Наличие жерновов в устьях горнов также указывает на взаимосвязь их конструкций, использование мехов, крепившихся к их отверстиям. Применение мехов при небольших параметрах топочных рукавов этих горнов обеспечивало необходимый для обжига различных изделий температурный ре-

жим. Размеры горнов (150–165 см в диаметре) наиболее близки биллярскому горну № 1 XX раскопа 1972 г., датированному XI в. (Кокорина, 1983. С. 54–65).

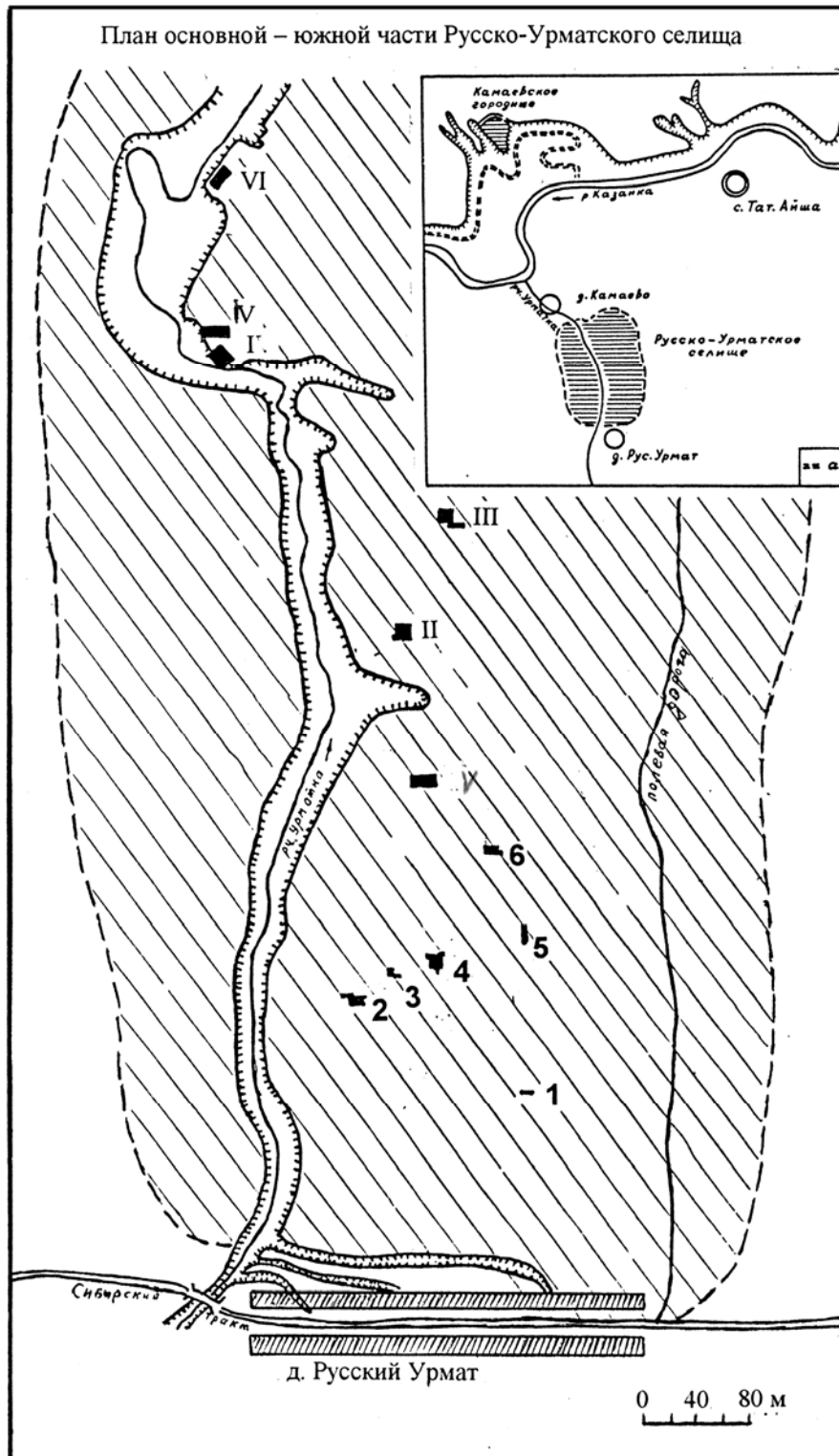

Рис. 1. План южной части Русско-Урматского селища.

Арабскими цифрами пронумерованы раскопы Н.Ф. Калинина 1945, 1951, 1956, 1957 гг.; римскими: I – раскоп А.Г. Мухамадиева 1976 г.; II, III, IV, V – раскопы 1976–1977 гг. Р.М. Хазиева и Р.Г. Фахрутдинова; VI – Р.Г. Фархрутдинова и Н.А. Кокориной 1983 г.

Технологически усложненная конструкция горнов русско-урматской мастерской может датироваться второй половиной домонгольского времени (2 пол. XI – XII в.).

Мастерская, прилегающая к жилому сооружению, – явление новое для данного периода и, вероятно, связанное с переселением гончара на новое место. Этим обстоятельством объясняется рационально близкое (в 56 м) расположение дома-мастерской гончара от источника воды и сырья – реки Урматки, наличие поблизости первичных ямных обжигательных устройств (сооружения 3, 4), экономичность конструкций гончарных печей, а также ограниченность ассортимента и однообразие декора. Все это указывает на раннее возникновение данной мастерской.

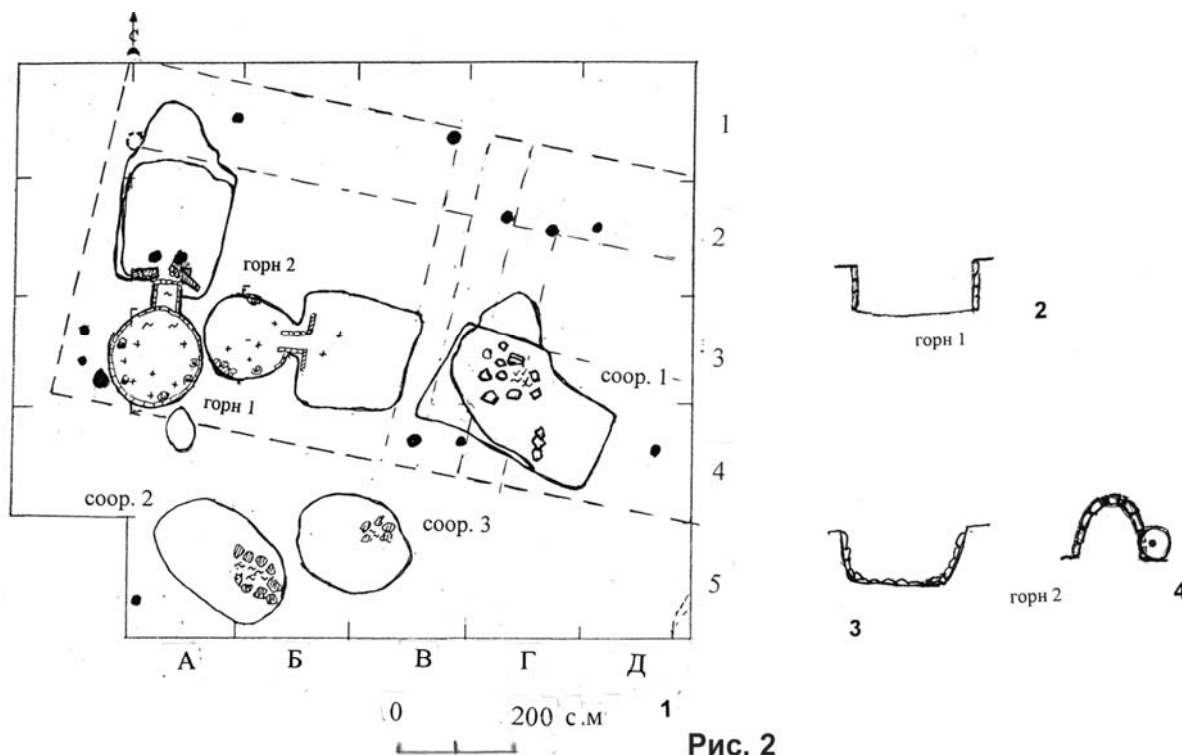

Рис. 2

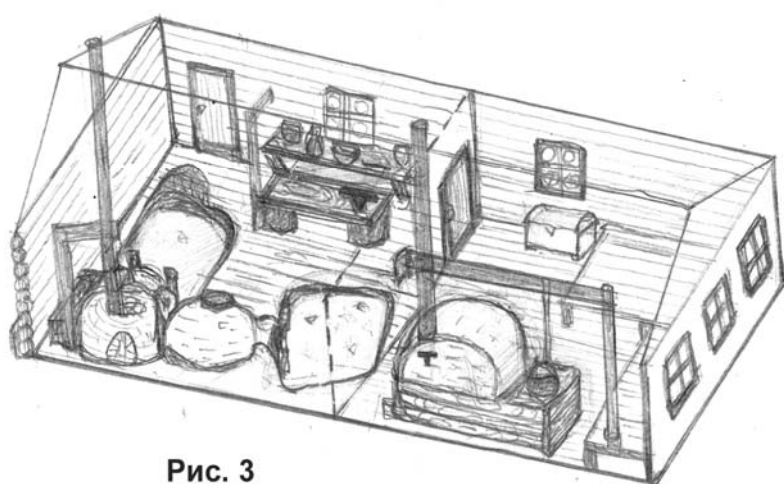

Рис. 3

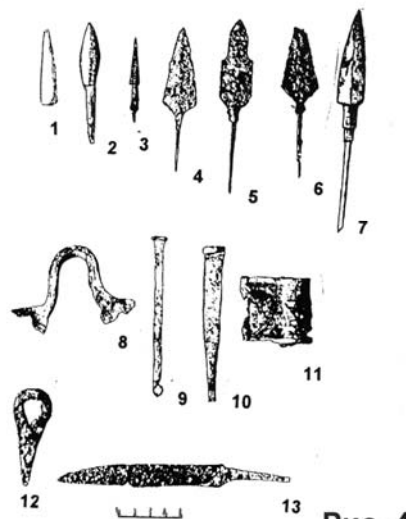

Рис. 4

Рис. 2. План раскопа II 1976 г. (1). Сечения горнов 1 и 2 и остатки горна 2 (2–4).

Рис. 3. Реконструкция гончарной мастерской и жилища гончара по материалам раскопа II 1976 г. Автор Н.А. Кокорина.

Рис. 4. Вещевой материал раскопа II 1976 г. (1–13).

Обратимся к анализу керамических находок.

Керамика из II раскопа насчитывает 12 552 фрагмента. По составу групп керамика сооружений мастерской и дома совпадают: I, VI, XIII, по Т.А. Хлебниковой (1984). По цветовой гамме преобладает красная – 5413 (43%), коричневая – 3544 (28%) и серая – 3374 (27%), есть желтая – 157 (1,6%). С примесями 53 фрагмента – 0,4%, из них с крупным песком – 7 (XIII группа), лепная серая с растительной примесью – 6, серая с раковиной – 38, желто-серая с песком и шамотом – 2. Последние три группы керамики связаны в истоках с финно-угорскими группами населения.

Для позднего материала этой мастерской характерно обилие гончарной серой и производственного брака. В засыпи ее сооружений найдено небольшое количество (473 фрагмента) кирпично-красной посуды с зональным орнаментом золотоордынского времени.

Цветовое соотношение и состав этнокультурных групп керамики в объектах данной мастерской характерны для второй половины домонгольского периода.

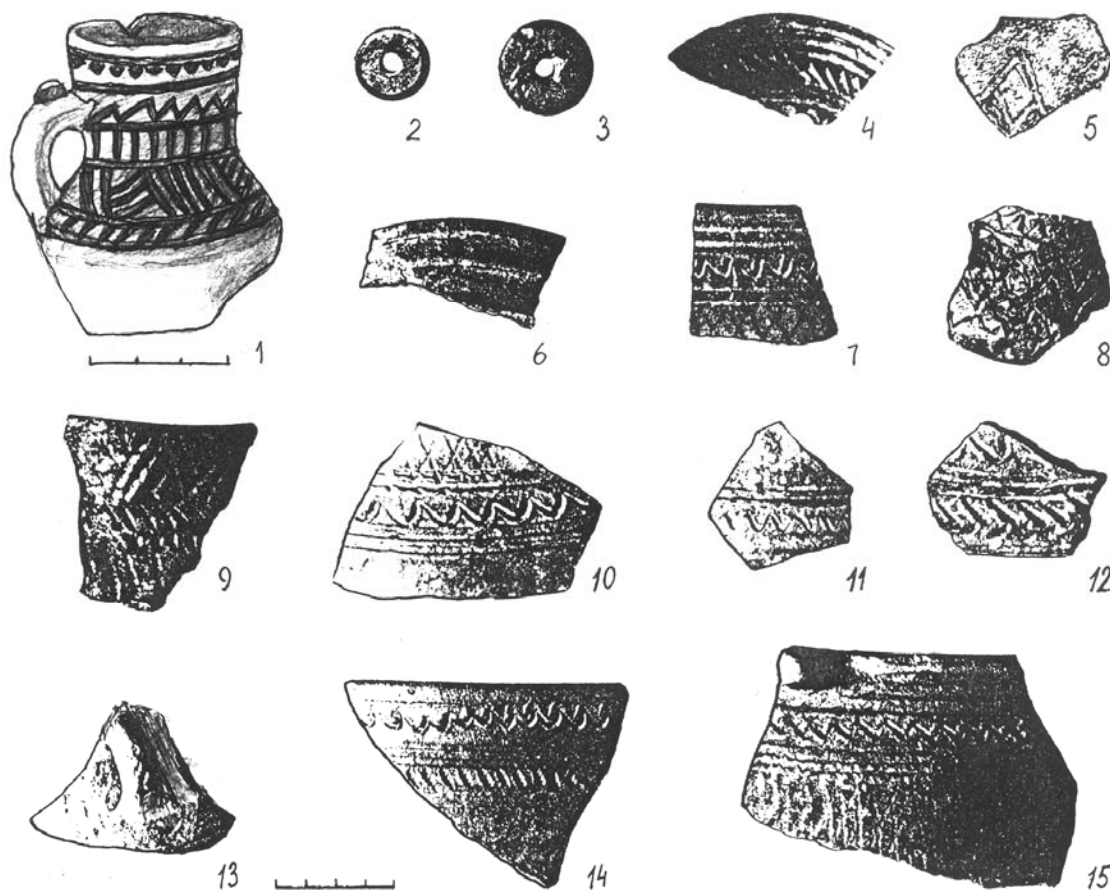

Рис. 5. Керамика из сооружений раскопа II 1976 г. (1–15).

Среди посуды доминируют столовые формы: широкогорлые кувшины (рис. 5, 7, 14, 15), кружки с орнаментом «плетенка» (рис. 5, 1, 9, 13), корчажки (рис. 5, 6), кринки с перекрестным лощением (рис. 5, 10–12), пряслица (рис. 5, 2, 3), крышки от широкогорлых кринок (рис. 5, 4). А-образные клейма по графике идентичны билярским клеймам XI–XII вв. (рис. 5, 5). Использование в оформлении столовой посуды зелено-коричневой поливой, орнамента из плетенки и перекрестного лощения в сочетании с поясами из наколов, резных линий, зигзага характерны для болгарского гончарства второй половины XI–XII в.

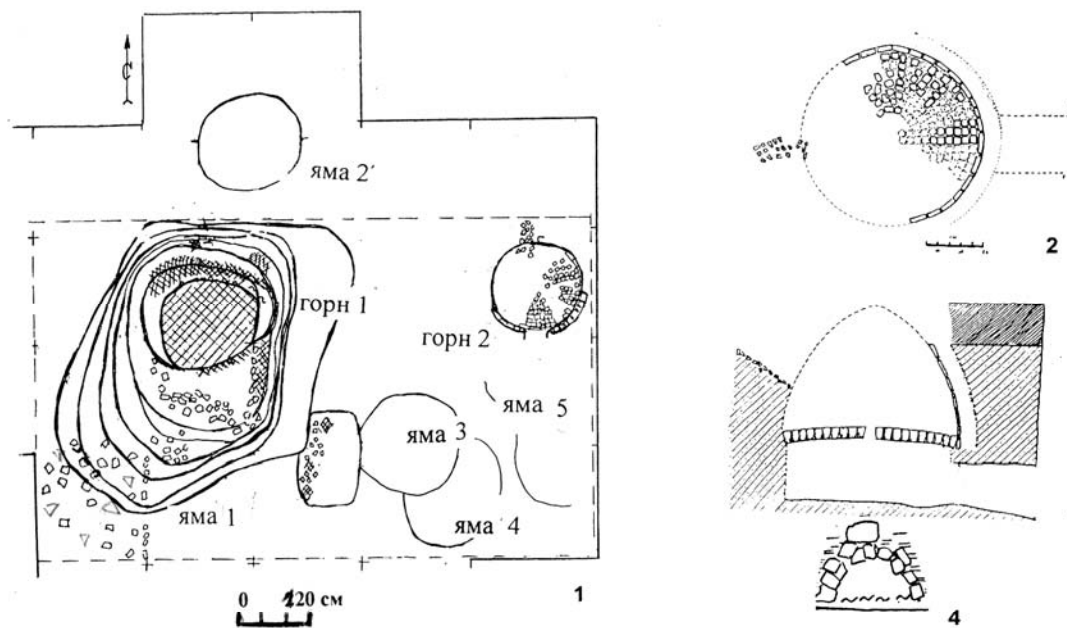

Рис. 6

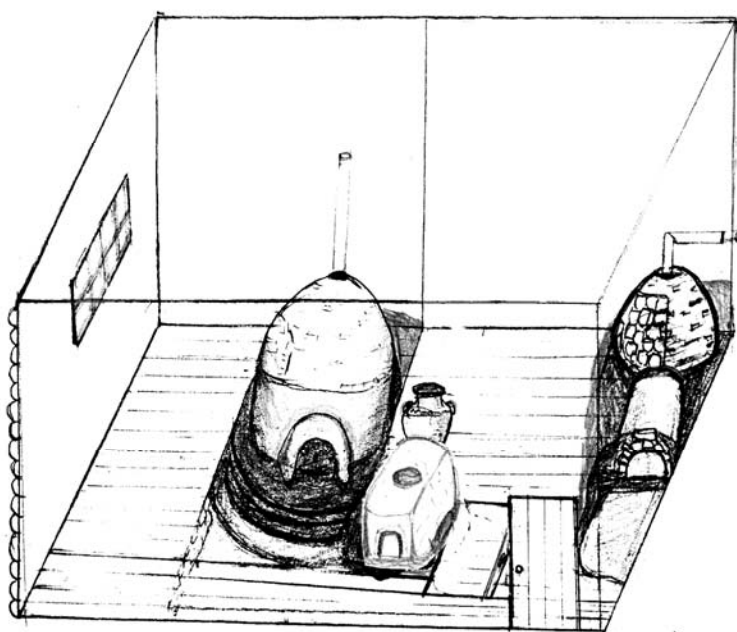

Рис. 7

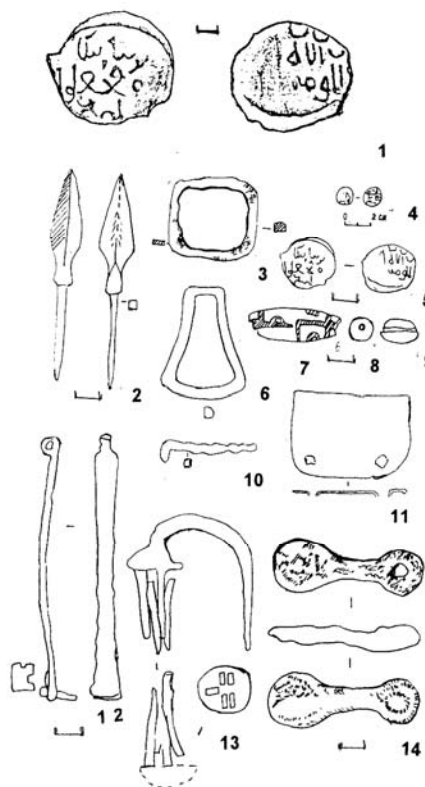

Рис. 8

Рис. 6. План раскопа 4 1956 г. План, сечение топки и реконструкция горна 2 (2–4).
Автор Н.Ф. Калинин.

Рис. 7. Реконструкция гончарной мастерской и жилища гончара по материалам раскопа 4. Автор Н.А. Кокорина.

Рис. 8. Монетный и вещевой материал раскопа 4 (1–14).

Среди индивидуальных находок датирующее значение имеют наконечники стрел: тип 16 – с долотовидной головкой, с шейкой (рис. 4, 3), датируемый IX–XI вв. по аналогиям в Полемском могильнике и на Райковецком городище (Хузин, 1985. С. 160. Табл. LV, 12); тип 14

– броневой в виде кинжалчика, ромбического сечения, с перехватом из сооружения 4 (рис. 4, 7), датированный по билярским материалам XII – началом XIII в. (Хузин, 1985. С. 160) (но подобные встречаются и позднее); тип 7 – треугольный, с перехватом, с широким диапазоном бытования – VIII–XIV вв. (Медведев, 1966); ромбовидный, новгородского типа (рис. 4, 4) IX–XI вв., в XIII в. наконечники этого типа выходят из употребления (Хузин, 1985. С. 150, 151. Табл. ЛП, 7); тип 31 – кунжутolistный, монгольского типа (рис. 4, 5). Известны и наконечники из кости (рис. 4, 1, 2).

Замок и ключи относятся к типам, распространенным в XIII в.

Севернее раскопа II в рекогносцировочной траншее в 1976 г. (III раскоп) Р.Г. Фахрутдиновым найдена серебряная монета каана Мунке 40-х гг. XIII в., чеканенная в Булгаре (рис. 1). Она сопровождалась поливной болгарской керамикой с желто-зеленой поливой без подгрунтовки и неполивной болгарской домонгольского облика (Фахрутдинов, 1977. С. 165, 166). Данные находки подтверждают, что район вышеописанной гончарной мастерской был обжит в XIII в., и гибель мастерской, вероятно, связана с монгольским нашествием.

Примерно в 100 м к югу от раскопа II на берегу речки Урмат экспедицией Н.Ф. Калинина в 1956 г. были исследованы остатки еще одной гончарной мастерской (раскоп 4) (рис. 1). Стратиграфически остатки связаны с основанием раннезолотоордынского слоя. К сооружениям мастерской относятся котлован горна 1, горн 2 и четыре ямы (рис. 6).

Остатки горна 1 выявлены в засыпи котлована ямы 1 с диаметром дна около 2 м. Они представляли собой строительные материалы из кирпичиков, обмазки, глины, извести, золы с углистой древесной прослойкой сверху и снизу этих остатков. Аналогичные кирпичики квадратной формы (9,5×9, 5×5 см) от стен, усеченно-пирамидальной (7×7×10 см) – от свода пода, усеченно-пирамидальной – от свода камеры (4,5×4,5; 5×5; 3×3 и высотой 6–8 см) в подготовленной к строительству горна кучке лежали на юго-восточном краю ямы 1 на специально выложенной глинобитной площадке (рис. 6). Судя по этим остаткам, горн 1 находился в стадии ремонта или реконструкции.

В стенке котлована горна найдена монета с именем халифа Насир ад-Дина (1180–1225 гг. правления) (рис. 8, 1). На основании времени бытования этих монет дату постройки и функционирования горна Н.Ф. Калинин определил второй половиной XIII в., а засыпь котлована мастерской – первой четвертью XIV в. Реконструировать этот горн можно только исходя из строительных остатков, кирпичиков и по аналогии с горном 2.

Относительно хорошая сохранность горна 2 позволила Н.Ф. Калинину реконструировать горн в виде двухкамерной печи с горизонтальной кирпичной перегородкой без опор, с одним центральным отверстием-продухом (рис. 6, 2–4). Канал-рукав топки имел длину 75 см, диаметр горна – 156–160 см, его свод около 100 см. В северной стенке, судя по кучке миниатюрных кирпичиков, была отдушина и, вероятно, отверстие для загрузки горна.

Разноканальная конструкция камер, малый ход топки, применение древесного угля в качестве топлива свидетельствуют об универсальном назначении горна (неполивные и поливные изделия). Аналогичной конструкции горн XII в. известен в Биляре (горн № 9, XX раскоп, раскопки автора 1981 г.). Н.Ф. Калинин отмечает аналог горну 2 на Болгарском городище, датированному О.С. Хованской по находке монеты 1308 г. – началом XIV в.

По аналогии с горном 2 можно предполагать, что и конструкция горна 1 (несохранившегося, разобранный), исходя из параметров котлована и аналогичных размеров кирпичиков, также была технически более совершенной, нежели горны из мастерской раскопа 2 1976 г. Древесным углем – топливом для бездымного обжига поливных изделий – была заполнена яма 2. Ямы 3 и 4, предназначенные для хранения сырья и запасов воды, были заполнены керамическим боем продукции данной мастерской, разрушенной, вероятно, в последней четверти XIII в.

Исходя из планиграфических наблюдений и высокой себестоимости сооружений подобных печей, помещение мастерской можно реконструировать как срубный двухкамерный дом, возможно, служивший и жилищем ремесленника-гончара (рис. 7).

В котловане разрушенной мастерской найдены, кроме керамики и кирпичей, кости животных (380 экз.), напярса (2 экз.), ключи, детали замка, пряжка, гвоздь, медные изделия (ленты, накладка), стеклянные бусины. Среди редких находок – музыкальный инструмент, а

именно: курай из гусяной косточки. Возможно, он и указывает на жилой характер сооружения мастерской.

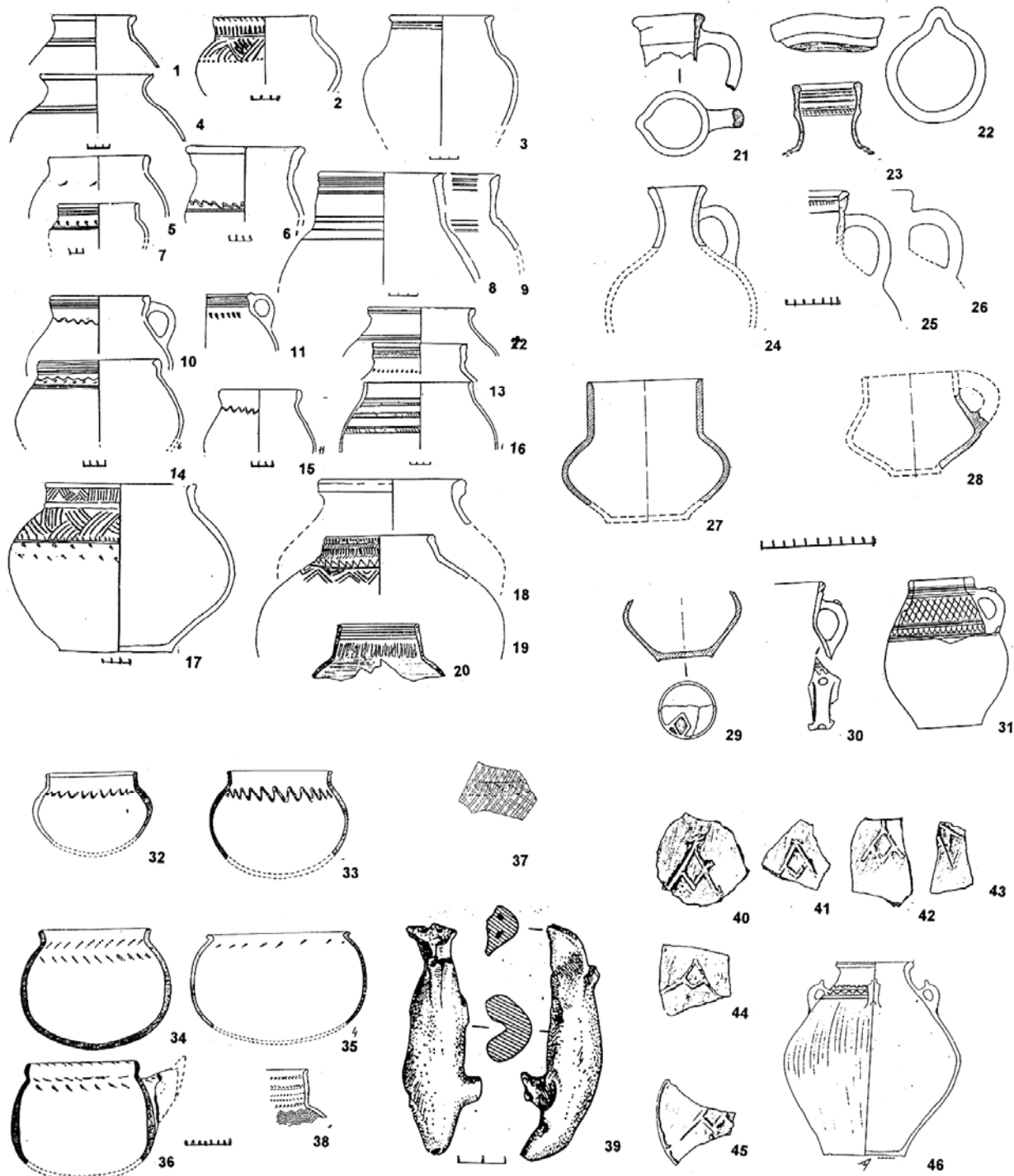

Рис. 9. Керамические изделия из гончарной мастерской раскопа 4 (1–46).

В яме 3, кроме того, найдены медная крышка от котла, наконечник стрелы, накладка на доспех (рис. 8, 2, 11). Наконечник стрелы – броневой (тип 14) в виде кинжальчика. Он близок экземпляру из этого же раскопа (с подквадратным упором и ромбовидным сечением) (рис. 8, 2). Оба типа наконечников распространены в Восточной Европе и Сибири в VIII–XIV вв. (Медведев, 1966. Табл. 30Д, 92, 93).

Из мастерской получено 8721 фрагментов керамики, среди нее подавляющее количество гончарной общебулгарской – 8405 (97, 6%), XIII группы – 194 (2,2%), VII группы – 20 (0,2%), поливной булгарской – 2 фрагмента.

Общебулгарская группа выглядит по всем признакам единым комплексом, за исключением 100 фрагментов с линейно-зонным позднезолотоордынским орнаментом. Преобладает керамика с красно-коричневым оттенком (65–67%), коричневая (30–34%), встречается серая (2,2%); ошлакованных фрагментов мало в сравнении с первой мастерской (Кокорина, 2002. Табл. 4). Ассортимент изделий мастерской представлен разнообразными формами столовой, кухонной и тарной посуды (рис. 9). Обращает на себя внимание преемственность форм и традиционность оформления, характерные для посуды Биляра XIII в. Наблюдается и типологическая преемственность, проявившаяся в клеймении с помощью специальных подставок под донца. Формы клейм являются развитием и повторением А-образных клейм государственных булгарских мастерских домонгольского времени (рис. 9, 29, 40–46). Как и в Биляре, в мастерской с горном 5 предмонгольского времени (Кокорина, 1983. Рис. 4, 13), здесь найдена фигурка медведя, декорирующая ритуальный сосуд (рис. 9, 39). К XIII в. по формам относятся сосуды группы «джукетау» (XIII группа) и с толченой раковиной (VII группа). Преемственность этого гончарного комплекса с Биляром, очевидная для Н.Ф. Калинина, нашла подтверждение в формах печей и ассортименте изделий.

Перебитая посуда (готовая продукция данной мастерской, заполнявшая ямы 1, 3, 4, 5), материалы прерванного ремонта горна и печи, находки предметов вооружения (накладки на доспехи, наконечники стрел) свидетельствуют о каких-то военных событиях последней четверти XIII в., явившихся причиной гибели этой мастерской. Уничтожение подобных мастерских (изготавливавших посуду с государственной тамгой «А») было, вероятно, в цепи политических акций против сепаратизма болгар, проводившихся Менгу-Тимуром и ордынскими феодалами на окраинах улуса Джучи в последней четверти XIII в. (Сафаргалиев, 1960. С. 52–54). Исходя из сопоставления керамики с билярским гончарным комплексом и последней датировки монет Насир ад-Дина концом домонгольского времени (Мухамадиев, 2005. С. 91–95) уточнения требует и нижняя дата данной мастерской. Начало функционирования этого комплекса следует относить не позднее рубежа XII–XIII в.

В северной части Русско-Урматского селища изучен комплекс сооружений усадебного типа начала – третьей четверти XIII в. (Кокорина, 1999. С. 103–105). С позднедомонгольским и раннезолотоордынским горизонтами слоя связаны остатки ранней гончарной мастерской VI раскопа 1983 г. (раскопки Р.Г. Фахрутдинова, Н.А. Кокориной). В полуземлянке выявлены остатки кирпичного горна с длинным топочным каналом, аналогичного горнам Биляра типа 1. На дневном уровне котлована мастерской слева от горна 2 найдена серебряная монета с именем Насир ад-Дина (определение А.Г. Мухамадиева).

Остатки сгоревших мастерской и срубного «дома гончара» были срыты, от них осталась лишь серия ям (Кокорина, 1999. Рис. 4). Опираясь на их планиграфию и общую ориентацию, можно предположить, что эти сооружения составляли застройку усадебного типа. Немногочисленная керамика из ранней мастерской имела А-образные клейма (рис. 9, 18–23, 27–29). На дневном уровне участка пожарища «дома гончара» был намеренно оставлен раздавленный камнем (известняк) сосуд с клеймом «А» (Кокорина, 1999. Рис. 4). По верованиям булгар, камень, очевидно, должен был закрыть («затворить») несчастье, защитить новую застройку от огня, сосуд – защитить дом предка.

Хронологически следующим гончарным комплексом были мастерские, исследованные на I и V раскопах (А.Г. Мухамадиев, Р.Г. Фахрутдинов, Р.С. Габяшев).

На раскопе I А.Г. Мухамадиевым исследована серия сооружений в виде подпольных ям, остатки нескольких печей разных типов, пять гончарных горнов, столбовых конструкций, отличающихся как по параметрам, так и по планиграфии и назначению от ранее представленных сооружений булгарских гончарных мастерских (рис. 10).

Этот производственный комплекс располагался в непосредственной близости от р. Урматки. Открытые горны выходили топками в береговой обрыв. Мастерские и жилые строения

были вытянуты цепью вдоль обрыва, с подветренной стороны от горнов. В обрывах, с западной и южной сторон, находились ямы-глинища.

Мастерские и жилища ремесленников представлены тремя сооружениями. Сооружение 1 (рис. 10) имело остатки трех печей: печь 1, прямоугольной формы; печь 2, судя по большой подпольной яме, – хлебопекарная, с жерновом в подпечье, соединялась подпольным каналом с очагом-печью в заднем полуземляночном помещении. В нем в специально сделанной яме найден известняковый жернов, являвшийся, возможно, подпятником к гончарному кругу. Западная задняя часть дома, вероятно, являлась мастерской, из нее шел туннельный выход – спуск в сторону реки.

С юга к сооружению 1 примыкал еще один дом (сооружение 2) с подпольем и большой печью из известняка и глины. В подполье выявлено скопление золы и костей животных. Последние широко использовались как ингредиенты в производстве дорогой поливной посуды (рис. 10). Там же располагалась яма с запасами древесного угля для бездымного обжига. С юга к сооружению 2 примыкала небольшая постройка с прямоугольной печью 5, расположенной по диагонали помещения.

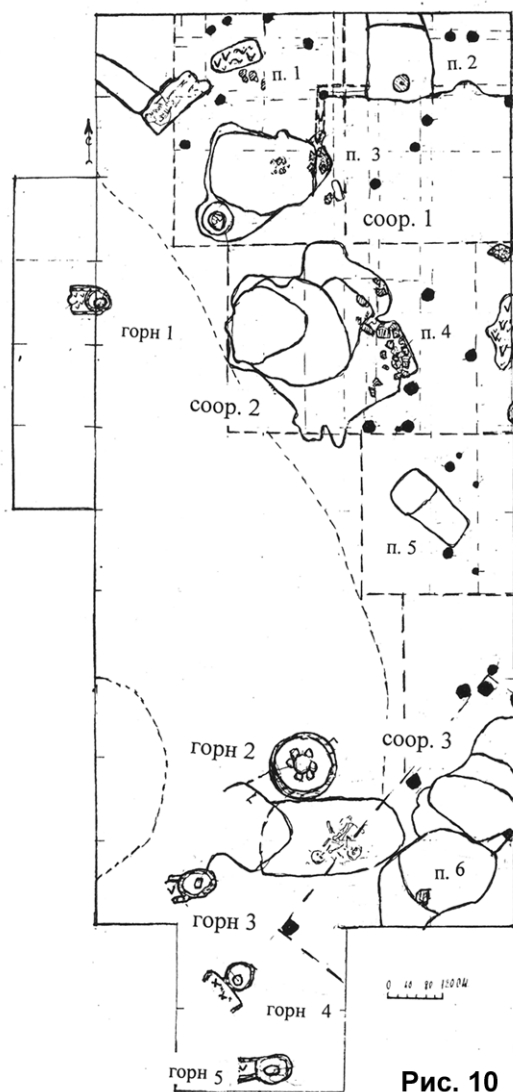

Рис. 10

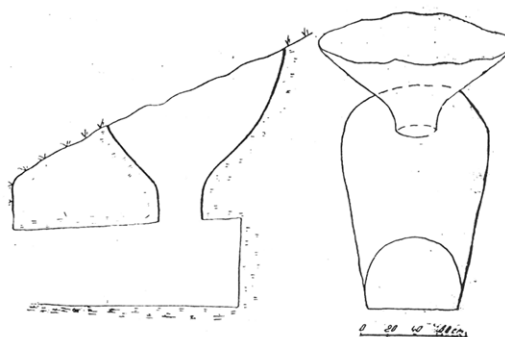

Рис. 11

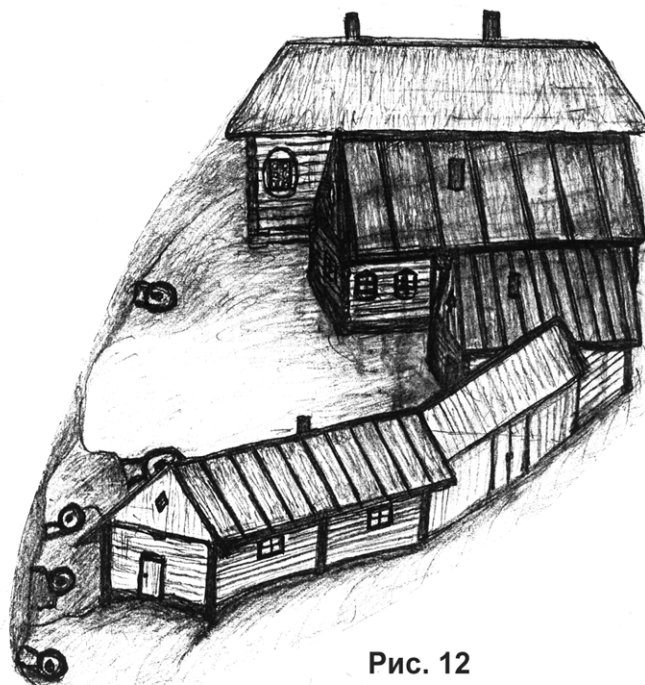

Рис. 12

Рис. 10. План раскопа I 1976 г.

Рис. 11. План и сечения горна 1 раскопа I 1976 г. (1, 2).

Рис. 12. Реконструкция гончарных мастерских первой половины XV в. раскопа I.
Автор Н.А. Кокорина.

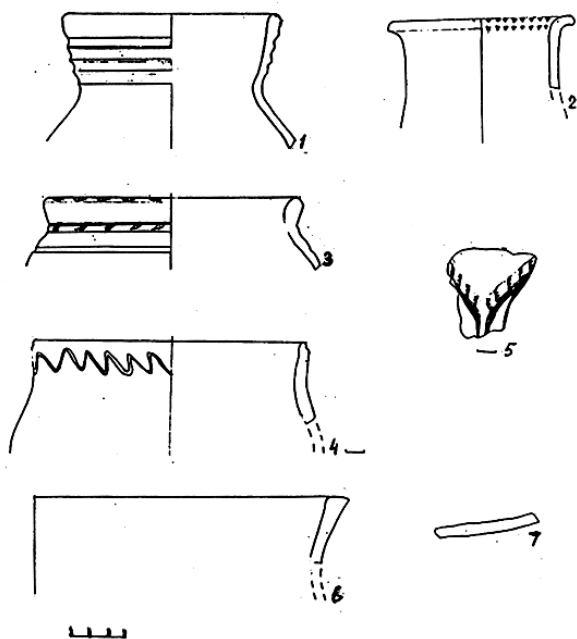

Рис. 13

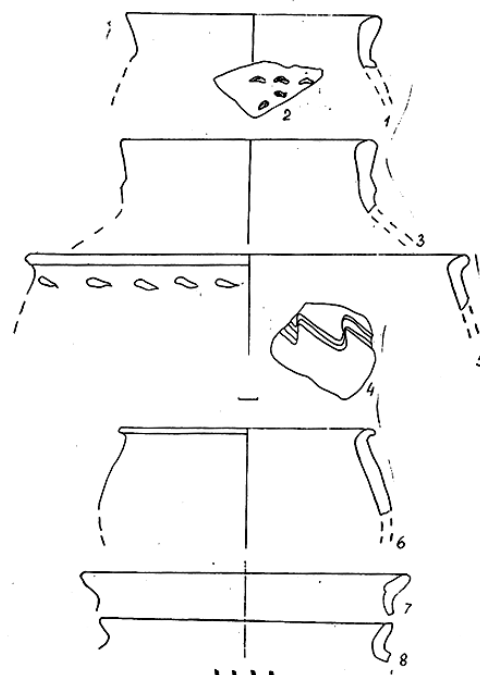

Рис. 14

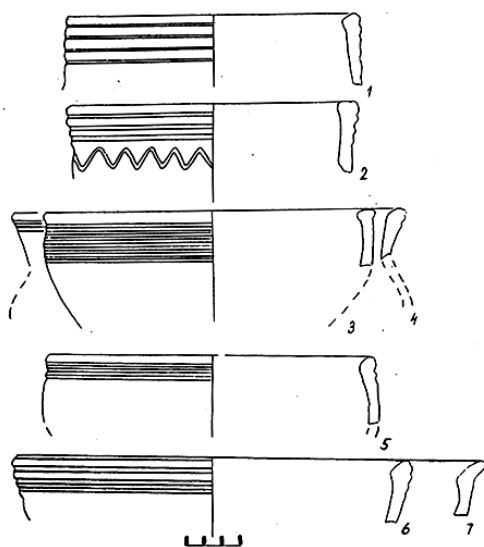

Рис. 15

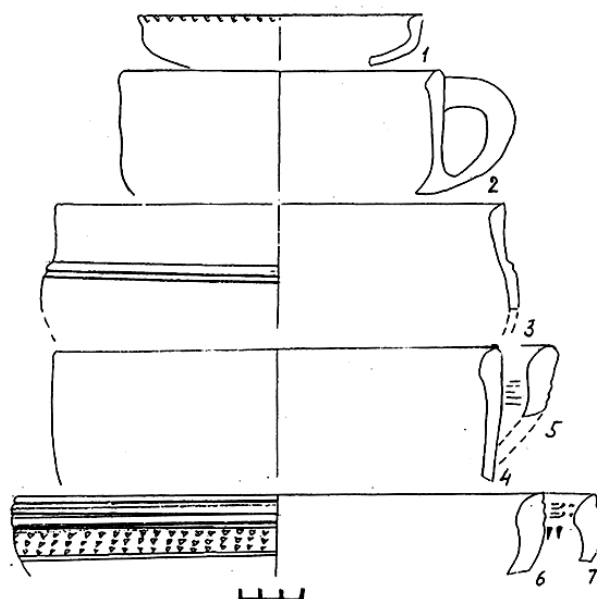

Рис. 16

Рис. 13. Гончарные изделия первой половины XV в. из сооружений раскопа I (1–7).

Рис. 14. Керамика с примесью крупного песка, XXI группы (1–6); с толченой раковинной, XVI группы (7, 8).

Рис. 15. Изделия-полуфабрикаты из мастерских первой половины XIV в. раскопа I.

Рис. 16. Гончарные изделия первой половины XV в. из сооружений раскопа I (1–7).

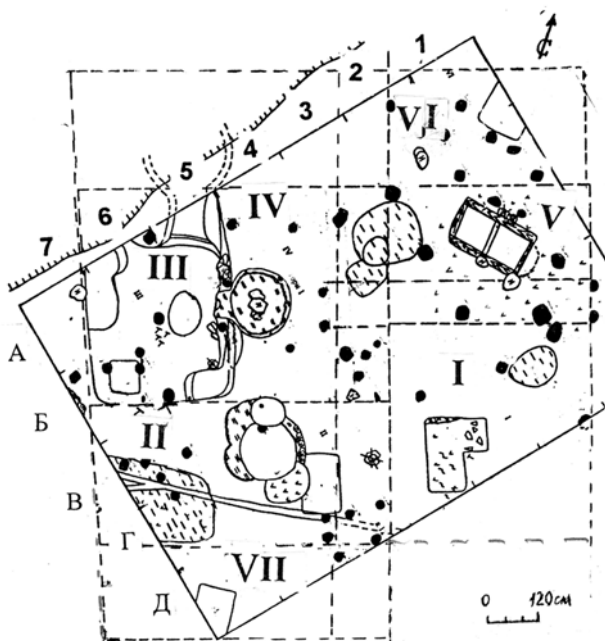

Рис. 17. План раскопа VI 1983 г. Пунктиром обозначен реконструируемый план «дома гончара» V в.

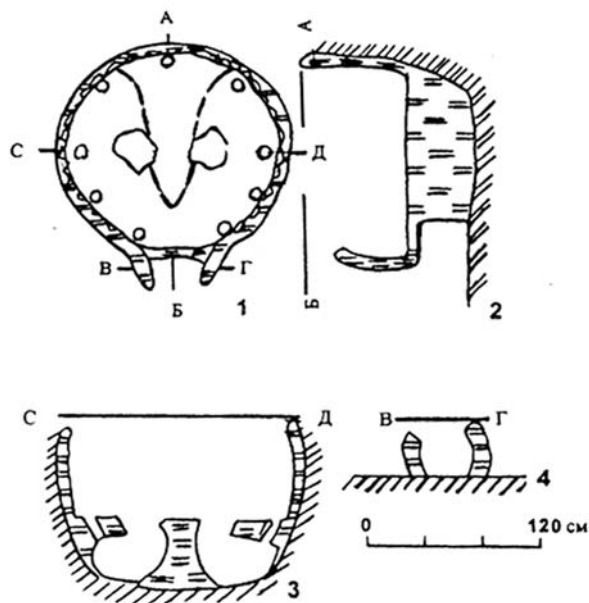

Рис. 18. План, сечение горна 2 и его топки (1–4).

Рис. 19. Реконструкция «дома гончара» по материалам первой половины XV в. раскопа VI. Вид с юга. Автор Н.А. Кокорина.

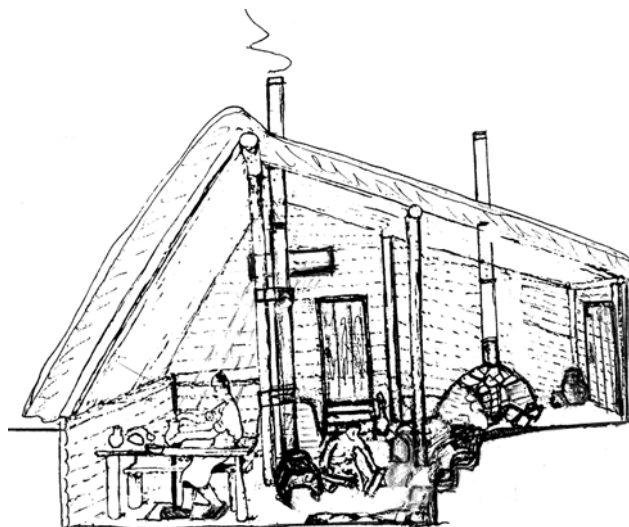

Рис. 20. Реконструкция помещения гончарной мастерской середины XV в. Вид с юга. Автор Н.А. Кокорина.

Наличие подполий в сооружениях 1–3 раскопа I указывает на жилой характер этих построек – и не в виде полуземлянок, как полагали авторы раскопок (Фахрутдинов, 1977. С. 165, 166), а в виде срубных домов с полами и соответственно с подпольями.

Планиграфия остатков сооружений и их назначение позволяют рассматривать их как единый производственный комплекс. Единая система этих сооружений характерна для ремесленного производства золотоордынской эпохи, когда правители покровительствовали развитию торговли и ремесла на окраинах своих владений.

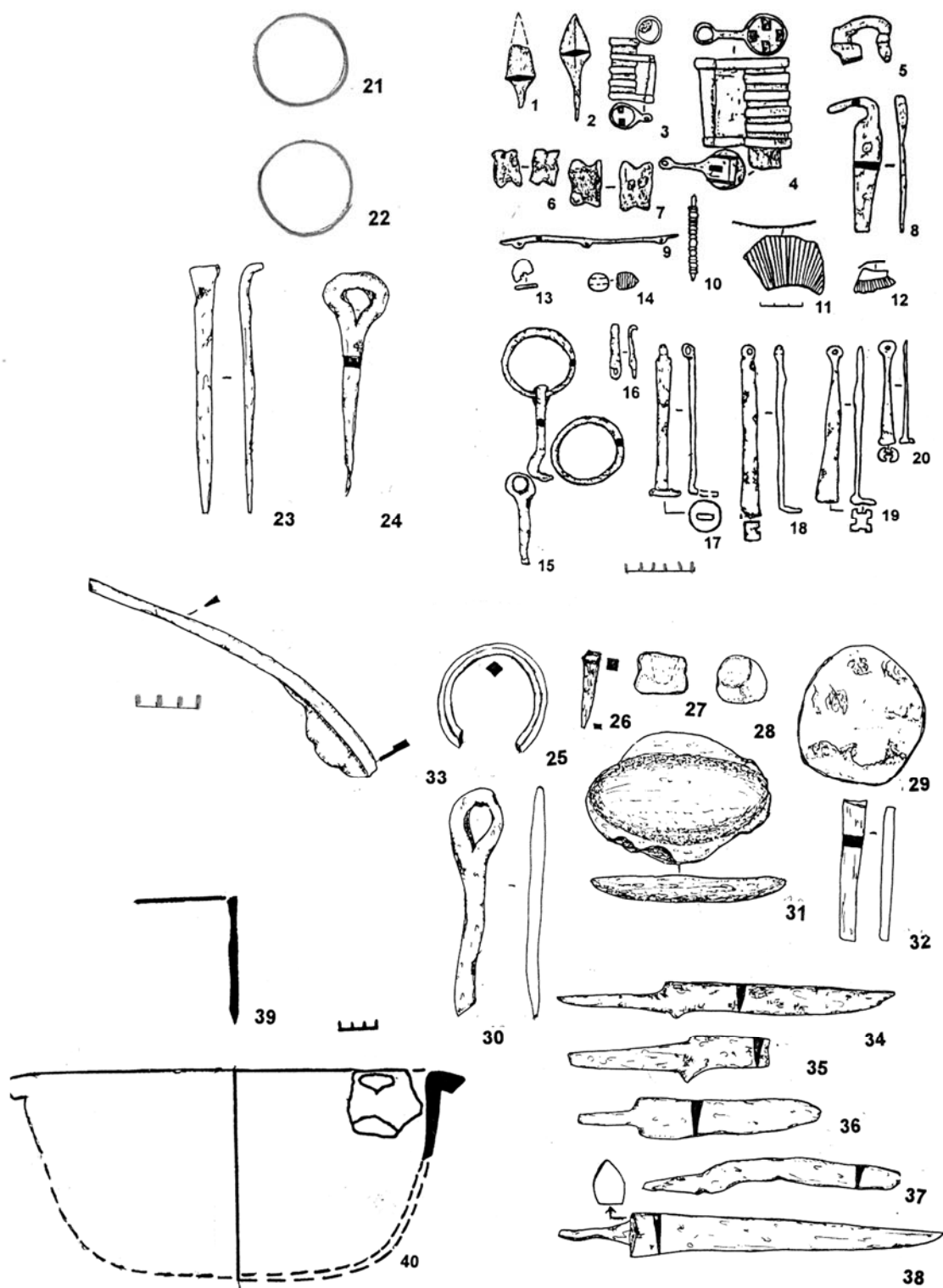

Рис. 21. Вещевой и монетный материал из раскопа VI (1–40). Кружками обозначены:
 21 – монеты Насир ад-Дина (справа от горна 1);
 22 – монеты Хызра (засыпь котлована мастерской).

К концу XIII – началу XIV в. относятся такие производственные объединения, как кархана (цех). К этому разряду сооружений относятся ремесленный двор по производству изделий из цветных металлов в Болгаре, гончарные мастерские близ Голланского озера. Подобно им создан и гончарный двор в Иски Казани. Гончарное производство здесь приобрело цеховой характер.

Обращает на себя внимание отсутствие отходов производства в мастерских I раскопа: фрагментированной керамики очень мало (570 экз.) Цветовое ее соотношение следующее: красная с желтым оттенком – 44%, с коричневым – 16%, кирпично-красной – 3%, коричневой – 13,1%, серого – 8%, желтого – 1%. Кроме гончарной с мелким песком (I группа) встречается: с крупным песком (XXI) и раковинной – 1–2%, примитивно-круговая с песком, раковинной, известняковой крошкой (XX) – 0,5%, круговая с раковинной (XVI) – 2%, лепная с раковинной, серая (XXII–4) – 9,7%.

Широкое разнообразие керамики этнокультурных групп золотоордынского периода отразилось в этом комплексе весьма заметно, особенно для позднего этапа его существования, XV века (рис. 24, 25).

Традиционная керамика представлена однообразно небольшими горшкообразными сосудами и чашками. Общебулгарская гончарная также выглядит однообразно: в основном горшки с подцилиндрическим горлом (рис. 26, 1, 2), миски, чашки, плоские и блюдообразные формы. Последние, вероятно, делались и под поливу (рис. 26, 27).

Стенки горнов внутри были покрыты толстыми слоями наплыва полив разных цветов. Основным изделием этих мастерских являлась дорогостоящая поливная посуда с зеленоватой (без ангоба и с ангобом), голубой с цеком, бордовой желто-коричневой, болотно-зеленой и цвета китайского селадона с кракле – т.н. псевдоселадон. Все перечисленные виды поливы были найдены на соседних раскопах и особенно часто на раскопе VI (в виде фрагментированных изделий) и в объектах Камаевского городища второй половины XIV – XV в. Как неполиванная, так и поливная посуда местного изготовления имеет широкую дату – XIV–XV вв. Очевидно, в этих хронологических рамках функционировал и данный гончарный двор.

Как установлено раскопом VI 1983 г., где исследован «дом гончара» второй половины XIV – XV в., ремесленный двор и «дом гончара» работали одновременно на позднем этапе. Как свидетельствуют находки полуфабрикатов, часть изделий в «доме гончара» готовилась под поливу и покрывалась ангобами-подгрунтовками. Затем они покрывались поливой на ремесленном дворе и обжигались в специальных горнах с воронкообразными камерами (рис. 27, 1–4, 6–8).

Вышеупомянутые сооружения раннего горизонта мастерской и «дома гончара» VI раскопа были использованы при возведении дома гончара более сложной конструкции во второй половине XIV в. (рис. 17). В это время произошла перепланировка нового входа в мастерскую со стороны реки через сени дома, возведены новый горн в восточной стенке полуземляночного помещения мастерской, новая печь в задней (жилой) части дома и новая отопительная система из большемерных (24 см) и маломерных (11 см) труб.

Планиграфия остатков печей, подпольных ям, глинобитной лежанки, водостока, отхожей ямы, столбовых конструкций и находок дают представление о конструкции и планировке дома (рис. 17).

«Дом гончара» состоял из передней части (помещение I) с печью; водостоком она соединялась с помещением II – женской частью дома с глинобитной лежанкой, печью-чувалом. Задняя часть дома (помещения III–VI) соединялась с передней коридором, сенями (помещения IV, V). Наличие столбов в помещениях I, V, VI указывает на высокий подклет, в котором размещались в сенях (помещение V) – погребок, а в помещении VI – кладовая, или клеть, с подполом-хранилищем.

Помещение VII (сени с отхожим местом), примыкавшее к женской половине, вероятно, имело свой вход с южной стороны дома. Он вел на женскую и переднюю половины. Основной вход был с восточной стороны, через сени (помещение V). Он соединялся с мастерской через помещение IV – задние сени с выходом к реке.

Благодаря сохранности и тщательной планиграфической и стратиграфической привязке этого комплекса впервые удалось реконструировать дом сложной конструкции позднезолотоордынского времени. Площадь такого дома составляла 144 м² (12×12 м), без учета площади южных сеней с туалетом (рис. 19). Подробное описание мастерской и «дома гончара» дано в публикации (Кокорина, Фахрутдинов, 1999), отдельно проведен анализ вещевого и керамического материала согласно хронологическим периодам существования «дома гончара» (Кокорина, 1999).

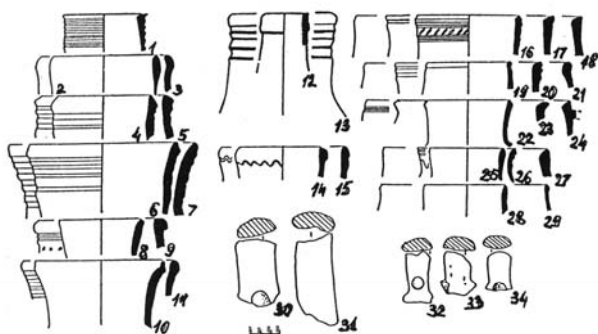

Рис. 22

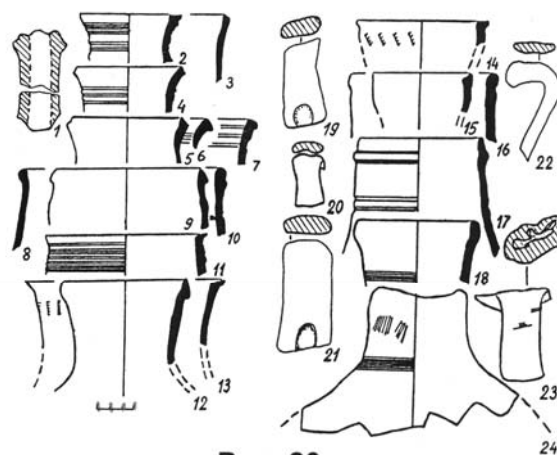

Рис. 23

Рис. 24

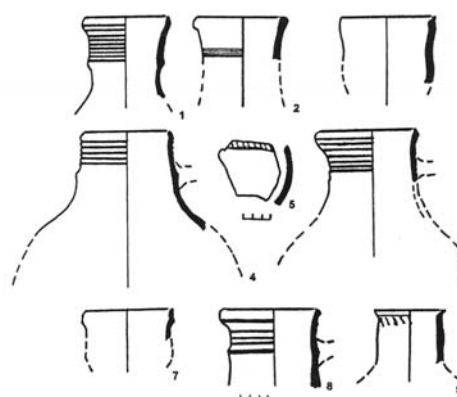

Рис. 25

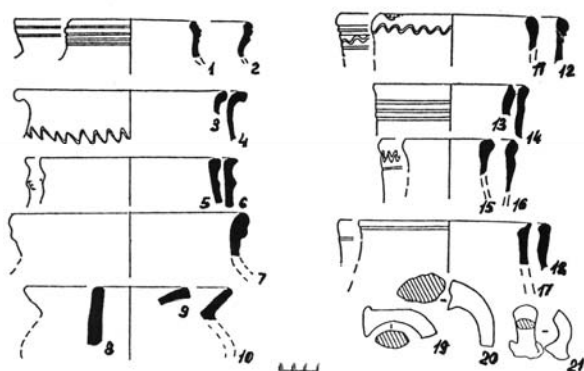

Рис. 26

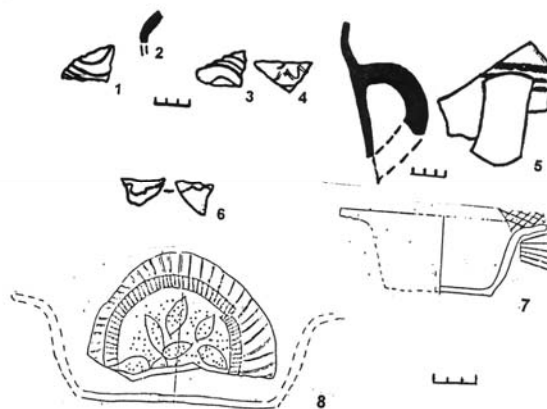

Рис. 27

Рис. 22. Керамика из «дома гончара» (Р. VI 1983 г.) (1–34). Середина – третья четверть XV в.

Рис. 23. Керамика из мастерской «дома гончара» (1–24). Конец II периода – третья четверть XV в.

Рис. 24. Керамические изделия из раннего горизонта «дома гончара» – XIII в. (18–20, 22–24, 27–29) и среднего горизонта – вторая половина XIV – первая половина XV в. (1–17, 21, 25, 26)

Рис. 25. Фрагменты кувшинов из верхнего заполнения ямы 44 (1–9). Начало XV в.

Рис. 26. Посуда из «жилища гончара» и мастерской. Начало II периода – вторая половина XIV в.

Рис. 27. Поливная и ангобированная керамика из «дома гончара» (1–8). Середина XV в.

Следует отметить, что двухкамерный горн был почти полностью врыт в глиняный материк. Конструкция – вместо специального набора кирпичей, как в болгарских домонгольского времени, – состояла из глины с взмазанными кусками известняка и обломков старых кирпичей. В перегородке, опиравшейся на «козел», было два отверстия, через которые жар регулировался с помощью специальных глиняных заслонок. Кроме них были еще и малые продухи по периметру пода. Эта печь по конструкции являлась более экономной и менее пожароопасной в условиях домашней мастерской, у нее был и более управляемый режим обжига (рис. 18). Подобной конструкции горны (№№ 2, 4) исследованы в Болгаре у Голланского озера (Васильева, 1993. С. 156–164). Если горн 2 и центральный очаг с керамическим покрытием связаны в истоках со Средней Азией, то горн 1 – со степными районами, возможно, с Крымом. На Восточном Кавказе находит аналогии устройство гончарного круга с подпятником в яме. Последние выявлены в мастерской «дома гончара» и на ремесленном дворе.

Работы по изготовлению неполивной посуды в печи могли вестись большую часть года, а в промежутке проводились другие работы – по подготовке теста, ингредиентов, изготовлению полуфабрикатов под поливу. Это было возможно благодаря автономному отоплению мастерской центральным очагом, дымоход которого состоял из большемерных труб, поддерживавших необходимую для работы и подсушки изделий температуру. Если в I период в данной мастерской не было центрального очага и дым вместе с газами выходил, вероятно, через отверстие в крыше, то во II период появился центральный – с керамическим верхом – очаг с гончарной трубой-дымоходом. Горн также был снабжен выводной трубой (рис. 20). Остатки рухнувшей трубы и керамического очага найдены на полу мастерской. «Дом гончара» просуществовал в таком виде, как он описан, вероятно, до установления протектората Русского государства над Казанским ханством – до третьей четверти XV в. Но и эта мастерская, судя по керамике, в конце XIV в. подвергалась нападению: готовая продукция была перебита и свалена дважды в одну из ям в углу мастерской и засыпана сверху чистой глиной (Кокорина, 1999. С. 117, 118).

В течение почти ста лет менялись мастера, ассортимент, традиции в изготовления посуды и других гончарных изделий, подвергавшихся различным новациям. Однако посуда в «доме гончара» сохраняла в основном старые традиции. Но запесоченность теста, звонкий черепок характерны в этот период и традиционным формам гончарной керамики. Добавки известняковой крошки, раковины свойственны горшковидным формам этой мастерской. Соотношение цветов гончарной мелкопесочной посуды на этом раскопе – как в мастерских I раскопа. Подобен и состав этнокультурных групп.

Набор столовой и кухонной посуды середины – третьей четверти XV в. из «дома гончара» (рис. 22) и разнообразный «ассортимент» кувшинов из мастерской третьей четверти XV в. близки (рис. 23). Однако домашний набор посуды (рис. 22) ближе по формам и отделке посуде «дома гончара» конца XIV – начала XV в. (рис. 25, 26) Многие формы кувшинов, особенно последнего периода функционирования мастерской, встречаются и на Камаевском городище (Кокорина, 2004. Табл. VI).

Развитие форм керамики комплекса данной мастерской происходило и за ее пределами, так как есть хронологические и этнокультурные отличия комплексов «дома гончара» и Камаевского городища. По-видимому, посуда для насельников городища продолжала создаваться в пределах ремесленного двора селища до времени протектората. Возможно также функционирование мастерской и на Камаевском городище, где Р.Г. Фахрутдиновым выявлены остатки срытой печи, которая имела, как я полагаю, гончарное назначение.

Статистический анализ поливной посуды Камаевского городища и Русско-Урматского селища показал общий состав полив и поливных изделий (Кокорина, 2004. Табл. VII). Изготовление их связано с «домом гончара» и т.н. ремесленным двором (Р. I, IV). Образцы из «дома гончара» немногочисленны, но вполне передают своеобразие болгарской поливной посуды позднезолотоордынского периода (рис. 27).

Под влиянием китайского селадона, образцов из южных центров Золотой Орды и Ирана созданы блюда, чаши и тарелки из красной глины с роскошным растительно-цветочным орнаментом и орнаментальным болгарским лощением (рис. 27, 7, 8).

В первой половине XV в. на посуде из «дома гончара» появляются новые виды клейм (рис. 24). Они единичны (рис. 21, 15, 16, 21, 25, 26). Клейма №№ 15, 25, 26 передают конфигурацию знаков, которые известны среди кипчакских под названием «стремя».

Для новаций керамического комплекса «дома гончара» начала XV в. характерны связи и новшества из районов Дагестана, Западного и Южного Прикаспия. Это проявилось в устройстве мастерской, возвращении к забытым формам посуды и освоении новых видов поливных изделий (блюд, пиал, чаш). Возможно, данные новации связаны с переселением ремесленников из разоренного Тамерланом в конце XIV в. Дагестана и южных центров Золотой Орды. В первой половине XV в. формы посуды испытали также влияние гончарных центров Восточного Прикаспия (Сарайчик) и Хорезма.

В эпоху Казанского ханства какое-то время продолжает работать ремесленный двор (Р. I, IV и отчасти VI), производя поздние виды поливной посуды, найденной только на Камаевском городище. На месте разрушенного «дома гончара» в горне 1 продолжают обжигать гончарные трубы, шары и, возможно, некоторые виды кувшинов (Кокорина, 1999. Рис. 6). Но эти эпизодические работы были свернуты: продукция в разбитом виде лежала над полузасыпанным котлованом и горном. Гончары ремесленного двора, вероятно, были или перебиты, или переселены в другие земли.

Такова история и этапы развития гончарства в Иски Казани.

Литература

- Васильева И.Н.* Гончарство Волжской Булгарии в X–XIV вв. Екатеринбург, 1993.
- Евтюхова Л.А.* Керамика Кара-Корума // Древнемонгольские города. М., 1965.
- Калинин Н.Ф.* Отчет по археологическим работам в Старой Казани в 1956 г. Казань, 1957 // АИА. Р. 1, № 1333.
- Кокорина Н.А.* Гончарные горны Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983.
- Кокорина Н.А.* Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // ТА. 1999. № 1–2 (4–5).
- Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв.: (К проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань, 2002.
- Кокорина Н.А.* Керамика Камаевского городища конца XIV – первой половины XVI в. (материалы раскопок 1972–1988 гг.) // ТА. 2004. № 1–2 (10–11).
- Кокорина Н.А.* Гончарное производство Волжской Булгарии X – начала XIII вв.: становление и развитие // Средневековая археология евразийских степей. Сб. статей к юбилею профессора С.А. Плетневой. М.; Йошкар-Ола, 2006.
- Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г.* Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски Казани // ТА. 1999. № 1–2 (4–5).
- Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г., Мухамадиев А.Г.* Гончарные комплексы Иски Казани // ТА (в печати).
- Медведев А.Ф.* Лук, стрелы, самострел (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. 1966. Вып. Е1–36
- Мухамадиев А.Г.* Древние монеты Казани. Казань, 2005.
- Мухамадиев А.Г., Фахрутдинов Р.Г.* Раскопки в Иски Казани // АО 1976 г. М., 1977.
- Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
- Фахрутдинов Р.Г., Хазиев Р.М.* Раскопки Старой Казани // АО 1977 г. М., 1978.
- Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Булгарии: (К вопросу об этнокультурном составе населения). М., 1984.
- Хузин Ф.Ш.* Предметы вооружения // Культура Биляра: болгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М., 1985.

ПРЕДМЕТЫ ИМПОРТА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Э.Е. Кравченко

Донецкий областной краеведческий музей, г. Донецк

Эпоха средневековья ознаменовалась мощными перемещениями населения, коренным образом изменившими этническую и культурную обстановку в степях Восточной Европы. Это было время активных контактов между народами, часть которых нашла отражение в трудах современников. Их материальными следами являются разбросанные по степным просторам находки импортных изделий и монет. Определить пути попадания этих предметов в степь затруднительно. Тем не менее, статистика таких находок отражает динамику связей региона в тот или иной исторический период.

Целью работы является составление сводки данных о находках средневековых предметов импорта в пределах нынешней Донецкой области Украины¹. Эта территория – обширный степной регион, ограниченный с запада и востока двумя крупными водными артериями – Днепром и Доном, с юга – Азовским морем, а с севера условной южной границей лесостепной зоны представляет существенный интерес. В VI в. эти земли граничили с владениями Западно-Тюркского каганата. В VII столетии в Приазовье упоминаются протоболгарские племена. Некоторые исследователи считают, что Северо-Восточное Приазовье в этот период входило в состав Великой Булгарии Кубрат-хана. В VIII–X вв. земли по Северскому Донцу представляли собой западную окраину Хазарского каганата, в XI–XIII вв. – входили в состав Донского половецкого союза, а в XIII–XIV вв. – принадлежали Золотой Орде, после гибели которой надолго пришли в запустение.

Находки эпохи Великого переселения народов

Представляют собой крайне немногочисленную группу, что обусловлено небольшим количеством археологических комплексов (в основном, одиночные захоронения). Одно из них было расчищено в 1988 г. в кургане у пос. Моспино (Podobed, Simonenko, 1998, p.99–108). Указанное погребение, находящее по обряду параллели в позднесарматских комплексах содержало пряжки, позднеримскую фибулу (рис.1, 6)² и чернолощенный черняховский кувшин (рис.1, 7) и спафу крупного размера (длина 90 см, ширина 5 см) (рис.1, 8). Авторы публикации датировали указанный комплекс в рамках конца IV века.

Еще одно погребение было обнаружено у с. Новопавловка Волновахского р-на (Михлин, Саенко, 1971, с.84–85; Кучугура, 2006, с.44). В состав инвентаря входили две парных фибулы, близкие аналоги которым можно встретить в древностях крымских готв.

Не менее интересным представляется комплекс из разрушенного захоронения близ г. Ясиноватая. Из инвентаря сохранились медная серьга пастырского типа (рис.1, 5) и фибула (рис.1, 4), находящиеся параллели в древностях Среднего Поднепровья (Приходнюк, 2005, с.39–42, рис.41, 1; 44, 11, 13; 45, 4; 33, 5; 51, 3).

Отдельную категорию находок составляют византийские монеты. В 1913 г. у с. Белояровка Амвросиевского р-на был обнаружен клад (Кропоткин, 1962, с.36, №253), состоящий из солидов Юстиниана I облегченного веса, выпускавшихся Империей для оплаты варварам (Семенов, 1991, с.124).

Несколько монет, относящихся к интересующему нас периоду, было обнаружено в окрестностях г. Новоазовска. Среди них поддельный (выполнен из серебра и позолочен) солид императора Анастасия (рис.1, 1). Еще один солид Анастасия константинопольского чекана был обнаружен в 1990 г. в насыпи кургана 2 у с. Безыменное Новоазовского р-на (раскопки В.Н.Горбова и

¹ Автор пользуется случаем поблагодарить сотрудников отдела фондов Донецкого и Мариупольского краеведческих музеев, сотрудник Мариупольского музея Л.И.Кучугуру, и Славянского музея А.В.Шамрая, а также коллег А.В.Колесника, Т.Н.Крупну за предоставленную информацию и консультации.

² Рис. 1–8 к статье см. на вклейке.

А.Н.Усачука). Анализ материалов данного кургана, содержавшего погребения эпохи бронзы и развитого средневековья, свидетельствует, что рассматриваемая монета не имела к ним отношения. Наиболее вероятно, что она попала на курганную насыпь случайно (возможно, была утеряна). В пользу этого свидетельствует и небольшая глубина ее залегания (15 см).

Кроме этого на территории Приазовья зафиксированы находки трех медных фоллисов, два из которых были обнаружены на территории г. Новоазовска. Один из них представляет фоллис Юстиниана I (рис.1, 3). Второй фоллис (рис.1, 2) был выпущен в Херсоне в правление императоров Юстина II или Тиберия Константина (Анохин, 1977, с.101, табл. XXII, 317; Соколова, 1983, с.23–26, табл. III). Еще один фоллис Херсонского чекана был найден на территории поселения у ст. Кальчик Володарского р-на.

Привозные предметы хазарского времени

Новый период поступления предметов импорта, представленных в основном тарной керамикой и монетами, начинается с VIII в., когда эти земли входят в состав Хазарии. Украшения (поясные наборы), амулеты и печати не учитываются, т.к. часть их могла изготавливаться на месте по привозным образцам.

Интерес представляет факт находки на археологическом комплексе Маяки сосуда, находящего аналогии в керамике Кавказской Албании (Михеев, 1985, с.85–86). Небольшое количество находок представлено мелкими фрагментами стеклянных сосудов византийского производства, обнаруженных при раскопках археологического комплекса у с. Сидорово. Особый интерес представляет находка в закрытом комплексе обломков белоглиняного сосуда, покрытого прозрачной зеленой поливой (рис.3, 1). Он был обнаружен в заполнении полуземлянки (пом.16), вместе с обломками желтоглиняной амфоры, мелкими фрагментами византийских стеклянных сосудов и фоллисом Льва V (рис.3, 2).

Наиболее многочисленная группа находок: – тарная керамика, произведенная в Крыму и на Тамани, представлена, в основном, амфорами (рис.2, 1). Реже встречаются красноглиняные баклажки (рис.2, 2), ойнохой и кувшины с плоскими ручками (рис.2, 3). Единична находка крупного гончарного пифоса крымского производства (пос. Ильичевское Мангушского р-на) (рис.3, 4). Обломки еще одного пифоса (рис.3, 3), скорее всего, произведенного на месте по крымским образцам, были обнаружены в 2008г на городище археологического комплекса у с. Маяки Славянского р-на (х.я. 2 раскопа 32).

Баклажки входили в состав инвентаря разрушенных курганных погребений у Славянского кирпичного завода (Кравченко, Шамрай, 2000), хут. Бурлацкий в Великоновоселковском р-не, и у шахты №19 близ г.Торез. В состав инвентаря последнего входили также причерноморская амфора и половинка солида Константина V (Тахтай, 1999). Присутствуют их находки и на крупных поселениях, и кочевьях. Так, на Маяках фрагменты баклажек и кувшинов с плоскими ручками составляли около 3% посуды (Михеев, 1985, с.15). Небольшое количество фрагментов сосудов этого типа было встречено при раскопках археологического комплекса у с. Сидорово (Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005, с.272, рис.39, 5–6).

Основная часть амфор на поселениях рассматриваемого нами региона представлена разновидностями т.н. 1-го и 2-го варианта «причерноморок», произведенных на территории Крыма и Тамани (Якобсон, 1951, с.330–334). Намного реже встречаются фрагменты амфор из хорошо отмученного розовато-желтого теста, представляющих собой продукцию византийских центров. Внешняя их поверхность покрыта белым (иногда с оттенками серого или зеленоватого цвета) ангобом. Подавляющее большинство таких находок было обнаружено на крупных поселениях (археологические комплексы у сел Маяки и Сидорово).

Показателен факт, что существуют памятники (Сидорово) (Кравченко, 2005, с.162) на которых большинство амфорной тары представлено фрагментами амфор 2-го варианта. На других поселениях (Грузское 8) представлены оба варианта с абсолютным преобладанием одного из них (Кравченко, Шамрай, Петренко, Мирошниченко, 2007). По всей видимости, это связано с различиями в хронологии памятников в рамках салтово-маяцкой культуры.

Количество амфорной тары на памятниках разного типа существенно отличается. Ее относительно немного на неукрепленных поселениях. Куда чаще амфорный бой встречается на

крупных городищах. Так, на Маяках амфорные фрагменты составляют до 12% от общего количества посуды (Михеев, 1985, с.15). Еще больше тарной керамики на археологическом комплексе у с. Сидорово. Здесь количество амфорных фрагментов составляет не менее 30% (а в некоторых комплексах оно достигает 40%) от общего числа посуды (Кравченко, 2005, с.162). Большое количество фрагментов амфор встречено в подъемном материале на крупном городище у с. Новоселовка Краснолиманского района. При этом на расположенном неподалеку городище у пгт. Кировск Краснолиманского р-на (площадь ок. 60 га) их находки встречаются относительно редко.

Особенно много тарной керамики встречено на кочевьях, расположенных в степной части региона. Здесь амфорный бой составляет большую часть керамики. Так, на поселении Грузское 8 его количество достигает 82,7%. Далее следует лепная посуда (15,8%) и фрагменты гончарных горшков (чуть более 1%). В пределах 0,45% от общего количества составляли фрагменты ойнохоевидных кувшинов крымского производства (Кравченко, Шамрай, Петренко, Мирошниченко, 2007).

Интересную категорию археологического материала представляют монеты, большая часть которых происходит с крупных поселений среднего течения р. Северский Донец (рис.2, 4). Основная часть их представлена восточной монетой. Так, на археологическом комплексе у с. Маяки византийских монет пока обнаружено не было. Среди находок присутствуют сасанидская драхма, обрезки арабо-сасанидских драхм, 2 целых и более 20 фрагментированных куфических дирхемов, относящихся к выпускам VIII – нач. IX века. Большинство их встречено в подъемном материале и лишь одна монета находилась в закрытом комплексе (половинка дирхема была расчищена среди костей кисти погребенного). Судя по всему, первоначально она была зажата в ладони (Швецов, Кравченко, 1989, с.4). Группа монет (около 20) представляет собой остатки клада, разрушенного эрозийными процессами.

Абсолютно преобладают восточные монеты и на археологическом комплексе у с. Сидорово (Михеев, 1985, с.19; Кравченко, 1985, с.160). В подъемном материале на городище было найдено две половинки арабо-сасанидских драхм, 1 целый и 6 фрагментированных дирхемов, фрагментированный и целый фельсы. На Сидоровском комплексе присутствуют и византийские монеты. Имеется информация о находке на памятнике двух солидов (Константина V и Ирины) (ныне находятся в частных собраниях). Особый интерес вызывает описанная выше находка в закрытом комплексе фоллиса Льва V. Половинка подражания милиариссию X века была обнаружена и на городище Осиянская Гора.

Восточные монеты были выявлены в разрушенном погребении на границе Донецкой и Харьковской областей (омейядский дирхем), в захоронениях Зливкинского (Городцов, 1905, с.212, 258) и Дроновского (Дегерменджи, Татаринев, Цыганенко, Копыл, 1978, с.320–321) могильников, в разрушенном погребении(?) у с. Пришиб (Сибилев, 1931–1932, с.43–44). Дирхем 815/16 гг. выпуска был обнаружен близ сл. Райгородок (Спесивцев, 1905, с. 155–156). Единственная находка саманидского дирхема, о которой упоминалось ранее, (Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998, с.139), представляется крайне сомнительной.

Немногочисленные находки монет в южной части региона представлены фрагментом солида Константина V (Чистяково) и двумя аббасидскими дирхемами, входившими в инвентарь курганного захоронения, обнаруженного при строительстве завода «Стан 3000» в г. Мариуполь. Обе монеты были выпущены в Багдаде. Дата – 156 г.х. (772/3 гг.) читается только на одной из них (любезное определение В.П.Лебедева).

Предметы позднекочевнического периода

Гибель Хазарии и приход в степь новых кочевников привели к резкому сокращению количества оседлого населения. В это время в среднем течении Северского Донца продолжала существовать группа небольших поселений, на которых проживало пестрое в этническом плане население. На данной территории изучался лишь один грунтовый могильник, имеющий отношение к указанной группе памятников (Зливки 2), часть захоронений которого вполне могла относиться к домонгольскому времени. По мнению автора раскопок, погребения на этом кладбище были произведены по христианскому обряду. О связях с христианским миром

свидетельствуют парчовые воротники византийского производства обнаруженные в двух могилах (Швецов, 1991, с.117, рис.VI, 6).

Встречаются привозные предметы и в погребениях кочевого населения. Особый интерес в этом плане представляет находка в захоронении у с. Сидорово (погр.5, кург.4) (рис.4, 2–3) фрагментов привозной ткани (шелк или парча, специальное изучение фрагментов не производилось) (Афендик, 1936) (рис.4, 1), которой была обита деревянная коробочка (шкатулка), стоявшая в головах у погребенной. Судя по остальным предметам (в том числе разомкнутым полым височным кольцам), указанное захоронение датируется домонгольским временем.

В целом же, в этот период количество находок импортных изделий на территории региона сильно сокращается. С полной степенью уверенности это нельзя утверждать по отношению к импорту оружия. Из позднекочевнических захоронений, раскопанных на интересующей нас территории, происходит достаточное количество предметов вооружения, большинство которых дошло в таком состоянии, что делать по ним какие-либо выводы затруднительно.

Привозные предметы золотоордынского времени

Монгольские походы XIII в. и появление Золотой Орды, объединившей степи Восточной Европы в рамках единого государства, ознаменовалось резким увеличением потока в Степь импортных изделий. Как и в предшествующий период, не совсем ясна ситуация с импортом оружия. Тем не менее, среди предметов вооружения группа привозных выделяется достаточно четко. Так, в захоронении конного воина (с.Кировское Волновахского р-на) (возможно, XIV в) был обнаружен комплекс защитного снаряжения (шлем с портретной маской) (Кравченко, 2003а) (рис.7, 5). По мнению А.Н.Кирпичникова такого рода предметы производились на Ближнем Востоке (Кирпичников, 1971, с.29).

Уникальна находка близ сл. Райгородок богато декорированного меча с арабской надписью (ОАК, 1898, с.84–87; Спесивцев, 1905, с.153–156), напоминающего по своей форме европейские образцы (VI тип) (Кирпичников, 1966, табл. XXX, 3; с.55–56). Меч имел серебряный эфес и обвитую серебряными нитями рукоять, на навершии которой присутствовало изображение сцены соколиной охоты на зайца (рис.7, 4). Особенности декора свидетельствуют, что данный предмет был произведен в XIII–XIV вв. на Ближнем Востоке.

К числу очень редких находок, также связанных с восточным импортом относится и налобная пластина от конского доспеха, обнаруженная в 20-х гг. XX в. Г.Г.Афендиком в районе г. Мариуполь (экспозиция Мариупольского краеведческого музея). В музейном перечне рядом с данными о ней фигурирует описание вещей из курганных захоронений, раскопанных в окрестностях города. Иных сведений об условиях ее выявления нет.

Интересную находку представляет обломок сабли, обнаруженный на селище золотоордынского времени, у пос. Ямполь Краснолиманского р-на (находится в частном собрании) (рис.7, 6). Основная часть находок сабель этого типа происходит из Северо-Кавказского региона (Валиуллина, 2004, с.167; Нарожный, 1987, с.187, рис.17, 6; Березин, Березин, Нарожный, 2007, с.193–194, рис.23–24). Одна обнаружена на Средней Волге (Валиуллина, 2004, с.167). Тем не менее, сам тип, скорее всего, имеет ближневосточное происхождение.

Скорее всего, на Востоке была изготовлена и медная чашечка, найденная близ с. Татьяновка Славянского района (рис.6, 1–2). Автором публикации данный сосуд был отнесен к раннесредневековому времени (Гриб, 2008, с.7–9). Тем не менее, форма и особенности декора (изображения на внешней стороне сосуда, выполнены на сетчатом фоне) (Даркевич, 1976, с.115) свидетельствуют в пользу датировки указанного предмета эпохой развитого средневековья.

К числу восточных импортов относится днище от бронзовой массивной литой граненой ступки, обнаруженное А.В.Шамраем на территории археологического комплекса у с. Маяки. Близкого типа ступки, которые В.П.Даркевич относит к числу малоазийских импортов, известны в материалах Херсонеса, в Сахновке и армянском замке Амберд (Даркевич, 1976, с.132, табл.47). Имеются находки таких предметов и на Средней Волге (Руденко, 1992, с.79–80).

Скорее всего, ближневосточное происхождение имеет зеркало из погребения, обнаруженного у Донецкой фильтровальной станции (Привалова, 1998, с.166, рис.5, 1). Кроме него в за-

хоронении присутствовали два золотых колта (рис.8, 5), находящие параллели среди древностей золотоордынского времени (Федоров-Давыдов, 1966, с.39, 40, рис.6–IV) на землях Руси (Корзухина, 1954, с.126–128) и в Волжской Болгарии (Смирнов, 1951, с.155–156). Зеркало из погребения у ДФС (рис.8, 4) выделяется из массы зеркал, широко представленных на памятниках золотоордынского времени, как в данном регионе (Мирошниченко, 2006), так и на других территориях (Руденко, 2004, с.111–157; Недашковский, Ракушин, 1998б). Аналогичное зеркало было обнаружено в Сарае ал-Джедид (Греков, Якубовский, 1950, Фотоприложение).

Отдельную категорию находок представляет привозная посуда. Так, на поселениях и кочевьях часто встречаются фрагменты амфор (Кравченко, 2001б, с.200; Кравченко, 2003б). Реже попадает поливная керамика, представленная в основном обломками красноглиняных сосудов крымского производства (рис.8, 8). Присутствуют в коллекции находки фрагментов посуды и изразцов, изготовленных на Северном Кавказе (в Маджаре) (Волков, 2007, с.35). Кашин поволжского производства (рис.8, 7) довольно редок, а китайский фарфор (рис.8, 6) вообще представлен единичными находками.

Группа предметов, представляет собой изделия западноевропейских мастеров. Один предмет – бронзовая человеческая фигура (рис.7, 1), был вывернут плугом при вспашке участка у подножия курганной насыпи, у с. Новозарьевка Старобешевского р-на (Привалова, 1993, с.60–61, рис.77). Каких-либо иных вещей с ним обнаружено не было.

Второй предмет (рис.7, 3) был обнаружен в начале XX в. у нынешнего с. Еремовка Изюмского р-на Харьковской области. Он представляет собой бронзовый водолей, выполненный в виде фигуры конного рыцаря с девушкой (Тристан и Изольда) (Швецов, 1993, с.с.61, рис.78–81). Каких-либо дополнительных данных об этой находке не имеется. В окрестностях нынешнего села известно значительное количество курганных насыпей и поселений, в том числе и эпохи развитого средневековья.

Еще один предмет – фигурка, изображающая льва (рис.7, 2), был найден в 50-х гг. XX в. где-то в Донецкой области (Кравченко, 2001а). Точных данных о месте и условиях его обнаружения нет. Предмет входил в состав коллекции В.С.Евсеева, хранящейся в фондах Донецкого краеведческого музея. Функционально он представляет собой деталь алтарного светильника, выполненного в виде фигуры льва, на спине которого восседал Самсон.

Все описанные выше предметы были отлиты в мастерских Южной Саксонии во 2-й пол. XII – 1-й пол. XIII века. Тем не менее, все они несут на себе следы длительного использования, и в землю попали, по нашему мнению, не ранее кон. XIII – нач. XIV века. Большинство этих предметов являлось деталями оборудования алтарей католических храмов, и могли появиться в степи, как с европейскими послами, так и в виде военной добычи. Причем, как из Европы, так и из Крыма, разоренного в 1299 г войсками Ногай (Греков, Якубовский, 1937, с.62).

Группа импортных изделий была обнаружена в курганном захоронении у с. Новоивановка Амвросиевского р-на. Указанный комплекс датировали домонгольским временем (Швецов, 1974, с.93–98), тем не менее, присутствие в нем поздних вещей позволяет отнести это захоронение к золотоордынскому периоду. Среди находок два перстня (рис.5, 2–3), в том числе и перстень-печатка с греческой надписью на щитке (рис.5, 2), котел (рис.5, 7), крымская ойнохоя (рис.5, 6), витые браслеты (рис.5, 4), нож с костяной резной рукоятью, близкой предметам, произведенным в косторезных мастерских Болгара (рис.5, 5), фрагментированная брошь, гривна и прочие украшения (рис.5, 1; 6, 4).

Из разрушенного курганного захоронения (окрестности г. Амвросиевка) происходит серебряный колт, ныне хранящийся в экспозиции Донецкого областного краеведческого музея (рис.6, 3).

Интерес представляют остатки одежды, обнаруженные в курганном захоронении у с.Самойлово Новоазовского р-на (шелковый халат и златотканная лента с псевдо куфическим орнаментом) (Швецов, 2004, с.244–246, 255, 258). Близкого типа лента была обнаружена в Чингульском кургане (Елкина, 1989, с.171).

Отдельную группу составляют предметы христианского культа. В музее Донецкого государственного университета хранился бронзовый медальон с изображением Св.Георгия (рис.8, 3) (ныне утрачен), найденный неподалеку от пос. Гранитное Тельмановского р-на (Привалова, Привалов,

1988, с.91, рис.21, 17; Косиков, Шаповалов, 1988, с.44). О месте находки второго, практически идентичного медальона в публикации не указано, но из текста ясно, что он также происходил с территории Донецкого Крѣжа.

Группа предметов христианского культа была обнаружена на археологическом комплексе у с.Маяки, где в золотоордынское время находился крупный центр. Одной из таких находок является медный золоченный медальон, на котором в технике перегородчатой эмали выполнено изображение Св. Николая (рис.8, 1). По характеру он близок перегородчатым эмалям Южной Руси, от которых отличается небрежностью исполнения. Характерный вид обрамления, декорированного напаянными сканными S-видными фигурами, сходство с эмальями золотоордынского времени (медальон со Св.Георгием из Новгорода и др.) (Макарова, 1985), также свидетельствует о том, что указанный предмет был изготовлен в золотоордынское время (Кравченко, Швецов, 1995). В частности, новгородский медальон был найден в слое, датирующемся 20-ми гг. XIV века (Седова, 1981, с.166–167, рис.68, 80, 2). Таким образом, рассматриваемый медальон относится к группе поздних эмалей представляющих огрубленную реплику с более ранних, древнерусских, вещей. Их вполне могли производить как на русских землях (напр. в Новгороде, как считала Т.И.Макарова), так и в степных городах Золотой Орды, для нужд православного населения.

Вторая находка представлена каменной иконкой с изображением Св. Николая и Семи спящих отроков Эфесских (рис.8, 2) (Шамрай, 1995, с.67–70). По материалу, технике исполнения и стилистическим особенностям она находит параллели среди резных иконок XIII–XIV вв. новгородского производства (Николаева, 1983, табл.24).

Кроме выше перечисленных предметов в окрестностях Маяк и на памятнике обнаружена группа нательных крестов (два энколпиона и крестик с эмальями) (рис.6, 5), близкие предметам, происходящим с русских земель (Шамрай, 2009, с.56–60).

Таким образом, периоды активного поступления указанных предметов в Степь чередовались с периодами, когда поток импорта сокращался, или вовсе прекращался. Для эпохи Великого переселения народов характерны находки византийских монет. Все они относятся к V–VI вв. и концентрируются в Восточном Приазовье. По мнению Е.В.Круглова, подобные материалы «маркируют территорию I Тюркского и Западнотюркского каганатов и отражают наиболее ранние византийско-тюркские контакты 558–576 гг.» (Круглов, 2005, с.88). Интересно наличие немногочисленных медных монет, игравших видную роль в обращении на византийском рынке (Гурулева, 2004, с.437) и не представлявших интереса для кочевого населения. Находки их могут свидетельствовать о присутствии в Приазовье выходцев с территории Византии (дипломаты, торговцы или миссионеры). Интерес представляют женские захоронения с нехарактерными для данного региона украшениями. Вполне вероятно, здесь мы имеем дело с женщинами, погребенными в национальном костюме, которые попали в Степь в результате межплеменных браков.

Предметов импорта и монет VII в на рассматриваемой территории не обнаружено. Собственно, здесь практически полностью отсутствуют как поселения, так и курганные погребения этого периода. В среднем течении р. Северский Донец в V–VII вв. функционирует группа поселений пеньковской культуры, вытянутых цепью вдоль течения реки, до места впадения в нее р. Казенный Торец. Создается впечатление, что проживающая на них группа населения, либо находилась в союзных отношениях со степняками, либо заселяла пустующую территорию, на которую степные соседи просто не претендовали. В противном случае, немногочисленные неукрепленные поселения вряд ли смогли бы существовать в непосредственной близости от Степи. Подобная ситуация не согласуется с точкой зрения, что степные пространства Северного Приазовья входили в состав мощного объединения, упоминающегося в источниках под именем Великой Болгарии.

Немногочисленные находки византийских монет хазарского времени представлены, в основном, солидами VIII века. Присутствие на поселениях СМК золотых монет императоров-иконоборцев является вполне нормальным явлением (Семенов, 1991, с.127). Показательно, что из трех известных находок – одна монета фрагментирована (около 1/2 целого экземпляра), а вторая обрезана по кругу. Монеты в подобном состоянии часто встречаются на терри-

тории Крыма, где, по мнению В.В.Гурулевой, обрезка монеты представлялась не порчей «а скорее сознательной и, возможно, даже санкционированной властями акцией» (Гурулева, 2004, с.439–440). Значительное количество подобным образом «испорченных» солидов сохранил и клад из Анастасиевки, монеты которого, по мнению А.И.Семенова, попали на Кубань с территории Крыма (Semenov, 1994, p.85). Вполне возможно, что в Северное Приазовье и среднее течение Северского Донца солиды также шли из крымских владений Византии. Единичные находки серебряной и медной византийских монет более позднего времени пока являются исключением. Тем не менее, присутствие таких находок (пусть и единичных) в закрытых комплексах IX–X вв. вместе со стеклом и тарой византийского и крымского производства, свидетельствуют о существовании в этот период активных связей населения региона с Византией, которые осуществлялись через Крым и степи Приазовья и Донецкого Края.

Более многочисленную группу находок составляют восточные монеты. Наиболее поздние из них чеканены Аббасидами в VIII в. и несут следы длительного нахождения в обращении. Показательно то, что к северу от рассматриваемого нами региона, на территории лесостепи, находки более поздних, саманидских монет, равно, как и подражания им, представлены в достаточном количестве (Бейдин, Григорьянц, 2007, с.39–51). Вероятно, это отражает изменение направления торговых путей, возможно, как-то связанное с внутренними конфликтами, потрясшими каганат в нач. IX в. (Артамонов, 2001, с.433–442).

С чем связано резкое сокращение потока импортных изделий в половецкое время не совсем ясно. Возможно, здесь сыграла роль общая нестабильность обстановки на этом участке степи (Плетнева, 1985, с.249–279). Факт наличия на территории Донецкого региона большого количества половецких каменных изваяний дал основание относить эту территорию к основным районам расселения половцев Донского союза. Тем не менее, половецких захоронений домонгольского времени здесь обнаружено не так уж много, а элитные погребения, как правило, все относятся к золотоордынскому времени. Более того, разведки, производимые на кочевьях Приазовья и Края, показали полное отсутствие материалов, которые можно было бы связать с половцами домонгольского периода. В целом, создается впечатление, что данный регион занимал достаточно скромное место среди территорий Донских половцев. Вполне вероятно, что он представлял собой западную окраину их территории, где могли размещаться святилища, связанные с культом предков.

И, как указывалось выше, резкое увеличение потока импортных изделий наблюдается в золотоордынское время. По ним четко видно преобладающее направление связей региона. Прослеживаются контакты с территорией Северного Кавказа и Русью. Слабее читаются связи с Поволжьем и Средней Азией, причиной чему, по-видимому, были конкретные политические обстоятельства (Кравченко, 2003б; Кравченко, 2007, с.66–73). Наиболее же четко видна связь региона с Крымом. В 60–80-х гг. XIV в. рассматриваемые нами земли, скорее всего, были подчинены Крыму и политически. Именно с территории Крыма происходит подавляющее большинство поливной и тарной керамики, обнаруженной на памятниках Донецкого региона. Оттуда могли попасть предметы романского художественного литья (Кравченко, 2001а, с.258–259). Наиболее вероятно, что через Крым шли в Степь и предметы, произведенные на Ближнем Востоке.

Распад Золотой Орды и следующие за ним сложные политические события XV в. катастрофически отразились на жизни рассматриваемых нами земель. На два столетия огромные степные просторы между Русским государством на севере и Крымским ханством на юге обезлюдели. И лишь по старой памяти Крымское ханство считало значительную часть этих земель своими, вплоть до русской колонизации их во 2-й пол. XVII века.

Литература

1. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. – 175 с.
2. Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2001. – 688 с.
3. Бейдин Г.В., Григорьянц М.Н. Клады и монеты Харьковщины. Харьков, 2007. – 122 с.

4. Березин С.Я., Березин Я.Б., Нарожный Е.И. Позднесредневековые курганы могильника «Иноземцево-1» (публикация и историческая интерпретация материалов) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.8. Армавир, 2007.
5. Валиуллина С.И. Бальнгузское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период. // Татарская археология №1–2 (12–13), 2004. – С.157–191.
6. Волков И.В. Поливная керамика Маджара // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв.». Тез. докл. II международной научной конференции (Ялта, 19–23 ноября 2007 г.). Ялта, 2007. – С.33–42.
7. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Тр. XII АС. Т-1. М., 1905. – С.210–342.
8. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда. Л., 1937. – 203 с.
9. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. – 473 с.
10. Гриб В.К. Образец торевтики раннесредневекового времени из с. Татьянавка в Подонцовье // Святогірський альманах 2008. Донецьк, 2008. – С.7–11.
11. Гурулева В.В. Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Сугдее // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2004. – С.430–441.
12. Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М., 1976. – 197 с.
13. Дегерменджи С.М., Татаринцов С.И., Цыганенко В.А., Копыл А.Г. Раскопки поселения эпохи бронзы на Северском Донце // АО, 1977. М., 1978. – С.320–321.
14. Елкина Е.А. Древний текстиль в находках Донецкой археологической экспедиции // Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе. Донецк, 1989. – С.170–171.
15. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. // САИ. Е1–36. Вып.1. М., 1966.
16. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // САИ. Е1–36. Вып.3. Л., 1971.
17. Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.-Л., 1954. – 156 с.
18. Косиков В., Шаповалов Т. Давньоруські медальйони // Пам'ятки України, №1, 1988. – С.44.
19. Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. Новые данные о христианском населении края в XIII–XIV вв. // Материалы научно практической конференции посвященной 15 летию заповедника. Славяногорск, 1995. – С.70–79.
20. Кравченко Э.Е., Гусев О.А., Давыденко В.В. Ранние мусульмане в среднем течении Северского Донца (по археологическим источникам) // Археологический альманах №7. Донецк, 1998. – С.113–140.
21. Кравченко Э.Е., Шамрай А.В. Погребальные комплексы хазарского времени с баклагами на территории Донецкой области // Донская археология. №3–4. Ростов-на Дону, 2000. – С.70–82.
22. Кравченко Э.Е. Бронзовый лев из фондов Донецкого музея // Археологический альманах №10, Донецк, 2001а. – С.255–260.
23. Кравченко Э.Е. Средневековый комплекс поселения Раздольное на р. Кальмиус в Донбассе // Археологический альманах №10. Донецк, 2001б. – С.197–208.
24. Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Донецк, 2001. – С.233–302.
25. Кравченко Э.Е. Погребение знатного воина XIII в. на реке Калке // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. Донецк, 2003а. – С.123–130.
26. Кравченко Э.Е. Средневековый комплекс поселения Ляпинская Балка в Северо-Восточном Приазовье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. Донецк, 2003б. – С.348–362.
27. Кравченко Э.Е., Мирошниченко В.В., Петренко А.Н., Давыденко В.В. Исследования археологического комплекса у с. Сидорово (материалы экспедиций 2001–2003 гг.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Донецк, 2005. – С.261–356.
28. Кравченко Э.Е. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Донецк, 2005. – С.153–186.
29. Кравченко Э.Е., Шамрай А.В., Петренко А.Н., Мирошниченко В.В. Отчет об исследованиях поселения Грузское 8 и Торской крепости в 2007 г. // НА ИА НАНУ. № 2007/. – С.14.

30. Кравченко Э.Е. Донецкие степи в золотоордынское время (отражение особенностей истории региона в керамическом комплексе его памятников) // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. Тез. докл. II международной научной конференции. Ялта, 2007. – С.66–73.
31. Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ Е4–4. М., 1962.
32. Круглов Е.В. Этапы обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях и их датирующие возможности в памятниках археологии // Археологические записки. Вып.4. Ростов-на-Дону, 2005.
33. Кучугура Л.И. Древняя и средневековая история Приазовья // Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века. Мариуполь, 2006. – С.32–55.
34. Макарова Т.И. Две находки предметов с перегородчатой эмалью из Новгорода и Смоленска // СА. 1985, №3. – С.241–246.
35. Мирошниченко В.В. Металлические зеркала из коллекции Донецкого областного краеведческого музея // Літопис Донбасу. №14. Донецк, 2006. – С.185–196.
36. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Х., 1985. – 147 с.
37. Михлин Б.Ю., Саенко Р.И. Погребение антского времени в Донецкой области // Археологические экспедиции 1965–1970 гг. Краткий информационный сборник. – М., 1971. – С.84–85.
38. Нарожный Е.И. Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т.3. Нальчик, 1987.
39. Недашковский Л., Ракушин А. Бронзовые зеркала 2-й пол. X – XIV вв. из музея Саратовской области // Татарская археология. №3. Казань, 1998б. – С.87–108.
40. Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. // САИ. Вып. Е1–60. М., 1983.
41. Отчет археологической комиссии за 1898 г. СПб., 1901. – С.84–86.
42. Плетнева С.А. Донские половцы // Слово о полку Игореве и его время. М., 1985. – С.249–281.
43. Привалова О.Я., Привалов А.И. Список памятников археологии Украины. Донецкая область. Киев, 1988. – 110 с.
44. Привалова О.Я. Бронзовая мужская фигурка // Археологический альманах №1, Донецк, 1993. – С.60–61.
45. Привалова О.Я. Богатые кочевнические погребения из Донбасса // Археологический альманах №7. Донецк, 1998. – С.157–167.
46. Приходнюк О.М. Пастирське городище. Київ-Чернівці, 2005. – 244 с.
47. Руденко К.А. Булгарская бронзовая посуда и торговые пути средневековья // Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992. – С.78–86.
48. Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология №1–2 (12–13). Казань, 2004. – С.111–156.
49. Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. – 195 с.
50. Семенов А.И. Византийские монеты Келегейского комплекса // АСГЭ №31. Л., 1991. – С.121–130.
51. Сибилев Н.В. Дневник разведок за 1931–1932 гг. // НА ИА НАНУ. Рукописный фонд Н.В.Сибилева. Ф-5 №166. – С.43–44.
52. Смирнов А.П. Волжские болгары // Тр ГИМ. Вып. XIX. Л., 1951. – 275 с.
53. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. – 175 с.
54. Спесивцев В. Находки в Райгородке // Труды XII археологического съезда в Харькове в 1902 г. Т.1. М., 1905. – С.153–157.
55. Тахтай А.К. Погребальный комплекс хазарского времени из округа г. Чистяково Сталинской области // Vita antique №2. Киев, 1999. – С.160–169.
56. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. – 274 с.
57. Шамрай А.В. Каменная иконка с Царина городища // Материалы конференции посвященной 15-летию заповедника. Славяногорск, 1995. – С.67–70.
58. Шамрай А.В. Средневековые христианские древности в среднем течении Северского Донца // Святогірський альманах. Донецьк, 2009.

59. Швецов М.Л. Богате кочівницьке поховання з Донбасу // Археологія. 1974, №13. – С.93–98.
60. Швецов М. Могильник «Зливки» // Проблеми на прабългарската история и култура. Т.2. София, 1991. – С.109–123.
61. Швецов М.Л. Водолей (акваманил) бронзовый в виде конного рыцаря // Археологический альманах №1. Донецк, 1993. – С.61.
62. Швецов М. Л., Кравченко Э. Е., Отчет о спасательных археологических исследованиях на памятнике у с. Маяки и пос. Донецкого Славянского р-на Донецкой обл. в 1989 г. // НА ИА НАНУ №1989/249. – С.22.
63. Швецов М.Л. Курганы у с. Самойлово (бассейн Грузского Еланчика, Северо-Восточное Приазовье) // Археологический альманах, №14. Донецк, 2004. – С.253–259.
64. Якобсон А.Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья // СА. XV. 1951. – С.325–343.
65. Podobed V.A., Simonenko A.V. A late sarmatian burial in the Central Donetsk basin // *Communicationes archaeologicae Hungariae*. 1998. – С.100–108.
66. Semenov A.I. New evidence on the Slavyansk (Anastasiyevka) hoard of 8th century ad Byzantine and Arab gold coins // *New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia*. Sankt-Petersburg, 1994. – С.83–85.

КОНСТРУКЦИИ ИЗ ДЕРЕВА В ПОГРЕБЕНИЯХ ЯМНОГО ТИПА ПРАБОЛГАР СТЕПНОГО ПОДОНЦОВЬЯ

Л.И. Красильникова, К.И. Красильников

*Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко, г. Луганск
Луганское отделение Восточноевропейского филиала ИА НАНУ, г. Луганск*

Степное Подонцовье в хазарское время VIII – пер. пол. X вв. как обширный массив салтово-маяцкой культуры (СМК) все еще остаётся «неизвестной» территорией. В салтовской литературе о населении из этого региона первые сведения появились в 40-х годах прошлого столетия. М.И. Артамонов, в частности, обозначил рассматриваемую территорию как составную в структуре Хазарского каганата (Артамонов, 1940. С. 161–163), однако, её этнокультурный потенциал оставался неопределяемым (Плетнёва, 1999. С. 7–8). В 50-х годах тему степных памятников СМК продолжил И.И. Ляпушкин. Из материалов раскопок, проводимых им в Подонье, стало ясно, что степи в хазарское время населяли различные этносы, среди них ведущее место занимали «праболгары».

Идентифицирующими признаками праболгар были обозначены: характерные им погребальные обряды могил ямного типа, инвентарь из них в виде бытовых изделий, некоторые, визуального уровня, антропологические наблюдения (Ляпушкин, 1958. С. 95 и сл.).

С целью предметного представления о содержании СМК в степной части в 60-х годах С.А. Плетнёвой были проведены выборочные разведки территории Степного Подонцовья, в частности, бассейна р. Айдар (Плетнёва, 1964; 1967. С. 194). Сведения о памятниках СМК позволили наметить направления поисков на перспективу (Плетнёва, 1967. С. 87). В географическом пространстве под названием «Донецкие степи 1» (Плетнёва, 1999. С. 65–83) с 70-х годов и по настоящее время продолжают разведки теперь уже тотального направления, которыми охвачена практически вся степная часть Подонцовья и левого склона Донецкого кряжа на общем им пространстве около 40 тыс. км², что составляет примерно 1/5 часть Правобережных Донских степей. В настоящее время число археологических памятников здесь составило около 400, из них поселений более 350 ед. (стойбища, кочевья и селища), около 40 мест связаны с захоронениями (Красильников, 1981. С. 110–113. Рис. 1). В итоге раскопки части поселений и могильников определили этнический состав населения степей, основные черты культуры праболгар. Предположения И.И. Ляпушкина относительно салтовских памятников Северского Донца, их потенциала в изучении СМК нашли подтверждение (Ляпушкин, 1958. С. 90). В настоящее время Степное Подонцовье, по признанию С.А. Плетнёвой, несомненно, самый разведанный район Донских степей (Плетнёва, 1999. С. 73), здесь же ведутся работы по изучению различных сторон истории его населения. В этом направлении на пяти поселениях раскрыты участки с площадью от 5 до 15 тыс. м² изучены шесть могильников с более 250 ямными захоронениями (рис. 1, 1–6). Часть из них представлены этнически чистым составом праболгар (Желтое, Серебряное, Новодачное), другие (Лысогоровка) этноконфессиональными включениями. Различаются могильники и в хронологическом диапазоне (Новолимаревка могильники М¹ и М²).

Среди всего набора сведений, касающихся ритуально-обрядовых традиций праболгар, остановимся на одних из менее рассмотренных в литературе – погребениях ямного типа с деревом. В данном случае речь пойдёт не столько об использовании древесины в системе погребальной обрядности праболгар, сколько о региональной специфике её применения в различных конструктивных вариантах захоронений ямного типа.

Концептуально использование дерева как материала в оформлении могил, как с языческой, так и исламской обрядностью, могло предусматривать два момента: во-первых, обрамление ям досками, предупреждающими осыпи стен; во-вторых, изолировали тело умершего от соприкосновения с почвой. Порядок, предусматривающий изоляцию тела, неоднократно констатируют материалы мусульманских могильников X–XII вв. Волжской Булгарии (Халикова, 1989. С. 44 и сл.). Аналогичное наблюдаем в погребениях с исламской обрядностью на

могильниках СМК Степного Подонцовья. Примером могут служить более 20 могил из 51 на могильнике Лысогоровка, в которых зафиксирована древесина и захоронения выполнены по канонам ислама (узкие ямы, западная ориентировка, поворот лица и стоп ног к югу, безинвентарность, соответствующие позы рук). В семи случаях здесь же две, иногда три, стороны ямы оформлены досками, в 15 случаях умершие накрыты плахами.

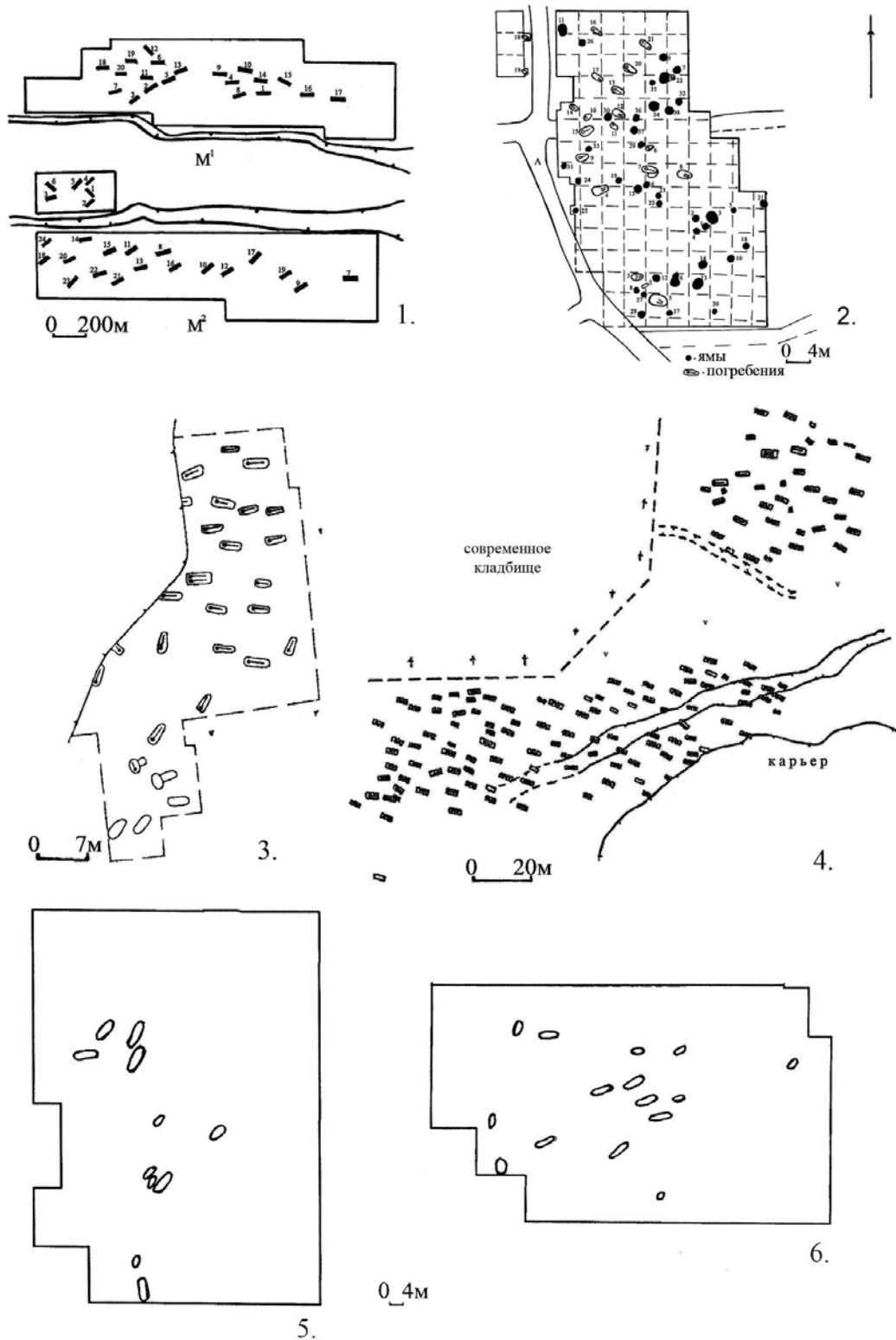

Рис. 1. Планы погребений могильников Степного Подонцовья: 1) Новодачное; 2) Новолимаревка; 3) Желтое; 4) Лысогоровка; 5) Черниково; 6) Серебрянка.

Заметно шире и разнообразней древесину использовали в оформлении могил язычники. Процент могил, в которых обнаружена древесина в пределах 30–40%. В среднем в 200 могилах праболгар каждая третья с деревом. Конкретная статистика применения дерева на каждом из некрополей Степного Подонцовья представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Могильник Степного Подонцовья	Кол-во погреб.	Плахи поперечн. I	Плахи продольн. II	Доски с двух и трёх сторон. III	Ящики рамы IV	Колода V
Желтое	26	8–30,7%				
Новолимаревка	41	14–34%			2–4,8%	1–2,4%
Новодачное оз. Черниково	24	9–37,5%				
Серебряное	15					
Лысогоровка	85	28–33%	8–9,4%	14–16,5%	19–22,3%	2–2,3%
Всего	202	59–29,2%	8–4%	14–7%	21–10,4%	3–1,5%

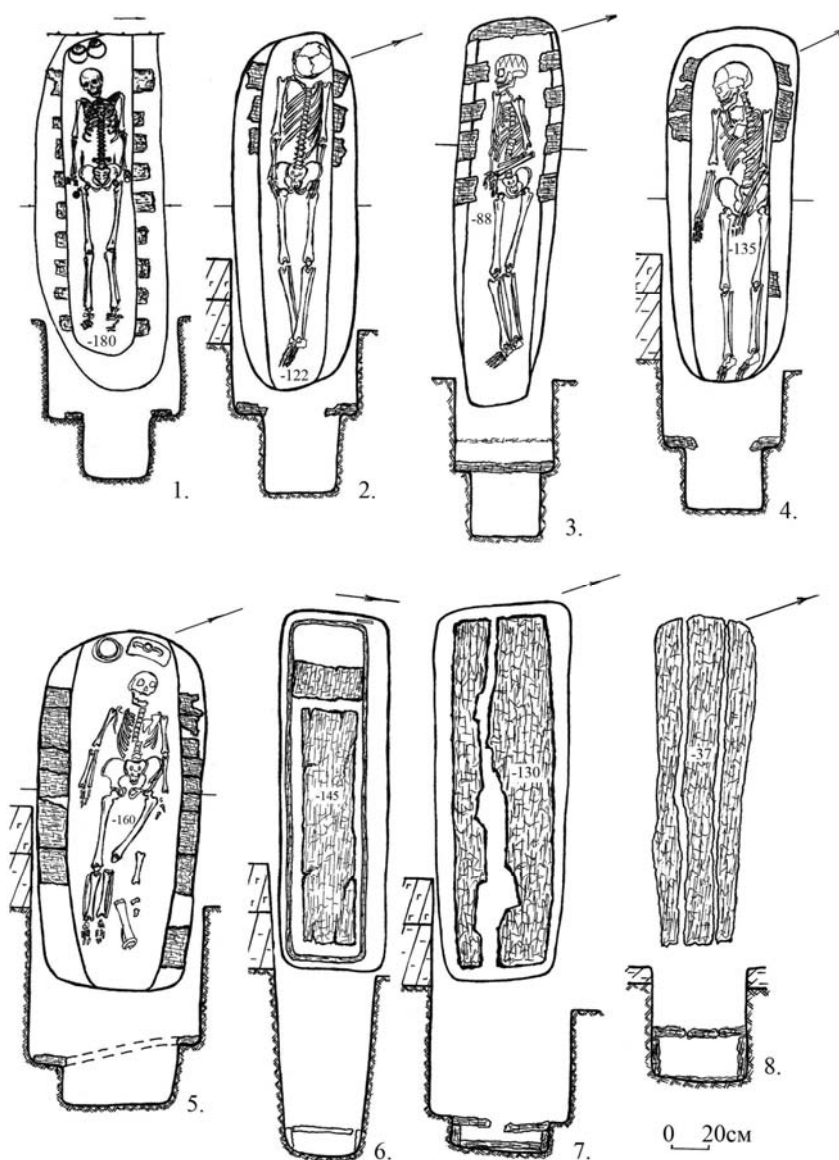

Рис. 2. Погребения с перекрытиями: 1–5) перекрытия плахами; 6–8) перекрытия досками.

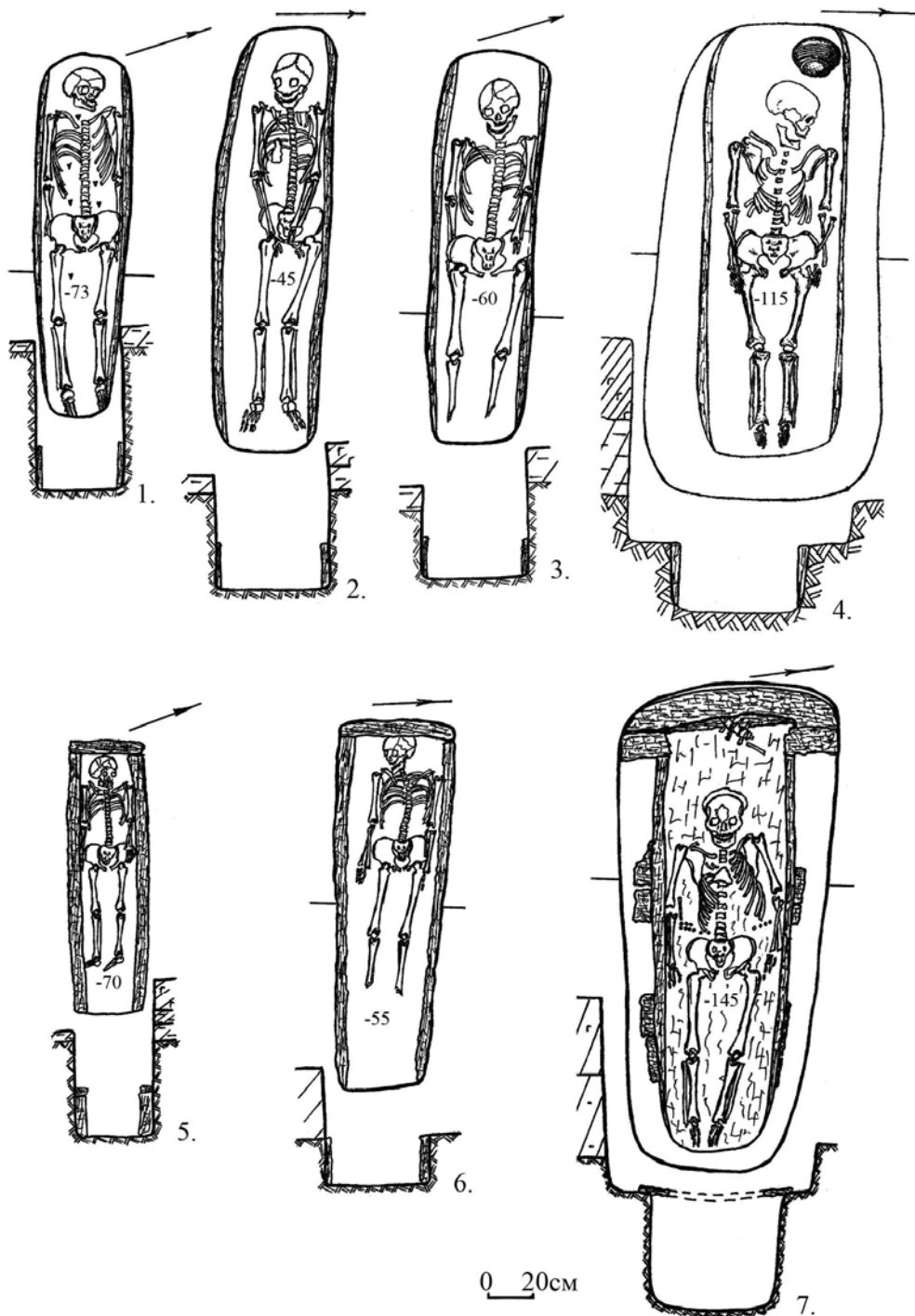

Рис. 3. Погребения с обрамлениями досками: 1–4) погребения, оформленные двумя досками; 5–7) погребения, оформленные тремя досками.

Отсутствие признаков древесины на Черниковском и Серебрянском могильниках, видимо, следует объяснить тем, что захоронения выполнены в песчаной почве, естественно, исследователи могли не проследить почти разрушившуюся органику (Швецов, Санжаров, Прынь, 2001. С. 333–246). Подобная ситуация наблюдалась на Зливкинском могильнике (Плетнёва, 1967. С. 92; Швецов, 1991. С. 113 и сл.). На четырёх могильниках ямного типа характер использования древесины различный, от обычных традиционных плах до сложных конструкций типа гробов-рам и даже гробов-колод. Здесь следует выделить пять основных приемов оформления погребений.

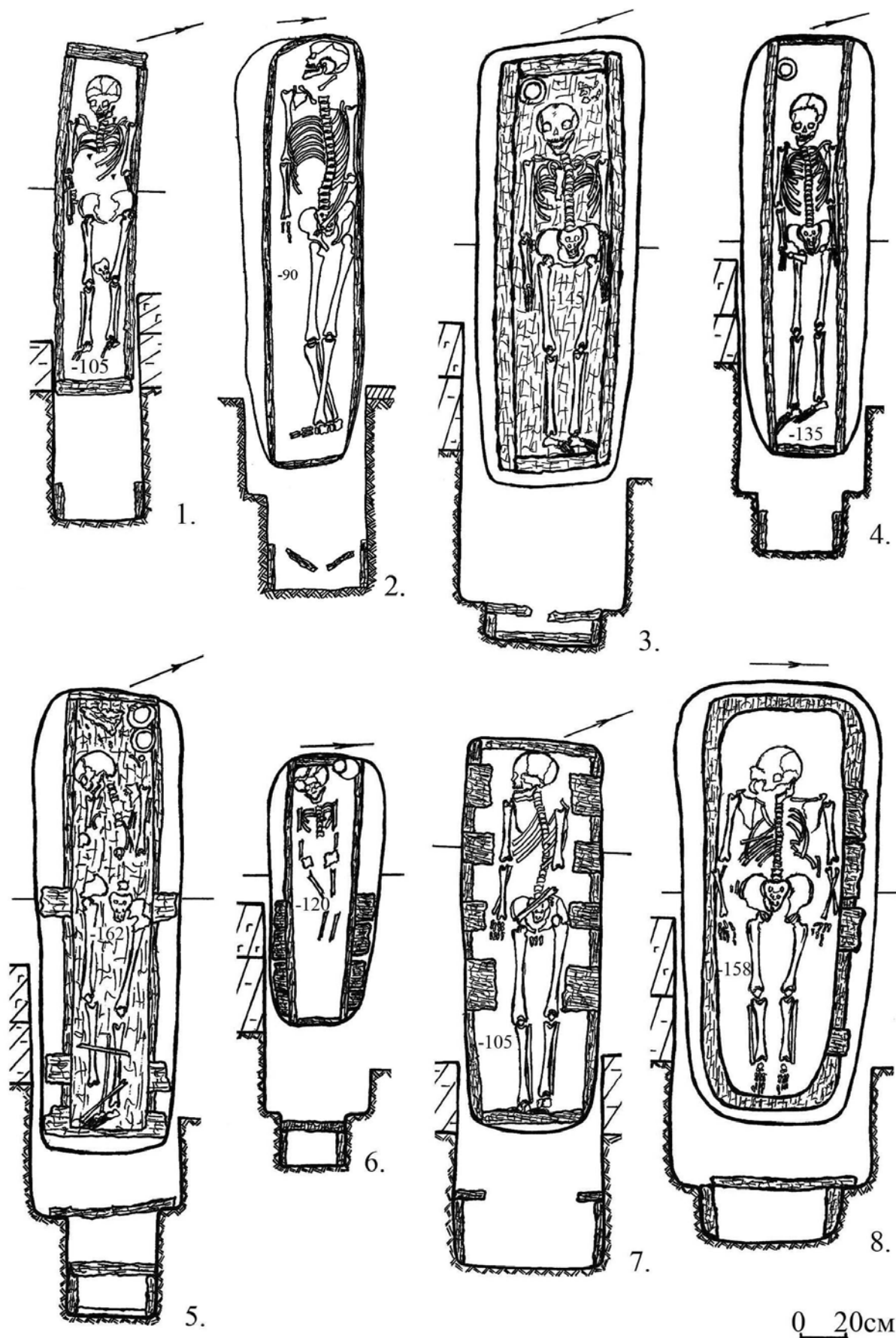

Рис. 4. Погребения в конструкциях из дерева: 1–4) погребения в гробах-рамах.
5–8) рамы перекрытые плахами.

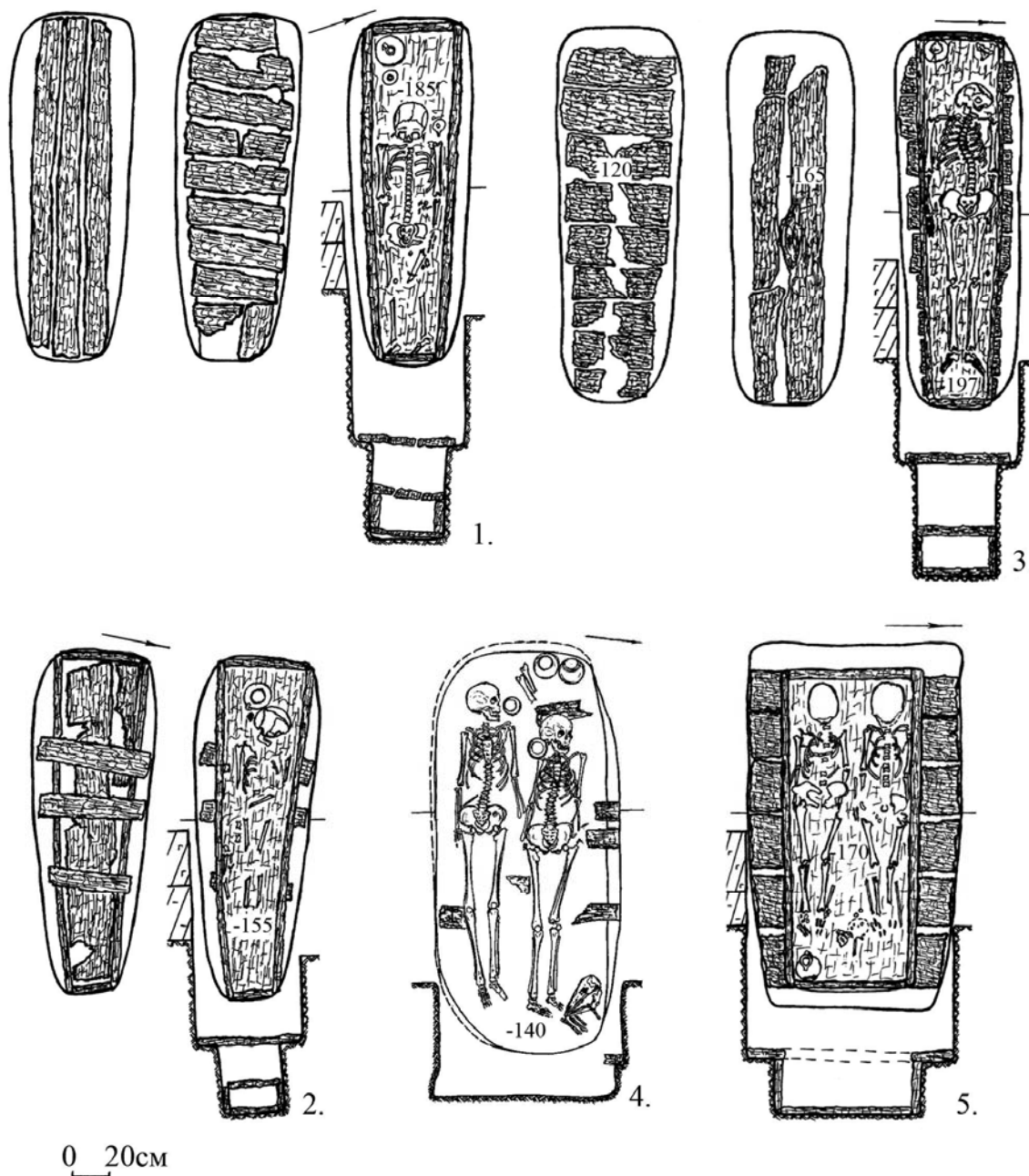

Рис. 5. 1–3) Погребения в гробах-рамах дооформленных плахами и досками-крышками.
4–5) Парные погребения с.Желтое и с.Лысогоровка.

Первый приём – плахи от 2 до 10 уложены горизонтально на заплечики или на грунт засыпки перпендикулярно к длине ямы (рис. 2, 1–5). Из 202 могил они в 59 (29,7%).

Второй приём также имеет отношение к плахам, но в данном случае они уже как доски уложены вдоль длины ямы и, опираясь на заплечики подобно крышкам, разделяют могилу на погребальную часть и её заполнение (рис. 2, 6–8). Плахи, уложенные продольно, расчищены только на могильнике Лысогоровка в 8 ямах (9,4%).

Третий приём, 14 могил (16,5%), в них две плахи-доски уложены вдоль длинных сторон ямы и этим приёмом как бы обрамляют стены, «удерживая их от осыпей» (рис. 3, 1–4) все на могильнике Лысогоровка. К этому же приёму следует отнести ситуацию, при которой яма оконтурена с трёх сторон и ящик с замкнутым пространством ещё не сформирован (рис. 3, 5–7).

Четвёртый приём – доски оконтуривают яму по всему периметру и таким приёмом образуют ящик (рис. 4, 1–4). Основное число около 20 (22,3%) рам в виде гробов найдено в Лысо-

горовке, всего же в 202 ямах с языческой обрядностью их не более 21 (10,4%). Как варианты конструкций захоронений в гробах-рамах следует обратить внимание на системы их перекрытия. Сверху, иногда и снизу они дооформлены продольными досками, а сверху поперечными плахами (рис. 4, 5–8). Имеют место ситуации перекрытий могил и плахами, и досками одновременно, то есть в два яруса (рис. 5, 1–3).

Пятый приём – захоронения в гробах-колодах, изготовленных из брёвен-болванок диаметром 60–70 см, длиной 210–250 см, нами расчищено, всего 3 ед. в 202 могилах (1,5%) – две колоды в Лысогоровке (погр. 129, 135. рис. 6, 1–2), одна в Новолимаревке (погр. 18, рис. 6, 3). Сверху колоды накрыты либо плахами, либо досками в виде крышек, либо и досками, и плахами одновременно (рис. 6, 1–3).

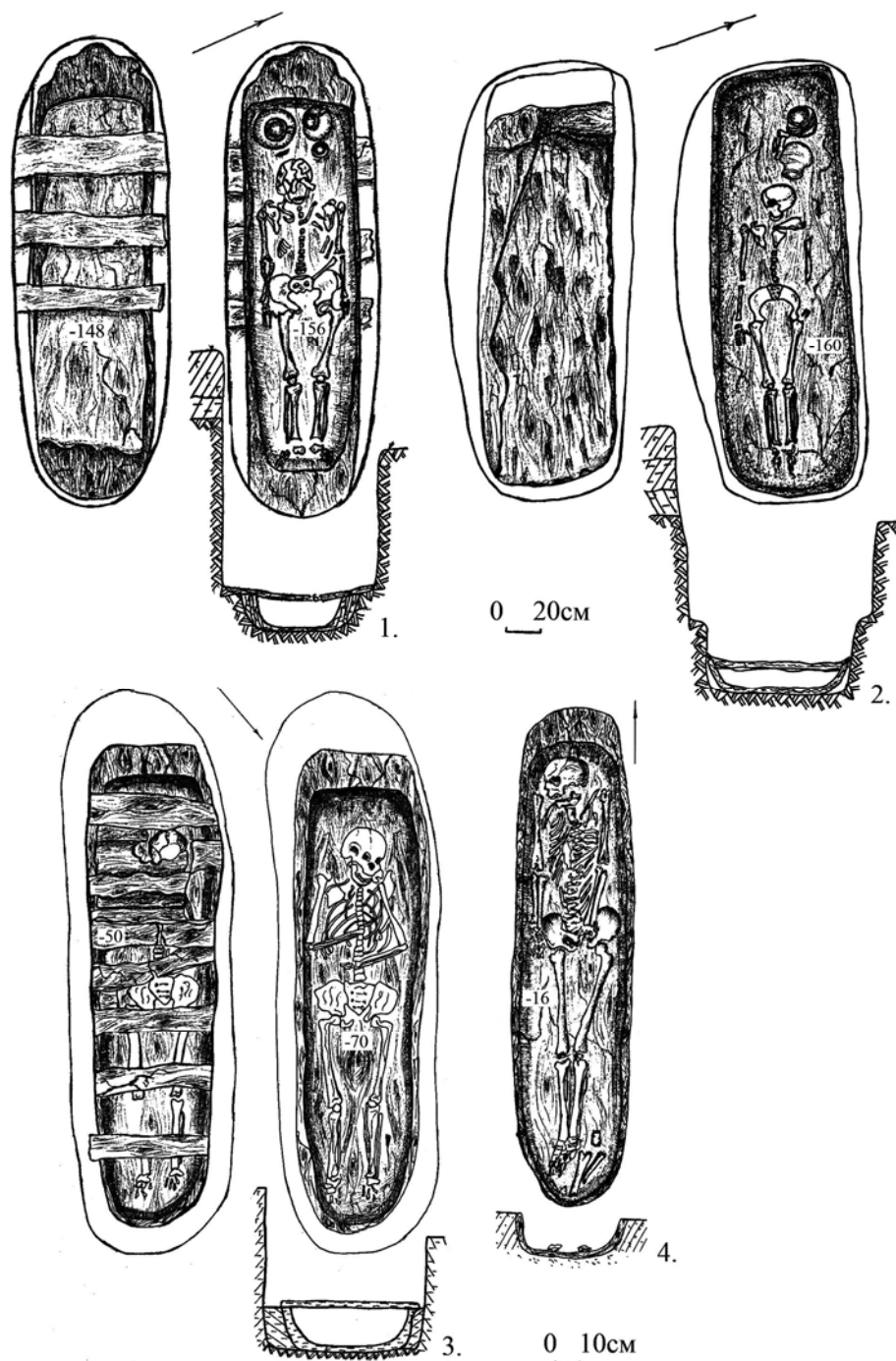

Рис. 6. Погребения в гробах-колодах.

Итак, нами определены пять приёмов оформления ям могил праболгар и два варианта перекрытия отстроенных конструкций в виде ящиков и колод. Из статистики очевидно, что дерево наиболее широко и массово применяли в системе обычного перекрытия с помощью коротких плах или плах-досок, в виде массивных крышек. Остальные способы и приёмы оформления могил с помощью древесины заметно уступают, к тому же они неравнозначно представлено дерево среди могильников Степного Подонцовья. В данном вопросе превалируют захоронения Лысогоровского некрополя. Здесь обнаружены все возможные конструктивные приемы, связанные с оформлением ямных могил язычников. Одновременно здесь же, но уже в системе захоронений по исламской обрядности они, как впрочем, сам факт присутствия населения мусульманского Востока (Красильников, 1986. С. 48–49; Копыл, Татаринев, 1990. С. 52–59; Кравченко, 2005. С. 153 и сл.), определяют региональные особенности использования дерева в их погребальной практике (Красильников, Красильникова, 2005. С. 212–215). Правда, о разнообразии применения древесины говорить не приходится. В 51 захоронении в 15 (29,4%) случаях расчищены только плахи, в 6 (11,7%) ямы дооформлены двумя досками вдоль длинных сторон, в 1 (1,9%) обнаружена рама в виде ящика (табл. 2).

Таблица 2.

Виды использования древесины	Погребения с признаками исламских традиций:	Всего 51 – 100%
	6,8,9,14,17,22,26,30,31,32,37,38,41,42,43,44,47,48,49,51,52,53,54,55,57,60,63,64,65,66,67,69,70,71,73,75,78,81,83,84,85,87,88,92,97,111,113,114,115,118,125	
Плахи поперечные	31, 37, 38, 44, 49, 51, 52, 65, 66, 83, 97, 111, 113, 115, 118	15 – 29,4%
Плахи-доски продольные (крышки)	–	–
Доски с двух сторон	6, 14, 26, 37, 38, 67	6 – 11,7%
Ящик-рама	17	1 – 1,9%
Колода	–	–

Примерно такая же тенденция использования древесины наблюдается в мусульманских могилах некрополя Сидоровского городища (Кравченко, 2005. С. 176–177. Рис. 6, 2–3; 7, 1).

Оформление (облицовка) ям досками в виде рам накрытых плахами, крышками, уложенными на землю или сооруженных с помощью досок на заплечики, обычные признаки, характерные конструкциям Больше-Тарханского, Танкеевского, Кайбельского и других могильников Среднего Поволжья (Халикова, 1986. С. 40–44; 63–64). Их же можно наблюдать и на могильниках лесостепной части СМК (Плетнёва, Николаенко, 1976. С. 293–294; Степи Евразии..., 1981. С. 71). Ямы дооформленные конструкциями из дерева в виде гробов-рам изучены на Метайловском грунтовом могильнике, который входит в Верхне-Салтовский археологический комплекс (Аксёнов, Михеев, Хорунжая, 2009. С. 94–95), такие же ящики-гробовища находят в Крыму (Баранов, 1990. С. 82. Рис. 7).

В качестве уточнения образа рам-гробовищ Степного Подонцовья остановимся на их конструкции. Прежде всего, их не следует отождествлять с обкладкой стен ямы двумя, иногда тремя, обычно в западной стороне, досками. Формы рам прямоугольные и выглядят как конструкции, составленные из четырёх досок: двух длинных (180–210 см) и двух коротких (40–60 см). В парных погребениях № 122 и № 14 Лысогоровки (рис. 5, 4–5), ширина рам до 85 см. Доски, используемые при строительстве шириной 20–30 см, толщиной 8–10 см, сборку рам осуществляли посредством пазов, прорезанных на коротких или на длинных досках, с помощью них добивались и фиксации. В таких случаях предусматривались распорки, не позволяющие не только смещаться, но и удерживать давление грунта со стороны наружного заполнения. Внутренние пространства рам, в особенности, при наличии досок уложенных на дно, а тем более верхних крышек, выглядят как камеры-гробовища. Образ закрытого гробо-

вища усиливался тем, что на дне рам обнаруживаем: тлены органики, камыша, коры, иногда прослеживается грубая древесная щепка.

Пространство между стенками и досками плотно заполняли, видимо, забутовывали глиной, этот горизонт, совместно с торцами досок, был с заплечиками. Погребения в гробах-рамах С.А. Плетнёва и Е.А. Халикова связывают с захоронениями второй пол. VIII – первой пол. IX веков и определяют их как раннеболгарские (Плетнёва, Николаенко, 1976. С. 293; Халикова, 1986. С. 36, 42).

Использование древесины в могилах Лысогоровского некрополя, позволяет уточнить причины биритуализма его погребений, представленных здесь двумя конфессиями. Из 85 языческих могил древесина была в 67 (78,8%), из 51 погребения с исламской обрядностью, она в 22 (43%), что является показателем далеко не эпизодического использования дерева в погребениях, так называемых, мигрантов. Сочетания обрядов, проявляемые в оформлениях могил, не следует рассматривать как исключения Лысогоровского могильника. Немало подобного симбиоза обрядов выявлено на могильниках IX–XI вв. Волжской Булгарии (Халикова, 1986. С. 36–37, 40, 43–44). В этом случае погребения Лысогоровского некрополя и некрополей Волжской Булгарии находят этноконфессиональные погребальные обряды и хронологические параллели, определяемые IX–X вв. Истоки биритуализма объяснимы появлением мигрантов из южных территорий Евразии. Следует отметить, что исламинизированное население в Степном Подонцовье не связано с миссионерскими целями. В процессе мирной этномиграции в СМК Подонцовья распространялись и воспринимались элементы быта, материальной культуры. Примером могут служить факты появления в постройках IX – нач. X вв. печей-тандыров. Двадцать два тандыра обнаружены в 21 постройке жилого и хозяйственно-бытового назначения. Жилищно-хозяйственные комплексы с тандырами раскрыты на всех нами раскапываемых селищах СМК. Следовательно, на каждом из них (Рогалик, Подгаевка, Новолимаревка) в одном пространстве с праболгарами проживало население южан. Оно адаптировалось в среде праболгар, имело семьи, умерших из их состава погребали на одном общем некрополе. Среди ингумированных Лысогоровского могильника более 20 особей (16%) составляют дети и подростки, погребальные обряды которых определяются как языческими, так и исламскими традициями. В 16 могилах (около 12%) взрослого населения присутствуют элементы ислама и язычества одновременно, остальные 69 могил (51%) с очевидными традициями язычества, в 51 случае (37,5%) факт исламских обрядов не вызывает сомнений. Найденные в биритуальных захоронениях фрагменты дирхемов аббасидского времени свидетельствуют о том, что процесс притока мигрантов с южных территорий в Подонье, Подонцовье происходил не раньше последней четв. VIII века и совпадает с периодом распространения ислама в Поволжье (Валеев, 1981. С. 83–96). В Поволжье ислам, как фактор консолидирующий общество в противовес экспансии Хазарии, был принят в верхах, в степях Подонцовья появление ислама явилось следствием эмиграции части обычного населения из исламского мира в среду степняков.

На процесс формирования погребальной системы Степного Подонцовья, предусматривающей использование строительной древесины, оказывали влияние не только тюркоболгары Поволжья, но племена, находившиеся значительно восточней Волги. В.Ф. Генинг и А.Х. Халиков, например, связывают появление рам-гробовищ с инфильтрацией в среду праболгар финно-угров Урала и южной Сибири (Генинг, Халиков, 1964. С.139 и сл.). Может быть, такие выводы для Подонцовья не совсем обоснованы, но в отношении гробов-колод факт заимствования новых конструкций вряд ли оспорим.

Гробы-колоды в погребениях могильников СМК встречаются очень редко, по существу пока можем сослаться лишь на Волоконовские материалы на Осколе. В данном случае речь идёт не о досчато-плаховых гробах, а гробах-колодах, которые изготовлены из болванок стволов деревьев, предварительно рассеченных на две равные половины. Наружные и внутренние стороны заготовок обработаны топовидными и долотовидными инструментами. Внутренние пространства корытообразные, выбраны на глубину 20–25 см, толщина боковых стенок 5–8 см, торцевых с утолщением порой от 8 до 20–30 см. Наружные стороны колод округлённые, дно внутри и снаружи плоское. Размеры колод из погр. 18 – Новолимаревка

(рис. 6, 1), погр. 129, 135 – Лысогоровка (рис. 6, 2–3) приблизительно одинаковые, длина 210–235 см, ширина – 65–85 см снаружи и 55–70 см внутри. Сверху колоды перекрыты либо плахами, либо досками в виде крышек изготовленных по длине внутренней части колоды. Скелеты без признаков разрушений, но их сохранность в условиях древесной среды не всегда удовлетворительная. Сопровождающий умерших инвентарь, в сравнении со здесь же рядом расположенными обычными захоронениями выглядит презентабельней. Он представлен посудой, украшениями, предметами быта, жертвенниками и даже оружием.

Погребения в колодах заслуживают внимание не столько инвентарным набором, сколько обстоятельствами и временем появления конструкций не характерных праболгарам. С.А. Плетнёва считает, что их изготовление связано в приходом в X веке в восточноевропейские степи новых волн номадов (Плетнёва, Николаенко, 1976. С.294). При недостаточном уровне исследованности поздних кочевников трудно однозначно обозначить этнос, внесший в обряды праболгар технически трудоёмкие конструкции, какими являются гробовища из брёвен. Такими этносами могли быть племена огузов (Круглов, 2001. С. 395), печенегов, гузов (Плетнёва, 2003. С. 124, 127, 139 и др.), словом, тюркоязычные кочевники X–XII вв. из азиатских степей. Погребения в колодах иногда, что вполне приемлемо, впущены в курганы эпохи бронзы (Красильников, Тельнова, 1990. С. 7–8; Красильников, Красильникова и др., 2008. С. 67), (рис. 6, 4). О печенежских племенах, заселивших с X в. донские степи, сообщает Ал-Истахри (Заходер, 1967. С. 76), сведения об их переселении в европейские степи оставил Ал-Идриси (Бейлис, 1982. С. 226), да и сами хазары не умалчивают о народах ими управляемых (Коковцев, 1932. С. 92). Естественно, прибывшие в Подонцовье этносы, оказывали влияние на культуру быта праболгар, но не менее существенно на их погребально-обрядовую практику (Плетнёва, 1958. С. 205). В ситуации возникшего в X веке в южнорусских степях коридора движения кочевников, нетрудно понять происхождение новых тенденций погребального биритуализма.

С помощью изменений системы захоронений удастся наметить хронологию изученных в Степном Подонцовье некрополей. Могильники Черниково, Новолимаревка М¹ с соответствующими им обрядами относим к числу погребений праболгар раннего периода, что совпадает с процессом возникновения оседлости во второй пол. VIII века. Могильники Желтое, Новодачное с устойчивой системой обряда ингумации формируются в условиях полной оседлости населения IX века. В оформлении могил определенное место занимает древесина, используемая в виде плах.

К IX же веку следует отнести захоронения могильников Лысогоровка и Новолимаревка М², на которых, видимо, вплоть до середины X века осуществлялись погребения. К этому времени праболгары-язычники восприняли некоторые черты погребальных обрядов пришлых этносов, в частности, появились конструкции в виде рам, гробов-колод, в которых погребены лишь отдельные представители из числа населения СМК. В целом, нельзя не заметить того, что на позднем этапе захоронений древесина, как материал обустройства могил, находит широкое и разнофункциональное применение.

Литература

Аксёнов В.С., Михеев В.К., Хорунжая М.В. Исследование захоронений на грунтовом могильнике салтовской культуры у с. Метайловка // Харьковский археологический сборник. Вып. 4. Харьков, 2009.

Артамонов М.И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии // СА. 1940. № IV.

Баранов И.А. Население крымской Хазарии // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.

Бейлис В.М. Ал-Идриси о восточном Причерноморье и Юго-Восточной окраине русских земель // Древнейшее государство на территории СССР. М., 1982.

Валеев Р.М. К вопросу о товарно-денежных отношениях ранних Булгар (VIII–X вв.) // Из истории ранних Булгар. Казань, 1981.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

- Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, руси, славяне. М., 1967.
- Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Копыл А.Г., Татаринов С.И. Мусульманские элементы в погребальном обряде праболгар Среднедонечья // Ранние болгары финно-угры в Восточной Европе. Казань. 1990.
- Кравченко Э.Е., Гусев О.А., Давыденко В.В. Ранние мусульмане в среднем течении Северского Донца // Археологический альманах. №7. Донецк, 1998.
- Кравченко Э.Е. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Донецк, 2005.
- Красильников К.И. Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья // СА. 1981. №4.
- Красильников К.И. Тандыры в салтовских жилищах Подонья // СА. 1986. №3.
- Красильников К.И., Краси́льникова Л.И. Отчет о проведении спасательных археологических раскопок у с.Лысогоровка Новопокровского района Луганской области в 2003 г. Луганск, 2003 // НА ИА НАНУ.
- Красильников К.И., Краси́льникова Л.И. Могильник у с. Лысогоровка – новый источник по этноистории степей Подонцовья раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. Донецк, 2005.
- Красильников К.И., Краси́льникова Л.И., Пробейголова А.С. Отчет о проведении спасательных раскопок у пос. Краснореченск Кременского района Луганской области на курганном могильнике II, курган 1 в 2007 г. Луганск, 2008 // НА ИА НАНУ.
- Красильников К.И., Тельнова Л.И. Отчет о проведении спасательных раскопок курганов на землях колхоза «Большевик» с. Преображенное Сватовского района Ворошиловградской области. Ворошиловград, 1990 // НА ИА НАНУ.
- Круглов Е.В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX – 1-й пол. XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Донецк, 2001.
- Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона // МИА. Т.1. М.; Л., 1958. №62.
- Плетнёва С.А. Печенеги, торки, половцы в южно-русских степях // МИА. Т.1. М.; Л., 1958. №62.
- Плетнева С.А. Отчет о работах Северо-Донецкого отряда совместной южно-русской экспедиции за 1964г. // Архив ИА РАН. Р-1. 1964/2989.
- Плетнёва С.А. От кочевий к городам // МИА. №142. М., 1967.
- Плетнёва С.А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999.
- Плетнёва С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья IV–XIII века. Воронеж, 2003.
- Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР в 20-ти томах. М., 1981.
- Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X–XIII вв. Казань, 1986.
- Швецов Михаил. Могильник Зливки // Проблемы на прабългарската история култура. 2. София, 1991.
- Швецов М.Л., Санжаров С.Н., Прынь А.В. Два новых сельских могильника в Подонцовье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Донецк, 2001.

КРЫМ В VIII–X вв. (ПРОБЛЕМА ХАЗАРСКОГО ПРИСУТСТВИЯ)**Ю.М. Могаричев***Крымский республиканский институт
последипломного педагогического образования, г. Симферополь*

Основные вопросы истории Крыма «хазарского периода», по которым разворачиваются дискуссии, это: время прихода хазар на полуостров; кто доминировал в Крыму в «хазарский период» – хазары, Византия (в каком регионе и в какое время) или был установлен кондоминиум; основные этапы хазарской экспансии в Крым; проблема салтово-маяцкой культуры на полуострове.

Традиционно начало хазарского проникновения в Крым связывается с последней четвертью VII в. (Васильев, 1927. С.168; Артамонов, 1962. С. 196; Якобсон, 1964. С.28–35; Баранов, 1990. С.148; Айбабин, 1999. С.185; 2003. С. 55–59. и др.). А.И. Айбабиным даже был выявлен слой пожара, который, как он считает, связан с захватом Боспора хазарами. В самом Боспоре, по мнению автора, хазары разместили гарнизон, а в приморской части построили цитадель (1999. С. 188–189).

Правда, выводы А.И.Айбабина в отношении «хазарских слоев» Боспора были подвергнуты критике со стороны В.Е.Науменко (2001. С. 249–250), С.Б.Сорочана (2001. С.146–147) и В.В.Майко (2000. С. 187–90), Ю.М. Могаричева и А.В. Сазанова (2002).

Древнейшими свидетельствами хазарского присутствия на территории Боспора, равно как и всего Крыма, являются данные «Хронографии» Феофана и «Бревиария» Никифора, касающиеся знаменитой истории о ссылке в Херсон свергнутого императора Юстиниана II, его бегстве к хазарам, возвращении на константинопольский престол и последовавших за тем карательных мерах против Херсона (Чичуров, 1980. С.62–65, 163–166).

Эти источники неоднократно анализировались различными исследователями. Правда, выводы были противоположными – от мнения о полном подчинении Крыма, или большей его части хазарам (Кулаковский, 1906. С. 63; Васильев, 1927. С. 194–195; Якобсон, 1964. С. 28–35; Артамонов, 1962. С.196–198; Плетнева 1986. С. 22–23; 2000. С. 151–169; Айбабин, 1999. С. 185–189), до констатирования установившегося здесь кондоминиума между Хазарией и Византией (Баранов, 1990. С. 148; Сорочан, 1998. С. 41; 2001; 2005. С. 322–396; Науменко, 2001. С. 346–350). Попытаемся проанализировать их еще раз.

Обратимся к вопросу о присутствии хазарского наместника на Боспоре (в данном случае мы имеем в виду собственно город Боспор). В соответствии с сообщениями византийских летописцев, после бегства к кагану, Юстиниан женился на сестре последнего и жил в Фанагории. Каган, поддавшись уговорам правившего в Константинополе Тиверия III Апсимара, решил выдать опального императора византийцам. По Феофану: «Хаган уступил такой просьбе и послал Юстиниану охрану под предлогом, как бы его собственные соплеменники не устроили против него заговор, а (сам) приказал Папацу, бывшему в Фанагории от его лица, и Валгицу, архонту Босфора, убить Юстиниана, как только дадут им знать. Но, как через слугу хагана об этом была извещена Феодора, (все) стало известно и Юстиниану, он, призвав упомянутого Папаца для беседы наедине, задушил его струной; так же (Юстиниан поступил) и с архонтом Валгицем. (Затем) он немедленно отправляет Феодору в Хазарию, а сам тайно сбежал из Фанагории» (Чичуров, 1980. С. 62–63). По Никифору: «Он (каган – *авт.*) послал людей для охраны Юстиниана под видом того, как бы он не подвергся козням со стороны своих соплеменников, а на самом деле – стеречь Юстиниана, чтобы он не скрылся, стремясь заранее себя обезопасить. Архонту из единоплеменников, жившему при Юстиниане, а также архонту Скифского Боспора хаган приказывает выжидать, пока он не поручит им убить Юстиниана как можно быстрее. Но об этом извещает Феодору один из слуг ее отца, а она донесла о заговоре мужу. Тогда Юстиниан, призвал того местного хазарина (к себе) и уединившись с ним, задушил его петлей; таким же образом он убивает и архонта Боспора» (Чичуров, 1980. С. 163).

Обычно современные исследователи интерпретируют Папаца как хазарского наместника Фанагории, а Валгица как правителя Боспора из местного населения, но подчиненного хазарам (Чичуров, 1980. С. 124–126; Науменко 2001. С. 347–348).

Возможно, Папац к управлению Фанагорией отношения не имеет. На расплывчатое сообщение о нем Феофана «*бывшему в Фанагории от его (кагана – авт.) лица*», имеется однозначное пояснение Никифора «*Архонту из единоплеменников, жившему при Юстиниане*». То есть Папац – хазарский чиновник приставленный каганом к Юстиниану.

Кроме того, что Юстиниан был женат на родной сестре правителя Хазарии, он не скрывал и своих претензий на Константинопольский престол. Поэтому нахождение рядом с Юстинианом доверенного лица кагана, было необходимо. Таким доверенным лицом и был Папац. Что касается Валгица, то здесь ситуация несколько сложнее. Феофан называет его «архонт Босфора», а Никифор – «архонт Скифского Боспора». То есть, из источника следует, что Валгиц был наместником кагана на Боспоре. Причем именно кагана, и никоим образом не подчинялся императору. При двойном подчинении Боспора (на чем настаивают С.Б.Сорочан и В.Е.Науменко) Тиберий III мог сам, без кагана «убедить» архонта избавиться от Юстиниана (уж очень неординарный был случай). То, что византийцы искусно владели данными приемами хорошо известно. А раз Апсимар просит об услуге кагана и тот приказывает архонту Боспора (на чем настаивают источники), то вывод может быть один: данный чиновник подчинялся исключительно хазарам.

Однако о каком Боспоре идет речь? Обычно исследователи или просто констатируют, что Валгиц был наместником на Боспоре, или уточняют, что под Боспором подразумевается бывший город Пантикапей, который в византийских источниках известен как Боспор.

Судя по данным как Феофана, так и Никифора, Юстиниан постоянно проживал в Фанагории. В связи с этим присутствие в ней архонта города Боспора выглядит крайне странным. Можно, конечно, допустить, что под Боспором понимался не город, а область с центром в Фанагории. Однако это не дает ответа, на вопрос: кому принадлежал собственно город Боспор? Вероятно чиновник, известный как «архонт Боспора», по крайней мере, прямого отношения к городу Боспору не имел. Как представляется, ключ к пониманию должности Валгица можно найти в пояснении Никифора: «архонт Скифского Боспора». И.С. Чичуров предположил, что данное уточнение связано с желанием автора отличить Скифский Боспор от Фракийского (Чичуров, 1980. С. 179). Возможно, Босфор Скифский есть калька с древнегреческого топонима Боспор Киммерийский, то есть современный Керченский пролив. В подтверждение нашей гипотезы отметим тот факт, что патриарх Фотий в письме к архиепископу Боспора Антонию (873 г.) называет Черное море именно «Скифским» (Байер, 2001. С. 118).

Таким образом, «архонт Боспора» – это чиновник, который от имени кагана контролировал пролив и, возможно, осуществлял сбор податей с территории бывшего Боспорского царства. Ставка же его находилась в Фанагории. На наш взгляд, данная точка зрения позволяет снять многие противоречия и объясняет нахождение «архонта Боспора» на противоположном от города берегу пролива.

Таким образом, произведения Феофана и Никифора в эпизоде с бегством Юстиниана из Херсона и его пребыванием в Фанагории не содержат прямых сведений о непосредственном контроле хазар над Боспором. В связи с изложенным рассмотрим вопрос о военном присутствии хазар в Фанагории и на Боспоре.

Напомним, пытаясь устранить Юстиниана, каган отправил в Фанагорию охрану, надо думать военный отряд, под предлогом того, чтоб местные соплеменники Юстиниана его не убили. Находясь в Фанагории или в окрестностях значительные военные силы хазар, кагану не было необходимости посылать туда дополнительные войска, а достаточно было направить одного или несколько чиновников с соответствующими полномочиями, которые и обеспечили бы Юстиниану необходимую «охрану». Причем, появление данного контингента не должно было вызвать недоверия со стороны беглого императора. Он должен был поверить, и вероятно поверил бы, если бы не Феодора, что отряд направлялся именно для его охраны. Таким образом, источники позволяют говорить об отсутствии в Фанагории, на тот момент, значительных военных сил хазар. И если на азиатской стороне Боспора, в крайне важном для хазар

месте, была такая ситуация, то можно ли говорить о наличии хазарского гарнизона в городе Боспоре. Отметим, что «жители крепостей», куда, несомненно, входил и Боспор, боясь репрессий со стороны Юстиниана, просили прислать им войско для охраны из Хазарии. А Никифор и Феофан однозначно отделяют Хазарию от Крыма и Фанагории.

Единственный хазарский чиновник, который в это время фиксируется в Крыму – это херсонский тудун. Возникает вопрос, а не связано ли его появление в Херсоне с попыткой выдачи Юстиниана византийцам. Несомненно, что тудун появился в городе после бегства оттуда опального императора. Если бы он находился там в период ссылки Юстиниана, тому не было необходимости искать «выход» на кагана за пределами Херсона (Чичуров, 1980. С. 130). Тудун появился там после 705 г., фиксируется в 711–712 гг. и больше ни по каким источникам не известен. Вероятно, правы те авторы, которые определяют функции тудуна контролем за выплатой дани и доходами от торговли (Науменко, 2001. С. 349). Когда тудун покинул город не известно. Скорее всего, надобность в нем отпала после прихода к власти в Константинополе Вардана Филиппика, который, как известно, добился этого во многом благодаря хазарам.

Как уже неоднократно отмечалось различными исследователями, Херсон, Боспор, и Климаты несомненно выступают в истории с Юстинианом II, как местности подчиненные Византии. Ссылка Юстиниана в Херсон, участие «херсонитов, босфориан и остальных климатов» (Чичуров, 1980. С. 63) в заговоре против него, желание последнего истребить весь народ «в Херсоне, Босфоре и других архонствах» (Чичуров, 1980. С. 164), провозглашение императором Вардана Филиппика «херсонитами и жителями других крепостей» (Чичуров, 1980. С. 164) указывает, что как местным населением, так и византийскими авторами эти местности однозначно воспринимались, как ромейские. Какова же роль хазар во всех этих событиях. Встретится с каганом Юстиниан смог только за пределами Крыма. Боясь репрессий со стороны Юстиниана, «жители крепостей ... послали к хагану в Хазарию просить войско для своей охраны», Юстиниан, когда узнал о заговоре Ильи и Вардана, возвращает тудуна и отправляет послов «оправдаться перед каганом». За возвращение бежавшего к кагану и только что провозглашенного императором Вардана, «ромей» обязаны были выплатить значительную сумму. То есть хазары в рассматриваемых эпизодах выступают как наемники, которые участвуют в событиях за определенное материальное вознаграждение. Ни один источник не упоминает, об каких-то территориальных или политических претензиях со стороны хазар, наоборот акцентируя внимание на исключительно материальных требованиях.

Детальное изучение известных в настоящее время на территории Крымского полуострова захоронений кочевников, обычно датируемых концом VII – первой половиной VIII в, показывает, что на долю тюрко-протоболгарского или салтовского населения приходится не более 9–10 могил.

Анализ керамического материала поселений: Пташкино, Героевка, Эльтиген Западное, Тау-Кипчак, Кордон-Оба, Меловое, Фронтное, Ак-Кая, на м. Ойрат, в Лазурном и других, как правило, связываемых с так называемой «первой волной» хазарского проникновения в Крым, позволяет сделать вывод, что надежные материалы, позволяющие датировать их основание периодом до сер. VIII в. отсутствуют (Сазанов, Могаричев, 2006; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007. С. 103–166).

Таким образом, данные археологии так же не подтверждают точку зрения о заселении в конце VII – начале VIII вв. территории Крыма пришлыми протоболгарами или салтовцами – хазарами. Погребения же, которые, в какой-то мере могут быть связаны с собственно хазарами, вообще единичны и при этом спорны. Картографирование памятников и элементарный статистический подсчет показывают абсолютное преобладание в Крыму рассматриваемого времени традиционного местного населения, состав которого, по сравнению с VI – первой половиной VII вв. существенно не изменился. Города Боспор, Судак и Херсон, крепости-климаты Юго-Западного Крыма, несомненно, по-прежнему контролировала Византия.

Можно сделать вывод, что в начале VIII в. Боспор наравне с Херсоном и Климатами оставался частью империи как в представлении самих жителей, так и, по мнению византийских летописцев. Хазары не претендовали на политическое господство здесь. Вся политика каганата, по отношению к Крыму сводилась, в основном, к возможности получения дани. Если же

хазары, не по своей воли, оказывались втянутыми во внутривизантийские конфликты на территории полуострова, то и здесь претензии хазар были, в большей степени, материальными, а не территориальными или политическими.

Современный уровень источниковедческой базы не позволяет говорить об изменении византийско-хазарских взаимоотношений в Таврике до середины – второй половины VIII в. Археологические материалы и письменные источники не фиксируют ни серьезных вооруженных конфликтов, ни изменений в составе населения.

В середине – второй половине VIII в. в Крыму появляется порядка 250 новых поселений, причем приблизительно 85% из них на Керченском полуострове. Остальные 15–20% относительно равномерно «разбросаны» по Северо-Западному, Центральному, и Юго-Восточному регионам (Могаричев, 2004; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007. С. 139–145). Все они возникают на свободных землях, по крайней мере, не зафиксировано не одного случая, когда пришельцы селились на уже существующих поселениях, и кого-либо изгоняли с обжитых мест. Новые населенные пункты не имели фортификационных сооружений. Археологические материалы не отмечают и изменений в жизни уже существующих поселений, в частности городов Боспора и Сугдеи, окруженных новым, пришлым населением.

На ряде рассматриваемых памятников (Тепсень, Кордон-Оба, Героевка, Пташкино), а большая часть их археологически не изучалась, были выявлены христианские культовые сооружения.

Возникает вопрос о причинах такой массовой миграции, обстоятельствах и условиях расселения вновь прибывших по территории полуострова.

Скорее всего, пришельцы пришли с территории Хазарского каганата. Надо думать, данное перемещение населения в Крым происходило параллельно с другими миграционными процессами в Хазарии, в частности, с переселением алан и болгар из центрального и западного Предкавказья в области Северского Донца и Дона (Плетнева, 1989. С. 268; Несколько другая интерпретация см. Гадло, 1984. С. 25–26; Петрухин, Раевский, 1998. С. 201. И др). Эти события традиционно связывают с поражением хазар во второй арабо-хазарской войне (722–737) (Плетнева, 1986. С. 41). Практически все исследователи не сомневаются, что такая крупномасштабная акция проходила не без участия со стороны правителей Хазарии (Афанасьев, 2001. С. 52). В.Б. Ковалевская, уточнив хронологию памятников и сведения письменных источников, пришла к выводу, что миграцию населения каганата следует относить к 50 – началу 60 гг. VIII в., когда хазары переносят центр тяжести своих владений на северо-запад и укрепляют позиции на Кубани (Ковалевская, 2002. С. 66–67).

Вероятнее всего, близко к этому времени, учитывая известные на сегодняшний момент материалы, следует датировать и появление рассматриваемых крымских памятников.

Учитывая обстоятельства появления новых поселений можно, с большой степенью вероятности предположить неконфликтное проникновение новых жителей Крыма.

Вероятно, данный процесс проходил с согласия и под контролем византийских властей, которые выделили вновь прибывшим земли Керченского полуострова, и лишь крайне ограниченному числу людей позволили селиться за его пределами (если вообще появление нового населения за пределами Керченского полуострова не произошло несколько позднее. Однако современная степень изученности памятников и уровень знания археологического материала не позволяет сделать более конкретные выводы).

Широко известна политика Константинополя, позволявшая варварам селиться на границах империи с целью использования их в качестве пограничников и приобщения к христианству (см., напр.: Иванов, 2001. С. 18–19; Константин Багрянородный, 1989. С. 137, 141). Учитывая союзнический уровень взаимоотношений Византии и Хазарии в данное время, нет ничего удивительного, что части христианского, или согласившегося принять христианство населения, из подвергшихся арабскому разгрому хазарских земель, позволили поселиться в Крыму на пустующих землях.

Таким образом, появление в 50–60-х гг. VIII в. на Керченском полуострове, Юго-Восточном, Центральном и Северо-Западном Крыму новых поселений не связано, вероятно, с

подчинением этих регионов хазарам, и не отражало каких-либо кардинальных изменений в византийско-хазарских отношениях на полуострове.

Готия или Климаты (причем, Готия – название более распространенное в церковной литературной традиции, Климаты же – термин, используемый в официальных источниках VIII–IX вв.) (Науменко, 1998. С. 693–696) до середины VIII в. находилась в подчинении Византии, которая управляла данной областью через Херсон. В церковном плане Херсон и Готия так же входили в одну церковно-административную единицу (Васильев, 1927. С. 189). Зависимость ее населения от хазар не выходила за пределы выплаты дани.

Однако, уже в 80-х гг. VIII в. здесь меняется административное устройство. Во главе Готии появляется Господин (Кир), которому подчинены архонты. Нет оснований утверждать, что до конца третьей четверти VIII в хазары имели возможность влиять на административное устройство Юго-Западной Таврики. По мнению Н.А. Алексеенко, Господин Готии – «кир», скорее всего по должности являлся наместником пограничной византийской области с особым статусом управления. Подобная должность появилась в конце VIII в и в Херсоне (1996; 2004. См. также Сорочан, 2003. С. 306; 2005. С.610–613). Вероятно, подобные преобразования были проведены в Таврике византийскими властями перед лицом хазарской угрозы, которая к 80-м гг. стала очевидной.

Такая ситуация могла сложиться только при условии изменения отношений между Византией и Хазарией. При императорах-иконоборцах между государствами установились самые дружеские отношения. Но наметившийся в правление Ирины поворот идеологического и политического курса в сторону восстановления иконопочитания, ослабление арабской угрозы на фоне заметного упадка Византии, не могли не вызвать реакции со стороны каганата, усилившего натиск на византийские владения в Таврике и на Кавказе (Новосельцев, 1990. С. 151).

Серьезное столкновение между хазарами и местным населением, известное как восстание Иоанна Готского, произошло в Готии в период между концом 784 и 786 гг. (Герцен, Могаричев, 1999. С. 115). О нем сообщает «Житие Иоанна Готского». Источник фиксирует однозначную последовательность событий. Хазары заняли главную крепость Готии – Дорос и разместили там вооруженный отряд. В ответ Господин Готии, его архонты, епископ Иоанн поднимают восстание, изгоняют хазар и захватывают Клисуры. Однако восстание было подавлено, Иоанн, преданный одним селением и заточенный в фульскую тюрьму, бежал в Амастриду. Господин Готии был помилован, казнены лишь 17 человек (по крайней мере, такую цифру называет источник) (Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007. С. 12–13).

Сведениям письменного источника имеется археологическое подтверждение. На Мангупе обнаружен участок оборонительной системы, перестроенный хазарами после его завоевания (Герцен, 1990. С. 111–120; 2002).

Вероятно антихазарское выступление не было масштабным. И после его подавления хазарам удалось установить контроль над значительной частью византийских владений в Таврике. Сложно определить, какие территории в Готии заняли хазары, а что сохранила за собой Византия, как изменились их взаимоотношения с местным населением. Очевидно, что Херсон остался для хазар недосягаем, их гарнизон появился на Мангупе. Но были ли заняты крепости между Херсоном и Доросом, в частности, Эски-Кермен и Каламита? С одной стороны там могли также разместиться хазарские гарнизоны, с другой – после падения Дороса их жители могли добровольно признать власть новых хозяев, с третьей – есть вероятность сохранения этих территорий за византийскими (херсонскими) властями. Н.И. Репников, Е.В. Веймарн, И.А. Баранов (Репников, 1932. С. 140; Веймарн, 1958. С.25–26, 54; Баранов 1990. С.151–152) предполагали захват Эски-кермена хазарами и разрушение ими оборонительной системы городища. Однако, как показал А.И. Айбабин для таких выводов нет никаких оснований (1999. С. 210). В связи с изменением политической ситуации на полуострове были проведены изменения и в церковной структуре. Собственно византийские владения в Юго-Западной Таврике теперь совпадали с Херсонской епархией, а для христианского населения на подвластной хазарам территории была выделена самостоятельная Готская епархия (Герцен, Могаричев, 1999; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007. С.177–179).

Надо думать, Доросом хазары владели относительно не долго. Интересно в ракурсе рассматриваемой проблемой упоминание правителя Готии в связи с известным событием из жизни императора Константина VI, который в 795 г., заточил свою жену Марию в монастырь и женился на некоей кувикуларии Феодоте. Согласно Житию Феодора Студита «это зло сделалось известным не только в столице, но и в отдаленнейших странах. Так король Лонгобардский, король Готский и наместник Боспорский, основываясь на этом нарушении устава, предались прелюбодейным связям» (Васильев, 1927. С. 217–218). Этот факт отражен и в письме Феодора Студита, датируемым 808 г. Его же зафиксировало и Житие патриарха Никифора (Васильев, 1927. С. 218).

Если в данном случае короля Готии воспринимать как правителя одной из имперских окраин, можно предположить, что к этому времени хазарский гарнизон покинул Мангуп. То есть господство хазар там продолжалось 10–15 лет. Правда, с другой стороны, если предположить, что статус короля Готии был аналогичным статусу короля Лонгобардии, а источники ставят их в один ряд, то можно утверждать, что Готия в это время была фактически независима от Византии (известно, что византийское господство с середины VIII в. в Северной и Средней Италии практически перестало осуществляться. Местные лидеры стали фактически независимыми от империи (Бородин, 2001. С. 341).

Однако, в любом случае уже в начале IX в. хазары постепенно начинают терять контроль сначала над юго-западной частью, а впоследствии и над всем полуостровом. В середине IX в. Византийское правительство создает здесь новую территориально-административную единицу – фему.

По мнению ряда исследователей фема Климатов (таким было ее первоначальное название) была создана летом 841 г.¹ в ответ на появление в припонтских степях венгров (Цукерман, 1997. С. 320; Айбабин, 1999. С.215–216; Дагрон, 2000. С.297–298), которые в середине 830-х гг. полностью перекрыли хазарам доступ к Крыму с севера², и те более не могли удерживать подвластные им территории. Создание фемы однозначно свидетельствует о переходе Готии (мы не знаем границы фемы Климатов. Входил ли в нее Восточный Крым и Боспор, однако, Юго-Западный Крым, и, скорее всего Южный, несомненно) к началу 840-х гг. под полный контроль Византии.

Сложную политическую обстановку в Крыму в начале второй половины IX в., передает нам житие Константина Философа.

В 860 г. он был послан императором Михаилом III (856–867) с миссией к хазарскому кагану. Путь миссии лежал через Крым.

В Херсоне Константин организовал поиск и перенос мощей папы Климента в городской собор (а впоследствии и в Рим). Там же он узнал, что: «Пришел же с войском хазарский полководец, окружил христианский город и осадил его. Узнав же об этом, Философ пошел к нему без колебаний, и, беседуя с ним и поучая, укротил его, и обещавшись ему креститься, отошел, не причинив никакого вреда этим людям. Вернулся же и Философ на свой путь и, когда в первом часу он молился, напали на него венгры, воя как волки, желая убить его. Он же не испугался, не прервал своей молитвы, лишь взывая «Господи помилуй» ибо кончал уже службу. Они же, увидев (это), по божьему повелению стали кроткими, и начали кланяться ему, и, выслушав из уст его слова поучения, отпустили его со всеми сопровождающими» (Сказания, 1980. С. 77–86).

Как представляется, не смотря на всю историческую ценность Жития, сюжеты о «чудесном спасении» Константина сначала от хазар, а затем и венгров вряд ли имели места в действительности и являются данью агиографической традиции того времени (Могаричев, 2002. С. 52). Однако, указанное выше никак не отрицает факта пребывания в округе (ближней или дальней) Херсона хазарских и венгерских военных отрядов, которые в какой-то мере могли угрожать и самому городу.

¹ Некоторые исследователи сомневаются, что фема была создана именно в 841 г. Однако, несомненно, что это произошло между 834 и 842 гг. (Никифоров, 2009).

² Справедливости ради отметим, что не все исследователи считают «венгерскую угрозу» причиной создания фемы (Петрухин, 2002; Сорочан, 2005. С. 565).

Анастасий Библиотекарь в одном из писем, основываясь на тексте Константина Философа, а также на устном сообщении сосланного в то время в Херсон митрополита смирнского Митрофана, сообщает: «место лежит на окраине царства и различные варварские толпы весьма часто наезжают туда ... место опустело и сделалось необитаемым ... вся та часть Херсонской страны пришла в упадок, так что видно было, что епископ Херсона с очень немногочисленным народонаселением оставался внутри того города, да и те казалось были скорее жители тюрьмы, чем города, из которого не смели выходить. ... этот город (Херсон. – *авт.*) пограничен с хазарской землею» (Ягич, 1893. С. 9–11).

На основании этого фрагмента обычно следовал вывод о прохождении границы хазарских владений в непосредственной близости от Херсона или византийских территорий в его округе (Айбабин, 1999. С. 221). Но если рассматривать данные слова Анастасия, не вырывая их из контекста источника (одной из задач которого было показать выдающуюся роль Константина Философа в деле обнаружения забытого местным населением захоронения папы Климента), то напрашиваются иные выводы. Для Константина, во время его путешествия, Херсон был ближайшим к хазарам византийским городом, перевалочной базой, где перед поездкой непосредственно в Хазарию можно было запастись всем необходимым и узнать обстановку на границах византийских владений. Поэтому слова Митрофана, переданные Анастасием ни в коем случае не следует понимать буквально. Херсон по источнику не пограничный (буквально), но ближайший к хазарам византийский город, откуда Константин начинал свое путешествие, анимался миссионерской деятельностью и куда вернулся на обратном пути.

Также представляется несколько преувеличенной угроза Херсону со стороны врагов, о которой обычно говорят, ссылаясь на письмо Анастасия. Действительно, с одной стороны он пишет о жителях Херсона, как о заключенных в тюрьме. Но с другой, сам информатор Анастасия, Митрофан проживал не в самом городе, а «недалеко» от него (Ягич, 1893. С. 10), Константин, светское и церковное руководство Херсона организовали торжественную церемонию перенесения мощей Климента в город, при этом мощи на ночь оставили в одном из загородных храмов. Все это не соответствует утверждениям о постоянном нахождении врагов в ближайших окрестностях.

Очевидно, какие-то походы, в попытках вернуть себе владения или получить дань, совершали хазары, периодически угрожать византийским владениям в Таврике могли отряды венгров, но прямой угрозы захвата Херсона и надо думать поселений всей остальной фемы не существовало.

К. Цукерман на наш взгляд, убедительно показал, что ко времени путешествия Константина Философа, у хазар на полуострове уже не оставалось опорных пунктов (Цукерман, 1998. С. 667). А.И. Айбабин считает, что хазар изгнали из Крыма «спустя некоторое время» после 861 г., а именно ближе к 873 г. Основанием для такой хронологии послужил как анализ археологического материала, так и письмо константинопольского патриарха Фотия архиепископу Боспора с поддержкой желая последнего крестить проживавших там иудеев (1999. С. 222). Возможность неоднозначного толкования письма Фотия не исключает факта прекращения хазарского господства на Боспоре, а следовательно и во всем Крыму, к началу 70-х гг. IX в. Отметим, археологический анализ упомянутых ранее «хазарских» поселений показывает, что они заканчивают свое существование в пределах второй половины IX в. (Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007. С. 226; Сазанов, Могаричев, 2008).

К указанному времени хазары, в попытке вернуть крымские владения или получить дань, могли совершать походы на полуостров только из-за его пределов (Цукерман, 1998. С. 678–679), но укрепиться здесь у них больше не получилось.

Необходимо отметить, что один источник все же сообщает о вхождении части Крыма в состав Хазарии в X в. Это так называемая Пространная редакция письма царя Иосифа, согласно которой в состав каганата около 950–960 гг. (различные авторы датируют источник в пределах этих хронологических рамок) входил весь полуостров, за исключением Херсона и его ближайшей округи. Однако, как отмечалось исследователями, данные Пространной редакции в отношении крымских владений хазар сильно преувеличены (Герцен, 1993. С. 63). Поэтому, вероятнее всего, если крымские пункты Пространной редакции и не являются позд-

ней вставкой, а такое мнение высказывалось (Коковцов, 1932. С. 108–109; Хвольсон, 1884. С.500) (равно как и гипотеза, что «Пространная редакция» вообще фальсификация (Бушаков, 1994; 2005; Обзор литературы и опровержение см. Артамонов, 1962. С. 9–10, 30), то они отражают более желаемое, нежели реальное. Ведь даже по сообщению Кембриджского документа, который передает нам представления элиты хазарского общества, поселения между Боспором и Херсоном в период правления того же Иосифа являлись «городами Романа» (Голб, Прицак, 1997. С. 141), то есть византийскими.

Подтверждением вышесказанному является и договор, заключенный между империей и Киевской Русью в 944 или 945 гг. после похода Игоря на Византию. Согласно ему русские обязуются не нападать на подвластные Константинополю области в Крыму (ст. 8) и защищать их от походов черных болгар (ст.11) (Полное собрание, 1926. С. 51; Левченко, 1956. С. 162). Здесь нет ни слова о хазарской угрозе. Надо думать, если бы таковая имелась, византийцы не преминули бы вменить в обязанность русским и защиту «Корсунской страны» и от хазар³.

Власть венгров в степной части Крыма была недолгой, уже к 80-м гг. IX в. они были вытеснены печенегами, и в истории полуострова начинается новый исторический период. Наиболее полные сведения о нем содержатся в произведении византийского императора Константина Багрянородного (945–959) «Об управлении империей», составленного в 948–952 гг. (1989. С. 5).

Херсон и Климаты подчинялись Византии, но власть империи не была здесь особо прочной, ибо Крым находился под постоянной угрозой вторжения неприятеля.

В частности, это и хазары, которые хотя уже и покинули Крым но, вероятно, не оставляли надежды его вернуть и всячески угрожали набегами. Чтобы сдерживать хазар от нападения, византийские власти всячески обхаживали их соседей – алан, которые так же будучи грозной военной силой, могли препятствовать тем, угрожая ударить с тылу. По словам Константина необходимо дружить с эксусиократором (правителем) Алании потому что «он может сильно вредить им (хазарам. – *авт.*), и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон и Климаты, так как хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты» (1989. С. 53).

Резюме

По мнению автора, в византийско-хазарских отношениях на крымском полуострове в VIII–X вв. выделяется несколько периодов, каждый из которых имеет свою специфику.

1. (конец VII – середина VIII вв.). Выход хазар к границам полуострова, вынудивший византийские власти выплачивать им дань. При этом хазары за материальное вознаграждения участвовали и во внутривизантийских конфликтах, выступая на стороне то одной, то другой партии.

2. (50–60-е гг. VIII – 70-е гг. VIII вв.). Переселение части населения Хазарского каганата с разрешения и под контролем византийских властей на территорию Крыма (в основном Керченский полуостров).

3. (80-е гг. VIII в. – первая половина 30-х гг. IX вв.). Экспансия хазар в юго-западную часть Крыма, а после подавления выступления местного населения и захват ими большей части полуострова.

4. (вторая половина 30-х гг. IX в. – 70–80-е гг. IX в.). Ослабление хазарского господства приводит к созданию фемы Климатов. К концу этого периода хазары, несмотря на попытки удержаться в Крыму, были вынуждены его покинуть.

5. (конец IX – середина X вв.). Попытки хазар совершать походы в Крым, который они, вероятно, продолжали считать своей землей, в основном пресекались византийскими властями.

³ Отметим, что нет никаких оснований отождествлять хазар с черными булгарами. Константин Багрянородный однозначно разделяет эти два политических образования (1989, С. 53).

Литература

- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. VII. Симферополь, 2000.
- Айбабин А.И. Памятники крымского варианта салтово-маяцкой культуры в Восточном Крыму и степи // *Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв. М.*, 2003.
- Алексеевко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. V. Симферополь, 1996.
- Алексеевко Н.А. Имперская администрация на византийско-хазарском пограничье в Таврике: печати киров Херсона // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы*. Керчь, 2004.
- Алексеевко Н.А. Херсон и хазарско-византийское пограничье в начале IX в. Печати Киров // *Боспорские исследования*. Вып. IX. Симферополь-Керчь, 2005.
- Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
- Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования хазарского государства? // *Российская Археология*. 2001. №2.
- Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.
- Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
- Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб., 2001.
- Бушаков В. Етимологія кримських топонімів у зв'язку з вивченням історії Криму // *Східний Світ*. Киев, 1994. № 1–2.
- Бушаков В. Як укладалася докладна редакція так званого листа хозарського царя Йосипа // *Хазарський альманах*. Т. 4. 2005.
- Васильев А.А. Готы в Крыму // *ИГАИМК*. Вып. 5. М.; Л., 1927.
- Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-кермена // *История и археология средневекового Крыма*. – М., 1958.
- Гадло А.В. Кавказ в IV–X вв. (проблемы этнической истории). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1984.
- Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // *МАИЭТ*. Вып. 1. Симферополь, 1990.
- Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // *История и археология Юго-Западного Крыма*. Симферополь, 1992.
- Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе // *Хазарский альманах*. Т. 1. Харьков, 2002.
- Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // *Античная древность и средние века*. Вып. 34. Екатеринбург, 2003.
- Герцен А.Г.; Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // *Античная древность и средние века*. Вып. 30. Екатеринбург, 1999.
- Голб Н. Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997.
- Дагрон Ж. Двуликий Крым // *МАИЭТ*. Вып. VII. Симферополь, 2000.
- Иванов С.А. Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // *Славяне и их соседи*. Вып. 10. М., 2001.
- Ковалевская В.Б. Связи Восточной Европы в эпоху Хазарского Каганата (на основании анализа массового археологического материала) // *Хазарский альманах*. Т.1. Харьков, 2002.
- Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
- Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Киев, 1906.
- Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
- Майко В.В. К вопросу о хазарах на Боспоре во второй половине X в. // *Пантикапей. Боспор. Керчь. Материалы конференции*. Керчь, 2000.
- Могаричев Ю.М. К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. // *Сборник Русского исторического общества*. № 4 (152). М., 2002.
- Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Крыма середины-второй половины VIII в. // *Херсонесский сборник*. Вып. XIII. Севастополь, 2004.

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.

Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998.

Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. Симферополь, 2001.

Никифоров М.А. К дискуссии о дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. Вып. XV. Симферополь, 2009.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Плетнева С.А. Хазары. М., 1986.

Петрухин В.Я. Хазария, венгры и Русь у Константина Багрянородного: тезисы к новому комментарию // Хазары. Тез. докл. М., 2002.

Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и средневековье. М., 1998.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989.

Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 2000.

Полное собрание Русских Летописей. Т. 1. Л., 1926.

Репников Н.И. Эски-кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. // ИГАИМК. Т. XII. Вып. 1–8. 1932.

Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Боспор и хазарский каганат в конце VII – начале VIII в. 1. Проблемы «хазарских слоев» Керчи // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. М.; Магнитогорск, 2002.

Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Крым и Хазария в конце VII – середине VIII вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVI/1. М.; Магнитогорск, 2006.

Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. К вопросу о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008.

Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.

Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков. Этюды рынка. Харьков, 1998.

Сорочан С.Б. Боспор как византийско-хазарский кондоминиум // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Керчь, 2001.

Сорочан С.Б. «Carceris habitatores»? Положение Херсона во второй половине IX в. // Боспорские исследования. Симферополь, 2003.

Сорочан С.Б. Раннесредневековый Херсон и «призраки самоуправления» // Херсонесский сборник. Вып. XII. Севастополь, 2003.

Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Ч. 1. Харьков, 2005.

Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997.

Хвольсон Д.А. Надгробные надписи из Крыма и надгробные и другие надписи из иных мест в древнем еврейском квадратном шрифте, а так же образцы шрифтов из рукописей от IX–XV столетия. Спб., 1884.

Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980.

Ягич И.Ф. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа первоучителя славян св. Кирилла // Приложение к 72-му тому Записок императорской академии наук. 1893. №6.

Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.- Л., 1964.

НАХОДКИ ИЗ СБОРОВ С САМОДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

С.А. Пантелеев

АГОИАМЗ, г. Астрахань

Самосдельское городище расположено в Камызякском районе Астраханской области¹. При этом само городище находится в 40 км. к югу от гор. Астрахани в Дельте на правом берегу реки Бирюль напротив современного села Самосделка. В северо-восточной части городища (Рис. 1) до середины 1990-х годов прошлого века располагались стоговые противопожарные траншеи и силосные ямы. В результате чего были обнажены культурные напластования памятника археологии существовавшего ещё в дозолотоордынский период, в результате эрозийных процессов из бортов траншей и ям вымывались и выпадали различные мелкие артефакты. Некоторые предметы попадали в руки любителей археологических сувениров. По прошествии времени эти предметы были собраны вместе, и любезно предоставлены владельцами на время для обработки и введения в оборот данных материалов.

Коллекция представлена двумя основными группами, включающими в себя группу изделий из камня и группу изделий из стекла. В коллекцию также включена группа изделий из так называемых «других материалов». Бусы являются обильным и разнообразным объектом, изучение которого, несомненно, сулит интереснейшие результаты. Изготавливались бусы из различных материалов. Бусы, изготовленные из камня обнаруженные на территории Самосдельского городища, все без исключения являются привозными, поскольку на территории Астраханской области месторождений лазурита, сердолика, бирюзы и т.д. не известно. Некоторые образцы изделий из стекла представленные бусами и фрагментами колец, браслетов позволяют предположить об импортном характере изделий. С VIII по X века это время расцвета «арабской» торговли на Каспии. Когда шёл активный товарообмен с Древней Русью, Волжской Болгарией, Хазарией. Известно, что тогда в перечисленные регионы из Багдада, Рея, Самарры через Дербент на Нижнюю Волгу поступает стекло в виде таких изделий как: сосуды для благовоний, браслеты и кольца – закавказские витые и гладкие, византийские – монохромные и полихромные, украшения из пасты, подвески и бусы из ценных камней при этом не исключено что некоторые из них могут быть аналогичны самосдельским. Подвески точно известно, что они играли роль не только украшений, но имели и магическое назначение предохраняющих амулетов. Формы подвесок редуцированные до простых геометрических фигур изначально представленные амулетами – оберегами, изображающими части тела, животных или каких-то частей предметов. «Как правило, стиль формы подвесок, естественно, совпадает со стилем формы бус разного производства, поскольку те же приёмы моделирования формы бус, которые применялись в мастерских различных производственных традиций, соответственно применялись и при изготовлении подвесок»².

Сначала рассмотрим группу изделий сделанных из камня. С древнейших времён изделия из сердолика являются самыми распространёнными «сердолик был одним из самых любимых драгоценных камней использовавшимся для изготовления бус. Он стоит на первом месте по количеству бус, частоте встречаемости и разнообразию использованных форм, составляя в целом более половины бус из природных материалов»³. Относительно обработки камней, а точнее сверления то В.Б.Ковалевской отмечается использование алмазного сверления уже в V–IX веках (Ковалевская В.Б., 1998, С. 15). Месторождения сердолика есть в Крыму известно, что в больших количествах поступало сырьё из Индии.

¹ Зиливинская Э.Д., Гречкина Т.Ю., Васильев Д.В. Раскопки на городище Самосделка Астраханской области в 2000–2004 гг. // Российская Археология. № 4. 2006.

² Леммлейн Г.Г. Опыт классификации форм каменных бус // КСИА. XXXII. М., 1950. С. 164.

³ Ковалевская В.Б. Хронология Восточно-Европейских древностей V–IX веков. Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М., 1998. С. 13.

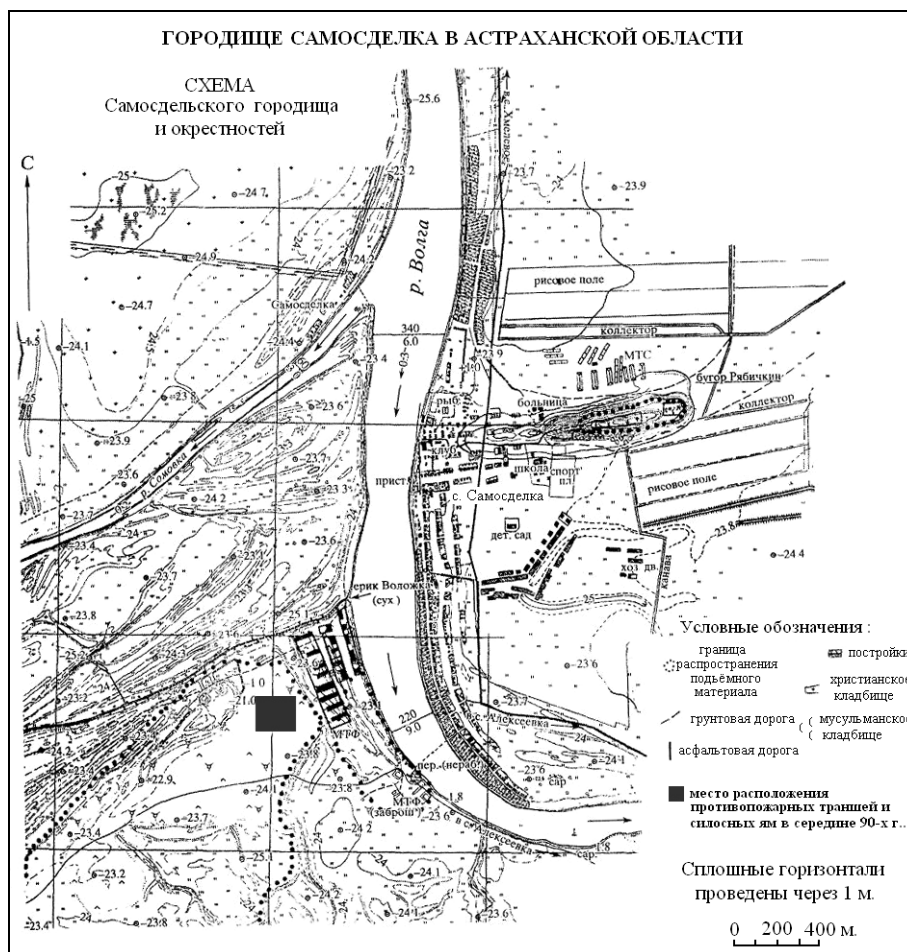

Рис. 1. План городища Самосделка.

Сердоликовые бусы – 2 шт. Первая бусина бипирамидального типа с «грубоватой» обработкой (Рис. 2; 1) шестиугольная. Один край отбит. Размеры составили: длина 1,7 см диаметр 0,7 см. Диаметр отверстия 0,2 см. Вторую бусину (Рис. 2; 2) тоже можно отнести к бипирамидальному типу она шестиугольная. Размером: длина 2,5 см, диаметр 1 см. Диаметр отверстия 0,2 см. Они характерны для Киевской Руси XI–XII веков, отмечаются в русских погребениях Белой Вежи в сочетании с лазуритовыми подвесками (Артамонов М.И., 1958, С. 65–81). Этот тип датируется по Леммлейн достаточно широко с VII по XIII век.

Бусы халцедонового ряда (разновидность кварца) – 2 шт. Первая бусина биконического типа (Рис. 2; 3) голубого цвета со светлыми разводами и очень тщательной обработкой и полировкой поверхности. Одна из сторон украшена линией пропила по диагонали и имеется крупная каверна. Размеры составили: длина 1,8 см, диаметр 1,1 см. Диаметр отверстия 0,1 см. Вторая бусина бочонковидного типа (Рис. 2; 4) серого цвета со светлыми разводами с «грубоватой» обработкой. Размеры составили: длина 1,8 см, диаметр 0,9 см. Диаметр отверстия 0,2 см. Ареал распространения широк и включает Азию, Урал, Крым, Кавказ, Европу и Китай. Очень сильно распространены в период средневековья от VIII–IX вв. до XV века.

Украшения, выполненные из лазурита в виде бус, вставок и подвесок являются наиболее характерными изделиями. Широк ареал распространения этого минерала. Места его происхождения ограничены. Согласно В.И.Сарианиди изделия из лазурита известны достаточно давно и происходят с древних памятников IV тысячелетия до н.э. (Сарианиди В.И., 1968, С. 3). Одним из самых крупных месторождений лазурита в Средней Азии, является район Бадахшана, откуда это сырьё активно распространялось по другим регионам, по пути, проходившему вдоль южного побережья Каспия в сторону Передней Азии. Есть и другие не столь крупные, но достаточно известные месторождения, в районах Ташкента, Бухары и Самарканда.

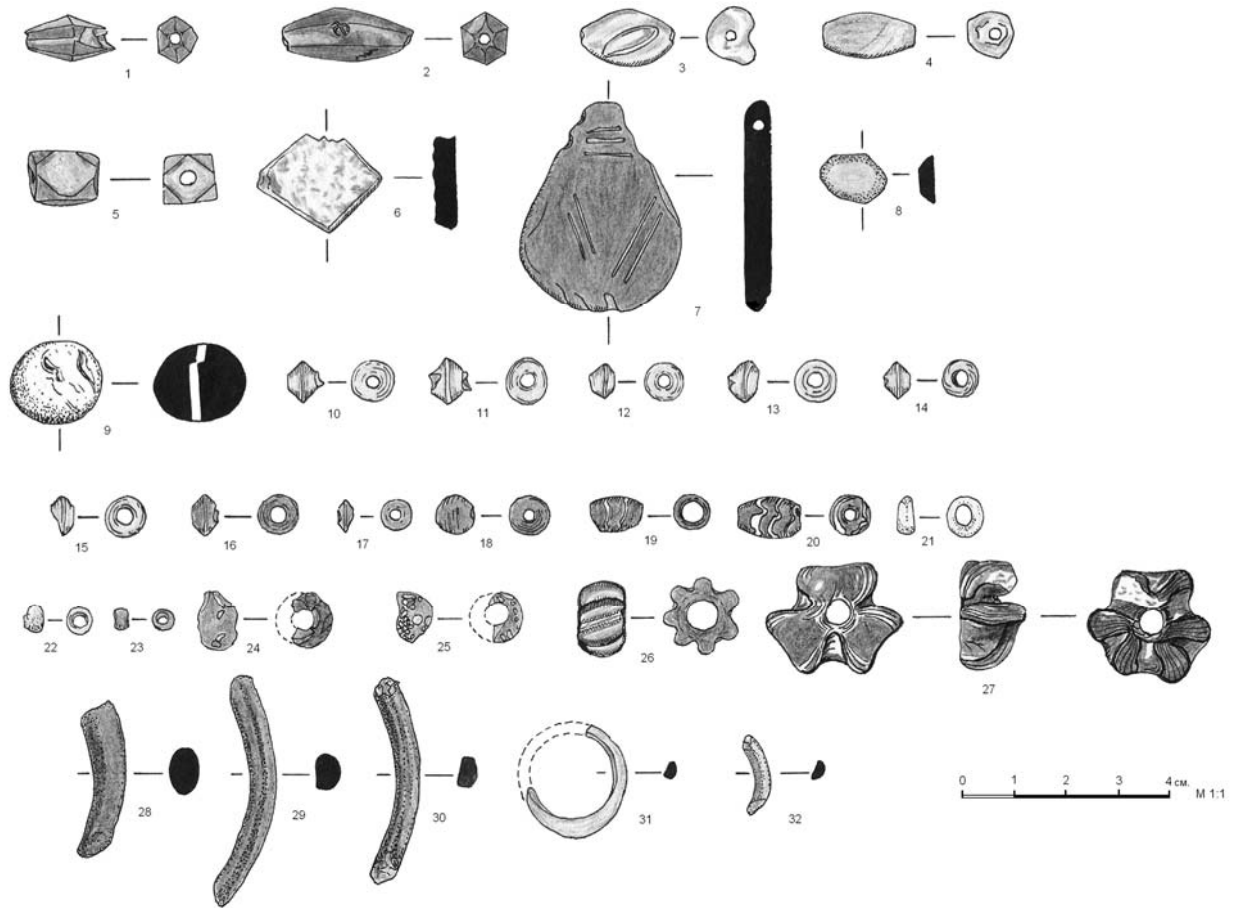

Рис. 2. Изделия с территории Самосдельского городища.

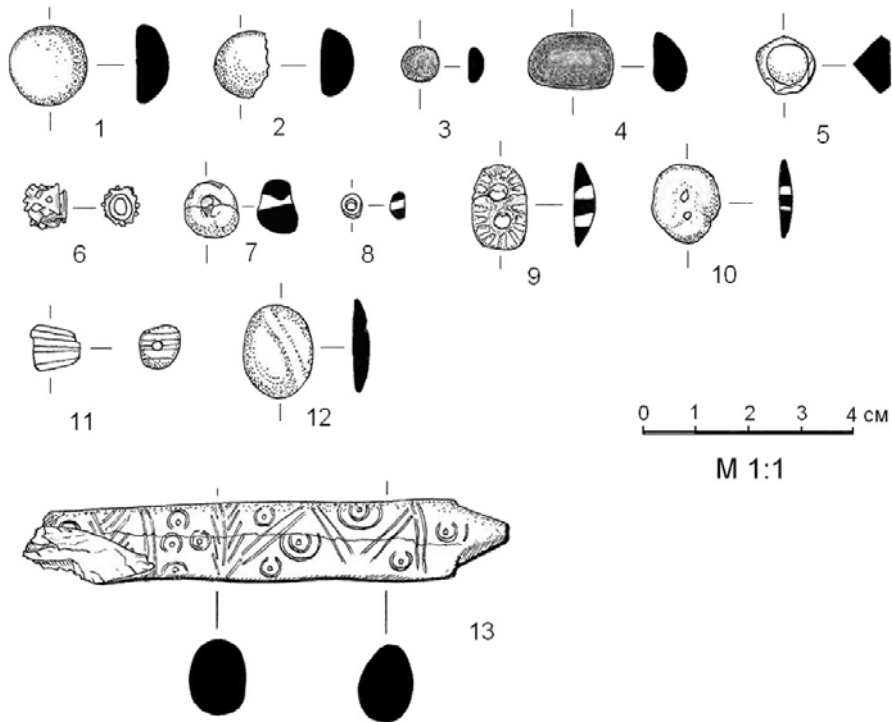

Рис. 3. Изделия с территории Самосдельского городища.

Бусина из лазурита – 1 шт. (Рис. 2; 5). Кубическая бусина размером 1,0–1,2 см³. Из плотного сине-голубого лазурита, тщательно обработанного. По В.Б. Ковалевской «... лазуритовые бусы проникали с юга, в VIII–IX вв. торговыми путями через Арабский Халифат, используя Каспийский путь и горные проходы Большого Кавказа» (Ковалевская В.Б., 1998, С. 39). При этом всё проходило естественно под контролем Сасанидского Ирана и Арабского Халифата.

Подвеска из синего лазурита 1 шт. (Рис. 2; 7), каплевидной формы плоская с округлыми краями. Её размер составил: высота 4 см, ширина 3 см, толщина 0,5 см. С двух сторон в верхней части имеется орнамент в виде горизонтальных линий (разница только в том, что с одной стороны этих линий две, а с другой их три) к ним от нижнего края подвески направлены расходящиеся в стороны парные линии идущие от небольшого вертикального пропила нанесённого по середине нижнего края подвески. У подвески слегка выделена головка за счёт небольших боковых пропилов, в которой имеется сквозное отверстие диаметром 0,2 см. Судя по лучшему качеству отделки лицевой стороной является та, где в верхней части подвески изображено три горизонтальных линии. Лазуритовые подвески известны у кочевников южно-русских степей и Сибири X–XI вв. и отмечаются в русских городах в слоях XII века. В данном случае имеется прямая аналогия данной подвески по материалам археологических исследований в Саркеле – Белой Вежи относящимся к русскому периоду существования крепости и датируется XI веком⁴.

Лазуритовая вставка бледно-голубая с ярко синими прожилками и жёлтыми блёстками (пирит) 1 шт. (Рис. 2; 6) ромбическая плоская размером: 2,3 см x 1,8 см, толщиной 0,4 см. При этом одна из сторон лицевая, поскольку её обработка и полировка более качественная другая гораздо хуже имеются каверны и сколы. Один из углов вставки обломан. Можно предположить относительно датировки что оно, вероятно, не выходит за рамки XI–XII вв. поскольку это время наиболее массового хождения изделий сделанных из лазурита.

Пожалуй, одним из самых популярных камней на Востоке с древнейших времён была бирюза. Бирюзе приписываются всевозможные полезные свойства, которые положительно влияют на обладателя украшения, в котором она присутствует. Даже рассматриваемые ниже в нашей работе изделия из кашина, которые, как известно, являются всего лишь имитацией или подражанием этому материалу изготавливались, вероятно, в силу его нехватки. Одним из самых древних месторождений является Нишапурское в Иране. Известны месторождения и в Узбекистане, которые датируются IX–XI вв. Есть немного и в других районах Средней Азии так известны месторождения в окрестностях Ферганы, Ходжента, Шираза имеется и в Азербайджане.

Вставка из бирюзы зелёно-яблочного цвета 1 шт. (Рис. 2; 8) шестиугольная. Размером: длина 1,2 см, ширина 0,8 см, толщина 0,3 см. Лицевая сторона хорошо обработана и заполирована, другая сторона обработана менее тщательно имеются сколы и каверны. Характер изделия не позволяет сомневаться в том, что вставка была изготовлена для перстня. Самая лучшая бирюза считалась из Кармании и Нишапура. Известны изделия из бирюзы с территории Туркмении обнаруженные в слоях XII–XIII вв. на городище Чугундур.

Из белого мрамора шаровидная бусина – 1 шт. (Рис. 2; 9) неизвестный тип, отверстие сделано по центру высверливалось с двух сторон диаметр отверстия 0,2 см. Размер бусины 1,8 см x 1,6 см. Хорошо обработана и заполирована на поверхности имеются следы повреждений в виде небольших полукруглых сколов.

Бусы из стекла по наблюдениям изготавливались в явном подражании камню. Известно, что в средневековье стеклянными изделиями славились болгарские, русские и среднеазиатские мастера.

Теперь рассмотрим группу изделий сделанных из стекла. Стеклянные круглые бусы – 8 шт. относятся к усечённо-биконическому типу. Из них шесть бирюзового одна синего и одна чёрного цвета (Рис. 2; 10–17). Размер: диаметр от 0,6 см и 0,7 см до 0,8 см, диаметр отверстия от 0,2 см до 0,3 см. Изготовленные путём накручивания на твёрдый стержень размягчённой

⁴ Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. М., 1958. С. 81.

стеклянной нити. Аналогии известны на позднесредневековых памятниках XIV века, например Увекское городище (Матюхина Ю.А., 2005, С. 130). Шаровидная бусина – 1 шт. коричневого цвета (Рис. 2; 18). Размером: диаметр 0,8 см, диаметр отверстия 0,2 см. Очень широкий ареал и время распространения от XII до XV вв. По Ю.А.Матюхиной встречаются в домонгольских памятниках и в кочевнических погребениях на территории Астраханской области, а так же на территории Увекского городища (Матюхина Ю.А., 2005, С. 130). Бочёнковидные бусины – 2 шт. из чёрного непрозрачного стекла (Рис. 2; 19, 20) Размером: у первой бусины длина 1 см, толщина 0,7 см, диаметр отверстия 0,4 см, вторая бусина длиной 1,2 см (один край отбит), толщина 0,8 см, диаметр отверстия 0,2 см. Орнаментированные белыми волнистыми линиями. Данный тип бус археологически зафиксирован в средневековом Новгороде, Хорезме на позднекочевнических и золотоордынских памятниках, например в Увек (Матюхина Ю.А., 2005, С. 132). Кольцевидная бусина – 1 шт. из полупрозрачного голубоватого стекла (Рис. 2; 21). Размер: диаметр 0,7 см, толщина 0,4 см, диаметр отверстия 0,4 см. Аналогии известны по средневековым памятникам Херсонеса, в северо-западной Руси и Поволжья (Матюхина Ю.А., 2005, С. 130). Рублёный бисер – 2 шт. из непрозрачного стекла жёлтого и зелёного цвета (Рис. 2; 22, 23). Размеры: жёлтого 0,4 см x 0,5 см, зелёного 0,3 см x 0,4 см. Диаметр отверстия 0,2 см. Отмечается в золотоордынских городах Нижнего Поволжья. Шаровидные бусины – 2 фрагмента из непрозрачного чёрного стекла (Рис. 2; 24, 25) орнаментированные крошкой разноцветного стекла. Один фрагмент матовое стекло с жёлтой и зелёной крошкой, второй с жёлтой, красной, белой и голубой крошкой. Размеры: у матовой бусины вероятный диаметр 1,1 см, диаметр отверстия 0,4 см, второй вероятный диаметр 1 см, диаметр отверстия 0,4 см. Аналогии этим бусам отмечаются на большой территории. Фиксируются в средневековых слоях Херсонеса, Саркела, Болгара на памятниках Северного Кавказа, в городах Хорезма и в позднекочевнических памятниках Нижнего Поволжья (Матюхина Ю.А., 2005, С. 131). Бусина «ребристая» – 1 шт. из непрозрачного стекла чёрного цвета (Рис. 2; 26) круглая кольцевидного типа. Изготовлена посредством навивки на инструмент, украшена поперечными полосами, полученными в результате надавливания острого инструмента. Размер: диаметр 1,5 см, толщина 0,9 см. Диаметр отверстия 0,6 см. Данный тип бус известен с эпохи бронзы и существовал до развитого средневековья. Отмечается в Азии на Кавказе в степях Восточной Европы. Бусина «цветок» – 1 шт. из непрозрачного стекла чёрного цвета (Рис. 2; 27) круглая в виде трёх вывернутых лепестков с перемычками между каждым лепестком. Размер: диаметр 2,3 см, толщина 1 см. Диаметр отверстия 0,5 см. Тип не известен.

Браслеты – 3 фрагмента изготовлены из тёмно-синего ближе к чёрному цвету, прозрачного стекла орнаментация отсутствует. Один округлый диаметром 0,6 см x 0,9 см (Рис. 2; 28) и два плосковыпуклые диаметром 0,5 см x 0,7 см и 0,4 см x 0,6 см (Рис. 2; 29, 30).

Кольца – 2 фрагмента изготовлены из непрозрачного зеленоватого (Рис. 2; 31) и синего (Рис. 2; 32) стекла, орнаментация отсутствует. Внутренний диаметр фрагмента зеленоватого кольца 1,6 см толщина 0,2 см x 0,3 см. Фрагмент синего кольца толщиной 0,2 см x 0,3 см. В сечении плосковыпуклые. У обоих фрагментов имеются на концах сплюснутость в результате обжима щипцами концов колец. Браслеты и кольца изготавливались техникой вытягивания жгута (дрота) из горячей массы. Аналогии изделий встречаются в средневековых городах Кавказа, Поволжья, Северного Причерноморья, Древней Руси характерны для X века (Кудрявцев А.А., 2009, С. 223).

Вставки стеклянные – 5 шт. Первая круглой формы из прозрачного стекла (Рис. 3; 1) одна сторона плоская в сечении полукруглая. Размером: диаметр 1,5 см и толщиной 0,6 см. Стекло практически незамутнённое с эффектом увеличения. Вторая круглой формы белое замутнённое стекло (Рис. 3; 2) одна сторона плоская в сечении полукруглая, часть вставки отбита. Размером: диаметр 1,3 см, толщиной 0,6 см. Третья вставка круглой формы стекло тёмно-зелёного цвета (Рис. 3; 3) одна сторона плоская в сечении полукруглая. Размер: диаметр 0,7 см, толщина 0,3 см. Четвёртая вставка подпрямоугольная с сильно закруглёнными углами тёмно-синего цвета (Рис. 3; 4) одна сторона плоская в сечении почти овальная. Размер: 1,6 см x 1,1 см, толщина 0,6 см. Пятая вставка пирамидальной формы лицевая сторона плоская в виде круга лежащего в пятиугольнике (Рис. 3; 5). Стекло белое замутнённое, раз-

мер: диаметр 1 см, высота 0,7 см. Подобные вставки известны на всех крупных памятниках золотоордынского времени Селитренное городище Царёвское и Увек.

Украшениям из кашина не посвящено больших и глубоких работ по этому вопросу не было ни одной специальной работы. Известны бусы и подвески из кашина покрытые голубой глазурью, в Средней Азии отмечены на городище Султан-кала Старого Мерва, городище Шехр-Ислам, в Хорезме, Фергане и на Афрасиабе. По времени бытования этих украшений Г.Я.Дресвянская отмечает что: «Кашинные украшения, как и вообще кашин, ранее XI–XII вв. не встречаются. Но, несмотря на то, что кашинные изделия продолжают бытовать и в XIV–XV вв., случаи обнаружения бус и подвесок из кашина позднее XII – начала XIII вв. пока не известны.» (Дресвянская Г.Я., 1969, С.84). Что касается технологических моментов, то «зафиксировано археологически, что бусы обжигались в печах одновременно с керамикой» (отмечено на городище Султан-кала в Мерве, раскоп 1)⁵. Изделия из кашина представлены бусами – 3 шт. и двумя пуговицами. Первая бусина бледно-голубого цвета цилиндрической формы (Рис. 3; 6). Размером: 0,8 см x 0,7 см, диаметр отверстия 0,3 см. одна из сторон бусины сделана в виде резко отогнутого венчика, остальная часть вся покрыта мелкими ромбовидными шипами в три ряда в шахматном порядке. Тип не известен. Вторая бусина неправильной шаровидной формы (Рис. 3; 7) диаметром 1 см диаметр отверстия 0,2 см в канале отверстия имеется налп (брак). Третья бусина бледно голубая овальной формы (Рис. 3; 8) кольцевидного типа со следами яркой синей глазури. Размер диаметром 0,5 см x 0,4 см, толщина 0,3 см. Первая пуговица (Рис. 3; 9) бледно зеленоватая с остатками сине-зелёной глазури овальной формы плоская с одной стороны и округлая с другой. Размером: длина 1,6 см, ширина 1 см, толщина 0,4 см. На поверхности имеются два сквозных отверстия диаметром одно 0,3 см x 0,2 см другое 0,4 см x 0,1 см. Пуговица украшена линиями, идущими от краёв к отверстиям. Вторая пуговиц (Рис. 3; 10) бледно голубая с остатками синей глазури округлой формы, одна сторона плоская другая выпуклая слегка деформирована. Размер: диаметр 1,5 см x 1,3 см толщина 0,3 см имеются два сквозных отверстия диаметром 0,2 см x 0,1 см и 0,1 см. Аналогичные пуговицы были обнаружены в количестве 3 шт. в погребении 162 в 1992 году⁶ на бугре «Маячный» в Красноярском районе Астраханской области. Погребение средневековое христианское помимо пуговиц был обнаружен серебряный нательный крест. По имеющимся среднеазиатским аналогиям, которые широко представлены в исследованиях Старого Мерва, данные изделия из кашина можно датировать не раньше чем в пределах XII–XIII веков.

Бусина из перламутра 1 шт. (Рис. 3; 11) относится к неправильно-округлому типу. Необычна технология её изготовления. Бусина была склеена из шести пластинок перламутра, затем обточена, после чего просверлена. В какой-то момент при изготовлении произошло смещение двух крайних пластин. Размеры: диаметр 0,9 см x 0,8 см x 0,6 см, диаметр отверстия около 0,2 см. Известны различные типы перламутровых бус с памятников Волжской Болгарии в предмонгольское время и позже в XIII–XIV вв. отмечены на Селитренном городище (Полубояринова М.Д., 1991, С. 45). Перламутр, как правило, привозился со Средиземного моря или с Индийского океана.

Перламутровая вставка 1 шт. овальная (Рис. 3; 12) относится к плоскому типу со слегка выпуклой лицевой стороной. Размером: 1,8 см x 1,3 см при толщине 0,3 см. Имеются аналогии подобных вставок на памятниках золотоордынского времени XIV века, например Селитренное городище (Полубояринова М.Д., 1991, С. 88).

Костяная рукоятка 1 шт. (Рис. 3; 13) сделана из кости крупнорогатого домашнего животного (корова) размером: длина 9 см, ширина 1,5 см, толщина 1,1 см в сечении овальная, хорошо обработанная и заполированная. Передняя часть рукоятки разрушена мелкими и одним крупным сколами. Задний конец рукоятки вырезан в виде клина длиной 1 см с уступами от краёв с тыльной стороны имеется скол повреждения. На лицевой стороне имеется орнамент в виде вертикальных парных линий и трёх парных линий нанесённых под разными углами, об-

⁵ Дресвянская Г.Я. Бусы с городища Старого Мерва. Ашхабад, 1969. С. 83.

⁶ Котеньков С.А. Отчёт об археологических раскопках на грунтовом могильнике «Маячный 1», в Красноярском районе в 1992 г. С. 114. Астрахань, 1992 // Архив АГОИАМЗ. НВ 13443/1.

разующими орнамент в виде зигзага и упирается в изображение ёлочка направленной вершиной вниз. Далее следует парная вертикальная линия и сразу после неё видимо (в этом месте крупный скол) ёлочка, направленная вершиной вниз. Изображения циркульного орнамента заполняют пустые места между линиями и ёлочками. Судя по всему, лицевая орнаментированная сторона является внешней стороной кости самой плотной и прочной её частью менее подверженной разрушению, поэтому вероятно здесь и был нанесён орнамент. Аналогии отмечаются у кочевников южнорусских степей X–XII веков.

Можно отметить, что даже в этом составе представленные в коллекции бусы, подвеска и вставки из камней самоцветов производят впечатление своим разнообразием. Стекланные бусы и вставки, изготовленные в подражание каменным. Многие изделия грубоваты, не все сделаны качественно, явно рассчитаны на широкого и не очень богатого потребителя. Рассмотренные кашинные изделия бусы и пуговицы предполагает, безусловно, местное производство.

Подводя своеобразный итог нашим исследованиям хотелось отметить, что рассмотренные изделия в своей массе датируются в пределах с XII–XV вв. и совсем незначительное количество с VIII–XII вв. Необходимо отметить, что датировать весь этот рассматриваемый нами материал только по аналогиям нельзя. Конечно, нужна более тщательная систематизация для определения рамок их бытования.

Сделанные выводы хорошо согласуются с выводом Г.Я.Дресвянской о том что: «Формы бусин не подчинялись законам времени, переживают века. Возможно, в разные эпохи существовала мода на бусы различного цвета, формы, размеров и на определённые сочетания бус различных окрасок, форм, размеров. Это можно будет выяснить после тщательного изучения хорошо датированного материала. Выяснение места, откуда могли привозиться украшения, является наиболее трудным вопросом, который, конечно, будет разрешён с накоплением фактического материала и даст новые данные о торговых и культурных связях»⁷ Самосдельского городища.

Данная публикация не претендует на окончательный вывод и не ставит точку в этом вопросе, а скорее наоборот вероятно открывает. И возможно в будущем дальнейшие исследования могут позволить несколько по иному осветить рассматриваемую нами тему.

Литература

1. Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа / Материалы и исследования по археологии СССР, № 62 // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. М., 1958. С. 65–81.
2. Боброва А.С. Бусы из Афрасиаба / Следы производства глазчатых стекланных бус в Средней Азии // КСИА. XXX. М., 1949. С. 121–123.
3. Белов Г.Д. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе // КСИА. № 116, М., 1969. С. 80–84.
4. Бусятская Н.Н. Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые Памятники Поволжья. М., 1976.
5. Дресвянская Г.Я. Бусы с городища старого Мерва // Труды ЮТАКЭ. Т. XIV, Ашхабад, 1969.
6. Зиливинская Э.Д., Гречкина Т.Ю., Васильев Д.В. Раскопки на городище Самосделка Астраханской области в 2000–2004 гг. // Российская Археология. № 4. 2006.
7. Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А. Роль Северокавказских городов в средневековой торговле мусульманского востока с Восточной Европой (по материалам Дербента VIII–XIII вв.) // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, 2009.
8. Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М., 2000.
9. Ковалевская В.Б. Хронология Восточно-Европейских древностей V–IX вв. // Каменные бусы Кавказа и Крыма. Вып. 1. М., 1998.
10. Котеньков С.А. Отчёт об археологических раскопках на грунтовом могильнике «Маячный 1», в Красноярском районе в 1992 г. Астрахань, 1992 // Архив АГОИАМЗ. НВ 13443/1.

⁷ Дресвянская Г.Я. Бусы с городища Старого Мерва. Ашхабад, 1969. С. 84.

11. Леммлейн Г.Г. Опыт классификации форм каменных бус // КСИА. XXXII. М., 1950. С. 157–167.
12. Львова З.А. Стекланные браслеты и бусы из Саркела – Белой Вежи / Материалы и исследования по археологии СССР. № 75 // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. М.-Л., 1959. С. 307–332.
13. Матюхина Ю.А., Моржерин К.Ю. Поливная кашинная керамика с Увека // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. Симферополь, 1998.
14. Матюхина Ю.А. Стекланные бусы Увека // Археологические записки. Вып. 4. Ростов-на-Дону, 2005.
15. Островерхов А.С. Древнейшее античное производство стекланных бус в северном Причерноморье // Советская Археология. № 4. М., 1981. С. 214–228.
16. Пташникова И.В. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма // Труды ХАЭЭ. 1952. Том 1.
17. Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991.
18. Сарианиди В.И. О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке // КСИА. № 114. М., 1968. С. 3–9.
19. Чурсин Г.Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1929.
20. Щапова Ю.Л. К вопросу о производстве стекланных браслетов в древней Костроме // КСИА. № 120, М., 1969. С.15–19.
21. Щапова Ю.Л. О химическом составе древнего стекла // Советская Археология. № 3. М., 1977. С. 95–106.

SUMMARY

In 90x years of the XXth century on a site of ancient settlement the Samosdelka in Kamyzyjacscky area of the Astrakhan region the various archeological finds which have not entered into official reports have been made. Artefacts included collections of a beads from glass and a stone and products from other materials dated with X till XIV centuries. Finds are of interest for studying of archeology which existed even before occurrence of Golden Horde. In given article materials for the purpose of their introduction in the further scientific turn are considered.

НЕКОТОРЫЕ КАТЕГОРИИ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ ИЗ НИЖНИХ СЛОЁВ САМОДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

П.В. Попов

Министерство культуры Астраханской области, г. Астрахань

Самосдельское городище располагается в 40 км ниже Астрахани в дельте реки Волги, на правом берегу реки Бирюль или Старая Волга. Данное поселение было известно давно, ещё с конца XIX века (ГААО, Ф.37, д.34), но лишь как памятник золотоордынского времени (Егоров, 1985, с.118). Только в 1990-е годы, в ходе рекогносцировочных работ, были выявлены материалы, относящиеся к более ранним периодам.

В 2000 году на городище начался новый этап исследований, в рамках которого проводятся ежегодные планомерные раскопки, продолжающиеся до настоящего времени. Руководителями работ являются Э.Д. Зиливинская, Д.В. Васильев¹. До 2008 года данные исследования проводились в рамках «Хазарского проекта», при поддержке Российского еврейского конгресса. В ходе них на городище были выявлены слои относящиеся к нескольким историческим периодам – с эпохи Хазарского каганата до времени Золотой Орды. Такой широкий хронологический период делает Самосдельское городище одним из наиболее значительных памятников в Нижнем Поволжье.

Исследование нижних предматериковых слоёв памятника позволило выделить в керамической коллекции некоторые категории лепной керамики, имеющей большое значение для его датировки культурно-исторической атрибуции.

Прежде всего, здесь следует выделить комплекс лепных горшков выполненных из теста грубого замеса с большим количеством примесей. В основном это шамот, навоз, песок, иногда встречается добавление ракушки. Особо следует отметить распространение в указанной группе низкокачественного кострового обжига. Сосуды данной группы имеют неровный цвет черепка, чёрные полосы на его изломе вследствие перепадов температуры при обжиге. Судя по всему, их обжиг осуществлялся на открытом костре.

В рамках данной группы выделяются горшки двух типов. Первый представлен высокими сосудами с плавно профилированной горловиной, плавно переходящей в раздутое тулово. Венчик на данных горшках образован краем стенки, истончён или заглажен. Подобные сосуды украшались пальцевыми оттисками по венчику, прочерченными орнаментами по тулову (рис. 1).

Следует отметить, что в материалах памятника фиксируются сосуды, отличающиеся более высоким качеством изготовления. Так они характеризуются ровным окислительным обжигом, более лучшей формовкой теста, меньшим количеством примесей, более качественной техникой формовки и отделки самих сосудов. По всей видимости, здесь можно говорить о развитии данной группы сосудов в материалах городища.

Данный тип горшков находит аналогии на многих раннеболгарских памятниках Восточной Европы. С.А. Плетнёва выделяет подобные сосуды в тип Б лепной кухонной посуды средневековой Таматархи (Плетнёва, 1963, с. 14). Эти формы автор связывает с кочевыми болгарами, а их появление на памятнике датирует VII веком (Плетнёва, 1963, с. 14). На материалах средневолжских памятников Т.А. Хлебникова выделяет сходную керамику во II этнокультурную группу. Её образцы, обнаруживаемые в комплексах IX–X веков соотносятся исследователем с кочевым болгарским населением (Хлебникова, 1984, с. 217). Судя по имеющимся аналогиям, датировать бытование рассматриваемых горшков кострового обжига на Самосдельском городище следует относить к IX веку.

Второй тип, в рамках рассматриваемой группы, представлен лепными баночными формами. Отличительными чертами этих сосудов является слабораздутое тулово с покатыми плечиками, слабовыделенные горловины, венчики, образованные краем стенки. Орнамента-

¹ Выражаю благодарность исследователям за предоставленные материалы.

ция этих сосудов довольно бедная. В основном это пальцевые вдавления или насечки по венчику, по краю донца (рис. 2).

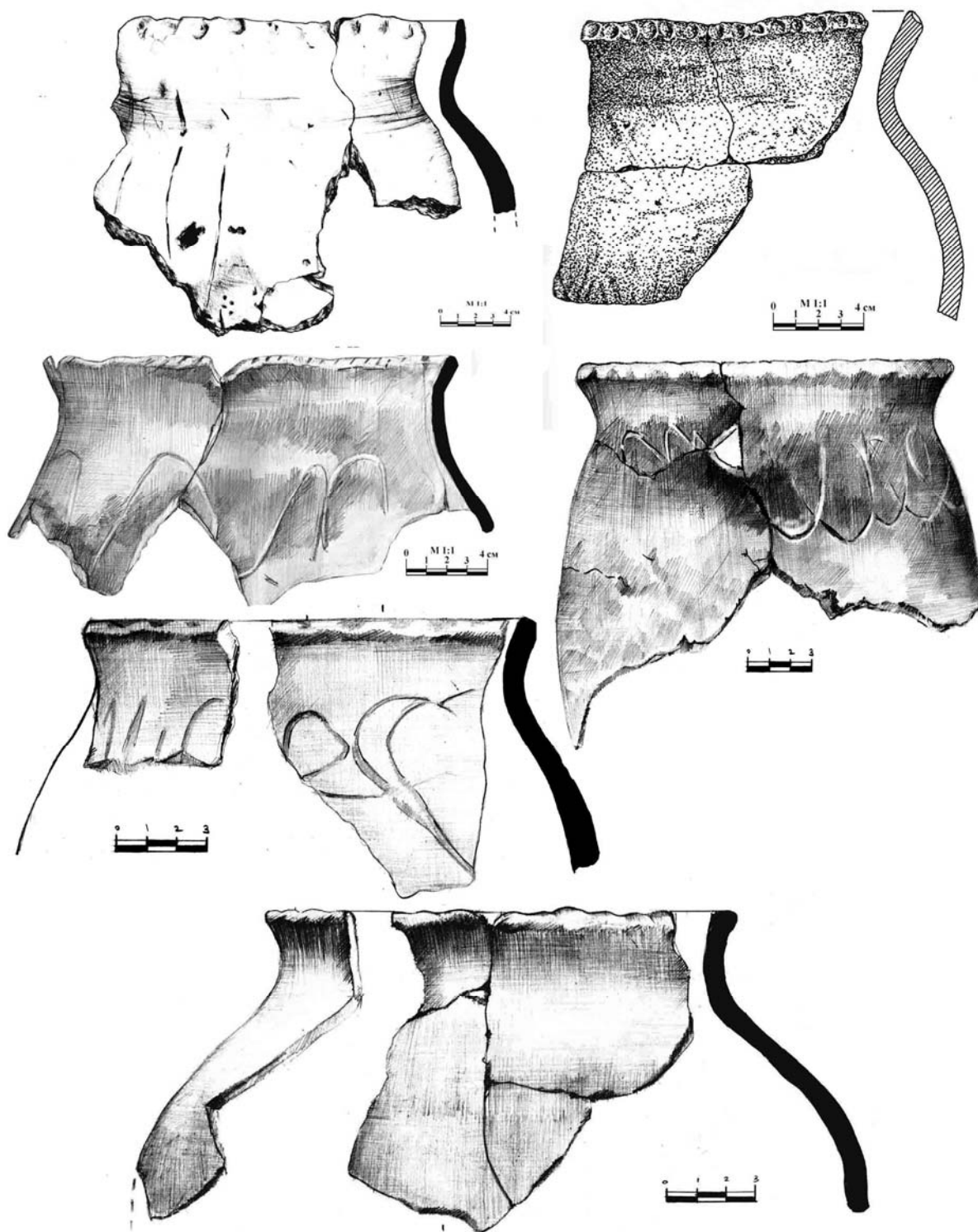
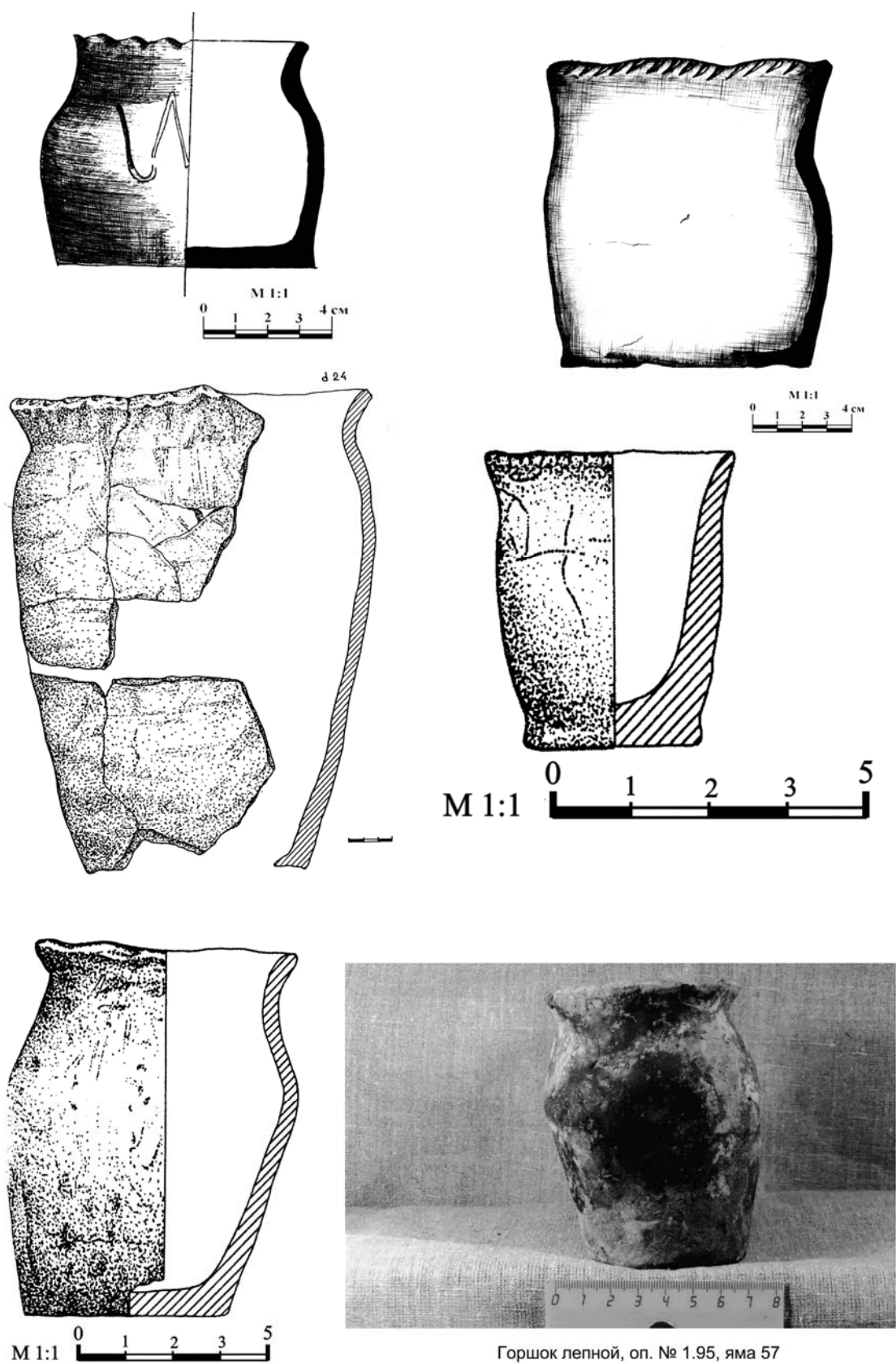

Рис. 1.

При изучении этих сосудов привлекает к себе внимание архаичность морфологии и техники их исполнения. Аналогии подобным горшкам имеют довольно широкий географический и хронологический ареал.

Прежде всего, следует отметить сосуды, найденные в ходе исследований курганных могильников Бортал II, Юстыд, Барбургазы I на Алтае (Кубарев, Журавлёва, 1998, с. 25–31).

Горшок лепной, оп. № 1.95, яма 57

Рис. 2.

Однако, на Алтае находки таких горшков носят единичный характер. Г.В. Кубаревым и А.Д. Журавлёвой среди материалов алтайских погребений зафиксированы находки девяти керамических сосудов. Только три из них аналогичны находкам с Самосдельского городища. Такое малое количество керамических сосудов в памятниках алтайских тюркоязычных племён объясняется авторами широким использованием деревянной и металлической посуды (Кубарев, Журавлёва, 1998, с. 25–31).

1) В Восточной Европе сходные горшки зафиксированы в верхних слоях Саркела – Белой Вежи. С.А. Плетнёва интерпретирует их как керамику половецких племён, заселивших Белую Вежу после ухода из неё славянского населения (Плетнёва, 1959, с. 227–241). Следует отметить, что в слоях половецкого времени данная керамика бытует наряду с боршевской посудой и в последствии вытесняется последней. Изготовление лепных горшков баночной формы является проявлением собственно половецкой гончарной традиции. Однако традиции гончарства в среде данных племён была очень слабой. На это указывает быстрое вытеснение лепных горшков боршевскими формами, а также материалы курганных могильников Прииртышья, где в состав погребального инвентаря входили исключительно сосуды, соотносимые с местным угоро-самодийским населением, составлявшим потчевашскую и рёлкинскую культуры (Арсланова, 1980, с. 79–104).

Обзор приведённых аналогий показывает, что традиция изготовления лепных баночных горшков присуща широкому кругу кочевых тюркоязычных племён. Тот факт, что эта посуда изготавливалась собственно номадами на протяжении длительного хронологического периода, без влияния извне, позволяет предположить, что изготовление лепных баночных горшков является проявлением общетюркской гончарной традиции. Ограниченный характер её проявления и консервация в её рамках архаичных приёмов было обусловлено широким распространением в кочевнической среде деревянной, металлической, каменной посуды, а также форм заимствованных у осёдлых племён.

Таким образом, для этнокультурной и хронологической интерпретации лепных баночных горшков определяющее значение имеет археологический контекст, в котором они были обнаружены. Общность технологических характеристик с предыдущим типом горшков позволяет интерпретировать баночные сосуды как наиболее архаичные образцы керамики II этнокультурной группы и соотнести их с кочевыми болгарскими племенами. На подобную интерпретацию указывают и другие находки сделанные в нижних слоях Самосдельского городища. Прежде всего, здесь следует упомянуть обнаружение остатков нескольких юртообразных жилищ (Ермилов, 2008, с. 99–100). По мнению большинства исследователей на территории Восточной Европы данные сооружения должны связываться с переходящими к осёдлости болгарскими племенами. (Флёров, 1996, с. 59–60)

Таким образом, в виду вышеизложенного, лепные баночные горшки могут быть интерпретированы как наиболее архаичная форма керамики II этнокультурной группы, связываемой с кочевым болгарским компонентом. Подобная посуда может быть датирована IX в.

Особое значение имеет обнаружение этих сосудов в культурном слое поселенческого памятника. Это говорит о том, что на Самосдельском городище проживала группа кочевого болгарского населения, длительное время сохранявшая традиции кочевания.

Ещё одной значимой категорией керамики для разработки хронологии Самосдельского городища являются лепные котлы с витыми и треугольными в сечении ручками. В материалах памятника можно выделить несколько типов подобной посуды.

Котлы с округлым сферическим туловом и горизонтальными прямыми, витыми петлевидными ручками (рис. 3, 4)

Лепные сосуды со сферическим округлым туловом. На данных котлах фиксируется несколько типов венчиков. Наиболее часто встречается венчик образованный сильно зажёванным краем стенки, трапецевидный или прямоугольный в сечении. Он мог быть оттянут назад, в результате чего образовывалась маленькая, приподнятая над туловом горловина. Также на них может фиксироваться закраина под крышку. В тоже время в рамках данного типа встречаются слабовыделенные венчики, образованные краем стенки, как бы обрезаны, прямоугольные в сечении.

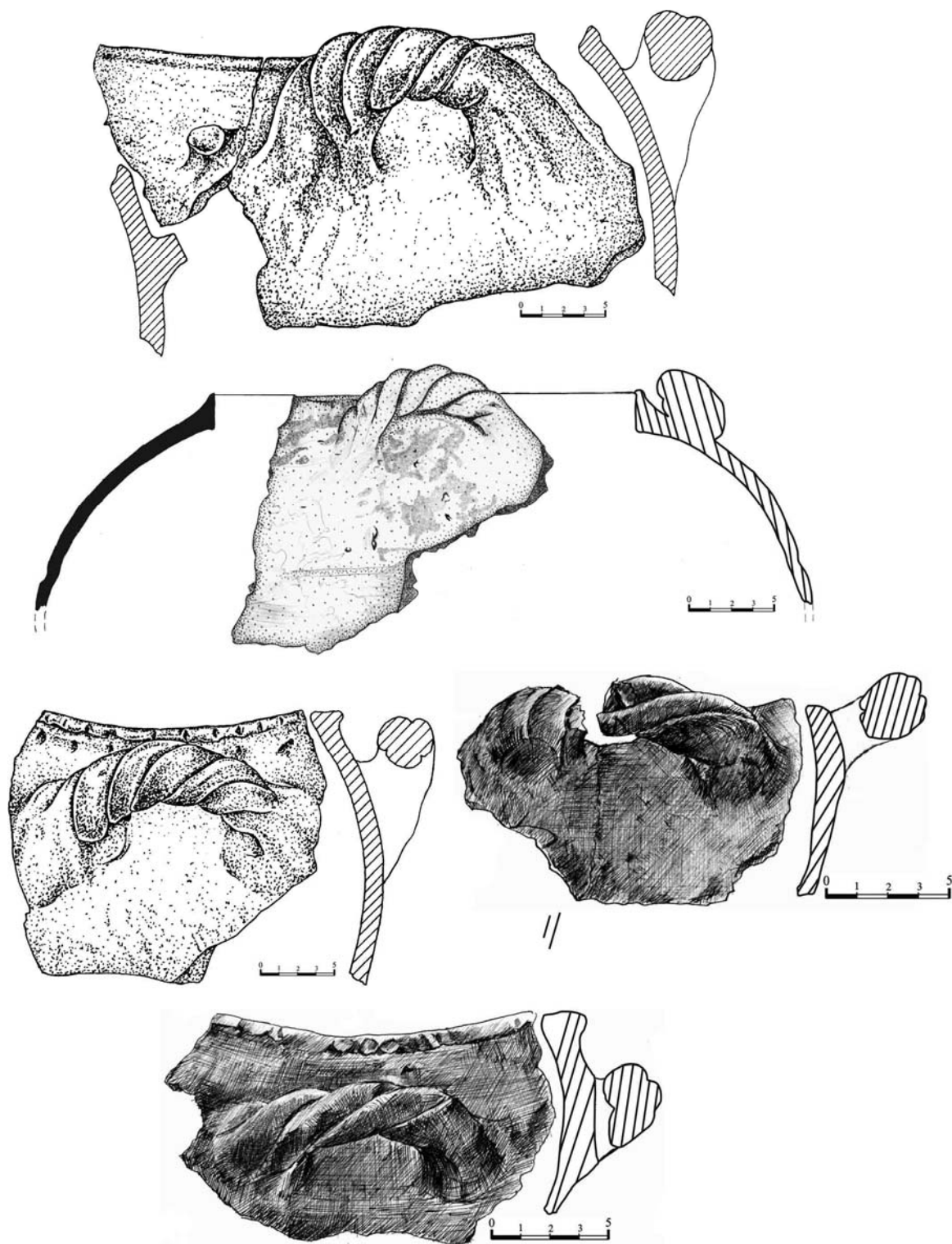

Рис. 3.

Донце у этих котлов, по всей видимости, было округлым. Отличительной чертой данного типа является наличие прямых, витых петлевидных горизонтальных ручек, располагающихся под венчиком сосуда или на его краю. Следует отметить, что выделение в рамках данного типа вариаций ручек не может являться критерием для дальнейшей градации. По другим морфологическим и технологическим признакам сосуды этого типа практически идентичны. Размеры сосудов обычно не превышают 30–40 см.

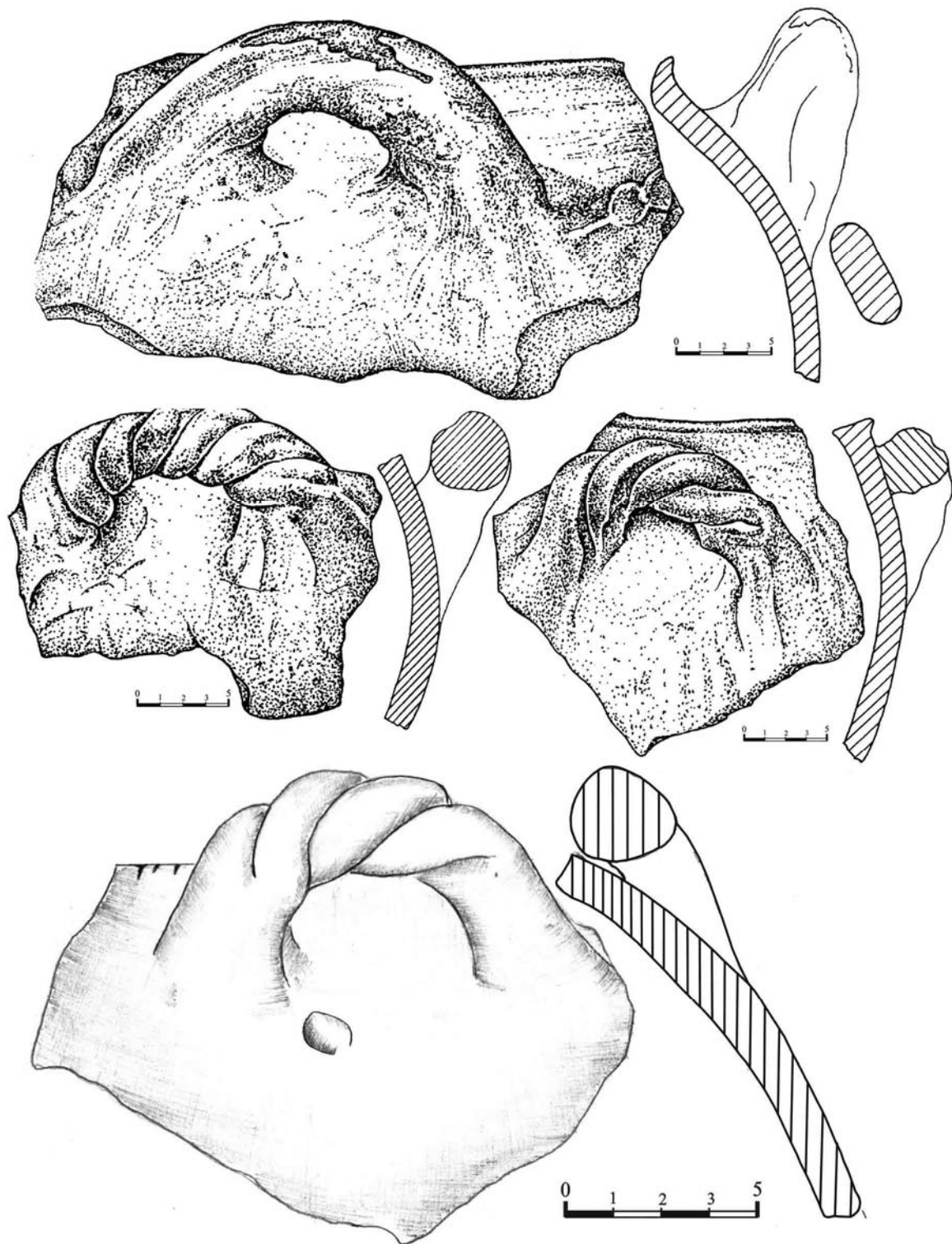

Рис. 4.

Характерным декором в рамках данного типа является полоса циркульных оттисков, проходящая между венчиком и ручкой. Аналогичная орнаментация из пальцевых вдавлений встречается на лепных котлах с горизонтальной петлевидной ручкой найденных на городище Шашукум-тобе в слоях VI–VIII вв. Здесь орнаментальная полоса также проходит между ручкой и туловом. Следует обратить внимание на пальцевые вдавления расположенные в основании ручек. Данный элемент также характерен для сосудов со среднеазиатских памятников.

Горизонтальные витые ручки рассматриваемых сосудов следует рассматривать как стилизованное изображение бараньих рогов, что свидетельствует о распространении среди носи-

телей данной керамики традиции почитания барана в качестве сакрального животного. Такие представления широко распространяются среди сырдарьинских племён, начиная с первых веков н.э. (Байпаков, 1980, с.44–45).

Полные аналогии котлам этого типа находятся в материалах Кулана (городище Луговое), Краснореченского городища в юго-западном Семиречье, (Байпаков, 1986, с.29–31, 61, рис.14) а также в материалах раннесредневековых слоёв Тараза (Сенигова, 1972, с.89, 91). К.М. Байпаков, датирует подобную керамику VII–VIII вв. (Байпаков, 1986, с.62). Т.Н. Сенигова на материалах Тараза относит подобные котлы к VIII–IX векам (Сенигова, 1972, с.89, 91). Истоки этих форм исследователи видят в кочевнической керамике, в связи, с чем интерпретируют их как посуду кочевого тюркоязычного населения (Байпаков, 1986, с.62). Аналогичные горизонтальные витые ручки встречаются на лепных и гончарных горшковидных котлах, обнаруживаемых на городище Джигербент (Вишневская, 2001, с.35–36, рис.11; 2, 10). Здесь эти сосуды датируются IX веком. Н.Ю. Вишневская также связывает данные сосуды с керамикой тюркоязычных кочевников (Вишневская, 2001, с.35).

Следует обратить внимание на резкое отличие котлов с витыми ручками из Джигербента и Семиречья. По всей видимости, Семиречье является исходным центром распространения рассматриваемых элементов, а в материалах памятников Амударьи эти элементы проникают в результате влияния кочевников на материальную культуру осёдлого населения.

Особо следует отметить, что подобные сосуды не встречаются в материалах памятников Средней Сырдарьи, что даёт основания считать данные котлы признаком локальной культуры районов Южного Казахстана и Семиречья.

Котлы с округлым сферическим туловом и горизонтальными петлевидными ручками треугольными в сечении (рис. 5)

Тулово сосуда идентично по форме котлам типа 2 – сферическое, округлое. Венчик слабовыделен, прямоугольный в сечении, представляет собой как бы обрезанный и слегка затёртый край стенки. Донце у этих котлов, по всей видимости, было округлым. В верхней части тулова сосуда располагается горизонтальная петлевидная треугольная ручка.

Полные аналогии таким котлам обнаруживаются на памятниках восточной части Таласской долины (Бубнова, 1963, с.138). М.А. Бубнова считает, что форма этих котлов восходит к металлическим образцам сакского времени (Бернштам, 1952, с.45, 47, рис.20, 21; Бубнова, 1963, с.138).

Вышеописанные типы котлов, имеют близкую взаимосвязь, указывающую на этническое единство их носителей. Как было отмечено ранее, в рамках описанных типов наблюдается общность технологических характеристик. Особо надо отметить находки лепных котлов с горизонтальными витыми треугольными ручками. Эти элементы наглядно иллюстрируют особо тесную этнокультурную связь двух последних типов.

Выделение указанных лепных котлов и анализ их морфологических характеристик позволяет говорить о фиксации в материалах городища комплекса семиреченского происхождения. Большое значение имеет высокая степень сходства форм Самосдельского городища с материалами памятников Семиречья. Бытование котлов этого типа в Семиречье имеет относительно ограниченные хронологические рамки. Как уже было упомянуто выше, исследователи датируют подобные котлы VII–IX веками (Байпаков, 1986, с.62; Сенигова, 1972, с.89, 91). По всей видимости, исчезновение таких форм следует связывать с переходом к осёдлому быту тюркоязычных кочевников. Как уже упоминалось выше, на Самосдельском городище котлы этих типов распространены исключительно в нижних слоях. В связи с этим, можно предположить, что распространение котлов с подобными ручками в материалах Самосдельского городища следует датировать IX веком. Эта категория керамики имеет большое значение в качестве хроноиндикатора.

При анализе вопросов этнокультурной интерпретации рассматриваемых котлов привлекают к себе внимание сведения, касающиеся периода сложения огузского объединения. Ранняя этническая история огузов остаётся сложным и малоизученным вопросом. По мнению большинства исследователей, данный период сложения огузской конфедерации связан с районами Западного Семиречья (Агаджанов, 1969, с.125–128).

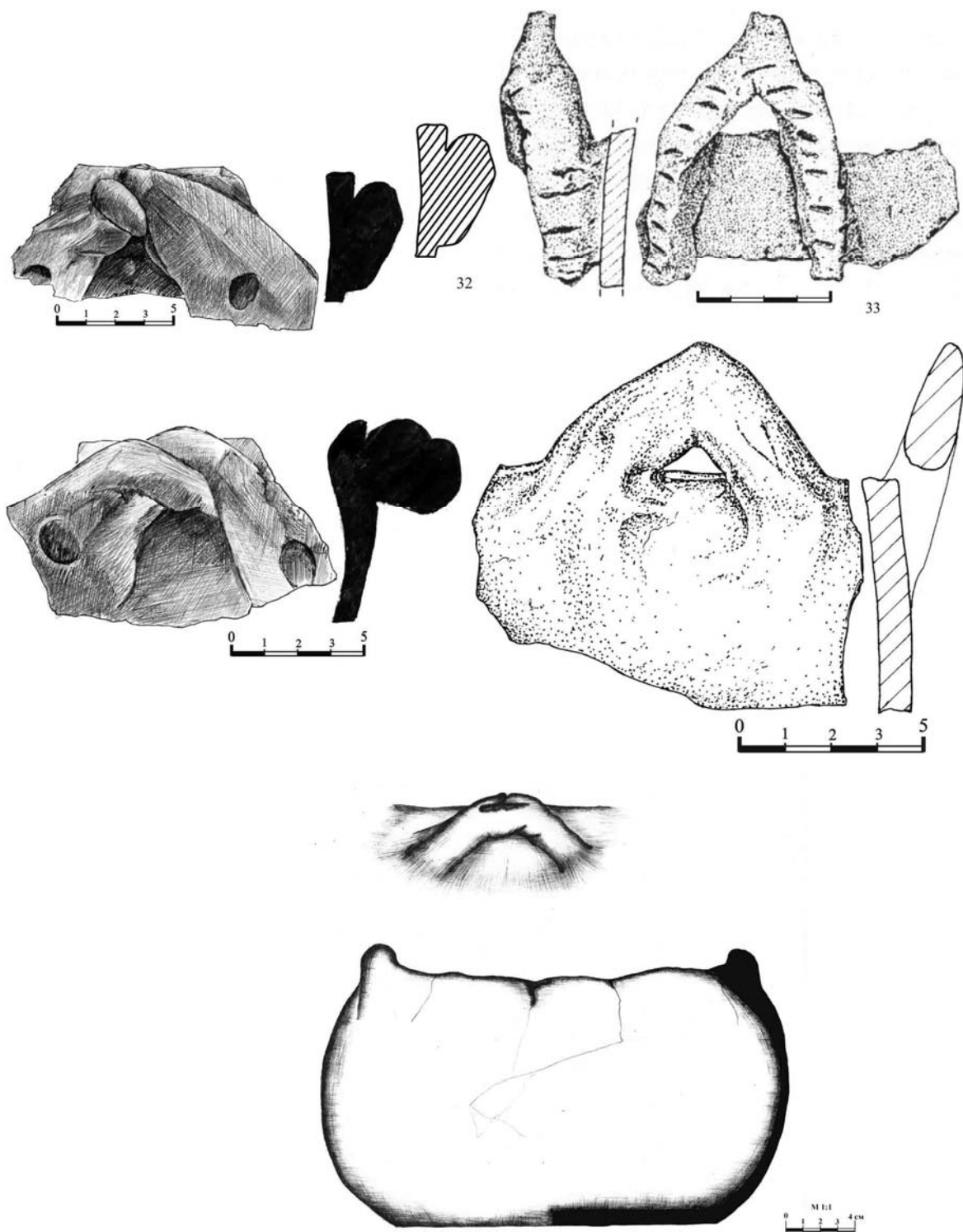

Рис. 5.

В средневековых исторических преданиях отмечается, что ставка одного из первых легендарных предков огузских племен находилась на побережье озера Иссык-Куль. В этой связи интересно также отметить, что еще в XI веке среди огузов сохранялись предания о далеких временах, когда они жили по соседству с чигилями. Махмуд Кашгарский отмечает, что между огузами и чигили были враждебные отношения. Тюрки-чигили, входившие в VII–VIII веках в состав Западно-Тюркского каганата, жили, в том числе, и на южном берегу Иссык-Куля. Также здесь надо отметить ряд вариантов легенды о «дождевом» камне, упоминаемых в

сочинениях арабских авторов. Во всех них территории в районе Иссык-Куля упоминаются в качестве прародины огузов (Агаджанов, 1969, с.127). Привлекает к себе внимание легендарное сообщение, которое помещает родину Огуз-хана на Таласе (Агаджанов, 1969, с.127).

В VIII–IX веках на территории Семиречья согласно письменным источникам локализуется племенной союз ягма. Ягма было крупным объединением, занимавшим обширную территорию между карлуками и Уйгурским каганатом. На западе ягма контролировали город и округ Кашгар. В своём труде Гардизи особо отмечает, что это племя являются «богатými людьми, владеющими большими табунами лошадей» (Бартольд, 1973, с.45–46).

Конфедерация ягма являлась древним племенным объединением. Ягма или янмо как именуют это образование китайские источники (Малявкин, 1981, с.189), на раннем этапе своей истории локализуется в Притяньшанье (Кляшторный, Савинов, 2005, карта «эпоха Уйгурского каганата»). Гардизи приводит ранние предания заимствованные им у Ибн ал-Мукаффа, который сообщает, что ягма откололись от конфедерации токуз-огузов и примкнули к карлукам (Бартольд, 1973, с.45–46). Данное сообщение, следует рассматривать с определёнными поправками. По всей видимости, в нём нашло отражение принадлежности ягма к телесским племенам, из которой выделилось могущественное объединение токуз-огузов. Судя по данным китайских источников, непосредственно ягма не входили в состав этого союза, возглавляемого уйгурами (Кляшторный, Савинов, 2005, с.60). Однако с большой долей уверенности, можно сказать, что они имели с ними тесные контакты. Большое значение для их установления сыграло вхождение Джунгарии в 756 году в состав Уйгурского каганата.

Худуд ал-Алам сообщает, что объединение ягма насчитывало 1700 родов (Hudud al-Alam, 1937, p.95). Данная цифра представляется преувеличенной, однако она свидетельствует о многочисленности и неустойчивости данного образования. Согласно тому же источнику, ягма удерживали за собой значительные территории западного и центрального Тянь-Шаня, а так же фиксируются в юго-западном Семиречье, в районе реки Нарын и озера Иссык-Куль (Hudud al-Alam, 1937, p.279). Как уже упоминалось выше, в этом районе под их контролем находился город Кашгар. Можно предположить, что расширение территорий расселения ягма в Семиречье сопровождалось конфронтацией с карлуками, которые также претендовали на владение этими землями. В Худуд ал-Алам приводятся легенды, повествующие о столкновениях ягма с карлуками и кимаками (Hudud al-Alam, 1937, p.278–279). Здесь надо отметить, мнение В.Минорского который считает, что расселение ягма по территории Семиречья свидетельствует о расколе внутри данного объединения (Hudud al-Alam, 1937, p.279).

С середины VIII века Семиречье становится объектом экспансии карлуков. Судя по письменным источникам, одним из ведущих племенных образований среди них были чигили. В связи с этим, новый смысл приобретают легендарные сообщения Махмуда ал-Кашгари о конфронтации огузов и чигили на их исторической прародине (Агаджанов, 1977, с.87). Можно предположить, что конфликт ягма с карлуками имел длительную историю и возник в результате борьбы за обладание Семиречьем.

Особый накал борьбы ягма и карлуков в данном районе был обусловлен поражением последних в борьбе за гегемонию в центральноазиатских степях и образованием Уйгурского каганата. После этих событий основным направлением их экспансии стало Семиречье и Таримский бассейн. По сообщениям письменных источников, карлуки встретили здесь ожесточённое сопротивление местных тюркских племён. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что основными противниками в данном районе для них стали ягма.

Учитывая сложившиеся в историографии точки зрения о происхождении огузов из района Семиречья и их отколёвки в результате войн с карлуками, можно предположить, что часть племён, переселившиеся на Сырдарью, происходят из конфедерации ягма.

Как уже упоминалось, во второй половине VIII века карлуки были вынуждены отступить на запад – в Семиречье, где ведут жестокие войны. Однако уже в середине IX века, семиреченские союзы чигили и ягма становятся ведущими племенными объединениями в Караханидском каганате. Данное государство, как и ряд других тюркских образований, делилось на два крыла: старшее восточное, возглавляемое чигили и западное младшее, возглавляемое ягма. Факт вхождения ягма в состав Караханидского каганата и его роль в качестве племени-

предводителя западного крыла, позволяет говорить, что в бассейн Сырдарьи ушла довольно ограниченная часть этого объединения. Большая его часть остаётся на своих старых кочевьях. Такой результат был характерен для межплеменных противоборств номадов, чему можно привести многочисленные примеры. Однако говорить о безболезненном вхождении ягма в Караханидское государство нельзя. В начале IX века в среде этого союза были сильны сепаратистские тенденции, о чём свидетельствует мятеж против карлуков в северном При-тяньшанье, где ягма имели очень сильные позиции и распространение на данный район протектората Уйгурского каганата (Кляшторный, Савинов, 2005, с.116–117). В результате этого восстания в 803 году уйгуры захватили Турфан и через Фергану вышли к Сырдарье (Кляшторный, Савинов, 2005, с.116–117).

Рассматривая вопрос этнического происхождения сырдарьинских огузов необходимо отметить, что согласно сообщениям письменных источников в состав этого объединения входило несколько тюркских племён. Так источники говорят о вхождении в состав огузского союза халаджей, джагра (шагра), тюрок-чаруков.

Особый интерес представляют данные, касающиеся обстоятельств вхождения в огузскую конфедерацию тюрок-чаруков. В первой половине VIII века данное объединение локализуется в долине рек Чу и Талас. Центром их владений был богатейший город Тараз. В источниках он известен как «город славных и благословенных тюрок-чаруков» (Кляшторный, 1964, с.131). Однако в 766 году карлуки берут Тараз штурмом. Можно предположить, что чаруки являлись одним из племён входивших в конфедерацию ягма. Как уже упоминалось выше, по всей видимости, основная часть этого племени при вхождении в состав Караханидского каганата остаётся на прежних местах обитания, а при его образовании Тараз становится ставкой предводителя западного крыла, происходившего из племени ягма (Кляшторный, Савинов, 2005, с.123).

Эти данные дают основания предполагать, что чаруки были вытеснены из прежних районов проживания в результате карлукской экспансии. В свою очередь это позволяет предположить, что в состав огузской конфедерации вошли несколько племенных объединений, вытесненных в середине VIII века из районов Семиречья военными действиями карлуков. Здесь следует отметить, что, по всей видимости, союз присырдарьинских огузов начал формироваться ещё на территории Семиречья в ходе войн с карлуками.

В связи с вышеизложенным, выявленный в материалах Самосдельского городища комплекс лепных кухонных котлов, имеющих прямые аналоги в керамике памятников западного Семиречья можно соотнести с племенами огузской конфедерации. По всей видимости, семиреченский компонент в составе этого объединения был не многочисленным и достаточно быстро ассимилировался в среде родов западносибирского происхождения составившим его основу. Об этом свидетельствуют археологические материалы. Лепные котлы с горизонтальными витыми и треугольными ручками являются уникальной находкой для памятников Восточной Европы и локализуются только на Самосдельском городище. Однако, как было указано выше, здесь они получают распространение только в нижних слоях, что позволяет датировать их IX веком.

Таким образом, в ходе исследований нижних слоёв Самосдельского городища выявлен достаточно интересный керамический комплекс, включающий в себя ряд форм лепной посуды, которая имеет значение для этнической и хронологической интерпретации памятника. Так лепные горшки кострового обжига могут быть соотнесены с кочевыми булгарами, а комплекс лепных котлов с треугольными и витыми ручками может быть связан с семиреченским компонентом в составе огузских племён. В се указанные типы керамики, на основании приведённых аналогий датируются IX веком.

Литература

1. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XII вв. Ашхабад. 1969.
2. Агаджанов С.Г. К этнической истории огузов Средней Азии и Казахстана // Известия АН Туркменской ССР, № 4. Ашхабад. 1977.

3. Арсланова Ф.Х. Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Прииртышья // Средневековые древности Евразийских степей. М., 1980.
4. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-ата, 1986.
5. Бартольд В.В. Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг.» // Сочинения, т VIII. М., 1973.
6. Бубнова М.А. Средневековое поселение Ак-тепе-1 у с. Орловка // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
7. Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигербента. М., 2001.
8. Ермилов С.В. Предварительная классификация жилищ из материалов Самосдельского городища // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Астрахань, 2008.
9. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.-Л., 1958.
10. Кляшторный С.Г. Древнетюрские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
11. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
12. Константин Багрянородный, Об управлении государством // ИГАИМК, вып. 91. М.-Л., 1934.
13. Плетнёва С.А. Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА, № 75. М., 1959.
14. Плетнёва С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
15. Флёров С.В. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.
16. Hudud al-Alam. «Regions of the World». A Persian Geography 373 A.H. 982 A.D. / Ed. Minorski V. London, 1937.

БУЛГАРСКИЕ СЕЛИЩА (К ВОПРОСУ О ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ)

К.А. Руденко

Казанский государственный университет культуры и искусств, г. Казань

Изучение поселенческой структуры Волжской Булгарии связано с исследованиями городищ, селищ и могильников: выяснением их топографии, внутренней структуры, особенностей материальной культуры и т.п. Количественно преобладают селища (94%). Поэтому их изучение позволяет представить не только общую картину заселения территории государства, но и выявить внутренние связи между различными категориями археологических памятников, а в ряде случаев и динамику развития микрорегионов¹.

Какими общими признаками можно описать болгарские селища и что их отличает от большинства болгарских городищ? Селища – неукрепленные поселения с неплотной застройкой, при достаточно большой площади отдельных дворов, которая образовалась при экстенсивном освоении прилегающих свободных территорий, вследствие чего на них, как правило, прослеживается неравномерность насыщения культурного слоя находками и объектами. На этих памятниках отсутствуют следы многопрофильного массового производства ремесленных изделий, а также специализированного, профессионального ремесла.

Полную картину топографии селищ и их распределения по географическим районам с увязкой к административному делению дал в своем труде Р.Г. Фахрутдинов (1975). За прошедшее время эти данные были несколько скорректированы – открыты новые поселения, уточнены данные по уже известным. На 2004 год в Татарстане, Ульяновской, Самарской областях, Чувашии учтено – 1087 селищ. В Татарстане зафиксировано – 845 селищ (78%). Из них: в зоне Куйбышевского водохранилища (разрушаются или уничтожены) 83 (10%) селища; распаивается 69% селищ.

Наибольшая активность в стационарном исследовании болгарских селищ приходится на 1960-е и 1990-е гг. сокращаясь в начале 2000-х гг. Большая часть их обследована разведками. Раскопками изучено менее 1% поселений. Свыше 70% селищ относится к домонгольскому времени (диаграмма 1).

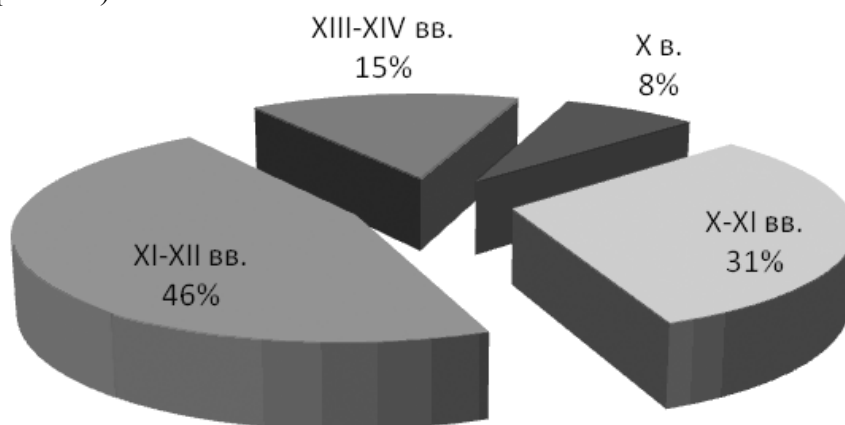

Диаграмма 1. Изученность селищ разного времени.

Типология селищ. Одним из первых опытов типологического анализа селищ была разработка Н.Ф.Калинина начала 1950-х гг., в основу которой было положена площадь памятников. Это классификация в 1970–80-х гг. была дополнена Р.Г.Фахрутдиновым. За основу ее также была взята площадь поселения. В конце 1990-х гг. типология селищ на основе комплекса признаков по их расположению на местности была предложена К.А.Руденко (2007).

¹ Историографические обзоры см.: Руденко, 2001, 2002; 2004.

В группы селища объединяются по степени удаленности их от реки: находящиеся в пойме, на расстоянии не ближе 60–100 м от коренного берега (А); на надпойменной террасе или склоне коренной террасы (Б); на коренном берегу (В); и на водоразделе (Г).

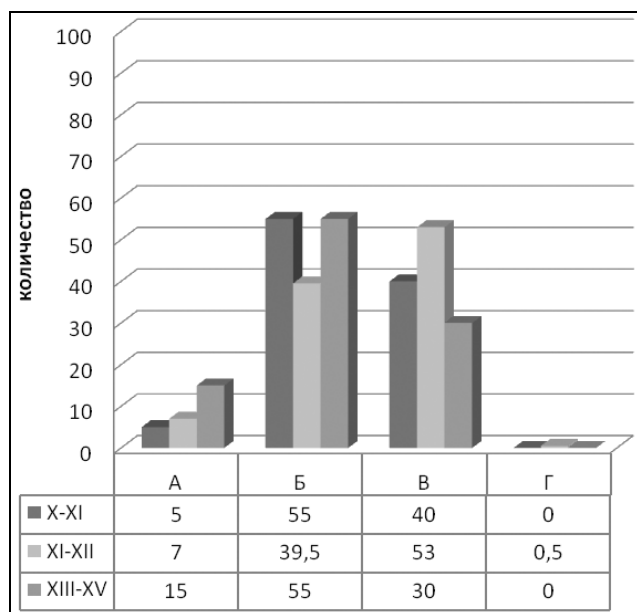

Диаграмма 2. Группы селищ.

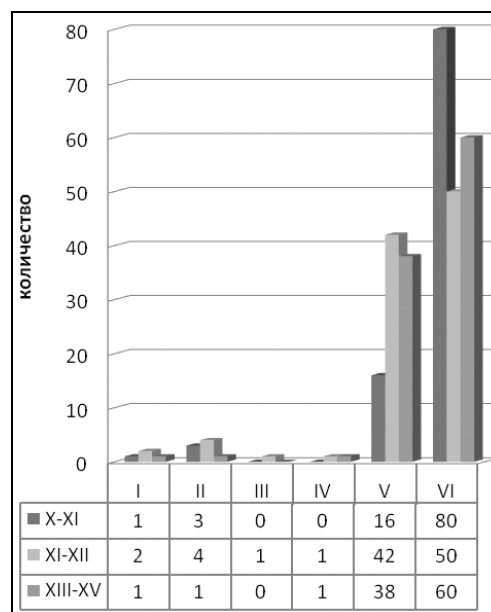
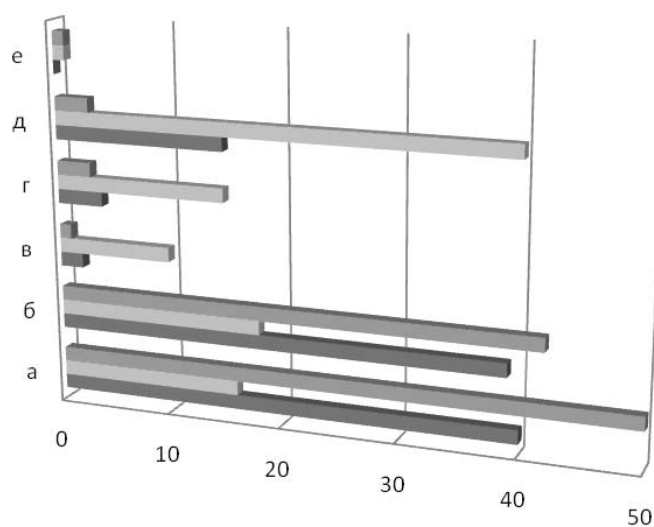

Диаграмма 3. Виды селищ.

По видам селища группируются по отношению к источнику воды и, в ряде случаев, в соответствии с особенностями геологического строения рельефа окружающей местности: у родников и карстовых (провальных) озер (I); у стариц (II); у истоков рек и ручьев (III); на ровных участках плато (IV); у оврага или балки (V), на берегу реки (VI).

	а	б	в	г	д	е
■ XIII-XV	50	42	1	3	3	1
■ XI-XII	16	18	10	15	40	1
■ X-XI	40	39	2	4	15	0

Диаграмма 4. Типы селищ.

Тип определяется по расположению поселения на местности: вытянутые вдоль оврага или балки (а); на мысу при впадении в реку притока или оврага (б); на мысу ограниченном поймой (в); в излучине реки (перешеечные) (г). При наличии городища выделяется селище – посад за валом городища (д); и селище на месте предшествующего ему городища (е).

Топография. Специфика природных условий и особенности геологического строения местности, с чем связана климатическая асимметрия, дающая разный тепловой, влажный режим на склонах диаметрально противоположной ориентировки, обусловила топографическое расположение большей части селищ. Например, в Предкамье это склоны восточной и реже северной экспозиции. Крутояры практически не использовались для устройства поселений, но могли эксплуатироваться в качестве пастбищ.

Как правило, селища располагались на берегах рек или оврагов, поблизости от воды. Нередко небольшие по размеру селища тяготеют к одному из поселений – крупному селищу или расположенному поблизости городищу, образуя своеобразный куст археологических памятников.

В Предкамье, часть селищ занимала участки плодородной поймы притоков небольших речек. В ряде случаев поселения располагались на высоких мысах поблизости от ручьев или родников. Очень невелико число селищ находившихся далеко от коренного берега в пойме.

Расположение селищ разного времени имеет свои особенности. В X–XI вв. характерно размещение селищ у ручьев или родников, питающих небольшие притоки. Высота над уровнем уреза воды не велика – не более 3 м.; поселения, как правило, вытянуты вдоль берега. Такой тип селищ характерен для Предкамья, Предволжья и особенно часто встречается в центральных закамских районах.

Для второй половины XI – первой половины XII в. при сохранении такого типа поселений становится характерной приуроченность их к естественным рубежам – небольшим овражкам и ложкам, ограничивающим площадь застройки. Встречаются мысовые поселения, находящиеся на краю коренной террасы у истоков родника или ручья в овраге (Казакларское, Чемерцинское селища). Немногочисленные селища такого типа известны в южной части Булгарии (например, селище у с. Караульная Гора в Нурлатском районе РТ).

Распространение того или иного типа селища для разных микрорегионов и географических зон (Закамья, Предкамья и Заволжья) будет разным. Так в Закамье в XI–XII вв. преобладали селища приречной группы. Они располагались на надлуговых террасах притоков крупных рек (около 80%). Селища приречной группы, но расположенные на краях коренных террас (источник воды – родники и ручьи в оврагах) имели меньшее распространение и были характерны для Закамья в основном в XI в. В Предкамье селища последней группы распространяются, видимо, в XIII в.

В XII в. в Центральном Закамье зафиксированы единичные селища на водоразделах, как правило, в районах крупных городских агломераций. Такие поселения расположены у истоков ручьев или мелких речек. Но в целом эта группа поселений не получила распространения вплоть до XVII–XVIII вв.

Выделяются селища предшествующие городищу, селища-посады с использованием укреплений городищ предшествующего времени и селища на месте бывшего городища. В первом случае имеются в виду не селища предшествующей археологической культуры, а поселения одной культуры (срав.: Старостин, 2007). Такие селища выявить без широкомасштабных раскопок средних по площади булгарских городищ практически невозможно. Тем не менее наличие таких объектов определяется даже по данным рекогносцировочных обследований ряда овражно-мысовых городищ в центральном Закамье где культурный слой отмечен не только в пределах укрепленной части мыса, но и за ними, например, на стрелке мыса отсеченной от остальной части валом и рвом (Малополянское городище в Чистопольском районе).

Достаточно сложный вопрос об интерпретации поселений продолживших свое существование на месте разрушенных посадов городов. К числу таких относятся Билярские II и III, Данауровские селища. С формальной точки зрения это селища, но их характер можно расшифровать только по совокупности полученного раскопочного материала, при условии достаточности выборки для анализа.

Общей тенденцией в развитии поселений было экстенсивное освоение территории и свободного роста и развития селища. Исключения составляли селения ограниченные естественными границами (Кожаевское, VI Алексеевское селища) (Руденко, 2000). В сущности, не было и бесконечного расширения площади самого поселения – все зависело от местности и типа застройки.

Социальная типология селищ. Термин «селище» обозначает зафиксированное археологически неукрепленное поселение и не является синонимом понятия «село». Археологическим селищем могут быть как остатки исторических сел и деревень, так и посады городов, ремесленные слободы, небольшие городки без укреплений. Граница между городом и его сельской округой (особенно если это город аграрного типа) в средневековье весьма размыта, а по археологическим признакам зачастую не определима. К сельским поселениям относятся укрепленные сельские усадьбы.

В настоящее время (в силу незначительной археологической изученности) представить в полной мере социальную картину, но материалам болгарских селищ не возможно. Имеющиеся данные позволяют предварительно выделить несколько специализированных поселений, основываясь на специфике их материальной культуры.

Открытые торгово-ремесленные поселения, представлены I–IV Семеновскими, Измерским и Головкинским селищами (Казаков, 1991; 1999; 2000). Расположены они поблизости от крупных речных артерий – Камы и Волги, на притоках или проточных старицах. На этих селищах встречаются многочисленные предметы торговли – весы для малых взвешиваний, металлические гирьки, монеты, монетные слитки, импортные изделия (торевтика), большое число поделок собственного производства (серийные металлические поясные накладки, пряжки), предметы вооружения. В небольшом числе встречаются орудия связанные с сельским хозяйством. Датируются эти селища второй половиной X – началом XI в.

Ремесленные слободы. Интерпретировать таким образом можно Лаишевское селище (Чакма) (Руденко, 1999). Селище расположено на краю надлуговой террасы, поблизости от р. Брысса и старичного озера. В озеро впадали две небольшие речки, устье которых было заболочено. Эти речки делили территорию селища на три части. В средней части располагались металлургические горны и кузницы. Металлургическое производство тяготело к краю террасы, ближе к воде. Мастерские кузнецов и слесарей, входили в состав усадеб и соседствовали с жилыми и хозяйственными постройками. Часть кузниц связанных с работой с горячим металлом и ковкой, была вынесена за пределы жилой зоны.

На селище в подъемном материале и в раскопах найдено большое количество металлургических шлаков (ими были заполнены ямы), криц, кусков руды. Были зафиксированы остатки металлургических и кузнечных горнов (в разрушенном состоянии). В раскопах были выявлены остатки мастерской кузнеца.

В подъемном материале и из раскопов происходят готовые изделия: навесные замки, ключи, ножи, гвозди, наконечники стрел, металлические детали конского снаряжения, а также декоративные накладки на него. Кроме того, здесь же обнаружены, полуфабрикаты, заготовки этих изделий и производственный брак.

Помимо производимых изделий встречаются предметы торговли: детали весов для мелких взвешиваний, железные гирьки, мелкие обрубленные серебряные слитки. На селище производилась и глиняная традиционная посуда (XIII этнокультурной группы), продававшаяся и за пределами этого поселения. Датируется расцвет этого поселения как ремесленной слободы – XI–XIII вв.

Военные поселения. Пока известно только одно такое селище – Остолоповское (Руденко, 2002a). На нем (в основании культурного слоя) встречены детали защитного вооружения (пластины от чешуйчатого доспеха), наконечники стрел, дротиков, костяные колчаные петли, обкладки налучий, а также большое число металлических и костяных деталей и украшений конского снаряжения.

На селище встречены привозные и импортные изделия: поливная керамика среднеазиатского и иранского производства, а также местной выделки, стеклянные изделия: парфюмер-

ная посуда, украшения (браслеты, бусы), янтарь-сырец и изделия из него, каменные бусы (гешир) и прясла (шифер). Встречены и редкие находки, например, глиняная чернильница.

Единичными находками представлены предметы, связанные с сельским хозяйством: серпы, косы. На селище зафиксированы следы ювелирного производства.

Деревни / села имеют свою специфику в зависимости от своего расположения. Совершенно изолированных поселений не было. Так Музихинское селище (Руденко, 2002), находившееся близ Камы и ее притоков и старичных пойменных озер, специализировалось на обслуживании камской переправы, торговом транзите (в весеннее половодье) и рыболовстве. Здесь встречаются рыболовные грузила и крючки, гарпуны; в хозяйственных ямах в значительном количестве встречается рыба чешуя и кости.

На поселении найдены предметы вооружения: наконечники стрел, копий; бронзовое навершие булавы. Немало здесь и импортных предметов, в том числе стеклянных бус. В нижнем слое селища найдена славянская керамика, в подъемном материале – предметы христианского культа.

VI Алексеевское селище (Руденко, 2000), расположенное в камской пойме и удаленное от коренного берега, тяготело к Алексеевскому городищу. Здесь встречены привозные предметы (в основном местного, болгарского производства), в том числе поливная, парадная посуда, серебряные и золотые ювелирные изделия. Большое число в керамическом комплексе тарной и столовой посуды. Найдены на селище фрагменты топоров, предметы вооружения и конского снаряжения, а так же орудия уборки урожая – серпы и косы. Однако деталей пахотных орудий здесь нет. Вероятно основная специализация жителей поселка кроме таможенных и охранных функций на речном пути, было разведение скота и заготовка фуража. Подсобным промыслом было рыболовство.

Следов собственного ремесленного производства не выявлено. Близ этого селища найден клад (Мокрокурналинский) золотых и серебряных украшений билярского производства. Расцвет селища приходится на XI – начало XII в.

Ремесленным посадом малого города были IV и V Старокуйбышевские селища (Казаков, 1984; 1991). Здесь найдены скопления товарных железных криц, следы металлургического и ювелирного производства, серийные изделия из железа, клады медной посуды (котлы, кумганы). На одном из селищ работали гончарные мастерские, выпускавшие на рынок столовую круговую посуду. На IV селище найдены серебряные ювелирные изделия. В XIX в. на месте этих поселений был найден клад серебряных и золотых украшений (Спасский).

Не исключено, что даже на протяжении столетия социальный статус поселения мог меняться. Рядовые селища менее насыщены находками и судить об их месте в поселенческой структуре затруднительно (см., например, Хлебникова, 1958).

Площадь. По площади преобладающими среди болгарских селищ являются поселения средних размеров (до 6 га). Существенно реже встречаются очень крупные селища (более 10 га) и совсем небольшие (менее 1 га). Хронологическую эволюцию поселений по этому признаку составить сложно, поскольку многие из селищ существовали на протяжении длительного промежутка времени, а иногда просто «наследовали» территорию пустоши. Кроме того, очевидно, что не все селища в данной местности, даже относящиеся к одному хронологическому отрезку, например, к XI–XII вв. существовали одновременно.

Археологическая площадь селища обусловлена рядом причин. Первая – это естественные границы поселения на местности, например излучина реки, овраги, подъем склона коренной террасы и т.п. Вторая – особенности начального этапа формирования поселения (из одной или нескольких моноэтнических или полиэтнических семей или семейных групп). Третья – характером дальнейшей эволюции в связи с расположением торговых сухопутных и речных путей, внутренних рынков, расположенных поблизости городов и частных владений и т.п. Четвертая – экологическими условиями жизнедеятельности и их изменениями вследствие антропогенного воздействия (сведение лесов, истощение почвы и кормовых угодий и т.д.).

Накопление культурного слоя на селищах имеет свои особенности. Территориальное развитие сельского поселения в древности и практически до сегодняшнего дня идет экстенсивным путем – то есть за счет освоения окружающих пустошей, целинных земель или лес-

ных угодий. Даже перестраивающиеся постройки в пределах одной усадьбы (интенсивный участок используемой полезной территории), как правило, меняют свое местоположение на местности. Поэтому при раскопках сельского поселения трудно установить сразу, где находится начальное ядро поселения и проследить динамику формирования культурного слоя.

Ранние отложения могут быть перекрыты отвалами мусора, переработаны и т.п., в зависимости от того насколько долго продолжалась жизнь поселения в целом и активного использования конкретного участка исследуемого раскопками. Выбросы бытового мусора могут «замаскировать» настоящий культурный пласт и дать ложную картину в статистическом отношении при подсчете их по уровню залегания в культурном слое.

Поэтому с одной стороны раскопки селищ дают достаточно узко датированные комплексы, что, безусловно, очень важно в археологических исследованиях. С другой стороны здесь в большей степени проявляется индивидуальный характер культурных отложений в разных частях археологического памятника и дифференциация находок в массовом материале, при весьма ограниченном составе индивидуальных и датирующих находок. Последний фактор в большинстве случаев делает раскопки селищ делом достаточно трудоемким и с большими затратами времени.

Важным показателем при анализе селищ разного типа является характер застройки. Этот вопрос остается слабоизученным, так как за исключением единичных случаев нет ни одного полностью раскопанного болгарского селища. Можно предполагать, судя по распространению подъемного материала однорядную (уличную) и кустовую застройку. Первая более характерна для селищ приречно-овражной группы селищ. Вторая – для селищ расположенных у оврагов и балок. Такая система застройки насколько сейчас можно судить, также характерна для селищ пойменной группы.

По материалам раскопок было установлено, что наиболее распространенной для селищ была дворовая (усадебная) застройка (Рождественское, Лаишевское, VI Алексеевское селища) (Генинг и др., 1962). Усадьбы были ориентированы в сторону реки или иного водоема (озера, протоки и т.п.). В среднем болгарская усадьба занимала площадь в 324 кв.м (18x18 м) (VI Алексеевское селище). Плотность застройки среднего по размерам селища была различной, но одновременно, скорее всего, могло функционировать не более 40 усадеб, а число жителей селища было около 250–400 человек.

Таким образом, селища были структурообразующей единицей средневекового расселения в Волжской Булгарии, определяя поселенческую структуру государства. Селища являлись остатками самых разнообразных по своей социальной сущности поселений, что нашло отражение в их материальной культуре.

Литература

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у с. Рождествено. – Казань, 1962. – 128 с.

Казаков Е.П. V Старо-Куйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья. – Казань, 1984. – С.39–64.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. – Казань, 1991. – 176 с.

Казаков Е.П. Ранние торгово-ремесленные поселения на Волге и Каме // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. Казань, 1–3 июня 1999 года. – Казань: Мастер Лайн, 2000. – С.117–121.

Казаков Е.П. Торгово-ремесленные поселения болгар X–XI вв. и Северо-Восточная Европа // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы Международного симпозиума. – Казань, 8–10 сентября 1998 г. – Казань, 1999. – С.101–106.

Руденко К.А. VI Алексеевское селище. – Казань: «Репер», 2000. – 107 с.

Руденко К.А. Булгарские селища: некоторые итоги и перспективы исследования // 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Археологические исследования. – Часть I. – Казань: КГУ, 2004. – С.94–102.

Руденко К.А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань, 2007. – 244 с.

Руденко К.А. Волжская Булгария в системе торговых путей средневековья (по материалам раскопок Речного (Остолоповского) селища в Алексеевском районе Татарстана) // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Казань-Астрахань-Казань. – Часть II. – Казань, 2002а. – С.31–52.

Руденко К.А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. – Ижевск-Глазов, 1999. – С.73–102.

Руденко К.А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. – Казань: «Школа», 2001. – 244 с.

Руденко К.А. Остров «Мурзиха» и его окрестности. Хронологический атлас археологических коллекций НМ РТ (1991–1999 гг.). Опыт микрорегионального исследования. Каталог археологических коллекций НМ РТ. – Казань: Школа, 2002. – 208 с.

Руденко К.А. Проблемы изучения болгарского села в трудах Е.П.Казакова // Казаков Евгений Петрович. Сборник материалов к 70-летию со дня рождения. – Казань: Школа, 2004а. – С.91–114.

Старостин П.Н. Остатки древнего Болгара у Малого Иерусалимского оврага // Средневековая археология евразийских степей. Том II. Сер. «Археология евразийских степей». – Выпуск 2. – Казань, 2007. – С.140–144.

Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. – Казань, 1975. – 200 с.

Хлебникова Т.А. Пальцинские селища X – начала XIII вв. // МИА. – № 61. – М., 1958. – С. 203–220.

СОКРОВИЩЕ ИЗ ВРАПА (АЛБАНИЯ) И АРИСТОКРАТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ БОЛГАР НИЖНЕГО ДУНАЯ

Б. Тотев, О. Пелевина

Региональный исторический музей, г. Добрич

Региональный исторический музей, г. Варна

Сокровище из Врапа было открыто в начале XX в. в албанских горах около одноименного села (рис. 1). Оно состоит из четырех золотых потиров (рис. 2, 1), серебряного кувшина с пятью монограммами на дне (рис. 2, 5), серебряного котелка (рис. 2, 4), одного серебряного (рис. 2, 3) и трех золотых ковшей с округлым дном и плоской ручкой (рис. 2, 2), двух золотых пластин от канделябров (рис. 2, 6), тридцати золотых деталей поясов, двадцати заклепок с широкими полусферическими головками, семи слитков (рис. 3) (Werner, 1989, 7–71; Daim, 2002, 94–106). Совсем обобщенно клад может быть разделен на три группы: сосуды, детали поясов и полуфабрикаты. Большая часть сокровища хранится в Метрополитен музее в Вашингтоне.

Рис. 1. Карта археологических комплексов.

В 1981 г. на торгах в Лондонском аукционном доме Сотбис было предложено еще одно подобное сокровище (Catalogue of The Avar Treasure, 1981), состоящее из 122 золотых и серебряных поясных деталей (рис. 4) и двух серебряных блюд с константинопольскими контрольными печатями времени императора Констанса II (641–651 и 659–661 гг.) на донцах (рис. 5). Как место находки клада указано другое албанское село – Ерсекe. После проведенной известным немецким ученым Йохимом Вернером экспертизы и последовавших торгов сокровище из Ерсекe – исчезло. В связи с этим фактом многие исследователи раннесредневековой культуры избегают использовать предметы из Ерсекe в своих научных разработках. Были вы-

сказаны даже сомнения в аутентичности предметов, которые, однако, категорично опроверг в специальной статье Петр Штадлер (Stadler 1988/89, 213).

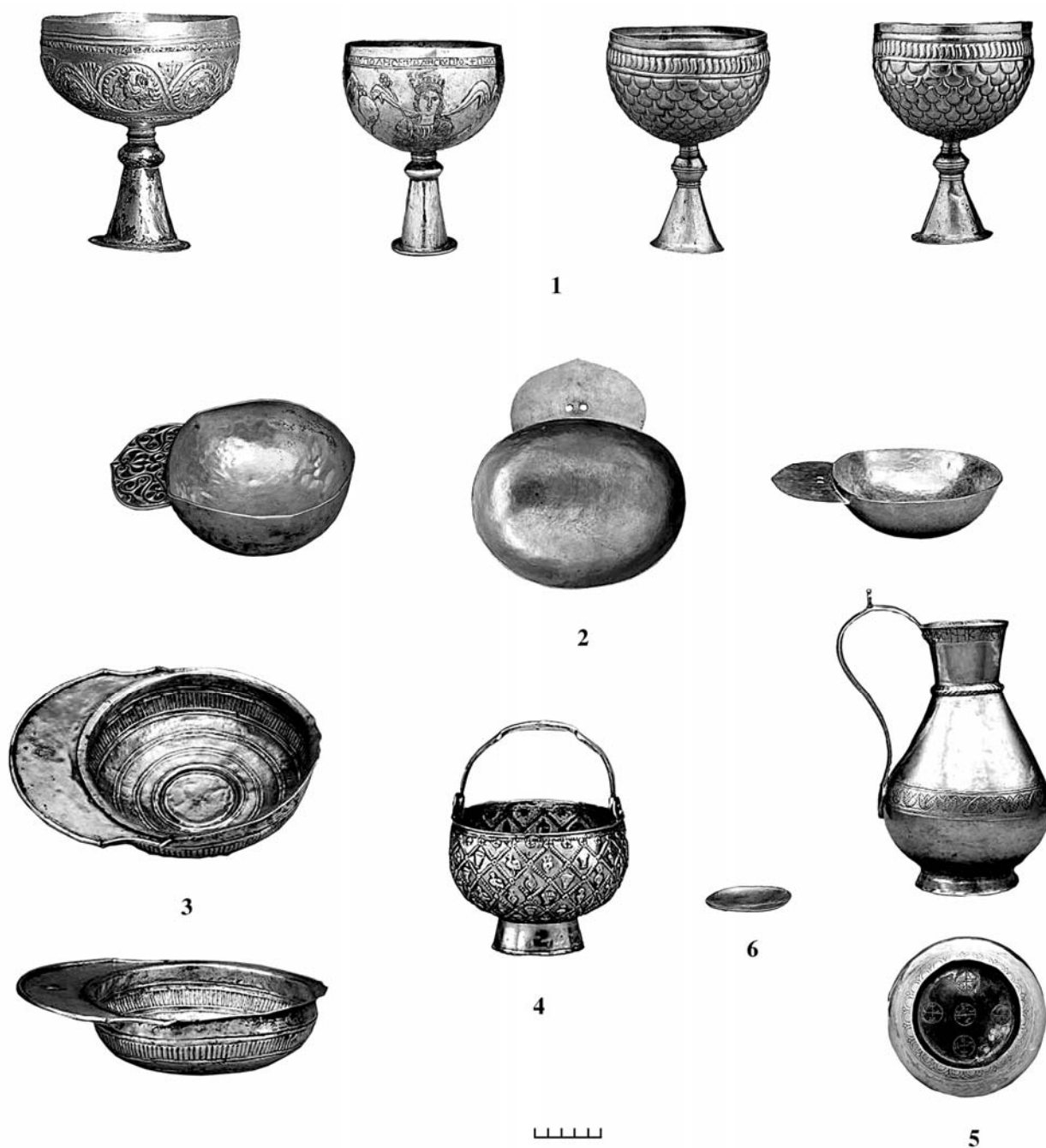

Рис. 2. Металлические сосуды из Врапа, Албания: 1 – потиры; 2, 3 – ковши; 4 – котелок; 5 – кувшин с монограммами; 6 – пластина от канделябра.
1, 2, 4, 6 – золото; 3, 5 – серебро (по J. Werner).

Многозначительно, что депонированные около «Ерсеке» виды предметов, стиль их исполнения и их хронология полностью совпадают с находками из Врапа (рис. 6). Специфичен состав «обеих» находок, включающий преимущественно детали поясов из золота и серебра, украшенные растительными, звериными мотивами и заклепками с полусферическими головками. Он резко отличает их от других раннесредневековых кладов, содержащих сервизы для владетельских пиров, люксовое оружие, разнообразные украшения и инсигнии. Этот факт, как и совсем неясная и связанная с многочисленными авантюрами история находок, резонно

ставит вопрос – не являются ли эти две группы предметов частями одного и того же сокровища? В сущности, даже если это и не так, связь между находками можно считать бесспорной, а когда и как они попали в землю – фактор второстепенного значения.

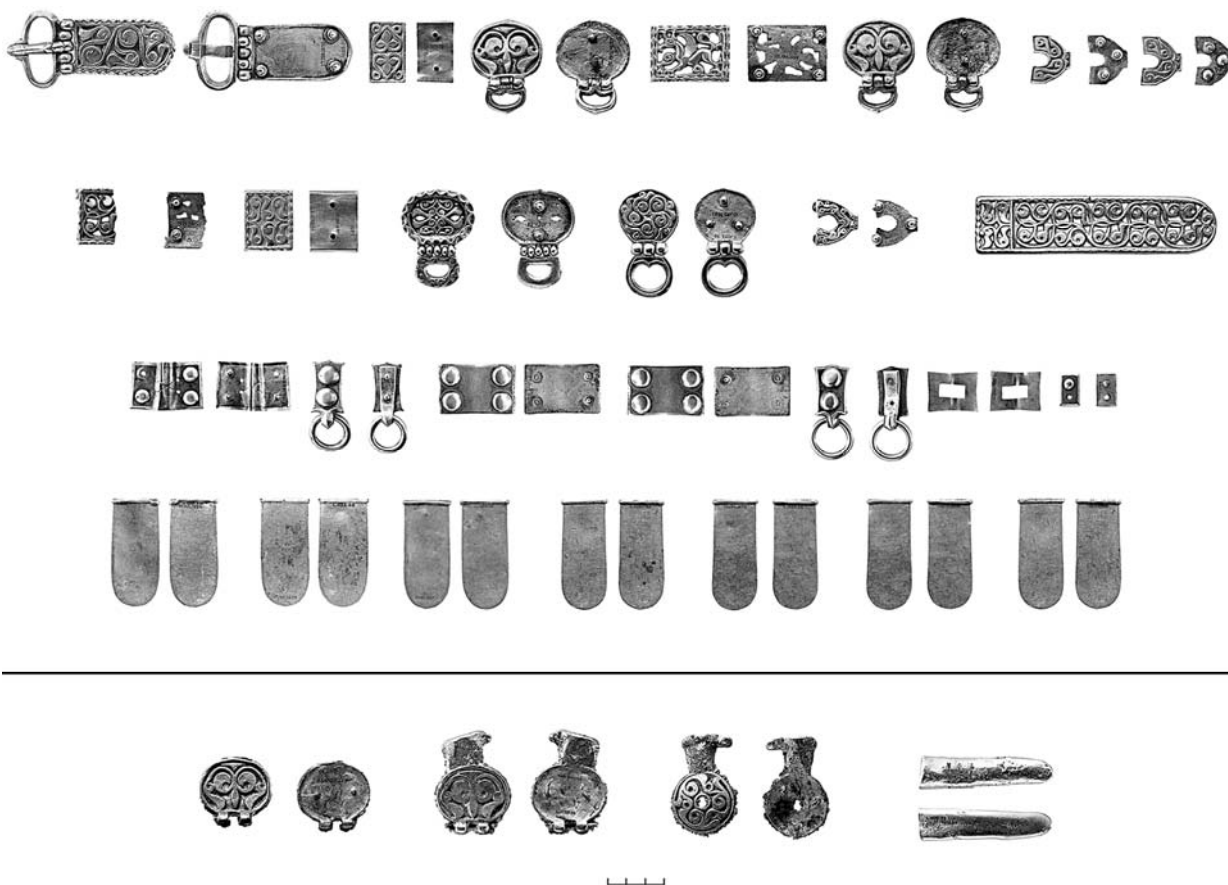

Рис. 3. Золотые поясные детали и полуфабрикаты из Врапа, Албания (по J. Werner).

Относительное единство в теориях различных ученых по поводу сокровища имеется только по нескольким пунктам.

– Поясные детали и некоторые сосуды являются частью продукции (включительно, незавершенной) одного ателье.

– Депонирование клада датируется концом VII или первой половиной VIII в. (Werner, 1989, 7–71; Garam, 1997, 23–33; Fiedler, 1996, 248–264; Stadler, 1988/89, 193–217; Kiss, 1995, 99–122; Станилов, 2006, 139–144; Рашев, 2008, 157; Инкова, 2004, 150–182).

– Специфические золотые и серебряные детали поясов, украшенные пальметтами и животными, имеют некоторые близкие параллели среди распространенного в Аварском каганате стиля наборных поясов «грифоны – растительные побеги».

– Поясные детали из клада представляют собой элитарную продукцию, обособленную на базе орнаментики как тип «Врап» или «Врап-Ерсеке».

Различия в мнениях исследователей прослеживаются, в основном, в двух связанных между собой направлениях.

– Историческая интерпретация находки в целом: византийская дань аварам, славянам (Daim, 2002, 94–106), военная добыча от кагана (Werner 1989, 7–71).

– Происхождение специфической поясной орнаментики и стиля ателье: аварский (Werner, 1989, 7–71), византийский (Kiss 1995, 99–126; Fiedler, 1996, 248–264; Daim, 2000, 94–107), болгарский (Станилов, 2006, 124).

Новые находки с территории Болгарии дают отличную возможность ответить на большую часть этих вопросов. В последнее время авторами настоящего доклада была идентифицирована и обособлена небольшая, но ярко выраженная группа аристократических погребений.

Погребение из с. Велино: труположение с вероятной ориентацией север-юг. Открыто случайно при строительстве, а большая часть инвентаря была разграблена местным населением. Из него в Шуменский музей поступили глиняный кувшин, украшенный лощением (рис. 7, 3) и поврежденные в различной степени наконечник (рис. 7, 2) и шарнирная обойма (рис. 7, 1) от серебряного наборного пояса типа «Врап–Ерсеке» (Станилов, Атанасов, 1993, 43–53; Fiedler, 1996, 248–264; Daim, 2000, 94–95; Станилов, 2006, 90–96; Рашев, 2008, 156–157; Инкова, 2004, 150–182). Поясной набор, вероятно, был полным, но остальные его элементы и золотые серьги были разграблены людьми, раскопавшими могилу (Димитров, Стоянова 2009, 95)¹.

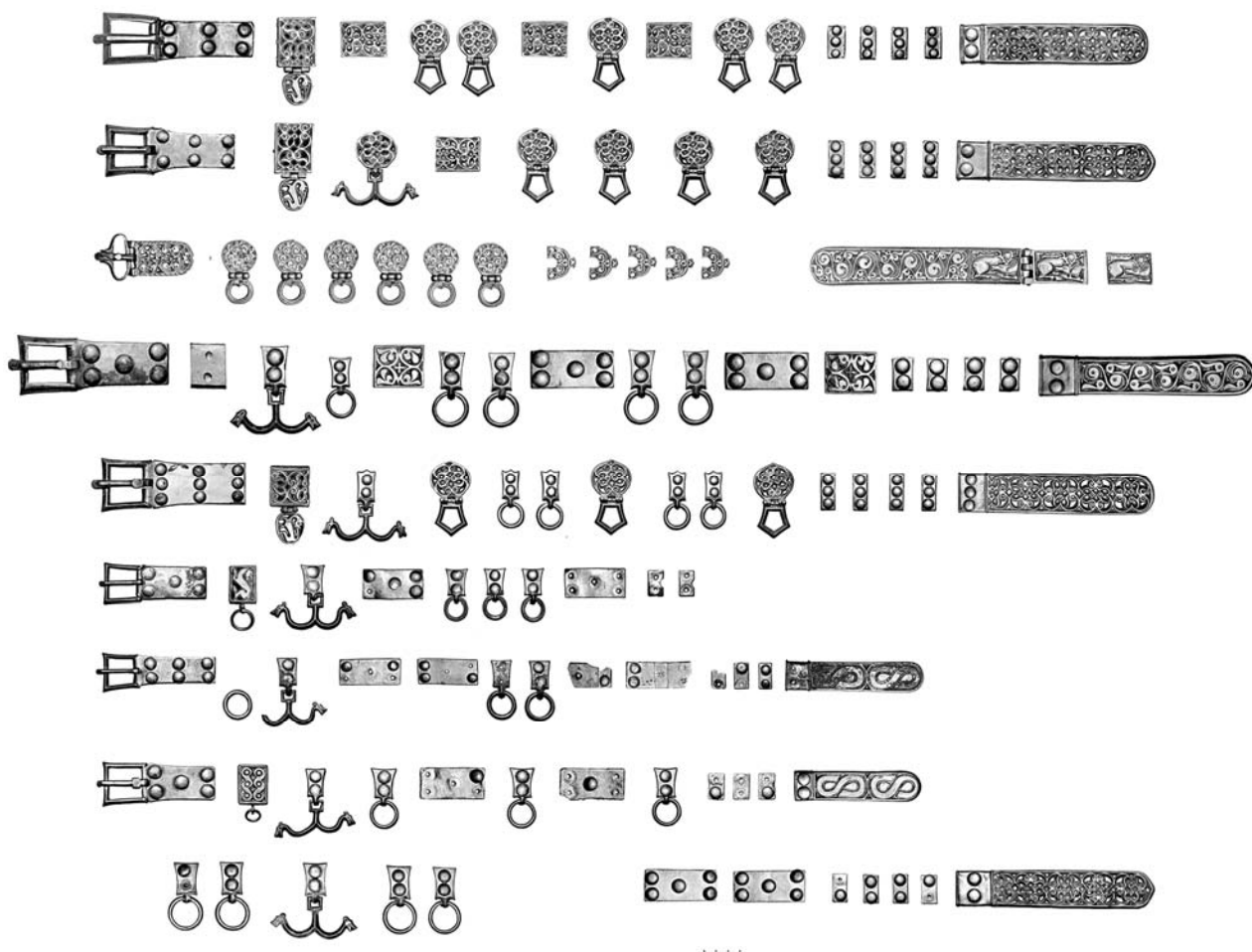

Рис. 4. Золотые и серебряные поясные детали из Ерсеке, Албания (по Catalogue of The Avar Treasure).

Погребение из Кабиюка (Чаир дере): молодой мужчина около двадцати лет. Погребение в южной периферии кургана (рис. 8, 1, 2). Труположение в могильной яме, ориентированной север-юг (Рашев, Атанасов и др. 2006, 374–375; Рашев 2007, 104–117). В ногах погребенного положено чучело коня, талия опоясана двумя поясами с серебряными деталями типа «Врап–Ерсеке» (рис. 8, 3), около правой руки – сабля со сломанным острием (рис. 9, 1). В области головы открыты две золотые серьги (рис. 8, 4). Во рту покойника – сплюснутый золотой предмет – имитация оболы Харона (рис. 8, 5). В головах была положена жертвенная пища,

¹ Первоначально информацию о серьгах мы получили от Г. Атанасова, Региональный исторический музей, г. Шумен.

глиняный кувшин с лощеным декором (рис. 8, 6), серебряный пояс, ритуально поврежденный деревянный рог с серебряной облицовкой (рис. 8, 7), железные стремена (рис. 9, 3), узда (рис. 9, 2) и серебряные элементы конской сбруи (рис. 9, 4).

Погребение из Дивдядово (Шумен): мужчина среднего возраста (около 40 лет), трупоположение с ориентацией запад-восток (Атанасов, Венелинова, Стойчев 2008, 57–66) (рис. 10, 1). Западная часть могильной ямы уничтожена при строительных работах, вследствие чего голова погребенного отсутствовала. Под дорожным покрытием остались не прочуванными останки жеребенка в 2–3 м южнее могильной ямы. На талии погребенного находились два наборных пояса типа «Врап-Ерсеке» – большой, с серебряными позолоченными деталями и бронзовый, с малым количеством элементов (рис. 10, 2). У правой руки – серп (рис. 10, 4) и боевой топор (рис. 10, 3). В ногах находился амфоровидный сосуд (рис. 10, 6) и останки деревянного ведра с бронзовой облицовкой (рис. 10, 7). В могильной яме найдена и бронзовая византийская монета (обол Харона (?)).

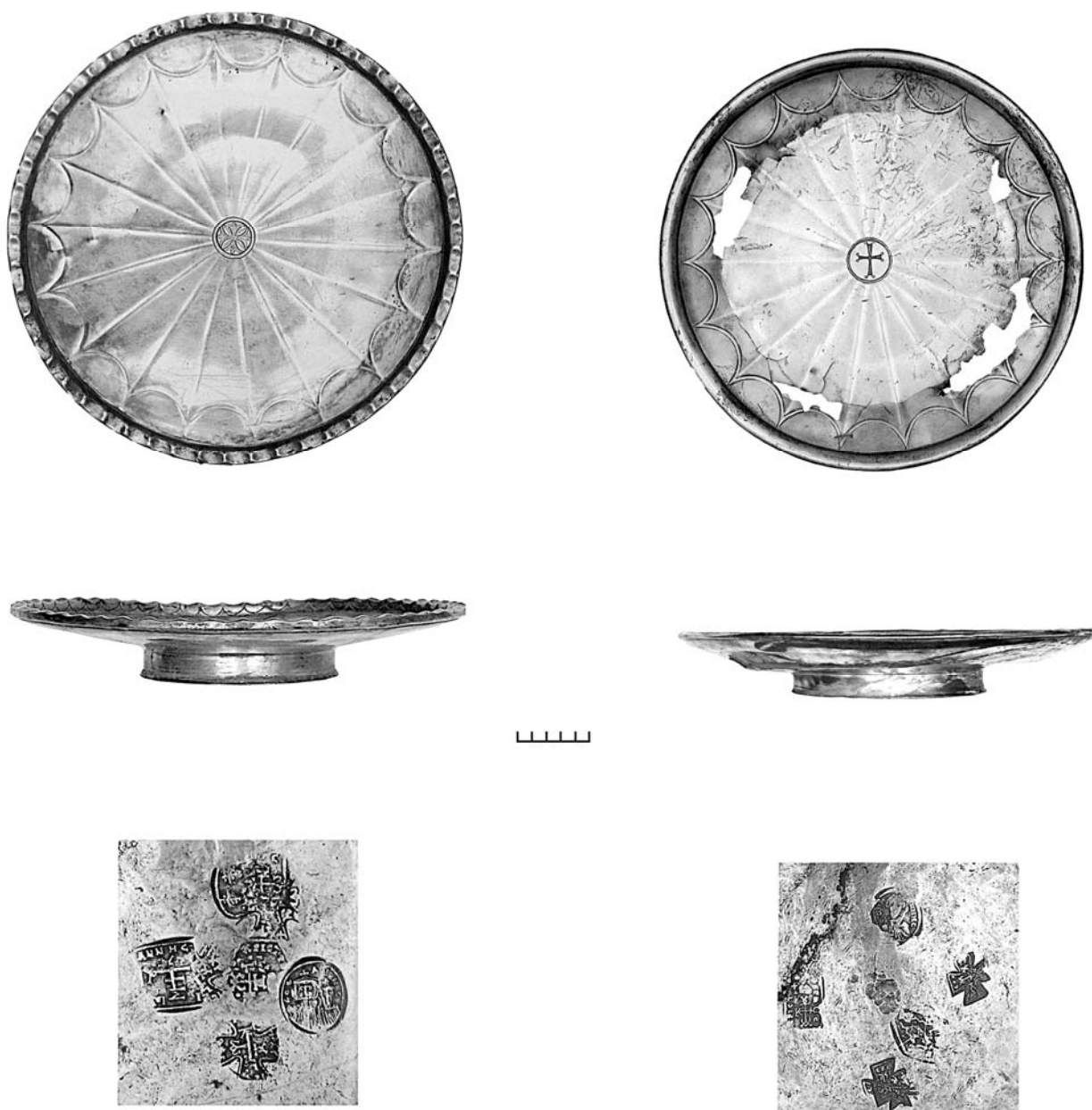

Рис. 5. Серебряные блюда с константинопольскими контрольными печатями из Ерсеке (по Catalogue of The Avar Treasure).

Погребение из с. Златари: вторичное погребение южной периферии кургана (Въжарова 1981, 53, обр. 24; Werner 1989, 63, Abb. 18, 1; Taf. 29, 4, 5). Ингумация. Могильная яма с неясной ориентацией. Инвентарь разграблен. Сохранилась фотография вероятно серебряных поясных деталей типа «Врап-Ерсеке» – позолоченной пряжки с богато декорированными щитком и рамой и орнаментированной в том же стиле позолоченной накладки с отломанной шарнирной подвеской (рис. 11, 1).

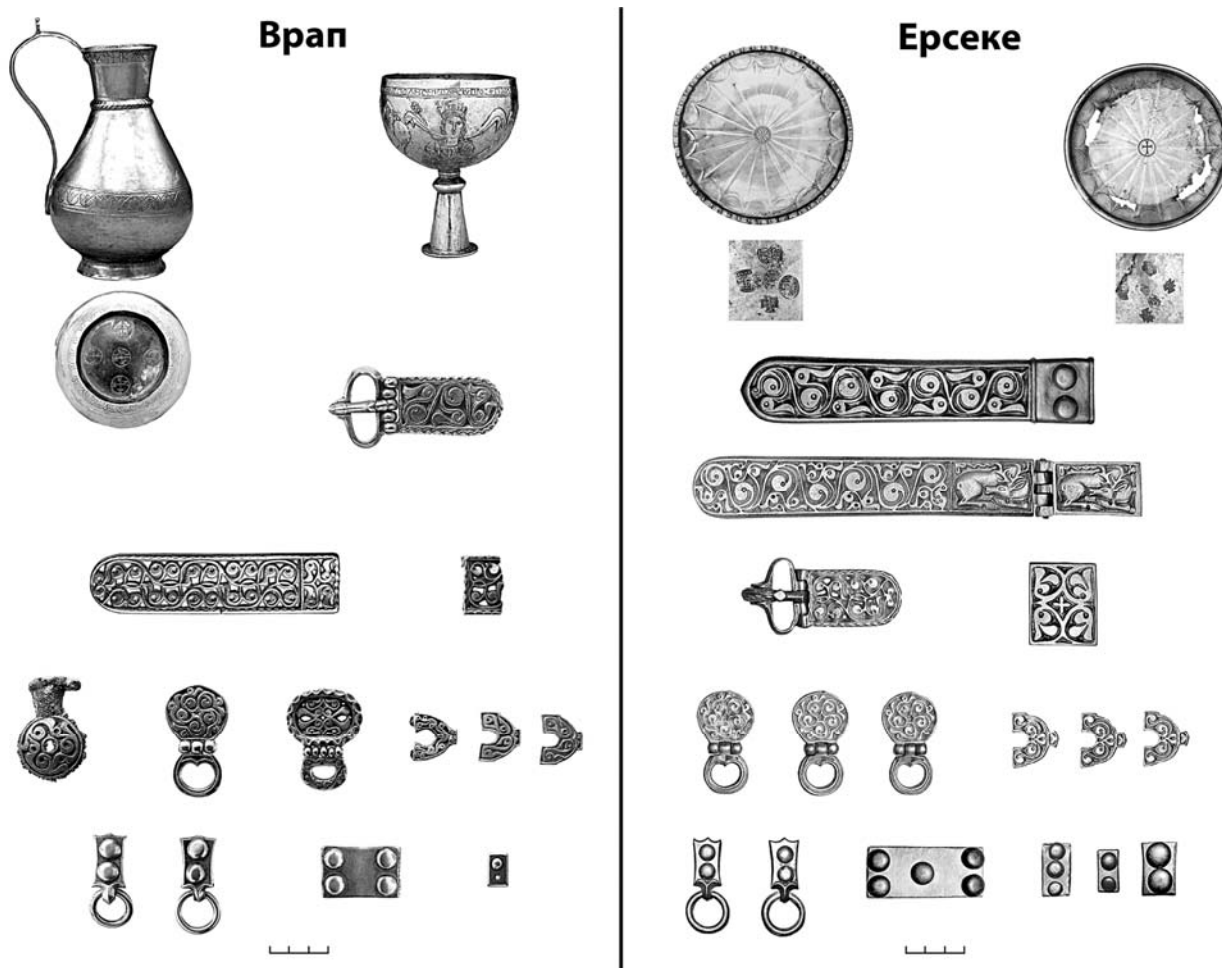

Рис. 6. Сравнительная таблица находок из Врапа и Ерсеке, Албания.

Массовая могила из с. Гледачево: юноши 20, 14, 10 и 6 лет. Труположение в яме (рис. 11, 2), ориентированной северо-восток-юго-запад (Тонкова, Георгиева 2006, 165–166). Двое из юношей были опоясаны наборными поясами типа «Врап-Ерсеке», от которых висели ножи и мешочки с огнивом (рис. 11, 3); в различных местах на скелетах найдены золотые пуговицы (рис. 11, 4), а под челюстью младшего мальчика – гранулированное золотое колесико-подвеска (рис. 11, 5). Во рту юноши лежала имитация обола Харона (рис. 11, 6), а около головы ребенка – обкованное железными лентами ведро.

К сожалению, только два из погребений (из Кабиюка и Гледачево) были полностью исследованы при регулярных раскопках. Кроме того, в большинстве случаев земная поверхность в районах находок (Велино, Дивядово и Гледачево) сильно обезличена в результате современной строительной деятельности. Это серьезно затрудняет строгую фиксацию признаков, характеризующих описываемую группу погребений. Несмотря на это, наши наблюдения показывают, что:

- Погребения расположены изолированно от могильников обыкновенного населения.

– Вероятно два из них (из Кабиюка² и Златари) были вторично вкопаны в курганы (Рашев 2007, 106; Werner 1989, 63).

– Погребальный обряд – ингумация, ориентация север-юг (Чаир дере (Рашев 2007, 106), вероятно и Велино, Гледачево (Тонкова, Георгиева 2006, 165–166) или запад-восток (Дивядово, могила 3 (Атанасов, Венелинова, Стойчев 2008, 57).

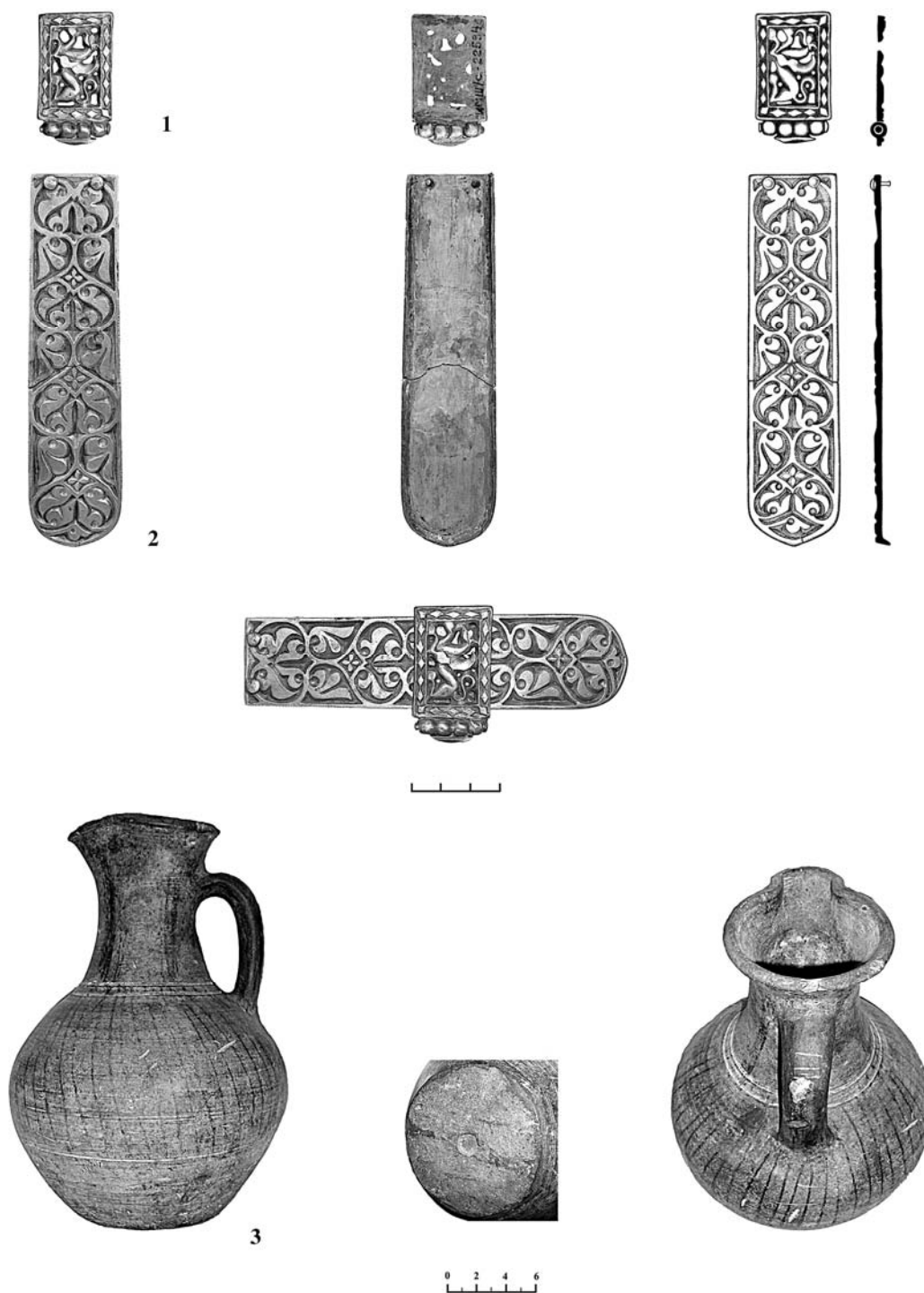

Рис. 7. Находки из Велино, СВ Болгария: 1 – поясная обойма; 2 – наконечник пояса; 3 – кувшин. 1, 2 – серебро; 3 – глина.

² Об этой возможности говорит расположение могильной ямы в южной периферии кургана, а также открытые кости со следами охры (сведения Ст. Стойчева, Региональный исторический музей, г.Шумен).

– На талии погребенных были застегнуты прямые (без дополнительных ремешков) наборные серебряные пояса типа «Врап–Ерсеке»: Велино, Кабиюк, Дивдядово (Рашев 2008, 202; Атанасов, Венелинова, Стойчев 2008, 61). Погребения содержали по два пояса – Кабиюк (рис. 8, 3), Дивдядово (рис. 10, 2).

– Вместе с мертвым захоранивался жеребенок (Дивдядово), чучело коня (нижние части конечностей, череп и хвост коня, увитые в кожу (Рашев 2008, 202) и части от других жертвенных животных (Кабиюк) (Рашев 2007, 106).

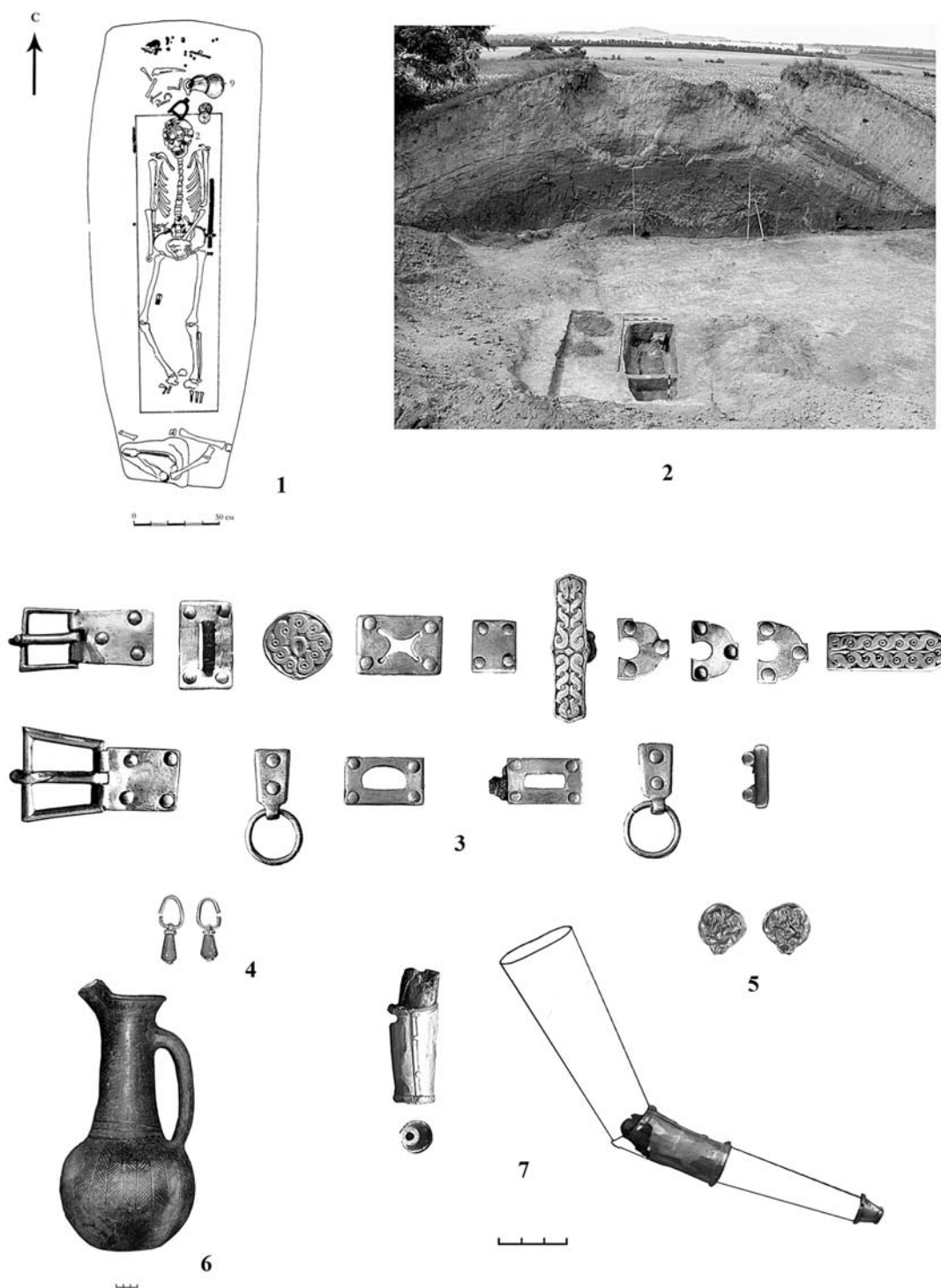

Рис. 8. Находки из Кабиюка, СВ Болгария: 1 – план погребения; 2 – фотография кургана; 3 – пояса; 4 – серьги; 5 – смятая пуговица; 6 – кувшин; 7 – части облицовки деревянного рога. 3, 7 – серебро; 4, 5 – золото; 6 – глина (по Р. Рашеву).

– В области черепа находятся золотые серьги (Велино, Кабиюк) и имитации оболы Харона (Кабиюк, Гледачево, Дивдядово) (Атанасов, Венелинова, Стойчев 2008, 61; Рашев 2007, 107, рис. 14; Тонкова, Георгиева 2006, 165–166).

– В различных частях могильной ямы положены погребальные дары: глиняные кувшины или амфоровидный сосуд – Велино, Кабиюк, Дивдядово (Атанасов, Венелинова, Стойчев 2008, 59, обр. 1, 3; Рашев 2007, 106, рис. 11, 1); деревянные с металлическими лентами ведерки – Дивдядово (Атанасов, Венелинова, Стойчев 2008, 59, обр. 1, 2), Гледачево и рог – Кабиюк (Рашев 2007, 106, рис. 12; Тотев, Пелевина 2010, рис. 4, 1); оружие – Дивдядово, Кабиюк (Атанасов, Венелинова, Стойчев 2008, 59, обр. 1, 4, 5; Рашев 2007, 106, рис. 11, 3); конская амуниция – Кабиюк (Рашев 2007, 106, рис. 12); серп – Дивдядово (Атанасов, Венелинова, Стойчев 2008, 59, обр. 1, 4).

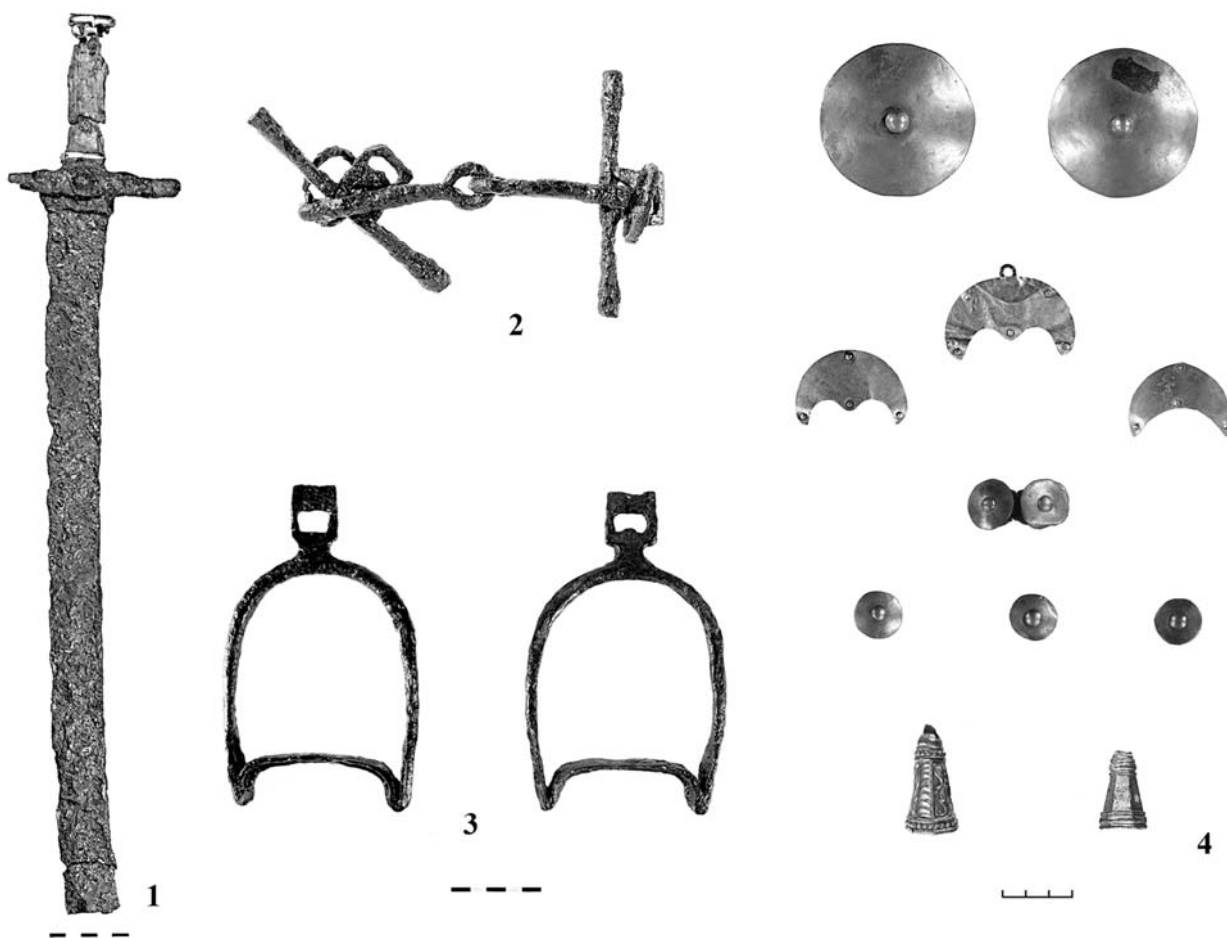

Рис. 9. Находки из Кабиюка (продолжение): 1 – сабля; 2 – узда; 3 – стремена; 4 – украшения конской сбруи. 1–3 – железо; 4 – серебро; серебро с позолотой (по Р. Рашеву).

Комбинация изолированности погребений с богато украшенными наборными поясами, золотыми серьгами, оружием и конской сбруей, рогом и др. характерна для богатых кочевнических комплексов вт.пол. VII – пер. пол. VIII вв. Некоторые из них могут быть связаны с группами Сивашовки и Соколовки, другие – с Перещепинской культурой (Комар 2006, 7–244), третьи – с «княжескими погребениями» из Бочи–Кунбабоня (Tóth, Horváth 1992) и, особенно, с приписываемой болгарам Кубера группой Озора–Тотипуста (Garam 2002, 86; Рашев 2000, 68). Она хорошо датирована византийскими солидами 70–80-ми гг. VII в. (Bóna 1971, 265–336). Ее хронологическим продолжением в Болгарии являются изолированные ранне-средневековые погребения из Плисковского поля с поясами типа «Врап–Ерсеке». Здесь они попадают в хронологический отрезок, ограниченный богатыми погребениями из Мадары II (Миков 1934, 432–436, обр. 292; Станилов 2006, 34–60, обр. 1; Тотев, Пелевина 2010, рис. 3,

5) (рис. 12, 5) и Мадары I (Миятев 1926/27, 14–26, обр. 6; Станилов 2006, 206–227) (рис. 12, 1)³, т.е. концом VII – концом VIII вв.

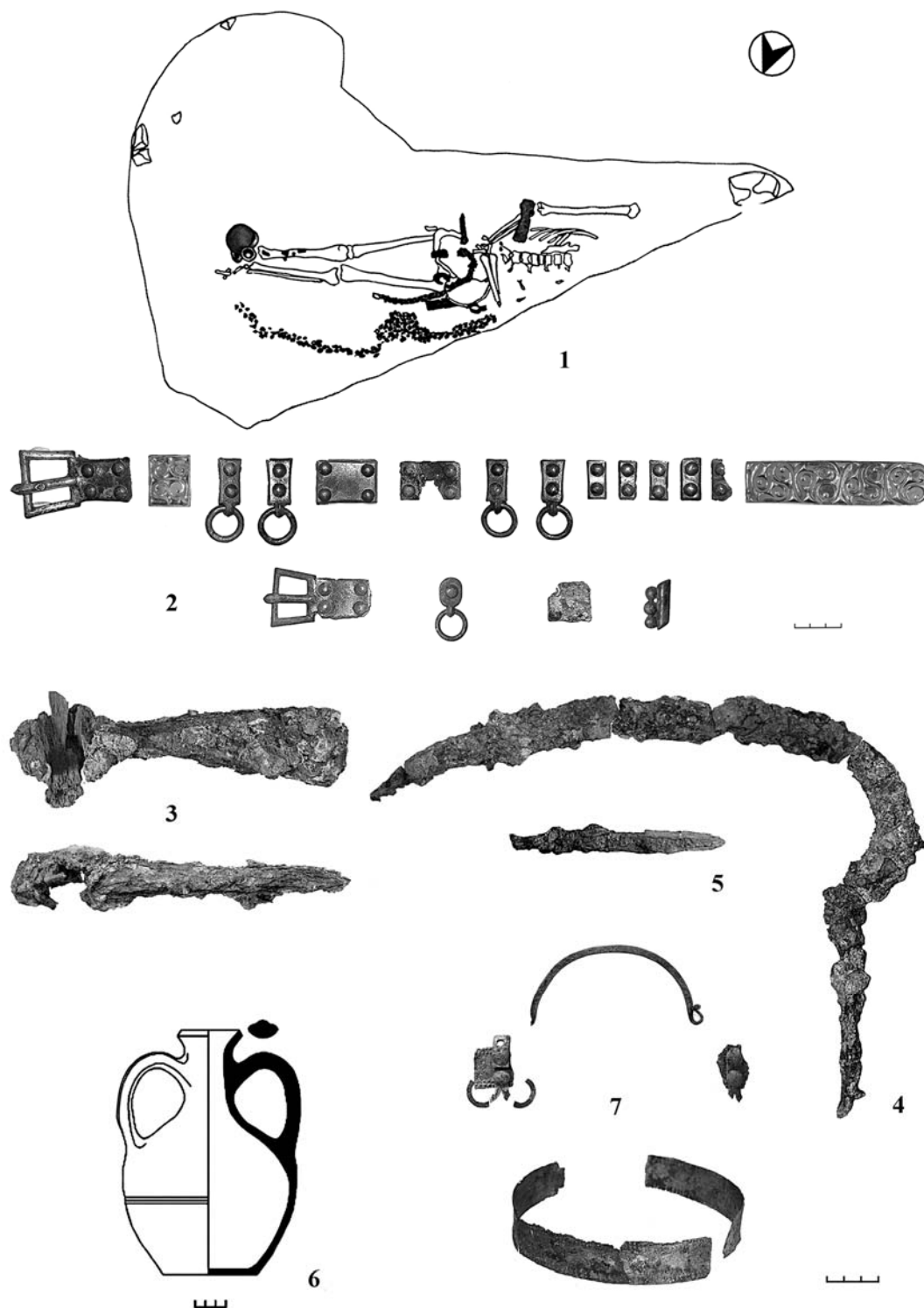

Рис. 10. Находки из Дивдядово, погр. 3, СВ Болгария: 1 – план погребения; 2 – пояса; 3 – топор; 4 – серп; 5 – нож; 6 – амфоровидный сосуд; 7 – облицовки ведра. 2 – серебро с позолотой; медь; 3–5 – железо; 6 – глина; 7 – медь (по Г. Атанасову и др.).

³ Изолированный характер и наличие богато украшенных поясов в этих двух могилах дают нам основание идентифицировать их как погребения староболгарских аристократов, а местоположение – причислить их к Плисковской группе.

Территориально изолированные захоронения с поясами типа «Врап-Ерсеке» делятся на две группы – Плисковскую (столичную), включающую комплексы из Дивдядово, Кабиюка и Велино и Южную, включающую находки из Златари и Гледачево (рис. 1).

Какими были люди, захороненные в изолированных могилах из района Плиски? Мы считаем, что богатые, открытые в окрестностях столицы, погребения принадлежат аристократам из управляющей элиты болгарской державы. Производит впечатление один обязательный, повторяющийся элемент в этих могилах – серебряные наборные пояса типа «Врап-Ерсеке». Это повторение – едва ли плод случайности, а, скорее, яркое доказательство роли этого типа поясов как инсигнии в раннесредневековом болгарском государстве.

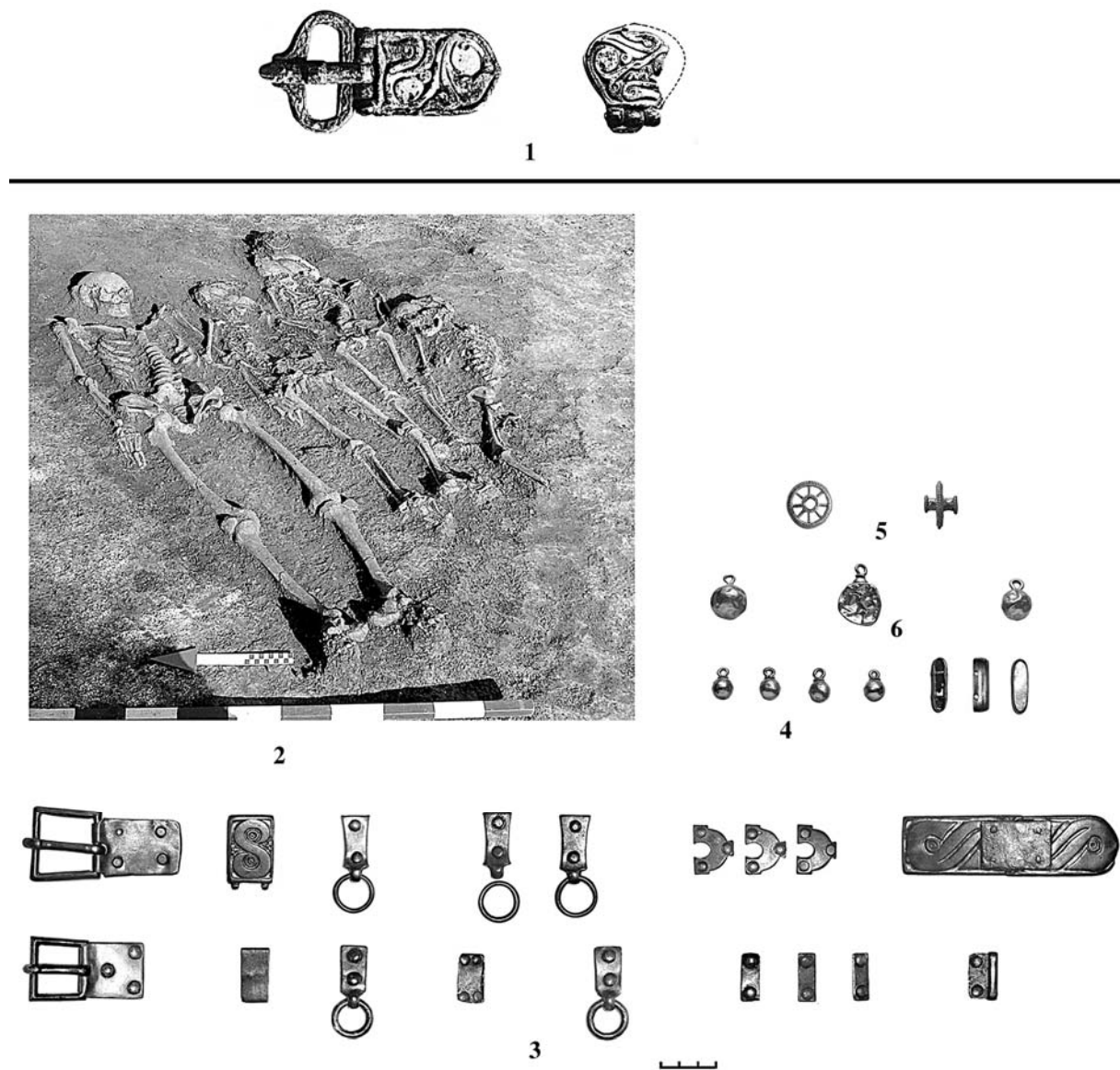

Рис. 11. Находки из Южной Болгарии: 1 – пряжка и накладка; 2 – массовое погребение; 3 – пояса; 4 – пуговицы; 5 – колесико-пандантив; 6 – смятая пуговица. 1 – с. Златари, Ямбольшая область; 2–6 – с. Гледачево, Радневский район. 1, 3 – серебро с позолотой; 4–6 – золото.

Наличие второй группы аристократических погребений в Южной Болгарии хорошо дополняет наши наблюдения над датировкой и местом этих поясов в староболгарской культуре. Эмблематичным является факт того, что в массовом погребении в Гледачево захоронены дети и юноши, не достигшие возраста воинов. Это в большой степени исключает возможность того, что их смерть наступила вследствие похода болгарских войск на византийскую террито-

рию. Наоборот, наличие двух могил (Гледачево и Златари) показывает постоянное присутствие староболгарских аристократов южно от Балкан и Средней горы. Способ их захоронения, а и положение с погребенными люксовыми поясами типа «Врап-Ерсеке», показывают, что покойники были напрямую связаны с управляющей плисковской элитой первой половины VIII в. По нашему мнению, их присутствие в этом районе может быть объяснено событиями 705 и 716 гг., когда болгарской державе была уступлена находящаяся южно от Балкан область Загоре (рис. 1) (Златарски 1972, 65–70). В этом случае показательным то, что южная граница Болгарии с Византией была защищена валом и рвом длиной более 137 км, известным как Еркесията (Рашев 2008, 35–37, обр. 6, табл. V/1, 2 и цит. л-ра). Одна из основных гипотез в отношении постройки этого сооружения состоит в том, что оно маркирует болгаро-византийскую границу с 716 г. (Коледаров 1979, 34–36 с л-ра)⁴.

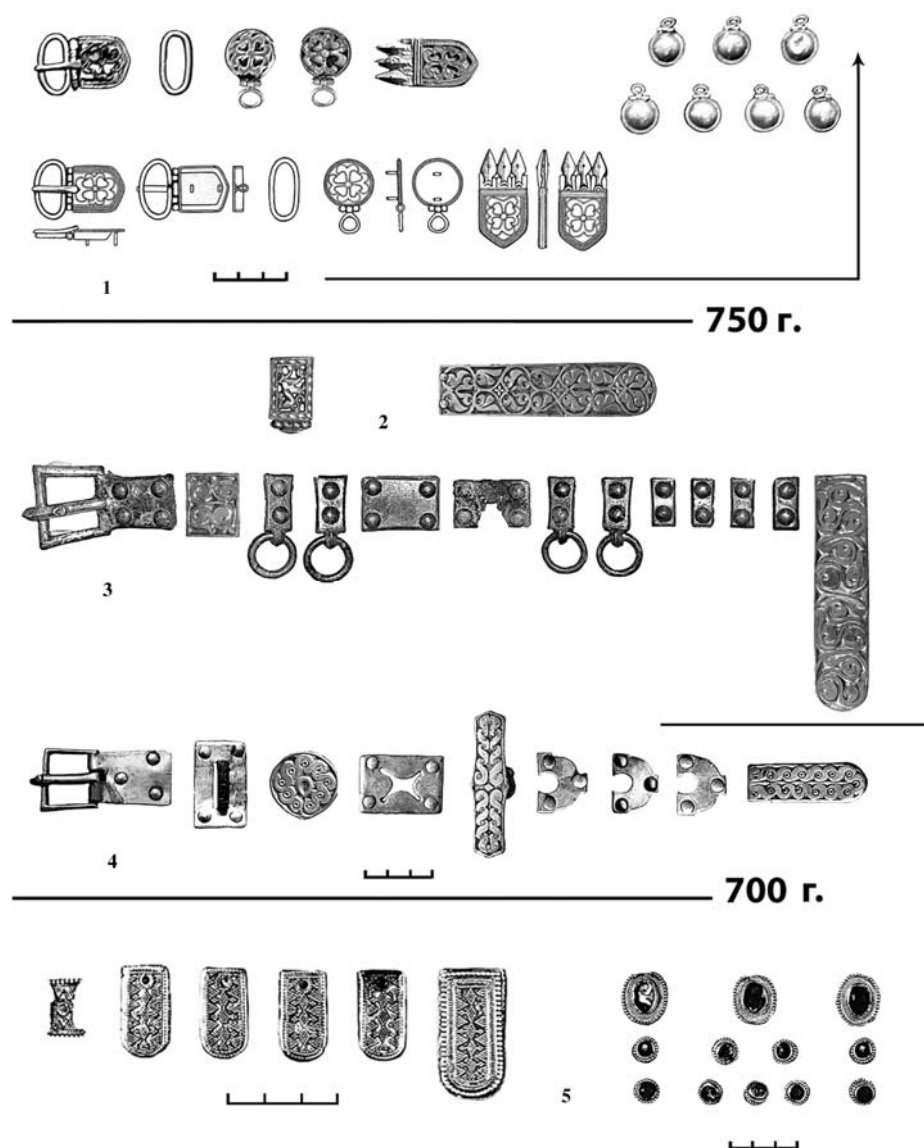

Рис. 12. Типохронология аристократических поясов из Плисковского поля, СВ Болгария: 1 – Мадара I; 2 – Велино; 3 – Дивдядово; 4 – Кабиюк; 5 – Мадара II, к. III.

⁴ Учитывая возможность, что Еркесията могла быть построена и на 100 лет позже, во время Омуртага, следует взять под внимание и факт, что его предшественник Крум настаивает на возвращении именно старой (с 716 г.) границы.

Точно в районе северно (!) от этой преграды расположены современные села Златари и Гледачево. Нам кажется многозначительным открытие аристократических захоронений первой половины VIII в. в западной части Еркесии. Из этого региона происходит и знаменитая Хамбарлийская надпись владетеля Крума. Из нее узнаем, что правая часть его саракта руководилась одним из наиболее высокопоставленных в служебной иерархии староболгарского государства сановником – ичиргу боилом (Венедиков 1979, 32–33; Бешевлиев 1992, № 47).

Вероятно, погребения из Златари и бывшего села Гледачево принадлежат членам семей и представителям плисковской аристократии, управлявшей (правой частью?) области Загоре и границей с Византией. С исторической точки зрения, политическое присутствие болгарской элиты в этой части Фракии, вероятно, датируется с 705 г. (после того как император Юстиниан отступил область болгарам или еще более вероятно с 716 г., после подписания тридцатилетнего мира). Это присутствие заканчивается, видимо, после 756 г., когда во время императора Константина VII Копронима начавшиеся болгаро-византийские войны перемещают границу на север.

Идентификация двух групп изолированных захоронений показывает, что серебряные пояса типа «Врап–Ерсеке» использовались как инсигнии аристократией Дунайской Болгарии. Эмблематично, что подобные типы поясов не характерны для синхронных государств аваров и хазар. Они, однако, находят точное соответствие в кладе из Врапа и Ерсеке (рис. 13).

Как попали в албанские горы люксовые наборные пояса, которые носила староболгарская аристократия?

В наиболее полном и детальном исследовании клада из Врапа, Йохим Вернер анализирует все его элементы (Werner 1989, 7–104). Заключение немецкого ученого, что находка датируется концом VII в. и связана, вероятно, с судьбой одного из сыновей Кубрата, Кубера. Развивая свою теорию Й. Вернер допускает, что сокровище из Врапа является частью продукции придворного ателье аварского кагана, попавшей в руки Кубера вследствие успешного сражения. Несмотря на неоднозначное отношение научной общности, варианты этой теории были подкреплены или доразвиты некоторыми специалистами. Насколько подобные гипотезы исторически оправданы?

Сведения о болгарях Кубера систематизированы известным болгарским медиевистом проф. Бешевлиевым (Beševliev, 1970, 287–300). Судя по хроникам патриарха Никифора (ГИБИ, III, 1960, 295) и Феофана Исповедника (ГИБИ, III, 1960, 262) (*The Chronicle of Theophanes*, 1997), один из сыновей Кубрата заселяется среди аваров. Эти сведения дополняют «Чудеса Св. Димитрия Солунского» (ГИБИ, III, 1960, 159–160), (Lemerle, 1979/1981) сообщающие, что Кубер был назначен аварским каганом управляющим пленными ромеями, поселенными за Дунаем (рис. 1). Вскоре он отбрасывает власть кагана и вместе со своими людьми направляется к византийской территории. Ведомый советами подчиненных ему ромеев, он поселяется в Керамисийском поле (Златарски, 1970, 205–209, 214–221; Божилев, Гюзелев, 1999, 95–96; Петров, 1981, 186–192). После первоначального периода мирных отношений с Кубером, византийские власти сумели внести раскол между его подданными. Используя эту политическую линию, часть болгар под предводительством Мавра (ГИБИ, III, 1960, 161–166) неуспешно пытается захватить Фессалоники (Солун). Впоследствии, против них был организован военный поход, завершившийся переселением славян и поражением византийской армии (ГИБИ, III, 1960, 264). Болгары Кубера упоминаются и в Мадарской надписи владетеля Тервела в связи с восстановлением на престоле византийского императора Юстиниана II (Бешевлиев, 1979, 94–101). Судя по неполностью сохранившемуся тексту, «носоотрезанному императору не поверили мои дяди из Солунского». Серьезная историческая ценность этих источников подтверждается сфрагистическими памятниками – моливдовулами патриция Мавра, где он представлен как архонт керамисиан и болгар (Юркова, 1980, 6, 10). Последняя, известная пока, ссылка на этих болгар имеется в связи с попыткой реставрации императора Анастасия в 718 г., о которой сообщает патриарх Никифор (ГИБИ, III, 1960, 300–301).

В такой исторической среде связь люксовых поясных деталей из Врапа с элитой болгар Кубера кажется совсем резонной.

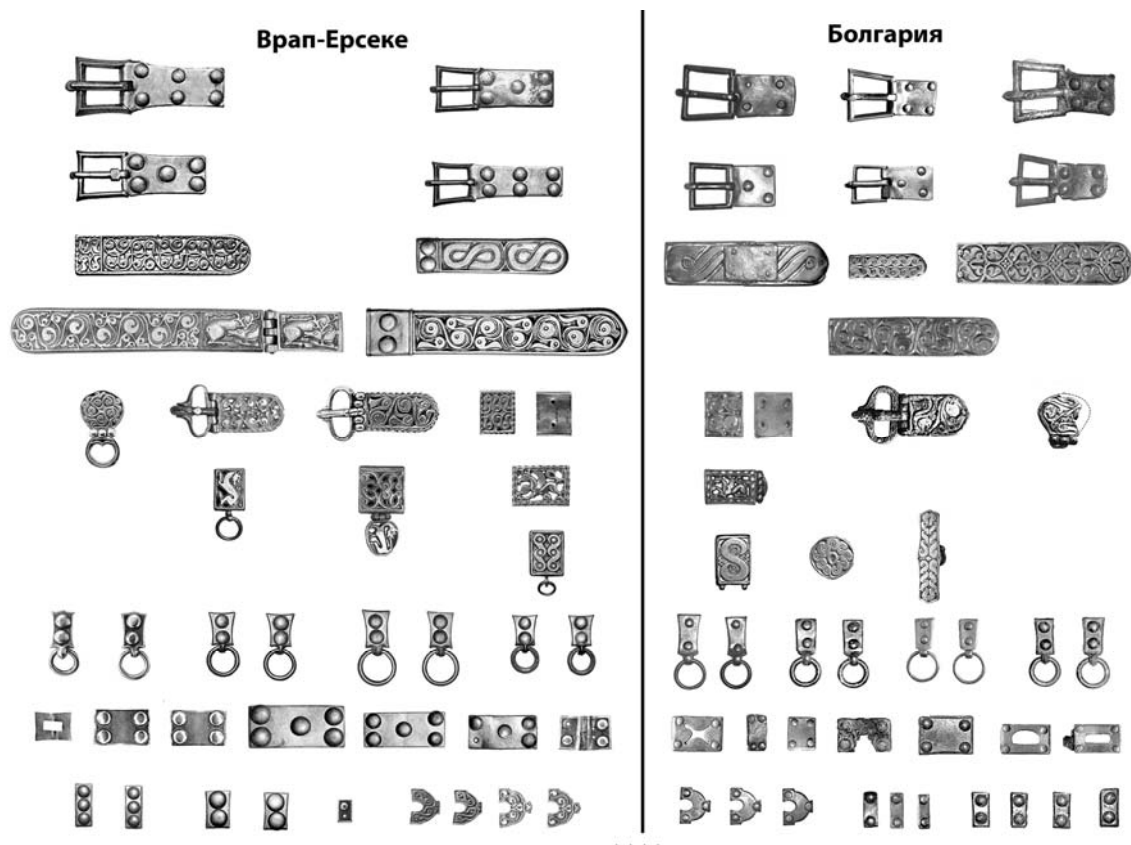

Рис. 13. Сравнительная таблица поясных деталей из Врапа–Ерсеке, Албания и Болгарии.

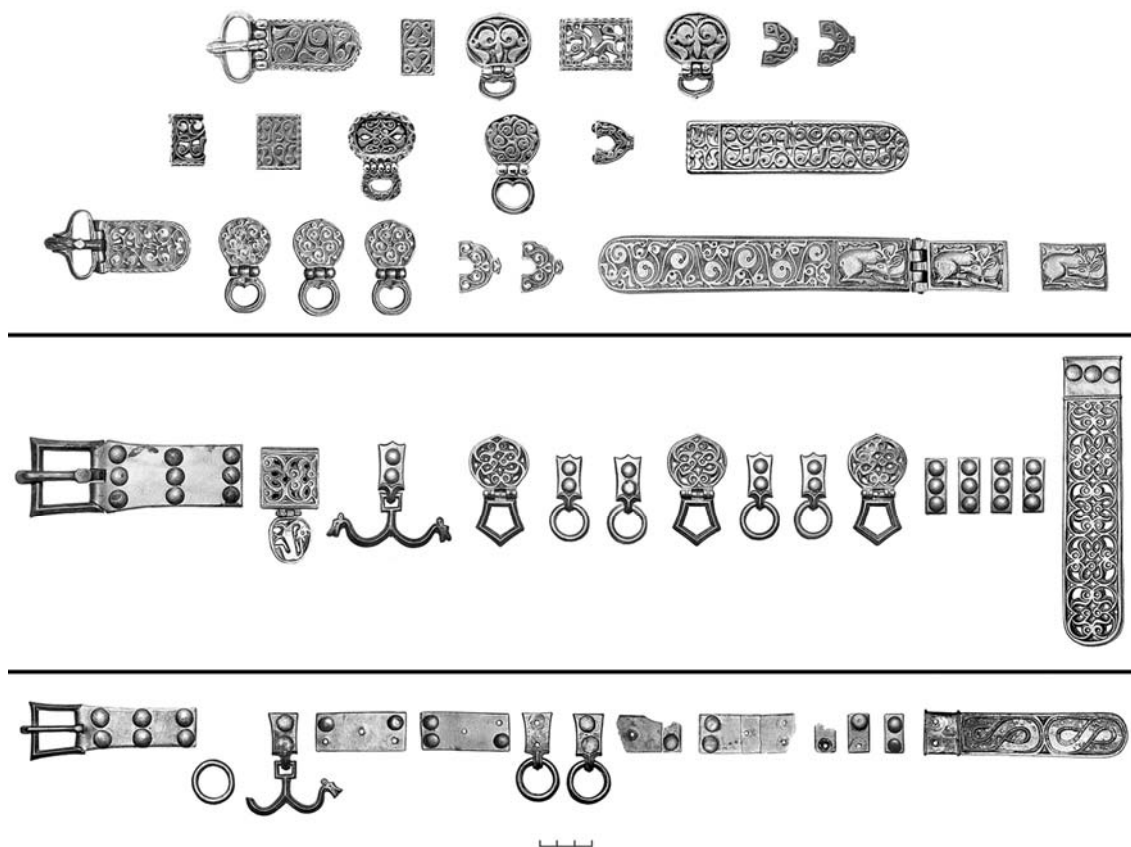

Рис. 14. Виды поясных деталей из Врапа–Ерсеке, Албания (по J. Werner; Catalogue of The Avar Treasure).

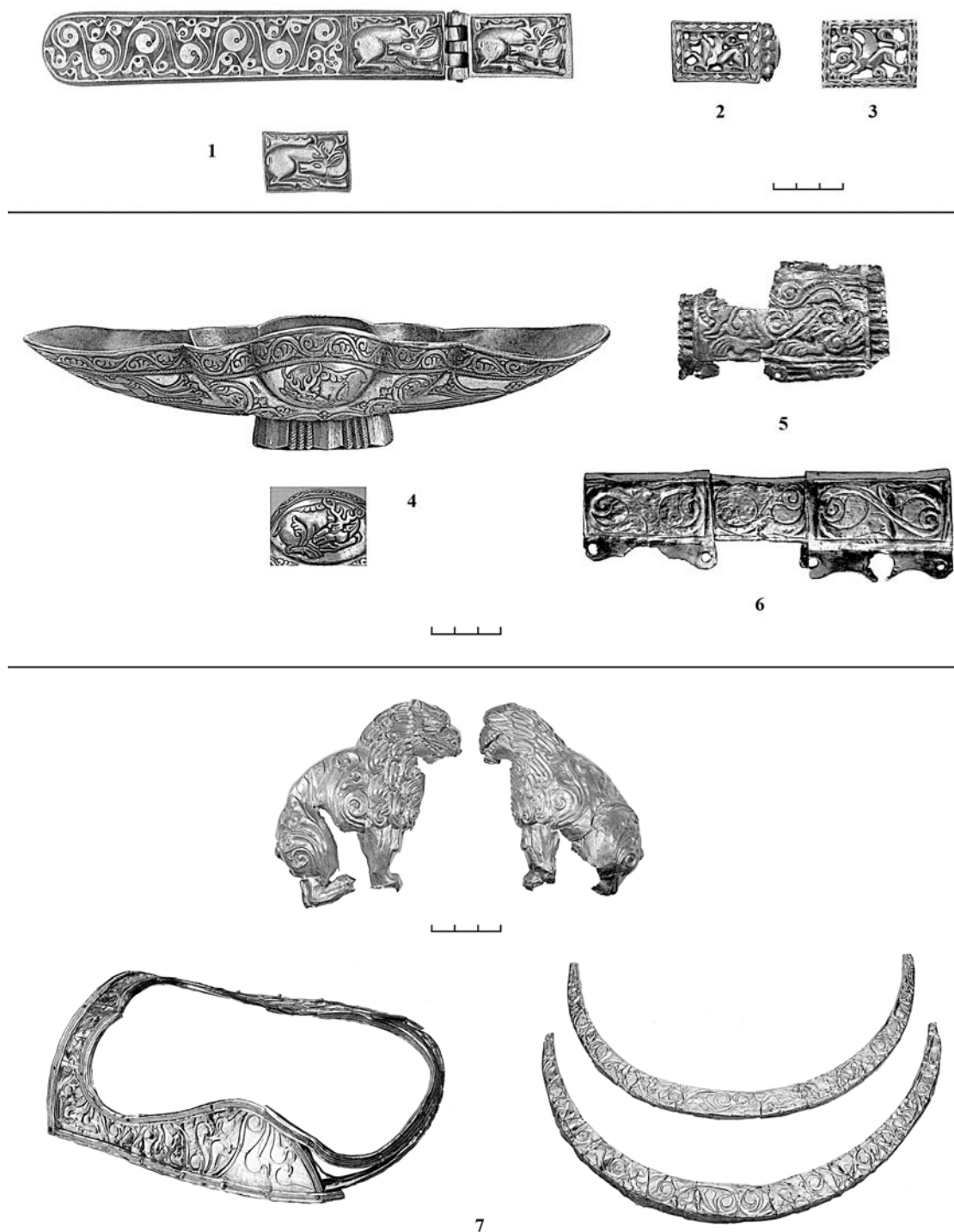

Рис. 15. Находки в тюрко-согдийском стиле из М. Перещепины и их параллели:
 1 – поясная накладка и наконечник; 2 – поясная обойма; 3 – поясная накладка; 4 – блюдо;
 5, 6 – облицовки ножен кинжала (?); 7 – фигуры львов, облицовки колчана и седла.
 1 – Ерсек, Албания; 2 – с. Велино, СВ Болгария; 3 – Врап, Албания; 4 – д. Слудка, Пермская область;
 5 – Шуменский район, СВ Болгария; 6 – Кунбабони, Венгрия; 7 – Малая Перещепина, Украина. 1, 3, 5–7 – золото; 2 – серебро; 4 – серебро с позолотой
 (по Catalogue of The Avar Treasure; К.В. Тревер; Залеская, Львова, Маршак и др.)

Как мы уже видели, оригинальный стиль сокровища из Врапа/Ерсек идентичен синхронным элитарным памятникам дунайских болгар. Из письменных источников становится ясно, что обе болгарские группы поддерживали связь. Археологическим свидетельством этого являются и сходные наборные пояса, использовавшиеся представителями их аристократии.

Более того – депонированное в албанских горах сокровище дает возможность для рассуждений по поводу значения наборного пояса в раннесредневековом болгарском обществе.

Даже беглый анализ типов поясных украшений из Врапа/Ерсеке показывает, что здесь мы имеем многочисленные и различные по своему материалу, богатству и декору пояса (рис. 14). Наиболее представительные, золотые экземпляры безусловно могут быть связаны с личностями владельца или самых его близких приближенных. Остальные пояса, однако, определенно не принадлежат людям того же ранга. Как это можно объяснить? По нашему мнению, в албанских горах было депонировано работавшее при дворе Кубера или его наследников ателье. Оно, возможно, выполняло заказы, изготавливая различные типы наборных поясов, которые впоследствии владелец раздавал своим подчиненным (служебной аристократии) в соответствии с их саном и заслугами. Подобное ателье, вероятно, действовало и на территории Плиски, где производились наборные пояса болгарских аристократов.

Открытым пока остается вопрос о происхождении специфического стиля, в котором изготовлены находки из Врапа/Ерсеке. Вероятнее всего, он является «сплавом» из различных элементов, включающих мотивы византийской металлопластики и не только традиционной, но и элитарной культуры соседних ей кочевых народов.

В этой связи показательна орнаментальная близость предметов, выполненных в так называемом тюрко-согдийском стиле «Перещепинской» группы (рис. 15, 7) (Залеская, Львова, Маршак и др., 1997; Комар, 2006, 7–244), некоторых украшений из княжеских погребений в Аварском каганате (рис. 15, 6) и характерным для болгар на Балканах стилем «Врап–Ерсеке».

Литература

Атанасов, Венелинова, Стойчев, 2008 – Атанасов Г., Венелинова Св., Стойчев. С. Раннесредновековен некропол в Шумен (квартал Дивядово) // Археология, 1–4. София, 2008, 57–66.

Бешевлиев, 1979 – Бешевлиев В. Първобългарските надписи. София, 1979.

Божилов, Гюзелев, 1999 – Божилов И., Гюзелев В. История на средновековна България VII–XIV в. Т. I. София, 1999.

Венедиков, 1979 – Венедиков Ив. Военното и административното устройство на България през IX и X в. София, 1979.

Въжарова, 1981 – Въжарова Ж. Славяни и номади на територията на днешните български земи от края на VI–XI в. // Плиска-Преслав, 1981, 3, 53.

ГИБИ, III, 1960 – Гръцки извори за българската история, III // Извори за българската история, VI, София, 1960.

Залеская, Львова, Маршак и др., 1997 – Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фонякова Н.А. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб., 1997.

Златарски, 1970 – Златарски В. История на българската държава през средните векове I/1. София, 1970.

Златарски, 1972 – Златарски В. Известията за българите в хрониката на Симеон Метафраст и Логотет. Избрани произведения, т. I. София, 1972, 65–70.

Инкова, 2004 – Инкова М. Коланите на групата «Врап» в България (Функционална характеристика на обковите за колани и опит за социализация). // Известия на Националния исторически музей, 2004, XIV, 150–182.

Коледаров, 1979 – Коледаров П. Политическа география на средновековната българска държава. Първа част. От 681 до 1018 г. София, 1979.

Комар, 2006 – Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья, 5. Донецк, 2006, 7–244.

Миков, 1934 – Миков В. Последни могили находки. // Мадара. I. София, 432–436.

Миятев, 1926/27 – Миятев Кр. Старобългарски златен накит от Мадара. // Известия на българския археологически институт, 1926/27, IV, 14–26.

Петров, 1981 – Петров П. Образуване на българската държава. София, 1981.

Рашев, 2000 – Рашев Р. Прабългарите през V–VII. В. Търново, 2000.

- Рашев, 2007 – Рашев Р. Праболгары на юго-западной окраине евразийской степи // Средневековая археология евразийских степей, I: Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Серия «Археология евразийских степей», 1. Казань, 2007, 104–117.
- Рашев, 2008 – Рашев Р. Българската езическа култура VII–IX век. София, 2008.
- Рашев, Атанасов и др., 2006 – Рашев Р., Атанасов Г., Стойчев С., Йоргов Ю. Ранносредновековен могилен комплекс при Кабиюк, община Шумен. // АОР през 2005 г. София, 2006, 374–375.
- Станилов, 2006 – Станилов Ст. Художественият метал на Българското ханство на Дунав (7–9 век). Опит за емпирично изследване. София, 2006.
- Станилов, Атанасов, 1993 – Станилов Ст., Атанасов Г. Сребърни украси за колан от Шуменския музей. // Археология, 1993, 1, 43–53.
- Тонкова, Георгиева, 2006 – Тонкова М., Георгиева В. Ямно светилище от късножелезната епоха и ранносредновековен езически колективен гроб в центъра на с. Гледачево, обект «Двора», община Раднево // АОР през 2005 г. София, 165–166.
- Тотев, Пелевина, 2010 – Тотев Б., Пелевина О. Сокровище из Малой Перещепины и элитарная культура болгар Нижнего Дуная // Форум «Идель – Алтай». Серия «Археология евразийских степей». Вып. 13. Казань: Институт истории АН РТ, 2010 (в печати).
- Юркова, 1980 – Юркова Й. Мавър от писмените извори и печатите // Векове, 1980, кн. 3.
- Beševliev, 1970 – Beševliev V. Randbemerkungen über die «Miracula Sancti Demetrii» // Byzantinica 2, 1970, 287–300.
- Catalogue of The Avar Treasure, 1981 – Catalogue of The Avar Treasure. Sothrbly Parke Bernet & CO. London, 1981.
- Daim, 2000 – Daim F. «Byzantinische» Gürtelgarnituren des 8. Jahrhunderts // Die Awaren am Rand der byzantinischen Welt. Innsbruck, 2000.
- Fiedler, 1996 – Fiedler U. Die Spätawarenzeitlichen Gürtelbestadteile von Vrap-Erseke aus Velino (Bez Varna. Bulgarien) // Germania, 1996, 74, 248–264.
- Garam, 1997 – Garam É. Über den Schatzfund von Vrap (Albanien) // ААН, 49, 1997, 23–33.
- Garam, 2002 – Garam É. Avar kori fejedelmi és köznépi sírleletek kapcsolata a nagyszentmiklósi kinccsel // Az avarok aranya. A nagyszentmiklósi kincs. Szerk. Garam, É., Budapest, Helikon Kiadó, 2002, 86.
- Kiss, 1995 – Kiss G. A késői avar aranyozott óvdiszek // Somodui múzeumok közleményei, XI. Kaposvár, 1995, 99–126.
- Lemerle, 1979/1981 – Lemerle P. Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius et la penetration des Slaves dans les Balkans // Le Texte. Paris, 1979. II: Commentaire. Paris, 1981.
- Stadler, 1988/89 – Stadler P. Argumente für die Echtheit des «Avar Treasure» // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, Band 118/119, 1988/89, 3, 213.
- The Chronicle of Theophanes, 1997 – The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284–813. Tr. Cyril Mango and Roger Scott. Oxford, 1997.
- Tóth, Horváth, 1992 – Tóth E.H., Horváth A. Kunbáony – Das Grab eines awarenkhagans. Kecs-kemét, 1992.
- Werner, 1989 – Werner J. Der Schatzfund von Vrap in Albanien. – Studien zur Archäologie der Awaren. II. Wien, 1989, 7–104.

МЕСТО БОЛГАР ЖЫЕНЫ В ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ ТАТАР

Р.К. Уразманова

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, г. Казань

Летом 1989 года по инициативе Духовного управления мусульман, и лично его муфтия Т.Таджутдина на территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (БГИАМЗ) было торжественно отмечено 110-летие официального принятия ислама Волжской Булгарией.

Впервые тысячи людей из разных регионов России, преодолев немалый путь, собрались на территории Болгарского заповедника. Кульминационным моментом был коллективный намаз, посвященный этой исторической дате, предкам, похороненным на этой земле, и покаянию – *тәубә* за все пригрешения перед их памятью.

Начиная с этого года, несмотря (а может быть вопреки!) на все раздоры, противоречия и разногласия, происходившие в последующие годы по инициативе и при активном участии «молодого духовенства», приведших в конечном итоге к разделу единого Духовного управления на множество региональных, Т.Таджутдин ежегодно в июне месяце упорно продолжал собирать мусульман, съезжающих сюда под руководством муфтиев и имамов, организационно сохранивших свое подчинение ЦДУМ. Постепенно сложился ритуал этого праздника. Главным оставалась его проповедь – *вагазь*, посвященная исторической памяти, за которой закрепился термин «*Тәубә*»¹, а местом проведения – территория возле Малого минарета, к которому под зелеными исламскими стягами стекались с мест стоянок своих автобусов сотни людей, скандируя слова такбира* – «*Аллаһу Әкбәр*». Кульминацией же является коллективный полуденный намаз на месте фундамента Соборной мечети, производящий на присутствующих неизгладимое впечатление, не в последнюю очередь, своей массовостью.

Одна из улиц русского села превращалась в настоящую ярмарку, где шла бойкая распродажа не только исламской атрибутики (четки, молитвенные коврики – *намазлык*, религиозные книги, брошюры, платки, тубетейки, платья и т.п.), но и др. ширпотреба; продуктов питания, в том числе конских колбас – *казылык*, привезенных из татарских деревень Мордовии, Пензенской, Нижегородской областей, издавна славившихся их производством, чакчака и т.д.

Многие приезжали накануне, привозя с собой все необходимое и для ночлега, и для питания, вплоть до дров для очага и углей для самоваров. Везли с собой овцу. Это и для жертвоприношения – *корбан*, и для приготовления горячего обеда – *халал ризык*, либо покупали для этих целей овец в близлежащих деревнях.

Инициативу мусульманского воссоединения (речь идет о татарах) взял на себя Исполком Всемирного конгресса татар. Первым актом этого было открытие мечети Кул Шариф в июне 2005 г., на которое были приглашены почти все мусульманские лидеры. Личная встреча Т.Таджутдина с Р.Гайнутдином, состоявшаяся в дни торжеств, привела к учреждению Комиссии по религиозным вопросам при Исполкоме Всемирного конгресса татар.

Вторым по значимости объединительным актом по инициативе Исполкома с 2006 г. стало участие в празднике на Болгарской земле наряду с ЦДУМ России (Т.Таджуддин, г.Уфа) Совета муфтиев России (Р.Гайнутдин, г.Москва) и ДУМ РТ (Г.Исхаков, г.Казань). Конгресс

¹ Содержание этой «проповеди» в общих чертах сводится к констатации событий, связанных со временем приезда в раннесредневековое тюркское государство – Волжскую Булгарию миссионеров из Багдадского халифата и последовавшим затем объявлением ислама государственной религией, преподносимой с определенной идеализацией «первого в Европе исламского государства – государства Булгар» – см. Галлямов Г. Исламское возрождение в Волго-Уральском макрорегионе: сравнительный анализ моделей Башкортостана и Татарстана // Ислам от Каспия до Урала: Макрорегиональный подход. – Сарго; М., 2007. – С.101.

* Такбир – произнесение молитвенной формулы «Аллаху акбар» (араб. – Аллах велик). Многократный Т. – одна из характерных особенностей мусульманского культа // Краткий религиозно-этнографический словарь-справочник на русском и татарском языках. – Казань, 2000. – С.178.

взял на себя организацию «культурной программы», тем самым внеся существенные изменения не только во внешнюю форму события, но и его суть.

Во-первых, это расширило представительность. Намного увеличилось число участников. Организаторами на местах стали не только муфтии, но и руководители татарских, иногда татаро-башкирских культурных общественных центров различных регионов России. По сведениям СМИ, различных сайтов и по моим наблюдениям 2007 г. среди прибывших на этот форум были люди как верующие, так и «открывающие» для себя «свою историю», культуру. Например, в большом автобусе, прибывшем из г.Кирова лишь 4 человека умели совершать намаз. Следует отметить, что основная масса участников – из-за пределов Татарстана. Это, по существу со всего Урало-Поволжского региона, из всех соседних республик и областей, включая Челябинскую, Астраханскую, Нижегородскую, Пензенскую и др.

Во-вторых, оно трактовалось не столько как включение татар в мировую мусульманскую умму, а как долгожданное объединение, согласованное действие всех муфтиятов в интересах татарского народа.

Вместе с тем этот новый праздник заслуживает серьезного внимания всех без исключения устроителей, объявивших об этом: руководителей и муфтиятов, и Исполкома Конгресса татар, и местной власти, ибо оно действительно привлекает большое количество людей². Наблюдалась полная неосведомленность прибывающих о программе праздника – месте, времени и конкретных мероприятиях. Десятки автобусов, подъезжающих в это утро, с трудом находили место для парковки, т.к. прилегающая к заповеднику территория уже была занята прибывшими накануне с их очагами для приготовления пищи. Люди, выходя из машин, наугад шли за себе подобными: нет, по крайней мере, заметных, броских указателей маршрутов передвижения по территории заповедника.

Появление концертной программы обогатило праздник, сделало более эмоциональным. Многие с удовольствием слушали выступления артистов, умелых исполнителей мунаджатов³, писателей, известных политиков. Выстроились очереди из желающих подняться на минарет, посетить музей, послушать обзорные лекции экскурсоводов по археологическим памятникам заповедника. Правда, одновременное звучание концерта с проповедью «Тәүбә» возле Малого Минарета, ставшей уже традиционной (в 2007 г. она проводилась в 18-й раз!), вызвало недоумение и определенный дискомфорт среди присутствующих.

Все это несколько сгладилось, когда после завершения «Тәүбә» представители духовенства во главе Т.Таджутдином, председатель Конгресса татар, глава администрации Спасского района поднялись все вместе на сцену с заключительными словами. Лейтмотив этих выступлений – призыв к объединению всех татар с целью сохранения языка, культуры, духовности, религии. Во имя всего этого – «...динебезгә күәт бирсәңче дин Аллаһыга ялынык» (Т.Таджутдин) – последовало приглашение на полуденный намаз. Этот коллективный намаз («коллективное действие») явился кульминационным моментом праздника: все затихло, прекратилось непрерывное движение, перемещение толп людей по территории заповедника. Большинство присутствующих выстроилось для совершения намаза. Остальные небольшими группами, по-одиночке наблюдали со стороны. Повторюсь, огромное пространство, заполненное стройными рядами тысяч людей, совершающих одновременные движения намаза представляло впечатляющее зрелище не только для участников, но и всех присутствующих.

В июне 2009 г. праздник был юбилейным – 1120 лет официального принятия ислама Волжской Булгарией. Возможно, это помогло надлежащим образом обустроить территорию:

² По данным 2008 г. приехавших накануне было около 3000, а в празднике участвовало 13 тыс. человек – Минһаж Р.Динне торгызасы юк, аксаучылар, егылучылар без үзезез // Ватаным Татарстан, 14 июня 2008 г. По данным же председателя Всемирного Конгресса татар – около 17 тыс.человек (Полевые материалы автора (далее – ПМА). 2008 г.).

³ «Жанр мунаджатов – один из самых проникнутых идеологией ислама, где ярче всего отразились исламские идеи о жизни и смерти, основные жизненные принципы, выраженные в столпах веры... В них воспеваются отношение человека к судьбе, к Творцу, к долгу и привязанностям родителей и детей, верность памяти о близких. В условиях насаждаемого атеизма был под запретом». – см. Садекова А.Х. Идеология ислама и татарское народное творчество. – Казань, 2001. – С.3–5.

маршруты (тропы) передвижения «паломников» заасфальтировали. Это не просто облегчило перемещение. Эти тропы и стали своеобразными указателями расположения археологических памятников. По периметру территории Заповедника были расставлены биотуалеты, а для совершения омовения перед намазом помимо привезенных емкостей с водой провели водопровод с достаточным количеством кранов. Возле них было оборудовано большое количество временных кабинок с настилом из досок, вполне удобных для этой процедуры.

Еще более масштабной была праздничная ярмарка, на которой заметно увеличилось количество продавцов «исламского ширпотреба», привезенного из Турции, Арабских стран – одежда для женщин, головные уборы, атрибутика и т.д., вплоть до «Гминного масла» египетского производства, по словам активно агитирующих и рекламирующих товар молодых людей, «упоминаемого в хадисах Пророка и исцеляющего от всех болезней, кроме смерти».

Не менее активно работали сотрудники Межрегионального паломнического центра «Идель-Хадж», которые кроме прочего распространяли брошюру «Хадж, Умра, мусульманский отдых. Твоя дорога в Мекку».

А вот листовки общественной организации «Булгарская община» с копией сообщения заместителя руководителя Федеральной службы государственной статистики (Росстата) от 09.12.2008 г. о том, что в проекте Словаря национальностей для официального опубликования данных Всероссийской переписи населения 2010 г., разработанного по заказу Росстата Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, булгары выделены в качестве самостоятельной национальности, и просьбой «правильно указать свою национальную принадлежность: мужчины – «булгар», женщины «булгарка», не имели никакого резонанса: ни дебатов, ни каких-то разъяснений никто не устраивал. В 2007 г. я видела мужчин, убежденно взывающих не предавать память предков и называть себя булгарами.

Упорядочен и сценарий, по которому появилось «официальное открытие праздника» – в виде представительских приветствий от имени президента и правительства Татарстана, Всемирного конгресса татар, администрации района, представителя Турции и др. Замыкал эти приветствия муфтий ЦДУМ Т.Таджуддин, по праву воспринимаемый большинством присутствующих тем человеком, чье слово для них наиболее значимо. Суть его короткого приветствия на этот раз была сведена к объяснению того, что не ограничиваясь намазом по своим домам, народ ежегодно съезжается сюда воздать коллективную молитву Всевышнему, вспомнить и помолиться о погребенных на этой земле. И пригласив последовать за ним, увел основную массу собравшихся у концертной площадки к Малому Минарету на проповедь «Тәүбә».

Таким образом, в общественной жизни татар складывается своеобразное новое явление, в основе которого некий симбиоз религиозного со светским, гражданским. Новизна, необычность в данном случае, в первую очередь, заключается в том, что это не «подаренный» государством, не по инициативе и участии его органов организуемый праздник. Он возник стихийно на волне актуализации исторической памяти народа в результате обострения вопросов этнокультурной идентификации, с ее получившей наконец признание религиозной составляющей. Не только упорство руководителей Духовного управления мусульман (г.Уфа), а главное ежегодное участие желающих «по движению души» из «простого» народа, подключение к его организации Конгресса татар и других муфтиятов, 20 лет регулярного его проведения дает возможность говорить о его традиционности. Произошло по-существу переосмысление не только целей, но и сути посещения «святых», испокон веков характерных для всего тюрко-мусульманского мира⁴. Имена конкретных «святых», объектов «святости» в данном случае заменились расширительным понятием *Изге Болгар*, которое может означать как «святое», «священное» название конкретного места, так и напоминание об истории предков татарского народа. Нередко в название праздника добавляется слово *джиен* – *Изге*

⁴ См. Басилов В.Н. Культ святых в исламе. – М., 1970; Басилов В.Н., Снесарев Г.П. Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. – М., 1986; Сызранов А.В. Святые места мусульман Астраханского края. – Астрахань, 2006; Рахимов Р.Х. Астана в истории сибирских татар: мавзолей первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия. – Тюмень: Печатник, 2006. – 76 с.; Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. – М.: Издат. дом Марджани, 2009 и др.

Болгар жыены, которое так же имеет ряд значений. Это и древний общественный институт родственных связей⁵, и народный праздник казанских татар⁶, и народный сход, собрание, люди одного рода, община⁷. «Появилась возможность приобщиться к этой земле, истории татарского народа, его духовной культуре через религию. Там есть моменты, где читают молитвы, место, где исполняют традиционные баиты, мунаджаты и народные песни. Все это там совсем по иному звучит и воспринимается при большом стечении народа. Все это имеет огромное воспитывающее значение»⁸. Даже «специализированность» ярмарки, устраиваемой в этот день на улице села, на которую со своим товаром прибывают так же из многих регионов России, придает особое своеобразие этому празднику.

Несколько слов о процессе народного «мусульманского» обрядотворчества. При посещении этого торжества в 2007 году бросилось в глаза, что многие, особенно усердствовали в этом присутствующие дети, старались воткнуть монету в заметную щель, трещину камней древних развалин, так что все видные отверстия многих археологических памятников были утыканы монетами.

Далее. Паломники, поднимающиеся на площадку фундамента Соборной мечети начинали кружить вокруг каменного столба – сохранившейся части каменной колонны молельного зала, после чего отправлялись дальше. В какой-то момент появившийся здесь, как оказалось, русский студент Российского Исламского Университета (г.Казань) отчаянно жестикулируя, буквально в крик стал обвинять остановившихся в недоумении женщин в язычестве, идолопоклонстве, на какое-то время прервав это действо. По мере смены присутствующих, действо возобновилось. Интересно отметить, что в 2009 г. вокруг этого столба стояло несколько мужчин, вероятно, преподавателей медресе, которые фактически не давали возможность приблизиться к нему, непрерывно объясняя, что кружить вокруг него, втыкать монеты глупо, некрасиво, ведь это обыкновенный камень. Тем не менее, вновь подходящие пытались дотронуться до него; у его подножья лежали монеты. Некоторые женщины, вступая с ними в спор, пытались услышать более подробное объяснение, желая понять, а что же нужно, а главное можно делать, приехав сюда.

Зато свою потребность действия беспрепятственно смогли удовлетворить те, кто подходил к «Выставочному залу». Там на низких постаментах выставлены археологические находки – фрагменты архитектурных украшений древних зданий. Подходящие поочередно до всех фрагментов дотрагивались руками – «нужно обеими», «произнося дога», «загадывая желанья» – услышанные мною пояснения. Там же стоял «ящик» для сбора средств, которые пойдут на нужды заповедника. Все те, кто таким образом обходил эти фрагменты, опускали в ящик садака. (По объяснению одной из женщин, только в таком случае твои пожелания, твои молитвы достигнут цели).

Таковы этнографические детали стихийного процесса непрерывного народного творчества не просто живой бытовой культуры, культуры повседневности, а непосредственно связанной с «мусульманской» ее составляющей. Отношение к этому среди татарского мусульманского «духовенства» далеко не однозначно: среди убежденно осуждающих народ в «язычестве», «идолопоклонстве» этот студент не одинок. Судя по материалам XIX в., и тогда указные муллы неодобрительно относились к паломничеству к местным «святым», усматривая в этом идолопоклонничество⁹. Впрочем, М.Кемпер, анализируя труды видных мусуль-

⁵ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: Наука, 1967. – С.196–204.

⁶ Уразманова Р.К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала. – Казань, 2001. – С.70–84.

⁷ Татарско-русский словарь в 2-х томах. Т1. – Казань, 2007. – С.407.

⁸ Из интервью с Р.Закировым, председателем Всемирного конгресса татар. – ПМА, 2008 г. (г.Казань).

⁹ Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. – С.234. Интересно отметить, что эти «запреты» были связаны с появлением и проявлением развития идей и принципов чуждого для татар, являвшихся суннитами ханафитского масхаба, ханбалитского масхаба в их крайнем выражении, оформившееся в религиозно-политическое течение в суннизме под термином ваххабизм. Его идеологи проповедовали возвращение к чистоте раннего ислама времени Мухаммада, строжайшее соблюдение принципа единобожия, отказ от поклонения святым и святым местам, отказ от заимствованных новшеств (бида), требовали от мусульман избегать всяких проявлений роскоши в быту, одежде и культе (см. Ислам. Краткий справочник. – М.: Наука, 1983. – С.45).

манских деятелей того времени, справедливо отметил, что каждый из них пытался распространить в мусульманских общинах *свои моральные представления*, причем в них всегда перевешивал *элемент запрета* (выделено мной. – Р.У.) или, по меньшей мере, осторожности¹⁰. Как показывают этнографические исследования, принцип запрета являлся преобладающим в высказываниях «мулл» всех рангов особенно в первое десятилетие перестроечного времени, когда были сняты государственные ограничения на их деятельность¹¹.

Бытует он и сейчас. Именно в этом духе звучали ответы ряда имамов мечетей в Юго-восточных районах Татарстана на вопрос об их отношении к поездкам в Болгар и Биляр. Вот один из них: «...ни в Болгаре, ни в Биляре не был...Будучи в сане хазрата (*хазрэт буларак*) ехать туда я боюсь Аллаха... народ может подумать: сам поехал, а нам запрещает. Хуже того, раз хазрат ездит, значит и нам следует это делать... Но есть ли там необходимые условия для поклонения (*гыйбэдэт кылу өчен шартлар тудырылганмы*)? Некоторые даже говорят, что поездка туда – это вместо хаджа, ведь ехать в Аравию у нас нет денег (*мондый жирләргә бару – хаж урынына диючеләр дә юк түгел*)¹². И ответная реакция недоумения активных прихожан (*мәчет картлары*): «... люди едут туда с добрыми намерениями, ведь это исторические места. И если эти места называем святыми (*изге урыннар дип атыйбыз икән...*), и съездив туда, почитать там Коран, угоститься – разве народ этим совершает ошибку? А здесь говорят: нет, нельзя, это ошибка, нужно совершать хадж. Хадж – это одно, а поездка сюда – совсем другое. Совершающие хадж – исполняют важное дело, очень хорошо. Но и те, кто едет сюда, даже сомневающиеся в религии, возвращаются умиротворенными (*шул жирләргә барып, аның күңле йомшара*). А ведь это может послужить толчком к истинной вере. А здесь – нельзя, и все тут»¹³. Между прочим, по данным имам-мухтасиба, главного имам-хатыба мечети им. муфтия Абдулвахид Сулеймани Нижнего Новгорода М.Беюсова, в Иране, Пакистане существуют места, куда мусульмане отправляются для совершения своих национальных «псевдохаджей»¹⁴. О подобном явлении, но в Тунисе, рассказала Лима Кустобаева – художественный руководитель (1978–1998 гг.) Государственного ансамбля песни и пляски Республики Татарстан: «Первый Коран я привезла из Туниса еще в 1978 г. Там – город Кириан – это тунисская Мекка. Говорили, что там совершают свой хадж, но весь ритуал, якобы, надо совершать 7 раз, тогда это будет равнозначно совершению хаджа в Мекку»¹⁵.

Я, как этнограф, попыталась описать факты, явления народного быта татар последних лет, вернее «действие», «ритуал», который воспроизводится участниками этих событий. Попробуем их проанализировать.

В книге «Преодоление язычества» А.В.Полосин среди целей исполнения ритуала наряду с другими выделяет публичное признание (легитимизацию) своего нынешнего или нового статуса, а также морально-психологическое воодушевление участников. «Благодаря ритуалу достигается эмоциональный эффект символического вхождения его участников в минувшую или будущую реальность, условное единение с предыдущими поколениями»¹⁶. При этом, отмечает Полосин, благодаря наличию символических жестов и действий ритуал является носителем информации ... менее рациональной, чем книжная, но зато более образной и цельной, что для простых людей намного понятнее¹⁷. Будем иметь в виду и такой вывод исследователей: «Народные обряды, магические действия и их значения непрерывно движутся, изме-

¹⁰ Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством. – Казань, 2008. – С.124–125.

¹¹ Уразманова Р.К. Ислам и обрядовая система у татар // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. – Казань, 2006. – С.685–686.

¹² ПМА, 2008 г. С.20 (г.Лениногорск).

¹³ ПМА, 2008 г. С.16 (г.Альметьевск, мечеть «Зиннур»).

¹⁴ Газета «Медина ал-Ислам», дек. 2009 г., №10 (99).

¹⁵ ПМА, 2007 г. С.5 (г.Казань).

¹⁶ Полосин А.В. Преодоление язычества. Введение в философию монотеизма. – М.: Ладомир, 2001. – С.119.

¹⁷ Там же. – С.120.

няются, смешиваются, разрастаются в зависимости либо от социальной среды, либо от характеров отдельных лиц»¹⁸. Интересна в этом плане статья зам. муфтия ДУМ РТ В.Якупова «Язычество, которого не было». В ней он с сознанием дела утверждает, что сохранившиеся у народа верования, поговорки, легенды не являются «не исламскими», посещение могил упокоенных около этих гор – это рядовой суфийский обычай, вполне находящийся внутри исламских представлений, а никак не вне их¹⁹.

«Манипуляции с монетами (деньгами)» – явления и не новые, и не оригинальные (сугубо татарские) и связаны с суфизмом. Посвященных суфизму исследований (исторических, философских, этнографических, политологических и др.), истории его формирования, распространения, бытования, его значению в утверждении ислама, в том числе среди тюркских народов, достаточно много²⁰. Убедительны выводы исследователей о том, что давлению государственного атеизма и целенаправленной секуляризации советского времени успешней всего противостояли местные формы бытования ислама. В Узбекистане, например, (и не только. – Р.У.) своеобразные «материальные остатки» суфизма – мазары (некрополи), где захоронены крупнейшие суфийские лидеры, их последователи и другие (*аулия*) были теми «островками», на которых местные жители еще достаточно свободно могли исполнять свои традиционные обряды и обычаи (*зийарат*, *маулид* и др.)²¹.

Среди этих работ есть и те, где описываются ритуалы, действия, атрибуты. Это в основном историко-этнографические исследования, в которых, согласно установившейся в советское время традиции их интерпретация, как правило, сводится к отнесению этих действий, атрибутов к «доисламским» и «пережиткам язычества». Анализ же значимости для самих участников отсутствует. Но главное – дается описание конкретного явления бытовой культуры народа. Среди же атрибутов, как правило, фигурируют различные «подношения» в виде привязываемых платков, полотенец, ленточек, монет, пищи и т.д. Словом, наиболее «житейское», доступное для исполнения каждому.

Так, А.В.Сызранов отмечает «приношение даров, как правило, денег, ... закалывают жертвенных животных (баранов, уток и др.) и устраивают коллективную трапезу на ауля...»²². «Касимовские татары приходили на могилу муллы Хасана и оставляли на надгробном камне монеты. Татары-мишари с.Индерка Сосновоборского района Пензенской области до сих пор поклоняются святому Хазрят-бабакаю, на могиле которого принято оставлять монеты», пишет Ф.Л.Шарифуллина²³. Я сама не раз встречала оставленные деньги на могильных камнях отдельных «святых» во время этнографических экспедиций в районах Закавказья еще в 1970-е годы. В прошлом эти приношения забирали суфии, «смотрители гробниц (*астана караулче/караулце*), которые регулярно организовывали паломничества, поминания и ритуальные трапезы *астана ош* в память о погребенном святом»²⁴, при их отсутствии, по словам информаторов, убогие, сирые, «обделенные судьбой». Посещение могил «святых» было сакральным действием, поэтому и к «присвоению подношений» относились с осторожностью.

Круговые же обходы остатков колонны молельного зала древней мечети в Болгарах явление относительно новое, но так же не оригинальное. Компонентом ритуала паломничества

¹⁸ Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. – М., 1971. – С.179.

¹⁹ Якупов Валиулла-хазрат. «Язычество, которого не было» // Звезда Поволжья. 29/XII 2005 – 13/I 2006 г.

²⁰ Библиографию этих работ см.: Абашин С.Н., Бобровников В.О. Соблазны культа святых (вместо предисловия) // Подвижники Ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / Сост. С.Н.Абашин, В.О.Бобровников. – М., 2003. – С.3–17; Сызранов А.В. Святые места мусульман Астраханского края. – Астрахань: Издат. дом «Астраханский универ.», 2006. – С.3–6 и др.

²¹ Бабаджанов Б. Возрождение деятельности суфийских групп в Узбекистане // Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования). Сборник статей памяти Фритца Майера. – СПб., 2001. – С.332; Домусульманские верования и обряды в Седней Азии. – М.: Наука, 1975 и др.

²² Сызранов А.В. Указ. раб. – С.21.

²³ Шарифуллина Ф.Л. Культ предков у волго-уральских татар // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. I. – Казань, 2007. – С.98.

²⁴ Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Тюрмитякская астана (к изучению культа святых в Сибирском исламе) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIV. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН., 2008. – С.367.

к мусульманским святым, как отмечает А.В.Сызранов, является «молитва у гробницы святого, которой нередко предшествуют *круговые обходы* (выделено мной. – Р.У.) вокруг святылища – имитация обхода паломниками Каабы в Мекке во время хаджа (обряд *таваф*)²⁵.

Наблюдения, опрос посетителей «Булгарского джиена», свидетельствует о том, что «монеты», и даже круговые обходы, другие действия для большинства участников являются лишь элементами ритуала, главным образом *символом посещения, актом морально-психологического воодушевления участников, дающим эмоциональное удовлетворение от содеянного*. Исчезла сакральность и мест, и действий, но сохраняется потребность в воспроизведении определенных действий, атрибутов.

Обвинять же исполняющих эти действия в идолопоклонстве, язычестве, как это практикуют некоторые имамы, представители «образованного духовенства»²⁶, у меня исследователя-этнографа, ни по непосредственным наблюдениям, ни по опросам, беседам с исполняющими их нет никаких оснований. По крайней мере, исполняющие эти действия осознанно делают это с именем Аллаха, произнося знакомые им молитвы (суры из Корана).

²⁵ Сызранов А.В. Указ. раб. – С.21.

²⁶ Появилась еще одна «богословская работа» недавнего ливанца, а ныне российского подданного Камали Эль Занта «Расскажи мне о вере», приписывающая современным татарам очередную небылицу. Как отмечает Фарид хазрат Салман, оказывается, «мы совершаем Хадж в Булгары, у нас есть какой-то особый «святой» Хыдр Ильяс, который выходит из могилы (!) и помогает тем, кто у него что-то просит... В общем, мы неправильные, и ислам у татар не тот». – См. Фарид хазрат Салман. Будущее татарского ислама // Конфессиональный фактор в развитии татар: концептуальные исследования. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. – С.200.

THE SABIRI > SAVIRS ~ SUWARS, THE OGURIC-BULGAR > ONOGURS

Albina Khairullina-Valieva

The Royal Institute of Bulgaria

Following below are quotations from the works of several historians who have researched the origin of the Sabiri > Savirs ~ Suwars. They identify the Sabirs as descending from the Hsien-Pi, mentioned in the Chinese Chronicles, and consider that from their ethnic name originated the toponym Siberia.

In the European historic sources under a double name are often mentioned Huns Sabirs or Sabir Huns (*The Cambridge History of Early Inner Asia*, p. 200, edited by Professor Denis Sinor. Cambridge University Press, 1999).

The East Roman historian Procopius of Caesarea (wrote during the middle of the 6th century of the C.E.) speaks of the «*Huns who bear the name Sabeiri*» (*History of the Wars*, book II, xxix. 14–19, p. 533).

Professor C.E. Bosworth in co-authorship with Sir Gerard Clauson present in their research *Al-Xwarazmi on the Peoples of Central Asia* the following thesis: «...*There is no doubt that the names Hsiung-nu and Hun are identical and that there is evidence a section of the Suwar(s) had been driven by them in Fergana (ancient Sogdiana) and from there the Suwar(s) migrated to the middle Volga, where there were undoubtedly Suwar(s) in the 10th century. These Suwar are associated with the Bulgar by the Arab geographer Istaxri in his «Kitab masalik al-mamalik» (written ca. 951), and by the anonymous author of the «Hudud al-Alam», 30 years later. Eventually the cities Suwar and Bulgar became populous and flourishing towns lying to the south of the later Kazan (in Idel Bulgar)...».*

The Suwar (mentioned by Kasgari, I, 30 and elsewhere); the Saviroi~Sabeiri of the Byzantine chronicles, and the tribe which the Chinese called the Hsien-pei, are all the SAME...».

Professor D-r Mirfatikh Zakiyev, in his monumental work *The Origin of Turks and Tatars* (published in Kazan, Tatarstan, 2003) gives important data of ancient sources, which are summarized here: «*The name SIBIR historically originates of the Turkic ethnonym SUBAR/SUAR /SABIR/SIBIR. The very ancient people who are known with this name in the IV–III millennium B.C.E. inhabited Inner Asia and the peoples whose name is derived out of theirs' – the Khuar and the Azy, namely the Khuar-azy, lived in Central Asia in the II millennium B.C.E. Eventually the Suvari~Sabiri and the Khuorazy reached the shores of the Caspian Sea, and from there sailed upstream the rivers Ural – Miass – Tobol – Irtish – Ob' to the shores of the Arctic Ocean».*

In the article *Sibir*, published in the Encyclopaedia of Islam, Professor Peter Golden states: «... (the name) *Sabir (Säbir) – cf. the Suwar in Volga Bulgaria – in turn, has been derived from the name Hsien-pi (*siem-bi), a Proto-Mongolian tribal confederation of Inner Asia which overcame the Hsiung-nu for control of Mongolia in the 2nd century A.D... Sibir was an important link in the trans-Siberian commerce with the forests of the north so important to the fur trade...».*

Professor Omeljan Pritsak in *From the Säbirs to the Hungarian*, mentions: «...*Around 150 A.D. the Hsien-pi/Säbirs/Sabart-oi gained victory over the Hsiung-nu, but during the third century they themselves had to find safety in a migration to the West which brought them to the basin of the rivers Ob' and Irtish (where the Finno-Ugric Mansi/Voguls and Khanti/Ostyaks live until now). They, the Hsien-pi, stayed there long enough to give the territory their own name: SIBERIA, and to enter a symbiosis with the local population, their subjects, so that in the future migrations they took them along. This is the solution of the mystery that the Hungarians of today speak not a Turkic or Mongol language, but a language with the closest ties to the Siberian Mansi and Khanti.*

According to the Chinese Annals the main Hsien-pi dynasty which in 319–409, had hegemony among the «barbarians» was called MU-JUNG. A branch of that dynasty, being one of the tribes of the brother-in-law, played a very important role in the Chinese Empire of T'o-pa Wei...The Byzantine writer Rhetor Priscus noted ca. 460, in connection with the rise of the T'o-pa (Tabhach) power in China and in the Steppes, that the Säbir/Hsien-pi had to move again. Their next stop was the Oka

basin, and here again they gave the territory their name; but this time that of their ruling clan: Mu-jung or Mu-yü-kên [**Mâk-zio-kan = Mâgch-ger~Meshcher~Megher*] – (author's note: the Mu-jung dynasty is the main Hsien-pi dynasty [ruled North-Western China from 319–409]. It is also the dynasty of Attila's eponymous father Munjug, given in the sources with a metathesis of the sound «n» of Mujung>Munjug).

...The territory of Meshcher was situated close to the Volga-Bulgarian realm. From the available scarce topographical data, we know that 5 km. from where the river Kama flows into the Volga, there was an important Bulgarian centre which the Laurentian chronicle of 1220, named Oshel (<Ashgel) [for Ashgel~Esgil~Isgil see below].

...A symbiosis between the ruling clan of the Altaic linguistic stock – the fugitive Hsien-pi = Sâbir and the local population of Finno-Ugric linguistic family came into being (of the ancestors of today's Mansi/Vogul and Khanti/Ostyaks)...». (From the *Sâbirs to the Hungarians* was published in 'Hungaro-Turcica' – *Studies in honour of Julius Németh*, pp. 17–30, and printed in Great Britain in 1976).

Above quotations are summarized, bringing into focus additional information relevant to the present research:

Parts of the Hsien-pi and Wu-Huan, whose ancient trading in precious furs is already mentioned, became also known in the early ages by the name of Sibir~Suwar. In their migration to the West, whether described as legend and/or in written sources, is shown that there were two branches of this people. In their dislocation they followed two ancient trade routes. The first one – the trade route of the caravans described by Herodotus – eventually brought part of the Sibirs~ Suwars to the territories west of the Yaic (Ural) mountain range and the river valleys of Kama and Volga. [In his research *An Introduction to the History of the Turkic Peoples*, Professor P. Golden conjectures on p. 255, as follows: «...It is quite possible that the migration to the Middle Volga zone of some groups, such as the SUWAR/SĀWĀR/SAVIR, antedated the arrival of the Bulgars...»].

A second branch followed a southern trade route, identified as the Silk Road. Bypassing Fergana (the ancient Sogdiana) they reached the shores of the Caspian Sea, where their history is connected to the history of the Onogurs – an Oguric-Bulgar people, who were led by the Royal Clan of the Onnogundur.

In their migration to the West the Sabirs~Suwars maintained their tradition of hunters and trappers inherited since the time of their ancestors the Hsien-pi.

In a legend, from the time of their migrations preserved in the memories of the Idel (Volga) Bulgars, is found an association of fur hunting and trapping with the very origins of Bulgar as a state as well as a name of a town.

Broadly given it narrates a hunt which the ancestor of the Sabirs undertook, bringing him to the frontier of what became their new state. There he saw lands with a splendid climate and blooming fields. His two sons selected territories for each other and built there all kind of buildings giving them their respective names – Bulgar and Burtas. They hunted fox, sable, and squirrel, and made clothing for themselves and for trading (cf. Grekov and Kalinin, *Bulgarskoe gosudarstvo*, p. 108).

In a historical work, the *Tarikh Nama-yi Bulgar* (*Bulgar Historical Codex*, – authorship of Taj-Ad-Din Yalchighul Oghli), containing ancient traditions on p. 102, is mentioned the following:

«...Tuqi Khan, who came from China conquered (the territory of) Bulgar...» (See chapter four, pp. 92–122, of *Islamic Historiography and 'Bulgar' Identity among the Tatars and Bashkirs of Russia*», by Prof. Allen J. Frank). «Came from China» is associated with those Sabirs who under the name of Hsien-pi (Sien-Pi) had stayed behind in their dwelling places during the T'o-pa Wei dynasty and later migrated to the West. This dynasty is also linked to the Hsien-pi conquest of North West Chinese territories which began in 285, and ended in 557, of the C.E.

The date of Khan Tuqi's death is given as 630 C.E. His reign should be placed in the years after 557 C.E. – the end of the rule of the T'o-Wei dynasty, an event which occasioned the migration to the West of considerable populations.

In the text following the description of Khan Tuqi's reign is mentioned that the activities of his people was concentrated mainly in hunting, trapping and trading in precious furs.

In the sixth century C.E., SAVIR presence in Eastern Europe brought them in OGUR lands and reinforced their mutual symbiotic fur commercial tradition. This tradition should be extended to include their mode of life and the intermingling of their cultures. Such symbiosis would result in their becoming the middlemen between the Finno-Ugric providers of precious furs, and their clients such as those in the East, namely Transcaucasia, Central Asia, China, and those in the West – Danube Bulgaria, Eastern Roman Empire (Byzantium) and Central Europe.

Presence of part of the Savirs in Eastern Europe is attested by the Gothic historian Jordanes, who wrote ca. the middle of the sixth century C.E. In his work *Getica* he states: «...above the sea of Pontus (a.n.: the northern shores of the Black Sea) are the abodes of the Bulgars, well known from the disasters our neglect has brought upon us. From this region these Huns, like a fruitful root of bravest races, sprouted into two hordes of people. Some of these are called Altziagiri, others Sabiri; and they have different dwelling places. The Altziagiri are near Cherson (a.n.: on the western Crimean peninsula), where the avaricious traders bring in their goods of Asia [a.n.: the Altziagiri are the Western branch of the Bulgars – cf. *The world of the Huns*, by Prof. O.J. Maenhen-Helfen, p. 433]... Now the Hunuguri are known to us from the fact that they trade in marten skins...» (*The Gothic History of Jordanes*, English version with an introduction and commentary by Charles C. Mierow, Ph.D., Cambridge & Princeton, 1915).

Professor Maenhen-Helfen commented on this text as follows: «...Jordanes' Bulgars and Huns in this chapter of the *Getica* are but two names of the same people...Saviri and Hunuguri (~Onoguri) too, denote in Jordanes one and only one people...Jordanes' mention of the two people is quite understandable...the Onogurs (~Hunuguri) were the closest neighbours of the Sabirs. They lived north of the Caucasus, on the eastern shores of the Black Sea, in the Kuban area...» (ibid. p. 432, and note 492).

Jordanes' Savirs~Suwars, are the second branch who followed the second trade route, namely the Silk Road, bypassing Fergana to reach the shores of the Caspian Sea, where their history is connected to the history of the Onogurs – an Oguric-Bulgar people, who were led by the Royal clan of the Onnogundur .

Since the first century C.E. the affinity of these peoples in Western Siberia and further west is described by Professor Peter Golden: «...More nomads entered into Western Siberia in the first century A.D. They were largely OGUR tribes, DEEPLY INTERESTED IN THE FUR TRADE...When they first appear in our sources (authors note: i.e. of European and of Persian origin) the OGURS occupied the Western Siberia and Khazakh steppes. Their language was sufficiently distinct from common 'Turkic'. Influence through loanwords taken from their language can be seen in the language of the Finno-Ugrian peoples. The language of the (present day) Chuvash is the only living survivor of the Ogur (a.n.: the present Chuvash Autonomous Republic in the Russian Federation is the western neighbour of Tatarstan, both being the successors of Idel [Volga] Bulgar). The economic structure of OGURIC society and hence attendant modes of cultural expressions are different from those of most of the Turkic nomads. Great emphasis came to be places on agriculture, urban development and generally more pacific pursuits. Also the rich potential of the FUR TRADE which elements of the OGURIC BULGARS exploited may have influenced the development of their society... THE FUR TRADE was especially well-developed. The OGUR BULGARS maintained a virtual monopoly over the trade with the Northern FINNO-UGRIAN PEOPLES, the Wisu and Yura, from whom furs were obtained, as mentioned in the Arabic sources...». (See pages, above; see also *The Cambridge History of Early Inner Asia*, chapter 'The Peoples of [what is now] the Russian Forest Belt', pp. 228–255).

In the northern territories west of the Yaik (Ural) mountains the Finno-Ugrians were exposed to the Hsien-Pi – Suwar influence, namely those migrants who had come from the vicinity of China by way of the north-east Caravan Route. Those influences affected, to some extent, their language and there were borrowings of commonly used words. On the other hand Hsien-Pi – Suwar language acquired Finno-Ugric loan words. In this way both peoples became culturally compatible. This intermingling gave the rise of the rich *Biarmian* culture which flourished from the 8th to the 13th centuries in the territories south of the Arctic Ocean where the estuary of Northern Dvina River empties its waters in the White Sea, a region east of Finland's Karelia. Modern historians consider that the wealth of the *Biarmians* was due to their profitable trade along the Dvina, the Kama, and the Idel

(Volga) rivers to Bulgar where they exchanged their merchandise of precious furs and walrus tusks with traders from all over Eastern and Western Eurasia. The wealth of the *Biarmian* culture, however, should also be attributed to the organizational and long standing experience in fur trading of the Hsien-Pi, Wu-Huan > Sabir~Suwar migrants who developed the Northern regions of the *Biarmian*, heretofore sparsely, populated lands.

THE OGORIC-BULGAR > ONOGURS

It should be emphasized that the Oguric culture in Europe evolved mainly through the blending of the three principal Bulgar branches: Firstly, the branch Esgil~Isgil, who preserved more of the Hsiung-nu ethnological and organizational traditions since the time of their presence in the ancient original homeland in the Tarim Basin of Inner Asia.

Secondly, the Barsula~Barsil branch, whose «*Horse Culture*», evolved around the territories of Lake Barskol~Barsköl (the meaning of this name signifying 'the lake (kul~kül)' of a centre Asiatic feline ('bars') similar to the leopard. [Out of the term «*Bars*» is derived the Oguric-Bulgar anthroponym Baris~Boris]). The area circumscribing Barskol~Barsköl, at the easternmost part of Tarim Basin, was a very appropriate breeding ground for horses and the Oguric Barsula~Barsil people had the economic advantage to raise horses for sale as well as for selling products manufacture out of their hides – sought for very much during this epoch.

Thirdly, is the branch incorporated in the Oguric Bulgar culture namely the Sabir~Suwar. Their enormous experience of hunting and trapping of precious furbearing animals sprang out of their long-standing association and parentage with the Hsien-Pi & Wu-Huan culture. They became the economic backbone of the European Bulgar Oguric Community's prosperity.

The historic evolution of these three Oguric-Bulgar branches, though fascinating as it is, does not take part of the present research.

Following in the footsteps of their forefathers the Hsiung-Nu the Oguric Bulgars strived to be the intermediaries in the precious fur trade in Europe. They established important trading markets in their cities Aga Bazar, Suwar and Bulgar. By ingenious means they actually monopolized the trade of these furs which originated in the territories of fur bearing animals of the Finno-Ugric peoples. Especially should be mentioned those known by the names Wisu and Yura, who are considered the forefathers respectively of the present day Estonians and the Mansi & Khanty.

To control trade in general and fur trade in particular the Oguric Bulgars maintained emporiums «*bazars*» on the major North-south, East-west routes. Aga Bazar, Bulgar and Suwar are already mentioned above. These cities were sitting astride the Idel (Volga) trade routes.

ХЛЕБ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

М.Х. Хаджиева

Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д.Алиева, г. Карачаевск

В данной статье рассматриваются традиционные мучные блюда и продукты тюркоязычных карачаевцев и балкарцев, что, как представляется, может позволить лучше понять особенности этнической истории того или иного народа и проследить систему этнокультурных контактов, как внутри «мира тюрков», так и между тюркским и иноэтничным населением.

Карачаево-балкарцы – народ с древнейшими традициями земледелия. Неудивительно, что здесь отмечается необычайное разнообразие блюд из злаковых, несмотря на то, что высевают только ячмень, овес, пшеница и просо, культивируемые с древности. Из указанных выше зерновых наиболее поздняя по времени появления кукуруза: она начала проникать в XVIII в. из Западной Грузии.

Хлеб в Карачае и Балкарии пекли из разных видов муки (пшеничной, ячменной, ржаной, просяной и кукурузной) в соответствии с тем какие зерновые росли в данном регионе, и что приобреталось у соседних народов.

Пресный хлеб и лепешки были повседневной пищей карачаево-балкарцев, изделия из сдобного теста – хычин, берек, тишмек, гьырджин, локум подавали как в будни, так и на ритуальные мероприятия.

Из проса выпекали хлеб – «гьырджин», хрупкий и рассыпчатый его подавали в виде шутки зятю, впервые посетившему дом родственников жены. Но самым распространенным и любимым в исследуемый период был хлеб из кукурузной муки – питательный, долго сохраняющий свои вкусовые качества продукт.

Как в Карачае, так и в Балкарии готовили хычины (пироги) с различными начинками мясной (эт хычин), сырной (бышлак хычин), творожной (ачъыган бышлак хычин), картофельной (гардош хычин), свекольной (ботва), (чюгюндюр хычин), щавелевой (къозу къулак), крапивной (умурса), из мяса птицы с сухофруктами, рисом и медом, а у балкарцев и тыквенной (хияр). Мега хычинным изделием, является кърым хычин – многослойный пирог, который выпекали на свадебное мероприятие, его вместе с другими продуктовыми подарками «сый» отправляли родителям невесты. Готовили из особого сорта мяса птицы так называемого «крымского», отсюда и название «крым-хычин».

Изготовление хычинов в Балкарии и Карачае схоже, но есть небольшие различия. Карачаевцы чаще готовят из дрожжевого теста, балкарцы из пресного, а также в толщине изделия и методе выпечки. Из всех видов пирогов самым популярным был и остается мясной, что объясняется большим количеством скота. «В 1909 г., например, в одном только Карачае насчитывалось 125027 голов рогатого скота и 497 471 – овец и коз при численности населения 30 тыс. человек»¹. Для начинки использовали мясо крупного рогатого скота, овец, диких животных – туров, косуль, серн; птиц – индеек, кур и «даже из мяса дикой индейки (джумарыкъ таук)».

Карачаевцы и балкарцы выпекали также ритуальный хлеб, пироги, печенья в форме полумесяца, круга, которые, без сомнения, несли особую смысловую нагрузку и были конкретным выражением верований астрального толка. В этом убеждает не только форма хлебов, но и сам дух земледельческого праздника, где символ солнца и луны неизбежен. Начало пахоты отмечали пышным застольем, играми, гаданиями. Ритуальным блюдом, выпекаемым к этому празднику, был «Хачауман хычин» – с ямочкой в виде креста посередине, его готовили в честь Золотого Хардара. Хач – в переводе с карачаевского «кач» почет, честь и одновременно крест. «Ман – мен», с тюркского означает «я» или «человек». Хычин изначально пекли в честь бога Тейри, он олицетворял собой мироздание, а вырез в середине хычина и крест в круге, являлся символом солнца, круговорота и непрерывности жизни на земле. Со сменой религиозных воззрений, от язычества к христианству, обратно к язычеству и далее к исламу, хычин и берек благополучно переходили в качестве обязательной ритуальной пищи. По нашим полевым данным, «Тыпчынай хычин» выпекали осенью, перед началом косовицы. Размером он был больше, чем другие хычины, с начинкой из свежих листьев крапивы, сыра, яиц и небольшого количества внутреннего жира для усиления и обогащения вкусовой палитры. В

этот же период в честь стригалей пекли «Къыркъар хычин» с большим количеством мяса, жира. Он получался невероятно ароматным и вкусным. В честь жнецов, для поддержания их физических и моральных сил, а также для умиловления сил природы выпекали «Орак хычин» из муки различных злаковых – ячменя, пшеницы, ржи, кукурузы, с начинкой из сыра, творога, сметаны и большого количества масла. Орак это серп, первые сжатые им колосья и шли на выпечку этого обрядового пирога – «хычина». В честь сбора плодово-овощных и ягодных культур выпекали хычины с овощной, плодовой и ягодной начинкой: «Хыяр хычин», «Кегет хычин», «Зюдюр хычин» и т.д. Муку для изготовления хычина использовали ячменную и пшеничную, которая и вытеснила ячмень. Для всех видов хычинов в исследуемый период использовали пшеницу. Первостепенное место занимал мясной хычин «эт хычин», отдельной статьей, вершиной кулинарного хычинного искусства считался «кърым хычин». Сложный в приготовлении, недоступный по количеству ингредиентов бедным слоям населения, готовился на ритуальное свадебное мероприятие. Приготовление «кърым хычин» зафиксировано только в Карачае и в селениях Баксанского общества Балкарии.

Форма круга наиболее древняя, она наличествует во всех изделиях каменных, костяных, деревянных, медных, бронзовых, железных, войлочных, тканевых и конечно изделиях из теста. Древние турки говорили: «Идти в даль, значит, возвращаться назад» и рисовали, вышивали, вырезали различные изделия в форме круга, пекли хычины, гырджини. Форма круга наблюдалась не только в производстве хычинов и хлеба, но и в орнаментах войлоков, украшениях конской упряжи, платках и даже в оградках грунтовых погребений. Пироги, называемые «басила» – «башила берекле», имели форму полумесяца, что свидетельствует о культе луны, а круглые говорят о столь же древней солярной символике. Помимо хычинов, гырджини и береков карачаевцы и балкарцы выпекали целый ряд изделий из пшеничной, ячменной, ржаной муки, берекле (пирожки лунарной формы) с различной начинкой, локумы, тишкеки, чыкырты (кусочки различной конфигурации теста обжаренного в жире). Локумы пекли различной формы: «терткюл локъум» – в форме квадрата, «ючкюл локъум» – треугольной формы, «узун локъум» – прямоугольной формы, «хыбырт локъум» – хрустящий, «той – локъум» – свадебный локум. К праздникам пекли фигурные хлеба – «локум», «гюттю», в виде птичек – «чыпчыкь локум», звезды – «джулдуз локум», креста – «къач локум», ромба – «мет локум», треугольника – «терткюл локъум», «гумай гюттю» – в форме ворона, «къарч гюттю» – в форме звезды, «артхы гюттю» – в форме четырехугольника с кругом посередине, в форме бараньей лопатки «къалакь локум».

«Одни из них принимали изображения божеств или почитаемых предметов, другие являлись как бы заменой жертвенных отношений и, третьи, изображали людей, животных и различные предметы, с целью обеспечить благополучие, счастье или обилие изображаемых объектов»².

В кошевых условиях готовили специальные хлеба «малчы гырджин», определенного диаметра – 6–7 см, по горскому этикету каждому полагалось по два чурека. По нашим полевым данным, в конце XIX века на одном из кошей Карачая произошел комичный случай, связанный с размерами гырджина. Оставшийся для приготовления пищи один из членов кошевого товарищества, для себя приготовил «малчы гырджин» (гырджин скотовода) гигантских размеров, сев за стол, он с удовольствием заметил в ответ на недоуменные взгляды присутствующих: «Мени насыбым, бир игиди!» (Меня всегда сопровождает удача!). Удачливого повара пристыдили и более такие случаи в этом товариществе не повторялись.

С конца XIX века в хозяйстве карачаевского балкарского народа большее распространение получает пшеница (будай), которая культивировалась еще «в первой половине XVIII в. наравне с ячменем»³. С XIX века в рацион питания входит русский пшеничный хлеб на дрожжевой закваске.

По технологии изготовления наиболее простым можно считать приготовление блюд путем обжаривания или варки муки на масле, на молоке, на воде. Сюда же можно отнести разнообразных каш, которые готовили из ячневой, ржаной, пшеничной, овсяной муки. Пшеничную (той), кукурузную (нартюг) и рисовую (пириньч) крупы использовали для приготовления каш (баста). И.М. Мизиев отмечает: «Балкарцы и карачаевцы употребляли в пищу и круто заваренную кашу (баста), которая при остывании легко разрезалась на доли и легко заменяла хлеб к мясным блюдам»⁴. Готовят баста и соседние народы: у адыгов⁵ баста – паста из проса или кукурузы являлась основным блюдом, заменяющим хлеб, также и у абазин⁶, ногайцев Дагестана⁷, даргинцев⁸.

Баста ели с мясомолочными продуктами: айраном, тузлуком, сметаной, сливками, колбасой (къымой), с сушеным мясом (къакъ эт)⁹. На свадебных церемониях невесте обязательно подавалась рисовая баста с сотовым медом. Как отмечал К.М.Текеев баста «с сотовым медом подавали, как сакральную пищу, невесте в первые дни ее пребывания в доме мужа»¹⁰, а также при рождении ребенка рисовую баста подавали с маслом, сухофруктами и медом, украшенное клубничным, земляничным или малиновым вареньем, эта пища несла определенную сакральную нагрузку.

Сегодня пшениный (тюй) баста не употребляют ни в Балкарии, ни в Карачае, рисовый баста обязательно готовят на поминальные мероприятия и при рождении ребенка, в обыденные дни баста едят со сметаной и айраном, с подливой из баранины, говядины и птицы. Использование каш в ритуальных целях не случайно. Исследователи считают, что каша является предшественницей хлеба в еде и в обрядах¹¹. Разновидностью каши была густая каша – как (мамалыга), из ячменной, кукурузной и реже просяной муки. Мамалыга – распространенная еда у многих народов Кавказа. Так, например, абазины называли мамалыгу – баста¹², адыги – мамрыс¹³, грузины – гоми¹⁴. И сегодня, человеку, который ничего не ест из предложенного, говорят: «Не ат джаубла тары как мы джетмеймиди?» (Тебе только конского масла и просяной мамалыги не хватает?). Мамалыгу готовят и едят практически все народы Северного Кавказа. Мамалыга – пища быстрого приготовления, которую никогда не подавали на стол гостям, это еда, приготовленная наспех на утренний завтрак для членов семьи.

Вкусным и быстрым в приготовлении было блюдо, называемое мерезе – разновидность кукурузной, ячменной или манной каши с большим количеством свежего сыра и масла. Это блюдо под названиями «эларджи» и «чемква» встречается у мегрелов¹⁵.

По форме обработки продуктов и по технологии приготовления среди зерновых наиболее простым считается употребление зерна пшеницы в колосьях, прожаренное в золе или на каменной плите – попкорн – (къуурмач). К наиболее архаическим способам употребления зерновых продуктов относится и другое блюдо – джирна, в котором зерновые продукты употребляются в чистом виде в широком ассортименте. Из зерна готовили ритуальную полужидкую пищу джирна – каша из зерен различных злаков. Приготовление джирна было обязательным при прорезывании зубов у младенца, а также готовили ритуальный мусульманский ашура-джирна, на бульоне из вяленой баранины и нескольких сортов зерновых и бобовых: риса, пшени, кукурузы, ячменя, пшеницы, фасоли.

На обрядовых языческих церемониях варили ритуальную из семи, девяти злаков кашу «геже». Густой ритуальный суп или жидкая ритуальная каша из семи видов злаковых и бобовых, соли, воды – геже, которая у других тюркских народов известна как кочо, ее готовили перед выходом на весенне-полевые работы и при устройстве больших празднеств. Геже по своему составу напоминало древнегреческую «панспермию» («всезерние») – блюдо из основных бобовых и зерен всех злаков. У многих горцев оно готовилось из семи разновидностей (с. Акуша), у лакцев сел. Вихли – из девяти, аварцы тоже его готовили из всех разновидностей злаков. К разновидности полужидкая каша, полусупов можно отнести и блюдо из крупы крупного помола, приготовленной на ручных жерновах. Подобные каши варились на бульоне сушеного мяса. Оно, видимо, восходит ко времени перехода к вареной пище, в чем нас убеждают простота его приготовления и место в древних языческих обрядах. Употребление в пищу зерновых культур в XIII–XVIII вв. подтверждается множеством находок: примитивных зернотерок, жерновов, ручных каменных мельниц, каменных ступ и пестов, найденных на поселениях этого времени¹⁶. Эти два блюда (жареное и вареное зерно), по всей вероятности, возникли еще до появления зернотерок для размола и растирания зерна. Также к жидким блюдам относятся: «биялмукъ» – похлебка из ячменной, а позднее пшеничной муки и пшениный суп – «тюй хантус», заправленные сливками, маслом, сыром или айраном. Эти блюда ели при простудных заболеваниях и желудочно-кишечных расстройствах. Наиболее простым по технологии приготовления является блюдо из муки прожаренных зерен, которое многие исследователи условно называют толокном¹⁷.

Толокно (куут) – мука из прожаренных зерен, до появления кукурузы, приготавливалась из ячменя – арпа-куут. По сведениям К.М.Текеева «...в большом количестве на къуут шла кукуруза в селении Джегута. Джегутинцы завозили на учкуланский рынок готовый куут, который не только продавали, но и широко обменивали на скот, овец и т.д.»¹⁸. Толокно из ячменного и кукурузного зерна полезно при заболеваниях сердечно-сосудистой системы и пе-

чени. Толокно заправляли маслом, сметаной, сливками, айраном, и медом. Куут является древнейшим и традиционным блюдом всех тюркоязычных народов, легким в приготовлении, незаменимым в путешествиях и военных походах, кошевых условиях, а также очень вкусным и питательным.

Более сложным способом приготовления является варка обработанного зерна или муки, куда можно отнести многочисленные формы блюд: хатлама, хинкел всех разновидностей, лапшевидные изделия и т.д. Распространенным жидким блюдом является и хинкел шорпа, на основе мясного бульона с кусочками пресного пшеничного теста, разделанного на квадраты¹⁹.

Карачаево-балкарский хинкел по своему приготовлению более близок к кумыкскому²⁰. Хинкел является блюдом поминального стола у многих народов Северного Кавказа. Повсеместно это блюдо встречается под одним и тем же названием, но технология приготовления и составляющие компоненты данного блюда у разных народов отличается. Например, у лезгин встречаются три разновидности хинкалов: «хинкIэл» готовится с добавлением мяса, для «хурма хинкIэл» тесто готовится в форме длинной змейки и «дутьшпаре» или «пичIекар»-хинкал из мяса, творога, вишни, свежей зелени и т.д.²¹ Несколько разновидностей хинкалов встречается и у даргинцев: «хинкIле» – хинкал с мясом и без мяса, для «торг хинкIе» и «шат хинкIе» – хинкал с лапшой, разрезанной в форме трубочек²². «ХьынкIэль» у адыгов готовят «на основе кислого молока, с добавлением яиц, чеснока, соли с добавлением макаронных изделий или домашней лапши»²³. «Инкал» у ногайцев Дагестана и «хинкел» карачаевцев по технологии приготовления схожи с кумыкским: лапша варится в мясном бульоне, и отдельно к ней подают мясо и подливу из кислого молока с толченым чесноком²⁴. У андийцев и чеченцев в хинкал добавляется свежий сыр и сливочное масло, чего не наблюдается у карачаевцев, балкарцев, других народов Северного Кавказа.

«Из мучных изделий, – пишет И.М.Мизиев, – следует отметить и небольшие пресные лепешки из теста хатлама, которые варились в воде и подавались к жирному мясу и поджарке из бараньего жира и пр.»²⁵.

К мучным изделиям, сваренным в воде, можно отнести пельмени и вареники (суу берек) с мясом и творогом. Преобладали суу-берек с мясом над суу-берек с творогом, пельмени носили в некоторой степени, сакральный характер, поэтому готовились и готовятся и в современное время в ритуальных целях (маулут). Пельмени в России появились в то время, когда Россия входила в состав Чингизовой империи. Пресное тесто известно карачаевцам и балкарцам издавна. Для приготовления пельменей использовали пшеничную муку и большое количество яиц. Размер пельменей, приготовленных на ритуальные мероприятия, должен быть как можно более миниатюрный. Начинку пельменей топориком тщательно измельчают, а чтобы лук не скрипел на зубах, его хорошо растирают с солью и перцем. Подают пельмени с маслом, в небольших глубоких тарелках, посыпав измельченным зеленым луком, укропом.

Десертом, фигурирующим на многих праздниках календарного цикла, является халва – «халуа». Приготовление халвы требовало большого мастерства и сноровки. Не каждой хозяйке было известно искусство и тайны приготовления данного блюда. Карачаевцы и балкарцы изготавливали пять разновидностей халвы: «хурбай халуа», «гаккы халуа», «сахан халуа», «шекер халуа», «четен халуа», которые готовили на всевозможные мероприятия, каждый вид занимал свое место по шкале престижности. «Хурбай халуа» или «чаккан халуа», из всех видов халвы считалась самой престижной и обязательно выпекалась в специальных формочках из твердых сортов дерева, позднее появились железные покупные. «Хурбай халуа» выпекали строго определенное число, в силу того, что в этот период сахар был дефицитным и дорогим продуктом, доступным не всем слоям карачаевского общества. В рецепт входил сахар-рафинад (гырт шекер), топленое масло (кьайнаган джау), мука пшеничная, мед. Обязательно готовили этот вид халвы на праздничные мероприятия, в особенности на свадьбу и связанные с ней обряды. Второй вид халвы – гаккы халуа – более употребим и прост в приготовлении. Для приготовления этого сорта халвы использовали яйца, муку, молоко, сливки, сахар. Поминальный стол невозможен без наличия в большом количестве «гаккы халуа». Третий вид халвы – «сахан халуа», готовили из топленого масла, сахара, обжаренной в масле муки и меда. Из всех видов карачаево-балкарской халвы «сахан-халуа» была самая доступная, и ее готовили все слои населения. Четвертый вид халвы – «шекер халуа» (сахарная халва), появился позднее остальных, когда в достаточном количестве сахар появился в Карачае и Балкарии,

для ее производства использовали сахар-песок, муку, сметану. «В свадебном и похоронном обрядах «шекер халуа» не играл сколько-нибудь значительной роли». Пятый вид халвы «четен халуа» на сегодняшний день пользуется большим спросом и производится в большом количестве. Для ее приготовления используется мука высшего сорта, большое количество яиц, сахара, масла, меда, орехов, изюма. Халва была и остается любимым лакомством взрослых и детей, является обязательной принадлежностью ритуального стола.

Рассмотренные зерновые блюда в своей основе являются однотипными. Их объединяет степень первичной обработки зерна (зерно целое, сырое, жаренное, дробленое, молотое и т.д.), дающая соответствующий полуфабрикат для дальнейшего приготовления. Дробление зерна, видимо, было первой попыткой изменить его структуру, хотя с крупой было не так уж много блюд. Только получение муки позволило дальше развить народную кулинарию. Получению первой муки способствовало совмещение термического воздействия с механическим. Дробление жареных зерен в порошок, видимо, открыло возможность для изобретения и способов приготовления новых блюд.

Рассмотрение зерновой и растительной пищи карачаевцев и балкарцев свидетельствует о том, что она является для народа традиционной, а также позволяет говорить о высоком уровне хозяйства, выверенного веками жизни на Кавказе.

Литература

1. Щукин И.С. Материалы для изучения карачаевцев // Русский антропологический журнал. № 1–2. Из поездок по Верхней Кубани. – М., 1913. – С. 50.
2. Чурсин Г.Ф. Фигурные обрядовые печения у кавказских народов // Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. VI. – Л., 1930. – С. 19
3. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. – М., 1971. – С. 221.
4. Мизиев И.М. Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории. – Нальчик, 1981. – С. 87.
5. Пафова М.Ф. Традиционная кухня, блюда и напитки адыгов // Из традиционной этнографии народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1993. – С. 57.
6. Абазины. Историко-этнографический очерк. – Черкесск, 1989. – С. 114.
7. Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – нач. XX века. – М., 1976. – С. 200.
8. Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. – Махачкала, 1967. – С. 272.
9. Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин XIX – нач. XX века. – М., 1987. – С. 257.
10. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы. – М., 1989. – С. 304.
11. Арутюнов С.А., Сергеева Г.А., Кобычев В.П. Народы Кавказа. Кн. 4. Материальная культура. Пища и жилище. – М., 1995. – С. 18.
12. Русско-абазинский словарь. – М., 1964. – С. 114.
13. Русско-адыгейский словарь. – М., 1960. – С. 362.
14. Грузинско-русский словарь. – Тбилиси, 1967. – С. 356.
15. Сулаквелидзе Т. Грузинские блюда. – Тбилиси, 1959. – С. 212–213.
16. Мизиев И.М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XII–XVIII вв. – Нальчик: Нарт, 1991. – С. 68.
17. Мизиев И.М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XII–XVIII вв. – Нальчик: Нарт, 1991. – С. 65.
18. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы. – М., 1989. – С. 301.
19. Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин XIX – нач. XX века. – М., 1987. – С. 259.
20. Гаджиева С.Ш. Материальная культура кумыков. XIX–XX вв. – Махачкала, 1960. – С. 206.
21. Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. – М., 1961. – С. 55.
22. Мизиев И.М. Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории. – Нальчик, 1981. – С. 87.
23. Пафова М.Ф. Традиционная кухня, блюда и напитки адыгов // Из традиционной этнографии народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1993. – С. 61.
24. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы. – М., 1989. – С. 302.
25. Мизиев И.М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XII–XVIII вв. – Нальчик: Нарт, 1991. – С. 65.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ БОЛГАРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

П.М. Шульгин, О.Е. Штеле

*Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва, г. Москва*

Созданный в 1969 году Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник прошел период своего становления и в настоящее время сформировался как один из крупных и интересных музеев-заповедников на территории Российской Федерации. Историческое значение этого места, расположенные здесь уникальные объекты культурного наследия, а также накопленный опыт музейной и организационной работы позволяют поставить задачу дальнейшего развития Болгарского музея-заповедника и превращения его в один из ведущих музеев-заповедников России.

Разработанная в 2009 году специалистами Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва Концепция перспективного развития Болгарского музея-заповедника исходит из того, что потенциал историко-культурного наследия Болгара, как исторического центра принятия ислама на территории России, одного из древнейших городов Поволжья и интереснейшего по набору археологических, исторических и архитектурных объектов памятника, сравним с потенциалом ведущих объектов из списка Всемирного культурного наследия. **Развивающийся здесь музей-заповедник может и должен стать объектом мирового значения, по своим музейным и туристским возможностям не уступать лучшим музеям страны и мира, обеспечить высокую привлекательность для посетителей из различных регионов России и зарубежных государств.**

Для реализации этой цели необходимо решение следующих задач.

1. Учет и сохранение наследия на всем пространстве музея-заповедника и обеспечение грамотной организации территории, исходя из ее культурно-ландшафтного и функционального зонирования. Для этого намечается система дальнейшего изучения территории, включая как археологические, так и природоведческие исследования, работа с уже выявленными памятниками и выявление новых, научная реставрация и реконструкция изученных объектов (крепостные валы, жилые, производственные объекты на месте исторического города). Очень интересными и перспективными являются работы по изучению природного наследия этой территории. Здесь сохранились остатки ковыльной степи, небольшого леса (который может рассматриваться как аналог первичных лесов исторического болгарского времени), степные ландшафты и редкие виды растений.

В перспективе *вся территория музея-заповедника будет рассматриваться как единый культурно-ландшафтный комплекс*, как комплексный культурно-ландшафтный объект, который включает не только археологические и архитектурные памятники болгарского и золотоордынского периода, но и более поздние наслоения, связанные с существованием православного монастыря, сохранившейся исторической деревни, памятники природы, прибрежный волжский ландшафт. *Этот подход предполагает в перспективе номинирование территории Болгарского музея-заповедника как объекта Всемирного культурного наследия по номинации «культурный ландшафт»* (что более реально, чем включение в список Всемирного культурного наследия археологических и реконструированных памятников архитектуры древнего Болгара).

Территория музея-заповедника должна получить научно-обоснованное районирование на зоны массового посещения и охраняемые участки, места развития туристской инфраструктуры и другие функциональные зоны.

2. Формирование новейшего музейного комплекса. Современное музейное развитие не отвечает историческому потенциалу Болгара. Предполагается создание здесь системы музейных экспозиций, которые должны отвечать всем новейшим мировым тенденциям. *Наме-*

чается формирование музейного комплекса из нескольких экспозиционных пространств, продолжением которых будет маршрут по древним памятникам исторического городища (своего рода музей под открытым небом).

В структуре музейного комплекса предполагаются следующие объекты: главное музейное здание; экспозиция у причала для информирования посетителей, прибывших водным путем; этнографический музей с показом традиционного быта, с ремесленными мастерскими, объектами традиционной кухни и другими этнографическими достопримечательностями. Необходимо музеефицировать сохранившиеся архитектурные памятники, небольшой участок древних валов, археологический раскоп (как самостоятельный и очень интересный объект показа). Музейные экспозиции и не должны нарушать исторического ландшафта, поэтому намечается остекление ряда объектов, использование подземного пространства с музеефикацией археологических объектов (как в ведущих археологических музеях мира).

Важную роль играет создание в перспективе филиалов музея-заповедника вблизи исторического Болгара. Два подобных филиала уже существуют – это краеведческий музей в Болгаре, содержащий информацию по уездному Спасску, а также археологический памятник городище Сувар, находящееся в 60 км от Болгара. На пути от Болгара в Сувар находятся еще ряд интересных объектов. Прежде всего, это село Антоновка (бывшая Бездна), которая известна крестьянскими волнениями, произошедшими здесь в 1861 г. и связанными с отменой крепостного права. На базе хорошо сохранившегося усадебного комплекса (главный дом с флигелями, церковь, пруды, старинный парк) здесь может быть организован чрезвычайно интересный музей усадебного быта. В окружении Болгара также представляет интерес село Три Озера (место связанное с древней болгарской историей и сохранившее интересные архитектурные памятники), исторические памятники в Бугровке, Никольском. Интересным также будет посещение древнего Ага-базара (мыса на Волге, где в средние века осуществлялся интенсивный товарооборот и торговля). Посещение всех этих объектов не только позволяет задержать туристов на день, но и создает очень интересный дополнительный исторический и познавательный стимул для туристской поездки.

Еще одним интересным объектом для посещения является место, на котором стоял бывший уездный город Спасск (полузатопленный при создании Куйбышевского водохранилища). Поездка туда может быть дополнена посещением примерно такого же небольшого бывшего уездного города Тетюши, сохранившего на противоположном берегу Волги многие старинные здания, а также дополнена купанием на Волге, рыбалкой, отдыхом на природе.

Создание системы различных музеев позволит достаточно равномерно распределить посетителей по территории музея-заповедника и избежать чрезмерных нагрузок на отдельные объекты. Оно преследует также еще одну важную цель – формирование разнообразного туристского предложения, которое позволит посетителю задержаться в этом месте на несколько дней. Благодаря этому формируются предпосылки для более эффективной в экономическом смысле организации обслуживания, по сравнению с экскурсионным посещением на несколько часов.

3. Развитие музея-заповедника как одного из ведущих российских и в перспективе мировых туристских центров. Историческое значение Болгара и его выгодное экономико-географическое положение (волжский маршрут, надежная связь с Казанью) делают эту задачу выполнимой. Перспективное развитие получают различные формы культурно-познавательного туризма, паломнический туризм (включая ежегодный праздник – день принятия ислама), научный туризм.

Привлекательность собственно Болгара, его будущих филиалов, волжского речного пространства – все это *позволит в перспективе задержать туриста здесь на день и более, что обеспечит выгодные экономические предпосылки развития музея-заповедника.* Намечается создание современной туристской инфраструктуры: строительство нового причала для организации приема туристов, путешествующих на речных маршрутах; создание визит-центра, формирование разнообразной гостиничной сети, отвечающей потребностям как туристов, так и паломников.

Использование этого фонда размещения и туристской инфраструктуры должно обеспечить значительно увеличение посещаемости Болгарского музея-заповедника. Специальная програм-

ма намечается для обеспечения проведения ежегодного праздника принятия ислама и целевого посещения этого древнего места паломниками. Музей-заповедник будет развивать программы специализированного научного туризма, а также конгресс-туризма. Намечаемое повышение уровня доходности от туризма будет связано не только с увеличением общего количества посетителей, но и с повышением качества обслуживания, предоставлением различных видов дополнительных услуг, организацией экскурсий по индивидуальной программе и т.п.

4. Развитие музея-заповедника как центра дальнейшего социального и экономического развития окружающей территории. В Концепции развития музея-заповедника ставится следующая стратегическая задача: комплекс историко-культурного наследия – это особый и очень важный экономический ресурс, он может и должен стать основой особой отрасли специализации Спасского района, стать одним из перспективных направлений развития местной экономики.

Разнообразная деятельность музея-заповедника и связанное с ним развитие сферы туризма, различных обслуживающих учреждений и отраслей социальной инфраструктуры способны принести значимый *экономический эффект*. Общий эффект разрабатываемых мероприятий развития музея-заповедника позволяет говорить и о *высокой социальной отдаче и социальной эффективности*. Она связана, прежде всего, с развитием культуры и туризма, сохранением духовности, улучшением экологической ситуации и сохранением исторической ландшафтной среды, совершенствованием образования, экологического просвещения и пр.

Важное значение имеет также использование потенциала культурного и природного наследия Болгара для развития науки. Нормальная работа подразделений музея-заповедника невозможна без квалифицированных научных сотрудников. В связи с этим намечается сформировать *на базе Болгарского музея-заповедника Научный академический центр по изучению истории и культуры Волжской Болгарии* – как общероссийский научно-методический центр, координирующий исследования и оказывающий необходимую консультативную помощь всем российским регионам, на территории которых находятся объекты данного времени.

Намеченная стратегия развития Болгарского музея-заповедника позволит обеспечить решение следующих важных задач:

- сохранение уникального для Республики Татарстан и для России объекта культурного наследия, который в перспективе может войти в список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО;

- создание чрезвычайно интересного туристского комплекса на территории Республики Татарстан, повышение туристского и экономического значения Татарстана и Поволжья в целом;

- включение комплекса культурного и природного наследия исторического Булгара в систему общероссийских и международных туристских программ;

- развитие значимого общероссийского духовного центра мусульманских народов;

- создание научно-методического центра изучения истории и культуры Волжской Булгарии, центра экологического воспитания, развития краеведения;

- появление новых факторов социального и экономического развития территории Спасского района, формирование его особой культурной и туристской специализации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН – Acta archaeologica Academiae scientarum Hungariae. Budapest.
 АЕ – Archaeologiai Értesítő. Budapest.
 АЕМА – Archivum Eurasiae Medii Aevi
 ВАР – British Archaeological Recording
 АИА – Рукописный архив Института археологии РАН
 АМВ – Acta musei varnansis. Varna
 АГОИАМЗ – Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник
 АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
 АО – Археологические открытия
 АОР – Археологически открытия и разкопки. София.
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.
 БАН – Болгарская Академия наук
 БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
 ВДИ – Вопросы древней истории
 ВИС – Военно-исторически сборник. София
 ВНР – Bulgarian Historical Revue. Sofia
 ГААО – Государственный архив Астраханской области
 ГИБИ – Гръцки извори за българската история. София
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950
 ДУМ РТ – Духовное управление мусульман РТ
 ИА НАНУ – Институт археологии НАНУ
 ИА РАН – Институт археологии РАН
 ИАИ – Известия на Археологически институт. София
 ИБАИ – Известия на българския археологически институт. София
 ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры
 ИГРАН – Институт географии РАН
 ИМЮИБ – Известия на музеите от Югоизточна България
 ИНМВ – Известия на Народния музей. Варна
 ИНМШ – Известия на Народния музей. Шумен
 ИПр – Исторически преглед. София
 ИРАИК – Известия Русского археологического института в Константинополе
 КГУ – Казанский государственный университет
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии
 ЛГУ – Ленинградский государственный университет
 ЛИБИ – Латински извори за българската история. София
 МАИЭТ – Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии. Симферополь
 МАК – Международная археологическая конференция
 МГУ – Московский государственный университет
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
 НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии НАНУ
 НАНУ – Национальная Академия наук Украины
 НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
 ОАК – Отчеты Археологической Комиссии
 ПМА – Полевые материалы автора
 ПШИК – Проблеми на прабългарската история и култура. Шумен-София
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 РА – Российская археология. М.
 РАН – Российская Академия наук
 РП – Разкопки и проучвания. София
 СА – Советская археология. М.
 САИ – Свод археологических источников. М.; Л.
 СВНЦ ДВО РАН – Северо-Восточный научный центр Дальневосточного отделения РАН
 СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
 СМК – салтово-маяцкая культура
 СЭ – Советская этнография. М.
 ТА – Тагарская археология. Казань
 ЦДУМ – Центральное духовное управление мусульман России

СОДЕРЖАНИЕ

Аржанцева И.А. ГЕОАРХЕОЛОГИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ: СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ МЕТОДЫ	3
Атанасов Г.Г., Руссев Н.Д. ОНГЛОС: ПЕРВАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ БОЛГАРСКИХ КАНОВ НА НИЖНЕМ ДУНАЕ И БОЛГАРСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ СЕВЕРНЕЕ ДУНАЯ В VII–X ВВ.	15
Борисов Б.Д. КЕРАМИКА ДУНАЙСКОЙ БОЛГАРИИ (VIII–X ВВ.)	35
Бочаров С.Г., Коваль В.Ю. НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КЕРАМИКИ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ	46
Валеева Д.К. МИР ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ В ЯЗЫЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ И ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ (VIII–XI ВВ.)	56
Валиев Р.Р., Мирсияпов И.Ю., Ситдигов А.Г. К ВОПРОСУ О СРЕДНЕВЕКОВОЙ ДОМОНГОЛЬСКОЙ КЕРАМИКЕ В МАТЕРИАЛАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ	61
Владимиров Г.В. ТЕМА ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1878 – 90-е гг. XX в.)	70
Георгиев П.П. УННО-БОЛГАРЫ В КАРПАТСКОМ БАССЕЙНЕ V–IX ВВ. (ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ)	74
Грибов Н.Н. РУССКО-БОЛГАРСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ КУРМЫШ–4)	85
Губайдуллин А.М. РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА X–XIV ВВ.	93
Измайлов И.Л. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В IX–XI ВВ.: ФАКТОР УРБАНИЗАЦИИ	97
Йотов В. РАННЯЯ ИЛИ ПРАБОЛГАРСКАЯ КУЛЬТУРА. ЧТО НУЖНО ОТМЕНИТЬ, ЧТО МОЖНО ДОБАВИТЬ?	109
Казаков Е.П. К ТИПОЛОГИИ И ХРОНОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ IX–X ВВ.	119
Кокорина Н.А. ГОНЧАРНЫЕ МАСТЕРСКИЕ ИСКИ КАЗАНИ (ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ)	129
Кравченко Э.Е. ПРЕДМЕТЫ ИМПОРТА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ	145
Красильникова Л.И., Красильников К.И. КОНСТРУКЦИИ ИЗ ДЕРЕВА В ПОГРЕБЕНИЯХ ЯМНОГО ТИПА ПРАБОЛГАР СТЕПНОГО ПОДОНЦОВЬЯ	155
Могаричев Ю.М. КРЫМ В VIII–X ВВ. (ПРОБЛЕМА ХАЗАРСКОГО ПРИСУТСТВИЯ)	166
Пантелеев С.А. НАХОДКИ ИЗ СБОРОВ С САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА	176
Попов П.В. НЕКОТОРЫЕ КАТЕГОРИИ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ ИЗ НИЖНИХ СЛОЁВ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА	184
Руденко К.А. БУЛГАРСКИЕ СЕЛИЩА (К ВОПРОСУ О ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ)	195
Тотев Б., Пелевина О. СОКРОВИЩЕ ИЗ ВРАПА (АЛБАНИЯ) И АРИСТОКРАТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ БОЛГАР НИЖНЕГО ДУНАЯ	202
Уразманова Р.К. МЕСТО <i>БОЛГАР ЖЫЕНЫ</i> В ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ ТАТАР	219
Khairullina-Valieva A. THE SABIRI > SAVIRS ~ SUWARS, THE OGURIC-BULGAR > ONOGURS	226
Хаджиева М.Х. ХЛЕБ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ	230
Шульгин П.М., Штеле О.Е. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ БОЛГАРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА	235
Список сокращений	238

Болгарский Форум I
Материалы Международного Болгарского Форума
(19–21 июня 2010 г., г. Болгар)

Научное издание

Оригинал-макет – *Р.Ф.Гатауллина, Л.М.Зигангареева*
Подписано в печать 16.12.2011 г.
Усл. печ. л. 30,0 Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-905576-16-4

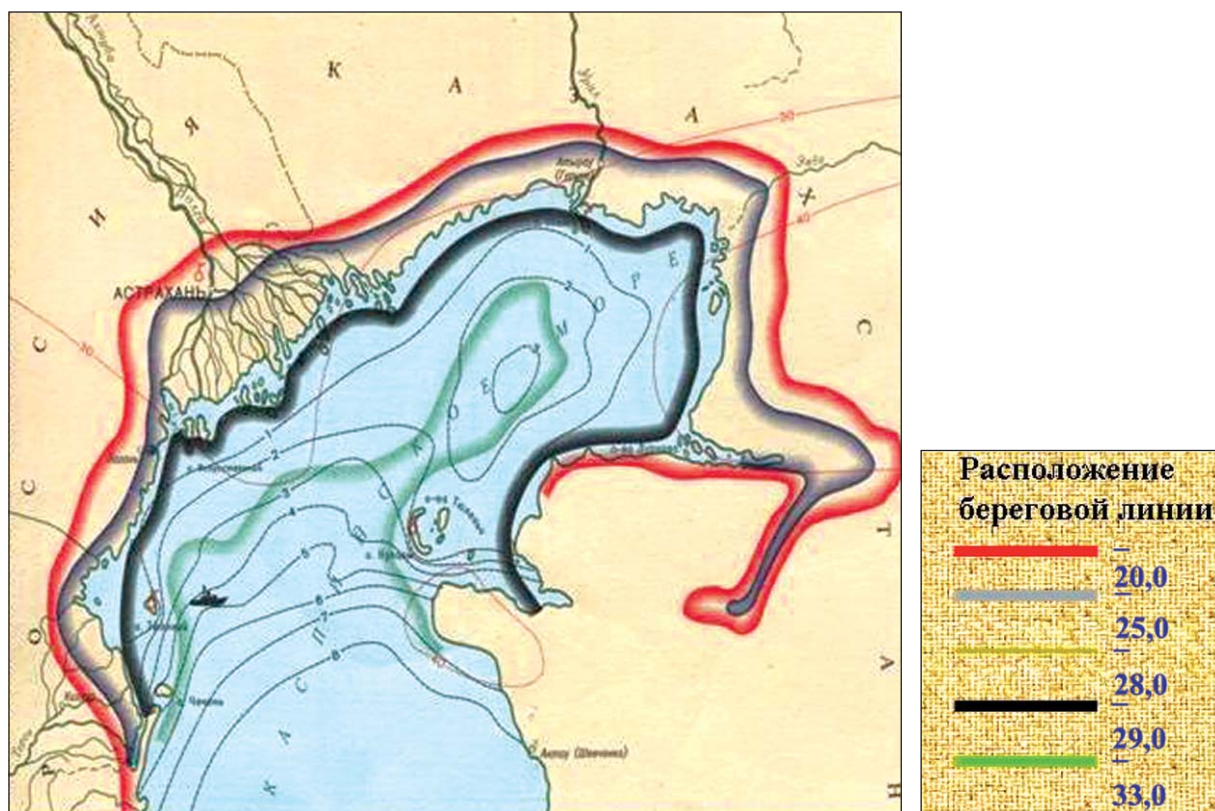

9 785905 157616 4 >

Отпечатано в ООО «Фолиант»
г.Казань, ул.Профсоюзная, 17В

Рис. 1. Горное Эхо. Слой разрушения.

Столетия	Уровень моря (абсолютн. отм, метры)		
VI	-25 -34	XIV	-25 -26 beginning of the century
VII	-26,6 -32		-25 - end of the century
VIII	-29 -35	XV	-26,5 -26,8
IX	-31,8	XVI	-28 -31,2
X	-25 -35 - mid of the century	XVII	-24,5 - end of the century
	-25,5 -29 - end of the century	XVIII	-25,3 -26,1- beginning of the century
XI	-28,5 -31,7		
XII	-30		-22,4 -24,4 - end of the century
XIII	-29 -30 - mid of the century	XIX	-24,7 -26,2 - mid of the century
	-19 -26,3 - end of the century	XX	-29 - beginning of the century
			-26 end of the century

Рис. 2. Карта трансгрессий Каспийского моря.

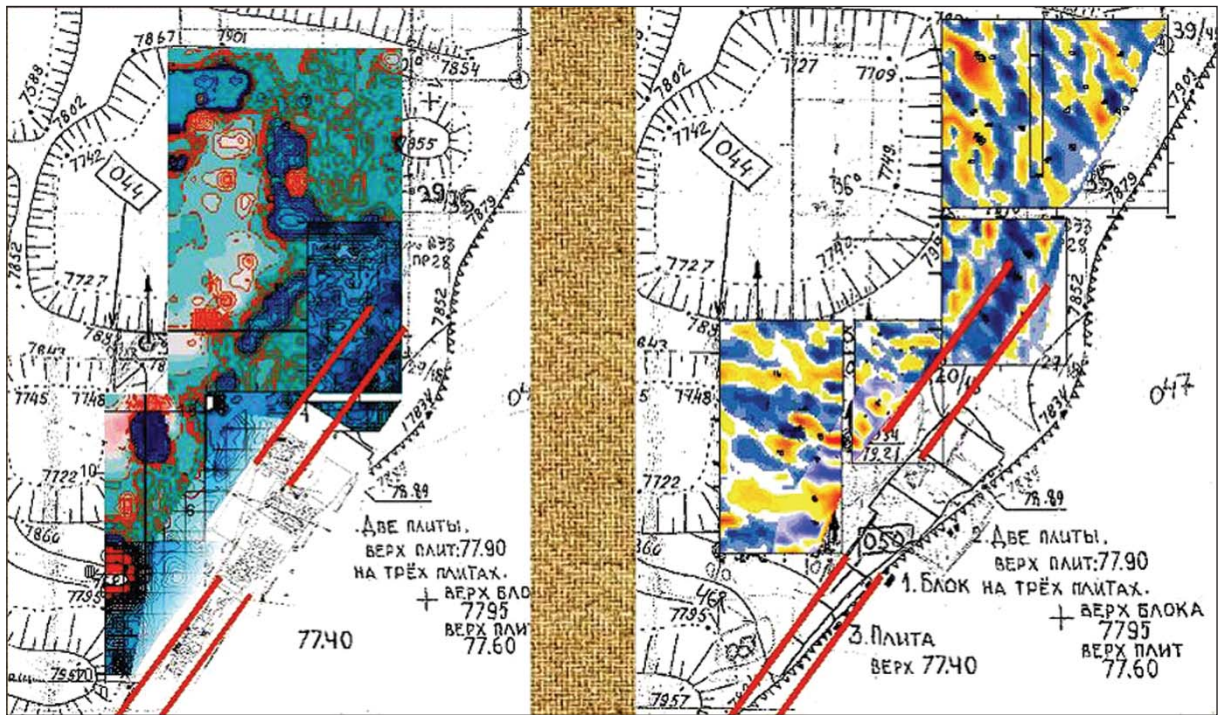

Рис. 3. Правобережное Цимлянское городище. Корреляция данных магниторазведки и метода срединного градиента.

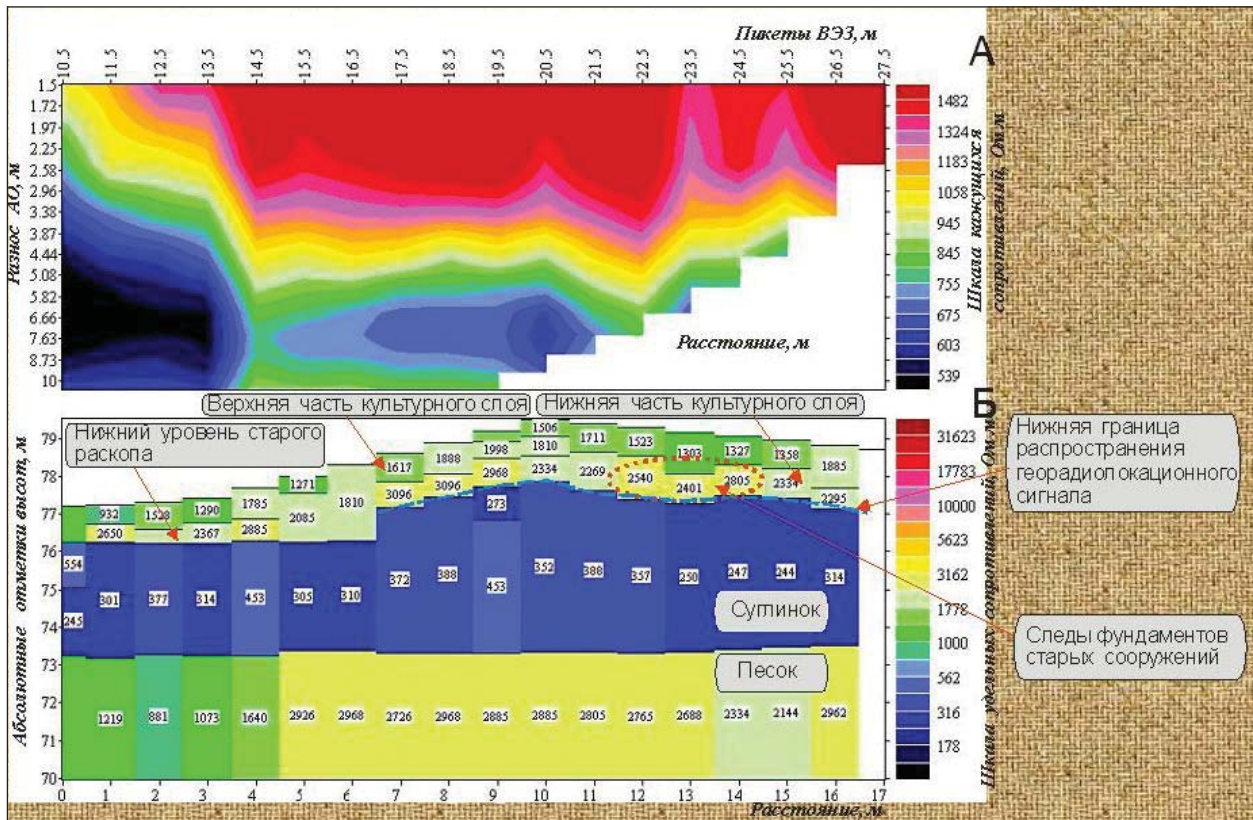

Рис. 4. Правобережное Цимлянское городище. Вертикальное электрическое зондирование.

К статье Б.Д. Борисова
«Керамика Дунайской Болгарии (VIII–X вв.)»

Табл. 1. Горшки из песчанной глины: а – Голям извор, Разградская область; б – Хисарлык в Сливене; в – Хисарлык в Сливене; г – могильник Девня-1; д – могильник – Топола, Добричская область; е – могильник – Топола, Добричская область; ж – могильник – Трошево, Варненская область; з – могильник – Хитово, Добричская область; и – могильник – Разделна; к – Абритус – Разград; л – Ятрус – Кривина, Русенская область; м – Паничково, Бургаская область.

К статье Б.Д. Борисова
«Керамика Дунайской Болгарии (VIII–X вв.)»

Табл. 2. Горшки из песчанной глины: а – Дръстър – Силистра; б – Гарван, Силистренская область; в – Преслав; г – Преслав; д – Абритус – Разград; е – Ятрус – Кривина, Русенская область; ж – Изворово, Хасковская область; з – Изворово, Хасковская область; и – Изворово, Хасковская область; к – могильник Карамани, Варненская область; л – Перник; м – Русе; н – Хисаря – Хасково.

*К статье Б.Д. Борисова
«Керамика Дунайской Болгарии (VIII–X вв.)»*

Табл. 3. Горшки из серой очищенной глины с лощеным орнаментом:
а – могильник – Топола, Добричская область; б – могильник – Топола, Добричская область;
в–е – могильник Юпер, Разградская область; ж – могильник Разделна, Варненская область;
з – могильник кв. Карамани, Варненская область.

*К статье Б.Д. Борисова
«Керамика Дунайской Болгарии (VIII–X вв.)»*

Табл. 4. Горшки из серой очищенной глины с лощеным орнаментом:
а – могильник кв. Карамани, Варненская область; б – Абригус – Разград; в – Попина,
Силистренская область; г – могильник Ножарево, Силистренская область; д – могильник
Девня-1; е – Хисаря – Хасково; ж – Калараш, Румыния; з – могильник Девня-3.

К статье Б.Д. Борисова
«Керамика Дунайской Болгарии (VIII–X вв.)»

Табл. 5. Котлы с внутренними ушками и миски: а – Девня; б – Топола, Добричская область; в, г – Хисаря; д – могильник Разделна, Варненская область; е – могильник Нождарево, Силистренская область; ж–и – могильник – Топола, Добричская область.

К статье Б.Д. Борисова
«Керамика Дунайской Болгарии (VIII–X вв.)»

Табл. 6. Кувшины из серой и красной очищенной глиной: а–б – могильник – Топола, Добричская область; в – могильник – кв. Шашкьна, Варна; г – Варна; д – Шумен; е, ж – могильник Ножарево, Силистренская область; з – могильник кв. Трошево, Варна; и – Провадия; к – могильник Плачи дол, Добричская область; л – могильник Хитово, Добричская область; м – Кюлевча, Шуменская область.

К статье Б.Д. Борисова
«Керамика Дунайской Болгарии (VIII–X вв.)»

Табл. 7. Широко- и узкогорлые кувшины: а – могильник - Нови Пазар; б–в – могильник Бдинци, Варненская область; г – Шумен; д – могильник кв. Трошево, Варна; е – могильник Ножарево, Силистренская область; ж – Дръстър - Силистра; з – Абритус – Разград; и – Дръстър - Силистра; к – могильник Девня-3; л – Преслав; м – Преслав; н – Преслав. IX

К статье Б.Д. Борисова
«Керамика Дунайской Болгарии (VIII–X вв.)»

Табл. 8. Амфоровидные кувшины: а – могильник Девня-3; б, в – могильник кв. Трошево, Варна; г – кв. Карамани, Варна – некрополь; д – Кабиле, Ямболская область; е – Хасково; ж – Ветрен, Силистренская область; з – Преслав; и – Абритус – Разград; к – Малък Преславец, Силистренская область; л – Калараш; м – могильник Девня-3; н – могильник Ножарево, Силистренская область; о – могильник Девня-3; п – Попово; р – Ивански.

К статье Б.Д. Борисова
«Керамика Дунайской Болгарии (VIII–X вв.)»

Табл. 9. Фляги, чаши и ведра: а – могильник – Топола, Добричская область;
б – Дрыстр – Силистра; в–е – могильник – Топола, Добричская область; ж – Ятрус,
Кривина, Русенская область; з – Добрич; и – могильник – Топола, Добричская область.

К статье Д.К. Валевой
«Мир художественных образов в языческом искусстве
населения Верхнего Прикамья и Волжской Булгарии (VIII–XI вв.)»

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

К статье Д.К. Валевой
«Мир художественных образов в языческом искусстве
населения Верхнего Прикамья и Волжской Булгарии (VIII–XI вв.)»

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

Рис. 10.

Рис. 11.

К статье Д.К. Валеевой
«Мир художественных образов в языческом искусстве
населения Верхнего Прикамья и Волжской Булгарии (VIII–XI вв.)»

Рис. 12.

Рис. 13.

К статье А.М. Губайдуллина
«Реконструкция оборонительных сооружений Болгарского городища X–XIV вв.»

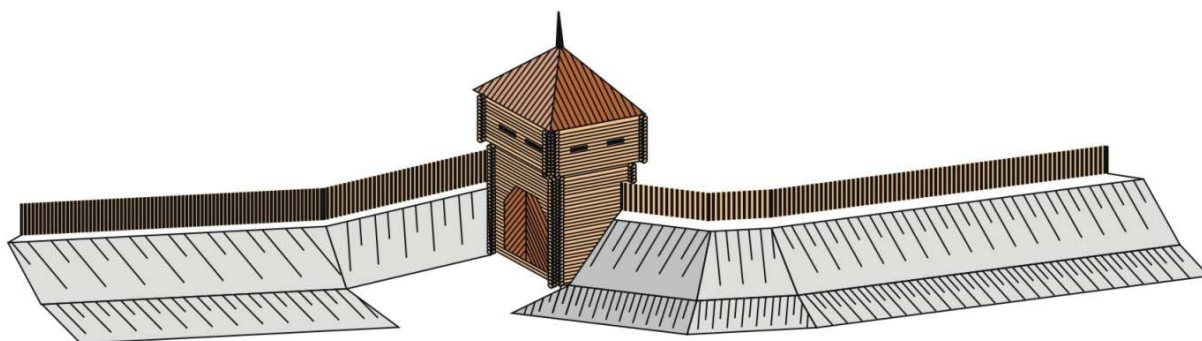

Рис. 1. Реконструкция «Восточного проезда» Болгарского городища XIV в.

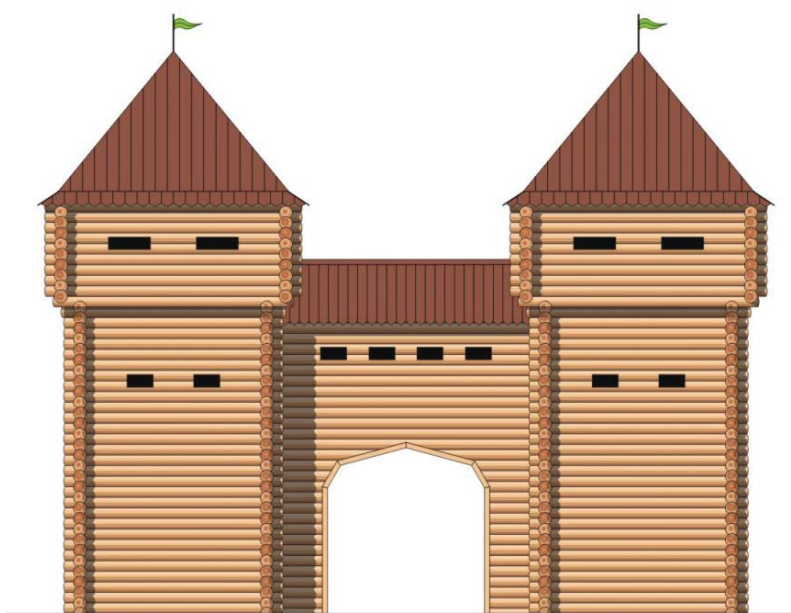

Рис. 2. Вариант реконструкции проездных ворот Болгарского городища XIV в.

К статье В. Йотова
«Ранняя или праболгарская культура. Что нужно отменить, что можно добавить?»

Рис. 1. Праболгарское святилище (нижний слой) и церковь в провинциальной крепости Преселенци, в 150 км восточнее Плиски.

Рис. 2. Праболгарский воин, реконструкция на основании могилы воина из могильника Красен, Русенской области.

а)

б)

Рис. 3. а) Шило из рога со средневекового поселения Хырлец, Северо-Западная Болгария; б) Инаугурация воина.

Рис. 1. Образцы керамики: кувшина, изготовленного вытягиванием (1), сосуда, обожженного в окислительно-восстановительной среде, с трехслойным изломом (2), горшков из массы с включениями карбонатов (3, 4) и амфоры из массы с включениями шамота (5).

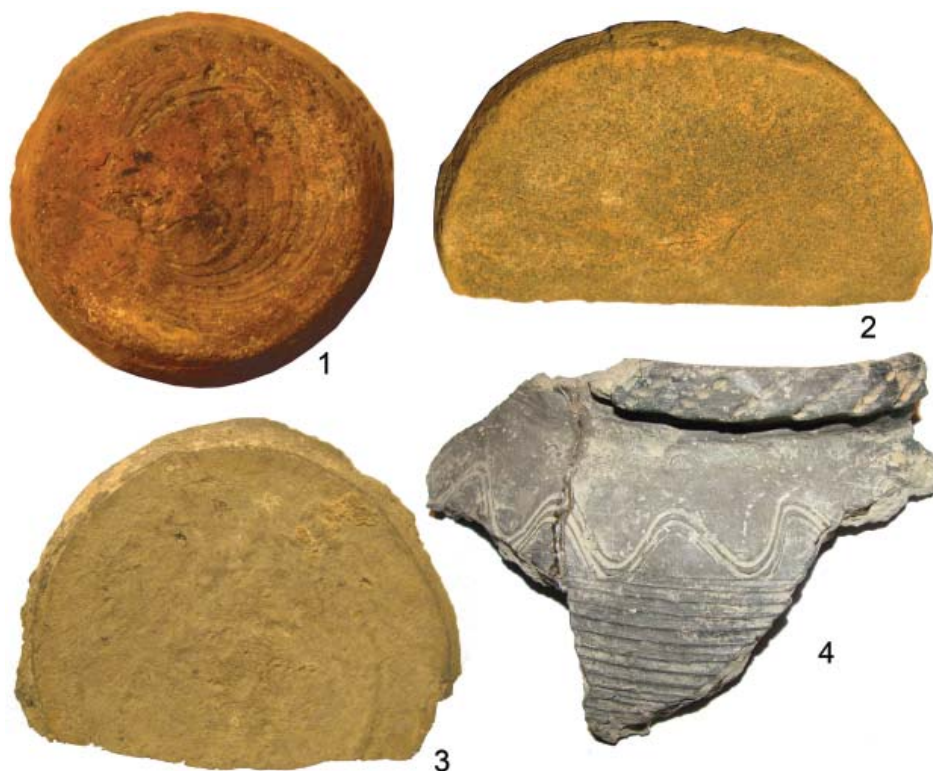
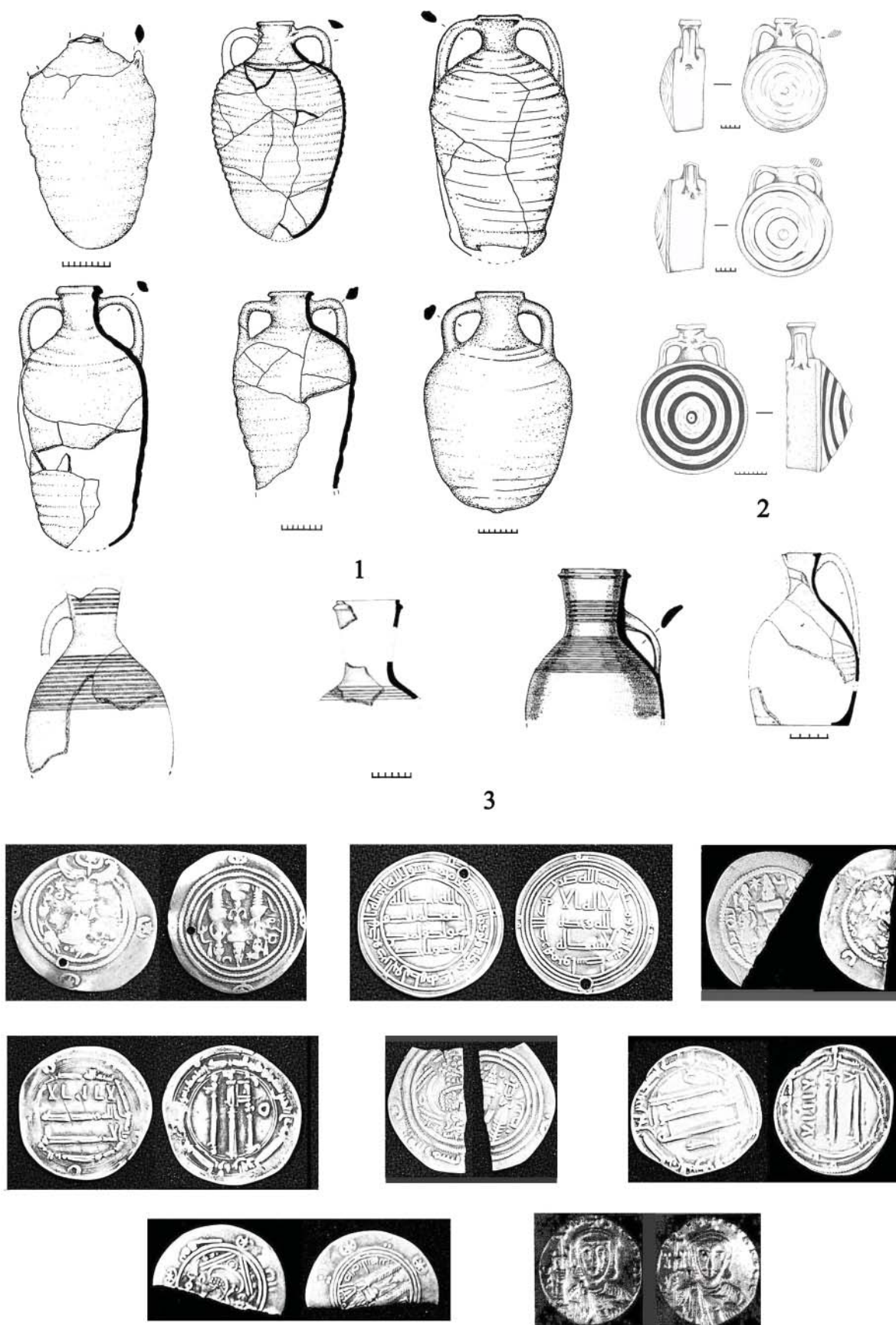

Рис. 2. Днища сосудов со следом среза ниткой (1), подсыпкой из мелкого песка (2), следами подсыпки золы (3) и венчик горшка с линейным и волнистым орнаментом на стенке, и отпечатками штампа на венчике (4).

Рис. 1. 1-3 – Новоазовск; 4-5 – Ясиноватая; 6-8 – Моспино.

К статье Э.Е. Кравченко
«Предметы импорта эпохи средневековья на территории Донецкой области»

4

Рис. 2. Предметы хазарского времени с территории Донецкой области.

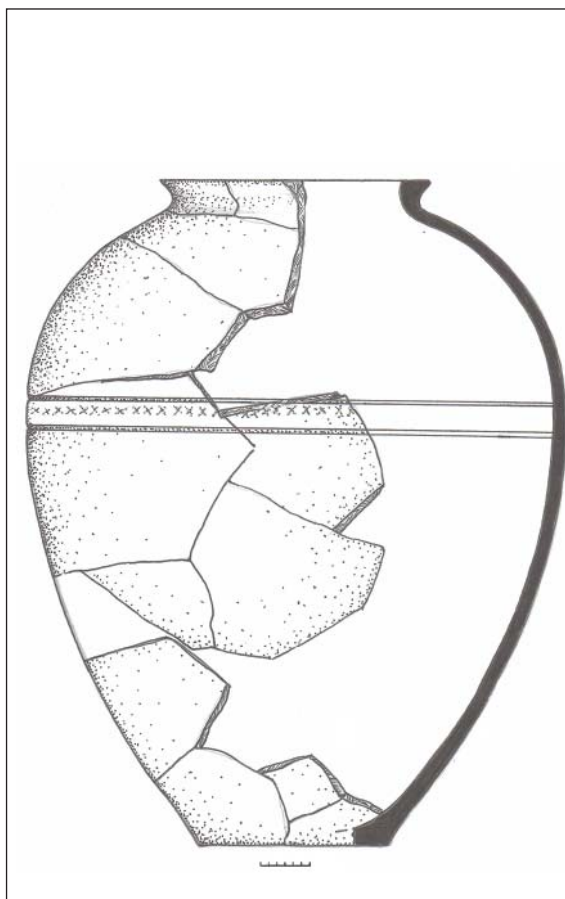
К статье Э.Е. Кравченко
«Предметы импорта эпохи средневековья на территории Донецкой области»

1

2

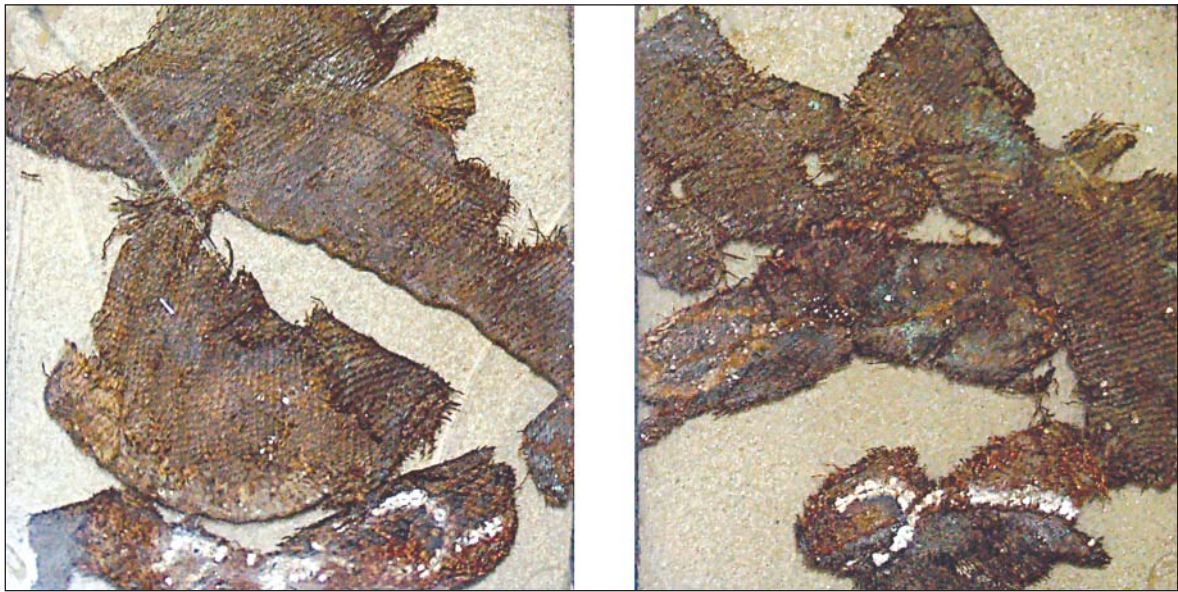
3

4

Рис. 3. Предметы хазарского времени с территории Донецкой области.
1–2 – пом. 16 археологический комплекс Сидорово; 3 – Маяки; 4 – Ильичевское.

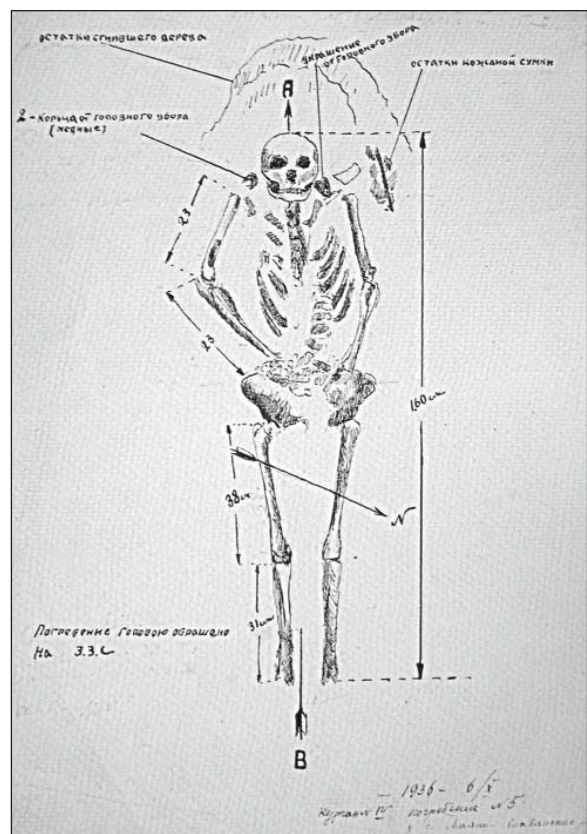
К статье Э.Е. Кравченко
«Предметы импорта эпохи средневековья на территории Донецкой области»

1

2

3

Рис. 4. Погребение 5 кургана 4 у с.Сидорово. 1 – фрагменты текстиля;
2, 3 – фото и полевой чертеж из отчета Г.Г.Афендика (1936 г.).

К статье Э.Е. Кравченко
«Предметы импорта эпохи средневековья на территории Донецкой области»

Рис. 5. Предметы из курганного захоронения у с.Новоивановка.

К статье Э.Е. Кравченко
«Предметы импорта эпохи средневековья на территории Донецкой области»

1

2

3

5

4

Рис. 6. Предметы золотоордынского времени с территории Донецкой области.
1–2 – Татьяновка; 3 – Амфросиевка; 4 – курганное погребение у с.Новоивановка;
5 – археологический комплекс у с.Маяки.

К статье Э.Е. Кравченко
«Предметы импорта эпохи средневековья на территории Донецкой области»

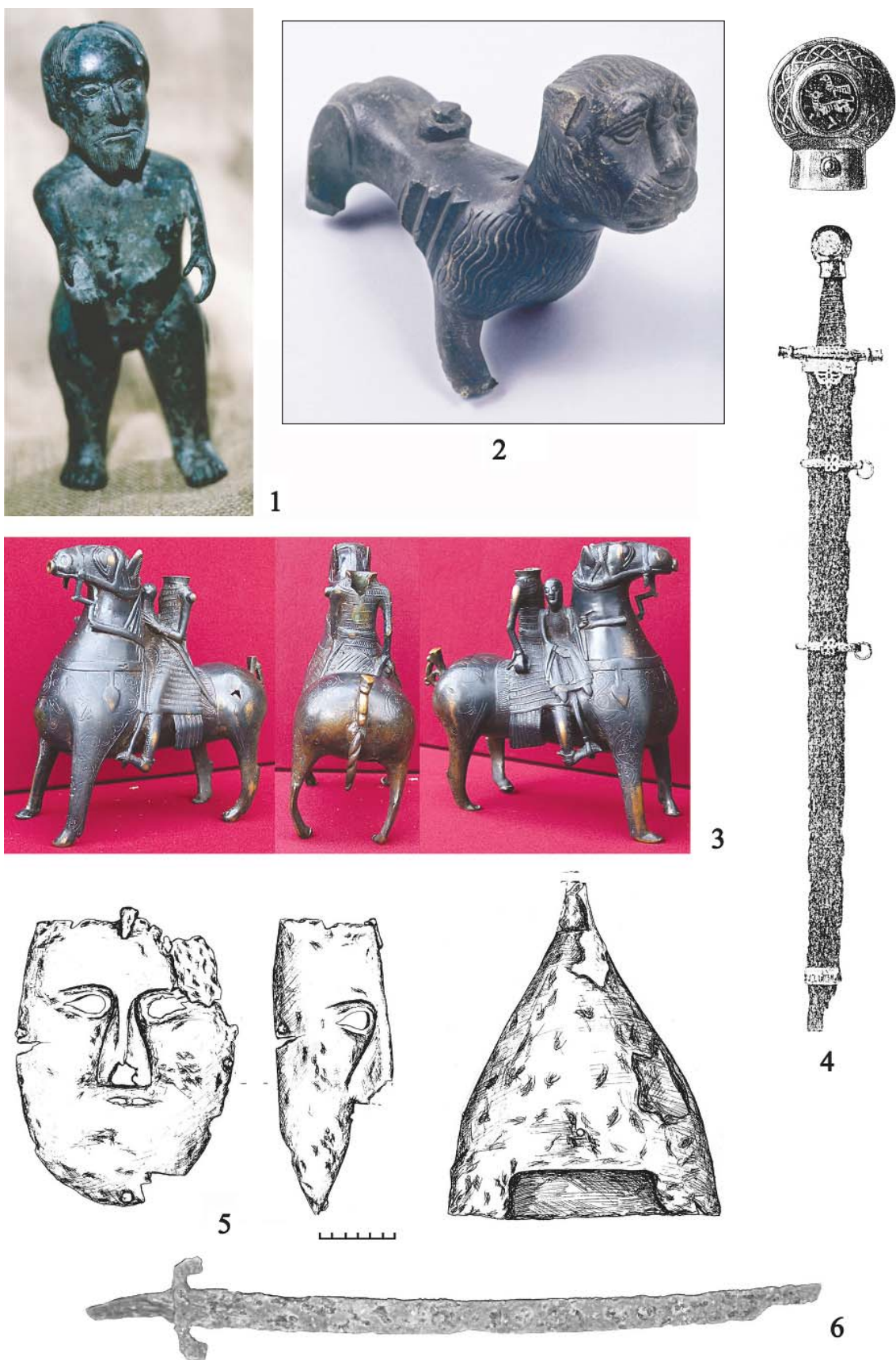

Рис. 7. Предметы золотоордынского времени.
1 – Новозарьевка; 2 – место находки неизвестно; 3 – Еремовка;
4 – Райгородок; 5 – Кировское; 6 – Ямполь.

К статье Э.Е. Кравченко
«Предметы импорта эпохи средневековья на территории Донецкой области»

Рис. 8. Предметы золотоордынского времени с территории Донецкой области.
1, 2, 6–8 – археологический комплекс у с.Маяки; 3 – Гранитное;
4, 5 – Донецкая фильтровальная станция.